

Славянский АЛЬМАНАХ

Учредитель:
Институт славяноведения РАН

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство
о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-61134 от 30 марта 2015 г.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. И. Вендина, доктор филологических наук, профессор
Н. Н. Запольская, доктор филологических наук
К. В. Никифоров, доктор исторических наук,
директор Института славяноведения РАН (главный редактор)
М. А. Робинсон, доктор исторических наук
А. А. Плотникова, доктор филологических наук
Н. Н. Станков, доктор исторических наук
Н. Н. Старикова, доктор филологических наук
Е. С. Узенёва, кандидат филологических наук, доцент
А. Л. Шемякин, доктор исторических наук

РЕДСОВЕТ:

А. Влашич-Анич, PhD, Институт старославянского языка,
Хорватия
Д. Дзиффер, профессор, Университет Удине, Италия
Л. Димич, член-корреспондент САНИ, профессор, Белградский
университет
П. Женьюх, доктор филологических наук, профессор,
директор Института славистики САН, Словакия
А. Зуппан, академик Австрийской академии наук, Австрия
М. Номати, PhD, доцент, Славяно-евразийский
исследовательский центр Университета Хоккайдо, Япония
В. Радева, доктор филологических наук, профессор,
Софийский университет, Болгария
А. Розман, PhD, профессор, Университет Любляны, Словения

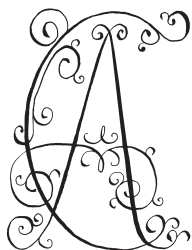
РЕДАКЦИЯ:

М. Ю. Дронов, кандидат исторических наук (отв. секретарь)
К. А. Кочегаров, кандидат исторических наук
М. М. Макарецев, кандидат филологических наук
О. В. Трефилова

Институт славяноведения РАН

Славянский Альманах

1-2 · 2018

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2018

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

Славянский альманах 2018. — Вып. 1–2 /
глав. ред. К. В. Никифоров. — М.: Индрик, 2018. — 440 с.

ISSN 2073-5731

Очередной выпуск «Славянского альманаха» (№ 1–2 за 2018 г.) отражает основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения. Издание включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, этнолингвистики и литературоведения. Хронологический охват материалов — от Средневековья до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

Slavic Almanac 2018. Issues 1–2 /
ed. K. V. Nikiforov. — Moscow: Indrik, 2018. — 440 p.

This issue of “Slavic Almanach” (1–2, 2018) reflects the main directions of complex academic Slavic studies. The edition includes articles and materials on topical problematics from the history of Slavic people, ethnoлингвистики and literary studies. The chronological span of the publications is between the Middle Ages to date. The issue will interest both researchers and a wide range of readers.

© Институт славяноведения РАН, 2018
© Коллектив авторов, 2018
© Издательство «Индрик», 2018

Содержание

История

<i>Колосков Е. А. (Москва). «Македонское царство»: спор о праве на средневековую историю между Македонией и Болгарией</i>	11
<i>Боровков Д. А. (Москва). Дипломатические контакты Московского государства с империей Карла V</i>	24
<i>Флоря Б. Н. (Москва). Неизвестные письма гетмана Петра Дорошенко апреля 1672 года</i>	43
<i>Сопов В. И. (Москва). Правительствующий Совет Сербский как орган гражданско-правового регулирования в 1807–1813 гг.</i>	47
<i>Озерова А. С. (Москва). Образ детства польского шляхтича в 1880-е гг. в мемуарном наследии Я. Булгака</i>	56
<i>Ежова С. А. (Казань). «Праздник просвещения был очень интересен и симпатичен»: 400-летний юбилей Ободской типографии (К истории одного путешествия)</i>	66
<i>Маньков С. А., Михайлов А. А., Михайлов В. В. (Санкт-Петербург). «Великая измена». Вступление Болгарии в Первую мировую войну глазами русских офицеров и публицистов</i>	82
<i>Мошечков П. В. (Москва). Чехи и словаки во Франции в годы Великой войны: от подразделений в составе Иностранного легиона до автономной армии</i>	98
<i>Короткова Д. А. (Москва). Брестский мир и судьба белорусского вопроса</i>	112
<i>Борисёнок Ю. А. (Москва). Влияние войн и военных конфликтов 1914–1921 гг. на формирование идентичности населения белорусских земель: особенности подхода историографии 2010-х гг.</i>	130
<i>Ганин А. В. (Москва). События 1917–1919 гг. на Украине в освещении генерала П. С. Махрова</i>	144
<i>Гибянский Л. Я. (Москва). Продолжение 1917-го: типология установления коммунистических режимов в Восточной Европе в результате Второй мировой войны</i>	157
<i>Дронов М. Ю. (Москва). Русско-украинский национально-языковой дуализм в общественно-культурной жизни русинов Пришевщины во 2-й половине 1940-х гг.</i>	176

<i>Стыкалин А. С. (Москва)</i> . Как мировое коммунистическое движение отмечало 40-летие Октябрьской революции в России. К истории ноябрьских совещаний компартий 1957 г.	189
<i>Барабанов О. А. (Москва)</i> . Формы экономической экспансии на постюгославском пространстве: от санкций к донорской помощи (1991–2008)	200

Этнолингвистика

<i>Виноградова Л. Н. (Москва)</i> . Непростые люди в сельском сообществе: о людях, наделенных сверхъестественными способностями. Часть 2. Мастера-профессионалы, магические специалисты, полудемонические существа	215
<i>Валенцова М. М. (Москва)</i> . Моравская демонологическая лексика. Краткий обзор	234
<i>Сидоренко А. В. (Стерлитамак)</i> . Заклинание как речевой и фольклорный жанр в детской речи	261
<i>Пилипенко Г. П., Ясинская М. В. (Москва)</i> . Поляки в степях Казахстана. Исследование языка и культуры	278
<i>Пилипенко Г. П. (Москва)</i> . Экспедиция к славянам в Южную Америку	289

Литературоведение

<i>Широкова Л. Ф. (Москва)</i> . Русская революция 1917 г. в свидетельствах очевидцев (на материале словацкой литературы)	301
<i>Перушко-Виндакиевич И. (Загреб)</i> . Перевод как культурный трансфер: репутация советской культуры в послевоенной Хорватии	313
<i>Байдалова Е. В. (Москва)</i> . Современный взгляд на личность и творчество В. К. Винниченко в украинском литературоведении	327
<i>Адельгейм И. Е. (Москва)</i> . Проблема наследования памяти в творчестве Магдалены Тулли	338
<i>Старикова Н. Н. (Москва)</i> . Фантомная боль «ампутированной» страны — образ «Югославской Атлантиды» в произведениях современных словенских авторов	353

Рецензии и обзоры

<i>Никифоров К. В. (Москва). Постсоциалистический мир Европы четверть века спустя</i>	367
<i>Шевченко К. В. (Минск). Карпатская Русь: между идеей и реальностью</i>	379
<i>Седакова И. А. (Москва). О специях, вкусах и запахах на Балканах: новая книга по этнолингвистике</i>	394

Хроника

<i>Амелина А. В., Ващенко Д. Ю., Дронов А. М., Лунькова Н. А. (Москва). Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие»</i>	397
<i>Шатько Е. В. (Москва). Международная конференция «Вторые Хоревские чтения. ПАМЯТЬ vs ИСТОРИЯ. Образы прошлого в художественной практике современных литератур ЦЮВЕ»</i>	406
<i>Лунькова Н. А. (Москва). Дискуссионный клуб литературоведов. Встречи 2017</i>	412

Некрологи

<i>Шемякин А. Л. (Москва). Джордже Станкович (1944–2017)</i>	420
<i>Едемский А. Б. (Москва). Душан Т. Батакович (1957–2017)</i>	426
Сведения об авторах	431

Content

History

<i>Koloskov E. A. (Saint Petersburg)</i> . “The Macedonian Kingdom”: An argument about the right on the Medieval history between Macedonia and Bulgaria	11
<i>Borovkov D. A. (Moscow)</i> . Diplomatic contacts of the Grand Duchy of Moscow with Habsburg Empire of during the reign Charles V	24
<i>Florja B. N. (Moscow)</i> . Unknown letters by Hetman Petro Doroshenko, written in April, 1672	43
<i>Sopov V. I. (Moscow)</i> . The Govering Council of Serbia as a body of civil regulation in 1807–1813	47
<i>Ozerova A. S. (Moscow)</i> . The image of the Polish nobleman’s childhood in the 1880s in the memoirs of Jan Bułhak	56
<i>Ežova S. A. (Kazan)</i> . “The celebration of enlightenment was very interesting and nice”: The 400th anniversary of Obod typography (About one journey)	66
<i>Man’kov S. A., Mihajlov A. A., Mihailov V. V. (Saint Petersburg)</i> . “The Great Treason”. Bulgaria entering WWI as seen by Russian military officers and journalists	82
<i>Moshechkov P. V. (Moscow)</i> . Czechs and Slovaks in France during the Great War: From units within the Foreign Legion to an autonomous army	98
<i>Korotkova D. A. (Moscow)</i> . The Brest Peace Treaty and the Belarusian question	112
<i>Borisenok Y. A. (Moscow)</i> . The influence of wars and military conflicts of the 1914–1921 on the formation of identity in Belarusian lands: The historiography approach of the 2010s	130
<i>Ganin A. V. (Moscow)</i> . Events of the 1917–1919 in Ukraine narrated by General P. S. Makhrov	144
<i>Gibianskii L. Ya. (Moscow)</i> . Continuing 1917: A typology of establishing communist regimes in Eastern Europe after WWII	157
<i>Dronov M. Ju. (Moscow)</i> . Russian-Ukrainian national and language dualism in the cultural life of the Rusyns in Prešov region in the second half of the 1940s	176
<i>Stykalin A. S. (Moscow)</i> . How the world Communist movement celebrated the 40-th anniversary of the October Revolution	

in Russia. On the history of November meetings of the communist parties in 1957	189
<i>Barabanov O. A. (Moscow)</i> . Forms of economic expansion on Post-Yugoslavian space: from sanctions to the donor help (1991–2008) ...	200

Ethnolinguistics

<i>Vinogradova L. N. (Moscow)</i> . Uneasy people in the village community: about the people with paranormal abilities. Part 2. Professionals, sorcerer specialists, half-demons	215
<i>Valentsova M. M. (Moscow)</i> . Moravian demonological vocabulary: a short review	234
<i>Sidorenko A. V. (Sterlitamak)</i> . Incantation as a speech and a folklore genre in child speech	261
<i>Pilipenko G. P., Jasinskaja M. V. (Moscow)</i> . Poles in Kazakhstan steppes. Studies of their language and culture	278
<i>Pilipenko G. P. (Moscow)</i> . An expedition to the Slavs of South America	289

Studies of literature

<i>Širokova L. F. (Moscow)</i> . Revolution of 1917 in the testimonies of the witnesses (on the Slovak prose of the 1930s and 2000s)	301
<i>Peruško-Vindajević I. (Zagreb)</i> . Translation as cultural transfer: The reputation of Soviet literature in Croatia after the war	313
<i>Bajdalova E. V. (Moscow)</i> . A contemporary view on the personality and oeuvre of V. K. Vynnychenko in Ukrainian literary studies	327
<i>Adel'gejm I. E. (Moscow)</i> . The experience of inheriting memory of the Holocaust and the psychological function of its narrativization in the prose of Magdalena Tulli	338
<i>Starikova N. N. (Moscow)</i> . A phantom pain of the amputated country. Yugoslav sociocultural space in the texts of contemporary Slovene authors	353

Reviews

<i>Nikiforov K. V. (Moscow)</i> . The postsocialist world of Europe quarter a century later	367
<i>Ševčenko K. V. (Minsk)</i> . A new handbook on the history of Carpathian Ruthenia and Rusyns	379

<i>Sedakova I. A. (Moscow)</i> . On spices, flavours and odours in the Balkans: A new ethnolinguistics study	394
--	-----

Chronicle

<i>Amelina A. M., Vaščenko D. Ju., Dronov A. M., Lun'kova N. A. (Moscow)</i> . A conference of young researchers: "The World of Slavs: The Common and the Diversities"	397
<i>Šat'ko E. V. (Moscow)</i> . The 2nd Memorial Viktor Chorev International Conference: MEMORY and HISTORY. Images of the past in the artistic practice of contemporary literatures of Central and South-Eastern Europe	406
<i>Lun'kova N. A. (Moscow)</i> . Discussion club of literary scholars	412

Obituaries

<i>Šemjakin A. L. (Moscow)</i> . Đorđe Stanković (1944–2017)	420
<i>Edemskij A. B. (Moscow)</i> . Dušan T. Bataković (1957–2017)	426

About the authors	435
-------------------------	-----

Е. А. Колосков
(Санкт-Петербург)

**«Македонское царство»:
спор о праве на средневековую историю
между Македонией и Болгарией**

Статья посвящена проблеме спора о праве на средневековую историю между Македонией и Болгарией. В рамках исследования наибольшее внимание уделяется сюжетам, связанным с раннеславянскими государственными образованиями — в рамках исследования легенд о древних (полу)мифических правителях, — державой Самуила, как наиболее оспариваемому контрагентам, и пред-османскому периоду истории региона — периоду, на долгие годы положившему конец существованию независимых государств в регионе.

Ключевые слова: *Македония, Болгария, национализм, актуальное прошлое, Балканский полуостров.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.1.01

Как известно, нацию создает история, и без представления о связи исторического прошлого с настоящим и будущим современный процесс государство- и нацио-строительства представить практически невозможно. Получив государственность или стремясь к ее обретению, национально-ориентированные интеллектуальные и политические элиты стремятся легитимизировать свои претензии путем обращения к славному историческому прошлому, формирующему национальную историю.

Однако далеко не всегда или, скорее, практически никогда, если мы говорим о Балканах, это обращение к прошлому не дается просто. И хотя насыщенная история народов Юго-Восточной Европы полна войн и конфликтов — правителей, героев, государств и даже названий не хватает на всех. И здесь в особенно сложном положении оказываются страны, получившие государственность позже других. Им приходится доказывать свое право на историческое наследие как внутри

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10080 ««Мобилизованное средневековье»: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в новое и новейшее время». Код ГРНТИ 03.91.00.

страны, формируя национальную мифологию, так и за ее пределами, легитимизируя свое право на существование. Непросто также и «старожилам», которые внезапно оказываются в ситуации, когда то, что они считали своим героическим прошлым, внезапно становится объектом исторических претензий молодых государств. Хрестоматийным примером, отражающим позицию таких «старожилов», можно считать слова известного греческого историка Е. Кофоса в отношении притязаний македонцев на античное наследие, которое греки традиционно полагали своим: «Это как если бы грабитель пришел в мой дом и украл мои самые драгоценные камни — мою историю, мою культуру, мою идентичность»¹.

Помимо претензий на античное наследие, македонские историки и политические деятели в стремлении удревить свою государственность все чаще обращают свое внимание на средневековую историю, вступая в жаркие дебаты со своими болгарскими соседями, которые достаточно резко реагировали на саму идею македонской средневековой истории². Так, известный ранее как активный сторонник антично-македонского наследия академик Б. Ристовский уже в начале XXI в., т. е. через 10 лет после обретения бывшей югославской республикой независимости, в рамках «преднационального периода» (датируемого временем до конца XVIII в.) выделял «[под]период этнокультурного структурирования», ограничивая его «македонско-римско-византийско-болгарским правлением» в Македонии и формированием державы Самуила, в рамках которой, по мнению Ристовского, происходили «процессы конституирования отдельного народа»³. 3 из 4 таких (под)периодов можно отнести к средневековой истории: «иностранный правление, народные восстания и кратковременные самостоятельные государственные образования от Петра Деляна и до Добромира Стреза» и «сербское правление и реконституирование Македонии»⁴. Профессор института национальной истории М. Бошковский в своей книге выделил следующих главных действующих лиц средневековой истории Македонии: князь Хацон, князь Пребонд, князь Акамир, царь Самуил, царь Гаврил Радомир и царь Иван Владислав⁵.

Монументальное строительство, развернувшееся в Скопье в рамках проекта «Скопье-2014», добавило наглядности размышлениям академических историков. По нашим наблюдениям, из крупных монументов (больше человеческого роста) в столице Македонии присутствуют композиции в честь святых Кирилла и Мефодия, Климента и Наума, Юстиниана I и Самуила, а из малых (сопоставимых или

меньше человеческого роста) — деятелям Средневековья посвящено едва ли не наибольшее количество памятников. В открытом 18 октября 2014 г. Археологическом музее Македонии средневековая история богато представлена (хотя и уступает античной), а из 15 восковых фигур⁶ едва ли не половина — деятели средневековой истории.

Задача данного исследования — проанализировать сложности в развитии взаимоотношений на почве дележа «исторического наследства» между двумя наиболее близкими в культурном плане народами Западных Балкан — Республики Македония (РМ) и Республики Болгария (РБ) — на примере спора за право на средневековую историю. Отметим, что с нашей точки зрения вопрос о македонском государстве в эпоху Средневековья, равно как и спор о многих других событиях и деятелях последующей истории региона, безусловно является вариацией продолжающейся дискуссии в кругах болгарской политической и интеллектуальной элиты о существовании македонской нации.

Мы остановим свое внимание на следующих основных сюжетах, являющихся, на наш взгляд, ключевыми в развернувшейся «войне памяти»: Македонской Славинии («Македонска Славинија» по определению македонских историков), Державе Самуила («Самоилово царство или Славинија», реже «Самоилово царство» у македонцев и «Първа българска държава», соответственно, в болгарском варианте) и истории Македонии периода антивизантийских восстаний.

В первую очередь необходимо обратиться к югославской историографии средневековой истории македонских земель. Необходимо подчеркнуть, что определение «македонцы» применительно к населению, проживающему на территории современной РМ начиная с раннего Средневековья, содержится в официальной «Истории югославского народа», изданной в 1953 г.⁷ Идея обособленности державы Самуила от Первого Болгарского царства активно разрабатывалась в югославской историографии в трудах С. Антоляка и Д. Ташковского в 1960–70-х гг.⁸

С точки зрения югославской и современной македонской историографии, **Македонская Славиния** — первое государство македонских славян. Отметим, что иногда под этим термином упоминается и держава Самуила⁹. Как правило, данное государственное образование датируется, со ссылкой на «Хронографию» Феофана Исповедника, VII веком¹⁰. В русском переводе В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского данный политоним/топоним упоминается как «Славиния»¹¹.

Упоминаются и правители данного государственного образования. Ими выступают Хацон, называемый «первым королем первого

государства македонских славян» и даже «первым македонским адмиралом»¹², и второй правитель «король Пребонд»¹³. Оба «короля» имеют персональные памятники в Скопье и восковые фигуры в Археологическом музее Македонии. Отметим, что и Хацон, и Пребонд являются достаточно популярными персонажами еще югославской исторической мифологии: они упоминаются в «Истории народа Югославии» в рамках сюжета «Возникновение “Славинии” и борьба за Солунь в VII в.» и являются главными героями популярного комикса 1967 г.¹⁴ Отметим, что данные персонажи и связанные с ними сюжеты можно воспринимать в качестве отражения популярных в Македонии в 1990-х годах претензий на Эгейскую Македонию в рамках концепта единства всех македонских земель. На наш взгляд, этих двух персонажей можно рассматривать в рамках национальных мифов о первых (полу)мифических правителях.

В болгарской традиции данный сюжет не особенно популярен, хотя также используется для обоснования претензий на Эгейскую Македонию с точки зрения топонимики региона¹⁵.

Под терминами **Держава Самуила** — (Македонское) царство Самуила (реже — Славиния) — Западно-Болгарское царство в советской, российской, югославской, немецкой и современной македонской историографии, как правило, понимается период истории западных территорий Первого болгарского царства с 976 по 1018 гг., после захвата его восточной части Византией и до окончательного упадка после битвы при Беласице 1014 г. С точки зрения официальной македонской историографии данное политическое образование со столицей в Охриде принципиально отличается от собственно Первого болгарского царства и является сюжетом именно македонской истории. В ряде публикаций даже упоминается, что в 963 г. в Македонии имело место антиболгарское восстание под руководством комитопула Николы и его сыновей Давида, Арона, Моисея и Самуила, которое и привело к отделению от Болгарии¹⁶.

После активизации программы официального Скопье по включению царя Самуила в македонский национальный пантеон и объявлению его государства Македонским царством «война памяти» стала неотъемлемой чертой любой исторической дискуссии на данную тему. Битва при Беласице, таким образом, стала отныне черным днем и для македонской национальной истории, а царь Самуил — трагическим героем еще и македонского пантеона. Отметим ряд публикаций македонских ученых, затрагивающих историю державы Самуила: статья Г. Гроздановского, посвященная поискам места памяти правителя¹⁷,

литературоведческий анализ образа царя в болгарской библиографии Мелвила¹⁸ и попытки выйти за пределы традиционной источниковой базы в работах Р. Ильовского¹⁹. В рамках программы монументального строительства 28 июня 2011 г. на площади Македония в самом центре Скопье торжественно открыли памятник царю Самуилу²⁰.

Данное событие, разумеется, не осталось без внимания болгарских журналистов, политиков и исследователей²¹, что во многом стало толчком, в свою очередь, к празднованию тысячелетней годовщины битвы (2014 г.) в Болгарии, которое носило торжественный и официальный характер. Отметим и активизацию полемики относительно исторической принадлежности царя Самуила, как в публицистических, так и в научных кругах Болгарии²². На октябрьских мероприятиях (приуроченных к дате смерти царя Самуила) в обновленном национальном парке-музее «Самуилова крепость» присутствовали президент Болгарии, премьер-министр страны и патриарх БПЦ. После просмотра исторического спектакля «Неослепленная память» («Неослепена памет») президент Р. Плевнелиев выступил с речью, в которой подчеркнул, что «царь Самуил служил интересам страны и ее людям [...] Своим примером побудил полководцев и простых болгарских солдат всегда сражаться за Болгарию до последнего, защищать независимость и честь болгар»²³. 8 июня 2015 г. в центре Софии был открыт памятник, под которым значилось: «Самуил, царь Болгарии»²⁴.

В 2014–2015 гг. публикуется большое количество работ, посвященных державе Самуила, от сборников научных трудов²⁵, солидных монографий до достаточно своеобразных произведений околонуточного характера²⁶. Также можно упомянуть научно-популярную книгу болгарского историка, публициста и шоумена П. Павлова «Век царя Самуила»²⁷. Отметим, что в академическом сообществе Болгарии значительную активность в деле «болгаризации» Самуила и его «Беласицкого наследия» проявляет Македонский научный институт в Софии (далее — МНИ). МНИ был основан 21 декабря 1923 г. на базе Софийского университета имени святого Климента Охридского и ставил своей целью «изучение истории, этнографии, географии и экономической жизни региона; собирание материалов об истории освободительной борьбы македонских болгар [...] заботиться о создании македонского культурного центра, в котором найдется место и македонскому этнографическому музею»²⁸. История его существования была весьма непростой. Активное участие деятелей института в аргументации политики болгарского правительства по оправданию аннексии территорий разгромленной в 1941 г. Югославии не прошло

даром, и 9 сентября 1944 г. деятельность МНИ была ограничена, а в 1947 г. он был окончательно закрыт. В ходе недолгого существования в рамках социалистической Болгарии институт издавал периодический журнал «Македонская мысль», в котором содержалась критика великоболгарской политики и пропаганды Болгарии до 1944 г.²⁹, признавалось существование македонской нации, а создание Македонской республики — «результатом долгой исторической революционной борьбы всей македонской нации и воплощением стремления, идеалов и отличительных особенностей этой борьбы»³⁰.

После начала Перестройки в СССР и с развитием многопартийности в странах соцлагеря МНИ был восстановлен. Было возобновлено и издание журнала. После провозглашения независимости югославской республикой Македония осенью 1991 г. и падения идеологических препон институт вступил в борьбу за историческое наследие со своими македонскими коллегами. Учитывая, что практически все средневековые герои созданной македонскими учеными истории родной страны являются с точки зрения болгар — болгарскими, между двумя научными сообществами не могла не вспыхнуть «война памяти».

Так, в 2015 г. под эгидой МНИ публикуется книга «Самуил — царь-воин» П. Петрова³¹ и сборник научных трудов «Тысяча лет битве при Беласице и смерти царя Самуила (1014–2014)». Короткая монография П. Петрова акцентирует внимание на военном аспекте деятельности царя Самуила: военных походах, захваченных территориях. Подчеркивается болгарский состав войска Самуила, традиционная для болгар военная тактика, логистика и вооружение.

В сборнике по итогам международной научной конференции «Тысяча лет битвы при Беласице и со дня смерти царя Самуила» наибольший интерес для нашего исследования представляет статья одного из самых влиятельных болгарских медиевистов Г. Н. Николова, посвященная протоболгарским государственным традициям в державе Самуила. Автор акцентирует внимание на преемственности государственных традиций от Аспаруха и до Самуила, заочно, таким образом полемизируя с македонской концепцией антиболгарского восстания³². Кроме того, Г. Н. Николов публикует в «Македонском обозрении» статью «Эпоха великого царя Самуила»³³, где пытается по-новому переосмыслить и личность оспариваемого царя, и его эпоху. Отметим, что в данный период ученый публикует также короткую монографию «Болгарский царь Самуил» в серии «Малая македонская библиотека»³⁴. В конце 2015 г. в «Македонском обозрении» выходит еще одна работа Николова о царе Гавриле-Романе Радомире, охваты-

вавшая, следовательно, период истории державы Самуила после его смерти³⁵. Отметим, что претензии на Гаврилу Радомира и на Ивана Владислава как героев национальной истории еще ранее заявила македонская сторона³⁶, установив им памятники в Скопье. В свою очередь, македонское научное сообщество отреагировало на юбилей Беласицкой битвы публикацией сборника «Держава Самуила в исторической, военно-политической, духовной и культурной традиции Македонии»³⁷.

Две публикации болгарских исследователей в 2016 г., В. В. Периклиевой и И. Д. Маркова («Царь Самуил и Беласицкая битва в пограничном регионе Петрич (Болгария) — Струмица (Македония): культурная память и культурная политика») и М. Ч. Христовой («Сакральные места и культурная память на тройной границе между Болгарией, Сербией и Македонией»), в значительной мере отражают результаты попыток исследователей локализовать места памяти, связанные с царем Самуилом, в обеих странах³⁸.

Помимо исторических сочинений и установки памятников царю Самуилу обе дискутирующие стороны предприняли воссоздание мест памяти, связанных с местом пребывания правителя. В Македонии в Охриде с 1991 г. восстанавливалась (фактически создавалась заново) крепость Самуила (основная часть работ завершилась в 2003 г.), а в Болгарии в период с 1982 по 2012 гг. проходил процесс воссоздания Самуиловой крепости в селе Ключ, недалеко от места судьбоносной битвы³⁹.

В македонском национальном нарративе X — первая половина XIV вв. носят наименование периода «иностранный правления, народных восстаний и кратковременных самостоятельных государственных образований от Петра Деляна и до Добромира Стреза»⁴⁰. Петр Делян — личность достаточно популярная в историографии обеих стран, хотя связанная с ним проблематика лучше разработана болгарскими учеными: в качестве примера можно привести работы Й. Андреева⁴¹ и П. Павлова⁴², а также множество статей, вышедших в начале XXI в.⁴³ Гораздо больше Петр Делян известен в художественной литературе, благодаря романам Р. Радкова⁴⁴ и книге А. Поп-Йовановского⁴⁵. Отметим также переиздание в 2005 г. популярного романа Д. Ташковского «Царь Делян»⁴⁶.

Персона Д. Стреза, наоборот, лучше изучена в Македонии, видимо, в силу локального интереса к городу Просек. В современной Болгарии можно вспомнить лишь его упоминание в научно-популярном сборнике Й. Андреева, И. Лазарова и П. Павлова «Кто есть кто в средневековой истории Болгарии»⁴⁷ и в аналогичной по жанру книге

П. Павлова «Забытые и непонятые»⁴⁸. В Македонии фигуре Д. Стреза посвящены, в частности, статьи Е. Маневой⁴⁹ и К. Аджиевского⁵⁰.

В целом можно заключить, что дальнейшая история двух стран, начиная с позднего Средневековья и вплоть до периода национального возрождения, расходитя и не вызывает значительных споров: македонское прошлое начинает рассматриваться в рамках сербской истории.

В перспективе потенциальное стремление македонцев включить Стефана Душана (ему поставлен памятник в Скопье) и «последнего короля Македонии»⁵¹ Марко в свой национальный пантеон может вызвать недовольство сербских историков и общественных деятелей, однако пока этого не происходит. Сегодня македонские историки, занимающиеся XIII–XIV вв., в том числе А. Атанасовский, перу которого принадлежит монография «Македония в XIV в.»⁵², и уже упомянутый К. Аджиевский, занимающийся в основном историей региона Велес⁵³, все большее внимание уделяют истории Македонии как объекта постоянной экспансии сербов, болгар и османов в период феодальной раздробленности. Отдельно необходимо отметить цикл исследований, связанных с поисками истоков македонского языка в церковных грамотах XIII и XIV вв.⁵⁴

Современные претензии на средневековую государственность со стороны македонских историков вполне понятны, как с политической, так и с научной точки зрения. Македонскому обществу необходима опора на «славянскость» в условиях албанского вызова конца 1990-х — начала 2000-х гг., с одной стороны, и бескомпромиссности позиции Греции в вопросе спора о государственном наименовании с постоянными нападками и обвинениями в эскалации македонской стороной данной темы путем заявлений официальных лиц и монументального строительства, с другой. Отсутствие непрерывности македонской истории, вернее огромная лакуна между античной историей и османским владычеством, безусловно, являлось определенным вызовом как для профессиональных историков, так и для политиков. Средневековая история Балкан полна событий, а территория современной РМ стала ядром формирования нескольких государств, что создало благодатную почву для формирования сюжетов национальных мифов и поиска новых национальных героев. Фактически македонские историки в рамках заданного концепта непрерывности национальной истории при поддержке государства активно занимаются разработкой этого недостающего звена.

Болгарская научная и политическая элита столкнулась с проблемой, когда то, что они считали своей историей, стало частью

истории соседней страны, которой многие в Болгарии отказывают в праве не только на собственную историю, но и на самостоятельный язык. Понятно, что в этих условиях реакция болгарской стороны на притязания официального Скопье была, как кажется, несколько иррациональна, что, впрочем, типично для подобных «войн памяти». Повышенное внимание к царю Самуилу как одной из центральных фигур национального пантеона Болгарии, проявившееся именно после 2011 г., — самое яркое тому подтверждение.

На сегодняшний день очевидно, что претензии македонских историков на «Самуилово наследство» и Беласицкую битву крайне болезненны для определенных болгарских академических кругов и официальной Софии, стремящейся превратить царя Самуила чуть ли не в подобие князя Лазаря Сербского, а Беласицкую битву — в битву на Косовом Поле, на общем фоне популяризации и коммерциализации средневековой военной истории. В подобных условиях крайне низка вероятность нахождения некоего компромиссного решения для основных контрагентов этой «войны памяти» в ближайшем будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Kaufman J.* Name war over Macedonia widens into a political crisis // *The Boston Globe*. Jan. 5. 1993. P. 1, 9.

2 См., например: *Младенов Н. Е.* Няма да позволим Македония да ни отнеме историята: интервю с Николай Младенов, министър на външните работи // 24 часа: всекидневник за новините, каквито са. Год. 22. Бр. 327 (30 ноем. 2012). С. 13; *Кадев Г.* Отношенията между България и Република Македония — проблеми и противоречия // *Международна политика*. Год. 9. Бр. 1/2 (2013). С. 226–233; *Радулов Г. Н.* История(та) на Македония: апология на македонството. София, 2010; *Тодев И.* Митът «Македония» // *Демократически преглед: списание за либерално гражданско общество и култура*. 1997. 34 (1997/1998). С. 554–563.

3 *Ристовски Б.* Периодизација на процесот на раѓањето, развитокот и афирмација на Македонска национална свест // *Македонска национална свест: корените, развитокот и афирмација*. Делчево, 2002. С. 15–16.

4 Там же. С. 16.

5 *Бошковски М.* Великаните на македонскиот среден век, кн. 1. Кнез Хацон, кнез Пребонд, кнез Акамир, цар Самоил, цар Гаврил Радомир и цар Јован Владислав. Скопје, 2007.

6 Отворен е новиот Археолошки музеј на Македонија // МКД. 19 Октомври 2014 — 08:43. [Електронен ресурс]. URL: <https://www.mkd.mk/makedonija/skopje/otvoren-e-noviot-arheoloshki-muzej-na-makedonija-foto#20>

7 Historija naroda Jugoslavije. I. Zagreb, 1953. S. 127–136.

8 Антолјак С. Самуилова држава. Скопје, 1969; Ташковски Д. Цар Самуил. Скопје, 1967; Он же. Раѓањето на македонската нација. Скопје, 1967; Он же. За Македонската нација. Скопје, 1976. С. 18.

9 Самуиловото царство — Славија // Macedonium.org. [Електронен ресурс]. <http://www.macedonium.org/Macedonium.aspx?jazyk=2&kid=1&pid=2&ppid=9&tid=254>

10 См., например: Микулчиќ И. Средновековни градови и тврдини во Македонија. Скопје, 1996. С. 72.

11 Феофан Исповедник. Хронографија / Восточная литература [Електронен ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus2/Feofan/text9.phtml?id=11653>

12 Стојчев В. Оружјето и воената вештина во Македонија низ историјата // Одбрана. Год. 11. Бр. 75 (јули 2002). С. 25–30.

13 Енциклопедија Македоника. Т. II. Скопје, 2009. С. 1212, 1574.

14 Tashovski D. Наџон // Nikad Robom. Број 109. 1967; Он же. Крали Brebond // Nikad Robom. Број 112. 1967. [Електронен ресурс]. URL: https://www.facebook.com/pg/macedoniaendless/photos/?tab=album&album_id=749407665085126

15 См., например: Историја на Бугарија. Т. II: Първа бугарска држава. Софија, 1981. С. 41–42; Дуриданов И. Значението на топонимията за етническата принадлежност на македонските говори. Софија, 1996. С. 185.

16 Антолјак С. Средновековна Македонија. Т. 1. Скопје: Мисла, 1985. С. 295–314.

17 Гроздановски Г. Преспа — царска престолнина и гробница: гробот на Самоиловата ќерка Косара во Ресенскиот дел на Долна Преспа // Македонија: илустровано списание на Матицата на иселениците од Македонија. Год. 40. Бр. 479 (март 1993). С. 18–19.

18 Мелвил Д. Романот «Самоил» романизирана хроника за второто македонско царство од Димитар Талев // Македонија: илустровано списание на Матицата на иселениците од Македонија. Год. 45. Бр. 561 (1 ноември 1999). С. 52–53.

19 Иљовски Р. Латински извор за историјата на Самуиловото царство // Гласник на Институтот за национална историја. Год. 46. Бр. 1 (2002). С. 139–142.

20 Споменикот на цар Самоил стигна на плоштадот «Македонија» // Дневник 28.06.2011 [Електронный ресурс]. URL: <http://www.dnevnik.mk/default.asp?ItemID=E96A2FA4FAECB34697607E35AE088F1A>

21 *Грудев И.* Истината за Македония и Македонизма. Варна, 2011.

22 *Цеков Н.* Чий е цар Самуил? / DW България 18.09.2014 [Електронный ресурс]. URL: <http://www.dw.com/bg/%D1%87%D0%B8%D0%B9-%D0%B5-%D1%86%D0%B0%D1%80-%D1%81%D0%B0%D0%B-%D1%83%D0%B8%D0%BB/a-17932158>

23 Президентът, премиерът и патриархът почетоха цар Самуил // Dnes.bg 09.10.2014 [Електронный ресурс]. URL: <http://www.dnes.bg/stranata/2014/10/09/prezidentyt-premieryt-i-patriarhyt-pochetoha-car-samuil.241603>

24 *Хамдан Н.* Откриха паметника на цар Самуил отново със скандали // Nova.bg. 08.06.2015 [Електронный ресурс]. URL: <https://nova.bg/news/view/2015/06/08/113950/>

25 Трети международен конгрес по българистика, 23–26 май 2013 г.: кръгла маса «Златният век на цар Симеон: политика, религия и култура» / състав. Владимир Станев. София, 2014; Цар Самуил ([997]–1014) в битка за България / ред. Людмил Вагалински. София, 2014; Цар Самуил ([997]–1014) в битка за България / ред. Людмил Вагалински. София, 2014.

26 *Генов Г. С.* Българските царе Самуил и Иван Владислав имат живи роднини в Западна Европа и главно в Италия. София, 2014.

27 *Павлов П.* Векът на цар Самуил. София, 2014.

28 Кратка история на Македонския научен институт // История / Македонски научен институт <http://www.mni.bg/2013/06/kratka-istoria-namakedonskia-nauchen.html>

29 *Анастасов Ю.* Великобългарската политика и Македония // Македонска мисъл. Кн. 1–2. Год. 1. 1945. С. 15.

30 *Калайджиев Х.* Федерална Македония // Македонска мисъл. Кн. 1–2. Год. 1. 1945. С. 4.

31 *Петров П.* Самуил — царят воин. София, 2014.

32 *Николов Г. Н.* Българският цар Гаврил-Роман Радомир (1014–1015) // Македонски преглед: Списание за наука, литература и обществен живот. Год. XXXVIII. 2015. № 3. С. 35–62.

33 *Николов Г. Н.* Епохата на великия български цар Самуил // Македонски преглед: Списание за наука, литература и обществен живот. Год. XXXVII. 2014. № 3. С. 7–28.

34 *Николов Г. Н.* Българският цар Самуил. София, 2014.

35 *Николов Г. Н.* Българският цар Гаврил-Роман Радомир (1014–1015) // Македонски преглед: Списание за наука, литература и обществен живот. Год. XXXVIII. 2015. № 3. С. 35–62.

36 *Бошковски М.* Великаните на македонскиот среден век. Кн. 1 (Кнез Хацон, кнез Пребонд, кнез Акамир, цар Самоил, цар Гаврил Радомир и цар Јован Владислав). Скопје, 2007.

37 Самуиловата држава во историската, воено-политичката, духовната и културната традиција на Македонија / под ред. И. Велев, В. Г. Ликин. Струмица, 2015.

38 *Периклиева В. В., Марков И. Д.* Цар Самуил и Беласишката битка в пограничниот регион Петрич (България) — Струмица (Македонија): културна памет и културни политики // Библиотека: списание за библиотечна теорија и практика. Год. 23. Бр. 4 (2016). С. 27–39; *Христова М. Ч.* Сакрални места и културна памет на тронната граница между България, Србија и Македонија // Българска етнологија. Год. 41. Бр. 1 (2015). С. 79–93.

39 История на Самуиловата крепост // Уебсайт на Самуиловата крепост [Електронен ресурс]. URL: <http://samuilovakrepost.com/history/>

40 *Ристовски Б.* Периодизација на процесот на раѓањето, развитокот и афирмација на Македонска национална свест // Македонска национална свест: корените, развитокот и афирмација. Делчево, 2002. С. 15–16.

41 *Андреев Ѓ.* Цар Петър II Делян (1040–1041) в книгата Българските ханове и царе. VII–XIV век. София, 1998.

42 *Павлов П.* Бунтари и авантюристи в средновековна България. В. Търново, 2000 [Електронен ресурс]. URL: https://litenet.bg/publish13/p_pavlov/buntari/samozvanecyt.htm

43 См., например: *Станев К.* Миграција на българи през 30-те г. на XI в. от Северна България към западните български земи. Нов поглед към предисторията на востанието на Петър Делян // Минало: Тримесечно списание за историја. 3 (2004). С. 38–46; *Младенов М.* Петър II Делян и Алусиан: «кралските знаци» в средновековна България // Епохи: Историческо списание на ВТУ Св.св. Кирил и Методиј. Год. 16. Бр. 1–2 (2008). С. 65–73.

44 *Радков Р.* Цар Петър Делян. Народна трагедија в 5 действия. Търново, 2001.

45 *Поп-Јовановски А.* Петар Делјан. Скопје, 1990.

46 *Ташковски Д.* Цар Делјан. Скопје, 2005.

47 *Андреев Ѓ., Лазаров И., Павлов П.* Кой кој е в средновековна България. София, 1995. С. 353–356.

48 *Павлов П.* Забравени и неразбрани (Събития и личности от българското средновековие). София, 2010.

49 *Манева Е.* Средновековен Просек: престолнина на самостојни господари, несуден дом на византиски принцови, средиште на сценски

игри // Културен живот: списание за култура, уметност, општествени прашања. Год. 44. Бр. 1 (јануари–март 1999). С. 48–55.

50 *Аџиевски К.* Стрез и Латинското царство // 60 години Институт за историја: зборник на трудови од Меѓународна научна конференција «Македонија и соседите», Скопје, 08–09.12.2006 година. Скопје, 2010. С. 27–30.

51 *Енциклопедија Македоника.* Т. 2. Скопје, 2009.

52 *Атанасовски А.* Македонија во XIV век. Тетово, 2009.

53 *Аџиевски К.* Сакрални споменици во Велешката област од средниот век (VI–XIV в.) // Историја: списание на Сојузот на историските друштва на Македонија. Год. 37. Бр. 1/2 (2001). С. 7–13; *Он же.* Манастирски имоти во Велешката област во XIII и XIV век // Историја: списание на Сојузот на историските друштва на Македонија. Год. 39. Бр. 1/2 (2003). С. 111–120.

54 *Макаријоска Л.* Деривацијата на прилозите во македонските црковнословенски текстови од XIII и XIV век // XXIV научна конференција на XL меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура (Охрид, 13.–30.VIII 2007). Лингвистика. С. 243–251; *Бицевска К.* Правописни и фонетски особености во ракописите од северна Македонија од XIII и XIV век. Скопје, 2012.

E. A. Koloskov

«The Macedonian Kingdom»: An argument about the right on the Medieval history between Macedonia and Bulgaria

The article is devoted to the problems of the medieval history dispute between Macedonia and Bulgaria. In the article, most attention is paid to the following questions: the early Slav state formation, as a part of the study of legends about ancient (semi)mythical rulers, Samuel's kingdom, as the most contradictory issues between counterparties, and the pre-Ottoman period of Balkan history that put an end to the existence of independent states in the region for centuries.

Keywords: *Macedonia, Bulgaria, nationalism, usable past, Balkan peninsula.*

Д. А. Боровков
(Москва)

Дипломатические контакты Московского государства с империей Габсбургов в правление Карла V

В статье реконструируются дипломатические контакты между Московским государством и монархией Габсбургов в правление императора Карла V, анализируются мало известные в отечественной историографии описания русских посольств в Испанию и Италию, сделанные испанскими хронистами Педро Мехией, Алонсо де Санта-Крусом и другими современниками, а также документы о дипломатической деятельности Ганса Шлитте и Иоганна Штейнберга.

Ключевые слова: *Карл V, Василий III, Московия, Габсбурги, Иван IV.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.1.02

Дипломатические контакты между империей Габсбургов и Московским государством были установлены при императоре Фридрихе III (1440–1493) в конце 1480-х годов и интенсивно развивались в правление его преемников, Максимилиана I (1493–1519) и Карла V (1519–1556). Во время русско-польской войны 1512–1522 гг. Максимилиан I заключил с великим князем Московским Василием III договор о союзе, направленный против польского короля и великого князя Литовского Сигизмунда I, по которому признавал за русским государем царский титул (1514). После того как в 1515 г. на переговорах в Вене произошло сближение императора с Сигизмундом I и его братом, королем Чехии и Венгрии Владиславом II, Максимилиан I фактически дезавуировал договор с Москвой, хотя пытался сохранить роль посредника в русско-польском конфликте и привлечь Василия III к борьбе с Османской империей. Однако усилия, предпринятые в этом направлении имперскими дипломатами Сигизмундом Герберштейном (1517) и Антонио де Конти (1518), не увенчались успехом¹.

Во время императорских выборов в 1519 г., в результате которых преемником Максимилиана I был избран его внук Карл V, Василий III писал курфюрсту Майнца, что надеется на избрание кандидата, благожелательно настроенного к нему и маркграфу Альбрехту Гогенцоллерну — гроссмейстеру Тевтонского ордена². Вскоре после избрания Карл V отправил послом в Москву некоего Гильдебранда, однако

его миссия закончилась неудачей, так как польский король воспрепятствовал его проезду по своим землям. Более удачливым оказался другой эмиссар императора — Варфоломей из Любека³. В «Описи Царского архива и архива Посольского приказа 1614 г.», на данные которой впервые обратил внимание М. П. Алексеев, сохранилось известие о том, что в архиве хранились «книги цесарские с 7030 по 39 год» — то есть содержавшие информацию о сношениях Русского государства со Священной Римской империей с 1522 по 1531 гг. Далее следует краткий перечень дипломатических контактов двух держав, открывающийся упоминанием о том, что «при великом князе Василии Ивановиче вся Руси, да при Карле цесаре, Максимилианове внуке» были посланы к императору подьячий великого князя «Якуш Полушкин да цесарский немчин Варфоломей с грамотами»⁴. В «Описи архива Посольского приказа 1626 г.» также упоминается «книга цесарская», в которой отмечался «приезд к великому князю Василию Ивановичу вся Руси от короля, цесаря римского, от Максимилианова внука, как избрали от цесарства, человека его, Варфоломея любечанина, и отпуск его с Москвы, а с ним к цесарю от государя отпуск Якуша Полушкина»⁵.

А. Н. Лобин осуществил реконструкцию текста послания московского князя Карлу V от 26 июня 1522 г. на основании латинского текста грамоты Василия III, приведенного в письме Пьетро Мартира д'Англерия, итальянского ученого на службе кастильской короны, к архиепископу города Козенца Джованни Руффо от 26 февраля 1523 г., где сообщалось, что император послал к московскому двору своего человека Варфоломея с письмом, содержавшим предложение об установлении дружественных отношений «братства и любви» (*fraternitate et charitate*), после чего Василий отправил своего представителя Якова Иоаннова (то есть Якова Ивановича Полушкина), чтобы Карл V передал с ним грамоту о подтверждении «братства и любви», существовавших с московским государем у Максимилиана I⁶.

Данные о русских посольствах ко двору Карла V рассматривались австрийским историком Г. Юберсбергером, автором первого обобщающего труда по истории русско-имперских отношений, а также испанской исследовательницей А. Лопес де Менесес, синтезировавшей информацию о русских посольствах на Пиренейский полуостров в дипломатических донесениях Антонио да Конти, представителя младшего брата Карла V, австрийского эрцгерцога Фердинанда, Мартина де Салинаса, польского посла при испанском дворе Яна Дантишека и письмах Карла V; а позднее — А. А. Зиминым, М. П. Алексеевым

и другими учеными⁷. Однако вне поля зрения названных исследователей остались свидетельства, приведенные испанскими историками середины XVI в. — автором «Истории императора Карла V» Педро Мехией и составителем «Хроники императора Карла V» Алонсо де Санта-Крусом.

Педро Мехиа отмечает, что в начале 1523 г. «среди обычных послов, которые ко двору его прибывают от других государей и христианских государств, прибыли от сеньора и короля Руси (*Ruxia*) и других провинций, [расположенных] в большой северной земле Сарматии, в Европе, с письмами и инструкциями от своего короля, в которых он просил любви и дружбы императора с большой настойчивостью. С каковыми [послами] от христианского короля столь загадочных и далеких земель император много отдыхал и из всех они были очень осмотрительными и любителями празднеств. И император воздал им честь и обращался очень хорошо, и дал им очень любезный и дружественный ответ»⁸.

Несколько более подробная информация о посольстве 1523 г. дана в хронике Алонсо де Санта-Круса, сообщавшего, что когда Карл V находился в Вальядолиде, «к нему прибыл посол императора Руси, который доставил ему письмо, в котором упомянутый император дал знать о том, как принял его [письмо] с Варфоломеем, его послом, в каковом он выразил желание иметь дружбу и союз, и что по этой причине он послал своего посла Якоба Иоанна, потому что если он желает, чтобы между ними состоялась добрая дружба, которая была между его дедом, императором Максимилианом, и ним, пусть пошлет с упомянутым Якобом Иоанном какую-либо персону со своей стороны, для того чтобы между собой они могли обсудить мир и дружбу»⁹.

Хотя эти авторы, в отличие от Пьетро Мартира, не были очевидцами события, их свидетельства не теряют от этого своей ценности, дополняя свидетельство Мартира, которое, будучи опубликованным в 1530 г., по всей видимости, послужило источником для «Хроники императора Карла V», на что указывает и тот факт, что ее составитель именуется великого князя Московского «императором Руси» (*Emperador de Rusia*), как и Пьетро Мартир в письме к архиепископу Козенца¹⁰, а также упоминает о поездке в Москву Варфоломея из Любека. Что касается свидетельства из «Истории императора Карла V», то информация Педро Мехии, по всей видимости, была извлечена из источника, отличного от описания Мартира, так как она не находит соответствия в его письме. Судя по латиноязычной копии ответного послания Карла V «великому герцогу и государю

Русскому» Василию, написанной в том же 1523 г. в Вальядолиде и опубликованной А. Лопес де Менесес, император сообщал, что понял предложения о возобновлении союза, существовавшего при Максимилиане I, и согласился «этот союз и единство» подтвердить и соединить с помощью доверенных лиц, для чего обещал направить их в Москву вместе с Полушкиным¹¹.

Выбор Карла V пал на Антонио де Конти. О прибытии русского и имперского дипломатов в Москву известно из «Описи Царского архива», в которой под 7032 (1523/1524) г. отмечен приезд Якова Полушкина и «цесарева посла Антона Откмита» — то есть Антонио де Конти. В посольских книгах по сношениям с Польско-Литовским государством упоминается, что во второй приезд в Москву Конти добивался заключения постоянного мирного договора («вечного мира») между Василием III и Сигизмундом I, которые в 1522 г. заключили лишь пятилетнее перемирие. Под тем же 1523/1524 г. в «Описи Царского архива» значился «отпуск к цесарю великого князя послов, князя Ивана Засекина, да дьяка Семена Борисова, да цесарева посланника Антона Откмита»¹². Из донесения, написанного в феврале 1526 г. Карлу V и эрцгерцогу Фердинанду Леонардо Ногароли и Сигизмундом Герберштейном, преемниками Антонио де Конти по дипломатической миссии в Москве, известно, что на обратном пути через Польшу последний сообщил польскому королю о готовности Василия III заключить мир¹³.

В письме Карлу V от 1 октября 1524 г. Антонио писал, что вместе с московскими послами достиг Вены и Фердинанд «их принял со всем благосклонным почтением»¹⁴. Через две недели о том же императору написал сам эрцгерцог: «Посол, которого вы, монсеньор, отправили в Московию, совместно с другими [послами] от сеньора Московии находились здесь у меня и вчера уехали, для того чтобы отправиться к вам. И из того, что вам, монсеньор, будет [сообщено] вашим послом, когда ему удастся прибыть к вам, вы полностью узнаете обо всем, что я посылаю вам в дальнейшем письме, кроме того, что и здесь, и в моих землях, я приказал избавить их от расходов и хорошо обходиться, чтобы сделать их пребывание достаточно почетным. И сообщаю, монсеньор, что немедленно распорядился о том, что когда они отправятся в вашу страну, кто-нибудь их мог принять и сопровождать до тех пор, пока они придут к вам, как потому, что это касается вашей чести и репутации, так и потому, что это является их обычаем, поскольку любые послы отправляются к своим сеньорам, однако все возвращаются к вам, монсеньор, и к вашему мудрому и разумному совету». Еще

раз тема московского посольства всплыла 1 ноября, когда эрцгерцог заявил о необходимости отправить бывшего государственного секретаря Жана Ханнарта к Сигизмунду I, который вступил в переговоры с Францией, хотя это противоречило его союзу с императором. «...Если же он не захочет снизойти к вашим разумным требованиям, вы имеете в руках, монсеньор, средство для того, чтобы призвать его к этому, как сделал император, мой покойный господин и дед», — утверждал Фердинанд, считавший, что добиться лояльности польского короля можно «через посредство сеньора Московии, послы которого, как я уже вам написал, недавно отправились к Вашему Величеству и если еще не прибыли, то будут очень скоро». Более подробно эрцгерцог изложил свою мысль в письме от 15 февраля 1525 г.: «Я вас прошу, монсеньор, поступить таким образом, потому что великий господин Московии, ее государь, мог бы вам хорошо послужить в расстройстве брака, к которому прилагает все старание король Франции, чего он настойчиво добивается у короля Польши. И через это средство, как я вам уже написал, Ваше Величество мог бы держать короля Польши в подчинении, в результате которого он будет вынужден снизойти к вашему желанию и воле»¹⁵.

Фердинанд предлагал Карлу V использовать контакты с великим князем Московским для оказания давления на Сигизмунда I, чтобы нейтрализовать усилия Франциска I по заключению династического брака между Ягеллонами и Валуа¹⁶. В то время как Фердинанд развивал проект противодействия франко-польскому сближению, послы Василия III еще находились в пути, хотя 18 декабря 1524 г., сообщая Антонио де Конти о получении письма, отправленного из Вены, Карл призывал его поторопиться, а 21 декабря дипломат, находившийся в это время в Антверпене, сообщал, что вместе с «послами московитского государя, после многих прошедших неудобств вследствие очень плохого пути, здравым и невредимым достиг этого места»¹⁷. На Пиренейский полуостров они прибыли весной 1525 г.

О том, что русские послы дважды были приняты Карлом, известно из писем Мартина де Салинаса и Яна Дантишека. Дантишек сообщал, что на первой аудиенции 29 апреля они «изъявили почтение, сняв свои особенные шапки, и, хотя им была поставлена скамья с покрытой золотом тканью, увидев, что они вновь надели их, им пришлось говорить речь, стоя на ногах. Обливаясь струями пота, чтобы вынести в такую жаркую погоду два и три меха, переводчик произнес речь на латыни, которую никто не понял, и они вручили свою верительную грамоту и некоторые подарки из куниц и прочих

мехов. Его Величество назначил им [прием] на другой день, чтобы они были выслушаны относительно того, что пожелали сказать, потому что они не захотели говорить на публике о своем посольстве. Посол Его Величества, который прибыл с ними, сказал мне, что не хочет делать свой доклад канцлеру (Меркурино де Гаттинаре. — *Д. Б.*) без моего присутствия, и, таким образом, он сделал его в моем присутствии и дал ему длинный отчет о том, что произошло там во время его посольства, и канцлер сказал ему, чтобы он изложил все это для отчета, чтобы предоставить суждение об этом Его Величеству». Здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что, сообщая о результатах своей миссии канцлеру Гаттинаре, Антонио де Контти привлек польского посла, быть может, для того, чтобы использовать его в качестве консультанта. Рассказ о русских послых имеет продолжение: «Вчера канцлер пригласил меня отужинать с ними, — писал некоторое время спустя Дантишек, — потому что они сами были приглашены, и я ему ответил, что не хотел лишать их радости, так как, поскольку они боялись моего господина, мое присутствие доставило бы им разочарование. Канцлер долгое время ожидал этих мошенников, которые не хотели приходить до тех пор, пока точно не узнали, что я бы не присутствовал. Я узнал, что они пили из больших кубков на удивление всем и что вышли с ужина с гораздо большим трудом, чем вошли». Дантишек добавил и еще одну характеристику: «Они никогда не объединялись с остальными послами и, будучи постоянно пьяными, запирались в своих помещениях, так как это их обычай». И в заключение добавил: «Император с таким почетом обращается с ними, потому что они пришли издалека»¹⁸.

25 июня 1525 г. Карл V сообщил Фердинанду о намерении вновь отправить в Москву Антонио де Контти, но затем его планы изменились. К Василию III поехал граф Леонардо Ногароли, в инструкции к которому 12 августа император отмечал, что, учитывая «соглашения, союзы и договоренности», существовавшие между императором Максимилианом и великим князем Василием, «мы и сей великий князь ради взаимного блага и (блага) всего христианского мира твердо желаем укрепить и упрочить новыми узами и договоренностями, а также, если удастся, расширить либо облечь в лучшую и более надежную форму». В то же время из письма Мартина де Салинаса от 31 августа известно, что русские послы покинули императорский двор, не завершив с императором какого-то дела, и были недовольны тем, что Карл V направил их к Фердинанду, который, в свою очередь, сообщил брату об их отъезде в письме от 4 декабря 1525 г. из Аугсбурга. По пути

в Москву к Ногароли присоединился представитель эрцгерцога Сигизмунд Герберштейн. Карл V в письме Фердинанду от 10 января 1526 г. согласился с его кандидатурой, а также поручил определить порядок урегулирования русско-польского конфликта, камнем преткновения в котором являлся Смоленск, захваченный войсками Василия III в 1514 г. Будучи в Кракове, Герберштейн и Ногароли в соответствии с поручением эрцгерцога пытались убедить польского короля отказаться от претензий на Смоленск ради заключения с Москвой мирного договора и союза против татар, но это предложение было отвергнуто королевскими советниками, хотя король выразил желание продолжить переговоры о мире на почетных для него условиях и предложил послам Карла и Фердинанда выступить посредниками в этом процессе. Обо всем этом известно из донесения Герберштейна и Ногароли о результатах переговоров с Сигизмундом I, написанного в Кракове 13 февраля 1526 г.¹⁹

В «Записках о московитских делах», вышедших в свет в 1549 г., Герберштейн сообщал о цели своей поездки следующее: «Цесарь Карл и брат его Фердинанд, эрцгерцог австрийский, послали нас для переговоров о вечном мире или, по крайней мере, о заключении перемирия между государем московским и королем польским». По словам Герберштейна, «император дал поручение своему брату господину эрцгерцогу Фердинанду склонить венгерского короля Людовика повлиять на своего дядю Сигизмунда, короля польского, чтобы тот согласился на справедливые условия мира или перемирия с московитом». По всей видимости, это не возымело действия, так как далее Герберштейн пишет, что Сигизмунд «пренебрежительно отнесся к причине нашего посольства и стал порицать предприятие наших государей, как несвоевременное; а уж когда он узнал, что с нами из Испании возвращаются послы московита, то стал даже подозревать, не замышляет ли он чего-либо»²⁰. Из того же источника известно, что для посла Карла V поездка в Москву едва не закончилась трагедией: на второй день после выезда из Смоленска Ногароли упал с лошади при переправе через реку, но «два пристава, стоявшие ближе всех к графу, даже ногой не шевельнули, чтобы подать ему помощь, так что если бы другие не прибежали издалека и не помогли бы ему, все было бы кончено»²¹.

В Воскресенской и Никоновской летописях под 7034 (1525/1526) г. зафиксирована следующая информация о прибытии этого посольства: «Той же весной пришли от цесаря великого князя послы, князь Иван, сын князя Ивана Засекина, да Семен, сын Бориса Трофимова, а с ними

пришли от цесаря послы, Леонард Откомит, а от брата от цесарева, Фердинанда, Жигимонт Гиберстен». В посольских книгах к этому добавлено, что послы «говорили великому князю от Карола и от Фердинанда, чтоб князь великий сшел на доброе согласие, с Жигимонтом королем помирился и был бы с ним в вечном мире. И князь великий велел послам отвечать, что с Жигимонтом королем мира хочет. И послы говорили, чтобы князь великий на королевских послов дал свою опасную (охранную. — Д. Б.) грамоту, чтобы королевским послам прийти и отойти без зацепки, а они с той грамотой пошлют к королю своих людей, чтобы король послал к великому князю своих послов. И князь великий велел послам дать свою опасную грамоту для королевских послов. И послы послали в Литву с опасной грамотой своих людей». Так как литовские послы задержались в пути, Василий III отправился на охоту в Можайск, оставив в Москве Ногароли, Герберштейна и папского представителя Джованни Франческо Читиуса, которому папа Климент VII поручил провести в Москве переговоры о заключении церковной унии, а Сигизмунд I привлек его в качестве посредника для примирения с Василием III.

Лишь в начале октября, когда литовские послы — воевода Полоцка Петр Станиславович Кишка и казначей Великого княжества Литовского Михаил Богуш Боговитинович, заключившие от имени Сигизмунда I перемирие 1522 г., — пересекли границу, великий князь вызвал в Можайск послов папы, императора и эрцгерцога. На переговорах, начавшихся 15 октября 1526 г., литовские послы потребовали возвращения Смоленска, в противном случае отказываясь от предлагавшегося посредниками постоянного мира. Требование литовских послов, как и их претензии на Псков и Новгород, не устраивали представителей Василия III, назвавших это «бездельной речью» и, со своей стороны, потребовавших вернуть под власть московского государя Киев, Полоцк, Витебск и «иные города русские, его отчины». Увидев, что переговоры зашли в тупик, Ногароли и Читиус предлагали представителям великого князя во главе с Иваном Васильевичем Шуйским уступить Сигизмунду I Смоленск или установить в Смоленске совместное русско-литовское управление, заключив перемирие на 20 лет, но оба их предложения были отклонены. Проект заключения постоянного мира пришлось оставить и ограничиться возобновлением перемирия. 5 ноября Читиусу, Ногароли и Герберштейну от имени Василия III было заявлено: «...Вы нас просили от своих государей, чтоб нам с Жигимонтом королем взять перемирие. И мы для Климента, папы Седьмого, и брата своего, для Кароля, цесаря и наивысшего

короля, и архидука Фердинанда, с Жигимонтом королем взяли перемирие на шесть лет, и грамоту перемирную велели написать и печать свою к той грамоте привесили, и хотим на той грамоте брату своему, Жигимонту королю, правду учинить, а вам у нас у того дела быть и то видеть»²².

Для подтверждения договора с Карлом V из Москвы отправились Иван Осинин и Андрей Волосатый, которые прибыли в Испанию весной 1527 г. Как говорится в «Хронике императора Карла V», «пришли два посла из Руси (*dos embajadores de Rusia*), которые сказались бывшими из Великой Татарии (*del gran Tartaro*), каковые одеждами, которые носили, языком, на котором говорили, и монетами, которые тратили, хорошо давали понять, что они из земель очень странных и люди весьма непостижимые. [Задача] посольства, в котором они прибыли, заключалась в том, что его господин и сеньор, услышав новости об императоре и его величии, хотел быть другом его друзей и врагом его врагов, и так как оба были противниками турецкого султана, то предлагал объединиться, чтобы устроить ему войну как противнику. Этих послов из Татарии выслушал император и приказал обойтись с ними благожелательно и гуманно, предоставив все то, что они просили, отправил с ними одного кабальеро, для того чтобы он посетил с его стороны великого татарского императора и подтвердил то, что между обоими было установлено»²³.

Прояснить рассказ Санта-Круса позволяет сообщение Мартина де Салинаса, который отмечает, что московские послы вместе с Ногароли прибыли в Вальядолид, где в день св. Петра «Его Величество очень хорошо принял их и оказал им хороший прием, и граф дал в моем присутствии очень длинный и добротный отчет о поручении, которым он занимался на его службе». Более подробен Дантишек, сообщающий, что послы герцога Московии «прибыли из Брабанта по морю и пришли [в Вальядолид] 20 июня, живя за свой собственный счет до 29 числа, в который им была дана аудиенция, и они приняли щедрое обеспечение, хотя размещение было достаточно плохим. [Император] выслушал их сидя, а они стояли на ногах. Один из послов дал ему двух соболей, другой посол — двух других, а переводчик — одного [соболя] и несколько китовых усов, согласно своему обычаю. Потом они продавали публично сапоги, седла, кнуты, шкуры и одежды, сделанные из того же самого, особенно китовый ус, и все, что привезли, вплоть до лошадей, из чего, я думаю, извлекли хорошую выгоду и что им понравилось бы приходиться каждый год, сменяя свое достоинство послов на положение торговцев. Многие говорили о них

и рассматривали как зверей». А. Лопес де Менесес полагала, что на рассказ польского посла наложила отпечаток антипатия к своим соседям, однако он позволяет понять, почему русское посольство вызвало удивление у Санта-Круса. Рассказ Дантишека подтверждает и то, что на повестке дня стоял вопрос о союзе против турецкого султана, в котором должен был участвовать Сигизмунд I. Это, как пишет польский посол, «не удовлетворяло москвитов, которые говорили, что предоставят 50 000 кавалерии против турка, вещь, которая здесь кажется невозможной»²⁴. Иван Осинин и Андрей Волосатый вернулись в Москву в 1527/1528 г. вместе с послом эрцгерцога Фердинанда (в то время уже короля Чехии и Венгрии) Степаном Клиничем. В дальнейшем Василий III продолжал поддерживать дипломатические контакты с братом императора, ко двору которого отправились Мешок Квашнин и Шелоня Булгаков. В «Описи Царского архива» начало их посольства относится к 1527/1528 г., но дата его окончания неизвестна, хотя есть сведения о том, что эти же послы посетили Фердинанда в 1530–1531 гг.²⁵

Новые свидетельства контактов московского правительства с Карлом V относятся к правлению Елены Глинской, вдовы Василия III, которая, будучи с конца 1533 г. регентшей при малолетнем сыне, Иване IV, решила возобновить сотрудничество с императором. М. Е. Савинов, отправленный послом в Польшу в декабре 1537 г., вскоре после окончания русско-литовской войны 1534–1537 гг., от имени великого князя напомнил Сигизмунду I, что, по условиям мирного договора, он обязался пропускать через свои земли русских послов и был извещен о том, что «[мы] хотим послать к брату своему, к Каролю, избранному цесарю римскому и наивысшему королю, и к брату его, к Фердинанду, королю венгерскому и чешскому, своих посланников [...]. И мы ныне к брату своему, к Каролю, избранному цесарю римскому и наивысшему королю, послали своего посланника Юрия, сына Ивана Скобелицына, а к брату его Фердинанду, королю венгерскому и чешскому, послали своего посланника Дмитрия Васильева. И ты, брат наш, велел бы тех посланников, не задержав, по своим землям пропустить, и проводить их велел, чтобы они могли здоровыми дойти до границы Фердинанда, короля венгерского и чешского». Просьба о пропуске русских послов через польские земли была удовлетворена²⁶.

В марте 1538 г. Васильев и Скобелицын прибыли в Прагу, откуда Скобелицын, получив охранную грамоту от Фердинанда, отправился к императору, однако в пути попал в плен к пиратам. Из «Хроники императора Карла V» известно, что в 1538 г. адмирал Франции, сеньор

де Брион, во время мирных переговоров, завершивших франко-испанскую войну 1536–1538 гг., посетил Карла V в Виллафранке по поручению Франциска I. Он представил прибывшего к императору русского посла, у которого «некоторые галеры захватили турки, идя из Испании во Францию, и отправили его к королю для того, чтобы он сделал то, что подобало, и король приказал его освободить и дать бумаги о его посольстве; потому что в это время, когда король находился в состоянии вражды с императором, он имел дружбу и союз с турецким султаном и, таким образом, надежные турецкие галеры и галеоты двигались по побережью Франции», и «Его Величество очень хорошо принял посла через посредство хорошего отношения короля Франции, которому отправил благодарность со своей стороны»²⁷.

Подробности инцидента Карл V сообщил брату в письме от 22 мая 1538 г. «Послал к нам светлейший господин Иоанн, великий герцог Русский, Владимирский и Московский и т. д., наш светлейший друг, своего посла, который в пути вместе со всеми своими домочадцами и добром, исключая только четырех человек, был захвачен пиратами. И поскольку у тех из них, которые нагими, без каких-либо бумаг или инструкций добрались, ничего определенного узнать мы не могли о том, что тот [посол] от своего упомянутого государя к нам имел в качестве поручения, кроме того, что они сообщали о союзе между господином Максимилианом, императором, государем и дедом нашим, почитаемым самой светлой памятью, и его родителем, светлейшим великим герцогом Василием, начатом, и также нами одобренном в другое время, который был подтвержден до того, потому, когда они сами в ту сторону возвращались, мы отправили с письмами, написанными к упомянутому их правителю, в которых также остаток этого дела...» Император просил Фердинанда, чтобы он «пожелал направить это дело и от всех справиться, и потом это дело или упомянутого союза или другого рассмотрел, дабы от нашего имени руководить, и если что-то сделать для нас решит, мы должны получить извещения о том, что после решения Вашей светлости мы сможем привести в исполнение и сохранить этот [союз], который увидят подходящим и для самого дела и для нашего достоинства...»²⁸.

Через месяц Карл подтвердил это намерение в новом письме к Фердинанду, оговорив, чтобы союз с Москвой не причинил ущерба остальным их союзникам, прежде всего королю Польши. О чем брату императора удалось договориться со Скобелицыным, неизвестно. Дальнейшие события показали, что Фердинанд был также заинтересован в укреплении контактов с Сигизмундом I, сын которого,

Сигизмунд II Август, в 1543 г. заключил брак со старшей дочерью Фердинанда Елизаветой²⁹, скончавшейся два года спустя. В Москве после смерти Елены Глинской 3 апреля 1538 г., по-видимому, тоже пропал интерес к возобновлению русско-имперского союза, так как на первый план вышла междоусобная борьба боярских кланов.

Возобновление контактов произошло в 1547–1548 гг., когда Иван IV отправил в Германию для вербовки иностранных специалистов прибывшего в Москву в 1546 г. с рекомендациями от Альбрехта Гогенцоллерна купца из Гослара Ганса Шлитте³⁰. Так как его дипломатическая деятельность неоднократно рассматривалась исследователями³¹, мы сосредоточимся преимущественно на моментах, связанных с контактами при дворе Карла V. Опубликованное И. И. Полосиным донесение нюрнбергского купца Фейта Зенга, представленное рейхстагу в Аугсбурге в 1582 г., проливает свет на действия Шлитте в Аугсбурге в 1548 г.; из него следует, что он предлагал Карлу V от имени Ивана IV 74 бочки золота под небольшой процент и 30 000 всадников на пять лет в случае войны с турецким султаном, попросив у императора разрешение на набор необходимых ему людей и предоставление великому князю Московскому титула «императора всея Руси»³².

Реакция Карла V последовала в двух письмах от 30 и 31 января 1548 г., опубликованных Й. Фидлером в 1862 г. В письме от 30 января, написанном на немецком языке, говорилось, что Шлитте позволено набирать «ученых и мастеров во всяких искусствах» при условии, что никто из них не попадет к туркам или татарам. В письме от 31 января, написанном на латыни, император сообщал Ивану IV, что принял его посла и, учитывая союз, заключенный Василием III со «Священной Римской империей и нашим славным Австрийским домом», который «уже состоялся прежде, и до сих пор соблюдается Вашей светлостью», предоставил ему «в любой части Священной империи и наших владений, [где] он пожелает, право сбора людей, подходящих для службы Вашей светлости»³³. В то же время письма Карла V от 30 и 31 января 1548 г., как и обнаруженные Р. Фречнером донесения Шлитте Ивану IV от 20 мая и 14 июня 1548 г., которые, по его предположению, могли быть перехвачены в Ливонии, позволяют предполагать, что на переговорах с Карлом V обсуждался вопрос об объединении православной и католической церквей, с помощью которого Иван IV или его окружение, видимо, рассчитывали обеспечить успех миссии Шлитте³⁴. Получив разрешение императора, Шлитте завербовал более 100 человек, большинство из которых составляли специалисты в военном деле. Деятельность московского эмиссара

вызвала беспокойство у граничившего с Россией Ливонского ордена, администрация которого в 1548 г. запросила у Карла V 200 тыс. золотых венгерских монет и небольшой отряд конницы для защиты от русских войск³⁵. Были приняты меры для задержания Шлитте и его людей в Любеке, где руководитель предприятия был заключен в тюрьму по требованию своих кредиторов. Пока Шлитте находился в тюрьме, несмотря на заступничество императора и имперского совета, Ливонский орден осенью 1549 г. добился отмены выданного ему разрешения на вербовку людей, как угрожавшего безопасности империи. Сбежав из тюрьмы, Шлитте нашел компаньона в лице австрийского дворянина Иоганна Штейнберга, которому в 1550 г. продал титул московского «канцлера». Штейнберг, взяв на вооружение идею Шлитте об объединении церквей и развернув самостоятельную деятельность при содействии папского нунция Пьетро Бертано и графа Филиппа Эберштейна, 4 сентября 1551 г. обратился к Карлу V и сообщил о якобы имевшихся в Москве планах заключения церковной унии.

13 сентября 1551 г. Карл V написал римскому папе Юлию III, что Василий III намеревался подчинить апостолическому престолу восточную церковь, для чего отправил послов в Италию, но так как стороны не смогли прийти к соглашению, «дело было прервано и он отказался от всякого действия, до тех пор, пока оставался в живых», а у наследовавшего ему сына, «светлейшего и могущественнейшего государя, господина Иоанна, великого герцога Русского, есть то же намерение, которое некогда было у его отца» и «ему надлежащим образом были представлены условия и, несомненно, подтверждены именем Вашего Святейшества, так же как им самим, членом восточной церкви, чтобы довериться Вашему Святейшеству и этому святейшему апостолическому престолу, и по одной этой причине знатный человек Иоганн Штейнберг, канцлер того самого государя, который доставит Вашему Святейшеству эти наши письма, был отправлен к Вашему Святейшеству». Как считал император: «Мы не могли пресечь это дело, какое бы ни было, к Вашему Святейшеству, которое, по нашему суждению, не следует сейчас отклонять, но, как кажется, следует открытыми руками хватать и удерживать, мы заботливо и со всей душой доверились бы ему, и притом здраво и не без большого размышления. Сколько же успеха для христианского мира из-за обширнейшей той власти будет в будущем, сколько надежды и защиты, как для сохранения, так и для распространения нашей религии и, особенно, для возвращения этих потерянных мест, оттуда, откуда основы нашей веры и религии уже с начала мы черпали, это дело

принесет, что никому не покажется легким. Поэтому всячески просим и умоляем Ваше Святейшество это дело старательно обдумать и не отбрасывать совсем нынешнего повода для святого апостолического престола и нашей христианской религии...»³⁶.

Карл V с энтузиазмом отнесся к этому проекту, не догадываясь о том, что Штейнберг искажил результаты дипломатических контактов Василия III с Климентом VII. Протекция императора позволила Штейнбергу заручиться не только рекомендательными письмами от нунция Бертано к кардиналу Алессандро Фарнезе, но и письмом императорского министра, епископа Арраса Антуана Перрено де Гранвеля, к испанскому послу в Риме Диего Уртадо де Мендосе, в котором предписывалось любым путем содействовать делу великого герцога Московии, чтобы оно привело к «пользе и укреплению христианского мира»³⁷. Благодаря этому, Штейнбергу удалось заинтересовать проектом церковной унии римскую курию, а также поднять вопрос о присвоении московскому князю королевского титула, что вызвало беспокойство польских представителей при папском дворе.

Наследовавший польскую корону в 1548 г. Сигизмунд II Август узнал об этих переговорах от своего представителя в Риме А. Конарского и кардинала Б. Маффеи³⁸. Король, который с трудом смог добиться в 1549 г. возобновления перемирия с Иваном IV, так как не желал признавать его царский титул, в начале 1553 г. принял меры к тому, чтобы сорвать процесс, инициированный Штейнбергом, как при папском дворе, так и при дворе Фердинанда I в Граце³⁹.

24 марта 1553 г. Фердинанд написал Карлу о прибытии польского посла Николая Радзивилла-Черного и о том, что «если Ваше Величество пожелали возвысить герцога Московского в королевское достоинство и титул и предприняли меры перед папой, которые вызвали крайне обременительные сожаления у короля Польши», поскольку оказывается покровительство его врагам, «из-за этого возникает противоречие с соглашениями, которые он имеет с Вашим Величеством, мной и нашим Австрийским домом, прося меня в заключение, чтобы в качестве родного брата Вашего Величества я пожелал переубедить и подать руку с тем, чтобы она не осталась никоим образом причастна к делам, каковые могли бы быть». Фердинанд считал, что император не должен принимать решение «во вред упомянутому королю Польши, чтобы вознаградить герцога Московии», так как герцог «не имеет средства сослужить службу Господу в христианском мире, ни также Вашему Величеству и нашим общим делам, [поэтому] не стоило делать так, чтобы король Польши был нашим врагом, каковым ныне не является...».

11 апреля 1553 г. Карл V сообщил Фердинанду, что он поддерживает его точку зрения и что король Польши «не должен находить странным то, сколь сейчас я был склонен к тому, чтобы благоволить герцогу Московии в старании, которое он предпринимал в Риме, так как я не был извещен, что в этом деле имелось то, что может принести ущерб королю Польши», поскольку «герцог Московии предпринимает свое домогательство с таким почтенным предлогом, как тот, что есть желание привести себя и все свои земли к повиновению нашей матери, святой церкви, увеличивающее так сильно на том конце нашу католическую веру. Но, будучи предупрежден, что королю Польши это могло бы принести ущерб и что упомянутый герцог мог бы иметь целью действия и притворства для своих особых замыслов, которые принесли бы вред польскому королю, я не стану этого требовать в нагрузку к тому, что я должен теперь послать в Рим, чтобы очень ясно заявить Его Святейшеству, что я не хотел бы добиваться дела, которое было бы в ущерб королю Польши». Карл советовал обратить внимание на то, что было бы желательно предпринять против герцога Московии, «не поддаваясь убеждению в деле, чтобы выиграть которое, ненадежные друзья могут нанести вред тем [друзьям], что являются надежными и старыми и которые постоянно проявляют такую твердость в вере...». Изменившаяся позиция Карла, как и начавшиеся во время пребывания Николая Радзивилла в Граце переговоры о заключении брака между Сигизмундом II и дочерью Фердинанда I Екатериной, который был одобрен императором, оказали воздействие на папу Юлия III. 27 мая 1553 г. он написал брату императора, что из дела герцога Московского «не будет никакой пользы для христианского мира и религии»⁴⁰. Дальнейшие усилия Штейнберга при папском дворе, как и поссорившегося с ним Шлитте, который вновь обратился к Карлу V с просьбой о содействии в вербовке специалистов в 1555 г., не возымели успеха⁴¹. К тому времени проекты Шлитте приобрели характер международной политической авантюры, изложение всех аспектов которой выходит за рамки этой статьи.

На основании приведенных фактов можно говорить о том, что в течение своего правления Карл V балансировал между Польско-Литовским и Московским государствами, пытаясь, подобно своему предшественнику Максимилиану I, играть роль посредника в их противостоянии и, одновременно, привлечь московских правителей к организации сопротивления турецкой экспансии. Несмотря на многократные подтверждения союза с Москвой, Карл и его брат Фердинанд были более заинтересованы в сотрудничестве и укреплении

династических связей с их конкурентами, королями Польши, поэтому их контакты с московскими князьями не привели к каким-либо практическим результатам. Что касается вопроса об объединении церквей, по всей видимости, он стал актуальным для Карла V благодаря Шлитте и Штейнбергу, но насколько их действия отражали точку зрения московского правительства, отличавшегося консерватизмом в религиозных вопросах, можно будет сказать лишь в ходе дальнейших исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: Милютин В. Обзор дипломатических сношений с Римской империей // Современник. 1851. № 7. Отд. 2. С. 3–30; Бауер В. Сношения России с германскими императорами в конце XV и начале XVI столетий // ЖМНП. 1870. Ч. 148. Отд. 2. С. 64–93; Писаревский Г. Из истории отношений России с Германией в начале XVI века // ЧОИДР. 1895. Кн. 2. Отд. 3. С. 10–18; Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 156–157, 170, 178, 180–181, 185–186; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 96–98, 124–130, 205–208 и др.

2 Сборник Русского исторического общества (Сборник РИО). Т. 53. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Немецким орденом в Пруссии 1516–1520 гг. СПб., 1887. С. 102.

3 *Uebersberger H. Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. Bd. 1. 1488–1605. Wien, Leipzig, 1906. S. 171.*

4 Опись Царского архива и архива Посольского приказа 1614 г. / под ред. С. О. Шмидта. М., 1960. С. 113.

5 Опись архива Посольского приказа 1626 года / подгот. к печати В. И. Гальцов; под ред. С. О. Шмидта. Ч. 1. М., 1977. С. 241.

6 Цит. по: Лобин А. Н. Послание государя Василия III Ивановича императору Карлу V от 26 июня 1522 года: опыт реконструкции // Петербургские славянские и балканские исследования. 2013. № 1. С. 135–137.

7 См.: *Uebersberger H. Österreich und Russland... Bd. 1. S. 171–175, 184–204, 215; Lopez de Meneses A. Las primeras embajadas rusas en España (1522, 1525 y 1527) // Bulletin Hispanique. T. 48. № 3. 1946. P. 210–219; Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVII–XIX вв. Л., 1964. С. 8; Он же. Московский подьячий Я. Полушкин и итало-испанский гуманист Педро Мартир // Он же. Сравнительное*

литературоведение. М., 1983. С. 49–56; Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Из истории международных культурных связей России. Л., 1980. С. 118, 140; Клибанов А. И. У истоков русско-испанских отношений (XV–XVI вв.) // Россия и Испания: историческая ретроспектива. М., 1987. С. 11, 26, 34–35; Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. С. 56, 249–250, 260–261, 302–304, 308; Хорошкевич А. Л. Русское государство... С. 210–211, 215–216, 219–220, и др.

8 *Mexia P.* Historia del Emperador Carlos V (Ed. J. de Mata Carriazo). Madrid, 1945. P. 325.

9 *Santa Cruz A.* Cronica del Emperador Carlos V (Ed. R. Beltran y Rospide, A. Blazquez y Delgado-Aguilera). T. 2. Madrid, 1920. P. 75.

10 Об использовании этого титула Пьетро Мартиром см. *Алексеев М. П.* Московский подьячий Я. Полушкин и итало-испанский гуманист Педро Мартир. С. 54–55. Прим. 19.

11 См.: *Lopez de Meneses A.* Las primeras embajadas rusas... P. 221; *Алексеев М. П.* Московский подьячий Я. Полушкин и итало-испанский гуманист Педро Мартир. С. 57; *Лобин А. Н.* Послание государя... С. 138, 139.

12 Опись царского архива... С. 113; Сборник РИО. Т. 35. Памятники дипломатических отношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 1 (с 1488 по 1533 год). СПб., 1882. С. 719.

13 *Герберштейн С.* Записки о Московии: В 2 т. / под ред. А.Л. Хорошкевич. Т. 1. Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А.И. Малеина и А.В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого А.В. Назаренко. М., 2008. С. 759.

14 *Lopez de Meneses A.* Las primeras embajadas rusas... P. 222.

15 Die Korrespondenz Ferdinands I. Bd. 1. Familienkorrespondenz bis 1526 (Ed. W. Bauer). Wien, 1912. S. 226–227, 231, 265–266.

16 О франко-польских дипломатических контактах первой половины 1520-х гг., в ходе которых рассматривался вопрос о заключении брака между сыном Франциска I Генрихом, герцогом Орлеанским, и одной из дочерей Сигизмунда I, см. в кн.: *Tyler R.* El emperador Carlos V (3 edicion) Barcelona, 1987. P. 104.

17 *Lopez de Meneses A.* Las primeras embajadas rusas... P. 223–224.

18 Ibid. P. 212–214.

19 *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1. С. 749–750, 753, 757 (пер. А. В. Назаренко).

20 Там же. С. 581, 583, 677, 681.

21 Там же. С. 533, 535.

22 Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М., 2001. С. 271; Там же. Т. 13. Лето-

писный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 45; Сборник РИО. Т. 35. С. 710–711, 722–724, 730.

23 *Santa Cruz A.* Cronica del Emperador Carlos V. Т. 2. P. 292.

24 Цит. по: *Lopez de Meneses A.* Las primeras embajadas rusas... P. 216, 217.

25 См.: *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. С. 308; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство... С. 220.

26 Сборник РИО. Т. 59. Памятники дипломатических отношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 2 (с 1533 по 1560 год). СПб., 1887. С. 131–132, 140; ПСРЛ. Т. 13. С. 121, 122.

27 *Santa Cruz A.* Cronica del Emperador Carlos V. Т. 3. Madrid, 1922. P. 509.

28 *Correspondenz des Kaisers Karl V* (Ed. K. Lanz). Bd. 2. Leipzig, 1845. S. 282.

29 *Uebersberger H.* Österreich und Russland... S. 272–273.

30 *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 70.

31 См.: *Fiedler J.* Ein Versuch der Vereinigung der russischen mit der römischen Kirche im sechszechaten Jajrhunderte // Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der kaiserlichen Akademie der Wissenschaft. Bd. 40. Wien, 1862. S. 27–123; *Zakrewski W.* Stosunki Stolicy Apostolskiej z Iwanem Grozным. Krakow, 1872. S. 10–37; *Pierling P.* Hans Schlitte d'après les archives de Vienne // Revue des questions historiques. Nouvelle serie. Т. 19. Paris, 1898. P. 202–210; *Uebersberger H.* Österreich und Russland... S. 282–307; *Пирлинг П. О.* Россия и папский престол (2-е изд.). М., 2012. С. 372–407; *Полосин И. И.* Из истории блокады Русского государства // Материалы по истории СССР. Документы XV–XVII вв. М., 1955. С. 247–271; *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. 1. Борьба из-за Ливонии. СПб., 1893. С. 42–48; *Фрёчнер Р.* «Дело Шлитте» / *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 2. Статьи, комментарий, приложения, указатели, карты. С. 132–147, и др.

32 Цит. по: *Полосин И. И.* Из истории блокады Русского государства. С. 258. Из донесения Фейта Зенга следует, что Карл V позволил Ивану IV принять титул «императора и государя всея Руси», как свидетельствовала копия документа, находившаяся при московском деле. Р. Фрёчнер отмечает, что упомянутая Зенгом копия, хранящаяся в Венском Государственном архиве, в которой говорится, что Карл V «абсолютной властью Римского императора» удовлетворил «настоятельное желание» московского князя «впредь называться и писаться императором Всея Руси», не имеет признаков того, что она могла быть написана в императорской канцелярии, хотя и не исключает, что это мог быть пере-

вод неофициального письма императора (*Фрëчнер Р.* «Дело Шлитте» / *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 2. С. 140–141). В письмах от 30 и 31 января 1548 г., опубликованных Й. Фидлером (*Fiedler J.* Ein Versuch der Vereinigung... S. 78, 79), Карл V называл Ивана IV «великим и могущественным князем» (*Grossmechtig Furst*) и «великим герцогом» (*magno Duce*), поэтому утверждение Зенга о даровании императором московскому князю императорского титула выглядит сомнительным и нуждается в дальнейшем изучении.

33 Цит. по: *Fiedler J.* Ein Versuch der Vereinigung... S. 79–80.

34 *Фрëчнер Р.* «Дело Шлитте». С. 135–138.

35 *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений... С. 69.

36 Correspondenz des Kaisers Karl V. Bd. 3. Leipzig, 1846. S. 73–74.

37 *Fiedler J.* Ein Versuch der Vereinigung... S. 87.

38 Scriptores rerum Polonicarum. Т. 1. Diarium Comitiorum Regni Poloniae annorum 1548, 1553, 1570. Krakow, 1872. S. 63–65.

39 Scriptores rerum Polonicarum. Т. 1. S. 66–77; *Fiedler J.* Ein Versuch der Vereinigung... S. 105–116.

40 *Fiedler J.* Ein Versuch der Vereinigung... S. 119–123.

41 *Pierling P.* Hans Schlitte d'après les archives de Vienne. P. 208–209; *Фрëчнер Р.* «Дело Шлитте». С. 147.

D. A. Borovkov

Diplomatic contacts of the Grand Duchy of Moscow
with the Empire of Charles V

The article sheds light on the diplomatic contacts between the Grand Duchy of Moscow and Habsburg monarchy during the reign of Charles V. It is the first Russian researching of the descriptions of Russian diplomatic missions to Spain and Italy by the Spanish chroniclers Pedro Mexía, Alonso de Santa Cruz, and other contemporaries, as well as documents connected to the diplomatic activities of Hans Schlitte and Johann Steinberg at the court of Charles V. Keywords: *Charles V, Vasilii III, Moscow, Habsburgs, Ivan IV.*

Б. Н. Флоря
(Москва)

Неизвестные письма гетмана Петра Дорошенко апреля 1672 года

В научный оборот вводятся письма правобережного гетмана Петра Дорошенко, которые содержат важные сведения о положении на Правобережье весной 1672 г., накануне похода османов на Речь Посполитую, и показывают, как оценивал сложившееся положение сам гетман.

Ключевые слова: *Речь Посполитая, Османская империя, казачество Правобережной Украины.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.1.03

События на Правобережной Украине в годы гетманства Петра Дорошенко привлекали к себе внимание и русских, и польских, и украинских исследователей, анализировавших источники из русских, польских и османских архивов. В них уделялось немало внимания и положению на Правобережье весной 1672 г., незадолго до похода османов на Речь Посполитую. Положение это, по оценке исследователей, было сложным. В противовес протурецкой ориентации Дорошенко в казацком обществе серьезно укрепились позиции его противника Михаила Ханенко, выступавшего за соглашение с властями Речи Посполитой. Против Петра Дорошенко выступил такой крупный центр Правобережья, как Умань. Вокруг Ханенко объединились уманский, брацлавский, тарговицкий, могилевский полки, представлявшие серьезную военную силу¹.

Новый интересный материал для оценки сложившегося на Правобережье положения дают неизвестные исследователям тексты писем Петра Дорошенко от 12–14 апреля 1672 г. Переводы этих писем сохранились в деле о приезде в Россию польского гонца К. Ковалевского в конце июня 1672 г.² Очевидно, что незадолго до его поездки польским властям удалось задержать одного из посланцев Дорошенко с находившимися у него посланиями гетмана. Почему послания были отправлены в Москву, понятно: русских политиков следовало убедить в самых тесных связях правобережного гетмана с османскими властями. На этот счет послания действительно содержали достаточно яркий материал. В письмах великому везиру Ахмеду Кёпрюлю, каймакаму, силистрийскому паше Мехмеду, Гакл-паше и, наконец,

султану, «государю и защитнику нашему», гетман заверял в своей верности и просил помощи.

Послания дают определенный ответ на вопрос, почему Петру Дорошенко весной 1672 г. потребовалась османская поддержка. Во-первых, речь шла о помощи в борьбе с властями Речи Посполитой, которые, как писал Дорошенко в послании султану, «со всех сторон на нас наступати усилают»³. Он выражал надежду, что османские войска придут на Украину раньше, чем «гетман польский с войском польским»⁴.

Это, однако, была угроза, которую Дорошенко ожидал в будущем. В момент же написания посланий ему угрожала опасность со стороны Михаила Ханенко и его сторонников.

Дело было не только в том, что часть Правобережья признала над собой власть Ханенко. Интересные данные на этот счет содержат сохранившиеся вместе с посланиями султану и османским сановникам тексты грамот гетмана подольскому полковнику Константину Михаловскому⁵. Обещая полковнику свою помощь, во второй из грамот Дорошенко сообщал, что скоро пойдет в поход на врага с полками «Чигиринскими, Черкасскими, Каменскими, Корсунскими, Белоцерковскими, Паволоцкими, Тарговецкими»⁶. Этот перечень подтверждает сообщение, что уманский, брацлавский, моголевский полки гетману не подчинялись⁷, а тарговицкий полк был, вероятно, разделен между соперниками. Правда, на юге, в Подолии, у Дорошенко были сторонники во главе с полковником Константином Михаловским, но сам он находился в Сороке⁸. Как известно, традиционным центром Подольского полка был Могилев-Днестровский, и он, очевидно, власть Дорошенко не признавал. Таким образом, южная часть Правобережья ему не подчинялась.

Более важно, что в посланиях Дорошенко именно Ханенко выступает как нападающая сторона в начавшемся конфликте. В письмах к великому везиру и к паше Силистрии гетман писал с тревогой, что его «резидента» в Умани убили, а гарнизон «насилу оборонною рукою отводом» ушел из города, при этом Ханенко, находившийся в Ладыжине, перешел Буг и вторгся в его владения⁹. Важно отметить присутствующие в посланиях утверждения, что гетман не в состоянии бороться с Ханенко без помощи османов и татар. В письме к Гаклапаше Дорошенко писал, что Ханенко выступил против него, «видя, что при мне силы нет»¹⁰. В грамоте Мехмед-паше силистрийскому он утверждал, что «великую имам трудность от неприятелей со всех стран»¹¹, а в письме к каймакаму даже заявлялось, что «все мое за

неприятelmi моими в обладении»¹². Отсюда повторяющаяся во всех посланиях просьба скорее выслать войска к Южному Бугу. «Уж здержати не могу землю без помочи», — сетовал Дорошенко¹³.

Ряд сообщений в посланиях позволяет судить о том, почему Петр Дорошенко оказался в таком опасном для него положении. Так, в послании султану отмечается, что Ханенко «города наши бунтует»¹⁴, а в грамоте подольскому полковнику говорится, что он «между войском чинит замешание»¹⁵. Таким образом, сложность состояла в том, что гетман Дорошенко не мог в полной мере рассчитывать на своих сторонников, которые стали переходить на сторону Ханенко. Наиболее подробно данная тема затронута в письме гетмана каймакаму. Здесь говорится, что король «к Ханенку сукна и денги войску казацкому присылает, а Ханенко войско пехотное тем от нас отводит, что уж многие к нему пошли», а гетман не мог действовать подобным же образом по причине скудости средств. «От всего своего имени обнищевая», — писал он¹⁶. Можно сомневаться в получении М. Ханенко значительных субсидий от властей Речи Посполитой. Весной 1673 г. сам Ханенко говорил русскому гонцу С. Протопопову, что ни он, ни войско «ни малого себе... награждения не получили»¹⁷. Важно, однако, признание гетмана Дорошенко, что недовольство и брожение захватили даже наемные войска, являвшиеся опорой его власти.

Новые, не известные исследователям материалы, послания, исходившие от самого правобережного гетмана, наглядно показывают серьезное ослабление позиций сторонников проосманской ориентации в украинском обществе Правобережья уже к весне 1672 г. Поход султана на Украину на время прервал этот процесс, но не смог остановить.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Wagner M. *Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676*. Zabrze, 2009. Т. 1. S. 192–195; *Perdenia J. Hetman Piotr Doroszenko a Polska*. Kraków, 2000. S. 320–321.

2 Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Кн. 149. Л. 38–55.

3 Там же. Л. 46об.

4 Там же. Л. 38об.–39, 46об.–47.

5 Там же. Л. 43–44об., 49–52.

6 Там же. Л. 52.

- 7 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1878. Т. 9. № 168. Стб. 887–888 (письмо миргородского полковника Дубяги от 8 мая 1672 г.).
- 8 РГАДА. Ф. 79. Кн. 149. Л. 54.
- 9 Там же. Л. 38об., 41об.–42.
- 10 Там же. Л. 53об.
- 11 Там же. Л. 49.
- 12 Там же. Л. 45об.
- 13 Там же.
- 14 Там же. Л. 46.
- 15 Там же. Л. 50.
- 16 Там же. Л. 45об.
- 17 Там же. Кн. 152. Л. 90.

B. N. Florja

Unknown letters by Hetman Petro Doroshenko, written in April, 1672

This is a publication of letters written by the Right-bank Ukrainian Hetman Petro Doroshenko. They contain important information on the situation on the Right-bank shortly before the Ottoman military campaign against Rzeczpospolita and show how Hetman himself evaluated the situation.

Keywords: *Rzeczpospolita, Ottoman Empire, Cossacks of the Right-bank Ukraine.*

В. И. Сопов
(Москва)

Правительствующий Совет Сербский как орган гражданско-правового регулирования в 1807–1813 гг.

Статья посвящена вопросам перехода прав на крупное недвижимое имущество в Сербии эпохи Первого сербского восстания в 1807–1812 годах и роли Правительствующего Совета Сербского в этих процессах. Автор показывает основные группы сделок с недвижимостью и характеризует влияние, оказанное ими на социальную структуру сербского общества. Автор приходит к выводу о заметной роли Правительствующего Совета Сербского и его деятельности по гражданско-правовым делам в процессе складывания олигархического типа правления в повстанческом государстве к 1811–1813 гг.

Ключевые слова: *Сербия, Новое время, Первое Сербское восстание, Милованович Младен, гражданское право, собственность, повстанческое государство, Правительствующий Совет Сербский.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.1.04

Гражданско-правовое регулирование имущественных отношений в повстанческой Сербии сравнительно редко становилось объектом исследования в работах отечественных и сербских историков. Отчасти это можно объяснить довольно слабым освещением этих вопросов во фрагментарно сохранившихся источниках. Вместе с тем, после начала ключевого этапа формирования основ повстанческой государственности в 1807 г. остро встал вопрос о собственности, прежде всего — о переходе прав на землю и имущество турецкого населения Белградского пашалыка, уничтоженного или изгнанного в ходе восстания. Целостная картина судьбы прав на это имущество поможет решить некоторые спорные вопросы, касающиеся социального строя повстанческой Сербии, и, во многом, прояснить вопрос о государственно-правовой характеристике освобожденных повстанцами территорий. Кроме прочего, анализ процесса передела крупной земельной и имущественной собственности позволяет судить о расстановке сил в новом правящем классе Сербии после взятия Белграда повстанцами в конце 1806 г. и в целом характеризовать место сформированного ими управленческого аппарата, его институтов и

практик в зарождавшемся механизме регулирования общественных отношений первого национального государства славян Османской империи в Новое время.

Как правило, вопрос о роли Правительствующего Совета Сербского в рассматриваемых процессах затрагивался местными и отечественными исследователями либо в контексте анализа правовых установлений Первого сербского восстания, либо как часть политической и социальной истории освобожденного Белградского пашалыка. Историки XIX в. еще не были склонны отделять интересы нового правящего класса пашалыка, волю которого в значимой степени следует соотносить с политикой Правительствующего Совета, от общей логики национально-освободительной борьбы сербов. Так, В. Караджич коротко отмечает, что перед появлением Великой Школы и магистратов в Белграде были проданы мюльки¹ — аллоды турецких феодалов, оставшиеся без хозяев после событий конца 1806 г. Л. Арсениевич-Баталака, раскрывая причины этой акции, указывает, что она была вызвана исключительно интересами материального обеспечения боевых действий в условиях сократившейся налоговой базы². Основоположник изучения сербского права Нового времени С. Новакович приходит к выводу, что Правительствующий Совет стал играть сколько-нибудь заметную роль только с началом перераспределения турецкой собственности в 1807 г.³, при этом внутри самого Совета уже с самых первых этапов этого процесса выделились главные «бенефициары», для которых это перераспределение стало источником личного обогащения, — военный министр восстания М. Милованович и другой крупный военачальник, М. Петрович⁴. Марксистская историография характеризовала роль Совета противоречиво. С одной стороны, утверждалось, что революционные действия повстанцев (в том числе и перераспределение турецкого имущества) носили классовый характер, то есть присвоение крупных владений явно служило интересам буржуазии⁵. С другой стороны, к примеру, М. Джорджевич отмечал, что деятельность Правительствующего Совета смягчила классовую борьбу⁶, несмотря на «произвол старейшин», который в итоге определял ее сущность⁷. Современная местная историография проблемы вписывает рассматриваемый процесс передела собственности в контекст борьбы Карагеоргия и Правительствующего Совета за власть в 1807–1811 гг.⁸ и указывает на прямую связь этого передела с возрастанием роли Совета именно в качестве судебного органа⁹.

Отечественную историографию проблемы следует отсчитывать с 1863 г., когда свет увидела работа Н. Ф. Дубровина. Дубровин указы-

вал на то, что М. Милованович не только сумел извлечь максимальную выгоду из перераспределения турецкой собственности, но и стяжал этим значительную политическую власть, которую планировал обратить против Карагеоргия¹⁰. Современные исследователи вопроса соглашаются с ключевой ролью М. Миловановича в анализируемом процессе, но в то же время подчеркивают, что Карагеоргий не дал ему извлечь никакой политической выгоды из столь масштабных махинаций, хотя и не смог вернуть награбленное своим сподвижником¹¹.

Первый состав Правительствующего Совета Сербского был избран 1 сентября 1805 г. В него вошли Яков Ненадович, Йован Протич, Вукоман из Ягодины, Авраам Лукич, Младен Милованович, Янко Джурджевич и Милие Здравкович; приехавший из Харькова юрист Теодор Филипович становится секретарем Совета¹². В Совете присутствовали как «попечители», то есть ответственные за те или иные отрасли, так и представители отдельных нахий, не имеющие таких полномочий. С первых дней работы вопросы гражданско-правового регулирования занимали важное место в повестке дня Совета, однако вплоть до 1807 г. это были небольшие имущественные тяжбы между сербами на территории восстания. В декабре 1805 г. к компетенции нового органа добавились вопросы таможенных сборов, однако к действительно масштабной деятельности по гражданским делам Совет приступил только после взятия повстанцами Белграда.

С лета 1806 г., после решающих для судьбы восстания побед сербского оружия под Мишаром и Делиградом, штурм любого населенного пункта заканчивался убийством или изгнанием всего турецкого населения. В случае с Белградом этот процесс характеризовался особой жестокостью — в январе и феврале 1806 г. были разрушены все мусульманские культовые сооружения, насильно крещены и превращены в наложниц несколько сотен женщин, а 7 марта 1806 г. последние уцелевшие турки бежали в Земун¹³. Их недвижимое имущество оказалось брошенным. Вопрос об изначальной форме собственности на это имущество представляется непростым: приведенное выше замечание В. Караджича о том, что государство стало продавать «мюльки», по-видимому, характеризует частный случай. Турецкие источники свидетельствуют¹⁴ о том, что, по меньшей мере, мюльк соседствовал с читлуком (чифтлик) — поместьем, попавшим в результате кризиса военно-ленной системы в конце XVIII в. в безусловное владение бывших спахий-тимариотов. Несмотря на усилия последнего влиятельного османского правителя Белградского пашалыка — Хаджи-Мустафы-паши, конфисковавшего часть читлуков в 1793–1796 гг., эта

форма собственности была распространена в Белграде и в других районах повстанческой Сербии. Наконец, нельзя и исключать попадание в фонд «государственных» земель Первого сербского восстания значительного количества тимаров, до последнего остававшихся в рамках османской системы условного землевладения.

Первые точно датированные сведения о том, что недвижимость турков выставлена на продажу, содержатся в переписке философа и писателя Д. Обрадовича, первого министра просвещения в Сербии Нового времени. 13 августа 1807 г. он сообщает одному из своих корреспондентов, С. Гавриловичу: «...в Белграде начали продавать турецкие дома»¹⁵. Д. Обрадович в январе 1808 г. приобрел один из таких домов для устройства типографии¹⁶; как установили историки разных поколений¹⁷, сам великий деятель сербского национального возрождения вплоть до своей смерти 26 марта 1811 г. не имел жилья в повстанческой столице.

Передача недвижимости покупателю оформлялась тапией — документом, подтверждающим право собственности. Тапия выдавалась от имени Правительствующего Совета, а с 1811 г. — еще и от имени Карагеоргия. Анализ нескольких десятков тапий, сохранившихся в разных фондах Архива Сербии, позволяет говорить о том, что в этом документе обязательно указывалась дата передачи имущества, его координаты (номер квартала и дома для Белграда, наименование населенного пункта и описание близлежащих природных ориентиров для сельских территорий Сербии, количество, местонахождение и отличительные признаки мелкого недвижимого имущества — ульев и т. д.), фамилия, имя и место рождения приобретателя, а также сумма денег, уплаченная за покупку. Тапия обязательно завершалась указанием на то, что деньги переданы в бюджет повстанческого государства (Касу Народну). На наличие широкого поля для произвола и махинаций указывает, кроме прочего, тот факт, что ни в одном из источников не сохранилось подробного описания каких-либо правил продажи недвижимости. Таким образом, неясно, как покупатель обращался в Совет, как устанавливалась цена, как принималось решение о том, кому именно отходила востребованная недвижимость, и т. д. Лишь Д. Янкович, основоположник современного подхода сербской историографии к пониманию правовых проблем периода восстания, коротко сообщает о том, что имела место процедура лицитации¹⁸ (аукциона с единственным лотом), не раскрывая, впрочем, источников такого вывода. По-видимому, решающую роль здесь играли личные связи потенциального покупателя в Правительствующем Совете.

Упорядочивая все прецеденты покупки крупной турецкой собственности, известные современному исследователю по сохранившимся тапиям, можно выделить две ключевые группы. Первая группа представляет собой совсем небольшие приобретения. Как правило, речь идет либо о мелких участках на окраинах Белграда, либо о земле на периферии Сербии. Так, 31 октября 1808 г. некто С. Николич из Рудницкой нахии приобретает землю в той же нахии, внося в бюджет сумму в 200 грошей¹⁹. 10 мая 1810 г. некто (имя неразборчиво) приобретает земельный участок № 219 во II квартале Белграда, у Видин-Капии (восточная граница Калемегдана), уплатив 500 грошей²⁰. О сопоставимых суммах идет речь в тапии на улы, выданной в январе 1809 года²¹, и в тапии, утверждающей результат спора об общинных землях и побережье реки, выданной в феврале 1809 года²². Все документы такого рода выданы в 1808–1809 гг., характеризуются небольшими суммами стоимости приобретаемого имущества и неидентифицируемыми по другим крупным источникам покупателями. В любом случае речь не идет о военачальниках или локальных князях. Численно эта группа сделок также представляется небольшой и, по видимому, не играющей существенной роли в переделе имущества, брошенного турками.

Вторая группа более многочисленна и представляет гораздо больший интерес в контексте анализа концентрации крупной собственности в повстанческой Сербии. Речь идет о крупных приобретениях, совершавшихся в 1807–1812 гг. представителями военной и дипломатической элиты Первого сербского восстания. К примеру, М. Петрович, которого, как отмечалось выше, С. Новакович назвал в числе главных бенефициаров земельного передела, уже 28 декабря 1807 г. приобрел дом № 244 в IV квартале Белграда за 2500 грошей²³. Любопытно, что первоначально рассматриваемая тапия была выдана на имя М. Миловановича, но его имя в соответствующей графе перечеркнуто, что может свидетельствовать как об ошибке секретаря совета, так и о споре между двумя повстанческими военачальниками. Тремя месяцами позже его соседом становится видный дипломат Первого сербского восстания П. Ичко, ставший за 2500 грошей обладателем дома № 262 в том же квартале²⁴. После покупки П. Ичко прожил ровно полтора месяца и был отравлен 8 мая 1808 г.: на его тапии стоит приписка о возврате дома в ведение Правительствующего Совета. Повстанческие руководители не прекращали заниматься скупкой лучшей недвижимости даже в период установления диктатуры Карагеоргия и подавления восстания турками. Так, Р. Петрович 15 марта 1811 года приобрел

дом во II квартале Белграда за 1800 грошей²⁵. Отмечались крупными приобретениями и деятели «второго ряда», командовавшие небольшими подразделениями войска повстанцев. К примеру, С. Живкович, главный интендант гарнизона Калемегдана, впоследствии ответственный за обучение первых регулярных частей сербской армии, вместе с братом В. Живковичем приобрели дом № 194 во II квартале Белграда за 1500 грошей 1 февраля 1809 года²⁶.

Интересной частью данной группы являются покупки, тапии на которые выданы монастырям. Так, монастырь Рача 13 декабря 1808 г. приобретает в Белграде дворец («конак») под номером 72 за 1500 грошей²⁷. За этой покупкой нетрудно проследить интересы игумена монастыря архимандрита Хаджи-Мелентия, имевшего, по донесениям русских военачальников 1811–1812 гг., большое влияние на Карагеоргия²⁸. Еще более прозрачным представляется характер покупки 23 сентября 1808 г. монастырем Боговаджа земель под Белградом на 920,5 грошей²⁹. Известно, что за два с половиной года до этого монастырь был уничтожен турками, узнавшими о том, что в нем проводились заседания Правительствующего Совета. Таким образом, есть все основания считать это приобретение замаскированной сделкой кого-то из состоятельных «ктиторов» монастыря, несомненно, принадлежавших к элите Первого сербского восстания.

Однако наибольшую выгоду из перераспределения турецкого имущества получил М. Милованович, «комендант Белграда». Сразу после ухода турок он, по сведениям высоко оценивавшего его способности русского эмиссара К. К. Родофиникина, смог получить доступ к оставленным ими на хранение некоторым сербам драгоценностям и денежным средствам³⁰. Уже в 1807 г. он обзавелся огромным дворцом, к которому потом прибавил и выморочное имущество П. Ичко, и многочисленным гаремом³¹. Годом позже он получил в безусловное владение огромный остров Ада Циганлия, расположенный недалеко от впадения Савы в Дунай. Анализ тапий Правительствующего Совета показывает, что страсть к обогащению не изменяла ему даже в период подавления восстания. 28 августа 1811 г., в период ожесточенных боев сербских, русских и турецких войск, он, занимая пост военного министра Сербии, приобретает выгодные с точки зрения логистики территории на берегу реки Тимок за незначительную для него сумму в 400 грошей³², а потом и несколько переправ неподалеку³³. Не умаляя его достижений в торговле и дипломатии, с уверенностью можно сказать, что именно в процессе передела турецкой собственности М. Милованович стал, по оценкам историков, самым

богатым человеком повстанческой Сербии³⁴. Чтобы оценить масштабы описанных приобретений, следует привести сохранившиеся сведения о доходах рядовых граждан Сербии периода восстания. Известно, к примеру, что годовой оклад судьи магистрата составлял 400 грошей, а писаря в том же учреждении — 360 грошей³⁵. Сумма налога, причитавшаяся к внесению в бюджет за год с одной нахии, составляла от 5000 до 6500 грошей³⁶.

Иные вопросы гражданско-правового регулирования, которыми ведал Правительствующий Совет, сыграли намного меньшую роль в формировании социальной структуры сербского общества эпохи восстания. Так, Совет должен был выступать судом апелляционной инстанции по гражданским тяжбам, если сумма иска составляла свыше 100 грошей. Наконец, одними из последних крупных решений Совета стали «Дипломы», которыми Карагеоргий вместе с Советом назначал воевод в нахии в 1811–1812 гг. Помимо прочего, туда входили указания на передачу ряда населенных пунктов каждому воеводе в личное владение, что, без сомнения, надо рассматривать как акт гражданско-правового регулирования. Так, И. Чарапичу по данному «Диплому» во владение отошли села Белый Поток, Курмодраж, Пиносава, Винча, Вишница, Коледом, Гроцка, Мириево, Ритопек³⁷: в настоящее время это пригородные общины на юге и юго-востоке городского округа Белград. «Дипломы» получили воеводы «второго ряда», не ставшие крупными военачальниками в первые годы восстания. Этот факт может означать своеобразное завершение компромисса между центральной властью Карагеоргия и Совета и интересами местных элит.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что деятельность Правительствующего Совета в качестве органа гражданско-правового регулирования сыграла ключевую роль в формировании нового имущего класса национального государства — олигархов Первого сербского восстания. Концентрация крупной собственности в руках этого класса во многом определила динамику общественных отношений в повстанческой Сербии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Karađiđ V. S.* Милош Обреновић, князь Сербии или грађа за српску историју нашег времена // Карађиђ V. S. Историјски списи. Београд, 1985. С. 83.

- 2 *Арсенијевић-Баталака Л.* Историја српског устанка. Београд, 1896. С. 254.
- 3 *Новаковић С.* Уставно питање и закони Карађорђева времена. Београд, 1907. С. 128.
- 4 *Новакович С.* Из дипломатической истории Сербии. Мир Петра Ичко. Попытка непосредственного соглашения Сербии с Турцией 1806–1807 гг. СПб., 1908. С. 101.
- 5 *Чубриловић В.* Први српски устанак // Историјски гласник. 1954. Бр. 1–2. С. 9.
- 6 *Ђорђевић М.* Српска нација у грађанском друштву. Београд, 1979. С. 81.
- 7 *Ђорђевић М.* Србија у устанку 1804–1813. Београд, 1979. С. 223.
- 8 *Мартиновић А.* Српска револуција и стварање српске државе // Зборник радова Правног факултета у Новом Саду. 2004. Вып. XXXVII. Бр. 2. Т. 1. Нови Сад, 2004. С. 225–226.
- 9 *Поповић М.* Судство у Кнежевини Србији (1838.–1869. г.). Београд, 2016. С. 18–19.
- 10 *Дубровин Н. Ф.* Сербский вопрос в царствование императора Александра I // Русский вестник. М., 1863. Т. 46. № 8. С. 148.
- 11 *Грачев В. П.* Первое сербское восстание и Россия во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. М., 2010. С. 235.
- 12 *Караџић В. С.* Прва година српскога војевања на дахије. Београд, 1979. С. 79.
- 13 *Новакович С.* Из дипломатической истории Сербии... С. 101.
- 14 *Рашид-беј.* Историја чудноватих догађаја у Београду и Србији // Споменик Српске краљевске академије. Т. XXIII. Београд, 1894. С. 16.
- 15 Први српски устанак. Акта и писма на српском језику. Књ. 1: 1804–1808 г. Београд, 1977. С. 288.
- 16 Там же. С. 316.
- 17 См. об этом: *Гавриловић А.* Доситије у Србији. Београд, 1902. С. 9; *Ковачевић Б.* Доситеј Обрадовић у Првом српском устанку. Београд, 1953. С. 45.
- 18 *Јанковић Д.* Istorija države i prava Srbije 19. veka. Beograd, 1958. S. 77.
- 19 Архив Сербии (далее — АС). Ф. Varia. Оп. 5. Д. 4. Л. 1.
- 20 Там же. Ф. Поклони и откупи. Оп. 55. Д. 254. Л. 1.
- 21 Там же. Ф. Varia. Оп. 5. Д. 8. Л. 1.
- 22 Там же. Ф. М. Петровича. Оп. 46. Д. 1. Л. 1–10б.
- 23 Там же. Ф. Поклони и откупи. Оп. 55. Д. 252. Л. 1.
- 24 Там же. Оп. 12а. Д. 12. Л. 1.
- 25 Там же. Оп. 55. Д. 256. Л. 1.

- 26 Там же. Оп. 77. Д. 2. Л. 1.
- 27 Там же. Ф. Varia. Оп. 5. Д. 6. Л. 1.
- 28 Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 2. М., 1983. С. 215.
- 29 АС. Ф. Поклоны и откупи. Оп. 140. Д. 2. Л. 1.
- 30 *Грачев В. П.* Первое сербское восстание... С. 236.
- 31 *Арсенијевић-Баталака Л.* Историја српског устанка... С. 378–380.
- 32 АС. Ф. Поклоны и откупи. Оп. 55. Д. 287. Л. 1.
- 33 Там же.
- 34 *Гавриловић А.* Знаменити Срби 19. века. Загреб, 1904. С. 34.
- 35 *Живановић Т.* Законски извори кривичног права Србије и историјски развој његов и њеног кривичног правосуђа од 1804. до 1865. Београд, 1967. С. 24.
- 36 Там же. С. 25.
- 37 Архив Сербской академии наук и искусств в Белграде. Ф. Историјска збирка. Оп. 535. Д. 1. Л. 1.

V. I. Sopov

The Governing Council of Serbia as a body
of civil regulation in 1807–1813

The article focuses on the problems of the transfer of ownership to the largest real estate in the Serbian state during the epoch of the First Serbian Uprising in 1807–1812, mostly — on the Ruling Council role in the processes. Author shows the main groups of the transactions and describes the influence they had on the Serbian society social structure. Author reaches the conclusion that the Ruling Council and its position in the civil cases played a greater role in the oligarchic type of government's development in the rebel Serbian state in the years of 1811–1813.

Keywords: *Serbia, The Modern Epoch, First Serbian Uprising, Milovanović Mladen, civil law, property, rebel state, Ruling Council.*

А. С. Озерова
(Москва)

Образ детства польского шляхтича в 1880-е гг. в мемуарном наследии Я. Булгака

Статья посвящена актуальным вопросам формирования личности во второй половине XIX в. В центре внимания статьи — воспоминания польского фотографа Яна Булгака, до настоящего времени не переведенные на русский язык. Автор затрагивает сюжеты, связанные с первыми воспоминаниями ребенка, восприятием детскими глазами окружающего мира, родителей, домашней обстановки.

Ключевые слова: *история детства, Польша, повседневность, феномен детства, шляхта.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.1.05

Вторая половина XIX в. — это время, когда традиционные для польского дворянского общества нормы и методы воспитания столкнулись с новыми подходами к личности ребенка. Детям в шляхетской семье стали уделять больше внимания, к вопросам их воспитания стали подходить систематически¹. Традиционная же старопольская модель предполагала сдержанность и эмоциональное безразличие по отношению к детям. В таких семьях дети росли в строгой дисциплине и беспрекословно подчинялись взрослым. Обычно такие семьи были многодетными. Если же ребенок был единственным (что со временем стало происходить все чаще), то воспитание было более свободным, несмотря на то, что о ребенке лучше заботились и его сильнее опекали.

К сожалению, в польских мемуарах XIX в. при значительной распространенности этого жанра обычно содержится слишком мало сведений о детстве, они чаще всего сводятся только к дате и месту рождения, количеству братьев и сестер, кратким данным о родителях. Почему мемуаристы практически не писали о своем детстве? На наш взгляд, вполне убедительной точкой зрения является то, что обычно шляхтичи писали свои мемуары не для широкого круга читателей, а для детей или, реже, для внуков. Для благородного сословия очень важной являлась передача истории рода, в мемуарах часто приводилось генеалогическое древо, но при этом особенности воспитания как таковые не были важны².

Однако уже в XXI в. был опубликован важнейший источник, позволяющий детально воссоздать образ детства польского шляхтича. Ян Булгак (1876–1950), которого часто называют «отцом польской фотографии», оставил уникальные воспоминания о своем детстве, аналогов которым в польской мемуарной литературе практически нет. Рукопись воспоминаний хранилась у наследников мемуариста и была опубликована спустя более полувека после его смерти³. Вслед за польским изданием мемуаров Булгака, осуществленным небольшим тиражом в 2003 г. в Гдыне, уже в следующем году последовала их публикация на белорусском языке государственным издательством «Беларусь»⁴.

Первый том воспоминаний Булгак писал в Вильно с января 1940 г. до октября 1942 г., во время, когда город по очереди переходил то в литовские, то в советские, то в немецкие руки, а интенсивной работе способствовал введенный комендантский час. Машинописный текст, который насчитывал свыше 600 страниц, с поправками автора, уцелел. В общей сложности сохранилось около 18 копий, которые оказались в руках частных лиц.

Ян Булгак родился 6 октября 1876 г. в Осташине Гродненской губернии, в среднезажиточной шляхетской семье. Воспоминания, описывающие события по прошествии 50 лет, дают полную картину повседневной жизни семьи Булгаков в 1880-е гг. Автор, обладавший поистине фотографической памятью, подробно и достоверно воспроизводит обстановку дома, природу и события.

Ян рос единственным ребенком в семье. По его словам, ему не раз приходилось ощущать острый недостаток в родне, что повлияло на формирование его характера и сделало его эгоцентричным человеком⁵. Для XIX в. для дворянского общества были характерны многодетные семьи, и наличие только одного ребенка в семье было нетипичным явлением. В связи с этим, как отмечает В. М. Бокова, воспитание в таких семьях было отличным и приобретало свои определенные черты: в таких обстоятельствах к детям относились очень бережно, их холили и лелеяли, следили за каждым шагом и возможным признаком болезни — лишь бы с ребенком ничего не случилось⁶.

Каким же запомнилось собственное детство будущему известному виленскому фотографу? Самые ранние, отрывочные воспоминания Булгака относятся уже к четвертому году жизни.

Первое впечатление маленького Яна имеет мрачный колорит по сравнению с остальным повествованием о детстве. Как в тумане он вспоминает бессонную ночь, приглушенный свет лампы, испуганное лицо матери. Вспоминает, как она взволнованно смотрит на мужа,

пытающегося укачать сына на руках. Ребенок понимает, что он болен, видя беспокойство на лице своих родителей, но при этом никаких проявлений болезни он не чувствует: «Призраки невыразимой угрозы, казалось, выплывали из темных уголков комнаты и носились над нами»⁷. Именно в тот момент у маленького Яна появился страх темноты и ночи, который сопровождал его на протяжении всего детства. Он быстро пробежал через темную комнату, боялся страшных снов и во время вечерней молитвы молился о том, чтобы Бог защитил его от всего этого ужаса.

Второе воспоминание относится к поездке вместе с родителями к дяде и тете Хациским (Тадеуш Хациский — брат матери Яна). На этот раз в памяти ребенка отложились не предметы и люди, окружавшие его, а обстановка и мебель: высокие стулья в просторной столовой, полной блестящего света, беседа большого количества незнакомых детей, несколько хорошо освещенных комнат с высокими потолками и сам Ян, затерявшийся посреди этой шумной комнаты, полной непонятных огромных предметов⁸. Впечатлительность ребенка подверглась тяжелому испытанию, но он не плакал, а наоборот — чувствовал интерес и влечение к этому невиданному окружению, которое впоследствии показалось ему прекрасным.

Следующее воспоминание — это первый визит в имение Мирати-чи, еще в то время, когда был жив его дед по матери Владислав Хациский (ум. в 1881 г.). Ян запомнил беспокойную ночь в боковой комнате, шторы на окнах в стиле ампир. Неприятные сны, от которых он искал спасения в объятиях матери, темный свет от лампочки, его просьбы, чтобы эта ночь быстрее закончилась, отголоски лая собак и их беготню в саду. А потом совершенно иная картина: веселое утро, полное звуков охоты, стая гончих, которые несутся врассыпную по холмистым полям и пастбищам, заросшим кустами можжевельника, из которых выходит дед — высокий, с седыми усами и с ружьем за плечами.

Эти впечатления — исключительно воспоминания настроений, наиболее острых пережитых эмоций от ситуаций, внесивших дисбаланс в привычный ритм жизни. Фигуры и лица людей, а прежде всего лица родителей, отложились в сознании ребенка отчетливее, когда он достиг возраста пяти лет. Мать он запомнил лучше всего, когда она сидела в столовой возле самовара и наливала чай или была занята работой, сидя в кресле, стоящем в углу комнаты возле окна рядом со швейной машинкой. Но видит он ее нечетко, как в тумане, в то время как отца он может вспомнить уже точнее.

Мать мемуариста имела литературные способности, которые проявились в оставленном ею дневнике, а также в богатой коллек-

ции семейной корреспонденции. Имея пристрастие к искусству слова, Ян подчеркивал, что эти способности он, без сомнения, получил от матери⁹. Мемуары Булгака достаточно ярко демонстрируют унаследованные способности — уже с первых страниц они отличаются метафоричностью в описании дома, природы, окружающих людей. Основную же сложность в анализе воспоминаний представляет собой отделение воспоминаний четырехлетнего ребенка от позднейших знаний автора о «шторах в стиле ампир».

Мать Яна не могла иметь больше детей, и всю свою любовь она сосредоточила на единственном сыне. Мальчик рос болезненным ребенком и этим серьезно тревожил своих родителей, поэтому больше времени они уделяли заботе о здоровье сына, а не систематическому воспитанию. Отец, может, и хотел бы добавить немного дисциплины в его воспитание, но в конце концов подчинился матери и согласился с тем, что Ян стал ребенком, которому было многое дозволено. Тот же инстинктивно это чувствовал и использовал, привыкнув к такой привилегии. Отец не мог ничего с этим сделать, так как мать любила ребенка безмерно и видела только в этом маленьком человеке все счастье. Она не желала слушать ничьих советов, кроме голоса своего встревоженного сердца.

Впоследствии из сохранившихся писем матери Булгак узнал, какой страх она испытывала за будущее. Каждое ухудшение здоровья, каждое легкое недомогание сына становились для нее несчастьем. Роль такого маленького принца, по откровенному признанию мемуариста, негативно повлияла на всю его жизнь, укрепляя в нем слепой эгоизм, не зависящий ни от чего¹⁰. По мнению родителей, Ян руководствовался только поиском собственной выгоды и развлечений¹¹. Если избалованный мальчик хотя бы немного боялся отца и считался с его собственной жизнью, то мать, по мнению Яна, жила исключительно для него, и он привык, что она угадывала его мысли, угождала его желаниям.

Последовательный рассказ о своем детстве Булгак начинает с 1882 г., когда ему исполнилось 6 лет и он уже смог все хорошо запомнить. У читателя мемуаров складывается ощущение, что он сам погружается в семейную атмосферу и в обстановку дома. Булгак пишет о своей семье с таким трепетом и нежностью, что это затмевает его первые смутные воспоминания. Для него любовь — это семья, семья — это дом, а дом — это свет в лампе, дом, построенный не только из камня и кирпича, но и из людских сердец, из всего, что есть самого прекрасного и самого святого в человеческой душе, из семейных уз, родительской заботы, материнской любви, детской беззащитной доверчивости¹².

В памяти Яна особым образом отложилась домашняя библиотека. Новых книг, в том числе ставшего знаменитым именно в 1880-е гг. Генрика Сенкевича, в доме не было. Будучи еще шестилетним мальчиком, Ян увидел на полке старое издание поэмы «Мария» Антония Мальчевского (1793–1826) с иллюстрациями, на одной из которых был изображен дьявол с растопыренными острыми когтями, догоняющий бегущего казака. Пробегая через темный коридор по дому, мальчик обычно дрожал от страха, думая, что откуда-нибудь на него выскочит этот дьявол и схватит его за волосы¹³.

В мемуарах Булгака очень подробно отложилась обстановка шляхетского дома. Маленькому Яну очень не нравилась комната отца, так как там были узкие окна, почти не пропускавшие свет в комнату. Мальчику казалось, что эти окна делают ночь длиннее, забирая день, и в комнате было еще труднее дождаться прекрасного утра.

Детская кровать Булгака находилась рядом с кроватью матери. Рядом с кроватью стоял табурет, на котором лежало металлическое расписание, которому он молился перед сном. Над кроватью висел образ ангела-хранителя.

Ян рос ребенком добродушным и робким, цепенел от крика отца, если тот сердился, и не хотел вечером ложиться спать, боясь, что ему снова приснится страшный сон¹⁴. Стоит отметить, что кошмары мучили ребенка вплоть до десятилетнего возраста. Лучше всего мальчику спалось вместе с папой, тогда он чувствовал, что защищен. Мать же часто сетовала на то, что ребенка очень тяжело уложить спать, потому что маленький Ян всегда старался найти отговорки, чтобы отсрочить отход ко сну. Сын даже не мог поделиться своим страхом с матерью, так как не знал, как ей об этом рассказать. Поэтому ему приходилось молча идти в постель, как на смерть¹⁵, и ждать, пока он, совсем обесиленный от своего страха, уснет. Во время ожидания ребенок постоянно смотрел на старые часы, гадая, сколько еще оборотов должны совершить стрелки, чтобы наступило утро.

Иногда мальчику снились совсем удивительные сны. Например, он как будто бы присутствует на Страшном Суде, причем этот Суд только для него одного. Он ощущает присутствие Бога, а перед собой видит ангела с мечом и весами в руках. Ангел ждет его покаяния, но Ян не может сказать ни слова от страха и даже мысленно не может вспомнить свои грехи. Обычно на этом моменте сон прерывался.

В целом Булгак рос ребенком очень впечатлительным, отчасти богобоязненным и вообще боязливым. Его могли вывести из состояния равновесия буквально любая деталь, любая выдуманная им фантазия.

Не имевший братьев и сестер Ян не любил оставаться один. Даже когда мальчик засыпал, ему хотелось слышать звуки беседы. Присутствие других людей рядом давало ему чувство защищенности. Особенно ему нравилось, когда к ним приезжали гости, и дом наполнялся шумом. Очень часто перед сном к нему приходила его «няня Юлька» и что-нибудь ему рассказывала. Чаще это были истории о прошедшем дне либо о том, что планируется приготовить на завтрашний обед. Зачастую в дворянских семьях няня была для ребенка даже ближе, чем его родители¹⁶. Семья Булгаков в этом плане отличается от остальных, так как родители уделяли ребенку достаточное количество любви и ласки.

Очень интересны и важны те места мемуаров, где повествуется о том, как мальчик познает окружающий его мир. Самым любимым местом в доме для него был кабинет отца, где находилось большое окно, выходявшее на балкон. На этом балконе он устраивал целый наблюдательный пункт, следя за жизнью имения.

Так же, как и балкон, Яна привлекала крутая и скользкая лестница, ведущая на чердак, и, конечно же, сам чердак, полный старых ненужных вещей. Он любил находиться там в одиночестве, изучая попавшие туда предметы.

Вся жизнь матери Булгака была заключена в ведении домашнего хозяйства и в заботе о своем сыне. Юзефа была женщиной религиозной, но, по мнению Яна, эта вера была скорее формальной. Она часто осуждала какой-либо поступок, но редко рассуждала о том, как правильнее было бы поступить. Она больше говорила о катехизисе, чем о его применении в жизни.

Сын часто слушал материнские наставления, пропуская их мимо ушей и ожидая, когда это все уже закончится. В эти моменты ему часто казалось, что с матерью они говорят на разных языках. Юзефа часто молилась сама и привлекала к молитве весь дом. Обязательной считалась молитва перед едой. Обязательно и строго соблюдались все посты. Она часто повторяла ребенку, что нельзя делать другому то, что ему самому кажется неправильным. На практике получалось так, что Ян не мог даже попробовать применить это правило, так как у него не было друзей, близких ему по возрасту, поэтому разговоры подобного рода казались ему пустыми и нудными.

То же самое было и с поездками в костел. Мальчику казалось, что с родителями они приезжали туда потому, что так надо и таковы правила. Путешествия эти были ему интересны только с той точки зрения, что можно было лишний раз полюбоваться окрестностями и подробно рассмотреть внутреннее убранство костела. Храм у него ассоциировался с

местом, где живет Бог, и когда начинал звучать орган, он полагал, что таким образом Бог выражает свое недовольство прихожанами.

Валерий Булгак был человеком совершенно другим, нежели его жена Юзефа. Разница эта заключалась даже не столько в характере, сколько в фамильных различиях шляхетских семей Булгаков и Хациских. Хациские, по мнению мемуариста, отличались большей цивилизованностью и разумностью. Представители материнского рода были более выдающимися, образованными, уважаемыми в округе людьми, и про них Ян знал несравненно больше. В целом же Хациские были ближе к культуре, были творческими людьми. Сам Ян считал, что по характеру он все-таки ближе к Хациским, способность к творчеству перенял именно с этой стороны, и характером он был похож на мать.

О Булгакове Ян судил по примеру своего деда, тоже Яна Булгака, который кое-как смог спасти имение своей жены от разорения, но потом в старости целые дни проводил у окна и жаловался на то, что все дорожает, жить стало тяжело и дальше будет только хуже¹⁷. Хотя отец мальчика отличался трудолюбием, был вежливым и воспитанным, при этом он был не очень образованным. Он был занят только работой по хозяйству, и его интересы в целом замыкались в пределах домашних вопросов¹⁸.

Валерий Булгак был человеком с благородным и сильным характером. Вся его жизнь была посвящена заботе о благополучии своей семьи. Скорее он относился к такому типу людей, которые довольствовались тем, что у них есть, и не считал, что у него может быть право хотеть чего-то большего. Он был приспособлен к тяжелому физическому труду и никогда не болел, даже в преклонном возрасте¹⁹. К врачам он относился с настороженностью, так как не считал обязательным использование лекарств, а тем более полагал, что врачи только и желают, что продлить болезнь. Он был религиозен, каждый день начинал с молитвы и ей же свой день заканчивал. Часто в своей речи упоминал Бога, и если говорил о каких-то далеко идущих планах, то всегда добавлял «если Бог позволит»²⁰. На все вопросы он смотрел рационально, был суров по отношению к прислуге, всегда требовал четкого выполнения приказов.

Отцовский день обычно начинался раньше, чем у остальных членов семьи. Вставал Валерий в четыре часа утра и отправлялся смотреть, как кормят и ухаживают за скотом, так как был уверен, что «от хозяйского глаза скот жирел»²¹. Возвращался он обычно к обеду, немного отдыхал, ел, обязательно после обеда выкуривал папиросу и отправлялся дальше работать. Тем не менее, с семьей он был ласков, всегда находил время для общения с сыном.

Свою жену Юзефу Валерий часто возил в различные варшавские или заграничные лечебные кабинеты, хотя на это и требовались большие расходы. Мягкий в домашней жизни, отец был в своих принципах твердым и неуступчивым, и в этом проявлялись, по словам сына, его сила характера, его старопольская добродетельность, столь близкая к римской доблести²². В противоположность матери, отец никогда не занимался нравоучениями и не навязывал свою точку зрения другим, считая, что то, как он живет, уже является примером. То, что в жизни дворянского ребенка родителей (особенно отца) было в общем-то мало, создавало их настоящий культ и придавало особую ценность и весомость всякому исходящему от них слову и поступку²³. В итоге авторитет родителей был непререкаем, а открытое и демонстративное неподчинение их воле в дворянской среде было редкостью.

Не пытался перечить отцу и Ян. Но, будучи уже взрослым человеком, он сожалел, что Валерию не хватало времени на его воспитание и он не смог научить Яна всему, что он знал, и тем более привить любовь к работе по хозяйству. Редкие попытки в этом направлении, конечно, совершались, но в детском возрасте мальчик такими скучными, по его мнению, вещами не интересовался и предпочитал разглядывать васильки или птиц²⁴. Видимо, поэтому воспитанием занималась мать, окружив ребенка книжками, наставниками, музыкой, всем французским, и при этом не считала, что ребенка надо учить практическим вещам. Отец, безусловно, волновался и в кругу самых близких говорил, что Ян никогда не станет хозяином, приводя в пример одного из своих племянников, Мариана, который вырастет и станет радостью для своего отца²⁵.

Отцовские обязанности заключались также в ведении хозяйства вне дома. Он следил за полевыми работами и сам работал в поле. Помимо этого занимался ремеслом. Вся мебель в доме была сделана самими хозяевами, но, естественно, при помощи слуг. Очень любопытны приводимые мемуаристом детали передвижения шляхетской семьи. Даже на самые малые расстояния представители благородного сословия всегда выезжали на бричке, но ни в коем случае не пешком, так как это считалось простонародным, свидетельствовало об убогости и даже о деклассированности. Доходило до того, что шляхтич, пусть и самый мелкий, скорее откажет себе в еде или одежде, но средство передвижения у него должно было быть обязательно²⁶. А вот, например, карета уже считалась роскошью. Лошади могли быть не обязательно породистыми, главное, чтобы выглядели они откормленными и были в хорошем состоянии.

Семейные средства передвижения строились самостоятельно, однако кое-какие части все равно приходилось покупать. Например, это

касалось хомутов. Хомуты могли быть двух видов: русские и краковские. Русские представляли собой обычные гладкие шоры, похожие на те, которые использовали для работы в поле. Использование краковских хомутов было запрещено после восстания 1863–1864 гг., так как в этом видели демонстрацию польского происхождения. Чаще всего этот запрет игнорировался, а отец Яна, несмотря на свою осторожность, все-таки решился на приобретение именно краковской модели²⁷.

После смерти Юзефы в 1893 г. Валерий Булгак женился во второй раз на Казимире Межевской. После этой свадьбы Ян навсегда покинул отчий дом, поселившись в Пересеке, полученной по наследству от матери. Как он сам объясняет, причиной стал характер мачехи, который был совершенно несносным²⁸. Отныне дом в родном Осташине стал для Яна чужим. Но цепкая память сохранила множество колоритных деталей, которые известный фотограф на склоне лет сумел передать в виде подробного мемуарного повествования, рисующего реальный образ детства маленького польского шляхтича 1880-х гг.

Таким образом, рассмотрение проблем детства польских шляхтичей именно сквозь призму истории повседневности, отраженной в источниках личного происхождения, представляется весьма перспективной исследовательской задачей. В польской мемуарной литературе XIX в., несмотря на обычную немногочисленность сведений о детских годах авторов воспоминаний, можно обнаружить аутентичные, адекватные и расширяющие традиционные представления исторической науки данные о формировании личности, воспитании и начальном обучении представителей благородного сословия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: *Boldyrew A. Matka i dziecko w rodzinie polskiej. Ewolucja modelu życia rodzinnego w latach 1795–1914.* Warszawa, 2008; *Kicowska A. Pamiętniki jako źródło do badań nad dzieckiem i dzieciństwem // Dziecko w rodzinie i społeczeństwie. Dzieje nowożytne. T. 2.* Bydgoszcz, 2002. S. 301–310; *Pachocka A. Dzieciństwo we dworze szlacheckim w I połowie XIX wieku.* Kraków, 2009; *Winiarz A. Czynniki determinujące proces wychowania w rodzinie polskiej doby niewoli narodowej (1795–1918) // Wychowanie w rodzinie polskiej od schyłku XVIII do połowy XX wieku.* Bydgoszcz, 2000. S. 51–102.

2 *Waksmund R. Historia dziecka i dzieciństwa z perspektywy prozy wspomnieniowej // Dziecko w rodzinie i społeczeństwie. Dzieje nowożytne. T. 2.* Bydgoszcz, 2002. S. 311–321.

- 3 *Bulhak J.* Kraj lat dzieciennych. Gdynia, 2003. 287 s.
- 4 *Булгак Я.* Край дзіцячых гадоў. Мінск, 2004. 415 с.
- 5 *Bulhak J.* Kraj lat dzieciennych. S. 24.
- 6 *Бокова В. М.* Отроку благочестие блюсти. Как наставляли дворянских детей. М., 2013. С. 9.
- 7 *Bulhak J.* Kraj lat dzieciennych. S. 24.
- 8 Ibidem.
- 9 Ibidem.
- 10 Ibid. S. 26.
- 11 Ibidem.
- 12 Ibid. S. 30.
- 13 Ibid. S. 33.
- 14 Ibidem.
- 15 Ibid. S. 35.
- 16 *Бокова В. М.* Отроку благочестие блюсти. С. 19.
- 17 *Bulhak J.* Kraj lat dzieciennych. S. 144.
- 18 Ibidem.
- 19 Ibid. S. 145.
- 20 Ibid. S. 146.
- 21 Ibid. S. 155.
- 22 Ibid. S. 148.
- 23 *Бокова В. М.* Отроку благочестие блюсти. С. 58.
- 24 *Bulhak J.* Kraj lat dzieciennych. С. 148.
- 25 Ibid. S. 148.
- 26 Ibid. S. 151.
- 27 Ibid. S. 152.
- 28 Ibid. S. 170.

A. S. Ozerova

The image of the Polish nobleman's childhood in the 1880s
in the memoirs of Jan Bulhak

The article is devoted to topical questions of personality's formation in the second half of the 19th century. In the scope of the publication are the memoirs of the Polish photographer Jan Bulhak, which have not been translated into Russian so far. The author describes the subjects of the child's first memories, the perception of the world around him, his parents, and the home environment.

Keywords: *history of childhood, Poland, everyday life, phenomenon of childhood, gentry.*

**«Праздник просвещения был очень интересен и симпатичен»:
400-летний юбилей Ободской типографии
(К истории одного путешествия)**

Статья посвящена поездке профессора Казанского университета А. И. Александра и учителя 1-й казанской мужской гимназии Н. К. Горталова в Черногорию в 1893 г. на юбилейные торжества, посвященные 400-летию первой типографии кирилловского шрифта на Балканах. Рассмотрены отношение к юбилею русской интеллигенции, хроника праздничных мероприятий; показан вклад А. И. Александра в изучение истории и культуры Черногории.

Ключевые слова: *Черногория, Казанский университет, А. И. Александров, профессора, 400 лет первой типографии кирилловского шрифта на Балканах, юбилей, путевые очерки.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.1.06

В 1493 г. по инициативе черногорского властителя Джурджа (Георгия) Црноевича на Балканах была основана первая типография кирилловского шрифта (существовала недолго, прекратила деятельность после захвата страны турками около 1496 г.). 4 января 1494 г. монах Макарий закончил печатать в ней Октоих¹ — самый древний дошедший до нас памятник типографского искусства южных славян. Местонахождение этой типографии до сих пор спорно: называют даже Венецию, но наиболее вероятны расположенные недалеко друг от друга черногорские города Цетинье или Обод. Несмотря на то, что Цетинье как место издания указывается в Псалтыри с воследованием, вышедшей в этой типографии в 1495 г., версия Обода имела своих сторонников как в XIX, так и в XX в. История вопроса о местонахождении типографии рассмотрена Е. Л. Немировским в монографии², посвященной славянским изданиям кирилловского (церковнославянского) шрифта. Утверждение, что типография первоначально находилась в Ободе, впервые появилось в 1834 г. в статье Д. Милаковича «Краткая история Черногории», основанной на рукописной хронике митрополита и господаря Петра I Петровича Негоша, из-за чего считалось, что информация о ее местонахождении в Ободе восходит к древности. Во второй половине XIX в. за Обод высказывались сербские и черногорские ученые М. Медакович, Н. Дучич, В. Караджич. Это мнение

разделял и Павел Аполлонович Ровинский³, русский ученый, долгое время живший в Черногории⁴. Он проводил в Ободе археологические раскопки и обнаружил фундамент неизвестного здания, принятого им за остатки типографии. Он же, со слов местного учителя, сообщил о том, что ободские школьники периодически находят в земле типографский шрифт, и тем самым положил начало легендарной версии⁵ о литерях из Обода.

В 1893 г. в Черногории было решено торжественно отметить 400-летие начала книгопечатания. По повелению черногорского князя Николы I Петровича Негоша был образован организационный комитет по подготовке юбилея, который возглавил П. А. Ровинский. При этом юбилей трактовался как годовщина Ободской типографии.

Благодаря этому знаменательному событию Черногория вновь привлекла к себе внимание российской общественности. Русское общество, традиционно поддерживавшее южных славян в их национально-освободительной борьбе против турецкого господства на Балканах, симпатизировало Черногории, которая в этой борьбе играла видную роль. В 1878 г. по итогам Берлинского конгресса Черногория стала суверенным государством, состоялось ее международное признание. С учетом того, что с 1883 г. у России начали портиться отношения с Сербией, в 1885–1886 гг. — с Болгарией, Черногория оставалась единственным надежным союзником России на Балканах. Во многом этим объясняется тост Александра III на торжественном обеде 18 мая 1889 г., данном в честь прибывшего в Петербург черногорского князя Николы, когда государь предложил поднять бокалы за князя — единственного искреннего и верного друга России. Это громкое заявление быстро стало известно в столице, а затем вызвало немало толков за рубежом⁶.

Россия оказывала Черногории значительную материальную помощь. Многотысячные российские субсидии тратились на содержание княжеского двора, высшего чиновничества, армию и школу. Фактически Черногория на протяжении десятилетий бесконтрольно содержалась за русский счет. Ежегодные денежные средства выделяла Россия на развитие просвещения, поскольку состояние народного образования в бедной и постоянно воюющей стране было плачевным. На деньги России в Цетинье были открыты учительско-богословская семинария и женский институт, первое в стране среднее учебное заведение для девочек, в котором часть предметов преподавалась на русском языке. Заботы о состоянии черногорской культуры нашли выражение в организации общественного центра, так называемого «Зетского дома», — в

нем проходили собрания, размещалась читальня и театр. Одним из инициаторов его создания выступил П. А. Ровинский, который организовывал народные читальни, дарил им книги, договаривался с редакциями русских газет и журналов о предоставлении бесплатных экземпляров⁷. Юбилейные торжества послужили поводом для основания в Цетинье библиотеки, музея и архива Черногории.

Сообщения о праздновании 400-летия первой типографии организаторы разослали по всему славянскому миру. Торжества намечались на середину июля. Несколько экземпляров приглашения П. А. Ровинский, в прошлом выпускник Казанского университета и ученик известного славяноведа В. И. Григоровича, отправил в Казань на имя профессора кафедры русской истории Д. А. Корсакова, тот в свою очередь передал их в университет, Духовную академию и Общество археологии, истории и этнографии. В преддверии юбилея в Казани появились публикации, напоминавшие читателям о различных событиях черногорской истории и героической борьбе против Османской империи, разъяснявшие значение начала кириллического книгопечатания для славянских народов⁸.

Казанская школа славяноведения не могла остаться в стороне от такого события. На заседании Совета университета⁹ 29 апреля 1893 г. Д. А. Корсаков предложил подготовить поздравительный адрес и избрать черногорского князя Николу почетным членом Казанского университета. Профессор кафедры славянской филологии А. И. Александров поддержал идею Д. А. Корсакова, выступив с исторической справкой о Черногории, в которой перечислил заслуги князя в сфере образования, литературы и культуры. Предложил Совету в ознаменование 400-летия типографии, помимо поздравительного адреса и почетного диплома, передать Цетиньской публичной библиотеке издания университета, а также призвал научные общества и профессоров присоединиться к этому дару. Все предложения члены Совета приняли единогласно. Было решено командировать на торжества в Черногорию профессора А. И. Александрова¹⁰, поручив ему написание поздравительного адреса¹¹. Позднее Духовная академия и Общество археологии, истории и этнографии также избрали Александрова своим представителем, передав приветственные адреса.

К концу июня 1893 г. в канцелярии Совета собралось внушительное количество научной литературы, предназначенной для Цетиньской библиотеки: издания «Ученых записок Казанского университета» за 1873–1884 гг. и научных обществ, диссертации, труды профессоров и преподавателей¹². В результате получилось три объемистых

Александр Иванович Александров. Начало 1890-х гг. Белград.
Из личного архива И. Л. Астафьевой. Публикуется впервые

тюка с книгами. Через Русское общество пароходства и торговли в Одессе они были отправлены в г. Котор на имя черногорского консула, влиятельного купца П. Рамадановича. В письме¹³ университет просил его принять груз и доставить в публичную библиотеку г. Цетинье, уведомив, что полная опись книг находится у профессора Александрова и по прибытии будет им туда передана.

В славянских землях А. И. Александрову до этого приходилось бывать в научных командировках в 1890 и 1891 гг. Однако нынешнее путешествие обещало быть особенным. Во-первых, в качестве приглашенного гостя он ехал с приятной миссией — поздравлять дорогих ему черногорцев с юбилеем, важным в историческом и культурном отношении для всего славянства. Во-вторых, ехал не с пустыми руками. Помимо книг, подаренных университетом Цетиньской публичной библиотеке, заботам профессора была поручена икона Святого Николая, выполненная иконописцем императорской фамилии Иосифом Андреевичем Панкрышевым из слободы Мстеры Владимирской губернии. Она предназначалась в дар черногорскому князю Николе I¹⁴. В-третьих, в путешествие Александров отправлялся не один, а с молодой женой¹⁵.

Через несколько месяцев после возвращения ученый поделился впечатлениями о поездке в историко-путевом очерке¹⁶. Его открывает рассказ о начале книгопечатания в Черногории XV в., затем дается описание маршрута путешествия и самого праздника. Что характерно для такого рода текстов, попутно читателю предоставляются разнообразные сведения о природе, культуре, быте и достопримечательностях посещаемых мест¹⁷.

В 1893 г. на юбилейные торжества в Цетинье поехал еще один казанец, учитель древних языков 1-й казанской гимназии Николай Константинович Горталов¹⁸. В июне 1902 г. он повторил путешествие в Черногорию вместе с группой своих учеников-гимназистов¹⁹.

Кратчайший путь из России в Черногорию проходил через Вену и дальше к северному углу Адриатического моря — в г. Риеку (Фiume) в Далмации или итальянский Триест. 4 июля 1893 г., судя по отметке в заграничном паспорте, Александровы пересекли границу Российской империи. Гости, собиравшиеся на праздник, в основном добирались до Черногории морским путем: из порта Риетки пароходом в Котор, а из него в Цетинье. Этот путь выбрали и казанские путешественники. Из Риетки в сторону Котора существовало два рейса в неделю: в четверг и в субботу. Субботний пароход считался скорым и прибывал к месту назначения за 38 часов. Александровы же отплыли

на обычном, более тихоходном, грузопассажирском пароходе. «Неприветливы, угрюмы, безжизненны и скалисты берега Далмации, от которых очень близко проходят пароходы»²⁰, — так описывал проплывающий перед глазами пейзаж Н. К. Горталов. Картина навредила грусть отсутствием жизни, однако путешественник при этом резонно отмечал: «Но зато мы проезжаем мимо страны, имеющей старую, интересную историю»²¹. Продолжительные стоянки давали возможность больше времени уделить знакомству с местными достопримечательностями, описание которых составило немалую часть очерка. Обстоятельный рассказ о памятниках истории и культуры городов Задара, Сплита, Дубровника иногда сопровождался и пейзажными зарисовками. Во время длительной стоянки в заливе Груж Александровы взяли экипаж, чтобы осмотреть находящийся в полчаса езды Дубровник — один из красивейших городов Адриатики. «Мы ехали среди роскошных строений, в садах мимоз, алоэ и кактусов, свободно растущих во всей своей красе при здешнем прекрасном благоухающем климате. [...] Роскошные пальмы величественно раскидывают свои перистые кроны над оградами садов, и еще более украшают эту дивную природу»²². Чередование морской части пути с ознакомительными прогулками на берегу придавало путешествию особую прелесть: «Постоянное соприкосновение с землей, смена путешественников на близких расстояниях — все это вносит свежесть и приятное оживление в общество»²³.

Развалины старинных укреплений, среди которых выделялась крепость Мамула, узкое горло пролива Вериге, «где во время венгерского короля Людовика (в 1381 г.) была действительно протянута толстая железная цепь с одного берега на другой, чтобы не дать возможности войти внутрь неприятельскому — венецианскому — флоту»²⁴ нашли отражение в тексте. Маленькие города Рисан, Пераст, Прчань и Доброта сменяли друг друга. В Которе, главном городе Боки-Которской, гостей встретил черногорский консул Петр Рамаданович, на имя которого был отправлен книжный груз из Казани. Котор выделялся обилием церквей, из 33 тыс. жителей 26 тыс. были православные, на улицах звучала сербская речь.

Из Котора по горной дороге через перевал Александровы выехали в Черногорию и к ночи прибыли в Цетинье. Маленький город с полуторатысячным населением, состоявший тогда всего из трех улиц, Цетинье принял до восьмисот человек гостей, приехавших на праздник. На улицах встречалось много сербов, албанцев и черногорцев, одетых в национальную одежду, которая не считалась чем-то экзотическим,

а служила для повседневного ношения. Такой костюм с ятаганом и огнестрельным оружием на бедре носил князь Никола, и даже духовенство вне службы.

Из иностранных гостей приехали: из Сербии, от Академии наук, М. Миличевич и Л. Ковачевич, епископ Н. Ружичич, М. Е. Медакович; из Австрии о. Сергей Шакрак-Нинич; редакторы газет С. Беланович, А. Якич, Ф. Подгорник; редактор русофильской газеты «Галичанин» из Львова — О. А. Марков. Посланниками Оксфордского и Парижского университетов явились Козенс-Харди и профессор медицины П. Пуарье. В качестве представителя русской православной церкви в торжестве принял участие Ф. Н. Кардасевич — протоиерей русского храма в Ирёме в окрестностях Будапешта. Русскую научную общественность представляли: от Петербургского университета — профессор В. И. Ламанский и приват-доцент П. А. Сырку; профессор Казанского университета А. И. Александров и преподаватель 1-й казанской гимназии Н. К. Горталов; от Варшавского университета — профессора П. А. Кулаковский и А. И. Смирнов. Общество украшали две молодые дамы: жена профессора Александрова и дочь профессора Ламанского.

В преддверии праздника вечером 13 июля в саду около княжеского дворца звучала музыка, черногорцы под собственное пение исполнили народный танец «коло», также было проведено факельное шествие. К юбилею Цетинье украсили национальными флагами и гирляндами из дубовых и лавровых листьев, устроили иллюминацию, причем были иллюминированы также и окрестные скалы, на которых слово «Обод» горело огненными буквами. В тот же вечер Александру III в Петербург черногорским князем была отправлена телеграмма: «Цетинье. 13-го июля. Моя земля празднует торжественно юбилей четырехсотлетней годовщины первой книгопечатни в Черногории. Прибыло значительное число представителей русских университетов. Сердечно желаю доложить об этом первому великому Славянину, прося его благословения этому истинно славянскому празднеству. С почтением преданный Николай»²⁵.

В ознаменование 400-летия Ободской типографии организаторами были выпущены специальная марка и памятная медаль-споменица, которую вручали гостям, приехавшим на праздник. Официальное открытие торжеств состоялось 14 июля 1893 г. в Зетском доме. После торжественной речи наследника престола княжича Даниила были зачитаны поздравительные адреса. Продуманная очередность выступавших отражала политическую значимость для Черногории представляемых ими государств. Первым выступавшим был

представитель России — от Императорской академии наук поздравил присутствующих профессор В. И. Ламанский. От имени Парижского университета выступил профессор П. Пуарье, за ним был прочитан латинский адрес Оксфордского университета. Следующим зачитал адреса Казанского университета и Духовной академии А. И. Александров. Последним выступил П. А. Кулаковский с поздравлением Варшавского университета. Прочие адреса из-за недостатка времени зачитаны не были, их передали князю. Среди них поздравления Московского, Киевского, Харьковского университетов, Петербургской и Киевской духовных академий, митрополита Санкт-Петербургского Палладия и др. В придворной церкви была организована панихида по Црноевичам и крестный ход в близлежащий монастырь на молебен. Обед для гостей состоялся в поле, где за двумя огромными столами разместились все 800 человек. Вели застолье сыновья князя Даниил и Мирко. От Академии наук произнес тост профессор Ламанский, от имени русских университетов — профессор Александров на сербском языке. Разнообразные развлечения, скачки на призы, музыка, танцы продолжались до вечера.

На другой день, следуя программе праздника, гости посетили города Реку, Обод и Подгорицу. В Ободе была совершена торжественная панихида памяти первопечатника Макария, и это был один из ключевых моментов юбилейных торжеств. После службы во время трапезы, устроенной на фоне исторических развалин, князь Никола поднял чашу за здоровье русского государя. Ответную здравицу по-сербски произнес профессор П. А. Кулаковский.

Недалеко от Подгорицы гости осмотрели развалины древнего города Диоклея, в котором, согласно легенде, родился римский император Диоклетиан. В 1890–1891 гг. одним из первых ученых здесь проводил археологические раскопки П. А. Ровинский. Он и сопровождал посетителей, делая необходимые разъяснения. Вечером в поле, при свете луны и иллюминации окрестных гор, был устроен ужин. По итогам Берлинского конгресса Подгорица стала частью независимой Черногории, но в памяти были еще свежи события прошлого, поэтому разговоры в основном велись о сражениях и результатах черногорско-турецкой войны 1876–1878 гг. Ужин закончился после полуночи, гостей разместили на ночлег в частных домах черногорцев.

Программа праздничных мероприятий следующего дня включала поездку на пароходу по Скадарскому озеру. Целью путешествия был остров Старчев и развалины старинной православной церкви (монастырь Старчева Горица). На острове находилась могила Божидара

Вуковича, печатника первых славянских книг в Венеции. При стечении народа владыка — митрополит черногорский Митрофан отслужил поминальную службу. Во время обеда митрополит зачитал вслух ответную телеграмму Александра III: «Петербург, 14 июля. Присоединяясь всей душой к чувствам, которые пробуждает в России истинно славянское празднество, празднуемое Черногорией с своим возлюбленным князем, прошу Ваше Высочество принять мое поздравление и искреннюю благодарность за выраженные чувства. Александр»²⁶. Новость «русский царь поздравил нашего князя» мгновенно распространилась среди присутствующих и вызвала восторженный отклик у простого народа.

К сожалению, праздник не обошелся без несчастного случая. День был очень жаркий, когда во время путешествия по Скадарскому озеру получил солнечный удар и скончался еще на пароходе протоиерей Петр Миджор из Котора. Это прискорбное событие повлияло на общее решение гостей отказаться от запланированного на следующий день и довольно сложного из-за отсутствия дороги подъема на гору Ловчен к усыпальнице Петра II Негоша. Вечером 17 июля в Зетском доме публике представили драму «Балканская царица», автором которой был князь Никола, активно занимавшийся литературным творчеством²⁷. Специалист по славянской филологии А. И. Александров в дальнейшем не раз анализировал поэтические произведения князя, высоко оценивая его вклад в литературу Черногории. Тем не менее, ученый при этом отмечал: «Сущность поэзии князя Николая более или менее специальна и не может быть истинной приманкой для тех, кто интересуется в стихотворениях больше разнообразием содержания»²⁸.

Под спецификой творчества здесь подразумевается тематическое однообразие сюжетов, направленных на романтизацию и идеализацию исторического прошлого Черногории, прославление героизма в борьбе с внешним врагом, утверждение приоритета национально-политических интересов страны над личными мотивами. Вместе с тем, о новой поэме князя «Поэт и русалка», изданной в 1892 г. в Цетинье, Александров писал: «Она блещет красотами языка и образов и свидетельствует о высоких поэтических дарованиях ее автора»²⁹. 18 июля, в прощальный день праздника, русские делегаты с дамами, епископ Никанор Ружичич и два сербских профессора из Белграда были приглашены во дворец на обед к черногорскому князю. Оживленная беседа за столом велась по-сербски. По окончании трапезы все присутствующие вместе с княжеским семейством последовали

в Зетский дом, где давал концерт известный чешский скрипач Йозеф Карбулька (в 1893–1895 гг. он был придворным солистом князя).

Русским импонировала простота и доступность князя, патриархальность в отношениях с народом: «Князь черногорский знает всех своих подданных, всем он близок, все его любят, он ходит среди своего народа, разговаривает с каждым запросто, как отец, а они, верные черногорцы, целуют его руку, как дети»³⁰. Черногорский правитель являлся весьма колоритной фигурой. Характеристики его А. И. Александрова в 1890-е гг. самые восторженные: «Доблестный рыцарь своей страны, мудрый повелитель и истинный просветитель, стяжал себе любовь и уважение в среде всего славянства»³¹. Несколько иначе к нему относился П. А. Ровинский, знавший князя длительное время и прекрасно понимавший основную причину его любви к России — неподотчетные денежные субсидии и возможность тратить их по своему усмотрению. В личном письме он с горечью писал: «Таковы его [князя] отношения к России [...] которую он в душе ненавидит и презирает; а не стыдится постоянно кланчить деньги и выклянчивает»³². Исследователями подсчитано, что за период 1878–1902 гг. Черногория получила от России 37 млн рублей, из которых 15 млн. пошли на содержание двора и многочисленной княжеской семьи³³.

Почти во всех поселениях, через которые пролегали маршруты праздника, устраивались встречи с местным населением. Простые жители радушно приветствовали гостей, выказывая чувства искреннего дружелюбия. Остановки сопровождались обязательным угощением: «Яствам и питиям всюду не было конца»³⁴. Выражениями «обильная трапеза», «роскошный ужин» Александров неизменно подчеркивал щедрое гостеприимство черногорцев, чьим постоянным бичом были неурожаи и голод. Проявления искренней любви черногорцев к «русским братьям» наблюдал Н. К. Горталов в 1902 г., когда в обществе 23 казанских гимназистов вновь посетил эту страну: «Это была не простая ученическая поездка, а какое-то сплошное триумфальное шествие дорогих почетных гостей, торжественно приветствуемых всем населением от мала до велика [...] поклонами и радостными восклицаниями; путевые расходы наши были ничтожны, благодаря значительной сумме, отпущенной правительством для нашего приема; в местах ночлегов предоставляли нам бесплатно прекрасные помещения и чествовали изобильным угощением; обеды и ужины затягивались надолго, благодаря множеству произносившихся за ними речей; отъезд из каждого города сопровождался пальбой из пистолетов. Радушие, проявленное черногорцами по отношению к

нам, неопишимо; но особенно дорого было то, что все эти приемы, восторги, постоянное выражение братских чувств, одушевляющих наших милых хозяев, — все это было вполне искренне, не деланно, и мы все чувствовали это своей душой»³⁵.

Юбилейные мероприятия завершились 18 июля. Следующий день стал днем отъезда. Некоторая заминка, которая произошла из-за большого количества гостей и недостатка экипажей, едущих до Котора, не повлияла на общее настроение. «Все присутствующие вынесли из Черногории самое отрадное впечатление»³⁶. А. И. Александров скромно умолчал в своем очерке о том, что в последний день юбилейных торжеств черногорский князь пожаловал ему орден князя Даниила I 3-й степени³⁷. В ноябре 1893 г. Александр III дал высочайшее разрешение на принятие и ношение ордена³⁸.

Сразу по окончании торжеств организационный комитет направил в российские университеты письма с благодарностью за участие в черногорском празднике. В сентябре такое письмо, подписанное председателем оргкомитета П. А. Ровинским, его помощником Л. Томановичем и секретарем Ковачевичем, пришло в Казанский университет: «Ваше признание великих заслуг типографии, как для сербской науки, так и для всего славянства вообще и православия, нас, черногорцев, невыразимо обрадовало и, в то же время, показало всему славянству путь, каким можно достичь славянского духовного единения. Наша обязанность признаться в этом перед вами и от всего сердца и души поблагодарить высокоученное общество профессоров»³⁹.

В конце августа А. И. Александров представил в Совет университета⁴⁰ и Общество археологии, истории и этнографии⁴¹ докладные записки, в которых сообщил о выполнении возложенных на него представительских полномочий, и передал университету и Обществу привезенные из Цетинье памятные медали. Однако на этом история с юбилеем для Казанского университета не закончилась. В 1896 г. в Черногории задумали отметить 200-летие правящего дома князей Петровичей-Негошей. К празднованию было решено приурочить издание подробного отчета о торжествах 400-летия первой типографии и опубликовать тексты поздравительных адресов. При этом обнаружилось, что потерялся адрес Казанского университета. По просьбе черногорской стороны Императорская российская миссия обратилась в университет⁴², и осенью 1895 г. типографская копия поздравительного адреса была выслана в Цетинье.

Результатом изыскательской и исследовательской работы А. И. Александрова в архивах и библиотеках балканских стран в 1890-е

годы явилась публикация документов и материалов по истории Черногории XVII–XIX вв.⁴³ Спустя 20 лет после празднования 400-летнего юбилея Ободской типографии епископу Анастасию (в миру А. И. Александрову)⁴⁴, уже как ректору Санкт-Петербургской духовной академии, снова пришлось посетить славянские страны с представительской миссией. Согласно указу Священного Синода в декабре 1913 г. он был командирован в г. Ниш (Сербия), где представлял русскую церковь на торжествах по случаю празднования 1600-летия Миланского эдикта⁴⁵. Это была его последняя поездка на Балканы.

Приложение

ИМПЕРАТОРСКИЙ КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНИЯ 400-ЛЕТИЯ ОБОДСКОЙ ТИПОГРАФИИ. 1493–1893.

С падением политической независимости сербского народа, в конце XIV в., настали для славян Балканского полуострова долгие века страшного рабства: литература прерывается, и памятники прежней славной деятельности исчезают вместе с их хранилищами-монастырями. И только свободная старая Зета, предок нынешней Черногории, храбро держалась против сильного натиска турок. Она поддержала, стараясь продолжать и развивать, славянскую книжность и дала приют у себя мысли великого Гуттенберга: при мудрых вождях-господарях Црноевичах, на Ободе, в монастыре св. Николая, явилась первая на всем юге славянская типография. В 1493 году отсюда вышел Осмогласник, *первая книга, печатанная кириллицей*, сделавшаяся достоянием всего православного славянства.

Этот светоч человечества — Ободская типография — горит неугасимо ровно 400 лет, служа в руках повелителей-героев Негошей могучим средством для распространения славянского просвещения, независимости и свободы.

Теперь Ободская типография празднует 400-летний юбилей своего существования. Настоящее торжество Черногории есть торжество всего православного славянства.

Привет Вам, братья черногорцы, в день чествования 400-летия того события, которое имело великое значение в развитии славянских народов! Привет Вашему Высочеству, славный вождь черногорцев,

державный покровитель просвещения и образования в стране, славный поэт-художник Князь Николай!

Да процветает Ободская типография [в лице ее преемницы Државной штампарнији]*! Да блещет ярко этот светоч славянства вечные веки!

Вот сердечное пожелание Императорского Казанского университета! Да послужит оно выражением тех чувств живейших симпатий, которые питают представители русской науки к сербской нации, зная, что в рядах ее Черногория занимает столь славное место!

[Подписали: ректор и все деканы]**

Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 977. Оп. Совет. Д. 8856. Л. 47. Типографская копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Немировский Е. Л.* Славянские издания кирилловского (церковнославянского) шрифта: 1491–2000. Инвентарь сохранившихся экземпляров и указатель литературы. Т. I. 1491–1550. С. 57–70.

2 Там же. С. 58–60.

3 Павел Аполлонович Ровинский (1831–1916) — историк-славист, этнограф, публицист, путешественник. Жил в Черногории с небольшими перерывами с 1879 по 1906 г., сначала как частное лицо, затем служил в русской дипломатической миссии. Автор трехтомного фундаментального труда «Черногория в ее прошлом и настоящем» (СПб., 1888–1915).

4 *Котляревская Л. А., Фрейденберг М. М.* Из истории отечественной славистики: П. А. Ровинский в Черногории. Калинин, 1989. С. 59.

5 Достоверных сведений, подтвержденных научной экспертизой, о якобы найденном типографском шрифте нет. Сербские историки Йован Н. Томич (1869–1932) и Джордже Спасоевич Радойчич (1905–1970) в разное время обращались к лицам, утверждавшим о хранящихся у них литерах из Обода, с просьбой предоставить их для изучения, однако согласия не получили.

6 *Хитрова Н. И.* Россия и Черногория в 1878–1908 годах. М., 1993. Вып. 1. С. 122.

7 *Хлебникова В.* «Русский черногорец» Павел Ровинский // Родина. 2006. № 4. С. 76.

* Правка вписана от руки.

** Вписано от руки.

8 Царевский А. А. По поводу славянского празднества в Черногории. Казань, 1893. 37 с.; Горталов Н. К. Возникновение первой славянской типографии и предстоящее празднование ее четырехсотлетия. Казань, 1893. 14 с.

9 Национальный архив Республики Татарстан (далее — НА РТ). Ф. 977. Оп. Совет. Д. 8856. Л. 2об.

10 Александр Иванович Александров (16.4.1861 — 23.6.1918) — из священнической семьи. Первоначальное образование получил в 1-й казанской гимназии. В 1879–1883 гг. учился на историко-филологическом факультете Казанского университета, который окончил со степенью кандидата. Был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию, под руководством профессоров И. А. Бодуэна-де-Куртенэ и Н. В. Крушевского занимался сравнительным языковедением, санскритом, славянским языкознанием. В 1884 г. был для научных занятий командирован в Дерптский университет. В Дерпте защитил магистерскую (1886 г.) и докторскую (1888 г.) диссертации. В ноябре 1888 г. в возрасте 27 лет был утвержден в звании экстраординарного профессора кафедры сравнительного языковедения и санскрита Казанского университета, в следующем году перешел на кафедру славянской филологии. В совершенстве владел санскритом, свободно говорил на многих славянских языках, знал немецкий и литовский языки. А. И. Александров представлял собой тип молодого, блестяще образованного профессора европейского уровня.

11 НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 8856. Л. 10.

12 Наибольшее количество изданий представили приват-доцент медицинского факультета И. М. Львов — 19 и профессор юридического факультета Н. П. Загоскин — 17 изданий.

13 НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 8856. Л. 37–40.

14 Через А. И. Александрова иконописцу князем были переданы памятная медаль и изъявления благодарности.

15 Екатерина Ивановна Александрова (1875–1957) — дочь богатого вятского купца и промышленника. Находясь в браке с профессором А. И. Александровым, полюбила другого человека. В 1908 г. произошел развод, семья распалась.

16 Александров А. И. По Адриатическому морю в Черногорию, на торжество 14 июля 1893 г. Казань, 1894. 46 с.

17 Текст был подготовлен для сборника «Памяти “Русалки”», броненосца русского флота, погибшего в сентябре 1893 г. Десять профессоров Казанского университета, откликнувшись на инициативу коллеги, заслуженного профессора Н. Ф. Высоцкого, передали свои статьи в научно-литературный сборник, с условием, чтобы выручка от его продажи

поступила в фонд помощи семьям погибших моряков. Однако издание сборника задержалось, было объявлено высочайшее повеление о прекращении сбора пожертвований. В результате составители решили передать выручку от его продажи на местные благотворительные цели, но сохранить первоначальное название. В 1894 г. сборник был издан. В том же году очерк А. И. Александрова о поездке в Черногорию под другим названием вышел в «Славянском обозрении» и был отпечатан отдельным оттиском.

18 Николай Константинович Горталов (1863 — после 1917) младенцем был подкинут в приют, в дальнейшем значился по документам «из купеческого звания». Окончил с золотой медалью 1-ю мужскую гимназию, историко-филологический факультет Казанского университета, получив за выпускную работу серебряную медаль и степень кандидата. С 1891 по 1916 гг. преподавал в 1-й гимназии греческий, латинский и французский языки.

19 *Горталов Н. К.* Княжество Черногория и поездка казанских гимназистов в июне 1902 года. Казань, 1903. 14 с.

20 Там же. С. 6.

21 *Александров А. И.* По Адриатическому морю... С. 13.

22 Там же. С. 16.

23 Там же. С. 18.

24 Там же. С. 20.

25 Исторический вестник. 1893. Октябрь. Т. LIV (раздел Смесь). С. 310.

26 Там же. С. 310.

27 В пьесе «Балканская царица» (1885 г.) действие развивается в конце XV в. Это наиболее известное произведение черногорского князя, переведенное на иностранные языки.

28 *Александров А. И.* История развития духовной жизни Черной Горы и князь поэт Николай I // Ученые записки Казанского университета. 1895. Кн. 7/8. С. 30–31.

29 *Александров А. И.* По Адриатическому морю... С. 45.

30 Там же. С. 30.

31 История развития духовной жизни... С. 29.

32 Цит. по: *Котляревская Л. А., Фрейденберг М. М.* Из истории... С. 84.

33 Там же. С. 85.

34 *Александров А. И.* По Адриатическому морю... С. 40.

35 *Горталов Н. К.* Княжество Черногория... С. 13–14.

36 *Александров А. И.* По Адриатическому морю... С. 44.

37 НА РТ. Ф. 977. Оп. 619. Д. 1. Л. 196.

38 Там же. Л. 198.

- 39 Там же. Оп. Совет. Д. 8856. Л. 61об.
- 40 Там же. Л. 62.
- 41 Научная библиотека им. Н. И. Лобачевского. Отд. рукописей и редких книг. Д. 9254. Л. 2–2об.
- 42 НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 8856. Л. 63–63об.
- 43 *Александров А. И.* История развития... С. 1–74; *Александров А. И.* Петр I Петрович, владыка — митрополит черногорский // Там же. Кн. 11. С. 65–78; *Александров А. И.* Краткий отчет о занятиях за границей в славянских землях летом 1895 г. Казань, 1895. 27 с.; *Александров А. И.* Материал и некоторые исследования по истории черногорья. Казань, 1897. 139 с.; *Александров А. И.* «Новая Кола», произведение черногорского князя Николая I, и значение самостоятельной жизни черногорских племен в истории исконной независимости сербского народа в Черной Горе. Казань, 1897. 34 с.; *Александров А. И.* По поводу перехода в католичество княжны Елены Черногорской. Казань, 1896. 25 с.; *Александров А. И.* Черногорка в жизни частной и общественной. Казань, 1897. 18 с.
- 44 А. И. Александров был пострижен в монашество архиепископом Казанским Иаковом (Пятницким) в Раифском монастыре летом 1911 г.
- 45 Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 236.

S. A. Ežova

“The celebration of enlightenment was very interesting and nice”:
The 400th anniversary of Obod typography (About one journey)

The article is devoted to the trip of the professor of Kazan University A. I. Aleksandrov and the teacher of the 1st Kazan gymnasium N. K. Gortalov to Montenegro in 1893 for the jubilee celebrations dedicated to the 400th anniversary of the first printing house of the Cyrillic script in the Balkans. The attitudes towards the anniversary of the Russian intelligentsia, the chronicle of festive events are considered in the article; A. I. Alexandrov's contribution to the study of the history and culture of Montenegro is also shown.

Keywords: *Montenegro, Russia, Kazan University, A. I. Aleksandrov, professors, 400 years of the first printing house of the Cyrillic script in the Balkans, anniversary, travel essays.*

С. А. Маньков, А. А. Михайлов, В. В. Михайлов
(Санкт-Петербург)

«Великая измена».

Вступление Болгарии в Первую мировую войну глазами русских офицеров и публицистов

В статье исследуется реакция прессы Российской империи на вступление Болгарии в Первую мировую войну на стороне германо-австро-турецкого блока в сентябре 1915 г. Проанализированы публикации в ведущих печатных органах и заметки профессиональных военных, показан переход прессы от эмоциональной риторики по отношению к болгарскому «предательству» к объективному рассмотрению причин и следствий «великой измены».

Ключевые слова: *Первая мировая война, Болгария в Первой мировой войне, царь Болгарии Фердинанд I, Васил Радославов, российская пресса в годы Первой мировой войны.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.1.07

Вступление Болгарии в Первую мировую войну на стороне Центральных держав в сентябре 1915 г., по вполне понятным причинам, было чрезвычайно болезненно воспринято в России, как правительственными кругами, так и большей частью общества. В печати разразился настоящий шквал обвинений в адрес «страны-изменницы», «неблагодарной» Болгарии, выступившей против державы, которая освободила ее от ига турок, и «предавшей» своих «братьев славян». Впрочем, болгарский царь Фердинанд I и болгарское правительство еще в 1913 г. стали источником развала общего дела «Славянского союза», развязав Вторую балканскую войну после успешного для балканских государств окончания Первой. Однако российское общество и пресса тогда ограничились укорами в адрес болгарского царя Фердинанда Саксен-Кобургского¹.

Отклики различных российских политических групп на действия Болгарии в годы Первой мировой войны уже привлекали внимание исследователей. Так, например, А. А. Иванов и А. В. Репников в статье, опубликованной на страницах журнала «Новейшая история России» (2014), проанализировали отзывы на болгарские события правых русских политиков и публицистов². Однако тема отношения русского общества, политических и профессиональных групп к действиям Болгарии в Первую мировую войну далеко не исчерпана. При

единодушном негодовании обличения разных изданий, организаций, лиц могли несколько варьироваться, в зависимости от их убеждений, профессиональной деятельности, статуса. Свою специфику имели, например, оценки российских военных, которые, с одной стороны, имели большой опыт сотрудничества с болгарскими военными, а с другой — стремились адекватно оценить вооруженные силы потенциального противника. В сложной ситуации оказались сторонники панславянских идей. Консерваторы и либералы по-разному смотрели на причины происшедшего.

Болгария с самого начала войны стала ареной дипломатической борьбы воюющих блоков, представители которых стремились привлечь ее на свою сторону. Географическое положение страны позволило бы странам Антанты отрезать Германию и Австрию от ее турецкого союзника и создать единый фронт от русской границы, через Болгарию, Сербию и Италию, до французской. Со своей стороны Германия надеялась путем союза с Болгарией отрезать от союзников Россию и осуществить прямое сообщение Берлин — София — Стамбул. В этой борьбе германская дипломатия победила³. 24 августа (6 сентября) 1915 г. Болгария заключила с Германией договор «о дружбе и союзе» и военную конвенцию, которые предполагали, что болгарские войска выступят против Сербии. Вознаграждением для Болгарии должны были стать территории Македонии. В тот же день Болгария подписала договор с Турцией и получила от нее небольшие территории по берегам реки Марицы. Попытки дипломатов Антанты изменить ситуацию и привлечь Болгарию на свою сторону успеха не принесли. В Болгарию стали прибывать германские офицеры, пополнявшие командный состав ее армии, болгарские войска стягивались к сербской границе.

Российская пресса с тревогой и возмущением писала о болгарской политике. Большое внимание уделяли ей, наряду с прочими, издания военного ведомства. 12 (25) сентября 1915 г. в газете «Русский инвалид» — официальном печатном органе Военного министерства — в рубрике «Военный обзор» была напечатана статья о событиях на Балканском полуострове. Автор укрылся за литерами «М. Б.», и к настоящему времени точно установить его личность не удалось. Однако нужно отметить, что большинство постоянных авторов «Русского инвалида» были профессиональными военными, и, вероятно, «М. Б.» не составлял исключения.

Сближение Болгарии с блоком Центральных держав в статье оценивалось как противоестественное уже потому, что в союзе этом

присутствует Турция — «вековой угнетатель балканских народов»⁴. Закономерным для Болгарии, равно как для Румынии и Греции, по мнению автора статьи, мог быть только союз с Россией и Антантой в целом. «...И нет никакого сомнения, — утверждал он, — что эта идея [союза с Антантой. — С. М., А. М., В. М.] одушевляет народные массы во всех трех государствах»⁵.

Причину «противоестественного выбора» М. Б. видел в эгоистической, не соответствующей интересам нации, политике правящих кругов во главе с царем Фердинандом Саксен-Кобургским и происках австро-германской дипломатии. При этом в статье отмечалось также, что «удобною почвою» для прогерманского курса правительства стала «неестественная вражда к сербам, вызванная несчастною братоубийственной войною 1913 года»⁶.

О Болгаро-турецком договоре М. Б. писал: «...Для вящего ослепления болгарского народа стране был навязан договор с Турцией, по которому Болгарии доставался ничтожный клочок земли, долженствующий сыграть роль тридцати серебрянников»⁷.

Впрочем, автор выражал надежду, что Болгария и другие балканские государства сделают все же верный выбор, причем решающую роль, как считал М. Б., должна сыграть воля народов. «Последнее слово, — писал М. Б., — еще не произнесено. В настоящее время голоса народов и интересы государств говорят громче придворных интриг, и правителям балканских государств предстоит показать, являются ли они только чужестранными ставленниками или истинными вождями своих народов»⁸.

В заключении М. Б. излагал свое видение будущих событий. «Если бы Болгария, — писал он, — вопреки здравому смыслу и государственным интересам своим, сделала роковой шаг в пропасть, чему мы отказываемся верить, — то уже в виду провозглашенного на Балканском полуострове принципа поддержания на нем политического равновесия Румыния и Греция немедленно присоединятся к четверному согласию»⁹.

Одновременно с публикацией в «Русском инвалиде» газета «Земщина», державшаяся консервативной ориентации, опубликовала открытое письмо офицера-болгарина, служившего в рядах русской армии, штабс-ротмистра А. Х. Торкома болгарскому военному министру Н. Жекову¹⁰.

Здесь стоит упомянуть, что в российских военно-учебных заведениях до начала Первой мировой войны получало подготовку немало офицеров-болгар (как, впрочем, и сербов)¹¹. Некоторые из них

избирали затем службу в России и даже достигали высоких чинов. Болгарин генерал от инфантерии Р. Д. Радко-Дмитриев, например, в период Первой мировой войны командовал русскими армейскими корпусами и армиями.

А. Торком взывал одновременно к патриотизму и здравому смыслу министра, убеждая его, что конфликт с Сербией обернется конфликтом с Россией, а тот, в свою очередь, станет настоящей катастрофой. «Куда идет Болгария в порыве нетерпения? — восклицал Торком. — Вспомните катастрофу 1913 года. Радославов [болгарский премьер-министр. — С. М., А. М., В. М.] обманывает и народ, и армию. Спасите вверенную Вам честь болгарской армии. Отведите ее от той пропасти, в которую ее толкают авантюристы. Во имя своих интересов, своего прошлого и своих священных традиций — пусть Болгария воздержится от нападения на сербов. Напасть на сербов значило бы напасть на союзников и на Россию-освободительницу»¹².

Возмущаясь намерением болгарского правительства вступить в союз с Турцией, автор письма напоминал, что турки «еще недавно истребляли болгар, так, как они теперь истребляют армян»¹³.

Со страниц «Земщины» Торком заявлял Жекову: «...Раньше, чем подписать приказ о выступлении против сербов, прикажите свалить с пьедестала статую Царя-Освободителя, спасшего Болгарию. На том месте, где стоит эта статуя, выройте большую черную яму и положите туда список всех русских, погибших на Балканах, и всех болгар, убитых под Люле-Бургасом, Бунархисаром, Булаиром и Чаталджой¹⁴. Положите сверху большую гробовую плиту, и на том месте, где прежде красовалась надпись “Царю-Освободителю благодарная Болгария”, начертайте эпитафию “Здесь покоится неблагодарная Болгария”»¹⁵.

Однако Торком апеллировал не только к чувствам, он доказывал, что решить свои проблемы наилучшим образом Болгария сможет именно при помощи России и Антанты. По его словам, Болгарии, чтобы «получить Македонию», следовало повернуть фронт «в направлении не Ниша, а Константинополя».

В заключении письма Торком сообщил о себе, что год назад (т. е. с началом мировой войны) уехал в Россию, чтобы исполнить «славянский долг» и сражаться в рядах русской армии. Теперь он вынужден отправить министру единственную ценность, которую увез из Софии, — «болгарский георгиевский крест»¹⁶. «Этот крест, — писал Торком, — я с гордостью носил на полях сражения в Галиции. Теперь, не будучи в состоянии отказаться от самых священных убеждений и опасаясь, что в недалеком будущем мне придется сражаться против

родной мне Болгарии, я не считаю себя вправе далее носить этот крест. Я его отсылаю вам [...]. Со слезами на глазах и с отягощением в душе я разрываю этим путем последние узы, которые меня связывают с несчастной Болгарией»¹⁷.

Стоит отметить, что главным редактором «Земщины» в то время состоял С. К. Глинка-Янчевский — выпускник Николаевского инженерного училища, отставной офицер-сапер. В 1860-е годы его работа «Крепости-лагери» породила жаркие споры среди специалистов в области фортификации¹⁸, а на рубеже XIX–XX вв. резкие, проникнутые духом шовинизма и антисемитизма, статьи будоражили широкие слои общества.

Вполне закономерно, что в Первую мировую войну С. К. Глинка-Янчевский и постоянные авторы «Земщины», с одной стороны, заняли крайне националистические позиции, а с другой — нередко стремились говорить от лица военных.

Один из авторов, чаще прочих посвящавший свои публикации Болгарии, выступал под псевдонимом «Старый артиллерист». 18 сентября в постоянной рубрике «Заметки о войне» он резко обличал болгарское правительство и, подобно многим другим авторам напоминал о «долге» Болгарии перед Россией, которой она «всцело обязана своим существованием»¹⁹.

Обращение Торкома к Жекову было, разумеется, далеко не единственной публикацией подобного рода. В середине сентября 1915 г. русские газеты и журналы постоянно печатали обращенные к болгарским государственным деятелям, организациям, народу в целом воззвания, обращения, письма. Журнал «Славянские известия», например, опубликовал «Послание Славянского общества болгарскому народу»²⁰. В списке лиц, подписавших послание, первым значится генерал от инфантерии А. П. Скугаревский — крупный специалист в деле воспитания войск, автор ряда военно-педагогических работ, энергичный администратор. Послание содержало довольно типичные для публицистики того времени призывы вспомнить о «долге» перед Россией и встать на сторону своих исторических союзников. «Поля Болгарии, — гласило послание, — покрытые костями сынов России, и мавзолеи, воздвигнутые над ними лучшими сынами свободной Болгарии, должны удержать болгарский народ от преступного замысла его руководителей и направить его меч, занесенный над головой братьев сербов, против вековых угнетателей славянства»²¹.

Из дальнейшего текста следовало, что под «вековыми угнетателями славянства» имелись в виду даже не турки, а «тевтоны».

20 сентября (2 октября) 1915 г. министр иностранных дел Российской империи С. Д. Сазонов поручил посланнику в Софии А. А. Савинскому предъявить болгарскому правительству ультиматум: в 24 часа удалить из армии германских и австрийских офицеров, прекратить сосредоточение войск на границе с Сербией. В случае неудовлетворительного ответа сотрудники российских миссии и консульств должны были покинуть Болгарию. Ответ болгарское правительство не удовлетворило.

Великий князь Андрей Владимирович отметил в своем дневнике 23 сентября 1915 г.: «Как и следовало ожидать, Болгария дала неудовлетворительный ответ на нашу ноту, ввиду чего дипломатические отношения с Болгарией прерваны. [...] Трудно даже писать, какие чувства мы все переживаем при виде предательства Болгарии. Одно безусловно — это что Болгария вычеркивает себя из славянской семьи, а Фердинанд Кобургский навеки покрыл себя несмываемым позором»²².

Сходным образом оценивала действия болгарского правительства и российская пресса. Практически все газеты и журналы обвиняли болгарское правительство в «предательстве», «лживости», сравнивали с Иудой и т. д. Особенно доставалось от русских публицистов болгарскому монарху. «Какое дело Фердинанду Кобургу, — восклицал “Старый артиллерист” на страницах “Земщины”, — что блестящие проекты, которые ему грезятся, сулят Болгарии немецкое иго, быть может более тяжкое, чем было для них иго турецкое»²³.

«Московские ведомости» обвиняли Фердинанда в измене национальным интересам и предрекали ему «скорую гибель, о которой никто не пожалует». При этом газета старалась убедить читателей, что болгарский народ не поддерживает «обезумивших правителей своих» и в армии Болгарии сразу началось дезертирство²⁴.

Последнее утверждение, видимо, было не лишено оснований. Российский военный агент в Софии подполковник А. А. Татаринев докладывал в Петроград: «Мобилизация проходит очень беспокойно. Во многих деревнях население не хочет идти и приводится жандармами. Резервисты открыто говорят, что против России не пойдут. Многие запасные, проходя мимо памятника Царя-Освободителя, устраивают манифестации и поклонение»²⁵.

Сходные с «Московскими ведомостями» мысли высказывали многие издания. Русские публицисты и значительная часть общества не могли свыкнуться с фактом, что болгарский народ способен поднять оружие против России.

25 сентября 1915 г. газета «Русский инвалид» опубликовала статью «Болгарская армия»²⁶. Ее автор («М. Б.») начинает с типичных

для российской прессы обвинений в адрес царя Фердинанда и болгарского правительства. Он утверждает, что решение примкнуть к Германии и Турции «не могло исходить от болгарского народа, а только от его правителя Фердинанда Кобургского, германского принца [...], служившего офицером в австрийской армии, а также нынешнего болгарского кабинета, пользующегося милостями берлинского двора и поставившего несчастную страну в вассальную зависимость от Германии»²⁷.

Далее, однако, автор сосредоточивает свое внимание на том, что должно было в первую очередь интересовать «целевую аудиторию» газеты — военных, — на состоянии болгарской армии. «М. Б.» стремится объяснить успехи болгар в Первую балканскую войну (а в 1912 г. российская пресса, включая «Русский инвалид», писала об отваге болгарских военных часто и эмоционально) нравственными факторами и противопоставляет события Первой и Второй балканских войн.

«Доблесть болгарской армии, — говорится в статье, — достаточно была подтверждена Первою балканскою войною в сражениях против турок под Адрианополем, Моле-Бургасом и Чаталджей. Однако тогда ее воодушевляла идея освободительной войны; уже во Вторую балканскую войну против славянских братьев она не обладала тем патриотическим порывом, который показала в 1912 году».

Именно в силу отсутствия патриотической идеи в грядущей войне болгарская армия, по утверждениям «М. Б.», была обречена на поражение. «Какой же будет, — риторически вопрошал публицист, — дух этой армии, когда она снова ополчится на славянских братьев в противоестественном союзе с исконными врагами славянства, австрийцами и турками, и чувствуя над собой гнев России? Полагаем, что в случае такой войны болгарскую армию ожидает не слава, а позор. Не помогут и офицеры-германцы, как они не помогли Турции в 1912 г.»²⁸.

Весьма интересную серию статей опубликовала о «болгарской измене» газета «Свет», державшаяся умеренно-консервативной линии. Стоит отметить, что «Свет» был основан кадровым военным, полковником В. В. Комаровым — горячим сторонником панславизма, участником Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.²⁹

В. В. Комаров скончался в 1907 г., но газета сохраняла заложенные им идеологические принципы. Однако после выступления Болгарии на стороне противников России сотрудникам газеты стало весьма непросто пропагандировать идеи «славянского братства». 17 сентября «Свет» опубликовал пространную редакционную статью «Русско-

болгарские отношения»³⁰. В первых ее строках вся вина за действия Болгарии по традиции возлагалась на царя Фердинанда Кобурга. Автор при этом убеждал читателей, что болгарский монарх всегда отличался коварством и лживостью. «Король Фердинанд, — писал “Свет”, — никогда не шел прямыми путями. Он тайком и крадучись высадился в 1887 г. на болгарской земле, захватил внезапно болгарский престол, хитро-мудро добился признания его Россией, так же лукаво провозгласил независимость Болгарии, одним словом, всю жизнь свою лицемерил направо и налево»³¹.

Далее автор статьи рассуждал о том, что в болгарском обществе и, главное, среди болгарских офицеров должно сохраняться немало сторонников России. «Не подлежит сомнению, — утверждал он, — что среди болгарского офицерства жив еще тот дух, который господствовал в то время, когда Бендерев, Груев и Радко-Дмитриев арестовали болгарского князя Александра Батенберга и выпроводили его за Дунай»³².

Автор статьи, следовательно, напоминал читателям о событиях 1886 г., когда произошла «детронизация» князя Александра Батенбергского, и о ее активных участниках. Показательно, что все три названных в заметке офицера — П. Груев, А. Бендерев и Р. Радко-Дмитриев — не только являлись убежденными противниками Батенберга, но долгое время успешно служили в российской армии. Самый старший из них, Петр Груев (1855–1942), в 1911 г. вышел в отставку и в Первой мировой войне не участвовал (что не помешало ему впоследствии вступить в РККА). А. Бендерев (1859–1946) и Р. Радко-Дмитриев (1859–1918) сражались в рядах Русской императорской армии, причем занимали довольно высокие посты (особенно Радко-Дмитриев).

Далее, однако, автор с печалью выражал сомнение в возможности выступления болгарских офицеров против Фердинанда Кобурга и отмечал, что правящему монарху удалось наводнить армию немцами, привлечь на свою сторону значительную часть болгарских военных и расколоть офицерство. «Горячее болгарское офицерство, — говорилось в статье, — вероятно, немедленно принялось бы за устранение из штабных и полковых канцелярий германских пришельцев, если бы среди всех членов офицерского сословия царствовало полное единодушие. Но надо признать, что единодушия этого нет и что им поневоле терпеть дальнейшее присутствие немецких соглядатаев»³³.

Завершал статью в номере «Света» от 17 сентября 1915 г. эмоциональный пассаж, в котором Россия и Болгария уподоблялись персонажам романа Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». «Россия, — писал автор, —

в своих отношениях к Болгарии может быть уподоблена герою казачьих войн Тарасу Бульбе, который на стоны замученного своего сына Остапа: “Батько, слышишь ли?” ответил, удививши всех палачей, “Слышу”, но который по отношению младшего сына изменника Андрея произнес не менее грозные слова: “Я тебя породил, я тебя и убью!”. В русской истории было много примеров, когда на алтарь государственный клались тяжелые жертвы. Вот что должны помнить болгары и соответственно с этим сообразовывать свои дальнейшие действия»³⁴.

Дальнейшие события показали, как известно, что Болгария «сообразовывать» свои действия с Россией не собиралась. 25 сентября «Свет» с горечью писал, что Болгария оказалась в союзе «даже с собственными своими прежними угнетателями»³⁵.

В следующем номере, от 26 сентября, «Свет» с надеждой сообщал о «брожении среди болгарских офицеров»³⁶. 28 сентября, однако, речь вновь пошла о болгарском «предательстве». С особой обидой автор неозаглавленной заметки сообщал, что правительство Болгарии снабжает своих македонских сторонников оружием, полученным от России. «Эти берданки, — говорилось в статье, — предназначаются для сербов, а возможно, что будут обращены и против России»³⁷.

29 сентября (12 октября) 1915 г. произошли столкновения между болгарскими и сербскими войсками у г. Княжевац, а 1 (14) октября Болгария развернула масштабные боевые действия. В России это, естественно, вызвало новый мощный взрыв возмущения. Газета «Свет» буквально осыпала бранью царя Фердинанда, болгарское правительство и Болгарию в целом. «Преступление свершилось, — восклицал автор редакционной статьи в номере от 30 сентября 1915 г. — Болгары открыли военные действия, напав на сербов у Княжевца. Последний призрак надежды на провал гнусной затеи Фердинанда Кобурга и иудоподобного Радослава отлетел. Отныне Каинова печать запечатлевает навеки клеймом братоубийства вызванный Россией к самостоятельному бытию народ»³⁸.

Вместе с тем редакция «Света» явно не оставила надежды на то, что Россия сумеет опереться на «здоровые силы» в Болгарии (в т. ч. в армии) и изменить ситуацию. 1 октября газета писала: «Если нельзя было в прошлом году помешать захвату германскими офицерами турецкой армии, то относительно болгарской армии дело обстоит иначе. Россия недаром 38 лет назад пожертвовала 200 тысяч своих сыновей и двумя миллиардами денег, и не в состоянии отнестись спокойно к захвату немцами того, что не ими посеяно и не ими возвращено. Ведь еще только в прошлом году скончался в Петрограде наш боевой генерал

П. Д. Паренсов, который был первым болгарским военным министром и создателем болгарской армии. Ведь еще живы многие ветераны освободительной войны, обучавшие болгарскую дружину, из которой создалась болгарская армия»³⁹.

5 (18) октября император Николай II издал манифест, которым Болгарии объявлялась война. Текст его содержал многочисленные обвинения в адрес Болгарии и заявления о ее «предательстве». «Единой Нам Болгария, — гласил манифест, — недавно еще освобожденная от турецкого рабства братскою любовью и кровью русского народа, открыто встала на сторону врагов Христовой веры, славянства, России. С горечью встретил русский народ предательство столь близкой ему до последних дней Болгарии и с тяжким сердцем обнажает против нее меч, предоставляя судьбу изменников славянства справедливой каре Божией»⁴⁰. Содержание данного нормативно-правового документа примечательно еще и тем, что упоминавшийся в нем Фердинанд I ни разу не назван «царем» или «монархом» страны.

Газеты и журналы наперебой поддерживали высказанные в манифесте обвинения и оценки. «Сколько оскорблений, — восклицали «Московские ведомости», — должно было испытать русское народное чувство, прежде чем истощилось долготерпение благодушного русского народа и он решился с горечью отвернуться от созданного им государства, которое своим освободителям и всему славянству отплатило черной неблагодарностью, коварством и изменой»⁴¹.

Великий князь Андрей Владимирович в своем дневнике сделал 7 октября 1915 г. следующую запись: «Итак, свершилось то, что ни мой дед, ни отец, ни все те, кто в 70-х годах так ратовал за освобождение Болгарии, а затем своею кровью ее освободили, [не] могли предвидеть. Россия, освободительница Болгарии, обнажила свой меч против Болгарии, которая восстала против своей освободительницы. Кошмарность этого явления не поддается описанию. Хотя и привыкли считать, что в политических вопросах сентиментальности нет места, но все же минимум некоторых принципов все же допускается. [...] Стыдно, глубоко стыдно должно быть ныне человечеству за все, чему свидетелем ему пришлось быть. Последние идеалы рухнули. Перед престолом Всевышнего да вопиют все те русские солдаты, на полях Болгарии за ее освобождение свою душу положившие»⁴².

Известный славист, профессор Императорского Петроградского университета Н. В. Ястребов в статье «Славянская сторона Великой войны 1914–15 гг.» писал: «Поведение Болгарии, присоединение ее к немецко-мадяро-турецкой коалиции ставит на очередь для России

прежде всего задачу освобождения Болгарии и ее народа — если не современного, то грядущего поколения — от Кобургской династии, от немецко-турецкого засилья»⁴³.

Редакция упомянутой газеты «Свет» в виде отдельной брошюры выпустило гневное «Открытое письмо к принцу Фединанду Кобургскому» бывшего депутата 3-го Великого народного собрания К. С. Кушлева, проживавшего в то время в Петрограде и ведшего торговлю кумысом и кефиром в российской столице⁴⁴.

Негодовали многие ветераны Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и члены их семей. Так, на «измену Болгарии» сетовал во фронтовых письмах к жене полковник В. В. Ивашинцов, старший брат которого, к тому времени покойный, был участником данной кампании и получил контузию под Ташкисеном⁴⁵.

Интересным примером взгляда на события рядового армейского офицера являются дневниковые записи (а по сути скорее мемуары) штабс-капитана В. М. Цейтлина⁴⁶. В 1915 г. он находился на фронте, поэтому о многих событиях «большой политики» узнавал с опозданием. 2 октября 1915 г. В. М. Цейтлин сделал такую запись: «С Болгарией разрыв, наши представители уже все уехали, теперь весьма возможно между ними и сербами война, а мы ничего не знаем»⁴⁷.

Через два дня, 4 октября, В. М. Цейтлин посвятил Болгарии более подробную и эмоциональную запись: «Сейчас официально известно — Болгария в войне с Сербией. Болгары по всему фронту напали на сербов, каша окончательно заварилась. Ну и мерзавцы, неужели не могут справиться с Фердинандом. Хотя во всем все-таки виновата Россия, т. е. правильное все те немцы, сидящие у нас. Уже давно можно было справиться с Фердинандом раньше [...]. Все хуже и хуже. Петля все затягивается, видишь, кто затягивает, и ничего нельзя сделать»⁴⁸.

Обвинения в адрес «немцев», якобы засевших в российских государственных структурах, вообще очень типичны для В. Цейтлина. Однако мнение, что виновников происшедшего (не обязательно немцев) надо искать внутри России, высказывалось многими современниками. Особенно резкая критика обрушилась на Министерство иностранных дел.

Редактор «Земщины» С. К. Глинка-Янчевский, например, с возмущением писал: «Но кто же более виновен в создавшемся положении? Не мы ли сами? Вернее сказать, не наша ли дипломатия, допустившая отдачу Болгарии во власть принца Баттенбергского, а затем Кобургского... На что же рассчитывал князь Горчаков, соглашаясь освобожденных болгар от турецкого ига отдать под иго врагов славянства? Что же он

думал, — немецкие принципы будут защищать славян от порабощения их Австрией и Германией?.. Или он надеялся на конституцию, видя в ней народоправство?.. Какое убожество ума и понимания жизни!»⁴⁹

По мнению издания, российские дипломаты и общество сами взрастили предательское болгарское государство и подготовили измену Болгарии: «...Самое большое из независимых славянских государств на Балканах оказалось уже во власти немецкого принца Фердинанда Кобургского! Мы же это подготовили по своей расхлябанности, вечно гоняясь за призраками и политическими утопиями...»⁵⁰

Консервативный публицист Д. М. Бодиско изъяснялся вполне определенно: «Только слепому не было очевидно, что Болгария не за нас, а против нас, — и этим слепцом оказалось именно то ведомство, которое должно быть наиболее осведомленным»⁵¹.

Критика МИДа была настолько сильной, что его глава, С. Д. Сазонов, впоследствии отметил в мемуарах: «Когда обнаружилась измена Фердинанда Кобургского и Родославова, в каждой из трех стран Соглашения раздались громкие упреки, направленные против правительства за неприятие своевременных мер к ее предупреждению. Громче всего они раздавались, само собой разумеется, в России. [...] Не только печать националистического направления с “Новым временем” во главе, но и те общественные круги, где к вопросам внешней политики относились вообще более объективно и спокойно, порицали недостаток бдительности, проявленный моим ведомством по отношению к такому первостепенной важности фактору, как Болгария, в европейской войне, разгоревшейся на почве балканского вопроса»⁵².

Упомянутое «Новое время», действительно, с оценками деятельности МИД не церемонилось, как, впрочем, и многие другие издания. Но дипломаты были не единственными, на кого посыпались обвинения. Доставалось, например, славянофилам, которые якобы ввели русский народ в заблуждение своими фантазиями о славянском единстве. Националистическое «Русское знамя», например, цитировало дипломата и публициста Ю. С. Карцова: «Болгария была кумиром наших славянофилов. С Болгарией носились, на нее возлагали всякие всеславянские ожидания, в нее наконец просто “веровали”. Болгарофильство обратилось в культ, а братья Суворины явочным порядком записались жрецами болгарского божества»⁵³.

На фоне подобных яростных обличений военные издания выступали сдержанно. «Русский инвалид», например, сосредоточился на описании боевых действий на сербском фронте, наряду с другими фронтами.

Журнал «Разведчик» в начале октября 1915 г. опубликовал статью «Вооруженные силы Болгарии»⁵⁴. Стиль изложения в ней носит подчеркнуто нейтральный, спокойный характер, никаких выпадов в адрес потенциального противника статья не содержит. Более того, автор с уважением отмечает сильные стороны болгарской армии. «В отношении боевой подготовки, — сказано в статье, — болгарская армия должна быть признана стоящею на надлежащей высоте, так как она настойчиво работала над своим усовершенствованием. Она широко использовала опыт нашей войны с Японией, после которой было переработано большинство важнейших уставов, причем за образец были взяты уставы и наставления, принятые во французской армии»⁵⁵.

«Разведчик», издателем которого был отставной офицер, видный книготорговец В. А. Березовский, считался либеральным (по военным меркам) журналом. А. И. Деникин, например, отмечал: «“Инвалид” был газетой консервативной, “Разведчик” — журналом прогрессивным. Между ними шли принципиальные споры...»⁵⁶ Возможно, именно либеральные убеждения издателя стали причиной очень сдержанной реакции «Разведчика» на болгарские события. Но в спокойном стиле публикаций чувствуется также профессионализм военного, которому гораздо интереснее (и важнее) иметь объективные данные о неприятеле, чем упражняться в проклятиях по его адресу. И этот подход в определенной степени демонстрировал и «Русский инвалид».

Дальнейшие события показали, что все надежды российских публицистов, ученых, политиков и значительной части общества на «вразумление» болгар или на выступление болгарской армии против «Кобурга» иллюзорны. Более того, русским и болгарам в Первую мировую войну предстояло даже скрестить оружие (на Румынском фронте). На смену недавним симпатиям пришла острая неприязнь, русские публикации о действиях болгарских солдат в 1916 г. часто были выдержаны в чрезвычайно мрачных тонах. Однако также постепенно пробивал дорогу взгляд на необходимость смотреть на иные народы, государства и политиков прежде всего объективно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Михайлов В. В. Дипломатия на Балканах накануне Первой мировой войны // Клио. 2010. № 2 (49). С. 31.

- 2 *Иванов А. А., Репников А. В.* «Болгарская измена»: русские правые о вступлении Болгарии в Первую мировую войну на стороне Центральных держав // Новейшая история России. 2004. № 3 (11). С. 197–217.
- 3 *Михайлов В. В.* Начало «Болгарского лета»: дипломатическая коллизия 23 мая — 14 июня 1915 г. // Клио. 2016. № 10 (118). С. 98.
- 4 *М. Б.* Балканский полуостров // Русский инвалид. № 201. 12 сентября 1915 г. С. 2.
- 5 Там же.
- 6 Там же.
- 7 Там же.
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 *Торком А. Х.* Письмо болгарина-офицера Его Превосходительству, болгарскому военному министру // Земщина. № 2127. 12 сентября 1915 г. С. 3.
- 11 *Ганин А. В.* Западные и южные славяне-генштабисты в России от Первой мировой к Гражданской войне (1914–1933 гг.) // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: Очерки истории. М., 2015. С. 80–97.
- 12 *Торком А. Х.* Письмо болгарина-офицера... С. 3.
- 13 Там же.
- 14 Люле-Бургас, Бунархисар, Чаталджа и др. — места крупных сражений Второй балканской войны 1913 г.
- 15 *Торком А. Х.* Письмо болгарина-офицера... С. 3.
- 16 Арсений Харитонович Торком (1878–1953) был награжден болгарским орденом «За храбрость» IV степени 1 класса, учрежденным в 1880 г. Его статут во многом повторял статут российского военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия.
- 17 *Торком А. Х.* Письмо болгарина-офицера... С. 3.
- 18 См.: Свод прений по поводу предложений отставного инженер-капитана Глинки-Янчевского, происходивших в Николаевской академии Генерального штаба, 10, 14, 17, 24, 27, 31 января и 7 февраля 1887 года. СПб., 1887. 238 с.
- 19 *Старый артиллерист.* Заметки о войне // Земщина. № 2132. 18 сентября 1915 г. С. 3.
- 20 Послание Славянского общества болгарскому народу // Славянские известия. № 14. 1915. С. 157.
- 21 Там же.
- 22 *Романов А. В.* Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). М., 2008. С. 185.
- 23 *Старый артиллерист.* Заметки о войне // Земщина. № 2141. 27 сентября 1915 г. С. 3.

- 24 Предостережение Болгарии // Московские ведомости. 18 (31) сентября 1915 г. С. 3.
- 25 Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 200. Оп. 1. Д. 3088. Л. 82.
- 26 М. Б. Болгарская армия // Русский инвалид. № 212. 25 сентября 1915 г. С. 1.
- 27 Там же.
- 28 Там же.
- 29 О нем см.: *Копытко В. К., Коршунов Э. Л., Михайлов А. А.* «Наши силы... которые установлены для мирного времени, недостаточны для успешного веления войны» // Военно-исторический журнал. № 11. 2016. С. 11–18.
- 30 Русско-болгарские отношения // Свет. № 251. 23 сентября 1915 г. С. 1.
- 31 Там же.
- 32 Там же.
- 33 Там же.
- 34 Там же.
- 35 Разрыв с Болгарией // Свет. № 253. 25 сентября 1915 г. С. 1.
- 36 В Болгарии // Свет. № 254. 26 сентября 1915 г. С. 1.
- 37 Свет. № 257. 29 сентября 1915 г. С. 1.
- 38 Свет. № 258. 30 сентября 1915 г. С. 1.
- 39 К Болгарскому ответу // Свет. № 259. 1 октября 1915 г. С. 1.
- 40 Русский инвалид. № 224. 7 октября 1915 г. С. 1.
- 41 Объявление войны Болгарии // Московские ведомости. 7 (20) октября 1915 г. С. 1.
- 42 *Романов А. В.* Военный дневник великого князя... М., 2008. С. 195.
- 43 *Ястребов Н. В.* Славянская сторона Великой войны 1914–15 гг. // История Великой войны. М., 1915. Т. II. С. 9.
- 44 *Кушлев К. С.* Открытое письмо к принцу Фединанду Кобургскому. Пг., 1916. 7 с.
- 45 *Маньков С. А.* Родословная дворян Ивашинцовых. СПб., 2011. С. 102–104.
- 46 О В. М. Цейтлине и его воспоминаниях см.: *Жарский А. П., Михайлов А. А., Шептура В. Н.* Первая мировая война в неопубликованных воспоминаниях В. М. Цейтлина, офицера Российской императорской и Красной армий // Первая мировая. Неоконченная война. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны 1914–1918 гг. «Проблемы поиска и публикации российских и зарубежных источников о Первой мировой войне 1914–1918 гг. на со-

временном этапе развития исторической науки», Москва, 18 июня 2014 г. М., 2014. С. 265–282; Ганин А. «Теперешние события надо взвешивать в масштабе десятилетий, столетий...» Офицер в революции (по дневникам штабс-капитана Василия Цейтлина) // Родина. 2015. № 3. С. 110–115.

47 Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 64.

48 Там же. Л. 65–66.

49 Глинка С. На кого досадовать // Земщина. № 2144. 1 октября 1915 г. С. 2.

50 Там же.

51 К русско-болгарской войне // Колокол. 8 октября 1915 г. С. 2.

52 Сазонов С. Д. Воспоминания. Минск, 2002. С. 261–262.

53 Ухтубужский П. Ю. С. Карцов о Болгарии // Русское знамя. № 241. 1 ноября 1915 г. С. 1.

54 Вооруженные силы Болгарии // Разведчик. № 1300. 6 октября 1915 г. С. 629–630.

55 Там же.

56 Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. М., 2005. С. 193.

S. A. Mankov, A. A. Mikhailov, V. V. Mikhailov
The “Great Betrayal”.

The entry of Bulgaria in the first world war
through the eyes of Russian officers and publicists

The article examines the response of the press of the Russian Empire on accession of Bulgaria in the First world war on the side of the German-Austro-Turkish bloc in September 1915. It analyzes articles in the leading press, notes of a professional military, shows the transition of the press from the emotional rhetoric relative to the Bulgarian «treachery» to the objective consideration of the causes and consequences of the “great betrayal”.

Key words: *First World War, Bulgaria in the First World War, Tsar of Bulgaria Ferdinand I, Vasil Radoslavov, the Russian press during the First world war.*

П. В. Мошечков
(Москва)

**Чехи и словаки во Франции в годы Великой войны:
от подразделений в составе Иностранного легиона
до автономной армии**

Статья посвящена образованию на территории Французской Республики в годы Первой мировой войны самостоятельных чешско-словацких воинских формирований. Рассмотрена история создания роты «Наздар» — первой чешской войсковой единицы в составе Иностранного легиона. Освещается также процесс создания Чешско-Словацким национальным советом в Париже в 1916–1918 гг. собственных вооруженных сил.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Франция, чешско-словацкие войсковые части, чешская колония в Париже, Чешско-Словацкий национальный совет.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.1.08

Первая мировая война стала одним из судьбоносных событий в истории чешского и словацкого народов. В годы войны их ведущим общественным и политическим деятелям удалось организовать мощное национально-освободительное движение за границами Чешских земель и Словакии. Его составляющей стала военная акция — создание за рубежом военных подразделений. Одним из государств, в которых в годы Великой войны были сформированы чешско-словацкие войсковые части, стала Французская Республика.

Работы по истории организации чешско-словацких подразделений во Франции в годы Первой мировой войны появились уже в межвоенный период. Большая их часть посвящена истории формирования данных частей, контактам руководства чешской колонии в Париже, а затем взявшего на себя осуществление военной акции Чешско-Словацкого национального совета (ЧСНС) с правительством Третьей республики¹. Затрагивалась эта проблематика в чешской и словацкой историографии и в период существования Чехословацкой социалистической республики². Особо следует выделить труды историков, разрабатывающих данные аспекты в последнее двадцатилетие³. Среди них значительную группу составляют работы, посвященные деятельности словацкого ученого-астронома и политика Милана Растислава Штефаника⁴. Возникновение автономной чешско-словацкой

армии привлекает внимание и французских ученых. Однако подобных исследований крайне мало, и в основном им свойственно лишь поверхностное освещение темы. Из этого круга можно выделить работу Жана-Филиппа Намона, изучающего историю чешской колонии в Париже, ее инициативы в годы Великой войны, а также участие ее лидеров и рядовых членов в деятельности ЧСНС и создании собственной национальной армии⁵.

Источники по истории чешско-словацких войсковых подразделений во Франции весьма разнообразны. В первую очередь следует выделить официальные документы, исходившие из канцелярии парижского руководства ЧСНС, а также правительственных учреждений Третьей республики. Наиболее информативные из них вошли в третий том мемуаров Э. Бенеша «Мировая война и наша революция». Ряд материалов, посвященных созданию представителями ЧСНС собственной автономной армии, был опубликован в шестом выпуске журнала «Наше революце» чешским исследователем межвоенного периода Ярославом Верштадтом⁶. Помимо этого, были использованы документы из фондов Архива внешней политики Российской империи (фонд «Особый политический отдел»)⁷, Российского государственного военно-исторического архива (фонды «Штаб Верховного Главнокомандующего»⁸, «Штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта»⁹) и Военно-исторического архива г. Праги (фонд «Чешско-Словацкий национальный совет в Париже»)¹⁰. Существенная часть материалов опубликована в первом томе сборника «Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус (1914–1920)»¹¹. Важны и воспоминания участников событий, связанных с процессом формирования чешско-словацкого войска во Франции и его действиями на Западном фронте. Так, много важной информации о деятельности ЧСНС в 1916–1918 гг. содержат мемуары Э. Бенеша, а также генерала Мориса Жанена¹².

Следует отметить, что работа по организации национальных частей во Франции была начата еще задолго до того, как руководство заграничным сопротивлением взяли в свои руки сначала Чешский заграничный комитет, а затем и Национальный совет. Ее инициаторами стали физкультурное общество «Сокол» и социал-демократическое общество «Ровность», объединившие в своих рядах членов чешской колонии в Париже. Их представители приняли участие в мобилизации добровольцев в ряды французского Иностранного легиона, происходившей 21–22 августа в Доме Инвалидов. 23 августа они были направлены в город Байонна, расположенный на границе Франции с Испанией, где 31 августа был сформирован батальон «С»

2-го маршевого полка Иностранного легиона. Его первая рота, полностью состоявшая из чешских добровольцев (около 250 человек), получила название «рота “Наздар”» (по приветствию, с которым чешские добровольцы обращались друг к другу). В ноябре 1914 г. вместе с другими частями полка она была зачислена в состав Марокканской дивизии¹³. Ее военнослужащие приняли участие в позиционных боях против германских войск в Шампани, а затем — в военных действиях у Арраса в ходе второй битвы в Артуа (9 мая — 18 июня 1915 г.). В этом сражении рота понесла значительные потери, в результате чего прекратила свое существование¹⁴.

Проблема организации чешско-словацкой армии во Франции была вновь поднята в 1916 г. ЧСНС. Согласно замыслам его лидера, Т. Г. Масарика, данные воинские формирования должны были в первую очередь иметь политическое значение. При помощи создания подобных частей и привлечения их к участию в сражениях на Западном и Восточном фронтах предполагалось обратить внимание правительств стран Антанты на проблему решения чешско-словацкого вопроса. Основную работу на данном направлении вел один из ближайших соратников Т. Г. Масарика, генеральный секретарь ЧСНС Эдуард Бенеш.

Первым этапом военной акции ЧСНС во Франции стала активная пропаганда среди военнопленных соотечественников, находившихся на территории страны. Следует отметить, что к осени 1916 г. в лагерях Третьей республики находилось около 4000 пленных чехов и словаков. Это были австро-венгерские военнослужащие, захваченные в плен частями сербской армии в ходе состоявшихся в октябре — ноябре 1915 г. боевых действий с ведущими наступление на Балканах армиями Центральных держав под общим командованием генерала Августа фон Макензена. Бенешу удалось добиться согласия французской стороны на применение по отношению к ним особого «благоприятствующего» режима содержания. Он подразумевал такие льготы, как отделение военнопленных чешского и словацкого происхождения от немцев и венгров, предоставление им особого питания, назначение денежных выплат разного рода¹⁵. Параллельно шел поиск людских резервов и за пределами Франции. С целью их получения Национальный совет организовал широкую пропаганду среди пленных соотечественников в Италии, Российской империи, Румынии и США. К августу 1918 г. Э. Бенешу и М. Р. Штефанику удалось сосредоточить во Франции несколько тысяч чешских и словацких добровольцев. Местом их сосредоточения стал город Коньяк.

В административном плане они находились под юрисдикцией сборного пункта 33-го пехотного полка¹⁶.

Ведущиеся ЧСНС параллельно с кампанией по набору добровольцев переговоры с французским правительством увенчались успехом. 16 декабря 1917 г. был опубликован декрет об организации автономной чешско-словацкой армии, официально позволивший заграничному сопротивлению иметь на территории Французской Республики собственные военные подразделения. Национальному совету предстояло осуществлять политическое руководство над армией, в то время как «с военной точки зрения» она бы подчинялась французскому верховному командованию¹⁷. Для упорядочения работы по формированию чешско-словацкого войска французский Генеральный штаб и ЧСНС на основании декабрьского декрета совместно разработали так называемую «Инструкцию по созданию автономной Чешско-Словацкой армии», подписанную Жоржем Клемансо и Эдуардом Бенешем 7 февраля 1918 г.¹⁸

Формирование на территории Франции автономного чешско-словацкого войска началось буквально через день после появления на свет декрета. Организационную работу возглавил генерал Морис Жанен, бывший начальник французской военной миссии в Российской империи. Приказом Генерального штаба от 18 декабря 1917 г. он был назначен главой специальной комиссии по организации чешско-словацкого войска, а 28 февраля 1918 г. официально вступил в должность главнокомандующего всех чешско-словацких вооруженных сил за границей¹⁹.

Акция по пропаганде вновь созданной армии и набору чешско-словацких добровольцев в ее ряды увенчалась успехом. 12 января 1918 г. в мэрии города Коньяк было торжественно провозглашено образование 21-го чешско-словацкого стрелкового полка²⁰. Его командиром стал французский офицер, подполковник Арман-Шарль Филипп. 20 мая 1918 г. в расположенном неподалеку от места дислокации 21-го стрелкового полка городе Ярнаке начался процесс формирования еще одного подразделения: 22-го чешско-словацкого стрелкового полка. Командовать им был назначен подполковник Гардан.

В первой половине июня 1918 г. оба полка были передислоцированы в Северо-Восточную Францию. Их расквартировали в местечках Дарни и Аттиньи в департаменте Вогезы, недалеко от линии фронта. 30 июня чешско-словацкие солдаты присягнули на верность ЧСНС. Присутствовавший на данном мероприятии президент Французской Республики Раймон Пуанкаре торжественно вручил 21-му стрелковому

полку знамя, созданное по эскизу художника Франтишека Купки, по предложению которого оно было представлено как подарок от столицы Франции. В начале июля полки были отправлены на фронт в провинцию Эльзас, где были включены в состав 53-й дивизии. Здесь солдаты и офицеры 21-го чешско-словацкого стрелкового полка приняли участие в военных действиях на участке фронта между населенными пунктами Аспаш и Мишельбах, расположенными напротив города Мюлуз²¹.

Одновременно с переводом 21-го и 22-го стрелковых полков на линию фронта продолжался процесс развития структуры автономной чешско-словацкой армии во Франции. 2 августа полки образовали 1-ю чешско-словацкую пехотную бригаду. Командовать ею был назначен подполковник Арман-Шарль Филипп, бывший командующий 21-м стрелковым полком.

В начале сентября бригада была направлена в провинцию Шампань, где была включена в состав 5-й армии, а затем, 9 октября, перемещена на отрезок линии фронта, расположенный к юго-востоку от Реймса, неподалеку от города Мурмелона. Здесь она была зачислена в состав 4-й армии, командовал которой генерал Анри Гуро. В период с 20 по 30 октября 1918 г. легионеры 21-го и 22-го стрелковых полков приняли участие в военных действиях против подразделений германской армии на отрезке линии фронта между городом Вузье и деревнями Террон, Ванди и Шестр²². В ночь с 30 на 31 октября, после получения известия об образовании независимой Чехословацкой республики, 1-я чешско-словацкая бригада покинула линию фронта. Ее позиции были заняты французскими частями²³.

Боевые действия на линии фронта в районе Реймса, произошедшие летом — осенью 1918 г., стали, по словам участника легионерского движения и историка Йозефа Куделы, «настоящим боевым крещением» чешско-словацкой армии во Франции. Здесь чешско-словацкая бригада понесла первые значительные потери. В сражении погибло 183 добровольца, 69 пропало без вести, 876 военнослужащих было ранено²⁴. Героические действия легионеров во Франции имели первостепенное значение для усиления позиций Национального совета, в сентябре — октябре 1918 г. де-факто признанного союзниками в качестве временного правительства Чешских и Словацких земель²⁵. Они стали активно использоваться в пропаганде чешского вопроса как международного. Служившие в чешско-словацких частях во Франции добровольцы, как и легионеры в России и Италии, были подняты на пьедестал как национальные герои, действия которых способствовали образованию независимой Чехословацкой республики.

Исследование хода образования чешско-словацких частей во Франции в годы Великой войны и его сравнение с решением вопросов об их организации в 1914–1917 гг. в России показывают, что процесс создания чешско-словацких войсковых формирований в этих двух странах проходил практически одновременно. Это наглядно подтверждают следующие факты. Приказ о создании первого подразделения в Российской империи, состоявшего из чехов и словаков, — Чешской дружины — был издан 28 августа 1914 г. В свою очередь рота «Наздар» в составе Иностранного легиона была сформирована 31 августа 1914 г. Однако их статус в составе вооруженных сил стран, где велась их организация, имел существенные различия. Так, из представления Главного управления Генерального штаба в Военный совет по вопросу о формировании особых чешских войсковых частей из чехов-добровольцев от 5 августа 1914 г. видно, что Чешская дружина являлась самостоятельным вооруженным формированием, созданным по инициативе представителей проживающих в России чехов и словаков, поддержанной императором Николаем II и военным ведомством страны. Появление данной войсковой части рассматривалось командованием русской императорской армии как акция чисто политического характера. Ее добровольцев предполагалось разбить на отдельные группы и использовать в качестве инициаторов антиавстрийского движения на территории монархии Габсбургов. Дружина должна была иметь собственное командование, специальный расчет чинов и отдельно финансироваться за счет военного фонда²⁶. Что же касается роты «Наздар», то она являлась всего лишь боевой единицей в составе одного из батальонов 2-го маршевого полка Иностранного легиона. Ее добровольцы выполняли те же функции, что и остальные солдаты Иностранного легиона, — несли службу в окопах, а в свободное от защиты линии французского фронта время привлекались к строительству укреплений²⁷. Более того, в начале Первой мировой войны правительство Франции не разрабатывало специальных проектов по созданию чешско-словацких частей в составе собственной армии. Ситуация изменилась в 1916 году. В результате серьезных потерь в личном составе армии и нехватки рабочих для обеспечения нормального функционирования сельского хозяйства и промышленности дипломатические и военные круги Третьей республики были вынуждены обратиться к своим союзникам по Антанте, и прежде всего к России, с просьбой о предоставлении необходимых людских ресурсов²⁸. Именно в этот момент французские правительственные учреждения впервые обратились к проблеме решения чешского вопроса.

Следует отметить и то обстоятельство, что к тому моменту, когда парижский центр чешско-словацкого национально-освободительного движения начал проведение пропагандистской кампании среди военнопленных, в Российской империи данный процесс уже шел полным ходом. В начале войны здесь уже был разработан особый комплекс мер по содержанию военнопленных-славян, предусматривавший более широкие льготы, в число которых входили отпуск в пределах пункта своего пребывания, получение работы соответственно своей специальности, о чем свидетельствует отношение исполняющего должность начальника ГУГШ М. А. Беляева начальнику Штаба Верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевичу от 22 октября 1914 г.²⁹ А уже весной 1916 г. правительственными учреждениями Российской империи было принято решение о предоставлении пленным славянам новой льготы — освобождение их под честное слово и под поручительство национальных организаций с правом последующего перехода в российское подданство³⁰. Принимая во внимание это обстоятельство, можно сделать вывод о том, что к моменту начала во Франции процесса предоставления пленным чешского и словацкого происхождения определенных льгот, а затем и создания собственной национальной армии, как у российских государственных учреждений, так и у представителей чешско-словацкого движения в России уже имелся определенный опыт работы на данном направлении. Примечательно, что именно на достигнутые российской стороной успехи ссылался в своих меморандумах в Генеральный штаб французской армии³¹ и премьер-министру и министру иностранных дел Третьей республики Аристиду Бриану³² генеральный секретарь ЧСНС Э. Бенеш. А состоявшееся 6 июля 1917 г. совещание Т. Г. Масарика с представителями «российских чехов» — З. Рейманом и прапорщиком В. Ванеком — прямо указывает на то, что лидер чешского заграничного сопротивления признавал ведущую роль Правления Союза чешско-словацких обществ в России в деле организации чехами и словаками собственной национальной армии³³.

Подобный вывод можно сделать и относительно самого процесса создания чешско-словацкой армии во Франции. Сравнение российских и французских источников, посвященных данной проблеме, позволяет отметить то обстоятельство, что проводившаяся военным ведомством Третьей республики и высшим командованием французской армии работа по созданию первых двух чешско-словацких полков в ряде аспектов велась по тем же принципам, что и деятельность на данном направлении военных учреждений Российской империи. Так,

в отношении исполняющего должность начальника ГУГШ генерала М. А. Беляева начальнику Штаба Верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевичу от 8 августа 1914 г. о формировании особых войсковых частей из чехов-добровольцев назначение российских офицеров в качестве командного состава чешской армии рассматривалось лишь как временная мера. Согласно этому документу, предусматривалась последующая их замена военнослужащими чешского и словацкого происхождения в соответствующем звании. Подобный принцип был принят на вооружение создателями войска во Франции. Генерал Морис Жанен указывал в своих мемуарах, что чешско-словацкие добровольцы первоначально получали полномочия, соответствующие чину младшего или старшего лейтенанта, и прикреплялись в качестве помощников к служащим в полках французским офицерам. Затем, получая повышение по служебной лестнице, они должны были постепенно перенимать функции своих французских начальников³⁴. Представляется, что обозначенный выше аспект может служить доказательством того, что в процессе организации чешско-словацких частей во Франции учитывался опыт, накопленный российской стороной на данном направлении. При этом дальнейшая военная и политическая судьба этих формирований сложилась по-разному.

Участие проживающих во Франции чехов и словаков в работе по созданию автономного чешско-словацкого войска является лишь одной из сторон вклада, внесенного ими в развитие чешско-словацкого национально-освободительного движения. Деятельность в начале мировой войны первых двух председателей чешской колонии в Париже, Йозефа Гофмана-Краткого и Йозефа Чапека, подготовила почву для политической и пропагандистской работы, проводившейся впоследствии во Франции Э. Бенешем и центральными органами Чешско-Словацкого национального совета. Были сделаны первые практические шаги по признанию чехов союзниками Франции, в результате чего их руководящий орган — Комитет чешской колонии в Париже (позднее переименованный в Комитет чешской колонии и чешских добровольцев в Париже) — получил статус единственного органа, представляющего интересы чешского народа на территории Франции³⁵. Кроме того, парижские чехи первыми начали проводить активную работу по ознакомлению правительственных и интеллектуальных кругов республики с историей своей родины. Тем самым они стремились привлечь их внимание к чешскому вопросу. Главными средствами его пропаганды стали как французские периодические издания, так и созданные по инициативе Комитета

органы печати³⁶. Им же удалось привлечь к своему национальному движению как представителей культуры и науки, интересовавшихся чешским вопросом еще до начала войны³⁷, так и государственных деятелей — сенатора Луи Мартена, заместителя председателя парижского муниципального совета Эрнеста Гайе и старосту Байонны Жана Гара³⁸. В этом контексте нельзя не упомянуть и о деятельности получившего в 1910 г. французское гражданство словака М. Р. Штефаника, обладавшего широкими связями в парижском высшем свете, что позволило ему стать посредником во время налаживания Т. Г. Масариком и Э. Бенешем контактов с ведущими французскими политиками, дипломатами и военными, в первую очередь с занимавшим посты председателя Совета министров и министра иностранных дел Аристидом Брианом³⁹.

После приезда в Париж осенью 1915 г. Эдуарда Бенеша и передачи Чешско-Словацкому национальному совету прерогативы ведения пропаганды, равно как и дипломатической и политической работы во Франции, колония утратила свое прежнее ведущее положение. Ее уход на второй план в заграничном сопротивлении был обусловлен совокупностью причин. Несмотря на достигнутые в начале войны успехи, ведущие должностные лица колонии не смогли осуществлять эффективное руководство чешским движением во Франции как из-за возникших между ними разногласий, так и из-за отсутствия среди них деятелей, обладавших значительным опытом политической работы. Не имела ярких результатов и деятельность возникших в 1914–1915 гг. новых обществ, «Французско-чешской лиги» и «Чешского землячества во Франции», созданных оппозиционно настроенными членами колонии в качестве средства для ведения борьбы с ее действующим руководством. Эти обстоятельства вызвали скептическое отношение Э. Бенеша к организациям «французских» чехов. Во время пребывания в Париже у него укрепилась мысль о необходимости постепенной передачи руководящей роли в работе по установлению контактов с ведомствами Третьей республики в руки представителей чешской и словацкой эмиграции⁴⁰.

В свою очередь, негативное мнение о Бенеше сложилось и у ряда членов колонии. Именно недовольство утратой ею статуса ведущего органа национального движения во Франции явилось причиной возникновения серьезных разногласий между генеральным секретарем ЧСНС и избранным в октябре 1915 г. председателем чешской колонии в Париже художником Франтишеком Купкой. Признания большинством ее членов главенствующей роли в загра-

ничном сопротивлении Чешско-Словацкого национального совета удалось достичь лишь после подписания 27 января 1918 г. между Купкой и Л. Сыхравой «Договора о сотрудничестве между ЧСНС и комитетом чешской колонии во Франции»⁴¹. Согласно его пунктам, руководство парижской диаспоры, официально переименованной в «Чешско-Словацкую колонию во Франции», оставляло за собой всю деятельность, связанную со сбором средств на поддержку служащих в национальной армии добровольцев и оказанием материальной помощи малоимущим членам колонии, ведением пропаганды среди проживающих в стране соотечественников, расширением знаний о чехах и словаках во Франции и развитием взаимных связей и контактов между французским, чешским и словацким народами⁴². 6 июня 1918 г. комитет колонии особым поздравительным письмом признал Национальный совет временным правительством независимого чешско-словацкого государства и его главенствующую роль в проводимой чехами и словаками за границей политической акции. Наконец, 11 сентября 1918 г. парижские чехи и словаки получили от французского министерства иностранных дел официальное подтверждение статуса ЧСНС как представителя интересов чешского и словацкого народов⁴³. С этого момента комитет колонии фактически превратился в один из подчиненных Национальному совету органов. В круг его ведения отныне входили лишь вопросы, связанные с внутренней жизнью чешской диаспоры, что ознаменовало собой прекращение его политической деятельности.

Таким образом, к середине 1918 г. произошло окончательное присоединение представителей чешско-словацкой колонии в Париже и добровольцев, поступающих на службу в ряды создаваемого на территории Франции автономного войска, к провозглашенной Чешско-Словацким национальным советом политической линии. Было достигнуто единство формулируемых ими целей и задач, а также понимания своей роли в заграничном сопротивлении в рамках общего лозунга создания независимой Чехословацкой республики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Boháč J.* Kronika československé legie ve Francii. Kn. prvá. Rota Nazdar 1914–1916. Praha, 1938. 580 s.; *Eliš Fr.* Pěší pluk 22 «Argonský». Vznik a události. Jičín, 1936. 22 s.; *Henry Ch., De Méans F.* L'armée Tchecoslovaque. Paris, 1928. 208 s.; *Kudela J.* Rok 1918 v dějinách odboje. Část I.

Leden — červen. Brno, 1928. 144 s.; *Kudela J.* Rok 1918 v dějinách odboje. Část II. Červenec — prosinec. Brno, 1928. 136 s.; *Robl R.* Praporečník Karel Bezdiček. Příspěvek k historii české roty Nazdar ve Francii 1914–1915. Brno, 1935. 178 s.; *Vojtěch V.* Česká kolonie pařížská v našem odboji // *Naše revoluce*. 1926. Roč. IV. Sv. 1. S. 1–37; Sv. 2–3. S. 178–225.

2 *Holotík L.* Štefánikovská legenda a vznik ČSR. Bratislava, 1958. 513 s.; *Pichlík K., Vávra V., Křížek J.* Červenobílá a rudá: vojáci ve válce a revoluci. 1914–1918. Praha, 1967. 471 s.

3 *Гайкова Д.* «Эти люди идут на казнь»: история роты «Наздар» // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1914 год: от мира к войне. Доклады и выступления участников III Международной научно-практической конференции. М., 2015. С. 547–556; *Nechvatal M.* La naissance d'une armée tchécoslovaque en France // *Guerres mondiales et conflits contemporaines*. 1993. № 169. P. 37–41; *Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J.* Českoslovenští legionáři. 1914–1920. Praha, 1996. 282 s.

4 *Ferenčuhová B.* Štefánik diplomat — medzi Francúzskom a Talianskom (1914–1919) // Generál Dr. Milan Rastislav Štefánik — vojak a diplomat. Zborník príspevkov z vedeckej konferencie v Bratislave. 4.–5. mája 1999. Bratislava, 1999. S. 89–108; *Ferenčuhová B. M. R.* Štefánik a česko-slovenské hnutie v zahraničí v zrkadle francúzskych diplomatických dokumentov // Milan Rastislav Štefánik v zrkadle prameňov a najnovších poznatkov historiografie. Bratislava, 2010. S. 129–150; *Hronský M. M. R.* Štefánik — organizovanie a štátotvorná úloha Česko-Slovenských Legií // Generál Dr. Milan Rastislav Štefánik... S. 38–56; *Stanová Z., Faivre Dupaigne.* Ohromujúca vojenská a diplomatická kariéra Milana Rastislava Štefánika (1914–1918) vo svetle archívnych dokumentov v Château de Vincennes v Paríži // *Ibid.* S. 109–122.

5 *Braud E.* À l'origine de la création de l'armée tchécoslovaque en France: le général Milan Rastislav Štefánik // *Revue historique des armées*. 2009. № 255. P. 79–83; *Namont J.-Ph.* La Colonie Tchecoslovaque. Une histoire de l'immigration tchèque et slovaque en France (1914–1940). Paris, 2011. 411 s.

6 *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce. Díl III. Praha, 1935. 685 s.; *Werstadt J.* K otázce československých zajatců ve Francii // *Naše revoluce*. 1929. Roč. 6. Č. 1–2. S. 147–154.

7 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 135. Оп. 474.

8 Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2003. Оп. 3. Д. 120.

9 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2985.

10 Vojenský ústřední archiv — Vojenský historický archiv (далее — VÚA–VHA). F. ČSNR. Kart. 23; Kart. 28.

11 Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1: Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917 гг. М., 2013. 1016 с.

12 *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce. Díl I. Praha, 1935. 537 s.; *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce. Díl II. Praha, 1935. 612 s.; *Janin M.* Moje účast na československém boji za svobodu. Praha, s.d. 382 s.

13 Марокканская дивизия — одно из крупнейших воинских подразделений во Франции в годы Первой мировой войны. Дивизия была сформирована 15 августа 1914 г. в Бордо из пехотных полков, входивших в состав колониальной Африканской армии Французской Республики. Это были полки алжирских и тунисских стрелков, 8-й полк зуавов (элитных частей французской легкой пехоты, набравшихся преимущественно из представителей племен Северной Африки). Затем к ней были присоединены пехотные полки Иностранного легиона. См.: *Marocká divise // Československá légia vo Francúzsku*. URL: http://pamatnik.valka.cz/externi_soubory/dokumenty/sbornik-francie.pdf (дата обращения: 21.02.2015). S. 45.

14 *Гайкова Д.* «Эти люди идут на казнь». С. 552; *Boháč J.* Kronika československé legie... S. 142–143; *Robl R.* Praporečník Karel Bezdíček. S. 86–147.

15 *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce. Díl 1. S. 206–207; Dok. 4. V Paříži dne 10. října 1917. Ministerstvo války oznamuje vojenským generálním guvernérům měst Paříže a Lyonu, velícím generálům krajů a velitelům krajových táborů váleč. zajatců, že instrukce z 21. září 1916, jež ukládá, aby byl zajištěn režim zvláštních výhod valečným zajatcům rakousko-uherským národnosti československé, a aby byli podle možnosti odděleni od zajatců německých a rakouských, nebyla z různých příčin přesně vykonána. Proto se připojuje stručný přehled hlavních ustanovení, jichž se má šetřit a jež se týkají stravování, žoldu a příspěvků, oddělení od ostatních zajatců, ohledného zacházení a styku s Československou Národní radou v Paříži // *Naše revoluce*. 1929. Roč. 6. Č. 1–2. S. 152–154.

16 *Hronský M. M. R.* Štefánik — organizovanie a štátotvorná úloha Česko-Slovenských Legií // *Generál Dr. Milan Rastislav Štefánik...* S. 48; *Janin M.* Moje účast... S. 69.

17 Paříž, 16 prosince 1917. Dekret prezidenta francouzské republiky R. Poincaré o zřízení autonomní československé armády // *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce. Díl 3. Dok. 106. S. 316–317.

18 Paříž, 7 února 1918. Instrukce francouzského ministerstva války a Národní rady československé o vytvoření autonomní československé armády // *Ibid.* Dok. 109. S. 325–333.

19 *Janin M.* Moje účast... S. 67.

20 Подобная нумерация полков была связана с намерением ЧСНС продемонстрировать единство создаваемого им войска. На тот момент предполагалось, что на территории России будет создано 20 пехотных полков. Именно поэтому легионы во Франции должны были получить номера начиная с 21-го. По той же причине формируемые на территории Итальянского королевства чешско-словацкие полки получили номера начиная с 31-го. См.: *Kudela J. Rok 1918 v dějinách odboje. Část I. S. 74.*

21 *Hronský M. M. R. Štefánik — organizovanie a štátotvorná úloha... S. 48; Kudela J. Rok 1918 v dějinách odboje. Část I. S. 74–75; 123–124; Pichlík K., Klípa B., Zabloudivová J. Českoslovenští legionáři. 1914–1920. S. 158, 200.*

22 *Kudela J. Rok 1918 v dějinách odboje. Část II. S. 73–74.*

23 *Ibid. S. 74.*

24 *Ibid. S. 75.*

25 Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории. Кн. 1. М., 2005. С. 84–85.

26 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2985. Л. 5–8.

27 *Robl R. Praporeník Karel Bezdíček. S. 94–97.*

28 *Holotík L. Štefánikovská legenda a vznik ČSR. Bratislava, 1958. S. 142.*

29 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 3. Д. 120. Л. 4–5.

30 См. отношение военного министра Д. С. Шуваева начальнику Штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексееву от 8 мая 1916 г.: АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 215. Л. 56–57об.

31 *VÚA–VNA. F. ČSNR. Inv. č. 3677. Kart. 23.*

32 *Ibid. Kart. 28.*

33 Протокол совещания в г. Лондоне проф. Т. Г. Масарика со З. Рейманом и прапорщиком В. Ванеком — представителями правления Союза чешско-словацких обществ в России и чешско-словацкого отряда по декларативным вопросам // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Т. 1. № 202. С. 375–378.

34 Отношение исполняющего должность начальника ГУГШ М. А. Беляева начальнику Штаба Верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевичу о формировании особых чешских войсковых частей из чехов-добровольцев // Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Т. 1. № 7. С. 59–60; *Janin M. Moje účast... S. 71–72.*

35 *Boháč J. Kronika československé legie ve Francii. Kn. prvá. S. 180; Brouček S. K druhému břehu. Češi v prostředí francouzské společnosti. 1862–1918. Praha, 2007. S. 110.*

36 *Boháč J. Kronika československé legie ve Francii. Kn. prvá. S. 174.*

37 В установлении контактов с французскими государственными учреждениями чехам оказали значительную помощь историк-славист, профессор Сорбонны Эрнест Дени и староста VI округа французской столицы Жозеф Санбёф. См.: *Brouček S. K druhému břehu. S. 103.*

38 *Ibid. S. 103–107.*

39 *Фирсов Е. Ф. Т. Г. Масарик в России и борьба за независимость чехов и словаков. М., 2012. С. 161–162.*

40 *Beneš E. Světová válka a naše revoluce. Díl 1. S. 121; Brouček S. K druhému břehu. S. 113–123.*

41 *Dohoda o spolupráci mezi Československou Národní Radou a Vybo-rem České kolonie ve Francii // Československá samostatnost. 1918. Roč. III. Č. 3. S. 5.*

42 *Ibid. S. 6; Vojtěch V. Česká kolonie pařížská v našem odboji // Naše revoluce. 1926–1927. Roč. IV. Sv. 2–3. S. 224.*

43 *Brouček S. K druhému břehu. S. 132.*

P. V. Moshechkov

Czechs and Slovaks in France during the Great War:
From units within the Foreign Legion to an autonomous army

The article is devoted to the formation of the Czecho-Slovak military units in the French Republic during the First World War. It deals with the history of the creation of the company «Nazdar» — the first Czech troop in the Foreign Legion. The publication also sheds light upon the process of the creation by the Czecho-Slovak National Council of its own military forces in Paris in 1916–1918.

Keywords: *First World War, France, Czecho-Slovak military units, Czech colony in Paris, Czecho-Slovak National Council.*

Д. А. Короткова
(Москва)

Брестский мир и судьба белорусского вопроса

Статья посвящена отношению белорусских партий и организаций к Брестскому мирному договору. Рассматриваются их попытки вмешаться в ход мирных переговоров и предотвратить раздел региона, реакция на эти попытки советского руководства. Последствием невыгодных условий мира стала радикализация национального движения и провозглашение независимости Белорусской республики.

Ключевые слова: *Брестский мир, Рада съезда, СНК Западной области и фронта, Наркомнац, белорусское национальное движение.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.1.09

Для белорусов в 1917 г. вопрос о прекращении войны был, пожалуй, более актуальным, чем для кого бы то ни было. Белорусские этнические земли, до войны в полном объеме принадлежавшие Российской империи (в рамках которой, правда, не образывавшие единой административной единицы), оказались разделены надвое линией фронта. Значительная часть местного населения добровольно или принудительно покинула родные края. В России насчитывалось более 1 млн беженцев из белорусских губерний¹. Западная часть края стала частью созданной Германией на оккупированных землях Восточной зоны, чья администрация начала политику последовательной германизации новых территорий. Белорусское население при этом оценивалось как «национально обезличенное поляками» и стоявшее на «очень низком уровне развития»². Восточная же часть стала базой для миллионной группировки российской армии, к октябрю 1917 г. потерявшей боеспособность и в массе своей поддержавшей большевистский переворот. Главным образом из числа армейских делегатов были сформированы местные большевистские руководящие органы — Совет Народных Комиссаров (СНК) Западной области и фронта и Областной исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта (Облискомзап).

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00465/18.

Ключевым вопросом для Белоруссии был возможный раздел территории края. Никто из белорусских политиков разных лагерей в конце 1917 г. не желал допустить раздела Белоруссии между Германией и Россией³, при этом вопрос о том, должна ли она стать суверенной, остаться частью России или войти в состав другого государства, различные силы видели по-разному. Обеспокоенность тем, что судьба Белоруссии может быть решена без участия белорусского народа и учета его интересов, высказывалась белорусскими деятелями как перед началом мирных переговоров, так и во время их проведения. Левое крыло белорусского национального движения (Белорусская социалистическая громада и белорусские организации в России, в частности, формировавшаяся Белорусская социал-демократическая рабочая партия (большевиков) и Белорусский областной комитет при Всероссийском совете крестьянских депутатов) настаивали на автономии Белоруссии в составе Российской федеративной республики и воссоединении с оккупированными Германией областями. Великая белорусская рада, объединяющий орган правого крыла белорусского национального движения, негативно отнеслась к Октябрьской революции и потому вела речь о выходе из состава России, в случае, если требования о национальном единстве края не будут исполнены. «Старый» же виленский центр белорусского движения, оказавшийся в германской Восточной зоне, в период войны рассматривал вопрос возрождения союза народов в виде Великого княжества Литовского. Эта группировка национальных сил возможность сохранения связи края с Россией даже не рассматривала и ориентировалась на поддержку Германии и Литвы. Но и для них раздел белорусских территорий был неприемлем.

В резолюции «О национально-политическом возрождении Белоруссии», принятой на конференции воинов-белорусов Петроградского гарнизона, состоявшейся 11–14 ноября 1917 г., отмечалось: «Судьба Белоруссии целиком зависит от итогов мирных переговоров. Нет уверенности в том, что оккупированная часть Белоруссии будет воссоединена с остальной ее частью в случае, когда на мирной конференции не будет представителя белорусского народа». Конференция признала необходимым добиваться такого представительства и обратилась в СНК РСФСР с требованием издать декрет о том, что «российское крестьянское и рабочее Правительство выдвинет одним из условий заключения мира объединение обеих частей Белоруссии», разделенной на тот момент линией фронта. А для поддержания «законных, исконных и неотъемлемых» требований белорусского на-

рода участники конференции призвали сплотить «все живые силы белорусского народа вокруг Великой Белорусской рады и Белорусской Центральной Войсковой рады в Минске»⁴.

Поэтому внимание всех белорусских политических сил было приковано к начавшейся мирной конференции. 19 ноября (2 декабря) 1917 г. российская делегация, насчитывавшая 28 человек, прибыла на немецкую линию фронта, а на следующий день — в Брест-Литовск, где помещалась ставка главнокомандующего германским Восточным фронтом. Как место для ведения переговоров Брест-Литовск был выбран Германией, поскольку перенесение переговоров в нейтральную страну грозило бы вылиться в межсоциалистическую конференцию⁵. Начавшись с комплиментов немецких дипломатов в адрес демократических лидеров новой России, переговоры вскоре приняли жесткий характер.

Точка зрения советского правительства в отношении западной границы была изложена в «Известиях», официальном органе ВЦИК РСФСР, 10 декабря 1917 г. Касаясь того, что советской делегации на мирных переговорах в Бресте предстоит отстаивать независимость Польши, газета подчеркивала, что только Советское правительство, свободное от «всяких захватных вождедений, способно на это». В статье говорилось о необходимости восстановить независимое польское государство и объединить в его границах все территории, где преобладало польское население⁶. Об отторжении белорусских территорий от России, таким образом, речь не шла.

Что же касается местной большевистской власти, то у них были свои соображения. По мнению белорусского историка С. Третьяка, лидер местных большевиков А. Мясников и его соратники по Облкомзапу сознательно не выносили белорусский вопрос на рассмотрение СНК РСФСР и мирной конференции в Бресте. Также руководство Западной области считало необходимым принять германский ультиматум. На его позицию повлиял тот факт, что в любом случае новая советско-германская граница прошла бы на запад от той линии фронта, которая сложилась к концу 1917 – началу 1918 г.⁷

В то же время власти Советской России в лице Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнац) и его руководителя И. Сталина выразили заинтересованность в создании автономной Белорусской области Советской России, пойдя на договоренность о созыве Белорусского съезда Советов с Белорусским областным комитетом (БОК) при Всероссийском совете крестьянских депутатов. Такой шаг позволял приступить к практическому разрешению вопроса

о возвращении России оккупированных Германией районов Западной Белоруссии и Литвы на основе национального самоопределения. Но Облискомзап и СНК Западной области уклонились от выполнения условий заключенного без их участия и за их спинами соглашения между Наркомнацем и БОК. БОК же стоял на позиции непризнания уже существующей в крае советской власти и необходимости кооптации в СНК Западной области делегатов съезда. Белорусские националисты, группировавшиеся вокруг Великой белорусской рады, и Белорусский областной комитет в итоге оказались в составе 1-го Всебелорусского съезда с противоположными позициями по принципиальным вопросам, что делало практически невозможным принятие резолюции по вопросу национального самоопределения Белоруссии. Несколько раз переизбирался Совет старейшин и Президиум съезда. Представители всех групп и фракций вынуждены были созвать 13 декабря вечером совещание, которое с большим трудом наладило работу съезда и урегулировало возникшие на нем конфликты⁸. 14 (27) декабря руководство Всебелорусского съезда направило председателю российской мирной делегации Л. Троцкому следующий запрос за подписями заместителя председателя Савича и секретаря Вербицкого: «Ввиду появившихся в печати сведений о том, что в Бресте на мирных переговорах одной из сторон предложено включить Белоруссию в состав Польши, Всебелорусский съезд в Минске просит срочно телеграфировать: 1) насколько достоверны эти сведения; 2) как смотрит на этот вопрос Правительство Народных Комиссаров; 3) какова позиция, занятая Правительством Народных Комиссаров по отношению к этому вопросу»⁹.

Троцкий ответил, что, хотя «этот вопрос не был еще предметом рассмотрения в Брест-Литовске, Советское Правительство, в полном согласии со своей программой, считает, что никто, кроме белорусов, не имеет права решать, какова должна быть судьба Белоруссии. Эту позицию наша делегация будет отстаивать в дальнейших переговорах»¹⁰. Советское руководство не ожидало в тот момент никаких проблем с позицией белорусского представительства, рассчитывая на его лояльность как идее советской власти, так и идее единства Белоруссии с Россией. 17 (30) декабря 1917 г. под нажимом левой фракции Всебелорусского съезда была принята резолюция о создании Белорусской республики в составе Российской демократической федеративной республики. Исполнительный орган временной краевой власти, избранный на съезде, должен был делегировать своих представителей для участия в переговорах в Бресте¹¹.

СНК Западной области расценил это как попытку свержения уже существующей в крае Советской власти (хотя левая фракция съезда настаивала на том, что делегаты съезда должны не заменить уже существующие советские органы, а войти в их состав путем кооптации¹²), и 1-й Всебелорусский съезд был в результате разогнан войсками Минского гарнизона по приказу областного и фронтового советского правительства. В последующие недели общее обострение обстановки в связи с антисоветским мятежом 1-го Польского корпуса, а также отсутствие на тот момент в самом крае среди сторонников советской власти защитников идеи его самостоятельности отодвинули вопрос национально-государственного самоопределения советской Белоруссии на второй план¹³.

На пленарном заседании мирной конференции 30 декабря 1917 г. (12 января 1918 г.) завязался спор о самоопределении наций и целесообразности приглашения на конференцию представителей тех народов, чья судьба должна была стать предметом переговоров. Дискуссия началась вокруг вопроса, в какой именно момент следует считать, что новое государство образовано и может участвовать в решении собственной судьбы, в частности, на текущей конференции. Р. Кюльман, глава германской делегации на этом этапе переговоров, заявил, что «народы, живущие на прежней западной границе Российского государства, уже выразили в убедительной для нас (т. е. германской делегации. — Д. К.) форме свое желание быть самостоятельными», и высказал мнение, что мысль об участии этих новых государств в мирных переговорах приемлема¹⁴. Германское правительство и военное командование, готовя военную интервенцию в советскую Россию, были заинтересованы в получении так наз. «призыва о помощи» от противников большевиков как легального повода к вторжению.

Л. Каменев, член советской делегации, ответил, что советские представители не могут «считать выражением воли населения оккупированных областей [...] заявлений, сделанных теми или другими общественными группами и учреждениями, поскольку эти заявления последовали при режиме чужеземной оккупации и исходили от органов, не только не получивших своих прав при народном избрании, но и вообще прозябающих в пределах, в которых это не противоречит плану оккупационных военных властей»¹⁵.

Он констатировал, что за время оккупации нигде — ни в Польше, ни в Литве, ни в Курляндии — не было создано и не могло быть создано какого-либо демократически избранного органа, который с наималейшим правом мог бы претендовать на роль выразителя воли

широких кругов населения. Каменев огласил декларацию, в которой советская сторона заявила об отсутствии у нее всяких претензий на территории, принадлежавшие ранее Российской империи, если эти территории не желали более находиться в составе России¹⁶. Желание народа отделиться должно было, по мнению советского руководства, подтверждаться действительно свободным волеизъявлением¹⁷. Важным пунктом было и уточнение, что право на самоопределение принадлежит «народам, а не частям их, находящимся в оккупированной зоне»¹⁸.

Советская делегация заявила, что в первую очередь следовало обеспечить свободу от политического давления какой-либо из сторон конфликта на местное население. Для этого предлагалось вывести немецкие и австро-венгерские войска из оккупированных ими областей, а также обеспечить возвращение туда беженцев и переселенцев. Советское правительство со своей стороны, согласно этой декларации, «по собственной инициативе предоставляет возможность одновременно воспользоваться правом на самоопределение и тем частям указанных наций, которые оказались вне оккупированной зоны. Россия обязуется не принуждать эти области, ни прямо, ни косвенно, к принятию той или иной формы государственного устройства, не стеснять их самостоятельности какими бы то ни было таможенными или военными конвенциями, заключенными до окончательного конструирования этих областей на основе политического самоопределения населяющих их народностей»¹⁹. Германии и Австро-Венгрии также предлагалось подтвердить отсутствие у них притязаний на присоединение оккупированных областей²⁰. Окончательное решение о государственном положении упомянутых областей и о форме их внутреннего государственного устройства могло быть принято лишь путем всенародного референдума²¹.

Немецкая делегация расценила этот проект исключительно как пропаганду, да она и не ожидала от представителей проигравшей войну России выдвижения каких-либо условий. Генерал М. Гофман, представитель германской армии, сказал, что протестует против самого тона декларации, а также заметил, что «Русская делегация заговорила так, как будто бы она представляет собой победителя, вошедшего в нашу страну. Я хотел бы указать на то, что факты как раз противоречат этому: победоносные германские войска находятся на русской территории. Я хотел бы дальше указать, что Русская делегация требует признания права на самоопределение в такой форме и в таком объеме, в каковых ее Правительство не признает этого права в собственной стране»²².

Роспуск Всебелорусского съезда послужил Гофману иллюстрацией этого утверждения: «В ночь с 30-го на 31-е декабря первый Белорусский конгресс в Минске, который хотел настоять на праве самоопределения Белоруссии, был разогнан большевиками посредством штыков и пулеметов. Когда Украинцы потребовали себе права на самоопределение, — Петроградское Правительство поставило ультиматум и попробовало настоять на своем посредством вооруженной силы». На этом основании германское Верховное командование решительно отклонило «вмешательство в дела оккупированных областей»²³.

На заседании 1 (14) января 1918 г. Л. Троцкий возразил на обвинения в насильственном разгоне Всебелорусского съезда, что приведенные генералом Гофманом примеры «ни в каком смысле не характеризуют нашей политики в области национальных вопросов. Мы навели справки о Белорусском Конгрессе (имеется в виду Всебелорусский съезд. — Д. К.). Этот Белорусский Конгресс состоял из представителей Белорусских аграриев. Он сделал попытку присвоить себе те права, которые составляют исключительную собственность белорусского народа. И если он встретил отпор, то этот отпор исходил от солдат, среди которых были одинаково великороссы, малороссы и белорусы»²⁴. Троцкий, таким образом, спустя всего две недели после официального открытия и признания Всебелорусского съезда теперь отрицал его легитимность, следуя за версией Облискомзапа.

Напряжение на переговорах возрастало, и становилось очевидным, что никакого компромисса достичь не удастся. Позиция силы, с которой немецкая делегация выступала на переговорах, столкнулась с попытками пропаганды коммунистической идеологии прямо на заседаниях, чего немецкие представители не могли вытерпеть. Они в открытую заявили о своих целях на востоке, о том, что не собираются больше играть в демократию и оставляют оккупированные области за собой. Более того, 10 февраля 1918 г. по н. ст. они представили новые территориальные претензии. Согласно новому германскому проекту, оккупации подлежала западная часть Белоруссии — Виленский, Трокский и Лидский уезды Виленской губернии и почти половина Гродненской губернии.

Советские представители, несмотря на всю безнадежность своего положения, все же попытались оспорить немецкий ультиматум. Они выразили недоумение, почему, если в украинской части был скрупулезно соблюден этнический принцип, этот же принцип в Белоруссии и Прибалтике был проигнорирован. Австрийский представитель,

д-р Г. Грац, объяснил это чисто стратегическими соображениями, а именно тем, что в части Украины граница с Россией не потребует таких оборонительных мер, как к северу от нее. Советская сторона расценила это заявление как признание того, что Украинская республика рассматривается Четверным союзом как свой сателлит²⁵.

Разбирая немецкий проект, советский эксперт М. Покровский спросил, подданными какого государства окажутся белорусы из указанных уездов, и выразил удивление, почему не предусмотрено создания самостоятельного белорусского государства. Гофман и Грац отвечали уклончиво, что состав населения указанных белорусских уездов смешанный и проведение там точной границы по этническому принципу затруднительно.

В ответ Покровский привел данные, приведенные в атласе, изданном типографией командующего Восточным фронтом, т. е. собственно германские: «Сокольский уезд — 89,8% белорусов, Гродненская губерния — 65,8%, Лидский уезд Виленской губернии — 73,2%, Волковышский уезд, также входящий в эту область, — 82,5%, Лужанский уезд Гродненской губернии — 75,5%, Ольшанский — 80,1%, и наконец, Виленский уезд, целиком входящий в данную область, — 42% белорусов. В Виленском уезде, насколько я понимаю, — белорусы составляют относительное большинство. Как видно из этих данных, вопреки объяснениям генерала Гофмана, белорусы составляют во всех этих уездах подавляющее большинство, за исключением Виленского уезда»²⁶.

Обсуждение вопроса завершилось довольно резкой пикировкой. Заявив, что без проведения новой переписи, которая учла бы и беженцев, решение об автономии для белорусов принять невозможно, представители Четверного союза вообще предложили закончить дискуссию о территориальном размежевании на германской стороне границы. Покровский согласился с этим предложением, обратив при этом внимание присутствующих «на тот знаменательный факт, что переговоры оборвались на вопросе, непосредственно затрагивающем право на самоопределение именно Русского народа»²⁷.

«Авантюристы», как теперь называли участников Всебелорусского съезда в советских кругах, все же попытались сделать белорусский вопрос предметом рассмотрения на мирной конференции. На конспиративном заседании 21 декабря 1917 г. группа членов Совета съезда объявила себя Исполнительным комитетом (ИК) Совета съезда. ИК, большинство членов которого было «незалежниками», решил направить в Брест А. Цвикевича и С. Рак-Михайловского с наказом

«защиты прав съезда при подписании общего демократического мира на основе принципа нераздельности Белоруссии и ее единства с Российской демократической федеративной республикой»²⁸. Решение ИК Совета съезда поддержали также Северо-западный обком партии правых эсеров и Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия. Белорусскую делегацию, согласно требованиям Троцкого, не пропустили в Брест через Барановичи²⁹. Тогда было решено ехать через Киев в качестве консультантов украинской делегации.

Белорусская делегация приехала в Брест только 15 февраля, на четвертый день после отъезда Троцкого. Активного участия в переговорах она принять не смогла. Немецкие дипломаты в качестве причины отказа указали тот факт, что на мирных переговорах белорусская делегация выступала не от имени белорусского правительства, а от ИК Совета Всебелорусского съезда – организации, не имеющей соответствующего юридического статуса. Рак-Михайловский и Цвигевич провели неофициальные переговоры с представителем германского правительства Шиллером и огласили меморандум, в котором содержались следующие требования: сохранение всей территории Белоруссии в составе Российской федеративной демократической республики; присоединение к автономной Белоруссии оккупированных немцами округов; очищение территории Белоруссии от немецких и др. оккупационных войск; возвращение беженцев и восстановление разрушенных войной хозяйств за счет международного фонда (это касается всех жителей Белоруссии, независимо от национальности и религии); предоставление всем жителям Белоруссии национально-персональной автономии; определение государственной принадлежности Белоруссии ее населением путем плебисцита; возвращение населению оккупированных белорусских территорий полученной с них контрибуции; заключение экономического договора между враждующими сторонами, основанного на принципах свободной торговли, независимо от политического; отмена протекционистских пошлин всеми сторонами. Помимо этого, меморандум повторял положения декрета о мире, изданного большевиками: отмена тайной дипломатии, всеобщий демократический мир без аннексий и контрибуций³⁰.

В ответ представители немецкой стороны сообщили, что белорусы «немного опоздали и проект мирного договора уже обработан и осталось его только подписать»³¹. Германские дипломаты ожидали, что разогнанный большевиками Белорусский съезд обратится к Германии с «просьбой о помощи» и будет искать контактов с прогерманскими белорусскими структурами в Западной Белоруссии. Однако

использовать факт разгона Всебелорусского съезда как основание для вмешательства под стягом защиты наций на самоопределение германская сторона не сумела. Декларация белорусов явно усиливала позиции большевиков. Попытка использовать для давления на Советы «виленских белорусов» тоже не удалась³².

Таким образом, несмотря на декларируемое возмущение разгоном Всебелорусского съезда, видно, что немецкая администрация не строила планов создания независимого белорусского государства, хотя это и помогло бы им оторвать эти области от России. Они не считали возможным пробуждение национального самосознания этого народа в той степени, чтобы это могло как-то повлиять на политическую ситуацию в крае³³. Поэтому можно было ожидать включения белорусских губерний в состав других национальных образований, например, Литвы. На роль самостоятельного союзника белорусские националисты, с точки зрения германского руководства, не годились.

Советское же руководство, явно не имея определенной точки зрения по вопросу национальной самобытности белорусов (хотя, как видно из хода дискуссии, и склонялось к концепции триединого русского народа), сходилось в том, что край должен оставаться в составе России и на его территории не должно быть иной власти, кроме большевистской. Сам факт, что на переговоры в Бресте не были допущены белорусские представители, свидетельствовал о том, что руководство РСФСР не собиралось отказываться от прав на белорусские земли. Западный фронт и лидеры его большевизированных Советов сыграли решающую роль в установлении советской власти в Белоруссии. Эта область в силу своей близости к Петрограду была слишком важна, чтобы можно было безболезненно позволить одержать там верх иным, кроме большевиков, политическим силам. Критикуя политику Бреста, Е. Канчер, глава Белорусского областного комитета, писал: «“Мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов” не может удовлетворить победоносную Германию и как империалистический воинствующий лагерь, и как социально-экономический организм. Эта формула могла бы быть с успехом продиктована не побежденным, а победителем. К сожалению, Революционная Россия не имеет объективных данных для того, чтобы встать в позу победителя. [...] Результатом подобной политики стало то, что, предоставив белорусскому народу право на самоопределение, Правительство Народных Комиссаров отказало в разрешении формирования белорусских народно-национальных революционных полков, а ведя в Бресте переговоры о мире, то есть

о западных границах Белоруссии, оно отказало белорусам иметь в составе мирной делегации своих представителей... В таком случае или будет заключен мир, между прочим, за счет западной части Белоруссии (губернии: Гродненская, Ковенская, Виленская, часть Минской), на чем настаивают немцы, или же не будет заключено никакого мира, и тогда германские империалисты всю тяжесть своего презрения к Российской Революции направят, прежде всего, на Белоруссию с тройкою целью: победить революционно-социалистические начала, заложенные в виде осуществленной советской власти, захватить Белоруссию с ее свыше чем 1000-миллиардную золотую валютою в виде леса и торфа (не считая земли) и, наконец, положить начало новому, по счету четвертому, разделу Польши между Германией, Австро-Венгрией и, может быть, Украиной»³⁴.

16 февраля легионеры 1-го Польского корпуса под командованием Ю. Довбор-Мусницкого по согласованию с немецким командованием начали наступление на минско-случком направлении³⁵. В ночь на 19 февраля 1918 г., после срыва Брест-Литовских переговоров, перешли в наступление уже немецко-австрийские войска³⁶. Только к 5 марта германское наступление было приостановлено на линии Орша — Могилев — Гомель. На этой позиции его и застало известие о подписании Брестского мира³⁷.

СНК Западной области и Облискомзап покинули Минск. Воспользовавшись этим, Исполком Совета Всебелорусского съезда, пополненный представителями революционной демократии национальных меньшинств (украинцев, евреев и русских), объявил себя временной, до созыва «на демократических началах Учредительного собрания Белоруссии», верховной властью в крае — Радой съезда³⁸, и избрал 21 февраля 1918 г. Народный секретариат Белоруссии. Возглавил Народный секретариат И. Воронко.

После ухода из Минска большевиков (18 февраля 1918 г.) Рада Съезда вошла в контакт с городским самоуправлением (с февраля по апрель 1918 г. Минская городская дума полностью поддерживала деятельность Народного секретариата и выделяла средства на его работу), земством, представителями общественных и политических организаций³⁹. 21 февраля состоялось заседание возрожденной после ухода большевиков Минской городской думы. Она поддержала действия Рады Съезда, приветствовала организацию Народного секретариата и изданную им I Уставную грамоту. Дума также выразила надежду на скорый созыв Белорусского Учредительного собрания и установление в Белоруссии демократического строя⁴⁰.

I Уставная грамота Рады Съезда, провозглашающая переход власти в крае к белорусскому временному правительству — Народному секретариату, определила главной его задачей подготовку к выборам в Белорусское Учредительное собрание. Кроме того, в ней подчеркивался социалистический, революционный (но не большевистский) характер Народного секретариата и Белорусской Рады и декларировалась защита завоеваний революции⁴¹.

Немецкие оккупационные власти, руководствуясь своими военно-политическими целями, не считали нужным признавать какую-либо параллельную власть. К тому же большинство членов Совета придерживались социалистических взглядов и были в глазах немцев скорее «рукой Москвы», чем потенциальными союзниками. Кроме того, у них не было такой широкой социальной базы, как, например, у украинского национального движения, и, в первую очередь, у них не было вооруженных сил — единственного аргумента в то время, способного перевесить чашу весов на чью-либо сторону. Поэтому с момента прихода немцев в Минск между Белорусской Радой и немецкими оккупационными властями началась полоса неопределенных отношений.

Первым действием немецких властей по отношению к Совету съезда было занятие помещений Народного секретариата и снятие немецкой комендатурой белорусского национального флага с этого здания.

27 февраля Народный секретариат подал высшему германскому командованию в Белоруссии меморандум, в котором изложил сущность и размеры белорусского движения, задачи и цели Народного секретариата и подчеркнул, что Совет съезда, согласно постановлению I Всебелорусского съезда, представляет собой «краевую власть»⁴². Кроме того, в меморандуме был выражен протест против действий немецкого коменданта. Немцы обращение проигнорировали.

Гораздо больше, чем социалистический Совет съезда, импонировала немцам «виленская группа» национального движения во главе с братьями Луцкевичами, В. Ластовским и А. Станкевичем. 25 января 1918 г. на Конференции белорусских организаций Виленщины они создали Виленскую белорусскую раду (ВБР), которая заняла открыто прогерманскую позицию. В феврале — марте 1918 г. возродились планы виленских «незалежников» создать Белорусско-Литовское государство. Надежду на это дало признание Германией независимости Литовской республики (ее создание было оглашено Литовским Государственным советом — Тарибой — 11 декабря 1917 г. при поддержке

Германии), провозглашенное 16 февраля 1918 г. Однако сразу же после этого события возобновились и конфликты между белорусскими «незалежниками», входившими в Виленскую белорусскую раду, и литовской Тарибой, у которой были свои, и немалые, аппетиты, касавшиеся не только Виленщины, но и Гродненской губернии. Свидетельством таких разногласий явилось письмо Виленской белорусской рады рейхсканцлеру Германии с протестом против претензий Тарибы говорить от имени всего населения Литвы (включавшей, по Луцкевичу, и белорусские земли с Вильно), в то время как 60% его составляли белорусы. В нем содержалось и требование-декларация о созыве представительного органа, избранного всем населением оккупированных литовско-белорусских территорий. Виленская белорусская рада считала указы и договора, заключенные от имени Тарибы, недействительными, так как они не были одобрены народным представительством края⁴³.

19 февраля 1918 г. Виленская белорусская рада приняла постановление, в котором объявляла разорванной связь между Россией и Белоруссией. Поэтому немецкие оккупационные власти в переговорах с народным секретариатом в Минске ссылались на «другую белорусскую ассамблею», которая объявила о независимости Белоруссии и формировании собственной администрации. Под влиянием оккупационных властей Рада съезда и Виленская белорусская рада стали согласовывать свои действия. «Незалежнические» тенденции в белорусской общественной мысли усилились после подписания 3 марта 1918 г. грабительского для Белоруссии и России Брестского мирного договора.

По условиям Брестского мира⁴⁴ территория Белоруссии была разделена. Белорусская часть Виленщины и Гродненщины с Бельским и Белостокским уездами были присоединены к литовскому государству. Земли на юг от полесской железной дороги по договоренности с Украинской Радой передавались Украинской Народной Республике (УНР). Немцы заняли большую часть Белоруссии с Минском. Не были оккупированы лишь 14 уездов Витебской и Могилевской губерний. Белоруссия не получала, естественно, никакой компенсации за разрушения в результате военных действий, так как, согласно пункту 9 Брестского договора, Германия и Россия взаимно отказались от компенсации потерь, понесенных их населением. По мнению В. Ладысева⁴⁵, именно условия Брестского мира способствовали окончательному вызреванию идеи суверенного Белорусского государства в политических кругах белорусской интеллигенции, уси-

лению «незалежнических» тенденций в деятельности Совета съезда и созданных им организаций.

9 марта 1918 г. Рада съезда выпустила II Уставную грамоту «К народам Белоруссии»⁴⁶. Главным ее положением была статья 1: «Белоруссия в границах расселения и численного преобладания белорусского народа объявляется Народной Республикой». Далее шло подтверждение социалистических принципов, провозглашенных съездом, на территории Белорусской народной республики: отмена частной собственности на землю, социализация земли (передача ее без выкупа тем, кто на земле работает); право национально-персональной автономии; установление восьмичасового рабочего дня в пределах Белорусской народной республики (БНР).

Во II Уставной грамоте в очередной раз было обещано созвать в наикратчайшие сроки Учредительное собрание Белоруссии, которое должно принять Основной закон Республики и определить ее государственный статус. До тех пор исполнительная и административная власть должна была принадлежать Совету съезда и Народному секретариату как его исполнительному органу.

Таким образом, II Уставная грамота Рады съезда декларировала БНР, но еще не определила ее государственный статус и связь (или ее отсутствие) с Россией или каким-либо иным государством. Издание этой грамоты, на наш взгляд, было обусловлено именно «неопределенными» отношениями с немецкими властями и реальной угрозой единству страны. Эта грамота имела своей целью заявить о существовании политической воли и своих органов власти у края с населением, которое определялось соседними народами как «темная этнографическая масса, полностью лишенная национального самосознания»⁴⁷. Второй задачей Грамоты было оповещение народа о том, что Совет съезда не прекратил своего существования, и призыв к объединению всех национальных сил вокруг Совета, увеличению политической активности, чтобы заставить оккупационные власти считаться с собой.

Как и I, так и II Уставные грамоты должны были стать нормативными законодательными актами, определявшими основные принципы национально-государственного строительства Белоруссии. С этими принципами согласились различные течения общественно-политического движения Белоруссии: меньшевики, эсеры, бундовцы, Поалей Цион и даже польская фракция Минской городской думы⁴⁸.

19 марта 1918 г. на торжественном заседании Совета съезда был избран президиум Совета и утвержден статут представительства в Совете. На том же заседании Совет съезда был переименован в Раду

БНР. Рада БНР, по замыслу лидеров Белоруссии, должна была представлять собой своеобразный предпарламент — высший законодательный и контролирующий орган республики до созыва Учредительного собрания.

Председателем президиума Рады стал И. Середа, его заместителем — И. Воронко, секретарями — К. Езовитов и Т. Гриб.

Фактически Рада БНР была органом не всебелорусским, а минским. Представители от других городов разъехались практически сразу после разгона конгресса, и многие из них, по замечанию Е. Канчера, даже не знали о событиях марта 1918 г.⁴⁹ Связи с ними практически не было.

В политической жизни после заключения Брестского мирного договора кристаллизовалась идея независимой Белоруссии, что сделало окончательно невозможным объединение всего национального белорусского движения. Пророссийское течение полностью потеряло влияние на минские дела, напротив, влияние «незалежнической» Виленской белорусской рады многократно усилилось. 24 марта 1918 г. Рада БНР приняла III Уставную Грамоту⁵⁰, в которой объявила БНР независимой. Это был закономерный результат развития событий. Члены Рады БНР объясняли свои действия тем, что не видели иной возможности защитить интересы своей страны перед войсками трех государств, претендовавших на ее территорию — Советской России, Польши (в лице легионов Ю. Довбор-Мусницкого⁵¹) и Германии.

Белорусские деятели восточной ориентации, оставшиеся в Москве и Петрограде, назвали этот акт предательским⁵². Разорвав связь с Советской Россией, руководство Рады БНР, как позднее констатировал А. Луцкевич, все свои надежды возложило на немецкие оккупационные власти, стремясь основать «союз с ней в той или иной форме»⁵³. Белорусы рассчитывали на то, что после ухода большевиков сумеют установить свою власть на территории всего края и добиться признания Германии. Однако немцы Раду не признали. Они ссылались на статьи Брестского договора, согласно которым не имели права поддерживать деятельность враждебных большевикам правительств на оккупированных землях⁵⁴.

Брестский мир стал для Белоруссии своеобразным водоразделом. Если в начале 1917 г. даже самые радикальные националисты в восточной части края говорили только об автономии Белоруссии в составе России, а «виленские белорусы» — о возрождении «союза народов» Великого княжества Литовского, то в марте 1918 г. за считанные дни победила идея создания независимой республики.

Именно факт раздела белорусских этнических территорий стал катализатором проникновения белорусской национальной идеи в более широкие слои населения, содействовал осознанию общности их интересов перед лицом внешних сил. Дальнейшие события только укрепили это сознание, несмотря на политическую неудачу проекта независимости Белорусской республики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Латышонак А., Мірановіч Я.* Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. Вільня; Беласток, 2010. С. 128.

2 *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.; Минск, 2005. С. 185.

3 *Третьяк С. А.* Брестский мир 1918 года и Беларусь // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М., 2008. № 1–4. С. 132.

4 *Мазец В. Г.* Геополитические аспекты становления белорусской государственности в конце 1917 — 1918 г. // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М., 2009. № 1. С. 69; *Знешняя палітыка Беларусі: Зборнік дакументаў і матэрыялаў.* Т. 1. Мінск, 1997. С. 24–25.

5 *Фельштинский Ю. Г.* Крушение мировой революции. Брестский мир: октябрь 1917 — ноябрь 1918. М., 2014. С. 117.

6 *Ольшанский П. Н.* Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 — март 1921 г.). М., 1969. С. 9.

7 *Третьяк С. А.* Брестский мир 1918 года и Беларусь. С. 132.

8 *Щавлинский Н. Б.* Белорусское национальное движение в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг). Минск, 2001. С. 71.

9 *Троцкий Л. Д.* Сочинения. М.; Л., 1925. Т. III. Ч. 2. С. 229.

10 Там же. С. 230.

11 *Щавлинский Н. Б.* Белорусское национальное движение... С. 73.

12 *Канчер Е. С.* Из истории гражданской войны в Белоруссии в 1917–1920 гг. (по личным воспоминаниям, записям и документам). Фрагменты 5-й главы. Окончание // *Беларуская думка.* 2010. № 2. С. 77.

13 *Третьяк С. А.* Брестский мир 1918 года и Беларусь. С. 132.

14 Мирная Конференция в Брест-Литовске 1917–1918 гг. Печатный текст протоколов заседаний конференции в Брест-Литовске с Приложениями. М., 1920. С. 91.

15 Там же. С. 93.

- 16 Там же. С. 93.
- 17 Там же. С. 92.
- 18 Там же. С. 93.
- 19 Там же. С. 93.
- 20 Там же. С. 94.
- 21 Там же.
- 22 Там же.
- 23 Там же. С. 95.
- 24 Там же. С. 102.
- 25 Там же. С. 204.
- 26 Там же.
- 27 Там же.
- 28 *Турук Ф.* Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов. М., 1921. С. 39.
- 29 Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 325. Оп. 1. Д. 15. Л. 69.
- 30 Вольная Беларусь. 1918 г., № 5. 17 (4) лютага.
- 31 *Мазеу В. Г.* Геополитические аспекты становления белорусской государственности в конце 1917 — 1918 г. С. 72.
- 32 *Трацяк С. А.* Брэсцкі мір і грамадска-палітычныя працэсы ў Беларусі: лістапад 1917 — студзень 1919 г. Мінск, 2009. С. 36.
- 33 *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. С. 200.
- 34 *Канчер Е. С.* Из докладной записки в Совет Народных Комиссаров по поводу создания Белорусского национального комиссариата, поданной 10 февраля 1918 г. // *Канчер Е. С.* Белорусский вопрос. Сборник статей. Пг., 1919. С. 55–57.
- 35 *Трацяк С. А.* Брэсцкі мір I грамадска-палітычныя працэсы... С. 41.
- 36 Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 106.
- 37 *Трацяк С. А.* Брэсцкі мір і грамадска-палітычныя працэсы... С. 42.
- 38 *Канчер Е. С.* Белорусский вопрос. С. 75.
- 39 *Ладысеў І., Брыгадзін П.* На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920). Мінск, 1999. С. 34.
- 40 I Устаўная грамата Выканкома Рады I Усебеларускага з'езду. 21 февраля 1918 г. // Архівы БНР. Вільня, 1998. С. 47.
- 41 Там же. С. 46.
- 42 *Канчер Е. С.* Белорусский вопрос. С. 77.
- 43 Письмо Виленской белорусской рады рейхсканцлеру Германии. Март 1918 г. // АБНР. С. 51.
- 44 Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 119–124.
- 45 *Ладысеў І., Брыгадзін П.* На пераломе эпох... С. 35.

46 II Уставная Грамота исполкома Совета Всебелорусского конгресса от 9 марта 1918 г. // АБНР. С. 52.

47 *Wasilewski L.* Litwa i Białoruś: Przeszłość. — Teraźniejszość. — Tendencje rozwojowe. Kraków, 1913. S. 104.

48 *Ладысеў І., Брыгадзін П.* На пераломе эпох... С. 36.

49 *Канчер Е. С.* Белорусский вопрос. С. 53.

50 III Уставная грамота Рады БНР от 25 марта 1918 г. // Архівы БНР. С. 62.

51 *Канчер Е. С.* Белорусский вопрос. С. 80.

52 Там же. С. 81.

53 *Луцкевіч А.* За дваццаць пяць гадоў. Вільня, 1928. С. 49.

54 Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 119–124.

D. A. Korotkova

Brest peace treaty and the destiny of Belarusian issue

The article is dedicated to the attitude of the Belarusian parties and organizations to the Brest peace treaty. Their attempts to join the peace negotiations and to prevent the division of the region are analyzed, as well as the Soviet leaders' reaction on these attempts. Radicalization of the national movement and proclamation of the independence of The Belarusian Republic were the consequences of the unfavorable conditions of the Brest peace treaty.

Keywords: *Brest peace treaty, the Council of Belarusian congress, the Council of people's commissars of the Western region and front, the People's commissariat for nationalities, Belarusian national movement.*

Ю. А. Борисёнок
(Москва)

**Влияние войн и военных конфликтов 1914–1921 гг.
на формирование идентичности населения белорусских земель:
особенности подхода историографии 2010-х гг.**

Статья посвящена тому, что в 2010-е гг. в историографии, прежде всего белорусской, произошли значительные изменения в оценке влияния военных конфликтов 1914–1921 гг. на идентичность населения, проживавшего в современных границах Республики Беларусь. Историки отходят от концепции советской эпохи, делавшей основной упор на обнищание и безграмотность подавляющего большинства белорусов, становившихся благоприятной почвой для процессов революционного переустройства. Исследователи отмечают, что реалии социальной трансформации белорусского общества были намного сложнее, сохранение традиционных форм социальной организации сочеталось с масштабными переменами, обусловленными Первой мировой, Гражданской и советско-польской войнами.

Ключевые слова: *Белорусские земли, военные конфликты XX века, идентичность, процессы модернизации, современная историография.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.1.10

2010-е гг. ознаменовались существенными переменами в историографии, обращенной к белорусским исследовательским проблемам XX столетия. Перемены прежде всего заметны в исторической науке Республики Беларусь (РБ) — причем новые наработки историков отныне доходят и до широкого читателя. Прошло время, когда версии истории в государственных и негосударственных СМИ Республики Беларусь были диаметрально противоположным — примером тому недавние дискуссии в белорусской печати о 100-лети Всебелорусского съезда (1917) и 100-лети БНР (1918)¹. С начала десятилетия увидело свет немало обобщающих трудов и монографических исследований, расширяющих традиционные представления об идентичности белорусов в первой половине прошлого века, и в частности в период военных конфликтов и революционных потрясений 1914–1921 гг.²

В данной статье мы сосредоточим внимание на двух принципиально важных исследованиях, по-новому представляющих процессы модернизации и национальной идентификации белорусов на фоне масштабных потрясений Первой мировой, Гражданской, советско-польской войн и революционных преобразований.

Увидевшая свет в 2013 г. монография декана исторического факультета Белорусского государственного университета (БГУ) А. Г. Кохановского посвящена процессам социальной трансформации белорусского общества на примере 35 уездов, «границы которых в наибольшей степени соответствуют рубежам Республики Беларусь» (речь идет о Минской и Могилевской губ. целиком, а также о Вилейском, Дисненском, Лидском и Ошмянском уездах Виленской губ., Витебском, Дриссенском, Городокском, Лепельском и Полоцком уездах Витебской губ., Брестском, Волковысском, Гродненском, Кобринском, Пружанском и Слонимском уездах Гродненской губ.)³. По итогам своего исследования историк решительно отмежевался от господствующей концепции советской эпохи, делавшей основной упор на обнищание и поголовную безграмотность подавляющего большинства белорусов, становившихся при такой опции наиболее благоприятной почвой для процессов революционного переустройства.

По мнению ученого, «социальные изменения, которые происходили в Беларуси в 60-е гг. XIX — начале XX в., получили системный характер. Они затронули практически все сферы человеческой жизни и поведения и прежде всего проявились в процессах диверсификации и стратификации общества, увеличения социальной и территориальной мобильности населения, расширения грамотности и образования, роста социальной активности». Принципиально важен и вывод автора о том, что «многие процессы, которые начинались или трансформировались в этот период, нашли свое продолжение на следующих этапах развития белорусского общества»⁴.

А. Г. Кохановский затронул важнейшие вопросы, рассмотрение которых не стало приоритетным в научной литературе. По мнению автора, «изучение социальной трансформации белорусского общества во второй половине XIX — начале XX в. в условиях развития модернизационных процессов как самостоятельной научной проблемы находится на начальной стадии, поскольку предшествующая историография часто не только не искала ответов на многие из аспектов поставленной проблемы, но даже не ставила их»⁵. Историк справедливо отмечает, что к 2010-м гг. вне внимания белорусских исследователей остались и такие важные проблемы, как пути и динамика социальной

и территориальной мобильности населения и «рост уровня и качества грамотности как фактора, который был определяющим для социальных изменений в обществе». По мнению исследователя, «на самом деле реалии социальной трансформации белорусского общества были намного сложнее, рядом сочетались элементы индустриального общества и традиционные формы социальной организации, которые обрели новую жизнь»⁶.

А. Г. Кохановский, упоминая среди прочего и о достоинствах формационного подхода, разделяет точку зрения известного российского историка Б. Н. Миронова о том, что теория модернизации оказалась более работающей и эффективной в сравнении с другими известными макротеориями при анализе исторической динамики Российской империи при переходе от традиционного к современному обществу⁷. Белорусский исследователь согласен с российским коллегой и в том, что «модернизация — продолжительный исторический процесс, который часто имел волнообразный, циклический характер. Она включает технологические (переход к использованию машинного производства), экономические (рост производительности труда, изменение структуры производства, трудовых ресурсов и др.), этнические (процессы национальной идентификации), социокультурные (снижение роли и влияния религии, отделение функции образования от семьи и общины, увеличение продолжительности и обогащение содержательно образовательного процесса, развитие средств массовой информации, появление массовой культуры), социально-психологические, демографические (демографическая революция, закрепление открытой системы стратификации с высоким уровнем социальной мобильности) изменения различного уровня, скорости, масштаба, сложности и направленности»⁸.

При этом в контексте процессов в белорусском обществе начала XX в. важен вывод минского ученого о том, что «традиции исполняют весьма существенную функцию поддержания стабильности общества. Процессы модернизации неизбежно нарушают эту стабильность, что приводит порой к социальным катаклизмам. Традиционные институты и ценности могут адаптироваться к современности»⁹. Таким образом, А. Г. Кохановский, не упоминая прямо о процессах консервативной модернизации, указывает на их важность для белорусской ситуации — тем более что автор не только не опровергает оценку специалиста из Белостока О. Латышонка, заключающего «эпоху модернизации» в истории Беларуси в хронологические рамки с середины XVIII до конца XX в., но и вслед за могилевским историком

И. А. Марзалюком считает, что уже в XVI в. под влиянием идей Возрождения и Реформации на белорусских землях можно наблюдать «первые шаги протомодернизации»¹⁰.

А. Г. Кохановский на основании собственных подсчетов произвел важную корректировку степени погруженности жителей белорусских земель в аграрный сектор экономики — в конце XIX в. в сельском хозяйстве было занято 76,3% населения указанных выше 35 уездов¹¹. В предшествующей традиции крестьянская составляющая населения зашкаливала как минимум за 80%, отождествляясь с реалиями югославянского и болгарского пространства начала XX в., теперь же речь идет и о развитии в белорусской деревне того времени традиционных для этих мест производств (при этом среди 5 408 420 этнических белорусов, выявленных переписью 1897 г., крестьяне составляли 92,06% или 4 978 905 чел., а с сельским хозяйством и лесными промыслами по роду занятий были связаны 91,6% или 4 951 697 чел.)¹².

Не разделяет исследователь и взгляды о беспросветной отсталости промышленности белорусских земель, бескомпромиссно изложенные в 1928 г. историком революционного движения С. Х. Агурским, а в 2018 г., причем в еще более категоричной форме, этнологом П. В. Терешковичем: «На рубеже XIX и XX столетий Беларусь была наиболее отсталым регионом европейской части Российской империи»¹³. А. Г. Кохановский логично полагает, что развивавшееся без воздействия целенаправленной правительственной политики «индустриальное развитие Беларуси на начальных этапах модернизации было скоррелировано с естественными потребностями региона, основано на традиционной структуре экономического развития. Средние размеры предприятий по переработке лесного и сельскохозяйственного сырья, на чем специализировалась белорусская промышленность, в среднем по Российской империи были такими же, как и на территории Беларуси»¹⁴. Историк опирается на выводы Л. И. Бородкина и И. Д. Ковальченко, установивших, что, имея уровень промышленного развития ниже среднего по европейской части империи, белорусские губернии типологически не выделялись из общего ряда: Виленская губ. к началу XX в. по уровню и чертам развития производственной деятельности входила в одну группу с Уфимской, Пермской, Тульской и Астраханской губ., Минская, Витебская, Гродненская и Могилевская губ. — с соседними губерниями — Ковенской и Волынской¹⁵.

Не сочетаются со стереотипом «отсталости» и показатели урбанизации на белорусских землях — городское население 35 уездов с 1863 по 1914 г. увеличилось с 335,6 до 974,6 тыс. чел. при отсут-

ствии крупных городских центров и постоянном повышении среди горожан доли выходцев из сельской местности. Невысокий уровень присутствия в городах этнических белорусов (по данным переписи 1897 г., 13,2% в сравнении с 17,8% русских и 11,8% поляков) А. Г. Кохановский объясняет в том числе и «частым стремлением белорусов в случае социального успеха оторваться от прежней этнической среды, которое напоминало, по их ошибочному мнению, о более низком происхождении»¹⁶. Несомненно, что в первой половине XX в. в условиях процессов белорусизации в БССР, когда критерии «социального успеха» кардинально трансформировались, часть таких недавних горожан не без выгоды для себя вспомнила именно о своем «низком происхождении».

А. Г. Кохановский уделил существенное внимание динамике образовательных процессов на белорусских землях, опровергая устоявшийся историографический стереотип о том, что «Беларусь была одним из самых отсталых районов страны по развитию школьной сети, уровню грамотности населения, охвату детей обучением»¹⁷. Автор убедительно показывает, что к началу Первой мировой войны по ряду позиций можно говорить даже о своеобразном образовательном рывке: так, если в 1874–1887 гг. среди новобранцев Могилевской губ. неграмотными были 85,9%, то в 1913 г. грамотными там же шли на военную службу 79%¹⁸. Этот процесс несомненно связан с ростом числа начальных школ: в 1911 г. в белорусских губерниях их насчитывалось 8384, причем только 2448 из них было открыто до 1894 г., до вступления на престол Николая II¹⁹. Планы властей империи по введению к концу 1910-х гг. всеобщего начального обучения были сорваны наступившим летом 1914 г. длительным периодом непрерывных войн и революционных кризисов.

Войны и революции XX в. в целом оказали крайне отрицательное влияние на ход демографических процессов на белорусских землях, и это притом, что до 1914 г. «белорусские губернии опережали средние показатели по европейской части Российской империи по уровню естественного прироста населения, имея при этом отрицательный миграционный баланс», а «территориальные перемещения населения Беларуси опережали социальные»²⁰. Исходя из статистики по указанным выше 35 белорусским уездам и Новоалександровскому уезду Ковенской губ., большая часть которого ныне входит в состав Республики Беларусь (РБ), А. Г. Кохановский оценивает численность населения Беларуси на 1 января 1914 г. в границах, близких к современным, с учетом прироста с 1858 г. в 2,6 раза в 9150 тыс. чел., а непосредственно

перед началом Первой мировой войны в 9300 тыс. чел. Эти цифры очень близки к показателям населения РБ в 2010–2017 гг., которые, согласно официальным данным Белстата, колеблются в пределах 9464–9505 тыс. человек²¹, а учитывая переселение только в Сибирь за 1905–1914 гг. 254 796 жителей пяти белорусских губерний²², они практически равны.

Исследование А. Г. Кохановского опровергает и представление об отсутствии среди этнических белорусов представителей благородного сословия: в конце XIX в. одних лишь потомственных дворян на белорусской этнической территории было гораздо больше 128 476 представителей рабочего класса, обнаруженных в Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерниях. По данным историка, среди выявленных переписью 1897 г. 149 168 потомственных дворян 35 белорусских уездов белорусский язык считали родным 77 264, или 51,8%; к ним присоединились и 6487 обладателей личного дворянства²³.

Исследователь из США С. Беккер приводит следующую градацию: «В 1897 г. великороссы составляли 47,0% всех потомственных дворян на территории Европейской России, поляки — 26,2%, белорусы — 9,9%, украинцы — 7,2%, литовцы — 4,5% и немцы — 2,5%», подчеркивая, что 97% дворян-белорусов проживали в границах белорусских губерний²⁴. При этом логичен и вывод о том, что «среди потомственных дворян-землевладельцев преобладали представители католического вероисповедания»²⁵; выбор же белорусского языка по ходу переписи мог означать лишь временный, например до послаблений властей 1905 г., отказ от стереотипа «поляк-католик». Бурные перемены 1914–1921 гг. стали еще одним потрясением основ идентичности этой социальной группы, подвергшейся затем в случае дальнейшего пребывания на советской территории наряду с духовенством и купечеством наиболее суровым репрессиям новых властей.

Стоит отметить, что итоговые выводы исследования А. Г. Кохановского, который оценивает процессы 1861–1914 гг. все-таки как «фрагментарную модернизацию»²⁶, более осторожны, чем отдельные фундированные фрагменты основной части монографии, позволяющие более глубоко и рельефно, а главное, более оптимистично, в том числе и «в контексте Центрально-Восточной Европы» представить многоликие процессы трансформации идентичности населения белорусских земель в последние десятилетия существования Российской империи. В итоге подходы белорусской историографии 2010-х гг. отличаются большим вниманием к образовательным реали-

ям и процессам социальной мобильности, что позволяет существенно пересмотреть пессимистические оценки 2000-х гг., сформулированные, к примеру, П. В. Терешковичем: «Формирование белорусской национальной общности протекало в едва ли не наименее подходящих для этого условиях. Практически все значимые для успешного развития национального движения факторы либо были слабо выражены (рыночная активность, урбанизация, социальная мобильность, грамотность, этнолингвистическое и конфессиональное своеобразие), либо вообще отсутствовали (университетские центры, «историчность», «Пьемонт»). Поэтому очевидное запаздывание национальной консолидации белорусов в XIX — начале XX в. носило объективно обусловленный характер»²⁷.

Эту линию на углубленное исследование модернизационных процессов XX в. применительно к белорусской деревне продолжил и проректор БГУ С. Н. Ходин в своей монографии 2014 г., посвященной межвоенному периоду в истории БССР. Автор отвергает «распространенную “моду” противопоставлять события до и после октября 1917 г.», отмечая, что «отрицание известного историко-генетического метода, когда изучаемые явления определенного периода отрываются от предшествующего этапа развития, приводит читателя к выводу, что все они возникли впервые. Закономерно встает вопрос о преемственности тех элементов социальной системы, которые эту преемственность обеспечивают»²⁸.

Историк подчеркивает, что и после масштабных перемен, обусловленных революционными процессами и военными конфликтами 1914–1921 гг., «именно крестьянство остается колыбелью белорусской традиции. В XX в. на его долю выпало множество испытаний. Селянин привычно восстанавливал разрушенное войной. Но рубеж 1920–1930-х гг. потребовал от крестьянина внутреннего психологического перелома, коренных изменений в сущности его жизни как самостоятельного хозяина. Оказавшись в ситуации выбора, большинство белорусских крестьян приспособились к тем условиям, которые диктовала советская власть»²⁹.

С. Н. Ходин не только уверенно ориентируется в обширных источниковых и историографических массивах, относящихся к советской аграрной истории межвоенного периода, но и формулирует собственную исследовательскую концепцию, отличную от предшественников. По мнению ученого, в условиях, когда «на протяжении 1920-х гг. наблюдается переплетение традиционных и модернизированных структур», «под влиянием модернизационных процессов

определились аспекты усложнения социальной структуры сельского населения, первоначальные процессы урбанизационных явлений. Однако существенных сдвигов не произошло, традиционное недоверие крестьянства к властным структурам углубилось, определилось понимание крестьянского политического представительства. Несмотря на все усилия власти, сельский мир не был окончательно расколот, элементы отношений, сформированных в общине, традиционные институты продолжали действовать»³⁰.

С. Н. Ходин приходит к выводу, что и на фоне масштабных изменений, состоявшихся на белорусских землях с лета 1914 г. и ознаменовавшихся укреплением на отошедших советской стороне после Рижского мира 1921 г. территориях структур новой власти, сохранялись существенные отличия местного крестьянского социума от соседних территорий. Историк отмечает, что для постреволюционной белорусской деревни «богатство альтернатив ее развития проявлялось более ярко, чем в других регионах СССР. Здесь с большим успехом прошла столыпинская аграрная реформа, существенные отличия имел институт крестьянской общины, развивались преимущественно те направления, которые весьма непросто и без должного результата могли быть обобществлены сразу: животноводство, картофелеводство, льноводство, садово-огородное хозяйство»³¹.

Исследователь особо подчеркивает, что «белорусская деревня в 1920-е гг. характеризовалась наименьшим удельным весом беднейшего крестьянства (в сравнении с РСФСР и УССР) и в то же время чрезвычайно острой проблемой малоземелья. Природно-географические условия усложняли механизированную обработку почвы, наличие большого количества хуторов и мелких поселков создавало предпосылки для определения отличных темпов и форм модернизации белорусской деревни»³². Но центральное политическое руководство с началом в 1929 г. сплошной коллективизации на эти отличия внимания не обратило, несмотря на робкие попытки властей БССР объяснить, что в условиях, когда основным направлением развития сельского хозяйства в республике стало животноводство, дело коллективизации усложнилось. Весьма символична выявленная С. Н. Ходиным на архивном материале цифра — на 1 октября 1929 г. на всю БССР приходилось всего 198 тракторов, а из запланированных к весеннему севу 1930 г. 196 новых машин фактически поступило только 23 трактора³³. Учитывая тот известный факт, что и наличная сельхозтехника часто ломалась, кампанию по коллективизации в белорусской деревне можно емко оценить популярным в сталинскую эпоху словом «вредительство».

В итоге, по верному замечанию историка, в БССР «на рубеже 1920–30-х гг. был задействован тот же механизм модернизации, что и в 1917–1920-х гг.: механизм классовой борьбы. Партийный аппарат (как когда-то на фронтах войны) был подготовлен исполнять задачи без оглядки на потери в максимальных формах и сроках. Часть партийцев рассматривала коллективизацию вообще как очередной этап новой крестьянской революции и заявляла крестьянам: “...пришло время вас резать, и если вы не вступите в колхоз, то вас всех пережем...”»³⁴. До резни, как известно, дело не дошло, но особенности модернизационных издержек в форме классовой борьбы в условиях коллективизации в советской Беларуси имели весьма жесткие формы: «В число кулаков попали не только середняки, но и значительная часть беднейшего крестьянства, которая держала для удобрения по две коровы и какую-то мелкую живность»³⁵.

С. Н. Ходин не склонен смешивать процессы массовой коллективизации и перемены в этнокультурном развитии БССР. На основании данных переписей 1937 и 1939 гг. исследователь ставит под сомнение «стереотипы, которые сложились в постперестроечные годы об очередном этапе русификации в Беларуси в начале 1930-х гг.»³⁶. Переписные листы включали в себя именно тот родной язык, который опрашиваемый считал родным, и увеличение по сравнению с переписью 1926 г. числа лиц, которые считали родным белорусский и польский языки, является фактом, требующим внимания исследователей. Стоит заметить, что в отношении поляков как лиц, пользующихся в быту польским языком, данные переписи 1926 г. были искусственно занижены (поляков в БССР тогда насчитали всего 1,96% населения или 97 498 человек, но среди белорусов, составлявших 89,3% от всего населения в «4 983 340 душ», белорусским языком пользовались 80,3%, среди остальных языков переписанных белорусов преобладал как раз польский³⁷). Увеличение же числа носителей белорусского языка стоит уверенно связывать с процессами советской белорусизации, которые на низовом уровне, в том числе в сфере школьного обучения и советской пропаганды, в 1930-е гг. не сворачивались, несмотря на судебные процессы над «нацдемовской» интеллигенцией.

С. Н. Ходин приходит к выводу о том, что в межвоенной БССР протекали процессы своего рода отложенной модернизации. Автор осторожно замечает, что «1920–30-е гг. не были для Беларуси периодом индустриализации в классическом понимании этого термина — как развитие прежде всего тяжелой промышленности. В таком контексте модернизация проходила во второй половине 1940-х — 1950-

е гг.»³⁸. Добавим, что это была вполне осознанная и подкрепленная официальными, но строго секретными документами политика высшего руководства СССР: в приграничной с Польшей межвоенной БССР строго воспрещалось планировать сколько-нибудь значимые индустриальные объекты; ситуация изменилась только после территориальных изменений 1939–1945 гг. При этом, как и до 1914 г., с наступлением советской эпохи «роль традиции для белорусского селянина была исключительной». Более того, при всей масштабности и непредсказуемости большевистских аграрных экспериментов нужно учитывать и то, что «традиционное общество белорусской деревни не ощутило в полной мере кардинальную трансформацию, через которую прошла Западная Европа (включая полное разрушение отношений в общине)»³⁹.

Важны и расходящиеся с традиционными представлениями советской историографии взгляды С. Н. Ходина на переход белорусской деревни к нэпу. По мнению историка, такой переход происходил «в трудных экономических условиях. Война обессилила народное хозяйство Беларуси. Посевные площади сократились более чем на 30%, а количество скота — наполовину»⁴⁰. Не менее значим был и отток крестьянского населения из традиционных мест жительства, начавшийся в 1915 г. с масштабной эвакуацией гражданского населения во время Первой мировой войны. Историк справедливо замечает, что при том, что число православных и католиков среди крестьян-беженцев было примерно одинаковым, в 1921 г. после Рижского мира не все западнобелорусские крестьяне вернулись на территорию Польши, часть из них осела в центральной и восточной Беларуси⁴¹.

В этих условиях, как метко замечает С. Н. Ходин, местные большевики позволили себе, невзирая на решения X съезда РКП(б) в марте 1921 г., более чем на год продлить в БССР провальную политику «военного коммунизма». Ее активным проводником был пламенный революционер, нарком земледелия республики в 1920–1924 гг., по происхождению польский шляхтич с Волыни, Адам Семенович Славинский (1885–1937). Даже в октябре 1921 г., когда центральная советская печать всю трубила об успехах нэпа, белорусский наркомзем с трибуны X конференции КП(б)Б особо отмечал: «Крестьянину необходимо дать отпор, ибо он чувствует только силу, а направление его желания лишь одно — обогащение». Славинский тогда же резко выступил против предоставления крестьянину свободы форм землепользования и, призвав по-прежнему опираться на коммуны и сельхозартели, открыто заклеил ленинское понимание нэпа:

«Вы называете это новой экономической политикой, это анархия, а анархию нужно прекратить»⁴².

При всем своеобразии политики властей до укрупнения БССР в 1924 г. С. Н. Ходин отмечает и позитивные моменты в жизни налаживающего свое хозяйство белорусского крестьянства. Согласно приводимым автором архивным данным, с декабря 1920 г. «в результате наделения земель бедняков и малоземельных середняков крестьянское землепользование в БССР до конца 1922 г. увеличилось на 469 442 десятины и достигло 2630,1 десятины. Обеспеченность землей крестьянского хозяйства в республике выросло с 9,5 до 11,2 десятины». С 1923 до 1926 г. численность коров увеличилась с 911 743 до 1 126 273 голов, значительно превысив показатели военного 1916 г.⁴³

Фактически, «правильную» политику по отношению к белорусскому крестьянству большевики начали проводить лишь с 1924 г. (что характерно — одновременно с началом активной фазы советской белорусизации в сфере образования и культуры⁴⁴), когда наркомат земледелия возглавил 28-летний Дмитрий Филимонович Прищепов (1896–1940). С. Н. Ходин подчеркивает, что путевку в высший эшелон республиканской советской политики этому крестьянскому сыну, закончившему земскую школу в Черее и сдавшему экзамен на звание народного учителя, дала Первая мировая война. После окончания ускоренного курса Виленского военного училища прапорщик Прищепов попадает на фронт и в 1917 г. становится сначала командиром роты, а затем выбирается солдатами командиром полка, сохранив эту должность и в Красной армии. Структуры наркомата земледелия в Минске хорошо знавший крестьянский труд совпартфункционер возглавлял до осени 1929 г., после чего был обвинен в принадлежности к националистической контрреволюции и репрессирован. Автор монографии доказывает, что для советской власти ни в «прищеповщине», ни даже в призыве наркома ориентироваться в плане развития сельского хозяйства на Данию не было ничего опасного. Наоборот, идеи и активная деятельность Прищепова были куда позитивнее для аграрного сектора БССР, чем непродуманные реалии массовой коллективизации, охватившей в 1939 г., накануне присоединения Западной Беларуси, 90% крестьянских хозяйств республики⁴⁵.

Таким образом, недавние исследования белорусских специалистов дают возможность более объемно и выверенно представить сложнейшие процессы, протекавшие на белорусских землях в позднимперскую и раннесоветскую эпоху, позволяют скорректировать старые и новые исторические стереотипы и наметить перспективы

новых обобщающих работ, способных рельефно отобразить как социально-экономические, так и этнополитические факторы складывания белорусской идентичности в эпоху войн и революционных преобразований первых десятилетий XX столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Первый Всебелорусский съезд открыл путь к национальной государственности. <https://www.sb.by/articles/kak-eto-bylo-siezd.html> (дата обращения 08.12.2017); 1918-ы год для нашай дзяржаўнасці: набыткі і страты // <http://zviazda.by/be/news/20180117/1516167450-1918-y-god-dlya-belarusi-nabytki-i-straty> (дата обращения 17.01.2018).

2 На шляху станаўлення беларускай нацыі: гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы / В. В. Яноўская і інш. Мінск, 2011; Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст. Кн. 1–2 / А. А. Каваленя (і інш.). Мінск, 2011–2012; Польша — Беларусь (1921–1953): сб. документов и материалов / Сост. А. Н. Вабищевич [и др.]. Минск, 2012; Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. Кн. 1–2 / Редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. Минск, 2014; *Маркава А.* Шлях да савецкай нацыі. Палітыка беларусізацыі (1924–1929). Мінск, 2016; *Бароўская В. М.* Беларускае пытанне на савецка-польскіх перагаворах 1918–1921 гг. Мінск, 2017; Беларусь в геополитических процессах XX — начала XXI в.: сб. научных статей / Редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.). Минск, 2017; *Дмитриева О. П.* Национальные общности на территории Беларуси в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Минск, 2017; *Смольянинов М. М.* Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. М., 2017 и мн. др.

3 *Каханоўскі А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.). Мінск, 2013. С. 6.

4 Там же. С. 3.

5 Там же. С. 23–24.

6 Там же. С. 20.

7 Там же. С. 37; *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2012. С. 540.

8 *Каханоўскі А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя... С. 37; *Миронов Б. Н.* Социальная история. Т. 2. СПб., 1999. С. 304.

9 *Каханоўскі А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя... С. 39.

10 Там же. С. 41; *Марзалюк І. А.* Людзі даўняй Беларусі: Этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.). Магілёў, 2003,

С. 242–243, 249; На шляху станаўлення беларускай нацыі: гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы. Мінск, 2011. С. 139–140.

11 *Каханоўскі А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя... С. 53.

12 Там же. С. 183, 224.

13 *Агурский С. Х.* Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1863–1917). Минск, 1928. С. 113; *Церашковіч П.* Параза ці поспех? БНР у параўнанні з іншымі нацыянальнымі праектамі Усходняй Еўропы // <https://nn.by/?c=ar&i=204414> (дата обращения: 10.02.2018).

14 *Каханоўскі А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя... С. 55, 61.

15 Там же. С. 54–55; *Бородкин Л. И., Ковальченко И. Д.* Промышленная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX вв. (Опыт многомерного количественного анализа по данным промышленной переписи 1900 г.) // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981. С. 107.

16 *Каханоўскі А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя... С. 60, 63.

17 Асвета і педагагічная думка ў Беларусі. Са старажытных часоў да 1917 г. Мінск, 1985. С. 438–439.

18 *Каханоўскі А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя... С. 71–72.

19 Там же. С. 77–78.

20 Там же. С. 173.

21 Там же. С. 93–94; http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/demografiya_2/g/chislennost-i-estestvennyi-prirost-naseleniya (дата обращения 25.02.2018).

22 *Каханоўскі А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя... С. 132.

23 Там же. С. 194, 252.

24 *Беккер С.* Миф о русском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. С. 293–294.

25 *Каханоўскі А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя... С. 195.

26 Там же. С. 262.

27 *Терешкович П. В.* Этническая история Беларуси XIX — начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы. Минск, 2004. С. 198.

28 *Ходзін С. М.* Беларуская вёска ў міжваенны час: шляхі і формы савецкай мадэрнізацыі (1921–1939). Мінск, 2014. С. 4.

29 Там же. С. 3.

30 Там же. С. 227.

31 Там же. С. 3.

32 Там же. С. 223.

33 Там же. С. 115.

34 Там же. С. 114.

35 Там же. С. 3.

- 36 Там же. С. 49.
- 37 *Борисёнок Ю. А.* На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М., 2013. С. 144.
- 38 *Ходзін С. М.* Беларуская вёска... С. 152.
- 39 Там же. С. 68.
- 40 Там же. С. 76.
- 41 Там же. С. 165.
- 42 Там же. С. 78, 121.
- 43 Там же. С. 84, 135.
- 44 *Борисёнок Ю. А.* На крутых поворотах... С. 146–154.
- 45 *Ходзін С. М.* Беларуская вёска... С. 103, 119–125.

Y. A. Borisenok

The influence of wars and military conflicts of the 1914–1921
on the formation of identity in Belarusian lands:
The historiography approach of the 2010s.

The article is devoted to the significant changes in the Belarusian (first and foremost) historiography regarding the evaluation of military conflicts of the 1914–1921 and their impact on the identity of the people who lived in what is today Belarus. Historians disclaim the concepts of the Soviet era, which focused on the impoverishment and illiteracy of Belrusians supposedly making them a fertile ground for the processes of revolutionary reorganization. Researchers note that the realities of the social transformation of the Belarusian society were much more difficult, the preservation of traditional forms of social organization was combined with large-scale changes caused by the First World War, the Civil and Soviet-Polish wars.

Keywords: *Belarusian lands, military conflicts of the 20th century, identity, modernization processes, modern historiography.*

А. В. Ганин
(Москва)

События 1917–1919 гг. на Украине в освещении генерала П. С. Махрова

В статье проанализированы неопубликованные воспоминания генерала П. С. Махрова о событиях революции и Гражданской войны на Украине в 1917–1919 гг. Мемуары Махрова являются важным источником по различным событиям конца XIX — первой половины XX в., прежде всего по истории Первой мировой и Гражданской войн. Мемуарист подробно освещает процесс украинизации Юго-Западного фронта в конце 1917 — начале 1918 г. и поведение офицерства в этой связи, деятельность офицеров в период существования Украинской державы гетмана П. П. Скоропадского и последующий выбор.

Ключевые слова: *Гражданская война, революция, Украина, офицерство.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.1.11

Появление в 1917 г. независимого украинского государства поразило сознание современников. Для образованных русских людей украинский национальный проект казался чем-то анекдотическим, шокирующим и непонятным¹.

Наиболее острый конфликт мировосприятия возникал между носителями диаметрально противоположных взглядов. Например, между сторонниками украинства и русскими офицерами. В этом смысле чрезвычайно интересны неопубликованные воспоминания русского генерала Петра Семеновича Махрова (01.09.1876 — 29.02.1964), посвященные событиям на Украине в 1917–1919 гг.

Обширные (общим объемом около 5,5 млн знаков) воспоминания П. С. Махрова хранятся в Бахметевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке. Написанные в 1950-х — начале 1960-х гг. в Каннах, они охватывают практически всю жизнь мемуариста с 1890-х по начало 1950-х гг. Значимость этого мемуарного свода как источ-

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 17-81-01022а(ц) «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии».

ника по военно-политической истории России и русской эмиграции с конца XIX по середину XX в. трудно переоценить. Разумеется, это не отменяет критического отношения к воспоминаниям и необходимости проверки изложенных в них сведений.

События конца 1917 — начала 1919 г. на Украине затронуты в той части воспоминаний, которая носит название «Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г.». Написаны они спустя тридцать пять лет после событий в марте — ноябре 1953 г., чем объясняются многочисленные фактические неточности и ошибки в тексте. Непосредственно украинские сюжеты освещаются в четырех из семи тетрадей этой части воспоминаний, являющейся, несомненно, одной из наиболее интересных.

Осенью 1917 г. П. С. Махров был произведен в генерал-майоры. С октября 1917 г. служил исполняющим должность генерал-квартирмейстера штаба армий Юго-Западного фронта. К этому времени относилась его единственная встреча с командиром XXXIV армейского корпуса генералом П. П. Скоропадским, будущим гетманом Украины. Последний никак не проявил в беседе своих национальных симпатий, однако этот разговор имел для Махрова неожиданные последствия летом 1918 г. Тогда Махров получил назначение на украинскую службу помощником генерала Н. Н. Головина по заведыванию военным архивом Юго-Западного фронта в Одессе. Махров вспоминал, что «в должность не вступил, т. к. я был великоросс и не считал возможным служить на украинской военной службе»². При этом шовинистом Махров себя не считал³.

Восприятие Махровым Украины и украинского народа, на наш взгляд, с определенными оговорками концентрируется в его цитате об украинских федералистах, которых «прельщала красота родной страны, музыкальная речь малоросского языка, им люб был прекрасный народ Украины с его мелодичными и веселыми песнями, с его юмором и отвагой, но вместе с тем они сознавали превосходство русской науки и культуры и пуще всего боялись москальской силы»⁴. Оптимальным форматом взаимодействия Украины и России Махров считал систему, возникшую во времена Богдана Хмельницкого.

По оценке генерала, «украинизация и мусульманизация войсковых частей на Юго-Западном фронте в общем не вызывала никаких затруднений, но образование украинской государственности было одним из самых больных вопросов, т. к. оно влекло за собой анархию, затруднявшую снабжение войск. Кроме того, украинская Рада склонна

была подчинить себе и командование фронтом, что было совершенно недопустимым с военной точки зрения»⁵.

Суждения Махрова об украинском национальном движении и его вождях довольно резкие, что неудивительно: «К власти стремились все, считавшие себя способными к государственному строительству. Первое место среди них занимал самый невежественный элемент украинской полуинтеллигенции. В головах их царил хаос понятий о современной государственности с легендами о доблестях запорожцев и всевозможных гетманов. Настоящая украинизация началась с появлением украинской рады, возглавляемой тремя безголовиями в лице профессора Грушевского, писателя Винниченко и бухгалтера земской управы Петлюры, выгнанного в молодые годы из семинарии за воровство»⁶.

Возмущение генерала подкреплялось негативным личным опытом взаимодействия с лидерами украинского национального движения С. В. Петлюрой и В. К. Винниченко в ноябре 1917 г. в Бердичеве. Тогда Петлюра пытался подчинить себе штаб Юго-Западного фронта, поскольку тот находился на украинской территории⁷. Все беседы, по свидетельству Махрова, велись на русском языке, хотя Петлюра иногда вставлял фразы «на галичанском наречии»⁸. Характеристики Петлюры уничижительные. По оценке Махрова, он производил жалкое впечатление и был похож на фигляра из провинциального театра⁹.

По свидетельству Махрова, новыми украинскими властями были арестованы командующий войсками Киевского военного округа генерал М. Ф. Квечинский, его начальник штаба полковник С. М. Трухачев, комиссар Временного правительства меньшевик И. И. Кириенко с состоящим при нем ротмистром Лодыженским. Полковнику Трухачеву удалось бежать и добраться до Бердичева, остальные сидели в тюрьме. Вскоре арестованных освободили, инцидент был исчерпан.

Об украинской Центральной Раде Махров отзывался как о сборе политиков разных мастей. Наиболее самоуверенными и глупыми среди них он считал «щирых» сепаратистов из интеллигенции и полуинтеллигенции. Их притязания распространялись на Кубань, Крым и Черное море. Другую группу представляли эсеры — «всевозможные авантюристы, болтуны и пустоцветы, по своему мировоззрению и деятельности мало уступавшие керенщине»¹⁰. Третья группа состояла из федералистов, выступавших за Украину в составе России, хотя и колебавшихся в вопросе формы такой федерации. Еще одной группой по классификации мемуариста являлись разнородные социалисты.

Критически отзывался Махров о председателе Центральной Рады М. С. Грушевском, который «своим авторитетом историка включил в

пределы Украины Галицию и Угро-руссию и своей ученостью заразил красивый певучий народный язык Малороссии жаргоном русско-литовско-польского языка, непонятного для простого народа...»¹¹.

Резюмировал генерал следующим образом: «Вот из этой полуграмотной, некультурной среды выдвигались люди на государственные посты и разного рода должности. Со многими из них мне приходилось сталкиваться по делам службы в роли генерал-квартирмейстера и начальника штаба Юго-Западного фронта. Я поражался их развязностью, самоуверенностью и их невежеством, чтобы не сказать глупостью.

Мне казалось, что это не действительность, а кошмарный сон. Они уже не говорили по-украински, а “балакали на мове”, которую, кроме Грушевского, никто не понимал»¹².

Неприятие вызывала и украинизация офицерства. Некоторые офицеры начали делать карьеру на украинской службе. Махров вспоминал помощников украинского комиссара П. Певного военных топографов капитанов братьев Удовиченко, которые являлись очень хорошими офицерами, а теперь стали избегать встреч с Махровым, стыдясь своей новой карьеры.

3 декабря 1917 г. войска Центральной Рады захватили штаб фронта. Казачьи части заняли враждебную позицию по отношению как к украинским властям, так и к большевикам. Попытки временно исполняющего должность главнокомандующего армиями фронта генерала Н. Н. Стогова сгладить конфликт с украинцами результата не дали. Украинские власти рассчитывали разоружить войска без борьбы, однако реализовать этот замысел в полной мере не удалось. Конфронтация дезорганизовала железнодорожное сообщение, в результате чего на фронте начался голод.

На страницах воспоминаний встречаются такие характеристики и наблюдения, которые невозможно выявить в других источниках. Любопытно обсуждение старшими офицерами в штабе Юго-Западного фронта в конце декабря 1917 г. своих дальнейших действий. Тогда у главнокомандующего армиями фронта генерала Н. Н. Стогова собрались двое друзей и однокашников по Николаевской академии: и. д. начальника штаба фронта генерал П.С. Махров и и. д. генерал-квартирмейстера полковник Н. Н. Петин. Обсуждали приход к власти большевиков и развернувшуюся украинизацию. На вопрос Стогова, что делать, будущий военный специалист РККА Петин, не задумываясь, ответил, что нужно идти со своим народом. Стогов, также пошедший в РККА, но ставший там крупным белым агентом, с этим

согласился: «Вот так думаю и я, надо идти с нашим[и] православными»¹³. Будущий белый генерал Махров не дал однозначного ответа: «Я думаю, что пока я не вижу ни “православных”, ни “народа” и за большевиками не пойду... И за вильну Украину сражаться не буду...»¹⁴ После этого Стогов добавил: «Ну, братец мой, ты задумал уж что-то мудреное»¹⁵.

В январе 1918 г. чины штаба фронта стали покидать Бердичев. Офицеры-великороссы не считали возможным продолжать службу под украинским командованием. Генерал Н. Н. Стогов 14 января уехал в Киев, где переоделся в штатское платье, сбрил бороду, надел темные очки и отправился в Москву. Махров, имея отпускной билет, задержался в Бердичеве, временно заняв должность главнокомандующего. Полтава, где жили родственники его супруги, была занята красными, что и стало причиной задержки. В Бердичеве вынужденно оставался и Н. Н. Петин.

Тем временем украинцы выбрали своего главнокомандующего — штабс-капитана Ф. Кудрю. По характеристике Махрова: «это был украинский Крыленко, но только неизмеримо глупее его, авантюрист, превосходивший Крыленко своей несерьезностью, но довольно добродушный кадровый офицер лет 32, сохранивший воспитание, данное ему русской военной школой.

Около 12 часов 16го января он пришел в мой кабинет штаба вместе с комиссаром Певным. Оба они были, что называется, в телячьем восторге: взволнованные с сияющими лицами, как будто совершилось что-то чрезвычайно великое, важное и хорошее. Любезно поздоровавшись со мной, новый “головной отаман” фронта обратился ко мне с просьбой, чтобы я не покидал фронта и занял у него должность начальника штаба.

Я поблагодарил его, не скрою, с лицемерной куртуазией пожелал ему успеха и, конечно, отказался от “столь лестного для меня предложения”, но просил его оставить в моем распоряжении мой автомобиль для моего отъезда в Киев, на что он с удовольствием дал свое согласие»¹⁶.

В качестве начальника штаба фронта Махров порекомендовал полковника Н. А. Капустянского, известного федералистскими взглядами. Между тем известно, что Капустянский еще 25 декабря 1917 г. был назначен С. В. Петлюрой исполняющим должность начальника штаба 11-й армии¹⁷. Впрочем, 30 января 1918 г. Капустянский действительно занял пост начальника штаба фронта, а в дальнейшем сделал неплохую карьеру в украинской армии¹⁸.

30 января 1918 г. Махров уехал в Житомир. Обстановка там поражала: «Город был переполнен. На улицах толпились отряды украинцев, гайдамаки с оселедцами, беглецы из Киева со своим жалким багажом, и стройными колоннами в образцовом порядке проходили польские уланы. Как безумные носились на штабных автомобилях украинские комиссары и члены фронтовой рады. Попытка наша найти комнату в гостинице не имела успеха. Все было занято, переполнено польскими и украинскими офицерами и другими лицами, приехавшими раньше нас»¹⁹. На следующий день Махров в эшелоне Самурского полка выехал в Полтаву, куда прибыл 5 февраля и поселился у родителей супруги (главой семейства был отставной полковник А. И. Бафталовский).

По описанию тестя Махрова, деятельность в Полтаве украинских властей

нельзя было иначе назвать, как комедианством. Всевозможные «отаманы», «комиссары», «гайдамаки», петлюровское войско, даже после керенщины, было смехотворно по своей пошлости и глупости, но грабежами и воровством и взяточничеством они превзошли всякую «революционную совесть» Керенского.

И все же даже при этой жизни, напоминавшей дом умалишенных, мы еще не испытывали лишений. Никто не придавал серьезного значения и не верил в возможность существования самостоятельной Украины²⁰.

По свидетельству Махрова, полтавская интеллигенция преобразилась — исчезли каракулевые пальто и шляпы, белоснежные воротнички и галстуки. Все переоделись в скромные серые пальто, в которых прежде ходила прислуга, женщины надели на головы шерстяные платки.

Тягостными были рассказы очевидцев о занятии Киева частями Красной армии в январе 1918 г. Поначалу, как отмечал Махров, обыватели радовались изгнанию украинской власти, однако затем красноармейцы начали грабить население, офицеров арестовывали и расстреливали в Мариинском парке. По мнению мемуариста, тогда погибло от трех до пяти тысяч офицеров, что представляется значительным преувеличением²¹.

Этот период своей жизни Махров характеризовал как существование без определенных целей с мелочными житейскими заботами. Участие в Гражданской войне претило Махрову. Он собрался заняться педагогической деятельностью. Пока же, как и многим другим офицерам, приходилось выжидать.

В марте 1918 г. полтавчане ожидали прихода немцев. Махров, как он сам отмечал, не был исключением, хотя в эмиграции при написании мемуаров стыдился тех своих ожиданий. С приходом немцев Махровы «достали все продукты и начали жить по-человечески. Немцы вели себя очень корректно. Городская дума вступила в управление городом. Жизнь потекла мирным порядком, какого жители давно не знали»²². Отношение Махрова к украинской власти было ироничным. Так, он отметил, что «Рада поместилась в педагогическом музее, стены которого краснели от глупейших речей всевозможных демагогов, обещавших казачьей Украине вольность и социалистический рай»²³.

Махров свидетельствовал, что германская оккупация не встретила сопротивления, описывал восстановление немцами транспортной инфраструктуры, пострадавшей в результате боевых действий. В то же время иллюзий в отношении целей и задач немцев он не питал, справедливо считая целью немецкой оккупации отрыв Украины от России и эксплуатацию богатств занятой территории.

Опорой немцев при установившемся в конце апреля 1918 г. режиме гетмана П. П. Скоропадского стали крупные землевладельцы. Прежний сослуживец генерал В. П. Бреслер предложил Махрову должность помощника во главе так называемого Хлеб-бюро в Полтавской губернии. Эта организация занималась поставками немцам зерна. Махрову приходилось инспектировать мукомолов, проверяя количество принятого зерна и сданной муки. Служба позволила Махрову, в свою очередь, трудоустроить целый ряд знакомых офицеров. Немцами был на широкую ногу поставлен вывоз с украинской территории различных запасов. Каждый офицер и солдат был обязан еженедельно отправлять на Родину продовольственную посылку весом в 4 кг. Любопытно, что Украина сохраняла тогда почтовое сообщение с РСФСР. В частности, в мае 1918 г. Махров получил из Москвы письмо от своего прежнего сослуживца Ф. Е. Махина.

Киев при гетманской власти стал более оживленным. Открылись магазины, в город стали стекаться многочисленные беженцы, надеявшиеся переждать Гражданскую войну. Махров, как и другие современники, отмечал доброжелательное отношение Скоропадского к русским. Гетман оказывал помощь офицерам, принимал многих на службу. На Украине активно работали представители Добровольческой армии. Среди прочих явлений жизни при гетмане Махров отмечал возобновление работы русских школ. Вместе с тем Махров обращал внимание и на продолжавшуюся украинизацию²⁴, а также на то, что границы Украины в представлении Скоропадского существенно

превосходили собственно украинские территории. Они включали Западную Галицию, Новороссию, Приазовье и Кубань, «даже и Крым был поставлен под вопросом, быть ему или не быть украинским»²⁵.

При гетманской власти армии на Украине фактически не было. Она планировалась в составе восьми корпусов²⁶, причем реально сформированы были лишь кадры штабов. Немцы не видели необходимости в создании украинской вооруженной силы²⁷, в рядах которой неизбежно оказались бы тысячи бывших офицеров русской армии.

Часть офицеров смогла устроиться в различные военные учреждения и штабы. Махров отмечал трансформации, происходившие с офицерами, которые демонстративно забывали русский язык и делали вид, что говорят на украинском, хотя носители языка их не понимали. Помимо военной службы офицеры искали заработка любыми способами. Особенно тяжело было их видеть в роли официантов. Некоторые при этом не снимали даже орденов.

Вспоминая о руководстве украинского военного ведомства, Махров высоко оценивал известного ему по Первой мировой войне украинского военного министра генерала А. Ф. Рагозу. Помощник Рагозы полковник Ю. А. Корниенко также был известен Махрову лично как неутомимый труженик, не гнавшийся за карьерой. Хвалебных характеристик удостоились начальник Генштаба подполковник А. В. Сливинский и корпусные командиры гетманской армии, в особенности генерал В. А. Слюсаренко — прежний сослуживец Махрова²⁸.

В Генеральном штабе Махров встретил своих прежних сослуживцев подполковников Н. А. Капустянского и В. В. Колосовского. От встречи с А. В. Сливинским Махров отказался. Интересны впечатления Махрова от общения с украинизировавшимися сослуживцами. Так, по словам Махрова, Капустянский считал Украину неспособной существовать без России, но стоящей в культурном отношении достаточно высоко. «С детской наивностью он противопоставлял Шевченку Пушкину, сожалея, что талантливейший писатель, малоросс Гоголь написал свои произведения на русском языке, упомянул о Котляревском как о каком-то таланте вроде Шекспира, которого в России никто не читал»²⁹. Забросал меня названиями произведений Короленки и Винниченки и, исчерпав свой скромный каталог, не убедил меня в превосходстве украинской культуры»³⁰.

Колосовский, по свидетельству Махрова, был человеком русской культуры, хотя и украинцем по происхождению, разделявшим самостоятельные идеи, но не «щирым». «Беседуя с Колосовским на эту тему, я посмеивался над химерическими мечтаниями Скоропадского, убеж-

денный в том, что рано ли, поздно ли вопрос о границах Украины будет решать Россия, а не немцы»³¹.

Еще одним офицером, с которым Махров беседовал, стал полковник М. М. Дидковский. Это был также человек русской культуры, попавший на украинскую службу, по предположению Махрова, по тем же причинам, что и сам он в Хлеб-бюро.

Махров вспоминал, что «беседовал с ними как с товарищами по русскому Генеральному штабу, как с людьми одной школы, посмеиваясь над их энтузиазмом, звучавшим отдаленным эхом эпохи Запорожья и гетманов 16го и начала 17го века»³².

По оценке Махрова, за полгода существования гетманской Украины, к октябрю 1918 г., русские беженцы, прежде всего офицерство, смогли на этой территории отдохнуть и восстановиться после событий 1917 — начала 1918 г.³³ Русские генералы даже поднимали бокалы за здоровье Скоропадского, благодаря которому получили полугодичный отдых³⁴.

По мере ухудшения положения Германии становилось очевидным, что гетманский режим без немцев не продержится. В октябре 1918 г. крестьяне прекратили подвоз зерна, железные дороги стали работать с перебоями. Гетманская армия по-прежнему располагала почти исключительно штабами (к ноябрю в Полтаве имелся лишь штаб корпуса и десятка писарей при нем³⁵). Начало внутриукраинской Гражданской войны Махров отождествлял с антигетманским восстанием в ноябре 1918 г. Противостоять восставшим могли только немецкие войска, но они держались в стороне. В Киеве и других местах были сформированы русские добровольческие отряды, выступившие против украинских радикалов. К этому времени у Махрова под влиянием различных факторов (в том числе взглядов родных) укрепилась мысль о переходе на службу в Добровольческую армию. Тяга к белым наблюдалась и у других офицеров. В частности, брат супруги Махрова штабс-капитан Н. А. Бафталовский в октябре 1918 г. перелетел к белым из Харькова³⁶.

14 декабря 1918 г. Киев был занят силами Директории, гетманский режим прекратил свое существование. Директория слабо контролировала своих командиров. Начались грабежи, погромы, террор в отношении офицерства³⁷. Часть офицеров была спасена от расправы начальником охраны Киева И. Я. Германом³⁸.

В то же время советские войска развернули наступление на Левобережную Украину. В сложившейся ситуации Махрову необходимо было уезжать из Полтавы. 1 января 1919 г. П. С. Махров с супругой и другими беженцами покинули город в надежде пробраться в Добровольческую армию. На вокзале возле поезда командующего Левобе-

режным фронтом войск Директории УНР полковника П. Болбочана Махров заметил нескольких знакомых генштабистов, в том числе полковника Я. В. Величковского.

Позднее на станции Константиноград Махров стал свидетелем поразившей его сцены у вагона Болбочана:

В отдалении, у платформы, где стоял вагон Болбочана раздавался нечеловеческий крик и звериный хохот толпы.

Мы подошли ближе. На платформе стоял в растерзанном виде со включенными волосами с большой бородой какой-то человек. Двое гайдамаков держали его за руки, а третий хлестал плетью по спине.

Не успели утихнуть вопли этого несчастного человека, как кто-то из толпы заорал: «Спивай: нехай живе вільна Украина!» Избитый, захлебываясь, начинал выводить страдальческим голосом мотив «украинского гимна». Толпа не унималась от дьявольского хохота... «Ни так!» — кричал кто-то в толпе, и гайдамаки принимались вновь истязать бесталанного певца. Повторялось: «Спивай: нехай живе вільна Украина!..»

Избиваемый был пожилой еврей. В толпе, развлекавшейся этим эстетическим спортом, можно было видеть офицеров штаба отамана Болбочана...

Сцена была омерзительная. Мы все повернулись и молча направились к своему вагону... «Вот они великая и бескровная!» — думал я. «Вот мир хижинам, смерть дворцам!»³⁹.

Затем Махров вновь оказался в Киеве. Украинская служба не мешала взаимовыручке генштабистов, и полковник Н. А. Капустянский выдал мемуаристу 24 января 1919 г. удостоверение для проезда до Одессы. В этот город генерал прибыл 16 февраля 1919 г., на чем и завершилась «украинская» часть его воспоминаний⁴⁰.

К сожалению, финал этой части достаточно запутан, а последние дни гетманской власти в Киеве ошибочно отнесены Махровым к январю 1919 г. Тем не менее при критическом подходе свидетельства, оставленные генералом, представляют значительный исторический интерес.

Мемуары П. С. Махрова рисуют широкую панораму русской жизни конца XIX — первой половины XX в. При этом они существенно обогащают наши представления о поведении военной элиты в период революционных потрясений, интересны они и в отношении украинских событий.

Показательно, как революционные события и Гражданская война разбросали офицеров даже в рамках одной большой семьи. Так, муж сестры Махрова Надежды полковник А. Н. Светозаров оказался в Красной армии. Родной брат Махрова Николай также оказался у

красных. Братья жены Б. А. и И. А. Бафталовские находились в белых формированиях Востока России. Еще один брат, Н. А. Бафталовский, служил в украинских войсках и на белом Юге. У белых на Юге в 1919 г. оказался и сам П. С. Махров.

Генерал Махров принадлежал к той части русской военной элиты, для которой служба в украинских войсках была неприемлема, а сама идея украинской государственности воспринималась с иронией и скепсисом. Тем не менее он, как и многие другие, пользовался преимуществами нахождения в 1918 г. на территории независимой Украины под защитой немецких штыков, чтобы переждать Гражданскую войну в России. Разумеется, жизнь вносила свои коррективы в поведение офицеров. Критически воспринимавший немцев, генерал, тем не менее, пошел на службу в организацию, занимавшуюся заготовками для оккупантов зерна. Следует обратить внимание и на то, что по мере эскалации Гражданской войны идея уклонения от нее у Махрова сменилась мыслью о необходимости бороться с большевиками в рядах Добровольческой армии. Немаловажным представляется и то, что в чрезвычайных условиях Гражданской войны некоторые офицеры, недавно составлявшие единую корпорацию, демонстрировали взаимовыручку, не останавливаясь перед тем, что помогать приходилось приверженцам иных политических взглядов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Наиболее ярким выражением этого восприятия в художественной форме стал роман М. А. Булгакова «Белая гвардия» (см. комментированное академическое издание в серии «Литературные памятники» — *Булгаков М. А. Белая гвардия*. М., 2015).

2 Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры, Колумбийский университет, Нью-Йорк, США (далее — VAR). P.S. Makhrov Collection. Box 4. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 4. С. 374.

3 Там же. Тетрадь 5. С. 428.

4 Там же. Тетрадь 4. С. 377.

5 Там же. С. 374.

6 Там же. С. 375. П. С. Махров опирался на свидетельство Н. В. Краинского (*Краинский Н. В. Психофильм русской революции*. М., 2016. С. 118). С. В. Петлюра в 1901 г. действительно был исключен из Полтавской духовной семинарии, но за революционно-националистическую пропаганду.

7 Подробнее об украинизации Юго-Западного фронта см.: *Базанов С. Н.* Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 — февраль 1918 гг.). М., 2003; *Ковальчук М.* Битва двух революций: Перша війна Української Народної Республіки з Радянською Росією. 1917–1918 рр. Київ, 2015. Т. 1.

8 VAR. P.S. Makhrov Collection. Vox 4. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 4. С. 376.

9 Там же. Тетрадь 7. С. 605.

10 Там же. Тетрадь 4. С. 377.

11 Там же.

12 Там же. С. 377–378.

13 Там же. Тетрадь 5. С. 428.

14 Там же. С. 429.

15 Там же.

16 Там же. С. 432.

17 *Ковальчук М.* Битва двух революций. Т. 1. С. 273.

18 Подробнее о Капустянском см.: *Ковальчук М.* Генерал Микола Капустянський. Київ, 2006; *Шандрівський І. Г.* Військово-політична та наукова діяльність Миколи Капустянського. Дисс... к.и.н. Львів, 2003.

19 VAR. P.S. Makhrov Collection. Vox 4. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 5. С. 457.

20 Там же. С. 483–484.

21 При расследовании действий советского главнокомандующего М. А. Муравьева речь шла примерно о 300 расстрелянных, называлась в качестве максимальной и цифра в 800 человек (*Гриневич В. А., Гриневич Л. В.* Слідча справа М. А. Муравйова: документована історія. Київ, 2001. С. 52, 87, 137).

22 VAR. P.S. Makhrov Collection. Vox 4. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 6. С. 515.

23 Там же. С. 518.

24 Подробнее см.: *Борисенко Е. Ю.* Украинизация в годы революционных потрясений (1917–1923) // Русский сборник. М., 2017. Т. 22. С. 312–328.

25 VAR. P.S. Makhrov Collection. Vox 4. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 6. С. 546.

26 *Тинченко Я.* Війська Ясновельможного Пана Гетьмана. Армія Української Держави, травень — грудень 1918 р. Київ, 2014. С. 32–33.

27 См. свидетельство П. П. Скоропадского о его разговоре с генералом В. Гренером по этому вопросу (*Скоропадський П. П.* Спогади. Київ; Філадельфія, 1995. С. 179).

28 Подробнее о нем см.: *Слюсаренко В. А.* На Мировой войне, в Добровольческой армии и эмиграции: Воспоминания. 1914–1921. М., 2016.

29 Котляревский издал в переводе очень странные переделки Энеид, которых в России почти никто не читал (*примеч. П. С. Махрова*).

30 BAR. P.S. Makhrov Collection. Вох 4. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 6. С. 546–547.

31 Там же. С. 546.

32 Там же. С. 547–548.

33 Там же. С. 594.

34 Там же. Тетрадь 7. С. 602.

35 Там же. С. 601.

36 Подробнее см.: *Нешкин М. С., Шабанов В. М.* Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов. М., 2006. С. 34.

37 В нарушение Казатинского договора Директории и германского командования. Часть гетманских офицеров немцы в итоге сумели спасти и вывезти в Германию (Описание послевоенных боев германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока / Пер. с нем. и комм. Л. В. Ланника. М., 2014. С. 74).

38 BAR. P.S. Makhrov Collection. Вох 4. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 7. С. 609–610. П. С. Махров называл генералов А. М. Заболотного и Н. Н. Мартоса, однако это свидетельство вызывает сомнения.

39 Там же. С. 623–624.

40 Последующие воспоминания П. С. Махрова о службе на белом Юге опубликованы в издании: *Махров П. С.* В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994.

A. V. Ganin

Events of the 1917–1919 in Ukraine narrated by General P. S. Makhrov

The article analyzes the unpublished memoirs of General P. S. Makhrov about the events of the revolution and the Civil war in the Ukraine in 1917–1919. Makhrov's Memoirs are an important source for the different events of the late XIX — first half of the XX century. Primarily on the history of the First world and Civil wars. The memoirist describes in detail the process of Ukrainization of the South-Western front in late 1917 — early 1918 and the behavior of officers in this regard. Activities of officers during the period of existence of the Ukrainian state of Hetman P. Skoropadsky and their subsequent choice.

Keywords: *Civil war, revolution, Ukraine, officers.*

Л. Я. Гибианский
(Москва)

Продолжение 1917-го: типология установления коммунистических режимов в Восточной Европе в результате Второй мировой войны

*Светлой памяти Андрея Леонидовича Шемякина,
прекрасного историка и человека*

В работе прослеживаются и сопоставляются разные типы процесса установления коммунистической власти в странах Восточной Европы на различных его этапах. В основу типологической градации применительно к тем или иным группам стран региона положены следующие параметры: соотношение роли внутренних социально-политических факторов и советского воздействия; характер и степень продвижения на том или ином из этапов к коммунистическому преобладанию, а затем всевластию; структура политических режимов на каждом этапе: методы, темпы, тип стадиальности или ее стертости в ходе трансформации режимов вплоть до полного и окончательного установления коммунистической монополии на власть.

Ключевые слова: *Восточная Европа, установление коммунистической власти, типы и этапы процесса, форсированная и растянутая советизация.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.1.12

Среди явлений мировой истории, которые можно охарактеризовать как продолжение того, что произошло в России в результате революции 1917 г., значительное место занял поворот на эту колею, случившийся с большинством восточноевропейских стран — от Польши на севере до Югославии и Албании на юге — в конце Второй мировой войны и вслед за ее завершением. Продолжением 1917-го такой поворот стал в нескольких смыслах, и прежде всего в том, что установленные в этих странах коммунистические режимы были, по сути, повторением большевистского режима (по самоназванию — советского), а в процессе их установления чрезвычайно важную роль играл СССР, продукт российской революции.

Хотя во всех странах, о которых идет речь, этот процесс привел к единому результату, однако в каждой из них он протекал далеко не одинаково. Анализ его хода позволяет в общем числе стран вычленить

группы (типы), отличавшиеся друг от друга спецификой развития и промежуточных результатов процесса на одном либо другом этапе. Причем такая типологическая градация нередко подвижна. Ибо и само выделение групп на основе присущих им особенностей, и конкретное отнесение той или иной страны к определенной из групп могут меняться в зависимости от того, применительно к какому из этапов и по каким именно параметрам мы хотим это выяснить.

Начнем с самого старта, когда при освобождении восточноевропейских стран от нацистской оккупации и прогитлеровских режимов, произошедшем — где раньше, где позже — в течение второй половины 1944 — первых месяцев 1945 г., там утвердилась новая власть. Поскольку это имело место в условиях прихода во все страны, кроме Албании, войск СССР, с точки зрения рассматриваемой темы встает прежде всего вопрос о соотношении влияния внутренних социально-политических факторов в каждой из стран и советского военного присутствия там на установление власти и роль компартий в ней. В данном смысле государства Восточной Европы можно разделить на три основные группы.

Одну из них составляли Югославия и Албания. Здесь еще в период фашистской оккупации компартиям удалось повести за собой большую часть населения под лозунгами освобождения от захватчиков и восстановления государственной независимости, а одновременно — установления власти народа и справедливого социального порядка. К моменту начавшегося в обеих странах осенью 1944 г. изгнания оккупантов коммунисты возглавляли там мощные военно-политические движения, которые смогли сыграть роль вооруженной силы освобождения и одновременно разгромить противостоявшие им внутриюгославские и внутриалбанские военно-политические группировки, включая и антиоккупационные. В итоге движения, руководимые компартиями, установили контроль в обеих странах, однако при советской внешнеполитической поддержке, а в Югославии — и военной помощи, включая сыгравшую важнейшую роль операцию советских войск на северо-востоке страны¹.

Другую группу составляли Польша, Румыния и Венгрия, где в установлении новой власти, наоборот, абсолютно преобладало прямое советское вмешательство.

В Польше компартия, решениями Москвы перед войной распущенная, а в 1942 г. воссозданная как Польская рабочая партия (ППР), в период нацистской оккупации опиралась вместе с левыми группировками, блокировавшимися с ней под ее главенством, на очень

узкий слой населения, занимая политически маргинальное положение в польском обществе. Создание руководством ППР 1 января 1944 г. подпольной Крайовой Рады Народовой (КРН) и ее провозглашение верховным национальным органом было лишь символом претензий на власть накануне освобождения от оккупации. Реальной возможностью для осуществления претензий сама ППР и блокировавшиеся с нею группировки не обладали². Но в июле 1944 г. вместе с силами Красной армии, развернувшими действия по освобождению Польши от нацистской оккупации, в страну прибыл Польский комитет национального освобождения (ПКНО), под советским контролем тайно сформированный в Москве из ряда польских коммунистов и примкнувших к ним других левых. От имени КРН как якобы «подпольного парламента» он был провозглашен органом с функциями правительства, будто бы созданным в самой Польше. Следом СССР заявил о признании власти КРН и ПКНО³.

На территории, освобождаемой от гитлеровских захватчиков, насаждение этой власти проводилось при подавлении советскими войсками и спецслужбами любого противодействия ей, в том числе и при уничтожении системы действовавших во время нацистской оккупации подпольных органов и вооруженных формирований польского правительства в эмиграции⁴. Когда эти структуры начали 1 августа 1944 г. восстание в оккупированной немцами Варшаве, рассчитывая овладеть городом, к которому подходила с востока Красная армия, и тем самым получить важную политическую позицию, Кремль отнесся к восстанию враждебно. Уже в августе советским войскам было приказано принять меры, чтобы отрезать повстанцев от источников пополнения людьми и снабжения вооружением⁵. Только почти через полтора месяца после начала восстания, под нажимом Англии и США на СССР, тот предпринял отдельные действия, выглядевшие оказанием ограниченной поддержки восставшим⁶. В историографии много лет идет дискуссия о причинах остановки в середине сентября советских войск на берегу Вислы напротив Варшавы: насколько это могло быть вызвано политическим расчетом на поражение восстания от рук немцев, а насколько тем, что, как утверждала Москва, тогда отсутствовали возможности масштабного форсирования реки и штурма польской столицы. Во всяком случае, подавление восстания немцами на рубеже сентября — октября устраняло возможность открытого возникновения на освобождаемой от нацистской оккупации территории Польши политического центра, конкурирующего с режимом, создававшимся под эгидой СССР.

В Румынии, где в августе 1944 г., на старте ее занятия советскими войсками, королевский двор с частью генералитета устранили прогитлеровский режим И. Антонеску и объявили о переходе на сторону антигитлеровской коалиции, вначале сохранялась власть во главе с королем, ее аппарат и армия. Но с осени 1944 г. компартия (КПР), хотя и очень слабая, организовала левый Национально-демократический фронт (НДФ) и — имея СССР за спиной — выступила от имени НДФ за перемены в правительстве в пользу левых. А затем — за передачу власти правительству, которое бы сформировал сам НДФ, на деле поддерживавшийся меньшинством общества. Москва, ссылаясь на эти выступления, требовала уступок «демократическим силам», а на рубеже февраля — марта 1945 г. предъявила королю ультиматум: заменить действовавший кабинет правительством НДФ. В расчет принималось то обстоятельство, что КПР и блокировавшимся с ней левым силам удалось в тот момент вывести на улицы Бухареста и некоторых других городов довольно значительное число своих сторонников. Часть из них при советском покровительстве была вооружена, создавая угрозу захвата власти. Советские спецслужбы, войска НКВД подготовились к его поддержке. В обстановке столкновений сторонников НДФ с правительственными силами советская сторона, угрожая военным вмешательством, парализовала противодействие властей начавшемуся, по сути, перевороту. Короля вынудили назначить 6 марта правительство, сформированное НДФ, в котором ведущую роль играла КПР⁷.

В Венгрии, где правление М. Хорти, пытавшегося порвать с Германией и заключить перемирие с антигитлеровской коалицией, немцы 15 октября 1944 г. заменили марионеточным режимом Ф. Салаша, на территории, занятой советскими войсками, в декабре 1944 г. было создано Москвой контролируемое ею временное правительство. Компартия получила в нем позиции куда более значительные, чем ее реальное влияние в обществе. Обладая третью мест в правительстве, она, тем не менее, не имела перевеса над остальными политическими силами, занявшими антинацистские и антисалашистские позиции, включая даже часть хортистов, пошедшую на сотрудничество с СССР⁸.

Третью группу стран составляли Болгария и Чехословакия, где советское воздействие играло первостепенную роль в возникновении новой власти, но сочеталось с очень значительным, а то и приближавшимся к почти равному влиянием внутренней общественно-политической ситуации. Компартии в обеих странах, хотя и в разной степени,

смогли при крахе нацистского господства выступить в блоке с другими силами Соппротивления как ведущий фактор. Но именно приход Красной армии и советская поддержка сделали в огромной, если не решающей, мере возможным в Болгарии успех возглавленного компартией переворота 9 сентября 1944 г. и ее определяющее положение в установленной власти. В Чехословакии советское присутствие сделало возможным выдвижение коммунистов, занявших ведущее место в Словацком восстании конца лета — осени 1944 г., на роль главного партнера президента Э. Бенеша и возглавляемых им эмигрантских сил при формировании в начале апреля 1945 г. первого правительства в ходе освобождения страны от гитлеровской оккупации⁹.

Установленные режимы, ставшие постепенно обозначаться как «народная демократия», тоже не были первоначально одинаковыми. По главным политическим характеристикам их можно разделить опять-таки на три основных типа.

В Югославии и Албании еще при возникновении «народной демократии» была фактически установлена коммунистическая монополия власти. В первые послевоенные годы она, опираясь на весьма массовую поддержку, продолжала укрепляться. Это не было поколеблено носившим тактический и, по сути, символический характер включением в марте 1945 г. в югославское правительство единичных фигур из эмиграции, полгода спустя вынужденных уйти. А начавшемуся в Югославии частичному оформлению партий, независимых или оппозиционных по отношению к компартии (КПЮ), был уже на рубеже 1945–1946 гг. положен конец. Вслед за тем были устранены и ставшие ненужными для власти те — в большинстве номинальные — партии, которые на первых порах входили в Народный фронт, всецело руководимый КПЮ. В Югославии и Албании на деле почти сразу утвердилась коммунистическая однопартийная система¹⁰.

Второй тип составляли режимы в Болгарии, Польше и Румынии. Для них характерны, с одной стороны, фактическое преобладание компартий во власти вплоть до значительной степени их диктата, с другой стороны — частичный допуск многопартийности, включая оппозицию, и коалиционности власти путем участия в ней некоторых некоммунистических группировок. В Болгарии в правительстве были только компартия и ее союзники по руководимому ею левому блоку — Отечественному фронту (ОФ). Летом 1945 г. значительная, но, видимо, меньшая часть его участников, выступившая против гегемонии компартии, вышла из ОФ и правительства, став легальной оппозицией¹¹. В Польше и Румынии в правительствах участвовали

как союзники коммунистов по левому блоку, так и некоторые силы правее блока, причем левый блок был подавляющим большинством в правительствах, а правые партнеры — абсолютным меньшинством. В Польше к последним относилась партия «Польске стронництво людове» (ПСЛ) во главе с бывшим эмигрантским премьером С. Миколайчиком, попавшая в правительство с июня 1945 г. вследствие соглашения СССР, Англии и США. Наиболее влиятельная в массах, ПСЛ пыталась противостоять гегемонии ППР и фактически была оппозиционной. В Румынии, где прямой оппозицией были влиятельные среди большинства населения «исторические партии» национал-царанистов и национал-либералов, к правительству, созданному НДФ, присоединилась и одна из группировок национал-либералов во главе с Г. Тэтэреску¹².

В Польше и Румынии не только сами ППР и КПР, но и в целом возглавлявшиеся ими левые блоки не имели поддержки преобладающей части населения, их власть была обусловлена не внутренним развитием, а советским военным присутствием, затянувшимся надолго. Коммунистические лидеры с согласия Кремля оттягивали, как могли, послевоенные парламентские выборы. В Польше их сначала заменили референдумом 1946 г., чьи результаты были абсолютно сфальсифицированы коммунистической частью аппарата власти с помощью специалистов, командированных из МГБ СССР. А на выборах в январе 1947 г. использовались запугивание, шантаж и опробованная на референдуме прямая фальсификация¹³. В Румынии выборы оттянули до ноября 1946 г. и тоже широко применили на них давление, подтасовки, другие манипуляции. Официально объявленные сведения о победе «блока демократических партий» не соответствовали действительному соотношению политических сил¹⁴. В Болгарии ОФ во главе с компартией пользовался, даже после раскола 1945 г., скорее преобладающей поддержкой. Но и там пребывание до конца 1947 г. советских войск являлось важнейшим фактором укрепления режима. Его руководство даже после их вывода рассчитывало, что в случае какой-либо опасности обострения обстановки в стране из СССР будут присланы спецформирования¹⁵.

Третий тип составляли режимы в Чехословакии и Венгрии. Для них было характерно более реальное, чем для режимов второго типа, коалиционное партнерство в правительствах этих стран между компартиями с примыкавшими к ним некоторыми левыми группировками, с одной стороны, и силами гражданско-демократической ориентации, а отчасти и отдельными более консервативными

течениями — с другой. Сначала в обеих странах коммунисты вместе с примыкавшими к ним получили в правительствах по трети мест. Но в Венгрии, где это положение сложилось благодаря преимущественно советскому патрону, компартия, не имея таких позиций в обществе, на довольно демократичных парламентских выборах в ноябре 1945 г. получила всего 17%, а вместе с ближайшими союзниками — около четверти голосов. При помощи СССР, в условиях его военного присутствия, ей удалось сохранить позиции во власти, хотя и оставшись в меньшинстве¹⁶. В Чехословакии же, откуда советские войска были одновременно с американскими выведены в конце 1945 г., на свободных парламентских выборах в мае 1946 г. компартия получила около 38% голосов, выйдя на первое место среди партий правящей коалиции Национального фронта, а вместе с социал-демократами, чье левое крыло, связанное с компартией, имело значительное влияние, набрала до 50%¹⁷.

С окончанием войны политика СССР в отношении стран «народной демократии» была обусловлена, как правило, внутренним состоянием и связанными с ним возможностями конкретного типа установившегося там режима, а также местом той или иной страны во внешнеполитических приоритетах Кремля и отчасти учетом западной позиции.

В аналитических материалах, составлявшихся в ЦК ВКП (б), самыми передовыми считались режимы первого из упомянутых типов. Причинами указывались монополярная власть компартий и сопутствовавшие ей уже на раннем этапе меры по установлению доминирующей роли государства в экономике¹⁸. Такая высокая оценка вызывалась проводившейся там форсированной советизацией при довольно прочной внутренней опоре.

Кремль и, преимущественно под его воздействием, компартии стран с режимами второго и особенно третьего типов стали вначале ориентироваться на проведение более длительной, «растянутой» советизации. В политической сфере главным было постепенное, по мере возможности, усиление роли (в режимах второго типа — фактического диктата) компартий в госуправлении и параллельно вытеснение, а в режимах третьего типа сначала еще только оттеснение от власти сил, противостоявших коммунистам либо являвшихся их временными попутчиками. Такой курс включал и стремление к подчинению компартиями их партнеров по левому блоку, оформленному ли организационно или практикуемому де-факто. В экономической сфере речь шла о тоже постепенном, максимально возможном в каждый

данный момент расширении госсектора и проведении радикальной земельной реформы. Ориентация на «растянутый» вариант фактической советизации, несветской по форме, с использованием чужого флага демократии, номинальных атрибутов многопартийности и отчасти парламентаризма была выражена в выдвинутом Сталиным в конце войны тезисе о том, что к социализму можно идти не только через советское устройство, но и через демократическую республику или даже конституционную монархию. Этот тезис, излагавшийся им непублично ряду руководящих деятелей стран «народной демократии», был после окончания войны трансформирован им же, также непублично, в формулу о возможности движения к социализму, минуя диктатуру пролетариата¹⁹.

В историографии, прежде всего отечественной, встречаются работы, чьи авторы склонны принять эти сентенции чуть ли не за чистую монету, как свидетельство «достаточно серьезного тогда отношения Москвы к идее несветского пути к социализму, народной демократии», и даже как индикатор того, будто Сталин допускал «возможность отказа при продвижении к социализму от основных, наиболее одиозных постулатов коммунистической доктрины»²⁰. Но конкретный анализ упомянутых вышеприведенных высказываний, на которые ориентируются упомянутые авторы, не подтверждает их столь далеко идущих выводов. Он, наоборот, показывает, что на самом деле Сталин лишь считал необходимым, учитывая тогдашнюю обстановку, на какое-то время прибегать к тактике политической мимикрии, обманных коалиционных комбинаций и прочего камуфляжного лавирования компартий в осуществлении их привычных целей. На это мне уже приходилось обращать внимание в некоторых предыдущих работах, и к ним, ввиду ограниченности размеров статьи, я отсылаю читателя²¹.

К тому же в действительности тактика «несветского пути», то есть «растянутой советизации», вовсе не ограничивалась лишь политическими, а тем более парламентскими средствами для достижения целей Кремля и восточноевропейских компартий. Ее практическое осуществление с самого начала включало применение коммунистами, используя находившийся в их руках госаппарат, административного давления, прямых репрессий и подрывных действий в отношении как их политических оппонентов, так и тех союзников по левому блоку, которые временами проявляли значительную строптивость или серьезные колебания.

Из режимов второго и третьего типов, подверженных «растянутой советизации», до начала 1947 г. употребление административ-

но-репрессивных рычагов было характерно главным образом для второго типа, где коммунисты могли использовать уже имевшиеся у них решающие позиции во власти. К многочисленным подобным случаям относились хотя бы такие известные примеры, как преследование Г. Димитрова-Гемето, в конце 1944 — начале 1945 г. лидера Земледельческого союза Болгарии, равно как смещение, по указанию Сталина, летом 1946 г. военного министра и одного из руководителей партии «Звено» Д. Велчева; в Польше — с 1946 г. насильственный роспуск ряда организаций ПСЛ и манипуляции органов госбезопасности по расколу этой партии, формально все еще представленной в правительстве; в Румынии — давление, ограничения и репрессии в отношении ряда деятелей, местных организаций, органов печати оппозиционных партий, особенно — наиболее влиятельной национал-царанистской²². Сюда же стоит отнести упомянутые шантаж, запугивание, фальсификацию результатов при проведении референдума в Польше в июне 1946 г., парламентских выборов в Румынии в ноябре 1946 г. и в Польше в январе 1947 г.

В странах с режимами третьего типа, где коммунисты еще не имели преобладания во власти, применять такие методы им было намного труднее. Но уже с 1945–1946 гг. компартии как Венгрии, так и Чехословакии, добившись получения портфелей министров внутренних дел (в венгерском случае — при опоре на советский нажим²³), начали прилагать усилия, чтобы установить контроль над спецслужбами и использовать их в своих интересах. В частности, в Венгрии органы МВД при поддержке советской администрации Союзной контрольной комиссии повели с весны 1946 г. наступление на ряд общественных организаций, чья деятельность вызывала особое недовольство компартии и ее советских покровителей²⁴. В обеих странах спецслужбами, оказавшимися под руководством компартий, стала вестись работа по добыванию тайной информации о других политических силах, по сбору, а в еще большей мере — фабрикации компромата о деятелях партий, противостоявших коммунистам либо являвшихся партнерами последних. Этим создавался еще один инструмент воздействия как на противников, так и на попутчиков или недостаточно устойчивых союзников²⁵.

Однако до рубежа 1946–1947 гг. использование тактики «растянутой» советизации для режимов второго и третьего типов продолжалось. Даже репрессивные меры в режимах второго типа были призваны усилить решающую роль компартий во власти, но как будто еще не направлялись непосредственно на ликвидацию в Болгарии,

Польше и Румынии частичной коалиционности власти или отмену ограниченной многопартийности с дозируемым наличием оппозиции.

Но с первых месяцев 1947 г. появились признаки значительного ужесточения курса.

В режимах второго типа компартии и подконтрольные им госструктуры предприняли действия по устранению наиболее крупных и влиятельных оппозиционных партий. В Польше после фальсифицированных выборов в январе, сделавших ПСЛ, больше не представленную в правительстве, партией небольшого парламентского меньшинства, власти, обвинив ее в связях со все еще существовавшим антиправительственным вооруженным подпольем, повели кампанию насильственного роспуска многих ее местных организаций, ареста функционеров, удушения партийной прессы. Фактически велась ликвидация ПСЛ как оппозиционной партии. В этих условиях в ней возник кризис, Миколайчик и некоторые другие ее лидеры, опасаясь ареста, бежали в октябре 1947 г. на Запад, ПСЛ в значительной мере распалась, а руководство ее остатками перешло в руки тех, кто в итоге предпочел встать на сторону властей²⁶. В Болгарии, на основе обвинений в мае 1947 г. в «антигосударственном заговоре», в июне арестовали Н. Петкова, лидера оппозиционной части Земледельческого союза, а значительную часть парламентской фракции его партии лишили депутатских мандатов. В августе его приговорили к смертной казни (казнен в сентябре), а партию запретили²⁷. В Румынии в июле 1947 г. тоже на основе обвинений в заговоре арестовали ведущих деятелей национал-царанистской партии во главе с ее лидером Ю. Маниу, ее парламентскую фракцию ликвидировали, партию запретили. На судебном процессе в октябре — ноябре Маниу и его коллег приговорили к длительным срокам заключения. В условиях террора прекратилась и деятельность национал-либеральной партии²⁸.

Наряду с устранением легальной оппозиции, в режимах второго типа обозначилось и новое наступление коммунистов на партии, выступавшие в блоке с ними. В апреле 1947 г. руководство ППР поставило в качестве непосредственной задачи «объединение» ППР и ППС на основе фактического поглощения последней²⁹. Вслед за тем ППР приступила к нарастающему, в том числе и с использованием спецслужб, давлению на ППС, навязывая ей подготовительные организационные, кадровые и идеологические меры³⁰. Аналогичные планы стали разрабатываться руководством КПР в отношении социал-демократической партии Румынии³¹. Кроме того, в Румынии осенью 1947 г. была обвинена во враждебной деятельности, изгнана из правительства и

фактически разгромлена группа Тэтэреску, в коалиции с которой КПП больше не нуждалась³².

Подобное ужесточение курса распространилось и на одну из стран с режимом третьего типа — Венгрию. На рубеже 1946–1947 гг. ее спецслужбы, контролировавшиеся компартией (КПВ), заявили о раскрытии антиреспубликанского, прохортистского заговора, обвинив в причастности к нему ряд деятелей наиболее влиятельной в стране и имевшей в парламенте и правительстве самые значительные позиции Партии мелких хозяев (ПМХ), включая ее генерального секретаря Б. Ковача. Под таким напором руководство ПМХ поспешило заменить в правительстве и парламенте некоторых из упомянутых деятелей, а в феврале 1947 г. Ковач был смещен с поста генсека, хотя лишение его депутатской неприкосновенности, угрожавшее ему арестом, парламентское большинство отвергло. Тогда в конце февраля Ковача арестовали советские военные власти, сфабриковавшие материалы о якобы участии в заговоре ряда руководителей ПМХ во главе с премьер-министром Ф. Надем. В мае материалы были переданы лидеру КПП М. Ракоши, обсуждавшему этот вопрос в Москве в конце апреля, и он выступил с обвинениями в адрес Надя, отдохавшего в Швейцарии. Поскольку Ракоши оперировал данными, исходившими от советской стороны, верхушка ПМХ стремительно отступила, опасаясь разделить участь Ковача. Надь, не возвращаясь в Венгрию, прислал заявление об отставке, а другой ведущий деятель ПМХ, председатель парламента Б. Варга, бежал на Запад³³.

В итоге пост премьер-министра и руководство ПМХ оказались в руках ее левого крыла, связанного с КПП. ПМХ раскололась, из нее выделилось несколько новых партий, перешедших в оппозицию, а оставшаяся часть оказалась привязанной к коммунистам в рамках возглавленного ими левого блока. В этой обстановке КПП добилась проведения в августе выгодных ей досрочных парламентских выборов. Хотя при давлении и манипуляциях ей удалось получить лишь 22,3% голосов, тем не менее весь левый блок опередил организационно раздробленную оппозицию, собрав 60% голосов. КПП получила в новом правительстве официально треть мест, но за счет своих тайных членов и сочувствующих из числа представителей других партий — больше половины³⁴. Она перешла в наступление на оппозицию с использованием уже опробованных полицейских методов. Одну из двух самых крупных оппозиционных партий — Венгерскую партию независимости — обвинили в подлогах во время выборов, а ее лидера З. Пфейффера — во все той же причастности к «заговору».

Ему пришлось в ноябре 1947 г. бежать на Запад, а партию лишили парламентских мандатов и запретили³⁵.

Все это означало переход от «растянутой» к форсированной советизации в странах с режимами как второго, так и — в случае с Венгрией — даже третьего типа. Несмотря на серьезнейший недостаток, если не почти полное отсутствие, документов о том, когда и как принималось решение на сей счет, происходившее в названных странах позволяет сделать вывод, что линия на форсирование была взята не позднее конца 1946 — начала 1947 г. И определяющей здесь являлась советская позиция. Без решения Кремля, независимо от того, было ли оно целиком его инициативой или же отчасти согласовано с соответствующими устремлениями компартий указанных стран, такой поворот одновременно в четырех странах последовать не мог.

Свидетельством советской роли в подобном повороте является вышеупомянутый случай с Ковачем в Венгрии или, например, появление в советских СМИ в конце 1946 — начале 1947 г. утверждений, что возглавляемая Петковым оппозиция в Болгарии являлась пособником гитлеровцев во время войны и организовала «реакционный заговор» для «свержения народной власти». Все это перепечатывалось затем в подконтрольной компартии болгарской прессе³⁶. Показательна и весьма критическая оценка, данная Отделом внешней политики (ОВП) ЦК ВКП(б) в начале февраля 1947 г. высказываниям председателя компартии Чехословакии (КПЧ) К. Готвальда на пленуме ЦК КПЧ в сентябре 1946 г. о возможности пути к социализму, минуя диктатуру пролетариата и советскую систему. Готвальд тогда ссылаясь на услышанное от Сталина и заявил, что Чехословакия уже встала на этот путь. В документе, составленном в ОВП, умалчивалось, что заявление Готвальда было пересказом говорившегося ему Сталиным. В документе отмечалось, что «высказанная тов. Готвальдом точка зрения» ассоциируется с тезисами «собственного пути», «собственного социализма», которые выдвигаются чехословацкими «буржуазными партиями» в противовес ориентации на СССР, его опыту и марксистско-ленинским основам движения к социализму³⁷.

Эта оценка выступления лидера КПЧ, являвшегося одновременно и премьер-министром, была показателем не только поворота Москвы к форсированной советизации всех «народных демократий», но и недовольства запаздыванием руководства КПЧ с таким поворотом. Его основное ядро учитывало, что КПЧ удалось стать наиболее значительной партией правящей коалиции Национального фронта (партий вне его не было) в условиях относительно свободной парламентской

системы, с одной стороны, и действуя в условиях, когда в стране уже не было советского военного присутствия, — с другой. Поэтому руководство КПЧ предпочитало не идти на риск открытого выхода за рамки парламентских механизмов, а рассчитывало, что коммунисты смогут завоевать преобладающие позиции во власти путем намеченных на 1948 г. выборов в парламент. Правда, для достижения данной цели намечалось частично использовать некоторые тайные манипуляции, в частности спецслужб, подконтрольных коммунистам³⁸. Но в целом линия руководства КПЧ воспринималась в Москве как слишком умеренная, чреватая опасностью «усиления реакции», подрыва позиции партии, угрозы осуществлению того, что хотел Кремль³⁹.

Осенью 1947 г. под воздействием ужесточения кремлевского курса, в частности проявившегося при создании Коминформа, в руководстве КПЧ взяла верх ориентация на более радикальные меры, соответствовавшие советским устремлениям. Госбезопасность, контролируемая коммунистами, пустила в ход сфабрикованные дела о «заговорах» в Словакии и частично в Чехии и якобы связи с ними некоторых деятелей из партий, являвшихся партнерами-оппонентами КПЧ в правящей коалиции. Целью было обеспечение решающего сдвига в соотношении сил в пользу коммунистов еще до предстоявших в 1948 г. парламентских выборов. Хотя данные «дела» стали рассыпаться в органах юстиции, не контролировавшихся КПЧ, в начале 1948 г. министр внутренних дел коммунист В. Носек произвел ряд кадровых перемещений в органах госбезопасности, усиливших возможность установления с ее помощью фактического контроля над страной. Министры от упомянутых партий выступили против. Поскольку коммунисты во главе с премьером Готвальдом стояли на своем, несогласные министры 20 февраля 1948 г. подали в отставку, что, по нормам парламентаризма, должно было повлечь отставку всего правительства и открыть дорогу формированию нового кабинета или проведению досрочных выборов. Таким путем партии, оппонировавшие КПЧ, рассчитывали, сохраняя коалицию с ней, лишить ее позиций, угрожавших остальным. Но Готвальд, активно подталкиваемый Москвой, от отставки правительства отказался, а потребовал от президента Бенеша заменить ушедших министров прокоммунистическими деятелями. КПЧ, опираясь на организованные ею массовые выступления, создавая вооруженные отряды и используя силы МВД, стала явочным порядком захватывать власть. Ее оппоненты оказались не готовы к отпору подобным действиям. А социал-демократическая партия, с осени 1947 г. пытавшаяся постепенно дистанцироваться от

КПЧ, не решалась покинуть правительство и стала уступать своему прокоммунистическому крылу⁴⁰.

Хотя Кремль предпочел воздержаться от демонстративного передвижения советских войск у границ Чехословакии, о котором просил Готвальд для нажима на Бенеша, в Прагу, если верить П. А. Судоплатову, тогдашнему руководящему работнику МГБ СССР, тайно перебросили на помощь коммунистам бригаду советского спецназа, переодетую в штатское⁴¹. Бенеш, боясь силового столкновения в стране и возможности советского военного вмешательства, в итоге выполнил 25 февраля требования Готвальда. На деле в Чехословакии произошел переворот. Партии, пытавшиеся оппонировать КПЧ, фактически были устранены: от их имени стали выступать небольшие группы коммунистических ставленников. Большинство руководства социал-демократической партии пошло на то, чтобы она была привязана к КПЧ. Парламент, подвергшийся сильной чистке, поддержал правительство, сформированное, по сути, заново и целиком контролировавшееся коммунистами⁴². Результаты переворота были закреплены быстрым принятием новой конституции и проведенными соответствующим образом в мае 1948 г. парламентскими выборами.

Насильственное устранение оппозиционных партий или, как в Чехословакии, основных партнеров-оппонентов по правящей коалиции, осуществленное в странах с режимами второго и третьего типов в 1947–1948 гг. (в Болгарии и Румынии еще остававшиеся небольшие группы легальной оппозиции были ликвидированы в 1948 г., а в Венгрии это растянулось до начала 1949 г.), стало решающим шагом в превращении политического устройства этих стран в фактический аналог режимов первого типа. Вслед за тем либо даже параллельно тамошние компартии, опираясь на достигнутое ими положение, довершили монополизацию власти и всей политической жизни, поглотив левых союзников: социал-демократические партии были присоединены к компартиям, а другие партии, входившие в левые блоки, либо тоже перестали существовать в результате продиктованных им взаимных слияний, самороспуска или необъявленного исчезновения с политической сцены, либо были оставлены в качестве бутафории и декларировали признание абсолютно руководящей роли компартий и следование коммунистическому курсу «построения социализма». Утверждение этой монополии власти сопровождалось и мерами соответствующей направленности в социально-экономической и иных сферах жизнедеятельности общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См., напр.: *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1988. Knj. 2. Beograd, 1988; *Vodušek-Starič J.* Prevezem oblasti 1944–1946. Ljubljana, 1992; Югославия в XX веке: Очерки политической истории. М., 2011. Ч. III. Гл. 4–6; Краткая история Албании: С древнейших времен до наших дней. М., 1992. С. 336–382; *Смирнова Н. Д.* История Албании в XX веке. М., 2003. Гл. V.

2 См., напр.: *Albert A. (Roszkowski W.)*. Najnowsza historia Polski 1914–1993. London, 1994. Т. I. С. 504–516, 546–562; *Paczkowski A.* Pół wieku dziejów Polski 1939–1989. Warszawa, 1995. С. 69–92.

3 См.: *Sprawa powołania Polskiego Komitetu Narodowego w Moskwie (grudzień 1943 — styczeń 1944) // Archiwum Ruchu Robotniczego.* Т. IX. Warszawa, 1984; *Z archiwów sowieckich.* Т. III: Konflikty polsko-sowieckie. 1942–1944. Warszawa, 1993. С. 62–89; *Polonsky A., Drukier B.* The Beginnings of Communist Rule in Poland. London; Boston; Henley, 1980; Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее — ДМИСПО). Т. VII. М., 1973. С. 129–139, 141–146, 148–149, 152–155, 162–171, 175.

4 Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...: Документы НКВД СССР о польском подполье 1944–1945 гг. М.; Новосибирск, 2001; Русский архив. Т. 14 (3–1). СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. М., 1994. С. 334; *Z archiwów sowieckich.* Т. III. С. 180–183; Т. V: Powrót żołnierzy AK z sowieckich łagrów. Warszawa, 1995. С. 26–33; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. (далее — ВЕ). Т. I. М.; Новосибирск, 1997. С. 52–54.

5 Из Варшавы... С. 345–346.

6 Русский архив. Т. 14 (3–1). С. 227–229, 230–232, 236–237, 240, 246–249, 254–255, 256, 262, 266–267, 271–275, 277–280, 291–292; ВЕ. Т. I. С. 52; *Z archiwów sowieckich.* Т. IV: Stalin a Powstanie Warszawskie. Warszawa, 1994.

7 См., напр.: Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946 гг.): Документы российских архивов. М., 1998. С. 38–116; *România: Viața politică în documente*, 1945. București, 1994. P. 80–121, 129–158, 162–166, 167–169, 170–189; *Chiper I., Constantiniu F., Pop A.* Sovietizarea României: Percepții anglo-americane (1944–1947). București, 1993. P. 87–133.

8 См., в частности: ВЕ. Т. I. С. 86–87, 94–98, 102–104, 111–113; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953: Документы (далее — СФ). Т. I. М., 1999. С. 109–116, 118–122.

9 Напр.: BE. Т. I. С. 159–162, 170–172; *Kaplan K.* První poválečná vláda: Komentované dokumenty // *Sešity Ústavu pro soudobé dějiny ČSAV.* Sv. 5. Praha, 1993. S. 69–88, 101–127; *Valeva Ye.* The CPSU, the Comintern, and the Bulgarians // *The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944–1949.* Boulder (Colo.), 1997.

10 *Koštica V., Čavoški K.* Stranački pluralizam ili monizam: Društveni pokreti i politički sistem u Jugoslaviji 1944–1949. Ljubljana, 1987; *Vodušek-Starič J.* Prevzem oblasti 1944–1946; *Петрановић Б.* Југославија на размеђу (1945–1950). Подгорица, 1998. С. 9–386; *Павловић М.* За Тита или за краља: Избори за Уставотворну скупштину 11. новембра 1945. Београд, 2007; Краткая история Албании. С. 394–397, 400–401; *Смирнова Н. Д.* История Албании... С. 239–241, 245–247, 254–268; *Gibianskij L. J.* Sowjetisierung Osteuropas — Charakter und Typologie // *Sowjetisierung und Eigenständigkeit in der SBZ/DDR (1945–1953).* Köln; Weimar; Wien, 1999. S. 43–49.

11 См., в частности: *Исусов М.* Политическите партии в България, 1944–1948. София, 1978. С. 115–166; *Он же.* Сталин и България. София, 1991. С. 16–28 и др.

12 Об этой расстановке сил подробнее: *Gibianskij L. J.* Sowjetisierung Osteuropas. S. 51–58; *Гибианский Л. Я.* Форсирование советской блоковой политики // *Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. статей.* М., 2003. С. 138–139.

13 *Dokumenty do dziejów PRL. Zesz. 4: Referendum z 30 czerwca 1946 roku: Przebieg i wyniki.* Warszawa, 1993; *Петров Н. В.* По сценарию Сталина: роль органов НКВД — МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. М., 2011. С. 170–187.

14 Об этом говорилось в секретных донесениях как представителей СССР в Бухаресте, так и их югославских коллег, поддерживавших тесные отношения с руководством КПР. См.: *Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ (11 jun 1945 — 7 jul 1948).* Beograd, 1995. S. 592–593; *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.* Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М., 1993. С. 174–176.

15 О таких расчетах см., напр.: *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории. М., 2002. С. 518–519.

16 BE. Т. I. С. 290–291, 293–294, 299–301, 303–305; СФ. Т. I. С. 243–245; Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 98. Л. 90–98.

17 См.: *Kaplan K.* *Nekrvavá revoluce.* Praha, 1993. S. 60, 63; *Hanzlík F.* *Únor 1948: výsledek nerovného zápasu.* Praha, 1997. S. 157.

18 См.: РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 3. Л. 103–104, 107, 108; Д. 9. Л. 29; Д. 41. Л. 9–11, 19, 20 (см. также: ВЕ. Т. I. С. 705–706).

19 Напр.: *Димитров Г.* *Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949).* София, 1997. С. 464, 533–534, 535; *Джилас М.* *Лицо тоталитаризма.* М., 1992. С. 84; ВЕ. Т. I. С. 457, 511, 579.

20 Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 508; *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* *Москва и Восточная Европа.* С. 37. См. также, напр.: *Волокитина Т. В.* *Сталин и смена стратегического курса Кремля в конце 40-х годов: от компромиссов к конфронтации // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы.* М., 1999. С. 13–15; *Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века.* Т. 1. М., 2000. С. 32–34.

21 См.: *Гибианский Л. Я.* *Форсирование советской блоковой политики // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. статей.* М., 2003. С. 142–146; *Он же.* *Исследования политики СССР в Восточной Европе в конце второй мировой войны и в первые послевоенные годы // Вопросы истории.* 2004. № 6. С. 155–157.

22 См.: *Иусов М.* *Сталин и Бългaрия.* С. 16–19; БКП, Коминтернът и македонският въпрос (1917–1946). Т. II. София, 1999. С. 1268–1269; *Димитров Г.* *Дневник...* С. 527–531; *Архив Југославије (Белград; далее — АЈ).* Ф. 507. ЦК СКЈ, IX. Рег. бр. 1-II/39. Л. 31–32, 34; Рег. бр. 1-II/40; *Централен държавен архив (София; далее — ЦДА).* Ф. 146 б. Оп. 4. А.е. 42. Л. 4–6; ВЕ. Т. I. С. 450, 466–467, 504, 521–522, 554; СФ. Т. 1. С. 287–288, 328–330.

23 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 98. Л. 90; ВЕ. Т. I. С. 291, 293–294, 299–300, 304; СФ. Т. 1. С. 243–244.

24 *Желицки Б. Й.* *Народная демократия и становление тоталитарного режима в Венгрии // Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948.* М., 2002. С. 185.

25 См., напр.: ВЕ. Т. I. С. 605–606; *Kaplan K.* *Pět kapitol o únoru.* Brno, 1997. Кар. II; *Hanzlík F.* *Únor 1948.*

26 *Albert A. (Roszkowski W).* *Najnowsza historia Polski.* Т. 2. S. 108–109, 118–123; *Barnaszewski B.* *Polityka PPR wobec zalegalizowanych partii i stronnictw.* Warszawa, 1996. S. 147–161.

27 *Иусов М.* *Сталин и Бългaрия.* С. 184–192; *Он же.* *Политическите партии в Бългaрия.* С. 362–378; *Валева Е. Л.* *Политические процессы в Болгaрии 1944–1948 годов // Тоталитаризм...* С. 162–166.

- 28 См., напр.: România: Viața politică în documente. 1947. București, 1994. P. 20–21, 190–205, 241–251.
- 29 Stenogram plenarnego posiedzenia KC PPR 13–14 kwietnia 1947 r. // Archiwum Ruchu Robotniczego. T. VII. Warszawa, 1982. S. 205, 212–220.
- 30 См., напр.: *Barnaszewski B.* Polityka PPR... S. 165–176, 178–181.
- 31 Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949: Документы и материалы. М., 1998. С. 120; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 2. Л. 184.
- 32 См., напр.: România: Viața politică în documente. 1947. P. 252–258.
- 33 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 315. Л. 2, 5, 7, 57; Д. 1019. Л. 3–4; ВЕ. Т. I. С. 561–562, 606, 613–614, 619, 641–644; СФ. Т. 1. С. 425; *Rákosi M.* Visszaemlékezések, 1940–1956. II köt. Budapest, 1997. 377–378 old. См. также: *Желицки Б. Й.* Народная демократия... С. 187–191.
- 34 См.: ВЕ. Т. I. С. 643–646, 691–693; Совещания Коминформа... С. 143–145.
- 35 Совещания Коминформа... С. 147; ВЕ. Т. I. С. 713.
- 36 *Валева Е. Л.* Политические процессы... С. 161–163; см. также: ВЕ. Т. I. С. 548.
- 37 ВЕ. Т. I. С. 572–579 (особенно 578–579).
- 38 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1083. Л. 207–211 (частично см.: ВЕ. Т. I. С. 661–664); *Kaplan K.* Pět kapitol o únoru. S. 137, 195, 230–233.
- 39 См., напр.: ВЕ. Т. I. С. 649–655; СФ. Т. 1. С. 450–455, 496–503.
- 40 См.: *Kaplan K.* Pět kapitol o únoru. S. 73–265, 269–335, 341–347, 359–497 (см. также: *Idem.* Nekrvavá revoluce. S. 114–118).
- 41 *Мурашко Г. П.* Февральский кризис 1948 г. в Чехословакии и советское руководство: По новым материалам российских архивов // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 59–60; *Судоплатов П.* Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 278.
- 42 См.: *Kaplan K.* Pět kapitol o únoru. S. 405–406, 440, 461–484, 497–502, 514–518, 527–531.

L. Ya. Gibianskii

Continuation of 1917: Typology of the Establishment of Communist Regimes
in Eastern Europe as a Result of the Second World War

This work examines and compares various types of a process of the communist power establishment in the East European countries at different phases of this process. The following parameters form the basis for such a typological gradation conformably to of the relevant groups of countries in this region: the ratio of a role of internal socio political factors and the Soviet influence; the character and degree of movement, first, towards communis predominance and later to absolute power during different stages of the process; format of political regimes at each stage; methods, tempo, and type or vagueness of a phasic succession in the course of transformation of those regimes up to full and complete monopoly of the communist power.

Keywords: Eastern Europe, the establishment of communist power, types and stages of the process, speeding up and «prolonged» (slow) sovietization.

М. Ю. Дронов
(Москва)

**Русско-украинский национально-языковой дуализм
в общественно-культурной жизни русинов Пряшевщины
во 2-й половине 1940-х гг.**

Статья посвящена параллельному бытованию русской и украинской идентичностей, русского и украинского языков у русинов Восточной Словакии. Представители одного этноса получили возможность идентифицировать себя как с украинцами, так и с русскими, считать родным русский или украинский литературный язык. Однако на практике национально-языковой дуализм не был симметричен: несмотря на украинские названия местных организаций, до 1948 г. фактически преобладали русская идентичность и русский язык. Позднее был взят государственный курс на украинизацию русинов.

Ключевые слова: *национально-языковой дуализм, Пряшевицина, русины, русофилы, русский язык, Словакия, украинофилы, украинский язык.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.1.13

В контексте изучения конкуренции русской и украинской этнонациональных идентичностей и сосуществования русского и украинского языков крайне любопытно обратиться к такому малоизвестному прецеденту, как русско-украинский национально-языковой дуализм на послевоенной Пряшевщине, т. е. в северо-восточных районах Словакии с центром в г. Прешов (*устар.* Пряшев, *слов.* Prešov), где традиционно проживают карпатские русины¹.

Как известно, и в наши дни национально-языковые процессы в карпаторусинской среде далеки от завершения: нередко уроженцы одних и тех же населенных пунктов и даже выходцы из одних и тех же семей по-разному характеризуют собственную национальную принадлежность и литературный язык, который считают родным. В 1940-е гг., как и в предыдущие межвоенные десятилетия, споры об идентичности русинов находились в особенно острой стадии. При

Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках коллективного научно-исследовательского проекта № 16-01-00395 «Исторический опыт национальной и культурной политики Российской империи и Советского Союза в отношении Украины и ее населения».

этом конкретно в Словакии, остававшейся в составе Чехословакии, национально-языковые процессы протекали иначе, чем в соседней Подкарпатской Руси, отошедшей в 1938–1939 гг. к Венгрии, а после Второй мировой войны ставшей Закарпатской областью УССР. Если в Закарпатье почти сразу же была проведена административная украинизация, на Пряшевщине не была поставлена точка в вопросе национальности и литературного языка местного русинского населения.

Важно подчеркнуть, что на Пряшевщине, несмотря на ее западное географическое положение, большой популярностью пользовались концепция общерусского (общевосточнославянского) единства и русский язык, воспринимавшийся в качестве современного наследника церковнославянского языка. Странники такой национально-языковой модели известны в историографии как русофилы или москвофилы². Именно из этих мест, т. е. из западной части бывшей Угорской Руси, были родом наиболее выдающиеся деятели карпатских русинов, стоявшие на русофильских позициях: Александр Духнович (1803–1865), Адольф Добрянский (1817–1901), Александр Павлович (1819–1900), о. Анатолий Кралицкий (1835–1894), Юлий Ставровский (1850–1899) и др. В межвоенные годы, и даже в период первой Словацкой республики (1939–1945), в общественно-культурной жизни Пряшевщины однозначно доминировали русофилы. Большинство местных печатных изданий выходило на русском языке, точнее на русском языке карпатской редакции или «язычии». Хотя нельзя не признать, что среди немногочисленной местной интеллигенции все-таки были отдельные сторонники украинофильства, рассматривавшие местное русинское население как часть самостоятельного украинского народа. Однако они не играли здесь определяющей роли. Особо отметим, что русинофилы, сторонники популярной сегодня концепции русинов как «четвертого восточнославянского народа», еще не представляли из себя сформировавшееся, а тем более влиятельное течение. По сути, местные русинофилы отличались от русофилов лишь расстановкой акцентов в вопросе соотношения общерусского и карпаторусского начал.

В контексте приведенных замечаний понятно особое значение создания в Прешове 1 марта 1945 г. Украинского национальной рады (совета) Пряшевщины (далее — УНРП). Как отмечает американский русинист П. Р. Магочи, это был первый прецедент в истории региона, когда прилагательное *украинский* вошло в название организации³. Данный факт логично объясняется ведущей ролью в учреждении УНРП коммунистов и сочувствующих им, так как еще V Конгресс

Коминтерна в 1924 г. и IX Конгресс Коммунистической партии (большеви́ков) Украины в 1925 г. задекларировали принадлежность всех карпатских восточных славян к украинскому народу⁴. Показательно, что осенью 1944 г., незадолго до описываемых событий, в освобожденном Мукачево состоялся съезд Народных комитетов Закарпатской Украины, участники которого приняли «Манифест о воссоединении Закарпатской Украины с Украинской ССР».

О том, что учреждение в Прешове УНРП являлось очередным звеном данной идеологической линии, продуктом насущного политического заказа, свидетельствует, к примеру, радиogramма лидера чехословацких коммунистов Климента Готвальда Густаву Гусаку от 4 марта 1945 г.: «Что касается т. н. украинского и русского направлений (в русинской среде. — М. Д.), то ныне этот вопрос трактуется иначе, чем в период домюнхенской республики. Население в целом считаем украинским, однако если кто-то хочет, он может записаться русским, а школы могут быть украинские и русские в зависимости от желания населения. Однако мы и в дальнейшем будем выступать против русинизма как продукта мадьяризации»⁵. Компартия влияла на УНРП посредством своих членов в ее руководстве, прежде всего с помощью главного секретаря рады д-ра Ивана Рогалья-Илькива (1917–2002)⁶ (председателем был избран бывший член Аграрной партии Василий Караман (1903–1961)). Правда, появившаяся на свет в марте 1945 г. организация отчасти вела самостоятельную жизнь: так, руководство УНРП неоднократно озвучивало идею присоединения русинских районов Словакии к «Закарпатской Украине»⁷.

На то, как в действительности реагировала местная общественность на создание УНРП, проливает свет протокол учредительного съезда (Первого съезда делегатов от украинских сел и округов Пряшещины).

В первую очередь следует отметить, что мероприятие проходило в прешовском Русском доме — здании в центре города, которое начиная с 1920-х гг. являлось центром местных русинов-русофилов⁸. Протокол съезда составлен на русском языке с отдельными русинскими диалектизмами. Несмотря на сухой официальный язык и подчеркнутую краткость изложения, обращают на себя внимание сразу несколько завуалированных моментов. Так, в программном выступлении д-ра Дионисия Ройковича (1910–1974), одного из инициаторов создания УНРП, известного своими русофильскими взглядами⁹, основным действующим лицом является долго не конкретизируемый докладчиком «народ». Отдавая дань доблестным победам Красной армии, в середи-

не выступления Ройкович обратился к местной истории в несколько неожиданном ракурсе. Так, он заявил, что все культурные деятели и простой народ «осознавали свою принадлежность к малорусской ветви восточных славян»¹⁰. При этом, критикуя далее «галицких сепаратистов» с навязанной им «целью разбить Россию», Ройкович в то же время сделал достаточно новаторский вывод: «Если в прошлом наше тяготение ко всему русскому помогло нам спасти наш национальный облик в минуты тяжелых испытаний, то наша принадлежность к великому украинскому народу откроет нам просторы, до каких нам не было суждено добиться в рабских оковах прошлых десятилетий»¹¹. Конечно, докладчик также не забыл упомянуть, что «русский язык, язык Сталина, будет нам всегда близким сердцу», однако, по мнению Ройковича, «процесс полной дифференциации русского и украинского народов» уже завершился¹².

Хотя, как следует из протокола, необходимость создания «верховной организации» была поддержана единогласно, «несколько голосов из рядов гостей» стало возражать против названия, предлагая назвать организацию не «украинской», а «русской»¹³. «Из группы молодежи в течение собрания были слышны неуместные примечания в связи с русско-украинским вопросом»¹⁴. Присутствующих успокоило лишь дипломатичное объяснение коммуниста Ивана Рогалья-Илькива (1917–2002), который, как и Ройкович, используя традиционную этническую терминологию, искусно апеллировал к авторитету советской национальной политики: «Неоспоримый факт, что мы принадлежим к малорусской ветви. В силу исторических причин малороссы называют себя украинцами. Раз верховные культурные организации СССР и другие считают и нас украинцами, то, несмотря на развитие и на историческо-политическое обоснование отклонения нашего народа от слова украинец, мы не можем считать себя другими, чем украинцами»¹⁵. Таким образом, исходя из процитированного протокола, нельзя утверждать, что учредительный съезд УНРП, во многом с учетом ее названия, проходил гладко. Актуальный политический заказ на украинизацию русинов натолкнулся на укорененные в регионе традиции русофильства, лишь усилившиеся в результате военных успехов СССР¹⁶. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов негативный имидж для многих людей всего украинского, связанный с недавней деятельностью в Карпатском регионе украинских формирований германской армии и Украинской повстанческой армии¹⁷.

На первый взгляд парадоксально, но инициаторы учреждения УНРП (как противники, так и сторонники использования прилага-

тельного *украинский*) были воспитаны в русофильских традициях и не владели украинским языком. Делопроизводство велось по-русски. Во многих документах УНРП для обозначения русинского населения было принято сдвоенное название *украинцы (русские)*¹⁸. Поэтому с самых первых дней своего существования национально-языковая ориентация УНРП приобрела в каком-то смысле оксюморонный характер. Как отмечал братиславский исследователь Л. Гараксим, среди ее деятелей были и известные украинофобы¹⁹. Изначальная противоречивость национально-языковой концепции УНРП и стала причиной русско-украинского национально-языкового дуализма на Пряшевщине в государственно-правовом поле в течение последующих нескольких лет.

При этом интересно, что дуалистичную риторику УНРП перенимали и формально не подчинявшиеся ей субъекты и фигуры. Так, например, греко-католический епископ Павел Гойдич (1888–1960), до образования УНРП неофициально считавшийся лидером словацких русинов, в одном из писем своему словацкому римско-католическому коллеге Й. Чарскому в 1948 г. отмечал: «...наши верующие ни в религиозном смысле не являются “руснаками” (пейоративное название этнических русинов, а также местных греко-католиков и православных в целом, вне зависимости от их этнического происхождения. — М. Д.), потому что они греко-католики, ни в национальном смысле, потому что они либо словаки, либо украинцы, либо русские, но никак не “руснаки”»²⁰.

Следует отдать должное, что УНРП, не сумевшая реализовать в полной мере свои политические амбиции (например войти в Национальный фронт Чехословакии), в то же время развила активную и успешную деятельность на ниве культуры.

По укоренившейся еще с 1920-х гг. традиции в регионе устраивались Дни русской культуры²¹. Естественно, атмосфера на этих торжествах уже несколько отличалась от межвоенной, когда в торжествах принимали заметное участие и послеоктябрьские эмигранты из России. Заметно усилились общеславянские и появились советофильские акценты. Например, участник Дня русской культуры в родном селе А. Духновича Тополя Иван Прокипчак (1917–1991) так описал место проведения праздника: «На поляне разукрашенная трибуна, среди чехословацкого и советского флагов — портрет Духновича. Он строил русское дело об руку со славянскими братьями, перекликался с Прагой и Львовом, писал для матушки-Москвы историю своего племени. Через всю трибуну начертано: “Да здравствует дружба славянских народов”»²². Думается, подобная расстановка акцентов весьма типична.

При непосредственном участии УНРП 24 мая 1945 г. был основан Союз молодежи Карпат, который должен был стать аналогом Союза молодежи Закарпатской Украины²³.

В 1946 г. в Прешове был основан Украинский национальный театр (УНТ)²⁴. В его репертуаре преобладали русскоязычные постановки. Правда, несмотря на доминирование на театральных подмостках русского литературного языка, здесь были и украиноязычные представления. Принцип заключался в том, что русские пьесы должны были ставиться по-русски, а украинские — по-украински²⁵.

Тогда же, в 1946 г., появилась Редакция украинского вещания Чехословацкого радио. Здесь действовали приблизительно те же принципы, что и в УНТ²⁶.

Активно развивалась национальная печать. Начиная с 18 марта 1945 г. стал выходить еженедельный орган УНРП — газета «Пряшевщина». Лишь немногочисленные материалы в ней публиковались по-украински, тогда как подавляющее большинство текстов было на русском языке²⁷.

Также с 1945 г. раз в две недели в Прешове выходила газета «Демократический голос», в которой, однако, публиковались только русскоязычные материалы. Газета являлась органом созданной в том же году Украинско-русской секции Демократической партии, главного конкурента Коммунистической партии Словакии²⁸.

В 1946–1947 гг. в Праге и Прешове выходил еженедельник «Карпатская звезда» (позднее «Звезда»), являвшийся органом «прогрессивной молодежи Пряшевщины и Союза чехо-словацких воинов-украинцев Второй мировой войны». Материалы газеты были как на русском, так и на украинском языке.

Ежемесячный пионерский журнал, печатный орган Союза молодежи Карпат, «Колокольчик-Дзвіночок» издавался на двух языках в 1947–1950 гг. Первая половина журнала была на русском, а вторая на украинском²⁹.

Развивалось и книгоиздание. Так, при помощи УНРП было организовано издательство «Славкнига», в котором выходило большинство местной печатной продукции с кириллическим шрифтом³⁰.

Пожалуй, наиболее известным изданием первых послевоенных лет является историко-литературный сборник «Пряшевщина», вышедший под редакцией Ивана Шлепецкого (1907–1976) в Праге в 1948 г. и представляющий из себя по сути компендиум современных сведений о русинах Словакии³¹. На данной книге необходимо остановиться особо. Обращает на себя внимание подчеркнуто русское

национально-языковое направление сборника. Уже в редакторском введении безапелляционно утверждалось: «Пряшевщина — это русский уголок под Бескидами, по воле судьбы оставшийся вне пределов воссоединенных русских исторических земель. [...] Население Пряшевской Руси в процессе долголетнего отстаивания своих прав и национальной принадлежности твердо осознало себя как часть великого русского народа, которая, несмотря на сильную денационализацию в прошлом, без всякой посторонней помощи сохранила подлинный русский облик своей родной страны и весь русский обиход обыденной жизни. Народный говор населения Пряшевской Руси — это старинное наречие русского языка, которое утвердилось и проявилось в литературе еще в далеком историческом прошлом»³². В подобном же духе были выдержаны все статьи сборника, в работе над которым приняли участие многие видные деятели русофильского направления: Николай Бескид (1883–1947), Георгий Геровский (1886–1959), Евгений Недзельский (1894–1961), Алексей Фаринич (1911–1991) и др. Значительную часть содержания книги составили выдержки из сочинений русинских русофилов XIX — начала XX вв. Примечательно, что УНРП именовалась в сборнике *Национальный Совет Пряшевщины*. Были и другие натяжки: в одной из статей, например, утверждалось, что «русское население на Пряшевской Руси [...] имеет свой русский национальный театр, русское радиовещание, и всеми культурно-просветительными, особенно школьными делами, ведает особый реферат для русских школ, учрежденный при Поверительстве школ и просвещения в Братиславе»³³. Возможно, по сути, учитывая распространение русского языка, подобное утверждение имело основания, но формально это не отвечало действительности, так как большинство перечисленных учреждений назывались украинскими (см. выше и ниже).

Особой была ситуация в системе национального образования. 18 июня 1945 г. был создан реферат (отдел народного образования) украинских школ, а в декабре того же года были учреждены инспекции для украинских школ в Медзилаборце, Прешове, Снине и Стропкове. Всего в компетенции инспекций находилось три детских сада со 149 детьми, 277 начальных школ с 27 145 школьниками, 14 городских средних школ с 1620 учащимися и две гимназии, в Прешове и Гуменне, с 556 гимназистами. Всего за два года количество подведомственных реферату школ возросло на 11,3%³⁴. Хотя по документам эти учебные заведения числились украинскими, преподавание в них велось на русском языке (на практике в разных школах язык преподавания мог варьироваться от русского литературного языка

до местного диалекта). Только считанные единицы учителей, украинских эмигрантов и выходцев с Подкарпатской Руси, преподавали на украинском³⁵. Причем если в начальной школе, по понятным причинам, ощущалось сильное влияние местных диалектов, то в средних учебных заведениях большое внимание уделялось чистоте русского языка, освоить который в совершенстве русинским ученикам было, наверное, не всегда легко. По воспоминаниям бывших учащихся, отдельные преподаватели средних школ, в частности в гуменнской гимназии, могли даже взимать штрафы у подростков за каждое произнесенное диалектное слово³⁶.

В целом по региону язык обучения больше приближался к современному русскому языку, чем в предыдущие десятилетия, когда на Пряшевщине доминировали «язычие» и дореформенное этимологическое правописание. Этому способствовало то, что послевоенные учебники первоначально доставлялись из СССР (при этом украинские учебники отсутствовали)³⁷. Первые местные пособия по русскому языку и литературе вышли уже в 1947 г.³⁸

Доминирование русского языка в образовательной системе УНРП вполне устраивало. Показательно, что в «Прошении в деле оказания помощи русским, украинским заведениям на Пряшевщине» от 22 июня 1946 г., отосланном президиумом УНРП в посольство СССР в Праге, содержится просьба направить из СССР в местные учебные заведения преподавателей русского языка и природоведческих дисциплин. Учителя украинского языка в «Прошении» не упоминались вовсе³⁹.

После укрепления позиций Коммунистической партии в Чехословакии в феврале 1948 г. постепенно был взят курс на подлинную украинизацию Пряшевщины и приведение национальной политики к советским образцам (украинизация, таким образом, проходила параллельно с коллективизацией и православизацией — после проведения в 1950 г. так наз. Прешовского собора, ликвидировавшего грекокатолическую церковь в чехословацких границах). Уже осенью того же года партийные и государственные органы начали подготовку к широкому введению украинской национально-языковой ориентации в жизнь русинского населения. В 1949–1952 гг. было ликвидировано большинство организаций, учреждений и изданий, появившихся после окончания войны. Исключение составили лишь УНТ и Редакция украинского вещания, однако они полностью перешли на украинский язык (рассмотрение многочисленных трудностей, сопутствовавших переходу не входят в задачи настоящей статьи). Отдельные последо-

вательные русофилы, не согласившиеся с новым национально-языковым курсом, подверглись увольнению и даже арестам⁴⁰. Как отмечалось в одном из последних документов УНРП — совместном письме членов ее президиума и подготовительного комитета Культурного союза украинских трудящихся (новой организации, создававшейся взамен) одному из функционеров Словацкого национального совета от 11 декабря 1952 г., «Украинская национальная рада Пряшевщины не носила характер массовой организации, не имела крепкой связи с украинскими трудящимися массами, поэтому она не могла успешно выполнять задачи: мобилизовать украинский трудовой народ на строительство социализма, а также способствовать укреплению украинского национального самосознания у украинского трудового народа. Поэтому, исходя из желания и потребностей украинского трудового народа, была создана новая организация Культурный союз украинских трудящихся»⁴¹.

Таким образом, русско-украинский национально-языковой дуализм на послевоенной Пряшевщине являлся временным и скорее неудачным примером национально-языковой политики, суть которой заключалась в искусственной попытке совмещения русской и украинской идентичностей, параллельного бытования русского и украинского языков, причем в условиях региона, сильно удаленного от русских и украинских национальных центров, а также отделенного от них политической границей. Имплантация украинской идентичности и украинского языка, шедшая «сверху», натолкнулась на сильные русофильские традиции русинов Пряшевщины, которые на практике едва ли было возможно игнорировать. На практике национально-языковой дуализм не был симметричен: несмотря на украинские названия местных организаций, среди русинов Словакии фактически преобладали русская идентичность и русский язык. Позднее, после февраля 1948 г., был взят государственный курс на украинизацию русинского населения, при котором русско-украинский дуализм в каких-то формах еще сохранялся по крайней мере до начала 1950-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Незавершенность национальных процессов в русинской (карпаторусинской) среде вместе с частой политизацией русинского вопроса вынуждает дать специальное определение этнониму *русины*. В статье оно используется исключительно в этноязыковом смысле, обозначая всех

автохтонных восточнославянских жителей Карпатского региона вне зависимости от конкретных форм их этнонациональной идентичности.

2 Об особенностях русофильства на Пряшевщине см.: *Дронов М. Ю.* К вопросу о месте русофильства в национально-культурной жизни русинов Словакии в XX столетии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. [СПб.] 2010. № 2. С. 77–88.

3 *Магочій П. Р.* Русины на Словенську. Історичний перегляд. Пряшов, 1994. С. 46.

4 *Магочій П. Р.* Народ нивыдкы. Ілустрована історія карпато-русинів / По русинськы текст потовмачив Падяк В. Ужгород, 2007. С. 116.

5 Цит. по: *Barnovský M.* K otázke takzvaného ukrajinského buržoázneho nacionalizmu na Slovensku // *Historický časopis*. 1996. Č. 1. S. 66.

6 См.: *Ванат І.* Матеріали до історії Української народної ради Пряшівщини (1945–1952). Пряшів, 2001. № 8. С. 42.

7 Подробнее о данной идее и попытках ее реализации см.: *Шмигель М.* Движение за присоединение Северо-Восточной Словакии к Советскому Союзу (1944–1945 гг.) // *Российские и славянские исследования*. Вып. 5. Минск, 2010. С. 87–93.

8 О Русском доме см.: *Бескид Г.* Історія Дому Русинів (Русский дом, основанный 17.6.1925) // *Rusínske školstvo, kultúra a osveta na Slovensku v rokoch 1919–1950 (Stav, problémy a význam pre súčasný rozvoj kultúry v SR)*. Zborník recenzovaných vedecko-odborných prác z vedeckého seminára / *Edícia Ruthenica Slovaca* (2). Prešov, 2010. С. 130–135.

9 Показательно, что всего двумя годами ранее, в 1943 г., Д. Ройкович, вместе с рядом других будущих учредителей УНРП, был одним из основателей подпольного Карпато-русского автономного союза народного освобождения (КРАСНО). См.: *Енциклопедія історії та культури карпатських русинів / укладачі П. Р. Магочій, І. Поп.* Переклад з англійської мови Н. Кушко. Ужгород, 2010. С. 315.

10 *Ванат І.* Матеріали до історії... № 7. С. 33.

11 Там же. С. 34.

12 Там же.

13 Там же. С. 35.

14 Там же. С. 39–40.

15 Там же. С. 35.

16 См.: *Мушинка М.* Післявоєний розвиток регіональної культури русинів-українців Чехо-Словаччини // *Тривалість регіональних культур. Русини і українці на їхній карпатській батьківщині та за кордоном*. Нью-Йорк, 1993. С. 52.

17 См.: Там же; *Гараксім Л.* Русинська ідентита і емаціпація на виходнім Словенську // Русин. 1998. № 5–6. С. 2.

18 См.: *Штець М.* Літературна мова українців Закарпаття і Східної Словаччини (після 1918) / Педагогічний збірник № 1. Братіслава, 1969. С. 132. Подробнее об этнонимах, использовавшихся УНРП, см. специальную штудию: *Gajdoš M.* Používanie etnonymov Rusín a Ukrajinec vo vybraných dokumentoch Ukrajinskej národnej rady Prjaševščiny (1945–1948) // Človek a spoločnosť. 2000. № 3 (<http://www.clovekaspolocnost.sk/sk/rocnik-3-rok-2000/3/studie-a-clanky/pouzivanie-etnonymov-rusin-a-ukrajinec-vo-vybranych-dokumentoch-ukrajinskej-narodnej-rady-prjasevsciny-1945-1948>).

19 См.: *Гараксім Л.* Русинська ідентита і емаціпація... С. 2.

20 Historický archív Gréckokatolíckeho arcibiskupstva v Prešove. Inv. č. 81. Sign. 40.

21 О традиции Дней русской культуры см.: *Veber V.* Dny ruské kultury // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945. 2. Praha, 1994. S. 90–93; *Магидова М.* Традиции Дня русской культуры // Зарубежная Россия 1917–1939 гг. Сб. стат. СПб., 2000. С. 289–295; *Дронов М. Ю.* Традиция Дней русской культуры на Пряшевщине // Слов'янські обрії. Вип. 1. Київ, 2006. С. 309–315.

22 *Прокипчак И. В.* День русской культуры в Тополе // Пряшевщина. Историко-литературный сборник. Прага, 1948. С. 47.

23 Краєзнавчий словник русинів-українців. Пряшівщина / Головний редактор Ф. Ковач. Пряшів, 1999. С. 323.

24 Об истории театра см.: *Pukan M.* V premenách času (Ukrajinské národné divadlo / Divadlo Alexandra Duchnoviča Prešov). Prešov, 2007.

25 *Штець М.* Літературна мова українців... С. 132.

26 Там же.

27 *Džupinková Z.* Prehľad rusínskych a ukrajinských periodík vychádzajúcich v Prešove v rokoch 1919–2006 (s dôrazom na fond ŠVK Prešov) // Z minulosti a súčasnosti knižnej kultúry Prešova. Prešov, 2007. S. 118.

28 Ibid. S. 115.

29 Ibid. S. 116–117.

30 См.: *Кундрат Ю.* Книгодрукування в українців Пряшівщини після 1945 року // Науковий збірник Музею українсько-руської культури у Свиднику. Пряшів, 1998. Т. 21. С. 30.

31 Пряшевщина. Историко-литературный сборник. Прага, 1948. 336 с.

32 Там же. С. 3.

33 *Буковский И. С.* Три встречи // Там же. С. 12.

34 *Конечні С.* Капітолы з історії Русинів на Словенську в контексті розвою карпатських Русинів од найстарших часів. Пряшів, 2009. С. 168–169, 173.

35 См.: *Мушинка М.* Післявоєний розвиток... С. 53–54.

36 См.: *Бача Ю.* До періодизації культурно-національного та літературного життя українців Чехословаччини після 1945 року // Науковий збірник Державного музею українсько-руської культури у Свиднику. Пряшів, 1995. Т. 20. С. 34; *Гиряк М.* Школа — животный интерес Русинів. Як єм Ірину Івановну перевів через ріку Лаборець (10) // Народны новинки. 1999. № 4–5. С. 3. Выпускник гуменнской гимназии известный русинский фольклорист Михаил Гиряк (1933–2007) так охарактеризовал тогдашние настроения самих гимназистов: «Все украинское для нас было чуждым. Чуждым для нас было все, кроме русского, кроме русскости. За русскость учащиеся были готовы даже умереть. Такой дух в нас вселили за довольно короткое время. Русскость и советскость в нас загоняли не через факты, не через знания, а через чувства. Все русское было великое, самое большое на свете, все остальное — малое, или такое, что более или менее должно было походить на русскость. Великорусский шовинизм таким образом проник до каждой жилки почти каждого учащегося» (*Гиряк М.* Школа — животный интерес Русинів. Руська гімназія — абсолютно ангажований субект (12) // Народны новинки. 1999. № 10–11. С. 3).

37 См.: *Штець М.* Літературна мова українців... С. 133.

38 См.: *Špirko M.* Vyučovanie ruštiny na slovenských školách (od roku 1945 po súčasnosť) // Ruský jazýk a literatúra na Slovensku po roku 1918. Zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie rusistov. Prešov, 1997. S. 34.

39 См.: *Штець М.* Літературна мова українців... С. 132–133. См. также новейшие тематические штудии: *Gajdoš M.* Vznik a problémy ukrajinského národnostného školstva // Človek a spoločnosť. 2009. № 1 (<http://www.clovekaspolocnost.sk/sk/rocnik-12-rok-2009/1/studie-a-clanky/vznik-a-problemy-ukrajinskeho-narodnostneho-skolstva>); *Virostková A.* Charakter a základné problémy vzdelávacieho procesu na ukrajinských národnostných školách v rokoch 1945–1949 // Motus in verbo. 2013. № 1. S. 27–36 (<http://www.motus.umb.sk/stiahnut-clanok/14>).

40 См.: *Магочій П. Р.* Русины на Словенську... С. 49.

41 Цит. по: *Ванат І.* Матеріали до історії... № 25. С. 116.

M. Ju. Dronov

Russian-Ukrainian national and language dualism in the cultural life of the Rusyns in Prešov region in the second half of the 1940s

The article is dedicated to the parallel existence of Russian and Ukrainian identities and languages among the Rusyns of Eastern Slovakia. Members of one ethnos now got the opportunity to identify themselves with Ukrainians or Russians, to consider their mother tongue Russian or Ukrainian. But in reality the national and language dualism was not symmetrical. In spite of the Ukrainian names of the local initiatives, in fact until 1948 the Russian identity and Russian language dominated. Later a state policy towards Ukrainisation of the Rusyns was introduced.

Keywords: national and language dualism, Prešov region, Rusyns, russophiles, Russian language, Slovakia, ukrainophiles, Ukrainian language.

А. С. Стыкалин
(Москва)

**Как мировое коммунистическое движение отмечало
40-летие октябрьской революции в России.
К истории ноябрьских совещаний компартий 1957 г.**

В центре внимания статьи находятся международные совещания компартий, состоявшиеся в Москве в дни 40-летнего юбилея Октябрьской революции в России. Они свидетельствовали о том, что к ноябрю 1957 г. мировое коммунистическое движение в целом преодолело временные трудности, порожденные XX съездом КПСС и венгерской революцией осени 1956 г.

Ключевые слова: *XX съезд КПСС, венгерский кризис 1956 г., мировое коммунистическое движение, Хрущев, Мао Цзэдун, Тито.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.1.14

Готовиться к 40-летию юбилею Октябрьской революции 1917 г. в Кремле начали загодя. Насколько можно судить из имеющихся в нашем распоряжении материалов Президиума ЦК КПСС, вопрос о том, как отмечать юбилей, впервые подробно обсуждался на заседании Президиума 21 февраля 1957 г.¹ Обращает на себя внимание замечание первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева — «предостеречь насчет расходов». Отметить юбилей предполагалось, таким образом, по возможности с минимальными расходами — решено было воздержаться от сооружения больших монументов, проведения сессий Верховного Совета СССР и верховных советов союзных республик, а также от значительных материальных подачек населению в связи с юбилеем. Показательно высказывание Хрущева: «Не надо напрягать — что мы что-то, какие-то блага [можем] дать». Не было пока речи и о масштабных празднествах с приглашением многочисленных иностранных гостей. Упор был сделан на пропаганду, и в частности на выпуск книг, отражающих достижения страны за прошедшие 40 лет. Решено было также заранее подготовить обращение от ЦК КПСС, Совмина СССР и ЦК ВЛКСМ к народу, в котором подводились бы итоги пройденного пути и ставились новые задачи. Постановление ЦК КПСС «О под-

В основе статьи лежит выступление на круглом столе «Революционные процессы 1917 г. и их последствия для славянства (войны, миграции, образование государств)», состоявшемся в Институте славяноведения РАН в сентябре 2017 г.

готовке к празднованию 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции» было принято в окончательном виде 15 марта, а 17 марта опубликовано в центральной прессе. Впоследствии решение было пересмотрено в одном из существенных своих пунктов — в том, который касался созыва юбилейной сессии Верховного Совета СССР и присутствия на ней иностранных гостей. Эта сессия состоялась, и 6 ноября 1957 г. Н. С. Хрущев в присутствии зарубежных делегаций произнес на ней доклад «Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции». Это было первое программное выступление советского лидера, полностью транслированное по телевидению в прямом эфире.

Начиная с февраля 1957 г. параллельно с вопросом о праздновании юбилея Октябрьской революции (и вплоть до лета 1957 г. совершенно независимо от него) на заседаниях Президиума ЦК КПСС рассматривался и вопрос о проведении широкого совещания компартий, призванного обсудить целый ряд накопившихся проблем, актуальных для мирового коммунистического движения в свете XX съезда КПСС и венгерских событий осени 1956 г.

Явная неудовлетворенность руководства КПСС низкой эффективностью прежних форм сотрудничества компартий привела к роспуску в апреле 1956 г. Информационного бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформа), причем отказ от этого малоэффективного, отжившего свой век механизма осуществления советского влияния на компартии других стран явился одновременно и жестом доброй воли в адрес титовской Югославии, призванным способствовать окончательному преодолению последствий конфликта 1948 г. и ее дальнейшему сближению с СССР². Важно заметить, что возвращение Югославии в орбиту советского влияния и более тесное приведение Союза коммунистов Югославии (СКЮ) к общей линии мирового коммунистического движения весной 1956 г. рассматривалось в качестве одной из приоритетных задач советской внешней политики³.

С прекращением деятельности Коминформа встал вопрос о новых, призванных прийти ему на смену и в полной мере отвечающих духу XX съезда КПСС, формах контактов и взаимодействия компартий (и прежде всего компартий социалистических стран). Он обсуждался на состоявшемся 22–23 июня 1956 г. в Москве рабочем совещании руководителей компартий стран советского блока⁴. По мнению руководства КПСС, поддержанному и другими партиями, оптимальной формой контактов могли бы стать «периодически созываемые совещания представителей партий социалистических стран»,

они могли бы созываться «по инициативе партий, желающих внести на коллективное обсуждение интересующие их вопросы в целях обмена мнениями, обобщения имеющегося опыта и согласования мероприятий по координации действий соответствующих партий по этим вопросам в дальнейшем». Что же касается места созыва совещаний, то его предполагалось определять по взаимной договоренности. Как полагали в ЦК КПСС, совещания не будут принимать обязательных для исполнения всеми партиями решений, но могут выносить согласованные всеми участниками рекомендации⁵.

В ноябре 1956 г. со стороны некоторых партий (в том числе только что образованной Венгерской социалистической рабочей партии, заменившей распавшуюся в конце октября Венгерскую партию трудящихся, а также со стороны Румынской рабочей партии) поступила инициатива проведения совещания с целью обсуждения опыта венгерских событий в свете Декларации правительства СССР от 30 октября 1956 г. об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами — обнародованного в дни венгерского восстания программно-политического документа, делавшего акцент на большем равноправии социалистических государств, связанных между собой союзническими отношениями. В начале января 1957 г. рабочее совещание ряда компартий состоялось в Будапеште, однако фактически оно свелось к обсуждению положения в Венгрии, путей урегулирования кризиса в этой стране⁶.

В январе 1957 г. СССР и ряд стран Восточной Европы посетил премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай. В ходе встреч с китайской стороны зондировалась почва относительно целесообразности проведения более масштабного совещания компартий — с участием не только китайцев, но также поляков и не входивших в советский блок югославов. Одна из задач предполагаемого совещания виделась в том, чтобы своевременно повлиять на Союз коммунистов Югославии, с которым вследствие его особой позиции во время венгерских событий осложнились отношения у КПСС, и не допустить, чтобы линия СКЮ по наиболее принципиальным вопросам слишком далеко разошлась с генеральной линией мирового коммунистического движения. Предлагая проведение совещания, компартия Китая рассчитывала на укрепление собственных позиций в мировом коммунистическом движении, и не в последнюю очередь на усиление своего влияния на восточноевропейские компартии.

В свою очередь югославский лидер Й. Броз Тито, приняв эмиссаров КПК, дал принципиальное согласие на участие СКЮ в инициации

емом китайцами совещании, подчеркнув в то же время, что не следует связывать братские партии принятием обязательных для всех решений⁷. В Москве в это время существовало мнение о том, что не стоит «проявлять форсирование» совещания, лучше вначале встретиться с югославами «один на один», причем «большую заинтересованность не проявлять», ждать встречных шагов с югославской стороны⁸. После того как к началу лета со стороны руководства СКЮ, опасавшегося эскалации конфликта с КПСС по сценарию 1948 г.⁹, такие шаги действительно последовали, теперь уже не китайская, а советская сторона решила «проявить инициативу по вопросу созыва совещания руководителей партий социалистических стран» с участием Югославии¹⁰.

К концу июня изменился политический климат в Москве — закончилась неудачей попытка отстранить Н. С. Хрущева от власти. Произошедшее вследствие этого удаление из партийного руководства В. М. Молотова (всегда скептически относившегося к перспективам слишком далеко идущего советско-югославского сближения) было, несомненно, фактором, благоприятно повлиявшим на готовность Тито активизировать диалог с СССР. Встреча советской и югославской делегаций на высшем уровне состоялась в «третьей стране», в Румынии, 1–2 августа 1957 г. Были предприняты небезуспешные попытки сблизить позиции по спорным вопросам, выражена решимость и дальше работать над устранением препятствий, затрудняющих развитие двусторонних отношений. Москва заверила Белград в отсутствии намерений использовать дело И. Надя для раздувания антиюгославской кампании (а несколько позже настояла на том, чтобы венгерское руководство не проводило судебный процесс до предполагаемого совещания компартий с участием югославы). Руководство СКЮ в принципе выразило готовность принять участие в совещании компартий социалистических стран — приглашение придавало югославам уверенности в том, что повторения ситуации 1948–1949 гг., т. е. разрыва с советским лагерем, не будет.

Учитывая международный авторитет маршала Тито и популярность югославской модели среди коммунистов многих стран, бойкот совещания со стороны югославы мог быть воспринят в мире как проявление схизмы, угрожающей единству коммунистического движения, а само проведение совещания в этих условиях показалось бы многим несвоевременным. Напротив, их готовность участвовать означала, что никакой схизмы нет и раскола не будет. Узнав о позиции СКЮ, все компартии высказались за проведение многосторонней встречи. Таким образом, именно после августовских бесед Хрущева и

Тито вопрос о проведении в ноябре совещания был в принципе решен и могла начаться подготовительная работа, в первую очередь над проектом итоговой декларации, который предстояло обсудить в процессе межпартийной переписки разных партий. Решение же вопроса о месте и времени проведения совещания теперь напрашивалось само собой в связи с наступающим 40-летним юбилеем Октябрьской революции в России.

Но во второй половине октября советско-югославские отношения снова несколько осложнились. Ознакомившись с посланным из Москвы 12 октября проектом итоговой декларации предстоящего совещания компартий социалистических стран, югославские лидеры через посетивших Белград советских партийных функционеров Б. Н. Пономарева и Ю. В. Андропова дали понять, что не согласны с некоторыми положениями документа и не хотят его подписывать, поскольку их подпись может создать во всем мире ложное впечатление о пересмотре Югославией своей внешнеполитической концепции, ее отказе от политики нейтралитета и вхождении в советский блок¹¹.

Не желая связывать себя подписанием каких-либо заявлений от имени социалистического блока, югославы вместе с тем совсем не хотели снова оказаться в положении изгоев, как это произошло в 1948 г. Они дали принципиальное согласие приехать в Москву в дни празднования 40-летнего юбилея Октябрьской революции для участия не только в юбилейных торжествах, но и во встречах с представителями братских партий всего мира. Тито в знак своей доброй воли счел целесообразным публично высказаться перед советской аудиторией о всемирно-историческом значении Октябрьской революции в России. Его интервью журналисту Г. Боровику было опубликовано в журнале «Огонек» 3 ноября. Впрочем, в конце октября настроение югославского маршала было омрачено вестью, пришедшей из Москвы, — маршал Г. К. Жуков, только что принятый в Белграде со всеми подобающими столь уважаемому полководцу почестями, был неожиданно снят с поста министра обороны СССР, а затем выведен из Президиума ЦК КПСС с обвинением в ущемлении роли партии в Вооруженных силах. Отстранение Жукова разом обесценило значение всех его бесед с югославскими лидерами, в ходе которых обсуждался широкий круг вопросов. Тито не мог не воспринять как личное унижение тот факт, что он не был заранее проинформирован о готовящемся отстранении Жукова и соответственно принимал его как одного из влиятельнейших советских лидеров. Ссылаясь на болезнь, он отказался от запланированного приезда в Москву на юбилейные торжества, передоверив

Э. Карделю руководство югославской делегацией. Наряду с «делом Жукова» сыграло роль и нежелание демонстрировать миру чрезмерную близость Югославии с советским блоком. Однако противопоставлять себя мировому коммунистическому движению Тито тем более не хотел, направив в Москву приветственное письмо по случаю юбилея и выступив 7 ноября в Белграде на специально организованном торжественном собрании. На юбилейной сессии Верховного совета СССР в Москве присутствовал и выступал главный идеолог СКЮ Кардель. А в самый канун совещания компартий социалистических стран, состоявшегося 14–16 ноября, югославы (вопреки своим прежним обещаниям) отказались от участия в этом узком совещании, согласившись вместе с тем участвовать в запланированном на последующие дни совещании представителей всех 68 коммунистических и рабочих партий, приглашенных в Москву. Их отказ вызвал негодование Хрущева. Он попытался безуспешно надавить на представителей СКЮ, а затем призвал другие партии подвергнуть югославскую делегацию остракизму¹². Так и не подписав Декларации компартий социалистических стран, принятой под сильным давлением китайской компартии и довольно жесткой по некоторым своим формулировкам, югославы по сути отвергли уже не первую из предпринятых начиная с 1955 г. попыток вовлечь их в советский блок. В то же время делегация СКЮ подписала другой программный документ мирового коммунистического движения — Манифест мира, опубликованный от имени представителей всех приехавших на торжества в Москву компартий.

Московские ноябрьские совещания прошли под знаком усиления китайского влияния в коммунистическом движении. В выступлениях Мао Цзэдуна, в это время во второй и последний раз посетившего Москву¹³, проявился специфический китайский подход к ключевым проблемам международных отношений, содержащий в себе зародыши будущих острых споров с КПСС. Достаточно напомнить его тезис о том, что в случае возникновения атомной войны «в крайнем случае погибнет половина людей, но останется еще другая половина, зато империализм будет стерт с лица земли и весь мир станет социалистическим»¹⁴. Жесткие формулировки, предложенные КПК, были оставлены в окончательном тексте итоговой Декларации и после долгих дискуссий на рабочих совещаниях редакционной комиссии¹⁵. Речь идет среди прочего о фразе об агрессивных кругах США как «злейших врагах народных масс», которые «сами себе готовят гибель»¹⁶. На московском совещании Мао с удовлетворением говорил о том, что принятая декларация не содержит «элементов ревизионизма

или оппортунизма», и пошел на явную уступку, согласившись с включением в ее текст тезиса о значении XX съезда КПСС, решения которого положили начало новому этапу в коммунистическом движении. Впоследствии, в условиях резкого ухудшения отношений двух великих коммунистических держав, он пытался доказать, что советская сторона в ноябре 1957 г. настояла на отражении в тексте итогового документа совещания определенных ревизионистских установок XX съезда¹⁷. С другой стороны, некоторые положения Мао, прозвучавшие из его уст на ноябрьских совещаниях (например, об американском империализме как «бумажном тигре»), будучи молчаливо воспринятыми в 1957 г., позже послужили объектом полемики со стороны КПСС — руководство КПК критиковалось за авантюризм в оценке международного положения, затушевывание катастрофической опасности ядерной войны¹⁸. При всей декларативной готовности Мао признать за КПСС право на ведущую роль в коммунистическом движении, его заметная активность на обоих (широком и узком) совещаниях и выраженные претензии на роль главного живущего теоретика и толкователя марксизма-ленинизма отражали объективное усиление позиций КПК в мировом коммунистическом движении.

В тексте декларации было сохранено и положение о том, что ревизионизм как международное течение представляет собой главную опасность для мирового рабочего движения (при этом содержалась ссылка на опыт венгерских событий). В то же время под влиянием позиций ПОРП и итальянской компартии (лидер ИКП П. Тольятти как самый авторитетный деятель западного коммунистического движения был приглашен к участию в работе над текстом Декларации компартий соцстран) в итоговый документ был включен тезис о том, что каждая партия сама вправе решать, что для нее в настоящий момент (сектантство или догматизм) является главной опасностью.

Когда речь заходила об СССР и его ведущей роли, советская сторона не проявляла активности, напротив, неоднократно выступала с заверениями о том, что КПСС не претендует на руководящие позиции и ни на кого не собирается давить. Незадолго до совещания, 4 октября 1957 г., Советский Союз запустил спутник, ставший главной сенсацией года, а еще до этого, в августе, провел успешное испытание межконтинентальных ракет, что ознаменовало собой достижение им временного военного превосходства над США. В свете этих событий советская сторона менее всего нуждалась в том, чтобы нарочито напоминать о своей силе и роли, играемой на международной арене. Уверенность СССР, КПСС и мирового коммунистического движения

в своих силах — таков был главный лейтмотив выступления представителя КПСС М. А. Суслова на широком совещании¹⁹.

При всей жесткости критики американского империализма, а также ревизионизма как «главной опасности» для мирового коммунистического движения, Декларация Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран (Москва, 14–16 ноября 1957 г.)²⁰ и развивавшее ее основные положения выступление М. Суслова на широком совещании компартий 16 ноября подтвердили принципиальные установки XX съезда КПСС о мирном сосуществовании и возможности предотвращения войн в современную эпоху, о многообразии форм, методов и темпов перехода к социализму и предпочтительности мирного пути, о необходимости сотрудничества с социалистическими партиями в борьбе за мир и единства действий со всеми прогрессивными силами (в том числе патриотической буржуазией развивающихся стран) в борьбе с империализмом. Были оставлены в силе также важнейшие положения Декларации правительства СССР от 30 октября 1956 г. об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами — о том, что отношения между соцстранами строятся на принципах равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела. Опыт венгерских событий не дал оснований пересматривать справедливость всех этих положений (и шире — стратегию XX съезда) и вместе с тем заставил составителей декларации сделать немаловажное добавление о том, что вышеназванные принципы не исчерпывают всей сущности отношений между социалистическими странами; неотъемлемой частью их взаимоотношений является братская взаимопомощь, в которой находит свое действенное проявление принцип пролетарского интернационализма. Западные комментаторы вместе с тем не могли пройти мимо более резких в сравнении с XX съездом КПСС формулировок в отношении сил, оппонирующих мировому коммунизму, что со стороны КПСС было, безусловно, данью компромиссу с КПК.

Итоговый документ совещания компартий социалистических стран констатировал сплоченность «братских партий», единство взглядов по наиболее принципиальным вопросам. Какой-либо новый координирующий механизм, заставляющий вспомнить о временах Коминтерна и Коминформа, не был создан, отчасти вследствие жесткой оппозиции самой этой идее со стороны влиятельного П. Тольятти и настроенного отношения к ней многих коммунистических лидеров,

приехавших в Москву. Не было предложено конкретных институтов осуществления межпартийного сотрудничества, помимо создания международного журнала «Проблемы мира и социализма» (первый номер вышел в Праге в сентябре 1958 г.).

Прошедшие под знаком единства московские совещания компартий (ноябрь 1957 г.) в целом свидетельствовали о том, что к 40-летию Октябрьской революции в России мировое коммунистическое движение преодолело временные трудности, порожденные XX съездом КПСС, возникшие вследствие необходимости разоблачения Сталина и публичного отмежевания от его методов и только усугубившиеся в результате венгерских событий. Выход мирового коммунизма из кризиса в немалой мере был связан со значительным ростом военно-политической мощи СССР, что проявилось в запуске спутника и испытании межконтинентальных ракет. В Москве путем взаимных уступок удалось достичь компромисса между КПСС и КПК, избежать публичного проявления разногласий, чреватого расколом, хотя различие позиций, обнаружившееся на совещании, предвещало последующее довольно скорое расхождение компартий двух больших коммунистических держав. Явной неудачей закончилась только новая, очередная попытка хрущевского руководства теснее привязать к СССР режим Тито в Югославии. Весной 1958 г., с принятием новой программы СКЮ, была развязана антиюгославская кампания, впрочем, далеко не достигшая остроты конца 1940-х — начала 1950-х годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Отв. ред. академик А. А. Фурсенко. М., 2003. С. 229–230.

2 См.: *Стыкалин А. С.* XX съезд КПСС и роспуск Коминформа // Вопросы истории. 2016. № 10. С. 3–19. В конце 1940-х — начале 1950-х годов Коминформ был одним из главных инструментов антиюгославской идеологической кампании, инициированной Сталиным.

3 См.: *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008. Глава IV.

4 См. документы: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. Постановления. 1954–1958. М., 2006. С. 338–347.

5 Там же. С. 346–347.

6 Новое руководство Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) во главе с В. Гомулкой, в это время не пользовавшееся полным доверием руководства КПСС, не было приглашено к участию в совещании.

7 Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 14. Д. 99. Л. 26.

8 Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 224.

9 В качестве симптомов начала такой эскалации воспринимались проявившаяся в некоторых публичных выступлениях советских лидеров критика позиции СКЮ в ходе венгерского восстания, а также начало судебного расследования дела бывшего премьер-министра Венгрии Имре Надя в связи с выдвинутыми против него обвинениями в сознательном подрыве основ государственного строя. В Белграде резонно опасались, что дело Надя может сыграть ту же роль катализатора в обострении советско-югославского конфликта, какую сыграло в 1949 г. судебное дело другого видного венгерского коммуниста, Ласло Райка.

10 Запись от 31 мая 1957 г. См.: Президиум ЦК КПСС. Т. 1. С. 256.

11 См.: *Стыкалин А. С.* Секретная миссия Ю. В. Андропова и Б. Н. Пономарева в Белград в октябре 1957 г. (к истории подготовки большого московского совещания компартий) // *Славянский альманах*. 2015. № 3–4. С. 430–448. Неблагоприятным для Белграда внешним фоном встреч советских эмиссаров с югославскими лидерами стал разрыв дипломатических отношений ФРГ с Югославией вследствие признания последней ГДР (это произошло в соответствии с так называемой доктриной Хальштейна, определявшей в это время внешнюю политику Западной Германии: право поддерживать дипломатические отношения сразу с двумя германскими государствами было признано Бонном только за СССР, о чем советские лидеры договорились с канцлером К. Аденауэром, посетившим Москву в сентябре 1955 г.).

12 См.: *Стыкалин А. С.* Большие московские совещания компартий в ноябре 1957 г. и Союз коммунистов Югославии // *Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812–1912–2012* / Отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2014. С. 265–311.

13 Первый его приезд состоялся в конце 1949 — начале 1950 г. и совпал с торжествами по случаю 70-летия Сталина.

14 Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати / Перев. с китайского. Вып. 2 (июль 1957 — декабрь 1958 г.). М., 1975. С. 94.

15 Материалы узкого и широкого ноябрьских совещаний компартий см.: *Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.)*. М., 2013.

16 Правда. 1957. 22 ноября.

17 См.: Кулик Б. Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия. М., 2000. С. 212.

18 См. заявления советского правительства (Правда. 1963. 4 августа; 21 августа; 21–22 сентября).

19 См.: Сулов М. А. Марксизм-ленинизм и современная эпоха. Избранные речи и статьи в 3-х томах. Т. 1. М., 1982. С. 267–295.

20 Правда. 1957. 22 ноября.

A. S. Stykalin

How the world Communist movement celebrated
the 40-th anniversary of the October Revolution in Russia.

On the history of November meetings of the communist parties in 1957

The article focuses on the international conferences of the communist Parties that took place in Moscow in the days of the 40th anniversary of the October Revolution in Russia. They proved that by November 1957 the world communist movement as a whole had overcome the temporary difficulties caused by the 20th Congress of the CPSU and the Hungarian Revolution of the autumn of 1956.

Keywords: *The 20th Congress of the CPSU, the Hungarian crisis of 1956, the world communist movement, Khrushchev, Mao Zedong, Tito.*

О. А. Барбанов
(Москва)

Формы экономической экспансии на постюгославском пространстве: от санкций к донорской помощи (1991–2008)

В статье рассматриваются формы экономического давления международного сообщества на Союзную Республику Югославию (затем на ее преемницу Сербию), а также Республику Сербскую в Боснии и Герцеговине в период Югославского кризиса. Показана ведущая роль США в разрушении санкциями сербской экономики и подрыве национальной экономической безопасности страны, а также определяющая роль стран Европейского союза в оказании донорской помощи СРЮ и БиГ. Ключевые слова: *Организация Объединенных Наций (ООН); История Европы; Европейский союз; Югославия; Союзная Республика Югославия, Сербия; Босния и Герцеговина; Югославский кризис.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.1.15

Экономическая составляющая является одной из самых малоизученных страниц истории Югославского кризиса и роли в нем внешнего фактора. Между тем, именно в экономике проявился целый ряд кризисных явлений, имеющих непосредственное отношение к вопросам иностранного вмешательства во внутренние процессы в постюгославских странах.

Наиболее очевидной формой внешнего давления в экономике в ходе Югославского кризиса стал жесткий режим экономических санкций ООН и западных стран по отношению как к Республике Сербской, так и к СРЮ. О них писали В. К. Волков¹, Е. Ю. Гуськова², К. В. Никифоров³ и другие исследователи.

Первоначально ограничения касались лишь военной сферы. Резолюцией Совета безопасности ООН от 25 сентября 1991 г. санкции начались с введения эмбарго «на все поставки оружия и военного снаряжения в Югославию»⁴.

Экономические санкции, не связанные с военной сферой, были инициированы Европейским экономическим сообществом. В начале ноября 1991 г. министры стран ЕЭС приняли решение о санкциях. Уже 4 декабря Германия прервала транспортные связи с СФРЮ⁵.

Следующий этап усиления санкционного давления относится к 1992 г. В. К. Волков писал: «Различия по отношению к участникам конфликта окончательно сформировались весной 1992 г.»: на СРЮ «была возложена ответственность за этнические конфликты в Боснии и Герцеговине»⁶ и введены экономические санкции уже со стороны международного сообщества. С 30 мая СБ ООН были запрещены воздушное сообщение, импорт «всех товаров и продукции, произведенных в Союзной Республике Югославии (Сербия и Черногория)»⁷, и экспорт туда товаров. Исключения представляли медикаменты и продукты питания, для поставки которых требовалось уведомить об этом Комитет Совета Безопасности ООН⁸, созданный специально для контроля над эмбарго и экономическими санкциями. Санкции «поставили СРЮ в положение “мальчика для битья”, а против сербского народа ввели на деле принцип коллективной ответственности»⁹.

СБ ООН были заморожены финансовые счета СРЮ за границей, наложены ограничения на инвестирование в югославскую экономику и запрещены денежные переводы и предоставление экономических ресурсов властям и предприятиям Югославии. Исключения были сделаны опять только для медицинских, гуманитарных целей и продуктов питания¹⁰.

Для полной изоляции Югославии необходимо было перекрыть все торговые пути. 16 ноября 1992 г. по резолюции СБ ООН № 787 была запрещена транзитная перевозка через СРЮ нефти, угля, металлов и т. д.¹¹

Последующие санкции СБ ООН 17 апреля 1993 г. касались Боснии и Герцеговины, но затронули лишь боснийских сербов¹². 23 сентября 1994 г. СБ ООН установил запрет на действие предприятий на территории любых государств, если они принадлежали Боснии, и на территории, подконтрольной боснийским сербам¹³. Санкции были приостановлены СБ ООН 22 ноября 1995 г.¹⁴ в связи с принятием Дейтонских соглашений, которые должны были положить конец войне в БиГ.

Вышеперечисленные санкции, примененные международным сообществом и отдельными странами в ходе войны в Боснии (1992–1995), — пожалуй, самые тяжелые, которые вводились по отношению к какой-либо стране (и какому-либо народу). Окончательно они были отменены только в октябре 1996 г., через 10 дней после официального объявления результатов первых послевоенных выборов в Боснии и Герцеговине. Именно тогда Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1074 об отмене продолжавшихся 52 месяца

антисербских санкций. Правда, осталась так называемая «внешняя стена» санкций. США отказались включить в резолюцию пункт, предусматривавший автоматическое восстановление членства Союзной Республики Югославии в ООН и других международных организациях. США также воспрепятствовали налаживанию связей СРЮ с Международным валютным фондом, Всемирным банком и другими финансовыми институтами. Оставались замороженными авуары экс-Югославии в западных банках¹⁵. Санкции оказали катастрофическое влияние на югославскую экономику¹⁶, к 2011 г. ущерб составил 147 млрд долл.¹⁷

Следующий виток санкционного давления на Югославию отнесился уже к концу 1990-х годов и был связан с положением дел в Косове и Метохии.

Весной 1998 г. США призвали мировое сообщество к возобновлению санкций против Югославии. Эти меры касались финансирования кредитов для торговли и инвестиций и участия в приватизации предприятий.

Страны — члены Евросоюза поддерживали США. Однако это не мешало, например, итальянцам принимать участие в приватизации югославской телефонной системы¹⁸, то есть конкретный экономический интерес был в данном случае важнее.

Тем не менее, в марте 1998 г. Совет министров ЕС согласовал комплекс мер давления на Белград, в том числе эмбарго на поставки оружия, оборудования, которое могло быть использовано для «внутренних репрессий» или «терроризма», мораторий на кредиты, а также запрет на выдачу въездных виз для ряда сербских чиновников, отвечавших за безопасность в Косове¹⁹. Одновременно санкции в отношении Югославии приняло и международное сообщество в лице СБ ООН, который вновь ввел эмбарго на поставку оружия²⁰.

Несмотря на призывы представителей НАТО к дальнейшему усилению санкционной политики, их инициативы не прошли через Совбез ООН. Это стало возможным во многом благодаря твердой позиции, которую заняла по этому вопросу Россия²¹.

Это, впрочем, не помешало США и ЕС наложить на Югославию свои собственные санкции. Первым их ввел Вашингтон. 9 июня 1998 г. указом № 13088 президент Б. Клинтон заморозил право собственности правительства СРЮ на имущество, находившееся в Соединенных Штатах, и наложил запрет на американские инвестиции в экономику Сербии²². Следом и в государствах — членах ЕС в июне 1998 г. были заморожены активы, принадлежавшие югославскому

правительству²³. С 24 июля 1998 г.²⁴ вступил в силу запрет на инвестиции в СРЮ²⁵.

Следующим этапом стали отраслевые ограничения. Так, 7 сентября 1998 г. ЕС запретил полеты в аэропорты стран ЕС югославской авиакомпании JAT²⁶.

29 апреля 1999 г. был введен запрет на экспорт нефти и нефтепродуктов в Югославию странами — членами ЕС²⁷. Однако тем же Евросоюзом была утверждена программа «Энергия за демократию», которая начала действовать с 23 ноября 1999 г. В соответствии с ней отдельные муниципалитеты (города) Сербии, находившиеся под управлением оппозиции, получали топливо из Европы в обход европейских же санкций²⁸. Это позиционировалось как программа партнерства для поддержки местного населения.

Эта политика двойных стандартов была направлена, с одной стороны, на экономическую дестабилизацию Югославии, а с другой — на подрыв безопасности суверенного государства путем вмешательства в политические процессы внутри страны.

30 апреля 1999 г. указом американского президента № 13121 были запрещены экспортно-импортные операции между США и СРЮ²⁹. Затем был наложен запрет на выдачу американских виз высшим правительственным чиновникам СРЮ и Сербии, а также военным, которых США обвиняли участия в репрессиях против мирного населения в Косове.

Евросоюз в 1999 г. ввел запреты на кредитование частного сектора югославской экономики и конкретизировал механизмы прекращения инвестирования в нее со стороны ЕС³⁰.

Одновременно ЕС пытался повлиять на югославское общество, применяя политику двойных стандартов. В июле 1999 г. ЕС снял санкции с Черногории и Косова (находившегося под внешним управлением ООН)³¹. В апреле 2000 г. Евросоюз сформировал перечень компаний, считавшихся независимыми от «режима Милошевича», с которыми можно было вести торговые операции³².

ЕС формировал недовольство у населения руководством страны, способствовал возникновению чувства дифференциации, например у черногорцев при сравнении ими своего «привилегированного» положения с сербами.

После произошедшей в Белграде «бульдозерной революции» и свержения С. Милошевича уже через месяц — 10 ноября 2000 г. — Евросоюз отменил большую часть экономических санкций, за исключением тех, что касались лично Милошевича и его окружения³³. Окончательно санкции ООН были сняты лишь 10 сентября 2001 г.³⁴

Позже всего — указом Президента США Дж. Буша № 13304 от 28 мая 2003 г. — были отменены американские санкции³⁵.

Подводя итоги рассмотрению санкционного давления на Югославию в разрезе изучения факторов внешнего влияния, можно отметить следующее. Исследователь С. А. Афонцев «негативное влияние политики зарубежных государств» и «внешние экономические санкции с целью оказания политического давления»³⁶ отнес к экзогенным угрозам экономической безопасности и устойчивости национальных экономических систем. Режим санкций привел, как писал В. К. Волков, к «дискриминации СРЮ на международной арене»³⁷. Итак, очевидно, что санкции, введенные ООН, США и Евросоюзом по отношению к СРЮ, несли прямые и непосредственные угрозы экономической безопасности югославского государства и фактически способствовали разрушению экономики страны, переживавшей переходный период, и спровоцировали резкое ухудшение жизни населения.

С 1991 по 1994 г. ВВП на душу населения в Югославии сократился с 2,8 тыс. долл. до 1,4 тыс. долл. В 1998 г. наметился незначительный рост до 1,9 тыс. долл., но в 1999 г. снова произошло снижение до 1,45 тыс. долл.³⁸ Безусловно, это связано, в том числе, с обострением межнациональных конфликтов и боевыми действиями. Однако основной причиной все-таки было введение (и приостановление в середине 1990-х годов) экономических санкций ООН и других международных организаций.

Еще одной проблемой стал фантастический рост инфляции, которая продолжалась почти два года (22 месяца) — с 1992 по 1994 г.³⁹ В 1993 г. «была зафиксирована вторая по величине инфляция в мировой экономической истории — [...] 746%»⁴⁰. Из-за санкций росла доля теневой экономики. В 1993 г. она составила 50% ВВП, что приводило к обогащению отдельной небольшой группы людей⁴¹.

Как следствие, в стране резко упала средняя заработная плата. Она снизилась с 430 долл. в 1989 г. до 118 долл. в 1999 г., в 3,6 раза, а стоимость потребительской корзины составляла 3,8 средних зарплат⁴². С 18% до 33% выросла безработица, среди женщин она достигла в 1998 г. 56%. В 1993 г. за чертой бедности находилось 39% населения СРЮ⁴³.

После событий 2000 г. в Белграде внешнее вмешательство в кризисные процессы на Балканах со стороны западных акторов сохранилось, приобретая новые, с одной стороны более мягкие, с другой — возможно, еще более эффективные, чем собственно санкции, формы. Наиболее очевидной формой такого международного давления стало выделение донорской помощи.

Выход из экономической изоляции способствовал обращению Белграда к отдельным странам и международным институтам за финансовой помощью, «без которой восстановление страны было невозможным»⁴⁴.

Страны Евросоюза «выразили готовность предоставить Югославии пакет помощи на сумму порядка 2 млрд долл. В частности, Германия заявила о выделении 870 тыс. долл. для расчистки русла Дуная. До 2006 г. Югославия может получить помощь в размере около 4 млрд долл.». При этом для сравнения эксперт сообщал, что «Босния, которая уступает Югославии по численности населения в 2,5 раза, за период с 1996 по 2000 гг. уже получила иностранную помощь в размере 5 млрд долл.»⁴⁵. В дальнейшем размер помощи Югославии пересматривался в пользу ее увеличения.

К 2003 г. Белград использовал полученные от донорской помощи и в виде льготных кредитов средства в размере 1,3 млрд евро. При этом для Сербии и Черногории была одобрена помощь в 5,3 млрд евро (включая 2004 г.), из них 4,75 млрд евро — льготные кредиты и 550 млн евро — гуманитарная помощь⁴⁶.

По разным данным, безвозмездная помощь Сербии в 2000 г. составила около 170 млн евро, в 2001 г. — 877 (868) млн евро, в 2002 г. — 735 (726) млн евро, в 2003 г. — 694 (686) млн евро, в 2004 г. — 454 (450) млн евро, в 2005 г. — 652 (712) млн евро⁴⁷.

В донорской помощи Балканам активно участвовали США. Как заявил 16 февраля 2004 г. заместитель секретаря комитета по вопросам промышленности и сельского хозяйства Конгресса США А. Ларсон в ходе своего визита в Белград, с 2001 г. Вашингтон уже вложил в Сербию и Черногорию 622 млн долл., из них 123 млн долл. — на проведение реформ⁴⁸.

По данным американских исследователей, Сербия и Черногория занимала 9-е место в списке стран, которым США оказывали экономическую помощь в период с 1995 по 2004 г. Ежегодно на балканское государство тратилось чуть менее 168 млн долл. Однако другим странам выделялось значительно больше средств. Так, на помощь Ираку США отдавали более 1 млрд долл. в год⁴⁹.

При этом Вашингтон использовал затруднительное экономическое положение Белграда и его зависимость от иностранной донорской помощи для выдвижения дополнительных политических требований. Так, в 2001 г. администрация президента Дж. Буша озвучила фактически обязательное для Сербии условие о выдаче С. Милошевича Гаагскому трибуналу⁵⁰. Американские авторы отмечали, что еще

с плана Маршалла «использование иностранной помощи в качестве инструмента для продвижения национальной безопасности было движущей силой во внешней политике США»⁵¹.

В итоге, как подчеркивал К. В. Никифоров, «за “голову” Милошевича Югославии было обещано более 1 млрд. долларов финансовой помощи, однако вместо денег его выдача спровоцировала первый внутренний кризис в новом демократическом руководстве»⁵².

Факт выдачи Милошевича ярко проиллюстрировал использование западными акторами по отношению к Балканам еще одного метода экономического воздействия — оказание донорской помощи, которая зачастую была обусловлена политическим шантажом.

Несмотря на значительные средства, выделявшиеся США, основным донором для постюгославских государств в 2000-е годы стали страны ЕС. По данным сербской статистики, с 2005 по 2007 г. значительные средства поступали от Европейского Банка Реконструкции и Развития (European Bank for Reconstruction and Development. ЕБРР), Европейского Инвестиционного Банка (European Investment Bank. ЕИБ), Всемирного Банка (World Bank) и др.⁵³

ЕС оказывал помощь и посредством специальных программ. С 2001 г. для Сербии и Черногории, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Македонии и Албании действовала программа помощи — Помощь Сообщества реконструкции, развитию и стабилизации на Балканах (CARDS — Community Assistance for Reconstruction, Development and Stability in the Balkans. КАРДЗ). Она была направлена на подготовку этих стран к присоединению к ЕС⁵⁴.

Всего в период с 2000 по 2011 г. ЕС выделил Белграду 6,5 млрд евро. Представляется важным рассмотреть структуру финансовых средств, которые были выделены Сербии. Это были гуманитарная помощь, льготные кредиты и безвозмездная помощь (не подлежащие возмещению гранты)⁵⁵. Основные средства выделялись в качестве льготных кредитов и безвозмездных грантов. Льготные кредиты выдавались Евросоюзом через ЕИБ и ЕБРР. Соотношение кредитов и безвозмездной помощи было примерно равное — по 3,2 млрд евро⁵⁶.

Таким образом, можно констатировать, что донорская помощь Сербии осуществлялась как международными финансовыми институтами, так и отдельными странами. Значительную (но не определяющую) роль в оказании экономической поддержки сыграли США. Основным донором всегда был ЕС.

Льготные кредиты, как и любые другие, увеличивали долг государства перед внешними кредиторами. В начале XXI в. долг Юго-

славии существенно увеличился. В 2003 г. «одна треть совокупного внешнего долга Сербии и Черногории»⁵⁷ приходилась в первую очередь на МВФ, МБРР, Европейский банк реконструкции и развития. За 2006 г. внешняя задолженность Сербии выросла на 27% в долларовом эквиваленте. Всего государственный долг Сербии на конец 2006 г. составил 24,9 млрд долл., при этом от общей суммы задолженности на внутренний долг приходилось 5,3 млрд долл. (21,2%), а на внешний — 19,6 млрд долл. (78,7%). Наиболее значительные объемы внешней задолженности составляли обязательства перед Парижским клубом кредиторов, Мировым банком и Лондонским клубом кредиторов⁵⁸.

На погашение внешних кредитов «за неимением иных способов покрытия дефицита бюджета и обеспечения выплат по внешнему долгу руководством страны было принято решение о приватизации государственных компаний»⁵⁹ — то есть крупнейших предприятий, зачастую являвшихся стратегически важными для государства. Доходы от приватизации позволили Сербии уже в течение 2006–2007 гг. досрочно погасить кредит МВФ⁶⁰.

Аналогичной была ситуация и для других постюгославских государств, например в Боснии и Герцеговине, где «внешняя задолженность рассчитана таким образом, что выделенные средства сначала идут на погашение процентов по долгу, а затем на непосредственные нужды». В результате, по мнению Е. Г. Пономаревой, «в существующей системе никакое чудо не позволит БиГ избавиться от статуса государства-должника»⁶¹.

Академик и видный государственный деятель России Е. М. Примаков писал, что «за спиной» МВФ «незримо стояли те же Соединенные Штаты», которые, к тому же, являлись «главным акционером МВФ»⁶².

Действительно, США являлись самым крупным акционером МВФ (около 18%)⁶³. В докладе, подготовленном для Конгресса США экспертом по международной торговле и финансам М. Вейссом, отмечается, что несмотря на то, что изменения в операциях МВФ не могут быть проведены напрямую посредством законодательства США, американская элита нашла действенный способ проводить свою политику в жизнь в этой международной организации при помощи так называемой системы «the voice and the vote». Она работает следующим образом: поправки к законам США, принятые Конгрессом, направляются в виде инструкций для американских представителей в МВФ, которые традиционно занимают значительное количество руководящих постов в этой международной финансовой организации, что обеспечивает их постепенное внедрение в документы и практику уже самого фонда⁶⁴.

При этом исследователи отмечали, что и сам МВФ использовал подвластные ему финансовые рычаги давления для вмешательства во внутренние дела других государств. Так, Е. М. Примаков описывал ситуацию, когда Америка пыталась повлиять через МВФ на внешнюю политику России, в том числе и по вопросу косовского урегулирования⁶⁵. Кроме того, российский государственный деятель привел интервью директора-распорядителя МВФ М. Камдессю газете «Монд» от 27 октября 1998 г., в котором последний отмечал, что «международные финансовые институты типа МВФ и Всемирного банка призваны принимать решения, которые выходят за рамки чисто финансовой области и непосредственно касаются жизни общества»⁶⁶.

Так, реформа государственной финансовой системы и приватизация банков в Боснии и Герцеговине проводилась «под жестким контролем МВФ»⁶⁷.

Пристальное внимание МВФ было обращено и к Сербии. В апреле 2007 г. банк рекомендовал ей продолжить структурные реформы и провести переоценку государственных расходов и сокращение дефицита бюджета, продолжить приватизацию и процедуры банкротств госпредприятий⁶⁸.

В «Стратегии USAID для Сербии» сообщалось, что при проведении приватизации все торги должны проводиться при содействии специалистов, одобренных американским Агентством по международному развитию⁶⁹, то есть органом власти другого государства — США. Следовательно, мы можем говорить о выявлении очередного административно-экономического механизма, являвшегося формой прямого внешнего вмешательства со стороны Соединенных Штатов.

Западные страны использовали инвестиционную политику на Балканах в целях продвижения своих интересов. При этом «политическое руководство Сербии оказывает всестороннюю поддержку экспансии в республику западноевропейского капитала. В свою очередь, Евросоюз всячески старается не допустить проникновения “чужих” инвестиций в страны, в которых видит свой потенциальный интерес». Об этом свидетельствовали результаты саммита ЕС в Брюсселе в марте 2008 г., «где активно обсуждался “Проект национальных привилегий”, ограничивающий доступ в интересующие Евросоюз государства инвестиций из “нежелательных” стран. Среди таких стран ЕС особо выделяет Китай, страны Ближнего Востока и Россию»⁷⁰.

Таким образом, Брюссель стремился закрепить свой контроль над Балканами в экономической сфере, стараясь ограничить проникнове-

ние инвестиций со стороны иных глобальных акторов. Это означает, что сам ЕС рассматривал процессы своего участия в приватизации и инвестиционной деятельности на постюгославском пространстве как форму внешнего давления, метод оказания воздействия на местную управленческую элиту.

В результате мы видим парадоксальную ситуацию. Югославия, оказавшаяся после событий 1999 г. неспособной к самостоятельному восстановлению экономики, была вынуждена обратиться за помощью к тем самым странам, которые совсем недавно инициировали против нее агрессию и экономические санкции. Более того — в ходе оказания такой помощи Белград все больше попадал в орбиту экономического (и политического) влияния этих стран. Как справедливо отметил В. М. Кудров, Югославия выходила из «катастрофы с помощью той самой силы, которая туда ее и загнала»⁷¹.

Евроатлантические структуры на всем протяжении Югославского кризиса использовали метод «кнута и пряника», который заключался в том, что в течение 1990-х годов путем установления жесточайшего санкционного режима они последовательно демонтировали экономику Югославии, а затем, после смены политической элиты в Белграде, выделяли донорскую помощь и кредиты на восстановление того, что они же и разрушили — как санкциями, так и своими бомбежками в 1999 г.

Это подтверждает, во-первых, тот факт, что Западом был сформирован и использовался экономический рычаг давления на ситуацию на Балканах, и, во-вторых, своеобразную преемственность его политики в 1990-е и 2000-е годы. Конечно, установление контроля за экономической и политической жизнью балканских государств посредством решения вопроса о выделении донорской помощи — несравненно более мягкий вариант, чем режим тяжелых экономических санкций. Однако, несмотря на варьирование тактических приемов, общая стратегическая задача не менялась — оказание максимально возможного политического давления на Белград посредством использования экономических и финансовых механизмов воздействия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Волков В. К. Трагедия Югославии (1991–1995) // Славянский мир: проблемы истории и современность (Памяти В. К. Волкова): Сб. ст. М., 2006. С. 79–84; и др.

- 2 Гуськова Е. Ю. История Югославского кризиса (1990–2000). М., 2001; и др.
- 3 Никифоров К. В. Сербия на Балканах. XX век. М., 2012. С. 96–99; и др.
- 4 Резолюция СБ ООН S/RES/713(1991). URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/> (дата обращения: 25.02.2017). Резолюции СБ ООН см. по данному адресу.
- 5 Гуськова Е. Ю. История Югославского кризиса. С. 339.
- 6 Волков В. К. Трагедия Югославии... С. 79.
- 7 Резолюция СБ ООН S/RES/757(1992).
- 8 Там же.
- 9 Волков В. К. Трагедия Югославии... С. 79.
- 10 Резолюция СБ ООН S/RES/757(1992).
- 11 Резолюция СБ ООН S/RES/787(1992).
- 12 Резолюция СБ ООН S/RES/820(1993).
- 13 Резолюция СБ ООН S/RES/942(1994).
- 14 Резолюция СБ ООН S/RES/1022(1995).
- 15 Никифоров К. В. Сербия на Балканах. С. 101.
- 16 Goette J. Von Haag bis Dayton- Die international Staatengemeinschaft auf der Suche nach einer Lösung des 3. Balkankrieged (1991–1996) // Der Balkan / hg. J. Elvert. Stuttgart: Steiner, 1997. S. 234.
- 17 Пономарева Е. Г. Политическое развитие постъюгославского пространства (внутренние и внешние факторы). М., 2007. С. 181.
- 18 Erlanger S. U.S. and allies set sanctions on Yugoslavia // New York times. 1998. 10 March.
- 19 31998E0240. Документ ЕС 98/240/CFSP. URL: <http://eur-lex.europa.eu/homepage.html> (дата обращения: 09.01.2016). Документы ЕС см. по данному адресу.
- 20 Резолюция СБ ООН S/RES/1160 (1998).
- 21 Примаков Е. М. Встречи на перекрестках. М., 2015. С. 309.
- 22 Blocking Property of the Governments of the Federal Republic of Yugoslavia (Serbia and Montenegro), the Republic of Serbia, and the Republic of Montenegro, and Prohibiting New Investment in the Republic of Serbia in Response to the Situation in Kosovo: Presidential Documents. Federal Register. Vol. 63, №. 113. 1998. Friday, June 12. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/FR-1998-06-12/pdf/98-15888.pdf> (дата обращения: 09.01.2016).
- 23 31998R1295. Документ ЕС Council Regulation (EC) № 1295/98.
- 24 91998E001607. Документ ЕС Council Regulation (EC) № 1607/98.
- 25 31998E0326. Документ ЕС 98/326/CFSP.
- 26 31998R1901. Документ ЕС COUNCIL REGULATION (EC) № 1901/98.

- 27 31999R0900. Документ Council Regulation (EC) № 900/1999.
- 28 Документ ЕС MEMO/99/60. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-99-60_en.htm (дата обращения: 09.01.2016).
- 29 Blocking Property of the Governments of the Federal Republic of Yugoslavia (Serbia and Montenegro), the Republic of Serbia, and the Republic of Montenegro, and Prohibiting Trade Transactions Involving the Federal Republic of Yugoslavia (Serbia and Montenegro) in Response to the Situation in Kosovo: Presidential Documents. Federal Register. Vol. 64, №. 86. 1999. Wednesday, May 5. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/FR-1999-05-05/pdf/99-11410.pdf> (дата обращения: 09.01.2016).
- 30 31999R1294. Документ EC Council Regulation (EC) № 1294/1999.
- 31 Документ ЕС C/99/227. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_PRES-99-227_en.htm (дата обращения: 09.01.2016).
- 32 Документ ЕС Conseil/00/109. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_PRES-00-109_en.htm (дата обращения: 09.01.2016).
- 33 32000D0697. Документ ЕС 2000/697/CFSP.
- 34 Резолюция СБ ООН S/RES/1367 (2001).
- 35 2003/Presidential Documents. P. 32315–32322. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/FR-2003-05-29/pdf/03-13694.pdf> (дата обращения: 09.01.2016).
- 36 *Афонцев С. А.* Проблемы экономической безопасности России в контексте рыночной трансформации // Социально-экономическая трансформация в России. М., 2001. Вып. 131. С. 28.
- 37 *Волков В. К.* «Новый мировой порядок» и балканский кризис 90-х гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 21.
- 38 *Garfield R.* Economic Sanctions, Health, and Welfare in the Federal Republic of Yugoslavia 1990–2000. Belgrade, 2001. P. 28.
- 39 *Лобанов М. М.* «Балканский сценарий» системных реформ: особенности социально-экономического развития Сербии в 1989–2012 гг. // Экономика. Проблемы национальной стратегии. 2014. № 2 (23). С. 105.
- 40 Там же. С. 105.
- 41 Social protection and social inclusion in the republic of Serbia: Executive summary / European Commission; Directorate–General for Employment, Social Affairs and Equal Opportunities. Unit E2. Belgrade: Economics Institute, 2008. P. 1. URL: <http://www.ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=4451&langId=e> (дата обращения: 09.01.2016).
- 42 *Лобанов М. М.* «Балканский сценарий» системных реформ... С. 110.
- 43 *Garfield R.* Economic Sanctions... P. 32–33.
- 44 Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в XXI веке / под ред. Н. В. Куликовой и др. М., 2012. С. 215.

45 Кудров В. М. Югославия: прощальный экономический и статистический портрет // *Общественные науки и современность*. 2002. № 1. С. 104.

46 Деловая Сербия и Черногория. Т. 3: Экономика и связи с Россией в 2003–04 гг. М., 2004. С. 8.

47 См. Needs of Republic of Serbia for International Assistance 2011–2013. / Government of the Republic of Serbia ; European Integration Office. 2011. P. 8. URL: http://www.seio.gov.rs/upload/documents/dacu/needs_of_the_republic_of_serbia_for_International_assistance_in_the_period_2011_2013.pdf (дата обращения: 29.04.2017); Report on international assistance to the Republic of Serbia in 2007: Government of the Republic of Serbia; Ministry of Finance. Belgrade: Ministry of Finance, March 2008 Belgrade, 2008. P. 57–58. URL: http://www.seio.gov.rs/upload/documents/dacu/izvestaji_o_medjunarodnoj_pomoci/annual_report_2007.pdf. (дата обращения: 26.02.2017).

48 Деловая Сербия и Черногория. Т. 3. С. 28.

49 *Adelman C.* Foreign aid: Effectively advancing security interests // *Harvard international review*. 2007. September. P. 65.

50 Российская газета. 2001. 2 июня. № 105 (2717). URL: http://www.rg.ru/aNews/arc_2001/0602/5.shtml (дата обращения: 12.04.2017).

51 *Adelman C.* Foreign aid... P. 62.

52 *Нукифоров К. В.* Сербия на Балканах. С. 116.

53 Report on international assistance to the Republic of Serbia in 2005 : Government of the Republic of Serbia. Belgrade: Ministry of International Economic Relations, March 2006. P. 39. URL: http://www.seio.gov.rs/upload/documents/dacu/izvestaji_o_medjunarodnoj_pomoci/annual_report_2005.pdf (дата обращения: 26.02.2017); Report on international assistance to the Republic of Serbia in 2006: Government of the Republic of Serbia. Belgrade: Ministry of International Economic Belgrade, 2007. P. 60. URL: http://www.seio.gov.rs/upload/documents/dacu/izvestaji_o_medjunarodnoj_pomoci/annual_report_2006.pdf. (дата обращения: 26.02.2017) ; Report on international assistance to the Republic of Serbia in 2007... P. 57–58.

54 *Пашковская И. Г.* Европейский Союз: помощь развитию России посредством реализации программы ТАСИС и программы по демократизации и правам человека, а также оказания гуманитарной помощи / Центр евро-атлант. безопасности // *Аналитические доклады*. 2006. Вып. 8 (13). С. 19–21.

55 *Ćurković V., Mijačić D.* Impact Assessment of EU Financial Assistance to the Republic of Serbia: Time to Change? / Institute for Territorial Economic Development Belgrade: InTER, September 2012. №. 1/2012.

P. 2. URL: [https://dgap.org/sites/default/files/article_downloads/InTER%20\(Belgrade\)_Impact%20Assessment%20of%20EU%20Financial%20Assistance%20in%20Serbia.pdf](https://dgap.org/sites/default/files/article_downloads/InTER%20(Belgrade)_Impact%20Assessment%20of%20EU%20Financial%20Assistance%20in%20Serbia.pdf) (дата обращения: 26.02.2017).

56 Там же. P. 2.

57 Пономарева Е. Г. Политическое развитие... С. 188.

58 National bank of Yugoslavia. Annual report 2006. Belgrade : National Bank of Serbia. P. 33–39. URL: https://www.nbs.rs/internet/english/90/90_4/annual_report_2006.pdf (дата обращения: 12.04.2017).

59 Россия и Центрально-Восточная Европа... С. 216.

60 National bank of Yugoslavia. Annual report 2007. Belgrade : National Bank of Serbia. 128 p. URL: https://www.nbs.rs/internet/english/90/90_4/annual_report_2007.pdf (дата обращения: 12.04.2017). P. 37; Relations with the International Monetary Fund : Stand-By Arrangement approved 23 February 2015. URL: https://www.nbs.rs/internet/english/40/40_1/index.html (дата обращения: 12.04.2017).

61 Пономарева Е. Г. Параметры государственной состоятельности: Босния и Герцеговина // Сравнительная политика. 2011. Т. 2. № 3 (5). С. 93–94.

62 Примаков Е. М. Встречи на перекрестках. С. 465, 483.

63 IMF Members' Quotas and Voting Power, and IMF Board of Governors / International Monetary Fund (IMF). URL: <https://www.imf.org/external/np/sec/memdir/members.aspx#1> (дата обращения: 09.01.2016).

64 Weiss M. A. International Monetary Fund: Background and Issues for Congress: Congressional Research Service. 17 July, 2014. P. 15. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/misc/R42019.pdf> (дата обращения: 09.01.2016).

65 Примаков Е. М. Встречи на перекрестках. С. 492.

66 Там же. С. 465.

67 Пономарева Е. Г. Параметры государственной состоятельности... С. 94.

68 Republic of Serbia — Concluding Statement of Staff Visit, Aide Memoire / IMF External relations department. 2007. 5 april. URL: <http://www.imf.org/external/np/ms/2007/031507.htm> (дата обращения: 12.04.2017).

69 URL: <http://www.evropa.gov.rs/Documents/Entity/DACU/Development%20Partners/208/Documents/1033/USAID%20Strategy.pdf> (дата обращения: 09.01.2016).

70 Россия и Центрально-Восточная Европа... С. 238–239.

71 Кудров В. М. Югославия... С. 104.

O. A. Barabanov

Forms of economic expansion on Post-Yugoslavian space:
from sanctions to the donor help (1991–2008)

This is the first publication to dwell upon the forms of international economic pressure on Yugoslavia, after that on its successor Serbia, and also on Bosnia and Herzegovina during Yugoslav crisis. The leading role in the destruction of the Serbian economy by sanctions and undermining of its national economic security belonged to the USA. However, the EU countries had decisive role in providing donor support for FRY and B&H.

Keywords: *United Nations, History of Europe, Slavs, European Union, Yugoslavia, Federative Republic of Yugoslavia, Serbia, Bosnia and Herzegovina, Yugoslav crisis.*

Л. Н. Виноградова
(Москва)

**Непростые люди в сельском сообществе:
о людях, наделенных сверхъестественными способностями.
Часть 2: Мастера-профессионалы, магические специалисты,
полудемонические существа**

Статья посвящается проблемам классификации персонажей восточнославянской мифологии внутри класса «люди со сверхъестественными свойствами». Будучи расположенными на условной шкале «человек — демон» в порядке нарастания меры «демоничности», они позволяют судить об общей типологии образов *непростых* людей в народной культуре и раскрывают представления об их социальном статусе в сельском сообществе.

Ключевые слова: *славянская мифология, этнография, народная демонология, классификация фольклорных образов, колдовство, магия.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.2.01

В первой части настоящей работы¹ была предпринята попытка разработать классификацию для группы персонажей восточнославянской мифологии, которые определяются в научной литературе как люди, наделенные сверхъестественными способностями (*непростые* люди). В той же статье были описаны первые три группы из этого списка: «невольные вредители», «жертвы колдовства», а также «чужаки и странники». Они наделяются в народной культуре некими ирреальными свойствами (могут сглазить, наслать порчу, предсказать будущее и т. п.), но по сравнению с категорией *знающих* людей не дотягиваются до статуса «полудемонические существа», так как не владеют искусством оборотничества, не обучаются колдовству и не вступают ради магического сверхзнания в контакт с нечистой силой. Соответственно, в классификационной системе они стоят ближе к полюсу «человек». Если продолжить движение по шкале между двумя точками оппозиции «человек — мифическое существо», то окажется, что персонажи из числа *знающих* в гораздо большей степени обладают признаками «демонизированных персонажей». Именно этой

Работа выполнена в рамках проекта по гранту РФФИ 16-04-00101 «Образ человека в языке и культуре славян».

категории мифологических образов посвящена вторая часть нашей работы. В ней нам предстоит решить вопрос о том, какое место в общей классификации *непростых* людей занимают группы персонажей, обозначенных как «мастера-профессионалы» (пастухи, гончары, мельники и др.), «магические специалисты» (знахари-врачеватели, шептуны, облакопрогонники, гадалки и др.), «полудемонические существа» (колдуны и ведьмы).

Мера их демоничности определяется составом сверхъестественных качеств и связана с концептом высшего *знания*, понимаемого как обладание некой магической силой. Глаголы *знать* / *не знать* активно используются в мифологической лексике для обозначения колдовских способностей магических специалистов; ср., например, полесские свидетельства: «Ведьма — это тая, што *знае*»²; «Цэ погана баба, шо много *знае*»³; «Есть много таких делюў, што люди *знали*, вельми понимали — знахоры»⁴. В севернорусских диалектах колдунов называли *многознающими*⁵: «он чорну магию *знае*», «вона чары *знае*», «йе таки люди, шо знахаровать *знають*». К числу *знающих* во всех славянских традициях относятся специалисты в области разных ремесленных занятий.

Мастера-профессионалы (кузнецы, коновалы, пчеловоды, плотники, пастухи, мельники, гончары, смолокуры, бабы-повитухи и др.) могли, по народным представлениям, в совершенстве овладеть своей профессией только особым сверхъестественным способом — при содействии нечистой силы. Практически каждый специалист своего дела подозревался в связях с «бесовщиной», поскольку сильна была вера в то, что высшее знание и умение приобреталось через посредничество потусторонних сил (высших божественных или «низших» демонических). Жители Новгородской губ. верили, что плотники способны на строящийся дом «свистуна пустить» или наслать на хозяев «мертвеца»⁶. По полесским свидетельствам, баба-повитуха в обычных случаях заговаривала роженицу, призывая на помощь Богородицу и святых, но в критической ситуации, при трудных родах, она могла обращаться за помощью к черту⁷. В Полесье крестьяне верили, что самыми лучшими строителями бывают «ведьмаки», которым служат черти; чтобы стать хорошим музыкантом, человеку приходилось ходить в лес, где его обучали черти; об умелом гончаре говорили: «Вин мае чорта, якый робить»; пасечник для успеха в бортничестве якобы вступал в контакт с чертями⁸. Согласно севернорусским поверьям, «пастух был знаткий человек, с бесом *знался*», «пастух сам коров не пасет, их леший пасет»⁹; мельник заключал договор с водяным,

чтобы тот ему помогал¹⁰. Пчеловоды, по представлениям белорусов, для успеха в своем деле вступали в контакт с «чартамі ляснымі» и «водяными»¹¹. По западноукраинским свидетельствам, печник налаживал связи с «домовиком» того дома, где закладывал печь; пастух овец (*вівчар*) выращивал для себя духа-помощника, который помогал пасти стадо; сельский музыкант, хорошо играющий на скрипке, подозревался в связях со злым духом¹².

Во многих случаях пастухи и мельники сами поддерживали среди местного населения слухи о своих связях с нечистой силой и о собственных сверхъестественных способностях, так как к таким *непростым* мастерам охотнее обращались люди за профессиональными услугами и больше платили¹³.

Таким образом, люди определенных профессиональных занятий стремились чудесным образом овладеть секретами своего ремесла, а став *знающими* в конкретной производственной магии, они — как считалось — обретали и некое колдовское сверхзнание: умели врачевать, снимать порчу, распознавать вора, угадывать будущее и т. п. В случае внезапного заболевания члена семьи люди обращались к мастерам-профессионалам: «Позвали мельника, стал он ее пареной травой лечить, одну она пьет, другая в печи лежит, так и поправилась»¹⁴. К гончарам принято было обращаться, если надо было распознать вора или помочь в любовной магии¹⁵. По сообщениям из Речицкого Полесья, сельские жители верили, что мастер-смолокур из-за своей дружбы с чертями мог узнать, где что происходит и что случится в будущем, кто чем болеет и как его лечить, понимал язык зверей и птиц, мог снять порчу с людей и со скота¹⁶.

В русских колдовских процессах XVIII в. принято было в ходе следствия выяснять, от кого конкретно обвиняемые переняли свое «волшебство». В ответах подследственных чаще всего упоминались коновалы, мельники и рыбаки. Так, коновал Масей «свободил» от любовной тоски дворовую девку Устинью; у мельника Платона были получены «стихи» для приворота и отворота; рыбак Максим лечил от падучей болезни¹⁷. И по более поздним этнографическим свидетельствам, у русских в число *знающих* особенно часто включались пастухи и коновалы. Например, о мезенских коновалах шла молва, что они могли испортить свадьбу, превратив ее участников в волков¹⁸. Коновалы из Старой Ладogi слыли знахарями по всему Северо-Западу России. К ним часто обращались за помощью в лечении болезней, для любовных приворотов, гаданий, для изгнания из дома насекомых и грызунов¹⁹.

Искусное владение речью, словом, умение «складно говорить» тоже считалось в деревенском сообществе признаком *знающего* человека. Так, на Русском Севере большим почетом пользовался умелый свадебный дружка — один из главных руководителей свадебного обряда, знающий множество ритуальных приговоров, заклинаний, куплетов, шуток, острот. Ему приписывались некоторые колдовские способности²⁰. Сколь бы странным это ни показалось, но именно речевое мастерство и знание большого числа сакральных текстов послужило основой для сближения магических специалистов в области колдовского знания и «божьих людей», знающих много молитв, духовных стихов, богослужебных текстов. Например, в селах Верхокамья жители называли *знающей* свою односельчанку, духовницу старообрядческого собора: «Она знающая шибко — молитвы знает, читает, поет, много лет в духовницах». Источником сверхзнания этой духовницы считалась высокая степень ее праведности; односельчане считали, что ее *знания* даны ей «от Бога», тогда как происхождение колдовских способностей традиционно связывалось с чертом²¹. В русской мифологической традиции многие представители «божьих людей» (юродивые, странствующие старцы, паломники, угодники, отшельники) обладали, как считалось, некими сверхспособностями: были ясновидящими, толкователями пророческих сновидений, умели исцелять больных²². По мнению С. А. Токарева, основа этой деятельности «божьих людей» мало чем отличалась от того же колдовства и знахарства. Принципиальной разницы между знахарем и *божьим человеком* ни по существу, ни в представлении верующих не было: тот и другой делали одно дело — использовали свое сверхзнание в помощь людям²³. Другое дело, что источником магической силы колдунов считалась связь с нечистой силой, а знахарей и «божьих людей» — молитвенные обращения к высшим божественным силам.

К категории *знающих*, профессионально занимающихся определенным ремеслом, можно причислить и тех, кто оказывает населению чисто магические услуги — лечит с помощью ритуалов и приговоров, владеет умением заговаривать, знает, как найти пропавших людей и скот, быстро потушить пожар, отогнать градовую тучу, изгнать насекомых-вредителей, распознать причину хозяйственных неудач и т. п. Но таких персонажей целесообразно выделить в особый раздел нашей классификационной системы на основании более высокого — по сравнению со *знающими* ремесленниками — мифологического статуса.

Магические специалисты. Прежде чем перейти к рассмотрению этой классификационной группы, необходимо отметить, что до сих

пор в нашем исследовании речь шла о таких персонажах, которые в своем большинстве обозначались в языке носителей традиционной культуры с помощью обычной бытовой лексики. Мы говорили о людях, способных сглазить; о тех, кого проклинали родители; в кого вселился бес; о странниках и нищих; об инородцах; о пастухах, мельниках, пчеловодах и т. п. Что же касается магических специалистов и персонажей более высокого мифологического статуса (знахарей, ведьм, колдунов), то их номинация базируется на специфической народной терминологии, частично совпадающей у всех восточных славян, частично различающейся в разных локальных зонах; ср., например, русские термины *колдун*, *знахарь*, *ведун*, *ведьмак*, *шептун*, *вещун*, *баяльник*, *знаткой*, *ворожеец*, *чародей*, *волшебник*, *чернокнижник*, *чертятник*, *порчельник* и множество других (столь же вариативны термины, относящиеся к женским персонажам из числа *знающих*). Это значит, что мы сталкиваемся с необходимостью прежде всего установить адекватную семантику этих названий, что оказывается непростой задачей для исследователя, так как в каждой местности фиксируются свои особые оттенки значений для каждого названия либо противоречивые его толкования. Например, в Полесье были зафиксированы следующие варианты ответов на вопрос о том, кто из односельчан способен наслать порчу, а кто умеет лечить и помогать людям в трудных ситуациях: «[Кто может испортить человека?] Это колдун. Он можэ с человека зробить любэе животное... [А знахарь?] Знахор — тот жэ колдун, а шэптун — шэпчэ, коб вылечить чэловека. Знахор — это коб шчо плохэе сделать, а шэптун токо помоч делает»²⁴; «Знахори могут зробить [т. е. навести порчу]. И лечат тоже знахори»²⁵; «Каўдун, валшэбник — то плохой. Знахор, знахарка — это харошыя»²⁶. Такой разноречивой характеристикой, когда о знахаре говорили, что он тот же колдун и вредит людям; что он хороший: лечит и помогает односельчанам; что он и портит, и может снять порчу, — отмечается на всей территории Полесья. И аналогичная ситуация подтверждается многими собирателями в самых разных регионах восточнославянской зоны. Едва ли это обстоятельство (многозначность одного термина) можно объяснить поздними процессами распада фольклорной традиции, так как приписывание противоположных функций «помогать/вредить» одному персонажу отмечается еще в русских колдовских процессах XVII–XVIII вв. Так, в судебном деле 1758 г. обвиняемый признался, что он искал «знающего ведуна», чтобы уморить свою жену. Прослышав о некоем «лекаре», умеющем лечить болезни живота, он обратился к нему с просьбой свою жену «испортить»²⁷, т. е. он

исходил из представлений о том, что умеющий лечить должен уметь и «портить».

Современные специалисты считают, что учет большого числа накопленных данных всё же позволяет говорить о возможности разведения понятий «колдун» и «знахарь» по признаку «вредить/помогать»: первый из них якобы действует во вред человеку, а второй — на пользу²⁸. Однако, поскольку в быличках очень часто обе функции (вредить/помогать) приписываются одному и тому же лицу — в зависимости от его расположения или нерасположения к людям, — более надежным критерием для разведения *знающих* по разным классификационным группам является не один признак, а набор наиболее показательных мотивов и функций, относящихся к каждому мифологическому образу. Для категории «магические специалисты» главными можно назвать следующие мифологические характеристики: магическая деятельность по преимуществу на пользу людям; основные занятия — снятие колдовской порчи, обезвреживание «заломов» и «завиток», сделанных в жите ведьмой; защита села от стихийных бедствий, помощь в поисках пропавших людей и скота; снотолкования, предсказания будущего; использование в заговорах молитвенных слов и обращений к высшим божественным силам (а не к злым духам); единичные данные о связях с нечистой силой; отсутствие (или нетипичность) мотивов оборотничества, трудной смерти и посмертного хождения.

Исходя из этого набора идентифицирующих признаков, к категории магических специалистов можно отнести персонажей, которые обозначаются следующими терминами: рус. *знахарь*; *баяльник* (от глагола *баять*, т. е. говорить, заговаривать); *шептун*; *вещун*, *вещунья*; *ворожей*, *ворожея*; *гадаль*, *гадалка*; *баба-лекарка*; бел., укр. *знахор*, *знахорка*; *шептун*, *шептуха*, *шептунья*; *ворожун*, *ворожка*, *ворожейка*; *лекарка*, *бабка*, *дед*; зап.-укр. *знахар*, *знахарка*, *мудрий*, *шептуха*, *примівник*, *баїльник*, *віщун*, *ворожбіт*, *градівник*, *хмарник*, *тучник* ('отгоняющий градовую тучу') и ряд др. В качестве номинативных форм часто используются также описательные конструкции, ср. полес.: *таки люды, шо знають*; *бабка, яка лячыць умеє*; *дед, шо уміє знахоравать*; *той, шчо знає шэптаты*, и т. п.

К числу характерных признаков знахарей-помощников относится представление о том, что их магическая сила исходит от Бога (а сила колдунов — от черта). По белорусским верованиям, «если чалавек памагаець чалавеку у чом-та, эта ад Бога. А если дзелаець плоха, то ад чорта [...]. А знахары, если лечуць, — яны ад Бога»²⁹. Считалось,

что в своих заговорах магические специалисты используют «простые слова, не вредные», «не колдовство, не черноту», а молитвенные выражения и просьбы, адресованные Богу и святым³⁰. Хотя в разных региональных традициях зафиксировано немало свидетельств о том, что они могут вступать в контакты с нечистой силой, однако они делают это не ради порчи, а в интересах людей. Кроме того, ради такой «нечистой» связи знахари никогда не совершают колдовских ритуалов осквернения христианских символов и отречения от Бога, как это свойственно колдунам³¹. В Полесье записаны поверья о том, что обнаружить пропавший скот знахарям помогали души умерших некрещеных детей³².

Среди восточнославянских данных о магических специалистах особым образом выделяются карпатоукраинские поверья, в которых персонаж, именуемый *знахарем*, устойчиво совмещает признаки *знающего* человека, помогающего людям, и одновременно — колдуна, вредящего односельчанам³³. Знахари в этой мифологической традиции считались людьми, которые благодаря своим контактам с чертями обладали исключительно высокими сверхъестественными способностями, их даже ведьмы боялись³⁴. Они были способны вызвать засуху или обильные дожди, посадить в тело своего недруга змей или ящериц, превратить человека в зверя, заставить мельничное колесо вращаться против течения; «знахор творить попросту чудеса і через те, власне, набирає авторитетності та пошанівку у простих людей»³⁵. Веря в почти безграничную магическую силу знахарей, люди обращались к ним по любым житейским вопросам: при болезнях, укусах змей, при женском бесплодии, когда в семье случались раздоры, при любых проблемах в хозяйстве³⁶. Функцию врачей в карпатоукраинской мифологии выполняли кроме знахаря *баїльники*, *примівники*, *шептухи*³⁷. Главной функцией *ворожки*, *ворожилі*, *віщунки* считалось ясновидение и предсказание будущего.

К особой подгруппе магических специалистов относятся в карпатоукраинской мифологии *гонихмарники* (облакопрогонники), т. е. *непростые* люди, умеющие разгонять градовые тучи (варианты их названий: *градівник*, *градобурник*, *планітник*, *тучник*, *хмарник*). Их считали двоедушниками (обладателями двух душ); при приближении грозы они засыпали, и их вторая душа якобы летела отгонять от села опасные тучи. Деятельность их носила профессиональный характер: жители села платили своему *градівнику* плату за защиту посевных полей от градобития. В число «облакопрогонников» включается в карпатоукраинских верованиях персонаж по имени *чорнокнижник* —

человек, который приобретает сверхзнание, читая «Черную книгу», и отгоняет дождевые или грозовые тучи от села³⁸.

Сходные поверья о *знающих* людях, способных отогнать бури, ливни и град, фиксируются также в украинских селах Подолья и в Полесье³⁹, но в этих регионах подобные персонажи не обозначаются специфической мифологической терминологией. В полесских рассказах об отгоне туч обычно действуют: «лесник-поляк», «чехи», «один старый пан», «старая баба», «чоловик, який *знае*» и т. п.: «Колись казали, шо были люди — одворочали хмару. Казали: “Нэ йды ў село, иды на лис!” И туча уходила. Тэпэр ўжэ тых дидоў нэма»⁴⁰.

По сравнению с мастерами-профессионалами, для которых оказание услуг в лечебной и хозяйственной магии является лишь их побочным занятием, магические специалисты обладают более высоким мифологическим статусом (что подтверждается и специфической персонажной терминологией), так как их основной профессией считается именно магическая деятельность, охватывающая самый широкий спектр жизненно важных интересов сельского населения. Несмотря на то что персонажи класса знахарей-помощников не столь очевидным образом (как это наблюдается у мастеров-ремесленников) связаны с нечистой силой, их сверхъестественные способности проявляются в самых разных жизненных ситуациях и в более многообразных формах, потому что источником их сверхзнания могли быть сакральные силы и высшего божественного ранга, и одновременно низшего демонического уровня.

Полудемонические существа (ведьмы, колдуны). Этот тип персонажей и по своей значимости в общеславянской мифологической системе, и по многообразию приписываемых им функций, и по степени популярности во всех региональных традициях занимает первое место среди демонизированных людей. Главное же их отличие заключается в более высокой «мере демоничности» по сравнению с прочими *непростыми*: ср., например, русские восточносибирские поверья о том, что ведьма способна незаметно для окружающих вынуть плод у беременной женщины и похитить его или что колдуна невозможно убить обычной пулей⁴¹.

Оба персонажа в той или иной степени известны во всех восточнославянских традициях, однако «удельный вес» каждого из них в разных региональных мифологиях неодинаков. Для мифологии русского населения северных, центральных и восточносибирских областей России (а также для севернобелорусских поверий) более характерна приоритетная роль колдуна, и само колдовство там счи-

тается по преимуществу мужским занятием, тогда как образ ведьмы разработан значительно слабее и термин *ведьма* часто заменяется локальными вариантными формами. А вся южнорусская, южнобелорусская и украинская мифологическая традиция примыкает к обширной территории, где главенствующие позиции среди *знающих* со всей определенностью занимает ведьма. И такая же ситуация (приоритет образа ведьмы) отмечается в мифологии западных славян и западноевропейских народов, о чем свидетельствуют многочисленные «ведовские» процессы позднего Средневековья. Изучив русские документы по колдовским следственным делам XVIII в., Е. Б. Смилянская отметила в качестве гендерной специфики восточнославянского ведовства то, что малорусское и южнорусское колдовство предстает в исторических источниках как преимущественно женское занятие, а севернорусское — как мужское⁴².

Несмотря на совпадение некоторых функций и мотивов, относящихся и к колдуну, и к ведьме (связь с нечистой силой, трудная смерть, способность летать в вихре, делать вредоносные «заломы» в чужом злаковом поле и т. п.), первого из них нельзя признать просто мужским эквивалентом ведьмы: оба персонажа имеют вполне самостоятельный мифологический статус, и каждый наделяется своими особыми индивидуальными характеристиками. А объединяет их обоих, прежде всего, общий оценочный признак преимущественной вредоносности по отношению к людям.

Среди мужских персонажей, включенных в категорию *знающих* людей, самым высоким мифологическим статусом наделяется образ колдуна. О признаках, отличающих колдуна от знахаря, мы уже говорили в предыдущем разделе. Знаковыми характеристиками колдуна можно признать обладание сверхъестественными способностями (самого широкого спектра), полученными от рождения или в результате договора с нечистой силой. Этот статус высоко демонизированного персонажа колдун приобретает благодаря двум ключевым своим свойствам: склонности к злокозненным действиям и постоянным тесным связям с бесовскими силами. Хотя у восточных славян колдунам почти повсеместно приписывалась способность не только вредить людям, но и исправлять причиненное зло (снимать порчу, обезвреживать «завитки» в злаковом поле, расколдовывать человека-оборотня), эти магические специалисты воспринимались в сельском сообществе как крайне опасные, потенциально вредоносные существа: «Суеверный страх перед колдунами покоится на общенародном убеждении, что все они состоят в самых близких отношениях с нечистой силой и что

черти не только исполняют все их поручения, но даже надоедают, требуя для себя всё новой и новой работы»⁴³. Чем больше боялись местного колдуна, тем обязательнее считалось приглашать его на все общесельские сходки, торжества и свадьбы, воздавать ему почести и оказывать знаки уважения, чтобы не восстановить против себя этого могущего причинить зло *знающего* человека. По свидетельствам собирателей, работавших на Русском Севере еще в недавнее время (в 1998–2008 гг.), сельские жители не решались перечить человеку с репутацией колдуна, обижать его, спорить или непочтительно обращаться с ним, высмеивать, переходить ему дорогу — во избежание мести с его стороны⁴⁴.

Поверья о связи колдуна с нечистой силой реализуются в многочисленных демонологических мотивах: «колдун знает с чертями», «владеет ими», «черти прислуживают колдуну, постоянно требуя себе работы», «колдун может насылать бесов на человека», «черти вынуждают колдуна вредить людям», «черти вселяются в тело умершего колдуна», «колдун перед смертью просит сына избавить его от чертей» и ряд др. Если с самим колдуном происходили несчастные случаи, то односельчане считали, что это его «черти замучили»⁴⁵. У русского населения Пермского края колдун называется *чертознаем*, т. е. это тот, кто знает с чертями⁴⁶. В нижегородской мифологии по отношению к колдуну зафиксирован термин *чертятник*, т. е. тот, кто умеет насылать чертей на своих недругов⁴⁷. Согласно украинским данным, колдуном (*чарівником*) называется такой человек, который «взял себе в товарищи» черта и начал причинять зло окружающим людям⁴⁸.

О высокой степени вариативности терминологических обозначений этого персонажа мы уже упоминали в первой части нашего исследования. Наиболее распространенными являются у восточных славян следующие названия: рус. *колдун, ведун, ведьмак, волховник, еретник, знаток, чародей, кудесник, порчельник, портун, чернокнижник*; белор. *калдун, гоўдун, чарадзея, ведьмач, вядзьмак, валишэбник, чорнокнижник*; укр. *чарівник, чародій, мудрий, відьмак, чухмар*; карпатоукр. *чарівник, чароділник, чаклун, лиходійник, босоркун, чорнокнижник, мольфар* и др.

Чтобы стать колдуном, человек должен был отречься от Бога, а также от всего своего рода до 12-го колена, выполнить ряд кощунственных действий: снять с себя нательный крест, стать ногами на икону, выстрелить в крест или в причастие, произнести формулы, призывающие сатану, и богохульные заклятия в адрес высших божественных сил. В дальнейшем черти требовали от посвященного в

колдуны принести в жертву своего ребенка или другого члена семьи. Он не должен был посещать церковь, выполнять церковные обряды и ходить на исповедь. Считалось также, что колдунами-чернокнижниками становятся такие люди, которые прочитают до конца всю «Черную книгу», хотя в процессе чтения они подвергаются нападкам злых духов. О высоком демонологическом статусе колдуна свидетельствуют мотивы оборотничества, т. е. возможности самому перевоплощаться, меняя свой облик, либо превращать людей в любых животных и предметы; поверья о полетах колдунов в тучах или в вихре, о способности управлять дикими зверями и змеями, насылать на жилье человека насекомых-вредителей или мышей, жаб; отнимать магическим способом урожай с чужого поля, насылать болезни, напускать на мужиков длительные запои, отнимать у человека разум, возбуждать у мужа ненависть к жене и вообще осуществлять множество разных злокозненных действий. Именно в этой порче и «сосредоточена собственно вся деятельность чародеев, и ею же объясняется их влиятельное значение в деревенской среде, наружное уважение к ним, почетные поклоны при всякой встрече и угощения водкой в виде отступного»⁴⁹.

Самыми популярными и общеизвестными в цикле рассказов о колдунах у восточных славян являются сюжеты о трудной смерти колдунов, о стремлении их перед смертью избавиться от колдовской силы, а также об их посмертном хождении.

На условной шкале между крайними точками оппозиции «человек — демоническое существо» ближе всего к демоническому полюсу в восточнославянской мифологии стоит образ ведьмы. В большинстве дефиниций этот персонаж характеризуется (в демонологических словарях и энциклопедиях) как получеловек-полудемон либо как существо, сочетающее в себе черты реальной женщины и демона. А в энциклопедическом словаре «Міфалогія беларусаў» как второе значение терминов *ведзьма*, *вядзьмарка* указывается принадлежность к мифическим существам: «...дэманічная істота, звязаная з надпрыроднымі сіламі; жаночае ўвасабленне нячыстай сілы»⁵⁰. Похоже, что к подобной трактовке образа ведьмы склоняется и Д. К. Зеленин. В книге «Восточнославянская этнография» в разделе о колдунах он пишет: в противоположность ведьмам и вампирам колдуны не являются нечистой силой, и хвостов у них нет⁵¹. То есть исследователь упоминает в одном ряду имена ведьмы и вампира (имеется в виду украинский вариант поверий о живых упырях) и причисляет обоих персонажей к нечистой силе.

И всё же, хотя более высокая степень демонизации ведьмы по сравнению с колдуном (и со всеми другими «знающими») являет-

ся общепризнанным фактом, называть этот женский персонаж «демоническим существом» нельзя, так как за основу классификации берется противопоставление «человек — мифическое существо» (а принадлежность ведьмы к существам человеческой природы во всех мифологических системах несомненна). В некоторых дефинициях она причисляется к «особой категории людей, состоящих в родстве или договоре с нечистой силой, которая наделяет их сверхъестественными способностями»⁵². Мотив тесной связи с чертями часто включается в толкование терминов *ведьма*, *ведьмарка*, *чародейка* или входит в состав персонажеобразующих признаков: «Ведьма — то та, што знаецца з чэртямы»⁵³; «Ведьма знаецца с тэмі нечистікамі»⁵⁴; «Як людына, ведьма. З нэчыстым духом знаецца»⁵⁵. В числе устойчивых характеристик этого персонажа выступают в полесской мифологии мотивы: «ведьма повелевает чертями», «присутствует на их свадьбе», «совместно с нечистой силой охраняет цветок папоротника», «летает по ночам на совместные с чертями сборища», «черти заставляют ведьму вредить людям», «по требованию чертей ведьма приносит им в жертву членов своей семьи» и др. Связь с демоническими силами — не только принципиально важная особенность в наборе «ведьминских» признаков, но — согласно народным представлениям — именно она делает обычную женщину ведьмой. В отличие от западноевропейских поверий, эта связь у восточных славян не определяется как сексуальная, скорее речь идет о договорных отношениях, в результате которых черти получают душу ведьмы за услуги по ее прижизненному обогащению. В карпатоукраинских поверьях характер этой связи иногда объясняется тем, что злой дух вселяется в обычную женщину, после чего она становится двоедушницей, т. е. носителем двух душ: своей собственной и демонической⁵⁶. Как следствие связи с нечистым духом у женщины якобы появляются признаки демонического существа: телесные аномалии (хвост, рожки), способность менять свой внешний вид и превращать человека в животное, управлять погодой, снимать звезды с неба, летать в вихре, вызывать стихийные бедствия, насылать змей, мышей, насекомых и т. п. По белорусским поверьям, ведьма не чувствует боли, если ее бить по телу, поэтому наносить удары нужно по ее тени⁵⁷. Подтверждением полудемонической сущности ведьм является также календарная приуроченность ее злокозненных действий: считалось, что все ведьмы особенно активно вредили людям накануне весеннего Юрьева дня, в ночь на Ивана Купалу либо в праздник Благовещения, на Пасху, Троицу, т. е. в такие периоды календаря, когда активизировалась вся нечистая сила.

Особенно высокая степень демонизации ведьмы отмечается в карпатоукраинской мифологии, где ведьме приписывается способность влиять на атмосферные процессы, вызывать засуху или проливные дожди, навлекать на село градобитие, вызывать лунные и солнечные затмения: она якобы совместно с упырями летит на небо и «выпивает» солнечный свет или «съедает» луну⁵⁸.

Вариантными формами названия *ведьма* (*ведьмарка*, *ведьмачка*) у восточных славян чаще всего выступают следующие термины: рус. *колдунья*, *колдовка*, *знахарка*, *ворожея*, *волшебница*, *хомутница*, *чертяница*, *перезиница*; белор. *чараўніца*, *чарадзейка*, *калдунья*, *знáхарка*; укр. *чарівниця*, *колдуниця*, *знахурка*, *ворожка*, «*тая, што знається з чортами*»; зап.-укр. *ліходільниця*, *чередінниця*, *босорка*, *босурканя* и некоторые др. Несмотря на частые случаи употребления лексемы *знахарка* в значении 'ведьма', всё же следует признать разными эти два персонажа. Общей тенденцией у восточных славян является закрепление за *ведьмой* преимущественно вредоносных функций, а за *знахаркой* — полезных для людей действий. По наблюдениям украинских этнографов, в отличие от ведьмы «українська знахарка не літає на Лису Гору, не має хвоста, не спеціалізується на доїні корів»⁵⁹. Действительно, самым узнаваемым (идентифицирующим) признаком ведьмы у всех славян является способность магическим образом отбирать молоко у чужих коров. Кроме того, она способна перенимать в свою пользу все виды хозяйственных благ: урожай с чужих полей, жирность свиней, удачу в разведении домашней птицы, успех в ткацких работах; может наслать порчу и болезни на людей, животных, растения и т. п. Второй блок стабильных «ведьминских» характеристик образуют мотивы: «ведьма умирает мучительной смертью», «стареется перед смертью передать кому-нибудь свое сверхзнание» (т. е. сдать кому-то своих чертей), «становится после смерти ходячим покойником».

В отличие от магических специалистов (знахарей, шептунов) ведьмы скрывают от односельчан свои колдовские знания, поэтому в составе характеристик этого персонажа часто выступают мотивы, отражающие способы, с помощью которых односельчане выслеживают, распознают, разоблачают и наказывают ведьм.

Заключение. Итак, поставив перед собой задачу выявления типологии персонажей восточнославянской мифологии внутри класса *непростые* люди (т. е. обладающие сверхъестественными способностями), мы столкнулись с необходимостью прежде всего заняться процедурой идентификации каждого из них, чтобы определить их

место в классификационной системе. В основу этой классификации положен признак большей или меньшей степени демонизации разных групп *непростых* людей. По этому признаку ближе всего к полюсу «человек» располагается категория людей с некоторыми (немногочисленными) ирреальными свойствами: способность воздействовать магическим образом на окружающих, распознать вора или поджигателя, предсказать будущее и т. п. К ним относятся «невольные вредители» (например, люди с *дурным глазом*), «жертвы колдовства» (например, *бесноватые*) и пришедшие извне «чужаки» (которым приписываются определенные демонические черты). А к полюсу «мифические существа, демоны» в большей степени тяготеет группа *знающих* людей, т. е. тех, в характеристике которых принципиально важным оказывается владение особым колдовским сверхзнанием. В эту группу включаются «мастера-профессионалы», «магические специалисты» и «полудемонические существа». Ко всем перечисленным группам описываемых нами персонажей применим ключевой термин *непростые* люди.

Происхождение ирреальных свойств у *непростых* людей обычно объясняется их контактами с потусторонними (реже — с божественными) силами, но может быть связано и с фактом рождения человека в особое роковое время. Формы контактов с нечистой силой были самыми разными: в человека против его воли вселялся злой дух; человек побывал во власти нечистой силы либо подвергся колдовской порче, превратившись в волколака; сознательно вступил в связь с чертом ради обретения сверхзнания; умирающий колдун передал своих бесов-помощников другому человеку, и тот стал *знающим поневоле*, и т. п. В карпатоукраинской и западнославянской мифологии причиной демонизации людей считается также факт рождения человека с двумя душами: своей собственной и второй, «нечистой». О негативной семантике двоичности нам уже приходилось говорить в первой части статьи, в разделе о «глазливых» людях. Мотив двоедушничества как причины появления сверхъестественных способностей у человека наиболее активно бытует в западноукраинских поверьях о *непростых* людях. Считалось, что именно люди, рожденные с двумя душами, после смерти становятся опасными «ходячими» покойниками, вампирами. Но и в других локальных традициях восточнославянской зоны встречаются отголоски этих верований. Например, по признаку наличия двух душ в одном теле даже беременные женщины воспринимались в разных славянских традициях как существа временно опасные, требующие особых мер социальной изоляции. Соглас-

но русским тамбовским поверьям, «люди раньше темный был — бабу чижелую как бы побаивались. У нее ведь душа в душе, и кто знает, какая в ней душа живет — добрая, праведная, Богом посланная, али злая, неприкаянная»⁶⁰. Соответственно, женщин в период беременности и опасались, и почитали, не решались ни в чем им отказывать, верили в их способность избавлять людей от болезней, быстро тушить пожар и т. п.⁶¹

Статус «временно *непростых*» приобретали также «нечестные» невесты; девушки, родившие внебрачного ребенка; женщины и девушки в период месячных. По гуцульским представлениям, если женщина во время менструации вступит в половую связь и забеременеет, то от такой связи «родяться так звані непрості» [родятся так называемые *непростые* люди]⁶². В этой мифологической традиции в качестве вариантных форм термина *непростые* люди выступают также следующие названия: *знаючі, мудрі, розумні, земні боги, боголюди*⁶³. Значение термина *земні боги* противопоставляется значению ‘небесные боги’, т. е. «земные боги» осмысляются как ненастоящие божества. Необычный глагол *богувати* в значении ‘управлять миром, колдовать’ используется в гуцульской мифологической лексике по отношению к знахарям-колдунам, называемым *мольфарі*: «Вони богують; то такі люде, що можуть стратити чоловіка або худобу» [Они ворожат; это такие люди, которые могут погубить человека или скотину]⁶⁴.

Именно в такой двойственности отношения односельчан к *непростым* людям — как ко всемогущим «богам» и одновременно как к опасным «демонам» — заключается специфическая особенность их статуса в сельском сообществе. Поскольку *знающим* приписывается способность не только помогать людям, но и вредить им, односельчане крайне предупредительно и уважительно относятся к колдунам и ведьмам, стараясь не вызвать их неприязнь к себе; «гуцульське населення має до своїх *непростих* повне довір'є, поважаючи кожного й кожду, як належить, та спішити, як треба, по раду чи поміч для себе або для маржини» [гуцульское население имеет к своим *непростым* полное доверие, почитая как положено каждого и каждую из них, и спешит к ним за советом и помощью, когда это необходимо для себя или для скотины]⁶⁵. Некоторые «мало понимающие в колдовстве» сельские жители специально напускали на себя славу «сильно знающего» — для авторитета и чтобы люди боялись⁶⁶. Множество подобных примеров, свидетельствующих об амбивалентной оценке *непростых* людей со стороны социума, приводятся в трудах специалистов в области славистической этнологии и этнолингвистики⁶⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Виноградова Л. Н. *Непростые люди* в сельском сообществе: о людях, наделенных сверхъестественными способностями. Часть 1: Невольные вредители, бесноватые, чужаки // Славянский альманах. 2017. № 3–4. С. 367–378.
- 2 Народная демонология Полесья (публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века). М., 2010. Т. 1: Люди со сверхъестественными свойствами / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. С. 268.
- 3 Там же. С. 100.
- 4 Там же. С. 269.
- 5 Христофорова О. Б. Колдуны и жертвы. Антропология колдовства в современной России. М., 2010. С. 183.
- 6 Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX в. М., 2003. С. 414–415.
- 7 Народная демонология Полесья... Т. 1. С. 463.
- 8 Народная демонология Полесья... Т. 1. С. 442–459.
- 9 Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. Петрозаводск, 2000. Т. 2: Былички, бывальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями. С. 19.
- 10 Петрухин В. Я. Мельник // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 220–222.
- 11 Мiфалогiя беларусаў: энцыклапедычны слоўнiк. Мiнск, 2011. С. 381–382.
- 12 Войтович Н. Народна демонологiя Бойкiвщини. Львiв, 2015. С. 168–174.
- 13 Щепанская Т. Б. Культура дороги... С. 414; Петрухин В. Я. Мельник. С. 221.
- 14 Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза... Т. 2. С. 234.
- 15 Мiфалогiя беларусаў... С. 112–113.
- 16 Pietkiewicz Cz. *Kultura duchowa Polesia Rzeczyckiego*. Warszawa, 1938. S. 217.
- 17 Смелянская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. М., 2003. С. 82–84.
- 18 Щепанская Т. Б. Культура дороги... С. 400.
- 19 Там же. С. 403.
- 20 Гура А. В. Дружка // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 138–139;

Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза... Т. 2. С. 20;
Христофорова О. Б. Колдуны и жертвы... С. 82.

21 *Христофорова О. Б.* Колдуны и жертвы... С. 180.

22 *Харитонов В. И.* Заговорно-заклинательное искусство восточных славян: Проблемы традиционных интерпретаций и возможности современных исследований. М., 1999. Ч. 1. С. 221.

23 *Токарев С. А.* Религиозные верования восточнославянских народов. XIX — начало XX в. М.; Л., 1957. С. 36.

24 Народная демонология Полесья... Т. 1. С. 260.

25 Там же. С. 413.

26 Там же. С. 411.

27 *Смилянская Е. Б.* Волшебники... М., 2003. С. 54.

28 *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 421–423; *Криничная Н. А.* Русская народная мифологическая проза... Т. 2. С. 10; *Балов А. В.* Очерки Пошехонья // Этнографическое обозрение. 1901. Кн. 51. № 4. С. 112; *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1989. С. 105–106; *Власова М. Н.* Русские суеверия: энциклопедический словарь. СПб., 1998. С. 206–207; *Левкиевская Е. Е.* Знахарь // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 347–348; *Міфалогія беларусаў...* С. 192; *Pietkiewicz Cz.* *Kultura duchowa...* S. 218–219.

29 Полацкі этнаграфічны зборнік. Наваполацк, 2011. Вып. 2: Народная проза беларусаў Падзвіння. Ч. 2. / уклад. У. А. Лобача. С. 63.

30 *Власова М. Н.* Русские суеверия... С. 205; *Міфалогія беларусаў...* С. 192.

31 *Левкиевская Е. Е.* Знахарь... С. 348.

32 Народная демонология Полесья (Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века). М., 2012. Т. 2: Демонологизация умерших людей / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. С. 251–252.

33 *Хобзей Н.* Гуцульська міфологія: етнолінгвістичний словник. Львів, 2002. С. 110.

34 *Гнатюк В.* Нарис української міфології. Львів, 2000. С. 225.

35 Там же. С. 233.

36 *Онищук А.* Матеріяли до гуцульської демонології / записав у с. Зеленици Надвірнянського повіта Антін Онищук // Матеріяли до українсько-руської етнології. Львів, 1909. Т. 11, ч. 2. С. 112.

37 *Хобзей Н.* Гуцульська міфологія... С. 33, 156, 191.

38 Там же. С. 183–184; *Левкиевская Е. Е.* Облакопрогонники // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 452–454.

- 39 Казки та оповідання з Поділля. В записях 1850–1860 гг. / упорядкував Микола Левченко. Київ, 1928. Вип. 1–2. С. 13; Народная демонология Полесья... Т. 1. С. 472–475.
- 40 Народная демонология Полесья... Т. 1. С. 474.
- 41 Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987. С. 314, 318.
- 42 *Смилянская Е. Б.* Волшебники... С. 51.
- 43 *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 68–69.
- 44 *Христофорова О. Б.* Колдуны и жертвы... С. 130–132.
- 45 Там же. С. 77.
- 46 *Власова М. Н.* Русские суеверия... С. 205.
- 47 Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / сост. К. Е. Корепова, Н. Б. Хромова, Ю. М. Шеваренкова. СПб., 2007. С. 211.
- 48 *Чубинський П.* Мудрість віків. Київ, 1995. Кн. 1. С. 204.
- 49 *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 71.
- 50 Міфалогія беларусаў... С. 73.
- 51 *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. С. 421.
- 52 Русский демонологический словарь / авт.-сост. Т. А. Новичкова. СПб., 1995. С. 64.
- 53 Народная демонология Полесья... Т. 1. С. 36.
- 54 Там же. С. 103.
- 55 Там же. С. 69.
- 56 *Войтович Н.* Народна демонологія Бойківщини. С. 126.
- 57 Міфалогія беларусаў... С. 74.
- 58 *Онищук А.* Матеріяли до гуцульської демонології. С. 7–8; *Хобзей Н.* Гуцульська міфалогія... С. 60–61.
- 59 *Вовк Хв.* Студії з української етнографії та антропології. Київ, 1995. С. 205.
- 60 *Толстая С. М.* Славянские мифологические представления о душе // Славянский и балканский фольклор: Народная демонология. М., 2000. С. 59.
- 61 *Толстая С. М.* Беременность, беременная женщина // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 160–161.
- 62 *Хобзей Н.* Гуцульська міфалогія... С. 133.
- 63 Там же. С. 105–106; *Войтович Н.* Народна демонологія Бойківщини. С. 145.
- 64 *Хобзей Н.* Гуцульська міфалогія... С. 106.
- 65 Там же. С. 132–133.

66 *Христофорова О. Б.* Колдуны и жертвы... С. 111.

67 *Антчак В. К.* «Знающие люди» в традиционной культуре русских: дис... канд. ист. наук. СПб., 2005; *Валенцова М. М.* Человек силы в социуме // *Slavica Nitriensia. Časopis pre výskum slovanských filológií.* Nitra. 2016. № 2. S. 23–36; *Христофорова О.Б.* Колдуны и жертвы... С. 141–144; *Войтович Н.* Народна демонологія Бойківщини. С. 164–167, и др.

L .N. Vinogradova

Uneasy people in the village community:
about the people with paranormal abilities

The article dwells upon problems of classification of East Slavic mythological characters inside the class “people with paranormal abilities”. They are placed on the provisional scale between ‘people’ and ‘demons’ closer to ‘demons’. A typology of ‘uneasy people’ in the village culture discloses the folk ideas about their social status in the community.

Keywords: *Slavic mythology, ethnography, folk demonology, classification of folk images, witchcraft, magic.*

М. М. Валенцова
(Москва)

Моравская демонологическая лексика. Краткий обзор

В статье собрана и проанализирована в этнолингвистическом аспекте основная группа моравской демонологической лексики — названия мифологических персонажей. Затрагиваются этногенетический и ареальный аспекты изучения демонимов, а также мотивы, с ними связанные. В основе статьи — материалы, собранные из этнографических источников, словарей, архивов и научных трудов.

Ключевые слова: *этнолингвистика, моравская демонология, мифологическая лексика, ареалогия, славянские архаические зоны.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.2.02

Изучение славянской мифологической терминологии в последние десятилетия переживает подъем. Появилось достаточно много исследований и словарей мифологической лексики славянских языков¹, на эту тему были защищены дипломы и диссертации². Постепенно создается база для сравнительного и сопоставительного изучения мифологии и мифологической лексики славян в этнолингвистическом аспекте, т. е. с целью реконструкции древней славянской культуры и ее лексики.

Чтобы восполнить одну из остающихся пока лакун в славянской мифологической лексикографии, в данной статье предлагается анализ моравской и силезской демонологической терминологии, точнее, одной ее группы — названий мифологических персонажей (далее — МП). Интерес к Моравии обусловлен не только отсутствием систематизированных исследований мифологической лексики, но и архаичностью региона (Моравия является областью ранней славянской колонизации) и особым положением на карте Европы.

Как известно, заселение Моравии славянами относится к концу V — началу VI в.; через «моравские ворота» проходил один из путей миграции славянских племен на юг, на Балканы; территория восточной Моравии принадлежит Карпатскому региону (Моравско-Силез-

Авторская работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 17–18–01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистический подход» (рук. С. М. Толстая).

ские Бескиды, Яворник — Западные Карпаты). Кроме того, мораване на протяжении многих веков сохраняют свой язык, диалекты и традиционную культуру. Как писал Любомир Нидерле, можно только удивляться, что до наших дней сохранились мифологические представления о сверхъестественных силах и их воздействии на человека, потому что Моравская Словакия — край, который был открыт цивилизации и прогрессу, при этом католическая церковь, уничтожавшая любые языческие практики, здесь сильна; тем не менее «существует среди народа не только множество поверий, но местами и старая вера в действительное колдовство»³.

Моравские и моравско-силезские демониумы анализируются в статье в семантическом и ареальном аспекте. Имена МП неотделимы от связанных с ними демонологических мотивов, которые тоже по возможности были включены в анализ. Цель статьи — представить этот сегмент моравской демонологической системы, оценить его архаичность, показать специфику региона, проследить распространение конкретных моравских терминов и мотивов в славянском мире (хотя сравнительный славянский материал остался за рамками статьи). Лексика собиралась из этнографических, словарных, архивных источников, научных изданий.

В моравской терминосистеме выделяется группа **общеславянских** названий МП, встречающихся в других славянских языках в вариативных формах от этого праславянского корня (корней):

Bobonik, m, *bobonica*, f ‘колдун’, ‘ведьма’⁴. Предлагается этимология на основе редупликации и.-е. *bhā(n)* ‘звук голоса, речь, слово; заповедь, молитва’⁵, откуда название знахаря, заговаривающего болезни > название колдуна.

Boh, *bůh*, m — ‘колдун-заклинатель’, *bůžek* ‘заклинатель’⁶ и производные обоих родов: *bohoň* и *bohyně* ‘знахарь и знахарка’, лечившие травами (валаш.)⁷. *Bohyně*, f ‘знахарка’ (Валашско)⁸; *bohyňa* ‘гадалка’⁹, *božec*, *bohyňář*, m, *bohyňa*, f ‘знахари, помогающие снять чары, лекари’¹⁰; *božec*, *bohoň*, m ‘добрый колдун’, ‘заклинатель’. Отводил град с полей, снимал порчу, мог распознать ведьм, найти украденную вещь, девушке найти суженого (Валашско)¹¹. Морав. валаш. *božec* ‘прорицатель’, ‘вещун’; 2. нар. лечитель, травник¹². *Božek* и *bohyňa* ‘знахари’, исправляли и предупреждали порчу, но могли и сами сделать зло. Позже стали называться *bosóři* ‘колдуны’, как все, кто знал больше, чем средний житель Залесья¹³. Слова имеют специфическую карпатскую семантику ‘знахарь, знахарка’, кроме того, функция отгона градовых туч, приписываемая *božcovi*, также

реализует карпатский (и карпато-балканский) мотив. В Моравии, однако, представления о возможности человека управлять грозовыми облаками не сформировали специального персонажа с особым наименованием типа украинокарпатского *гонихмарника* или сербского *облачара*, словацкого *chmurnika* и под., известных в карпатских и балканских традициях; они связываются с образом знахаря (см. также *zaríkávač*) и отчасти чернокнижника.

Čarodeník, m, *čarodenica*, f ‘ведьма’, ‘ведьмак’¹⁴; *čarožej*, *čarodeňica* (ляш.)¹⁵; *čarodovňica*, *čarodyňik* ‘колдунья’, ‘колдун’¹⁶. И однокоренные: *čarovnice*, f ‘колдунья’¹⁷, *čarovník*, m (Простеевско, Гана)¹⁸. Производные от праслав. *čara II ‘чары, колдовство’¹⁹.

Černokněžník (horský mnich) — ‘чернокнижник’, сильный чародей, чаще делал на благо людям (Валашко)²⁰. *Černokněžníci* ‘колдуны, волшебники’ (окр. Жаковице, оломоуц.)²¹, владели «золотыми ключами» от кладов в горах (Лугачовске Залеси)²², продавали колдовские книжечки, пили молоко от черной коровы, летали на драконе, со страшным ветром (силез.)²³, *černokněz* ‘колдун, помогающий людям’²⁴. Образ и поверья о чернокнижнике относятся к средневековым заимствованиям, усвоенным местными славянскими культурами (в словенском и сербохорватском — также и заимствованное имя *graboncijaš*), видимо, через валахов (восточных романцев), которые принесли на Карпаты и в Трансильванию античную римскую традицию²⁵. Лексема «чернокнижник» и различные поверья, связанные с этим персонажем, есть практически у всех славян²⁶.

Had hospodář, m «змея-хозяин», ‘домовая змея’²⁷. *Had hospodář*²⁸. *Had hospodář a žába hospodyně*²⁹. Сюжеты: при хорошем обращении приносит в дом счастье; ее убийство приводит к смерти хозяина дома в том же году; *had hospodáříček* пьет молоко вместе с детьми, заботится о детях. Аналогично: *žaba hospodyně* (domáci) — домашняя жаба, домашний дух в виде жабы (валаш.)³⁰. «Скршитки (*skreti*) как хранители рода заботились, по поверьям, о доме и угодьях в виде земляной лягушки — *žaby* (*ropuchy* ‘жабы’) или змеи с короной; [...] под порогом каждого дома живет жаба, а в хозяйственных постройках — змея с короной» (морав.)³¹. Обычно же — *had s korunkou*, m ‘царь всех змей’. Его можно увидеть в день св. Бартоломея, когда все змеи — его подданные — уходят в землю, где хранятся клады, а он следит за ними и пересчитывает (Валашко)³². *Had s korunkú* ‘король змей (показывается на св. Бартоломея)’, ‘уж’³³. *Had s korunkou*³⁴. Кто идет в воскресенье пополудни по ягоды, того укусит змея с короной (морав.)³⁵. Ср. также *žabi kral* «жабий король» (бранное) (ляш.)³⁶, аналогичное названию «король змей».

Jaga, baba jaga, f ‘ведьма’, ‘страшилище’ (экспр.) (морав.-словац.³⁷)³⁸. *Jaza*, f (экспр.) ‘злая, язвительная женщина’ (ляш.)³⁹. Восходит к праслав. *(j)ęga, *(j)ęza ‘демоническое существо женского пола, воплощение болезни’, ‘болезнь’⁴⁰.

Mora, f, *múra* — ‘мора’, персонаж, который давит, душит людей во сне. Морой становится ребенок, рожденный с зубом. Если ему сразу дать на зуб дерево, он будет «ходить на деревья» (т. е. сушить деревья), а если мать даст ему грудь, он будет «ходить на людей» (давить спящих)⁴¹. *Mupoi (múru)* станет отлученный от груди ребенок, которому мать снова даст грудь (морав.-словац.)⁴². *Mora, múra* — обычная женщина, которую можно узнать по плоским подошвам ног. Ночью «в свое время» превращается в животных или предметы, проникает через замочную скважину и сосет спящих (Валашско)⁴³. *Mora*, f ‘мора’ (ляш.)⁴⁴. *Múra* наваливалась ночью на спящих (Злинско)⁴⁵. *Múra* ‘что-то, что пьет кровь из груди спящих людей’⁴⁶. *Mora* ‘сверхъестественное существо, которое морит’: *Podušila mě v nosu mora* [Ночью меня душила мора] (Моравская Острава, Грабова, ляш.)⁴⁷. Чтобы распознать мору, надо, проснувшись, сказать: «Приходи утром, дам тебе хлеба с солью!» — утром она придет. Для защиты от моры ставили к дверям метлу кверху прутьями или клали в изголовье кровати нож⁴⁸. Редко *maro* ‘мора, мура’⁴⁹. Праслав. **mora* с неясными отношениями с **marā*⁵⁰.

Nočnica, f ‘некий МП’ (Дворжиско, окр. Опава, силез.)⁵¹.

Věšćica, f ‘дикая (лесная) женщина (баба)’⁵². *Věštica* ‘ведьма’ (Новы Йичин, Пришибор, ляш.), *věšćica, věštica* ‘дикая баба’, ‘гадалка’ (ляш.)⁵³. *Věštka* ‘дикая женщина’⁵⁴, *vješčka* ‘дикая баба; полудница’ (валаш.)⁵⁵. *Zvěščka*, f ‘дикая баба’ (Пршеровско, ганац.)⁵⁶. *Věštice, věštáci (zvěštáci)* ‘дикие люди’⁵⁷. Праслав. **věščь (vęd-t-j-)* ‘тот, кто знает’, от того же корня, что и праслав. *věděti*⁵⁸.

Větrica ‘мифический дух ветра, вихрь’; если упадешь лицом на землю, вихрь прекратится⁵⁹. С другим значением: *povětroň* — то же, что *rarášek*⁶⁰, ‘метеорит’⁶¹.

Vlkodlak, m ‘волколак, человек-волк, оборотень’ (ганац.), *vlkodlak*, m ‘(бранное) волколак’⁶². *Vylkodlak* ‘волколак’ (ляш.)⁶³. Ляш. *vylkodlak* ‘скряга’⁶⁴, бранное: *Ty vlkodlaku!* ‘Ах ты, проказник!’ (Опавско)⁶⁵. Слоложение праслав. **vlk-+dlak-* со значением ‘в волчьей шерсти’⁶⁶.

Vodník, также *basrman, besrman, hastrman* ‘водяной’ (Валашско)⁶⁷. Водяные — это возгордившиеся ангелы, свергнутые Богом с неба в воду, и каждый громовой удар убивает одного из них (Весели на Мораве)⁶⁸. *Vodný, -ého* = *vodník, hastrman* ‘водяной’⁶⁹.

Smok, zmek ‘змея с золотой короной’ (окр. Всетина)⁷⁰. *Smok* = *smok* ‘мифический дракон’ (ляш., р-н Йичина)⁷¹. *Smok* ‘дракон, пожирающий людей и скот’ (валаш.), также *zmek, zmog, zmok*⁷²; *zmek* ‘большой, толстый змей с драконьей головой’⁷³. *Smok*, т ‘большая змея’ (ляш.)⁷⁴. *Smok* ‘большая змея’, где проползет, там всё будет выжжено (силез.)⁷⁵. *Smok* ‘ночной злой дух, искушающий женщин’ (Остравско, силез.)⁷⁶. *Smok*, т ‘змей’ (ляш.)⁷⁷; *tmok*, т ‘змея с золотой короной’, которая сжигает всё на своем пути (ляш.)⁷⁸. *Zmok* ‘дракон’⁷⁹. Праслав. **smъkъ* < *smykati* ‘ползти, волочиться’⁸⁰.

Zaklínač — одно из названий *божца* (*božec*), знахаря, который умел отводить град с полей на горы, помогать от чар и колдовства и т. п. (Валашско)⁸¹. *Zaklínač mračen*, т, или *sváděč krup* — «заключитель туч» — ‘облакопрогонник’; защищает свое село от града⁸². Праслав. **kļeti*, **kļnq* ‘клясть, заклинать, проклинать’⁸³.

Zařikávač, т, *zařikač*, т — знахарь, умеющий заговаривать и исправлять зло, причиненное ведьмами. С помощью тайных заговоров, трав и книг умел отвести градовые тучи, *vodit’ mračna*⁸⁴. У знахарей-облакопрогонников были книжки, из которых они читали заговоры, но делали это в полном одиночестве. Знахарь в Дубравах не ел хлеба, испеченного в пятницу, во время заговаривания тучи не надевал белья, выстиранного в пятницу (Лугачовске Залеси)⁸⁵. Праслав. **rekti* ‘говорить’⁸⁶.

К **общеславянским** относится и ряд ранних **заимствованных** лексем, включенных в терминологию традиционных верований:

Drak, т — дракон: из змеи, которую 7 лет не видел человеческий глаз, получался смок; в следующие 7 лет, если его вновь не увидит человеческое око, у смока вырастают крылья и он становится драконом. Смоки и драконы пожирают людей и стада коров. Они пронзительно свистят, а где проползают, вся трава сгорает. Драконов обычно используют для своих полетов в жаркие страны чернокнижники, по пути насылая на деревни град, а на горы дождь, в жарких странах они убивают дракона и продают его мясо за большие деньги жителям, которые кладут кусочки драконьего мяса под язык, чтобы не сгореть от жары (Валашско)⁸⁷. *Drak* ‘дракон; черт’ (Моравске Валашско, Слезско)⁸⁸. *Drak* ‘дракон’, охраняет подземные клады (Лугачевске Залеси)⁸⁹. Возможно, заимствовано с редукцией прямо из лат. *dracō*. Морав. *troch, trok* < нем. *Drache*⁹⁰.

Mamona, f ‘разные непонятные явления’; *tamonilo to celú noc* [водило всю ночь] (морав.-словац.)⁹¹. *Mamona, tamon* ‘всякое сверхъестественное явление’ (Подлужи)⁹². *Mamona* нападает на путника и не отпускает, пока он не бросит какую-либо вещь (Липова). *Mamona* — как

бы мгла, туман, иногда подменяет роженицам ребенка (Блатница), однажды явилась как зарытый клад, горящий голубым огоньком (Весели на Мораве)⁹³. *Mamona* ‘злой, опасный человек’⁹⁴. Болезнь *колтун* также называют *tamuník* (ляш.)⁹⁵. Лексема через Библию заимствована из греческого *μαμωνᾶ*, а туда из арамейского *ma'm ōn*⁹⁶. На славянской почве семантически контаминировала с производными от глагола *tamiti* ‘обманывать, выманывать, обольщать’, ср. *mamidlo*. В качестве демониума известно преимущественно западнославянским и карпатоукраинской традициям, встречается в русских верованиях⁹⁷.

Вторую группу составляют названия МП, известные всем **западным** славянам и не характерные для восточных и южных (исключение составляют словенские и карпатоукраинские говоры, в отдельных случаях имеющие параллели к западнославянским словам; скорее всего, это результат развития карпатского региона в целом и его культурной ориентированности на юг):

Rarášek, m ‘демон-обогадитель’, подобен дракону, длиной сажени две, голова черная и плоская, остальное тело округлое и огненное. Рассыпает искры. Вылупляется из яйца черной курицы, которое человек должен носить 9 дней и 9 ночей под мышкой, не умываясь, не переодеваясь, не молясь. Приносит хозяину богатство, открывает клады, помогает лечить людей (Валашско)⁹⁸. Парашка представляют себе как огненную птицу. Он может превратиться в змею (Биловско). Верят в *rarášky*, *ohnivé draky*, которые летают по воздуху (Кужелов), в Яворнике это огненный шар. Если в тихую погоду вдруг поднимется вихрь, переворачивающий стога, говорят, что это летит рарашек (Весели)⁹⁹. *Rarášek*, m ‘крутящийся вихрь, поднимающий пыль’ (Йичинско, с.-в.-чеш.)¹⁰⁰. *Rarach* летает в вихре в огненном подобию, срывает крыши, ломает деревья (Блатница)¹⁰¹. *Rarášek*, m ‘скршитель’ (Забржег, ганац.)¹⁰². *Rarach* ‘огненный летающий столб’, ‘чертик’¹⁰³. *Radášek* ‘рарашек’ (морав.)¹⁰⁴. Также называется *špirek*, *špiritus* (Рожновско)¹⁰⁵.

Bilá ‘страшилище, которым пугают детей’¹⁰⁶. *Bilá paňa* ‘дикая лесная женщина’ (Лугачовске Залеси)¹⁰⁷.

Dách, m — название черта в быличке (Бзенецко)¹⁰⁸, *dach* = *d'as*¹⁰⁹, *d'ach*, *d'ách* ‘дьявол’¹¹⁰, *d'as* ‘дьявол’¹¹¹, *d'as*, *d'asek*, *d'asel* ‘черт’¹¹².

Hastrman, *basrmon*, *hasrman* (< нем. *Wasserman*) ‘водяной’, выглядит как рыба, обнаженный юноша, конь, рыже-белый теленок (силез.)¹¹³. *Hastrman*: входя в воду, дети выбрасывают на берег один камешек, бросают в воду другой и говорят: *Hastrmane*, *tatrmene*, *ven z vody*, *Panenka Maria do vody* [Водяной-водяник, вон из воды, Дева Мария — в воду] (Шумице)¹¹⁴. *Bestrman*, *hastrman* ‘водяной’ (Злин-

ско)¹¹⁵. *Hastrman* боится дважды испеченного хлеба и не имеет власти над человеком, который ел такой хлеб¹¹⁶.

Klekánice, f — персонаж, которым пугают детей, чтобы они не ходили после вечерних колоколов (*po klekání*) (Валашско)¹¹⁷. *Klekánica*, f — после вечерних колоколов забирает детей, которые остались на улице¹¹⁸.

Mátoha, f ‘злой дух, страшилище’¹¹⁹, ‘призрак, кошмар’¹²⁰, ‘страшилище’, ‘усталый, лишенный сил человек’ (ганац.)¹²¹.

Lesní panna, f — ‘лесная дева’¹²².

Vodní panna ‘водяной дух’¹²³.

Luckové, pl. — ‘домашние божки’, морав. *luček* ‘разновидность домашнего божка’, слц. *ludík* (гемер.) ‘горный добрый дух’, ‘домашний божок’¹²⁴. *Luček* ‘вид скршитка’ (Рожновско)¹²⁵. Возможно, из нем. *die Leute* ‘люди’.

Světýlka, světidla, bludičky, pl. ‘ночные огоньки’, преследующие людей; это души землемеров, которые несправедливо вымеряли поле и теперь за это отбывают наказание (Блатничка, Подивин). *Světloňši* (Грживни Уезд), *bludičky* (Яворник, Велька), в обл. Лугачовиц *světélka* считают душами, скачущими по межам, которые хозяин запахивает¹²⁶. *Světloňši* — маленькие человечки со светильниками, которые заводили заблудившего человека в болото (Злинско)¹²⁷. *Světloňše* ‘то же’ (Лугачовске Залеси)¹²⁸. *Světloňoch*, m ‘светлонош’ (морав.-словац.)¹²⁹.

Некоторые моравские демонины известны и **западно-, и восточнославянским** языкам (но не зафиксированы в южнославянских), многие из них имеют праславянскую древность. Чаще эти термины обозначают персонаж или явление, аналогичные моравским, а иногда о моравском демонине напоминает лишь корень в словах с иной семантикой, которые, однако, могут иметь также и мифологическое значение (напр., **kuzlo*¹³⁰).

Blud, m — человек, который заблудился в горах и ходит постоянно вокруг одного и того же места; достаточно съесть кусок хлеба, и колдовство сразу исчезнет (Валашско)¹³¹. *Blud, bludná trava* ‘лесная трава, переступив через которую человек блуждает в лесу’; *blud* ‘не-что, что заставляет блуждать’¹³². *Bludičky (svjetlonošky)* — огоньки размером меньше, чем «светлоносы» (блуждающие огоньки), — это души умерших соседей, которые судились за межи и остались в ссоре (Лугачовске Залеси)¹³³. *Bludička* заводит ночью в мокрое место или болото (Блатнице)¹³⁴. См. также *Světýlka*. В южнославянских языках лексемы с этим корнем не имеют мифологического значения.

Čert, m ‘черт’, обычно описывается как христианский персонаж, лишь в Галузицах его представляют также в виде огненного петуха,

который ищет клады, а ночью летает как огненный шар с хвостом. Представлен также общеславянский мотив о кручении черта в столбах пыли на дороге и о возможности ранить его ножом, брошенным в вихрь (Бзенецко)¹³⁵.

Kuzlorka, f ‘ведьма’. Ведьмы слетались на холм *Tanečnica* и танцевали там в полночь (силез.)¹³⁶. *Kuzlorka* ‘колдуныя’ (силез.)¹³⁷, *kuzlír* ‘волшебник’¹³⁸, *kízlec* ‘предсказатель, чародей’¹³⁹. *Kuzlír* ‘колдун, волшебник’¹⁴⁰.

Koltún, choldún, koldun (Слезско, Валашко) — это *skřítek*, который вплетается в волосы, а если их остричь, он ломает и жжет все тело¹⁴¹. *Choldún*, m ‘колтун, гостец’, спутанные в клубок волосы¹⁴². *Koltún, koldún* (в Силезии и *vilkodlak*) — свалынные волосы, судороги, истерия (валаш., ляш.)¹⁴³. *Koltún*, -u, m ‘болезненное сваливание волос’¹⁴⁴. *Koltoun*, m ‘сплетение волос, иногда и на всем теле...’, ‘гостец (болезнь волос, колтун)’, ‘эпилепсия’¹⁴⁵. *Choldúnisko* ‘колтун, гостец’¹⁴⁶.

Lasička, f — ласка, живущая во дворе, домово́й дух¹⁴⁷. *Lasice*, f ‘ласка’ (как животное с мифологическими свойствами): *Mařena je v tom, potfoukla jí lasice (otěhotněla)* [Маржена — это... поддула ее ласочка (она забеременела)] (Йиндржихув Градец, Кардашова Ржечице, ю.-чеш.)¹⁴⁸.

Pěrun ‘черт’¹⁴⁹. Ляш. *pěrun*, словац. *perún*, чаще всего морав.-словац. *parom* в проклятиях: *do paroma, parom do teba* и т. п. со значением ‘гром’; в качестве имени бога *Perun* попало в чешский литературным путем¹⁵⁰. *Parom*, m ‘черт’ (Кромержиж, морав.-словац.), в проклятиях: *kiho paroma! ja di do paroma! Parom do toho bije* (Жданско, Киёвско, морав.-словац.)¹⁵¹. *Parom* ‘гром’¹⁵².

Podvržěňa, n ‘ребенок, подброшенный дикой бабой’¹⁵³. *Podvrženec* ‘ребенок дикой бабы, подброшенный людям’ (Лугачовске Залеси)¹⁵⁴. *Podvrženče* ‘подброшенный ребенок’: *Hlavaté podvrženče divé ženy* [подкидыш дикой женки с большой головой]¹⁵⁵. Новорожденного могла украсть дикая баба, а вместо него подкинуть своего, которого называли *podhoděnc, podvrženec, podvržěňa, srastek, škřček* (*skrčenenec*), *divúch, zrazek, spratek*. Он всю жизнь телесно и душевно неполноценный, уродливый, злобный, приносит несчастья (Лугачовске Залеси)¹⁵⁶. *Podvrženec* ‘ребенок, которого подкидывают дикие бабы, если мать оставит его одного; часто подкидывают в полдень’ (морав.-словац.)¹⁵⁷. Мать, которой дикие бабы подменили ребенка, должна была бить *podvršča* прутом шиповника до тех пор, пока дикая баба не заберет его и не вернет человеческого¹⁵⁸.

Proměnce ‘подкидыш’, см. *podhodek*¹⁵⁹, *odměna* ‘подмененный нечистой силой ребенок’, *odměň, premien, podhodek*¹⁶⁰.

Polednice, f ‘полудница’, существо, которым пугают детей (Валашко)¹⁶¹. Видят ее в полдень как женщину в белом, с длинными волосами (Шумице, Моравске Словацко)¹⁶² или как старуху в белом, с конскими копытами, уродливым лицом, косыми глазами и растрепанными волосами. Она подменивала детей¹⁶³. *Poledňák*, m — МП, появляющийся во время жатвы в полуденных ветрах, разбрасывающих сложенные снопы¹⁶⁴. *Poledniček* — маленький мальчик, который в полдень выходил из леса и звал людей по имени, а откликнувшегося заводил в лес и горы¹⁶⁵.

Utopes, m — МП, маленький мужичок в красном пальтишке, с правой полы которого постоянно течет вода; топит людей (как водяной), ср. *utopilec* ‘утопленник’ (Опавско)¹⁶⁶.

Сюда же можно отнести и заимствованный термин *Meluzína*, f ‘дух ветра’. Сейчас — только о завывающем ветре; первоначально — имя какой-то плачущей вилы или русалки, о которой есть повести у многих народов (< фр. *Mélusine*)¹⁶⁷. О сильном вихре говорили, что это Мелюзина плачет (Липова у Славичина, Павловице, Грживны Уезд, Весели). Если поднимется сильный ветер, Мелюзина плакала, говорили, что кто-то повесился (Грживны Уезд), надо бросить горсть муки на ветер для Мелюзины (Весели)¹⁶⁸. Первоначально она изображалась как русалка с двумя хвостами¹⁶⁹, у славян идентифицировалась с ветром, ср. усвоенные славянами в отношении этого персонажа характерные поверья, связанные с ветром и вихрем. Как демоническое существо известна в западнославянских и соседней украинской традициях.

К названиям демонов, известным мораванам, но в разных вариантах и другим **западнославянским**, а также **южнославянским** языкам, принадлежат:

Divá žena, f, обычно pl. *divé ženy*, *divoženy* (Залесье), *diviženy* (Кужелов) — ‘дикие женщины’, которые подменивают новорожденных детей, подбрасывая своих уродливых. Называются также *polednice*, *klekánice*, *nemodlenky* или *sudičky* (моравско-словацкое)¹⁷⁰. *Divižena* (также *húkačka*, *devla*, *lesní panna*, *vodní panna*, *bitá paňa* — названия лесных женок, которые танцевали в горах, случайного прохожего «затанцовывали» до смерти. Огромная женщина с огромной головой и большими черными глазами (Лугачевске Залеси)¹⁷¹. Дикую бабу видит только человек, родившийся в полнолуние. Кто окажется среди диких баб, должен с ними танцевать (Подлужи). Дикие бабы могут оборачиваться в *мору* (*múra*) и в кошек и вредить в хлевах (Бржецлавско)¹⁷². *Divoženky* мощные, с растрепанными волосами, одетые в листья и зелень. Живут в лесах, около скал, у источников и рек. К

людям в целом благосклонны. Но если человек вступит на их перекрестки, они сбивают его с дороги. Нападают на мужчин, «затанцовывают» и залюбливают до смерти. Подменивают человеческих детей (см. *podvržeň*)¹⁷³. Живут семьями: *divižák* ‘муж дикой лесной женки’, морав. *divoženče*, *divúch* ‘ребенок дикой лесной женки’¹⁷⁴.

Perkmaniček, *permonik* ‘дух шахт’¹⁷⁵, *permon*, *perkajst*, *perkmaniček*, *perkmonik* ‘горный дух’¹⁷⁶ (< нем. *Bergmann*).

Skřítek, m ‘черт’; во время бури выбрасывают во двор топор, печную лопату, огребло и вилы, положив их крест-накрест, открывают окна и двери, чтобы «скршитек» мог убежать, а не спрятаться человеку под мышку, иначе и человека убьет громом (*skřítek, ten čertík, před hromem sa krýje a krýje, a fuk člověkovu pod pažu, a hrom ho zabije*). Скршитка имеет в себе ребенка, у которого волосы растут не вниз, а вверх, как корова языком лизнула¹⁷⁷. *Škřítek*, m ‘прядь неправильно растущих волос на лбу или на висках’; ‘ласковое прозвище ребенка’; *skřítek* считался сильным защитником от моры¹⁷⁸. *Křístek* = *skřítek*: *nebelo tam hani křístečka* (= živé duše) [не было там ни живой души]¹⁷⁹. Его можно вывести из яйца черной курицы, которое надо носить под мышкой 7 недель (Влахова Льгота, Загорье). Называют также *rarášek* (Градек и Липове, Ланшторф, Виловице). В Биловицах вера в этого *скршитка-парашка* смешана с другим *парашком*, персонифицирующим какое-то природное явление: вылупившийся цыпленок превращается в огненного дракона или птицу, *raracha*, и приносит все, что человек захочет¹⁸⁰. *Skřítek* — *koltun* (см.) (силез.)¹⁸¹. *Skřítek* ‘колтун’ (Опавско); обызвалка: *Ty skřítku! Skřítek, skřolek, koltun* ‘злое существо’, вызывающее страсть к чему-то съестному, а при невозможности получить желаемое — припадок. Выражение *mám koltuna na pivo* означает желание, аппетит на пиво¹⁸².

Sudička, f, обычно pl. *sudičky*, — ‘дикие бабы’ (Кужелов), от которых роженица должна защищаться; ‘девы судьбы’ (Весели и Рокетница) — литературное влияние. Судички под окном предсказывают новорожденному судьбу, дают дары (морав.-словац.)¹⁸³.

Поскольку Моравия территориально частично входит в карпатский регион, а валашская колонизация дала название одной из ее областей (Moravské Valašsko), среди демонимов присутствуют также **карпатские лексемы**:

Bosorák, m, *bosorka*, *bosorkyňa*, f ‘ведьма’ и ‘ведьмак’¹⁸⁴. *Bosorka* ‘дикая женка’, ‘злая ведьма’, также *bosora*, *čaragaňa*, *megera*, *magara*, *čagara*, *stryga*¹⁸⁵. *Bosorka*, f ‘ведьма’ (Словацко)¹⁸⁶. *Bosor* ‘колдун’¹⁸⁷,

валаш. *bosora, bosorka* ‘дикая баба’, ‘ведьма’, ‘баба яга’¹⁸⁸. Также знахари (*božci*), помогавшие людям снять чары и колдовство, позже стали называться *bosóři*, поскольку те, кто обладал сверхъестественными способностями, перестали различаться по своим функциям в глазах сельчан (Лугачовске Залеси)¹⁸⁹.

Stryga ‘ведьма’ (Грозенковско, Карловско, валаш.)¹⁹⁰; *stryga* ‘ведьма, дивоженка’ (валаш.)¹⁹¹; *stryga* ‘ведьма’¹⁹²; *střiha* (бранное) ‘ведьма’ (*stryga*)¹⁹³. *Striga*, f ‘ведьма’ (Всетин)¹⁹⁴, ‘колдунья’, ‘вампир’ (ляш.)¹⁹⁵. *Střyga*, f ‘ведьма’, ‘растрепанная женщина’ (бранное)¹⁹⁶. *Striga, stryga* (м.-с.) ‘ведьма’, ляш. *střiha, střyga* (< румын. *strigă* < лат. *strix* ‘сова’)¹⁹⁷.

Šarkan, šarkaň ‘дракон’ (морав.-словац.)¹⁹⁸. *Šarkan* — какое-то злое существо, чудовище с длинным хвостом (словац. и морав.)¹⁹⁹.

Совсем немного лексем, распространенных только в **чешско-моравско-словацком ареале**. Это немецкое заимствование *vasermün, vasyrmün* ‘водяной, который ночью губит людей’ (вост.-ляш.)²⁰⁰. Ляш. *vasrman* ‘водяной’²⁰¹. К ним примыкает пол.-силез. *waserman*²⁰² (< нем. *Wassermann*).

Также это название подкидыша от общеславянского корня **god-*, имеющего, однако, только в чешско-словацком ареале семантику ‘бросить, кинуть, швырнуть’ (и отчасти в польском — ‘метить, целить, бить’)²⁰³, которая реализована в демониме: *podhodě nec*, m ‘подкидыш лесных баб’ (Подлужи)²⁰⁴; *podhodě nec*, m ‘подкидыш, подброшенное дитя’²⁰⁵. *Podhodek*, m ‘уродливый и больной детеныш дикой лесной бабы, которого она подбрасывает роженице взамен ее здорового’ = *podvrženě, podvrženče, proměňče, zvěště, divoženče*; вообще ‘уродливый, больной ребенок или молодняк скота’²⁰⁶. *Podhodě nec* ‘ребенок дикой бабы’ (*diviženy*) с большой головой, большим животом и задом, сухими руками и ногами, большими глазами и смуглый (*přismahlé*). Говорят, это сам черт²⁰⁷. *Podhodě nec* ‘подкидыш лесных женок’ (Подлужи)²⁰⁸.

Только **моравской и словацкой традициям** известны термины:

Maga, f ‘персонаж, которым пугали детей’: *Nechod' ven, chytne ťa Maga* [Не ходи на улицу, схватит тебя Мага], но никто не знает, как это существо выглядит (Валашско, Злинско)²⁰⁹. *Maga* ‘то же’ (морав. и словац.)²¹⁰. *Maga* ‘МП, который ходит во тьме, хватает детей и убивает их «кровавым мечом»; над парнем, который боится ночью выйти на улицу, подсмеиваются: «Схватит тебя мага с кровавым мечом» (морав.)²¹¹. *Maga* ходит только ночью; на рассвете сразу исчезает. *Přide na tě maga s krvavým* (или *koňským*) *okem* (ганац.)²¹².

Mola, f — в Силезии пугали детей: *Mola idě! Mola!* [Мола идет! Мола!] Видимо, = Klekanice. *Mola* (силез.) ‘какое-то страшилище’,

слц. *molok* ‘водяной’, *molek*, скорее всего, из нем. *Molch*, т. е. ‘саламандра’²¹³. *Mola* = опухоль, бубон, нежизнеспособный бесформенный зародыш у женщины²¹⁴; *mole*, f — 1. яйцо без зародыша; 2. уродец, недоносок²¹⁵. Ср. слц. *molek*, m ‘водяной’²¹⁶.

Vědomkuňa, f (морав.-словац., горняц.) — низший уровень знахарки-«богини» (*bohyně*)²¹⁷. *Vědomec*, m — о «знающем» человеке (ганац.)²¹⁸. *Vědák*, m ‘домашний дух, *skřítek*, который учит домашних’²¹⁹.

Vozorka, *vozorák*, *vozieráč*, m — ‘колдун, колдунья’ — фонетический вариант заимствования *bosorka*, *bosorák* (морав.-словац., слц.)²²⁰. Форма *vozieráč* дает возможность видеть народно-этимологическое сближение с глаголами чеш. *zřítí* ‘зреть’, *vzor* ‘смотрение, взгляд’, *zrak* ‘взгляд’, слц. *zriet’* ‘смотреть, видеть’, *zrak* ‘взор’ с образованием мифонима, сходного с формами от **viděti*, таких как чеш. *videc*, *-dce*, книж. ‘тот, кто видит будущее, прорицатель’²²¹.

Только в **чешско-моравском ареале** представлены названия:

Hejkal, m ‘лесной дух’, вскакивающий откликнувшемуся на его крик человеку на спину (зап.-морав.)²²². *Hejkal* появляется то в виде птицы, то в виде черного человека и садится людям на спину (Борач, окрестности Брно)²²³.

Nemodlenec, m ‘МП, которым пугают детей, которые не хотят молиться перед сном’ (Валашско)²²⁴. *Nemodlenka* ‘страшилище, которым пугали детей’, приходит за теми, кто не хочет молиться (Петрувка). Верили в нее и в Банове²²⁵. *Nemodlena*, f ‘страшилище, которым пугали детей, которые не хотят молиться’, представляемое в виде страшной бабы (Сенице, Литовель, ганац.)²²⁶.

Nocula, f ‘существо, которым пугали детей, гуляющих до ночи’²²⁷.

Špiritus, m — дух, которого выводили из яйца черной курицы (Злинско)²²⁸, *vyseďel špiritusa* (*skřítka*) (Валашско)²²⁹. *Špiritus*, *špirek* ‘дух, которого выводили из яйца и который носил деньги хозяину’. Его надо было кормить только молоком от абсолютно черной коровы. Также называли его *rarásek*, *šotek*, *škřítek*²³⁰. *Špirek*, или *špiritus*, — дух, подобный парашку²³¹.

Věšče ‘уродливый ребенок вештицы’, которого она подбрасывает людям²³²; *zvěšče* ‘ребенок ведьмы, *věščku*’ (Пршеровско, ганац.)²³³. *Vješčák* ‘ребенок ведьмы (*vješťice*), дикой женщины (*divé ženy*)’, подброшенный взамен человеческого (Голешов, Янковице, ганац.)²³⁴. *Vješčák* ‘подкидыш’ (валаш.)²³⁵, но ср. *věšťák*, m ‘дикарь’²³⁶.

Условно в эту же группу помещены: *tamidlo* ‘то, что сбивает путников с пути’ (Лугачовице) и *tamona*, которая, говорят, не отпустит

путника, пока он не бросит какую-либо вещь (Липова). *Mamidlem* может быть палка, лежащая в лесу, большой гриб или трава — кто их носит с собой, блуждает, «охваченный дивной силой» (Шумице, морав.-словац.)²³⁷. *Mamidlo, tamilo, tamona, otam* — ‘страшилище’, появляющиеся в антропоморфном или зооморфном виде, часто без головы, или в виде предметов (Лугачовске Залеси)²⁸. *Mam* ‘страшилище’²³⁹, *tamictvo* ‘страшилище, персонификация блуждающих огней’²⁴⁰. Заимствование *tamona* включено в это гнездо на основе народно-этимологического сближения с глаголом **tamiti* ‘обманывать, выманивать, обольщать’. Слова, производные от **tamiti*, в других славянских языках не имеют значения ‘мифологический персонаж’²⁴¹, кроме болгарских, имеющих семантику ‘демон-обогадитель’ (*мамник, мамница* и под.) или ‘ведьма’ (*мамница, житомамница, примамница*)²⁴².

Собственно моравские термины, не встречающиеся в других славянских языках и диалектах, особые имена известных славянских персонажей:

Basrman, m — водяной (Копршивнице, морав.-силез.); *basrmon*, m ‘водяной’ (Метыловице, морав.-силез.); *basrman*, m — водяной (морав.-слц.)²⁴³. Вариант эвфемистического названия водяного, *vasmana-hastrmana*.

Čaramura, f²⁴⁴, *čaromûra* ‘ведьма’ (морав.)²⁴⁵; *čaromûra* f. 1. ‘ведьма’ (морав.-словац.)²⁴⁶; 2. ругательство²⁴⁷, *čaramura* (валаш.) (бранное) ‘злая женщина’²⁴⁸; *čaramura* ‘страшилище, привидение’, *čamura* ‘брань на женщину’ (Гана)²⁴⁹. *Čaromûra, čaramûra* ‘ведьма’ < редупликацией заговорных слов *čary-mary, čury-mury* (возможно, соединено с *mûra* ‘мора’) ²⁵⁰.

Devla (очевидно, заимствование из цыганского языка, где оно означает ‘бог’) — одно из названий дикой (лесной) бабы (Лугачовске Залеси)²⁵¹. Рефлекс и.-е. **deičū-* ‘богиня’^{252?}

Haušpigl, m. ‘домашний дух-обогадитель’ (предполагаемое заимствование из нем. *Eulenspiegel* ‘непоседа’) ²⁵³. Гаушпигель величиной с палец, избавиться от него очень трудно — он в огне не горит и в воде не тонет, его можно только смолотить на «девятисоставной» мельнице (Боршице у Славкова)²⁵⁴. Ср. аналогичные названия домового: *hanšpigl, heršpigl, eršpigl*²⁵⁵.

Húkalky, hukávky, pl. ‘лесные бабы, вилы’, живущие в дремучих лесах. Привлекают людей пением, «гуканьем». Если человек отзовется или над ними посмеется, они нападают и танцуют с ним до обморока. «Гукалкой» становится девушка, умершая в день объявления о ее помолвке (Валашко)²⁵⁶. *Húkalka, f, hùkalena, f*, обычно pl. — одно из названий диких баб (Лугачовске Залеси)²⁵⁷. Ср. морав. *hejkal*.

Hodoňka, f — название лихорадки в районе Годонина. Персонифицируется в виде уродливой, большой и зубастой женщины, которая пугает на перекрестках (Вельварско)²⁵⁸. *Hodoňka* — ‘лихорадка’; есть не менее 99 лекарств от нее (Подлужи)²⁵⁹. Лихорадку практически везде в Моравии и Силезии называют *psina*, а в моравско-словацком Поморавье — *hodoňka*, от названия города Годонин, где она чаще всего встречалась²⁶⁰. Также на смежных словацких территориях: *hodonka* ‘лихорадка’²⁶¹. Морав. и слц. *hodonka* ‘лихорадка, происходит из спущенных годонинских прудов’²⁶².

Jarošek (had), m ‘большая змея, толщиной с руку, которой владеют колдуны, отчего они всё знают’ (Маленовце), *had-jarošek* (Могелнице, силез.)²⁶³. *Jarošek* ‘домашняя мифическая змея, хозяин, скршитек’²⁶⁴. *Jarošek* ‘дьявол’²⁶⁵.

Jerášek — так называют *поветронею* (окр. Всетина)²⁶⁶, см. *Povětrň*. Д. Климова считает *jarášek* и *jarošek* табуистическими именами собственными домового демона, рифмующимися с *rarášek*²⁶⁷.

Koruženka, f ‘дикая баба’, названа так, вероятно, в связи с кругами, на которых дикие бабы совершают свои пляски²⁶⁸

Mokeš, mokrýšek, mokříš, m ‘какой-то демон’, о котором мало что известно. Сохранились только поговорки о детях и о людях, страдающих недержанием мочи или хилых, лишенных жизненных сил: *Chodí jag mokrýšek, Si jak mokeš* [Ходит, как мокрыш. Ты как мокеш] (Лугачовске Залеси)²⁶⁹.

Nátcha, f, *ružě* — персонифицированная болезнь, лихорадка. Ходит по домам, нападает на того, кто ей ответит или откроет дверь. Лихорадок 77, и все происходят будто бы от падших ангелов, которых Бог осудил ходить по свету (Валашко)²⁷⁰. *Nádcha (nátka)* — общее название ряда болезней, лихорадка. Лихорадок 77: *chodivá* (бродит по всему телу и не может нигде остановиться), *lá-mavá, trhavá, píchavá, žlutá, bílá, černá, zhníla, krevní a žilní* (ломающая, рвущая, колющая, желтая, белая, черная, гнилая, кровавая и жильная) и т. п. Это злые существа, которые ночью обходят дома²⁷¹. *Nátka (nátčice) třidevítiní, červená, modrá, suchá, mokrá, žiravá, svrbivá, zardělá, moklavá, louskavá, štípací, lupící, pálací / palčívá* [Лихорадка тридевятая, красная, синяя, сухая, мокрая, жгучая, свербящая, рдяная, мокнущая, колющая, щиплющая, ломотная, палящая / жгучая] обходит ночью дома как привидение и зовет людей по имени, кто ей отзовется, тот ее и получит²⁷².

Rachvala, m — название черта в быличке (Бзенецко)²⁷³. *Rachvala*, m ‘черт’ (Бзенецко, морав.-словац.)²⁷⁴.

Raška (f?) — демон неопределенного вида, по некоторым данным выглядел как маленький *šotek* (домовой дух), покрытый куриными перьями, чаще имеет вид животного. Пастухи, возвращаясь вечером с пастбища, говорят: *Požej ůž dóm, lebo ůa zežere raška* [Гони уже домой, иначе тебя съест рашка]. По мнению некоторых стариков, это жена *raráška*²⁷⁵.

Slibka, f (< *slibiti* ‘дать обещание, поклясться’) — девушка, которая нарушила обещание выйти замуж. В виде одетой в белое женщины она ходит по горам и зовет мужчин: *Už, pod' sem* [Уже, иди сюда]. Если мужчина отзовется, она «затанцовывает» его до смерти (Валашко)²⁷⁶, также появляется в виде белой красиво поющей птицы, привлекающей человека. «Слибкой» становится также невеста, сбежавшая из-под венца²⁷⁷.

Uvé (род?) — существо, которым пугали детей. Живет якобы там, где река из-за перепада высот вымыла глубокую яму и мельник сделал деревянный желоб. Ребенку говорили: *Počkaj, šak já ůa zavleču na vantroky, tam ůa uvé zežere* [Подожди, отведу тебя к желобу, там тебя уве съест] или: *Šuješ, jak tam uvé křičí: Uvéé, uvéé, nedalí mně mamňénka košuléé!* [Слышишь, как там уве кричит: «Уве-е, уве-е, не дала мне маменька сорочечки-и!»]. Чтобы дети не ходили по болотистым лугам, родители говорили детям, что «где-то там есть бездонный колодец, и никто не знает, в каком именно он месте, а в колодце — *uvéé* (Дольна Льгота, Злинско)²⁷⁸. Очевидно, что это сконструированный персонаж, который, однако, сближается с мифологией умерших некрещеных детей, которых закопали без рубашечки.

Ten co povětrí vodil — «тот, кто погодой управляет» — персонаж из былички: человек с мешком муки на плечах; наварил себе из этой муки в холодной воде галушек; пустой мешок вновь наполнился; из развязанного мешка поднялся необычно сильный ветер; этот человек где хотел, там ветер делал, где хотел, град пускал (Слезско)²⁷⁹.

Újemník, m, *újemnica*, f (< *újma* ‘ущерб, убыток’) — название ведьмаков, так как они отбирали молоко у коров²⁸⁰. Также назывались *bosorky, bobonice* (Подлужи)²⁸¹. *Újemnice* ‘ведьма’ (Лугачовске Залеси)²⁸². *Újemník, újemnica* — ведьмаки, которые отбирают у других спор (*užitok*)²⁸³. *Újemnica* ‘ведьма’²⁸⁴, *újemnice* ‘то же’ (Подлужи)²⁸⁵, *újemník* ‘ведьмак’²⁸⁶.

Viza, f, *víza* (Визовско) — «видящая», девушка, родившаяся «в рубашке» в Белую субботу перед Пасхой и обладающая способностями всё знать и всё видеть, например тайные клады. Теперь так говорят о слишком любопытном человеке: *Ty vizo jedna!* [Ах ты любопытная варвара!] (Лугачовске Залеси)²⁸⁷.

Úhlav ‘мифическое существо (полуптица, полузмея)’ (валаш.)²⁸⁸.

Zahubenčata, pl. ‘некрещенные младенцы, загубленные матерью и похороненные под вывороченным деревом или в поле’, где потом в полночь слышался плач. Души загубленных младенцев постоянно бродят. В полдень или вечером после вечерних колоколов они бегают с плачем по полям, ночью пронзительно кричат. Надо бросить им что-нибудь из одежды, потому что они всегда нагие, и помолиться за них (Валашско)²⁸⁹. *Zahubenče*, n — дети, загубленные своей матерью и похороненные в отдаленных местах (валаш.)²⁹⁰. *Zahubenče*, n ‘то же’ (Всацко, морав.-словац.)²⁹¹. *Záhubenča*, n ‘то же’ (морав.-словац.)²⁹². В других славянских языках аналогичный персонаж назван производными от других корней.

Среди моравских демонимов есть и такие, которые не могут быть отнесены ни к одной из перечисленных групп, например *zlatohlavec* — ‘король змей с золотой короной’ (силез.)²⁹³; предполагается, что это заимствование польского *złotogłowiec*²⁹⁴.

В терминологии моравской демонологической системы, рассмотренной выше с точки зрения ее ареальных связей, выделяется несколько формально-генетических слоев: праславянская мифологическая лексика (*boh, mora, vlkodlak, čert*), в том числе принадлежащая празападнославянским диалектам (*rarášek*); праславянская немифологическая лексика, развившая мифологическое значение (*had, smrt, blud*); аффиксальная лексика, производная от праславянских корней (*bohoň, nocuľa, povětroň, bludičky, mamidlo, sudička*); аффиксальные образования от западославянских корней (*podhodeneц, klekáníce, nemodleneц*); заимствования разной поры (*drak, mamona, permonik, hanšpiěl, bosorka, stryga*); звукоподражательная лексика (*hejkal, húkal-ka, čaramura, uvě*); ономастическая лексика, перешедшая в разряд демонологической (*hodonka, jarošek*).

Демонологическая лексика отличается подвижностью и диалектностью своей семантики, которая может различаться даже в рамках одного микрорегиона. В основе этой изменчивости — динамика самих мифологических представлений, с одной стороны чрезвычайно стойких, если речь идет о мотивах, с другой — постоянно варьирующих, если речь идет об образах МП.

И мифологическая лексика, и мифологические сюжеты и мотивы достаточно легко распространяются и заимствуются, как вместе (образы МП с соответствующим термином), так и порознь, как с потоками миграции населения, так и в виде идей, причем заимствоваться они могут и асимметрично: новый термин для старого персонажа (представления) и наоборот.

Поэтому рассмотренные выше разные названия одного и того же персонажа (оставляем в стороне вопрос об идентификации самого персонажа) попали в разные группы ареальных соответствий его имен в других славянских традициях.

Предложенная классификация моравских демонологических терминов показывает, с одной стороны, проницаемость границ мифологических систем (включая терминологию) разных славянских традиций, а с другой — определенную специфику каждой из них.

Моравская мифологическая система демонстрирует наличие большой группы общеславянских демонологических персонажей (домашняя змея, водяной, ведьма, волколак, лесные духи и др.) и связанных с ними мотивов (круговые танцы лесных духов, запрет отвечать на зов нечистой силы, подмена новорожденного ребенка нечистой силой, защита от града с помощью вынесенной во двор печной утвари или острых предметов и т. п.). Соответственно и терминология, называющая и описывающая их, также относится преимущественно к архаическому слою лексики, восходящей к праславянским корням. Формирование моравской демонологии происходило уже в западнославянском ареале во взаимодействии с другими западнославянскими традициями и отчасти в карпатском ареале, что обусловило восприятие ею ряда специфических персонажей, мотивов и терминов, бытующих в этом обширном и разнообразном этнокультурном пространстве. Ряд собственных моравских терминов, не известных, кажется, другим традициям, дает возможность говорить о моравской демонологии как об особой мифологической системе, отличной от других славянских, в том числе от соседних чешской и словацкой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См., например: *Kropej M. Od Ajda do Zlatoroga. Slovenska bajevalovna bitja. Celovec; Ljubljana, 2008*; *Хобзей Н. Гуцульська міфологія: етнолінгвістичний словник. Львів, 2002*; *Дукова У. Наименования демонов в болгарском языке / пер. с нем. К. Задои; отв. ред. И. А. Седакова. М., 2015*; *Българска митология: енциклопедичен речник / съставител А. Стойнев. София, 1994*; *Беларуская міфалогія: энцыклапедычны слоўнік. Мінск, 2004*; *Власова М. Новая абевега русских суеверий: иллюстрированный словарь. СПб., 1995*; *Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983*; *Новичкова Т. А. Русский демонологический словарь. СПб., 1995*;

Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000; Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. Т. 1: Люди со сверхъестественными свойствами. М., 2010; Т. 2: Демонологизация умерших людей. М., 2012; Т. 3: Мифологизация природных явлений и человеческих состояний. М., 2016; *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004, и др.

2 *Зайцева Н. И.* Мифологическая лексика в чешском и словацком языках: дис. ... канд. филол. наук / Белорусский гос. ун-т. Минск, 1975; *Санникова О. В.* Польская мифологическая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении: дис. ... канд. филол. наук / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР. М., 1990; *Blagoeva-Neumanová T.* Ľudová démonológia na Zamagurí v kontexte a koreláciách s démonologickými predstavami východných, južných a západných slovanov. Rigorózna práca. Bratislava: Univerzita J. A. Komenského v Bratislave, 1976; *Климова К. А.* Новогреческая мифологическая лексика в сопоставлении с балканославянской: дис. ... канд. филол. наук / Ин-т славяноведения РАН. М., 2009; *Александровская М.* Мифологический концепт в языке русского и латышского фольклора: промоционная работа / Латвийский университет. Рига, 2012; *Kouřilová M.* Slovanští duchové a démoni pohledem etymologie: magisterská diplomová práce / Masarykova univerzita; Ústav českého jazyka. Brno, 2011, и др.

3 Моравské Slovensko. Díl 1. Svazek 2 / napsali A. Boháč, J. Černík, J. Folprecht, J. Húsek, K. Chotek, J. Klvaňa, Fr. Kretz a L. Niederle; red. L. Niederle. Praha, 1922.

4 *Bartoš F.* Моравský lid. Sebrané rozpravy z oboru moravské lidovědy. Telč, 1892. S. 20.

5 Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974. Вып. 1. С. 111–112.

6 *Зайцева Н. И.* Мифологическая лексика... С. 212, 214.

7 Archív lidového jazyka Ústavu pro jazyk český AV ČR, Dialektologické oddělení, Brno.

8 *Sobotka R.* Bajné bytosti na Valašsku / sestavil, graficky upravil, úvodom a doslovom opatřil Richard Sobotka. [Příležitostný tisk]. 2005. S. 7.

9 *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Fotoreprint podle 3. vydání z roku 1971. Praha, 2010. S. 59.

10 *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. Praha, 1906. (Archiv pro lexikografii a dialektologii; Č. VI). S. 22.

11 *Sobotka R.* Bajné bytosti na Valašsku... S. 7–8.

12 *Kazmír S.* Slovník valašského nářečí. Valašsko-český, česko-valašský: rozšířené vydání zpracované pouze na CD (Slov1. doc) / sest. S. Kazmír. 2007.

- 13 *Václavík A.* Luhačovské Zálesí. Příspěvky k národopisné hranici Valašska, Slovenska a Hané. Luhačovice, 1930. S. 433.
- 14 *Bartoš F.* Moravský lid... S. 142; *Bartoš F.* Lid a národ. Sv. 1. Velké Meziříčí, 1883. S. 129; *Sobotka R.* Bajné bytosti na Valašsku... S. 10.
- 15 *Sochová Z.* Lašská slovní zásoba (jihovýchodní okraj západolašské oblasti). Praha, 2001. S. 167.
- 16 *Zajčeva H. И.* Мифологическая лексика... С. 216.
- 17 *Kott Fr. Št.* Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku moravskému. Praha, 1910. S. 12.
- 18 Archív lidového jazyka...
- 19 Этимологический словарь славянских языков... 1977. Вып. 4. С. 22.
- 20 *Sobotka R.* Bajné bytosti na Valašsku. S. 10–11.
- 21 Drobné zprávy. Černokněžníci u Žákovic // *Záhorská kronika*. R. 8. 1925–1926, 1926. Č. 4. S. 126–127.
- 22 *Václavík A.* Luhačovské Zálesí... S. 425.
- 23 *Vyhliďal J.* Naše Slezsko. Praha, 1900. S. 288, 290, 291.
- 24 *Zajčeva H. И.* Мифологическая лексика... С. 218.
- 25 *Мойсей А.* О соотношении терминов *соломонар* / *градовник* в плювиальной практике румыноязычного населения Буковины // *Romanoslavica*. 41. București, 2006. С. 253–262.
- 26 *Белова О. В., Виноградова Л. Н.* Чернокнижник // *Славянские древности: этнолингвистический словарь* / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2012. Т. 5. С. 513.
- 27 *Sobotka R.* Bajné bytosti na Valašsku. S. 13.
- 28 Moravské Slovensko. S. 706
- 29 *Václavík A.* Luhačovské Zálesí. S. 422.
- 30 *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník zvláště grammaticko-fraseologický. D. 1–7. Praha, 1878–1893, с тремя дополнениями: Příspěvky k česko-německému slovníku zvláště grammaticko-fraseologickému. Praha, 1896; Druhý příspěvek k česko-německému slovníku, zvláště grammaticko-fraseologickému. Praha, 1901; Třetí příspěvek k česko-německému slovníku, zvláště grammaticko-fraseologickému. Praha, 1906: <http://kott.ujc.cas.cz> [дополнения пронумерованы как 8, 9 и 10 тома]. Díl 8. S. 523.
- 31 *Ibid.* Díl 5. S. 748.
- 32 *Sobotka R.* Bajné bytosti na Valašsku... S. 13.
- 33 *Kazmír S.* Slovník valašského nářečí...
- 34 *Václavík A.* Luhačovské Zálesí. S. 422; *Bartoš F.* Moravský lid... S. 90.
- 35 *Bartoš F.* Moravský lid... S. 90.
- 36 Archív lidového jazyka...
- 37 Сокращение обозначает термин, известный в Моравской Словакии (Moravské Slovensko).

- 38 Archív lidového jazyka... Морав.-словац. (область Моравске Словацко).
- 39 Archív lidového jazyka...
- 40 *Дукова V.* Наименования демонов в болгарском языке. С. 45; см. также: *Этимологический словарь славянских языков...* 1979. Вып. 6. С. 68–69.
- 41 *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský... S. 205; *Kulda B. M.* Národní pověry a obyčaje v okolí Rožnovském na Moravě // Moravské národní pověsti, pohádky, obyčaje a pověry. Praha, 1875. Sv. 2. S. 265; Moravské Slovensko... S. 716; *Václavek M.* Moravské Valašsko: lidopisné obrazy příspěvkem ke kulturním dějinám českým. Vsetín, 1894. D. 1. S. 101; Archív lidového jazyka...; *Šebestová A.* Lidské dokumenty a jiné národopisné poznámky. Praha, 1947. S. 14.
- 42 *Šebestová A.* Lidské dokumenty... S. 14.
- 43 *Sobotka R.* Bajné bytosti na Valašsku. S. 15–17.
- 44 Archív lidového jazyka...; *Kulda B. M.* Národní pověry... S. 265–266.
- 45 *Bartoš F.* Lid a národ. Velké Meziříčí, 1883. Sv. 2. 1885. Sv. 2. S. 128.
- 46 Moravské Slovensko. S. 715
- 47 Archív lidového jazyka...
- 48 *Kulda B. M.* Národní pověry... S. 265–266.
- 49 *Kott Fr. Št.* Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku... S. 53.
- 50 *Этимологический словарь славянских языков...* 1992. Вып. 19. С. 214.
- 51 Archív lidového jazyka...
- 52 *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. S. 480.
- 53 Archív lidového jazyka...
- 54 *Kott Fr. Št.* Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku... S. 135.
- 55 *Kazmír S.* Slovník valašského nářečí...
- 56 *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. S. 553.
- 57 *Máchal J.* Bájeslovi slovanské. V Praze, 1907. S. 100.
- 58 *Králik L.* Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava, 2015. S. 656
- 59 *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. S. 481.
- 60 *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník... Díl 8. S. 305.
- 61 Ibid. Díl 2. S. 843.
- 62 Archív lidového jazyka...
- 63 *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník... Díl 7. S. 1074.
- 64 *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. S. 695.
- 65 *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník... Díl 4. S. 742.
- 66 *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. S. 695.
- 67 *Sobotka R.* Bajné bytosti na Valašsku. S. 19–21.
- 68 Moravské Slovensko. S. 708.
- 69 *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. S. 486.

- 70 *Kott Fr. Št. Česko-německý slovník... Díl 7. S. 719.*
- 71 *Bartoš F. Dialektický slovník moravský. S. 386.*
- 72 *Kazmír S. Slovník valašského nářečí...*
- 73 *Kott F. Št. Příspěvky k česko-německému slovníku zvláště grammaticko-fraseologickému. Praha, 1896. S. 514.*
- 74 *Archív lidového jazyka...*
- 75 *Vyhliďal J. Naše Slezsko... S. 285.*
- 76 *Kott Fr. Št. Česko-německý slovník... Díl 5. S. 1139.*
- 77 *Archív lidového jazyka...*
- 78 *Kott Fr. Št. Česko-německý slovník...Díl 7. S. 911.*
- 79 *Bartoš F. Dialektický slovník moravský. S. 548; морав.-словац., окр. Всетина — Archív lidového jazyka...*
- 80 *Етимологічний словник української мови. Київ, 2006. Т. 5. С. 325.*
- 81 *Sobotka R. Bajné bytosti na Valašsku. S. 7–8.*
- 82 *Bartoš F. Moravský lid... S. 171.*
- 83 *Этимологический словарь славянских языков... 1983. Вып. 10. С. 37–38.*
- 84 *Václavík A. Luhačovské Zálesí. S. 432.*
- 85 *Ibid. S. 433.*
- 86 *Holub J., Kopečný F. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952. S. 323.*
- 87 *Sobotka R. Bajné bytosti na Valašsku. S. 12–13.*
- 88 *Zajčeva H. И. Мифологическая лексика... С. 225.*
- 89 *Václavík A. Luhačovské Zálesí. S. 423.*
- 90 *Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. S. 126.*
- 91 *Moravské Slovensko... S. 713.*
- 92 *Kott Fr. Št. Česko-německý slovník... Díl 10. S. 171.*
- 93 *Moravské Slovensko. S. 713*
- 94 *Kott Fr. Št. Česko-německý slovník... Díl 6. S. 926.*
- 95 *Archív lidového jazyka...*
- 96 *Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. S. 350.*
- 97 *Виноградова Л. Н. Мамуна // Славянские древности... 2004. Т. 3. С. 176–178.*
- 98 *Sobotka R. Bajné bytosti na Valašsku. S. 17–18.*
- 99 *Moravské Slovensko. S. 713.*
- 100 *Archív lidového jazyka...*
- 101 *Moravské Slovensko. S. 713.*
- 102 *Archív lidového jazyka...*
- 103 *Zajčeva H. И. Мифологическая лексика... С. 258.*
- 104 *Archív lidového jazyka...*

- 105 *Sobotka R.* Bajné bytosti na Valašsku. S. 17–18.
- 106 *Зайцева Н. И.* Мифологическая лексика... С. 210.
- 107 *Václavík A.* Luhačovské Zálesí. S. 417.
- 108 Moravské Slovensko. S. 717.
- 109 *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník... Díl 1. S. 203; Díl 9. S. 35.
- 110 Ibid. Díl 6. S. 3; *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. S. 53.
- 111 *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. S. 53.
- 112 *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník... Díl 6. S. 10.
- 113 *Vyhliđal J.* Naše Slezsko... S. 282–284.
- 114 Moravské Slovensko. S. 710.
- 115 *Bartoš F.* Lid a národ. Sv. 1. S. 128.
- 116 *Bartoš F.* Moravský lid... S. 135.
- 117 *Sobotka R.* Bajné bytosti na Valašsku. S. 14.
- 118 Ст. Бржецлав, Весели, см.: Moravské Slovensko. S. 706–707; Злинско, см.: *Bartoš F.* Lid a národ. Sv. 1. S. 130.
- 119 *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník... Díl 1. S. 988.
- 120 Ibid. Díl 6. S. 945.
- 121 Archív lidovéhoho jazyka...
- 122 *Václavík A.* Luhačovské Zálesí. S. 417.
- 123 *Зайцева Н. И.* Мифологическая лексика... С. 274.
- 124 Там же. С. 240.
- 125 *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník... Díl 6. S. 897.
- 126 Moravské Slovensko. S. 712–713.
- 127 *Bartoš F.* Lid a národ. Sv. 1. S. 129.
- 128 *Václavík A.* Luhačovské Zálesí. S. 422.
- 129 Archív lidovéhoho jazyka...; *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. D.? S. 413.
- 130 Этимологический словарь славянских языков... 1987. Вып. 13. С. 142–143.
- 131 *Sobotka R.* Bajné bytosti na Valašsku. S. 7.
- 132 *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. S. 19.
- 133 *Václavík A.* Luhačovské Zálesí. S. 423.
- 134 Moravské Slovensko. S. 712.
- 135 Moravské Slovensko. S. 717.
- 136 *Vyhliđal J.* Naše Slezsko... S. 288.
- 137 *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník... Díl 10. S. 152; Archív lidovéhoho jazyka...
- 138 *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník... Díl 6. S. 784.
- 139 Ibid. Díl 1. S. 851.
- 140 Archív lidovéhoho jazyka...

- 141 Lidová kultura. Národopisná encyklopedie Čech, Moravy a Slezska / red. Brouček St., Jeřábek. Praha, 2007. R. 3. Svazek: Věcná část. O–Z. S. 725.
- 142 *Sobotka R.* Bajné bytosti na Valašsku. S. 8; *Bartoš F.* Lid a národ. Sv. 1. S. 200–202.
- 143 *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. S. 152.
- 144 *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník... Díl 10. S. 133.
- 145 *Ibid.* Díl 1. S. 728; Díl 6. S. 647.
- 146 *Kott Fr. Št.* Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku... S. 34.
- 147 Moravské Slovensko. S. 749.
- 148 Archív lidového jazyka...
- 149 *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. S. 287.
- 150 *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. S. 445.
- 151 Archív lidového jazyka...
- 152 *Kott Fr. Št.* Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku... S. 75
- 153 *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. S. 307.
- 154 *Václavík A.* Luhačovské Zálesí. S. 397.
- 155 *Kott Fr. Št.* Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku... S. 81.
- 156 *Václavík A.* Luhačovské Zálesí. S. 320.
- 157 Moravské Slovensko. S. 670.
- 158 *Václavík A.* Výroční obyčeje a lidové umění. Praha, 1959. S. 425.
- 159 *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. S. 341.
- 160 *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník... Díl 8. S. 248.
- 161 *Sobotka R.* Bajné bytosti na Valašsku. S. 14.
- 162 Moravské Slovensko. S. 706, 707.
- 163 *Máchal J.* Bájėsloví slovanské... S. 103.
- 164 *Václavík A.* Luhačovské Zálesí. S. 417.
- 165 Z lidopisných zbírek Fr. Bartoše. Hastrmani. Svetlonoši. Poledníček // Český lid. 11. 1902. S. 170–171.
- 166 *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. S. 469
- 167 *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. S. 359.
- 168 Moravské Slovensko. S. 707–708.
- 169 *Kouřilová M.* Slovanští duchové a démoni... S. 39.
- 170 Moravské Slovensko. S. 706.
- 171 *Václavík A.* Luhačovské Zálesí. S. 417.
- 172 Moravské Slovensko. S. 706–707.
- 173 Валашко — см.: *Sobotka R.* Bajné bytosti na Valašsku. S. 11–12; Злинско — см.: *Bartoš F.* Lid a národ. Sv. 1. S. 128–129.
- 174 *Зайцева Н. И.* Мифологическая лексика... С. 225.
- 175 *Зубов М. І.* Кілька етимологічних зауважень до назв слов'янських міфологічних персонажів // Мовознавство. 2010. № 2–3. С. 116.

- 176 *Zajčeva H. II.* Мифологическая лексика... С. 250.
- 177 *Bartoš F.* Lid a národ. Sv. 1. S. 219, 133; *Sobotka R.* Bajné bytosti na Valašsku. S. 19.
- 178 Archív lidového jazyka...
- 179 *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. S. 164.
- 180 Moravské Slovensko. S. 705.
- 181 *Vyhliďal J.* Naše Slezsko... S. 303.
- 182 Ibid. S. 216, примечание.
- 183 Moravské Slovensko. S. 707.
- 184 *Bartoš F.* Moravský lid... S. 142.
- 185 *Kazmír S.* Slovník valašského nářečí...
- 186 Moravské Slovensko. S. 718; Archív lidového jazyka...
- 187 *Zajčeva H. II.* Мифологическая лексика... С. 213.
- 188 *Kazmír S.* Slovník valašského nářečí...
- 189 *Václavík A.* Luhačovské Zálesí. S. 433.
- 190 *Sobotka R.* Bajné bytosti na Valašsku. S. 9–10.
- 191 *Kazmír S.* Slovník valašského nářečí...; *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. S. 408.
- 192 Atlas slovenského jazyka. [D.] 4: Lexika. Časť 2: Úvod — komentáre — dotazník — indexy. Bratislava, 1984. S. 233.
- 193 *Kott Fr. Št.* Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku... S. 109.
- 194 Archív lidového jazyka...
- 195 *Zajčeva H. II.* Мифологическая лексика... С. 264.
- 196 Archív lidového jazyka...
- 197 *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. S. 582.
- 198 *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. S. 417.
- 199 *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník... Díl 8. S. 399.
- 200 *Zajčeva H. II.* Мифологическая лексика... С. 271.
- 201 *Sochová Z.* Lašská slovní zásoba... S. 254.
- 202 *Pełka L. J.* Polska demonologia ludowa. Warszawa: Iskry, 1987. S. 85.
- 203 Этимологический словарь славянских языков... 1979. Вып. 6. С. 188–190.
- 204 *Bartoš F.* Lid a národ. Sv. 2. S. 40.
- 205 *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník... Díl 7. S. 286.
- 206 *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. S. 303.
- 207 *Zíbrt Č.* Bájėslovné drobnosti ze začátku věku XV // Český lid. 4. 1895. S. 524.
- 208 *Bartoš F.* Lid a národ. Sv. 2. S. 40.
- 209 *Sobotka R.* Bajné bytosti na Valašsku. S. 14; *Bartoš F.* Lid a národ. Sv. 1. S. 130.

- 210 *Kott Fr. Št. Česko-německý slovník... Díl 6. S. 913.*
- 211 *Archív lidového jazyka...*
- 212 *Bartoš F. Dialektický slovník moravský. S. 189; Archív lidového jazyka...*
- 213 *Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. S. 373.*
- 214 *Kott Fr. Št. Česko-německý slovník... Díl 6. S. 1022.*
- 215 *Ibid. Díl 7. S. 1378.*
- 216 *Ibid. S. 1328.*
- 217 *Bartoš F. Dialektický slovník moravský. S. 478, 296; Archív lidového jazyka...*
- 218 *Archív lidového jazyka...*
- 219 *Kott Fr. Št. Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku... S. 134.*
- 220 *Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. S. 61.*
- 221 *Elektronický slovník staré češtiny. Praha, oddelení vývoje jazyka Ústavu pro jazyk český AV ČR, v. v. i., 2006– [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vokabular.ujc.cas.cz>, citován stav ze dne 10. 8. 2017.*
- 222 *Bartoš F. Moravský lid... S. 136.*
- 223 *Kott Fr. Št. Česko-německý slovník... Díl 8. S. 101.*
- 224 *Sobotka R. Bajné bytosti na Valašsku. S. 17.*
- 225 *Moravské Slovensko. S. 707.*
- 226 *Archív lidového jazyka...*
- 227 *Bartoš F. Dialektický slovník moravský. S. 237.*
- 228 *Bartoš F. Lid a národ. Sv. 1. S. 129.*
- 229 *Kott Fr. Št. Česko-německý slovník... Díl 9. S. 331.*
- 230 *Václavík A. Luhačovské Zálesí. S. 416.*
- 231 *Kott Fr. Št. Česko-německý slovník... Díl 10. S. 428; Рожновско в Валахии — см.: Sobotka R. Bajné bytosti na Valašsku. S. 17.*
- 232 *Bartoš F. Dialektický slovník moravský. S. 480.*
- 233 *Ibid. S. 553.*
- 234 *Archív lidového jazyka...*
- 235 *Kazmír S. Slovník valašského nářečí...*
- 236 *Kott Fr. Št. Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku... S. 135.*
- 237 *Moravské Slovensko. S. 713.*
- 238 *Václavík A. Luhačovské Zálesí. S. 426.*
- 239 *Bartoš F. Dialektický slovník moravský. S. 191*
- 240 *Kott Fr. Št. Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku... S. 53.*
- 241 *Этимологический словарь славянских языков... 1990. Вып. 17. С. 189–190.*
- 242 *Дукова V. Наименования демонов в болгарском языке. С. 111–113.*
- 243 *Archív lidového jazyka...*

- 244 *Václavík A.* Výroční obyčeje a lidové umění... S. 186.
- 245 *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. S. 44.
- 246 *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník... Díl 10. S. 567; Archív lidového jazyka...
- 247 *Ibid.* Díl 9. S. 29.
- 248 *Kazmír S.* Slovník valašského nářečí...
- 249 *Borocký J.* Hanácký slovník středohanáckého nářečí [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hanackslovník.wz.cz/>
- 250 *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. S. 95.
- 251 *Václavík A.* Luhačovské Zálesí. S. 417.
- 252 *Дукова У.* Наименования демонов в болгарском языке. С. 35.
- 253 *Зайцева Н. И.* Мифологическая лексика... С. 102–103. Немецкий прототип заимствования *Eulenspiegel* неудовлетворителен, однако другой предложить пока не представляется возможным.
- 254 *Moravské Slovensko.* S. 705.
- 255 *Климова Д.* *Hospodářík* в поверьях чешского народа // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С. 163.
- 256 *Sobotka R.* Bajné bytosti na Valašsku. S. 13–14.
- 257 *Václavík A.* Luhačovské Zálesí. S. 417, 317.
- 258 *Lidová kultura...* S. 1212.
- 259 *Bartoš F.* Lid a národ. Sv. 2. S. 44.
- 260 *Bartoš F.* Moravský lid... S. 218.
- 261 *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník... Díl 1. S. 451.
- 262 *Ibid.* Díl 6. S. 323.
- 263 *Vyhliďal J.* Naše Slezsko... S. 286–287.
- 264 *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. S. 130.
- 265 *Archív lidového jazyka...*
- 266 *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník... Díl 6. S. 487.
- 267 *Климова Д.* *Hospodářík* в поверьях чешского народа... С. 163.
- 268 *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. S. 155.
- 269 *Václavík A.* Luhačovské Zálesí. S. 420.
- 270 *Sobotka R.* Bajné bytosti na Valašsku. S. 17.
- 271 *Bartoš F.* Moravský lid... S. 211.
- 272 *Lidová kultura...* S. 725.
- 273 *Moravské Slovensko.* S. 717.
- 274 *Archív lidového jazyka...*
- 275 *Václavík A.* Luhačovské Zálesí. S. 417.
- 276 *Sobotka R.* Bajné bytosti na Valašsku. S. 19.
- 277 *Máchal J.* Bájesloví slovanské... S. 92–93; также см.: *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník... Díl 3. S. 423; Díl 7. S. 704.

- 278 *Václavík A.* Luhačovské Zálesí. S. 427–428.
 279 *Vyhlídal J.* Naše Slezsko... S. 291–293.
 280 *Bartoš F.* Moravský lid... S. 142.
 281 *Bartoš F.* Lid a národ. Sv. 2. S. 37.
 282 *Václavík A.* Luhačovské Zálesí. S. 441.
 283 *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. S. 460.
 284 *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník... Díl 10. S. 674.
 285 *Ibid.* Díl 7. S. 960.
 286 *Ibid.* Díl 9. S. 356.
 287 *Václavík A.* Luhačovské Zálesí. S. 425.
 288 *Kazmír S.* Slovník valašského nářečí...
 289 *Sobotka R.* Bajné bytosti na Valašsku. S. 21; *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník... Díl 7. S. 1106.
 290 *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. S. 521.
 291 *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník... Díl 5. S. 71.
 292 *Archív lidového jazyka...*
 293 *Vyhlídal J.* Naše Slezsko... S. 187; *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník... Díl 10. S. 533.
 294 *Санникова О. В.* Польская мифологическая лексика... С. 272.

M. M. Valentsova

Moravian demonological vocabulary: a short review

The main group of Moravian demonological vocabulary - the names of mythological characters — is collected and analyzed in the article in the ethnolinguistical aspect. The ethnogenetic and areal aspects of this vocabulary and the motives associated with it are also touched upon. The article is based on the materials from ethnographical sources, dictionaries and archives.

Keywords: *ethnolinguistics, Moravian demonology, mythological vocabulary, arealogy, Slavic archaic zones.*

Заклинание как речевой и фольклорный жанр в детской речи

Автор рассматривает заклинание как речевой и фольклорный жанр, присущий детской речи. Выявляются его разнообразные связи с традиционными славянскими заклинаниями и другими жанрами магической речи.

Ключевые слова: *заклинание, магическая речь, детский фольклор, речевой жанр.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.2.03

Речевые жанры (РЖ), представляющие собой «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний (текстов)»¹, занимают определенное место в речеванровой системе того или иного общества. Очевидно, что система РЖ соотносится в том числе и с типами речевой культуры. Это касается как набора РЖ, так и специфики их языкового воплощения. Так, рассматривая «сельский тип речевой культуры», В. Е. Гольдин говорит о такой его когнитивной особенности, как своеобразное «распределение различных типов информации, сведений, знаний» между «свободным устным дискурсом», «фольклорными текстами» и «рассказами-пластинками»². Однако фольклорные тексты малых жанров для данного типа речевой культуры более активны и в качестве готовых единиц коммуникации. «Народные паремии» обслуживают разные коммуникативные ситуации³, в том числе запретные для обсуждения носителей элитарного типа речевой культуры⁴. Это «фольклор речевых ситуаций», или «коммуникативный фольклор»⁵, включающий в себя «малые формы, жизнь которых связана [...] с реализацией в процессе речевых контактов» (Б. Н. Путилов)⁶; «тексты, максимально включенные в ситуацию» (С. М. Толстая)⁷; «несpontанные формы устной речи» (К. В. Чистов)⁸. По-видимому, они подходят под определение «фольклорных маргиналий» (К. А. Богданов), т. е. «текстов, которые, вероятно, могли бы стать предметом и иного анализа — социологического, литературоведческого, психологического и т. д., но при этом обнаруживают также фольклорную феноменологию»⁹. К. Годдард отметил, что для лингвистики пословицы — «маргинальный объект»¹⁰. Пословица как текст (представленный, например, в словаре) и как

РЖ — разные явления. Разграничение текста и РЖ анекдота в работе А. Д. и Е. Я. Шмелевых¹¹ потребовало обозначения соответствующего жанра как «рассказывания анекдота», поскольку его текст может быть воспроизведен и в рамках «напоминания»¹². При этом фольклорные жанры имеют разные коммуникативные возможности: в отличие от прагматически маркированных обрядовых текстов, к примеру, поговорка обладает «относительной свободой прагматической цели», т. е. может быть утешением, нравоучением и т. д.¹³

Вероятно, наибольшую близость к народному типу речевой культуры обнаруживает сфера детской речи, составной частью которой являются жанры детского фольклора. Здесь наблюдается большая активность устойчивых формул, что связано со многими факторами, в том числе с тем, что речезанровая компетенция в детском возрасте только формируется, и многие РЖ в детской субкультуре едва ли не полностью представлены клишированными формами. Так, если взрослый, реализуя интенцию примирения, почти свободно выбирает необходимые средства ее языкового воплощения (что не исключает возможности оформления высказывания по законам построения «риторических жанров»¹⁴), то ребенку для этой цели может быть предложен популярный фольклорный жанр — мирилка (*Мирись, мирись, мирись, и больше не дерись...*). РЖ клятвы в детской речи лишен свободного варьирования и реализуется в устойчивых (фольклорных по своей природе) формулах — так, в советское время употреблялись формулы типа *Ленина и Сталина обманывать нельзя* и т. п. Эта особенность ярко проявляется на фоне клятв взрослых, где нередко говорящий (почти) свободно выбирает залог клятвы (чем клясться) и гаранта клятвы (свидетеля)¹⁵. РЖ просьбы (в ситуации, когда один из собеседников обладает желанным для другого пищевым продуктом) находит воплощение в детской речи в устойчивых формулах типа *Сорок восемь — половину просим*, для ответа на которые были придуманы формулы вроде *Сорок один — ем один* и др. Очевидно, что в детской речи существует множество клише для обеспечения «успешности» коммуникации в разных ситуациях. И если иметь в виду, что РЖ — это и «средство формализации социального взаимодействия»¹⁶, становится понятным, что представленные примеры иллюстрируют процесс формализации социального взаимодействия детей друг с другом через определенные (фольклорные) РЖ (клятвы, мирилки и др.) и особое, поскольку «в фольклоре представлены далеко не все жанры, используемые в речевой коммуникации»¹⁷, («фольклорное») оформление иных РЖ (просьбы, отказа и др.).

С этими особенностями детской речи связана одна из важнейших проблем, стоящих перед исследователем детского фольклора. После того как были осознаны и преодолены ограничения, связанные с установкой на исследование только одобряемых жанров¹⁸, и стало ясно, что фольклор — «более масштабное явление»¹⁹, ученые столкнулись с тем, что при «необычайно широком» диапазоне «неэлитных» жанров он «практически не изучен», коллекция текстов «очень малочисленна», «они редко попадают в поле зрения исследователей», нет «полного реестра жанров, которые не изучены вообще и даже практически не изданы»²⁰. Сюда относят «формулы утрашения перед дракой, стереотипные выражения регулирования конфликтов [...] мирилки, формулы фиксации собственности», «формулы реакций на запахи» и др.²¹ Показательно, что у перечисленных жанров нет соответствующих «общепризнанных» названий (кроме «мирилки»²²). Так, жанровая природа популярных детских выражений типа *Ты мне больше не подружка...* в «Словаре разговорных выражений» определена косвенно через основную интенцию: «выражение обиды, нежелания дружить»²³, хотя в случае с дразнилками никаких затруднений в определении жанра у авторов нет²⁴ (как и в словаре «Русское детство», где та же формула трактуется как «стишок, применяемый в разных ситуациях»²⁵). И хотя «классификация фольклорных жанров — это прежде всего научная классификация»²⁶, рядовой носитель языка знает те из них, что наиболее распространены и представлены множеством текстов (считалка, анекдот и др.). Сложнее обстоит дело, например, с закличкой. Так, известная и по сей день закличка с зачином *Самолет, самолет, посади меня в полет...*²⁷ отлична от традиционных, имевших в качестве коммуникативной цели «просьбу решить прежде всего хозяйственные вопросы»²⁸, адресат которых — природные объекты (*Солнышко, покажись...*)²⁹. Закличка про божью коровку изначально содержала просьбу «принести нам хлебушка»³⁰, а *Самолет, самолет...* уже не имеет изначально присущих жанру магических целей: изменился характер адресата, цель ее произнесения — игровая, сохранилось лишь языковое сходство с прототипом, поэтому С. Б. Борисов называет ее «кричалкой» или «детским речитативом»³¹.

Хотя «мир детства» обладает «своим собственным языком, структурой, функциями, традициями»³², тексты некоторых детских жанров (и сами жанры) обнаруживают связь с текстами и жанрами традиционной культуры: так, считалка связана с заговором и молитвой³³, что иллюстрирует общую тенденцию наследования детской субкультурой элементов традиционного фольклора, как это произошло с приговором³⁴.

Зададимся вопросом о жанровом статусе следующих четырех устойчивых выражений, появление и функционирование которых было вызвано потребностями повседневной детской жизни. Для защиты от дыма появилось несколько выражений, самые известные из которых — *Куда фига, туда дым* (*Куда дуля, туда дым*) и *Дым, дым, я масло не ем*. С. Б. Борисов трактует первую как «формулу, сопровождающую соответствующий жест и призванную отогнать дым от костра в сторону от произносящего»³⁵, а вторую — как «фразу, призванную отогнать дым в сторону от произносящего»³⁶. В толкованиях указана коммуникативная цель. В случае же с выражениями, имеющими зачин *Плюнь три раза, не моя зараза...* указывается, что это «формулы, произносимые при встрече с телом дохлого животного», но их коммуникативная цель не указана (полные варианты текста: *Не моя зараза, не папина, не мамина, не сестренки, не братишки, не друга, не подруги, а самого, самого плохого человека на свете; Плюнь три раза, не моя зараза, не папина, не мамина, а чужого барина* и др.³⁷). С какой целью произносятся последние формулы? Ответ находим в комментарии информанта: «...у нас (детей) была примета, что видеть мертвых животных или птиц — к смерти»³⁸. Хорошо известна еще одна формула такого рода: при появлении опасного насекомого (шмеля, шершня, осы, пчелы) следует несколько раз громко повторить: *Соль-вода!*. Таким образом, мы имеем дело с общностью цели такого рода высказываний — предотвратить опасность извне.

Примеров немного, но они до сих пор известны представителям разных поколений (так, формула *Куда дуля, туда дым* зафиксирована нами летом 2016 г. на территории Республики Беларусь в живой спонтанной речи от информанта 1962 г. рождения). Малочисленность таких текстов препятствует их жанровой квалификации. «Анкета», или «модель», РЖ Т. В. Шмелевой³⁹ дает возможность показать, что все они представляют пусть и специфически детский, но именно РЖ заклинания, сохраняющий все основные параметры данного традиционного славянского жанра.

К заклинанию в традиционной культуре относят «вид (жанр) ритуально-магической речи», представляющий собой «прямое обращение к объекту магического воздействия в императивной форме — требования, приказа, побуждения, просьбы, мольбы, предупреждения, запрещения, угрозы»⁴⁰.

С точки зрения коммуникативной цели выражения *Соль-вода!*, *Дым-дым, я масло не ем!* и др. соответствуют традиционным «отгонным» текстам⁴¹. Так, в славянской культуре отгонными являются

закливания от града (в переводе с сербского *Эй, туча, / Не иди на косарей*)⁴², от змей (с болгарского: *Убегайте, змеи, Благовещение вас задавит*), от болезней (с польского: *Рожжа, рожжа, иди прочь, пойди на мертвое тело*)⁴³ и др. Их цель — отдалить от говорящего нежелательный объект или явление. Противоположная цель — у заклинаний, используемых в продуцирующей магии для вызывания дождя⁴⁴, обеспечения успеха земледельческих работ⁴⁵ и т. д. Подобное «сужение» репертуара разновидностей (не все заклинания, а только «отгонные») характерно и для «детской» клятвы по отношению к «взрослой» (где исключается, например, зарок)⁴⁶, поскольку в обоих случаях в детской речи данные РЖ становятся вторичными по отношению к «взрослым» РЖ, а изменения РЖ не только добавляют новое, но и вносят определенные ограничения на использование РЖ⁴⁷.

В традиционной культуре заклинание «может быть самостоятельным вербальным ритуалом [...] приговором при обрядовом или практическом действии, а также составной частью более сложных вербальных форм»⁴⁸. Все приведенные примеры из детской речи являются самостоятельными вербальными ритуалами, а составной частью более сложных форм у детей заклинание выступает в «вызываниях» (А. Ф. Белоусов в конце 1990-х гг. называл их «ядром магической практики современных школьников»⁴⁹), где с его помощью (например, *Гномик-гномик, приходи!*) «вызывались» Пиковая дама, Гном, Баба-матерщинница, Ленин и проч.⁵⁰ О «приговоре при практическом действии» можно говорить применительно к описанным М. А. Осориной случаям изобретения детьми в трудных ситуациях «собственных заклинаний и ритуалов»⁵¹. «Активное воздействие на этот мир [...] происходит в результате заклинаний и обращений к отдельным предметам, от которых зависит успех ребенка, например к автобусу или лифту, чтобы скорее доезж»⁵².

В отличие от заклинания, приговор произносится «в качестве сопровождения практических и обрядовых действий и ритуализованных ситуаций», он вторичен «по отношению к конкретному действию и ситуации в целом», произведен от нее и потому несамостоятелен, зависит от контекста, вследствие чего может «редуцироваться до минимума и даже отсутствовать»⁵³. «Часть приговоров утратила функции заклинания и перешла в детский и игровой фольклор»⁵⁴. Современный пример такого рода — произнесение фразы *На хорошую погоду* во время выбрасывания вдаль мелкой монеты («Теперь пусть кидают на хорошую погоду, — предлагает моя коллега, — а то дожди надоели»⁵⁵). Автор статьи последний раз становился свидетелем воспроизведения

описанной ситуации осенью 2016 г. — нашедший на садовом участке мелкую монету житель Республики Башкортостан 1958 г. рождения выбросил ее вдаль со словами: «На хорошую погоду».

Близкую коммуникативную цель имеет и закличка — «краткая рифмованная приговорка-заклинание, адресованная животным и явлениям природы и имеющая речитативно-песенную манеру исполнения»⁵⁶. На первый взгляд, только особенности формальной организации отличают тексты данного жанра от заклинания и приговора. Закличка (ср. также условное наименование «детское “заклинание”»⁵⁷) принадлежит сегодня системе жанров детского фольклора. Ее коммуникативная цель, как уже говорилось, постепенно менялась от магической (избавиться от головной боли, остановить дождь⁵⁸) к игровой (что отмечено уже в XIX в.⁵⁹). Однако закличка, в отличие от заклинаний, чаще адресована не угрожающему объекту, а в основном источнику блага — солнышку, весне, божьей коровке, пауку, ужу, бабочке, кузнечнику, сороке, утке, мышке, улитке и др.⁶⁰ Дождь может быть как желательным, так и нежелательным, поэтому в качестве адресата он фигурирует в «заклинаниях, словесных формулах и клише, приговорах, плачах/голошениях по мифическому утопленнику», «специальных песенных текстах»⁶¹, «детских песенках параллелистической структуры и семантики» отгонного (*Дожджык, дожджык, перастань...*) и продуцирующего характера (*Дожджык, дожджык, се(і)кани...*)⁶². См. также примеры зачинов русских закличек: *Дождик, лей, лей, лей...; Дождик, дождик, перестань!..* и др.⁶³

Наиболее близкий к заклинанию жанр по коммуникативной цели — заговор («служащий магическим средством достижения желаемого в лечебных, защитных, продуцирующих и других ритуалах»⁶⁴), и эта общность цели затрудняет процесс их разграничения⁶⁵ и объясняет такие обобщенные наименования, как «заговорно-заклинательная традиция»⁶⁶.

Детские заклинания с точки зрения образа адресата и адресанта объединяет с прототипом: а) «прямое обращение к объекту магического воздействия в императивной форме»; б) «усиленная роль отправителя текста»; в) «непосредственный контакт с источником благ, охраняемым или опасным объектом»⁶⁷, который и является адресатом. Б. Н. Путилов, говоря о важнейших характеристиках фольклорного жанра, противопоставляет «жанры, которым как бы не нужно специально учиться», и жанры, требующие «профессиональной подготовки»⁶⁸. По этому признаку заклинание и заговор противопоставлены: каких-либо ограничений для отправителя заклинания мы не находим,

что и предопределяет возможность существования данного жанра в детской речи. Отметим лишь, что говорящий должен относиться к заклинанию хотя бы с долей серьезности, иначе произнесение такого рода словесных формул бессмысленно (либо в устах взрослых оно может приобретать характер шутки). Иначе дело обстоит с заговором: в традиционной культуре исполнять их могут «почти исключительно женщины, как правило пожилые (вышедшие из репродуктивного возраста и незамужние), которые обычно пользуются уважением и почитаются как “божьи избранницы”»⁶⁹. Есть свидетельства об особых способах передачи заговоров⁷⁰, нежелании жителей некоторых регионов сообщать исследователям адреса владеющих заговорами⁷¹ и т. п.

А. Л. Топорков уточняет, что «несложными заговорами от бородавок, от ушиба, от кровотечения, при встрече с волком и т. п. владел каждый человек»⁷², показательно также противопоставление обыденных заговоров (знакомых отчасти и детям) и специализированных⁷³.

Заклинанием говорящий «с достаточной силой» побуждает адресата к желанному для себя действию. При этом дым, оса, мертвое животное мыслятся как субъекты, способные не только воспринимать слова заклинания, но и действовать в соответствии с ними. В силу этого заклинание является принадлежностью магической речи, а в толковании соответствующих значений слов *закливание* и *заклинать* указывается на «суеверные представления» и т. п. Так, *заклинать* значит «воздействовать из суеверных побуждений на кого-, что-либо силой колдовства, чар, молитвы»⁷⁴; «суеверно стремиться воздействовать на кого-, что-л., подчинить кого-, что-л. силой заклинаний»⁷⁵; «в народных представлениях: подчинить себе, произнося магические слова, издавая магические звуки»⁷⁶.

К заклинанию прибегают в случае, когда угрожающее событие включено в личную сферу производителя речи, происходит в настоящий момент. В результате его произнесения угрожающая ситуация должна разрешиться благоприятным образом. Здесь важна оценка события: в случае наличия угрозы (встреча с осой) — заклинание, в случае ее отсутствия (встреча с божьей коровкой) — закличка. С точки зрения образа прошлого и образа будущего заклинанию не предшествуют и после него не следуют никакие связанные с ним речевые события, последствием должно стать поведение адресата.

Даже ограниченный набор текстов позволяет судить об особенностях языкового воплощения заклинания в детской речи. Свойственная малым жанрам устойчивость состава⁷⁷ таких формул является важным фактором, определяющим механизм их передачи и исполь-

зования: «отгонный текст» применяется в готовом виде в ситуации, когда нет времени на раздумья; кроме того, только воспроизводимый, вошедший в традицию текст может использоваться в магических целях⁷⁸.

Заклинание в сравнении с заговором (нередко многосоставным⁷⁹) — это краткий текст. Предельное воплощение этого признака находим в заклинании *Соль-вода!* (хотя в сетевых обсуждениях встречаются и развернутые варианты вроде *Соль-вода, соль-вода, улету на провода!*⁸⁰, но, возможно, это распространение исходного варианта объясняющим компонентом). Более развернутые формулы с зачином *Плюнь три раза...* могут редуцироваться в речи до слов *Не моя зараза*.

В прошлом заклинаниям была нередко свойственна тесная связь с ритуалом и обрядом⁸¹. В связи с этим в традиционном заклинании выделяются вербальный, предметный и акциональный компонент⁸². Среди известных нам детских формул такого рода три существуют в тесной связи с акциональным компонентом, причем в двух из них он обязателен. Так, фраза *Куда дуля, туда дым* обязательно сопровождается жестом, на необходимость которого указывают дейктические слова (*куда, туда*). Именно жест (сложенные в виде кукиша (фиги, дули) пальцы руки, направленные в сторону от говорящего) конкретизирует направление, в котором следует распространяться дыму (кукиш широко используется в традиционной магии⁸³). Высказывание, в основе которого лежит соотношение местоименных наречий *куда — туда*, типично для магических текстов, например: *Куда вода, туда и тоска...*; *Куда вода, туда худоба* и др.⁸⁴

Произнесение заклинаний с зачином *Плюнь три раза...* может сопровождаться действиями: 1) «найти красный цвет, взяться за него и проговорить следующие слова...», затем «нужно сплюнуть три раза через левое плечо»⁸⁵. Отметим, что в качестве предметного компонента здесь используется любой предмет красного цвета, как и в детском ритуале клятвы, распространенном в советское время⁸⁶; 2) «плюнуть три раза в разные стороны, через плечо...»⁸⁷. В обоих случаях в тексте заклинания есть указание на акциональный компонент (подобно традиционному заклинанию от градовой тучи, где исполнитель машет топором и произносит *Машу тебе топором...*⁸⁸). Вербальный компонент подчинен акциональному (без соответствующего действия он лишен смысла) в случае приговора *На хорошую погоду*.

К приметам традиционного заклинания относится также повтор, перечисление (*не папина, не мамина...*), служащее «гарантией полноты и исчерпанности [...] защищаемого круга объектов»⁸⁹. В конце перечня

охраняемых лиц назван объект (*чужой барин* и др.), на который перенаправляется негативное последствие встречи с опасным предметом (как в традиционной закличке головная боль отсылается на аиста⁹⁰). В некоторых случаях строчки рифмуются, что не только отвечает детским эстетическим предпочтениям, но и обеспечивает реализацию мнемонического, суггестивного, развлекательного и др. эффектов⁹¹. В формуле *Дым-дым, я масло не ем!* представлен традиционный для заклинаний и закличек вокатив (*Пиеница, родись, ячмень, родись!* и др.⁹²). Отметим, кстати, что в традиционной славянской культуре обращение к дыму как к живому существу не редкость⁹³.

Памятуя о свойстве РЖ быть «мини-картиной мира»⁹⁴, нельзя не отметить, что в основе детских заклинаний лежат мифологические представления, описать которые и выявить истоки которых нередко затруднительно. Так, даже если *Соль-вода!* — формула, в развернутом виде содержащая императивный компонент *...улети на провода!*, — то почему в ней упоминаются именно соль и вода, можно лишь предполагать. Конечно, следует помнить о том, что детское заклинание — РЖ, вторичный по отношению к традиционному заклинанию, и их отношения сложны; кроме того, проблематично «провести четкую границу между самостоятельным творчеством детей и произведениями (явлениями) традиционной культуры, усвоенными ими»⁹⁵. Отметим, что в славянском мифологическом фонде есть некоторые параллели такого рода, например, «соль, соленая вода и солонка, как обладающие отгонной силой, использовались в обрядах изгнания насекомых, гадов и диких животных и оберегов от них»⁹⁶. В Полесье «соль брали с собой в лес, чтобы не встретить змею»⁹⁷. Соль и вода встречаются, например, в формуле-обереге для предотвращения сглаза: *А соль тебе да вода, не уракни* (гом.)⁹⁸. В основе формулы *Дым, дым, я масло не ем!*, видимо, лежат представления о том, что дым от костра «агрессивен» по отношению к тому, кто ест масло (вследствие чего может быть задан вопрос *Ты правда ела масло?*⁹⁹). Мотив избирательности «поведения» дыма присутствует, например, в сербском поверье о том, что «дым идет на того, кто помочился на перекрестке»¹⁰⁰. Поэтому по отношению к дыму выбран магический прием обмана (типичный для традиционной магии¹⁰¹). Выражение *Куда дуля, туда дым* основано на представлении о том, что дым способен выполнять указания человека (см. выше). О мотивировке выражений с зачином *Плюнь три раза...* уже говорилось (в основе ритуала лежит представление о негативных последствиях встречи с мертвым животным). Все сделанные нами наблюдения подтверждают общую закономерность:

при утрате сакральности магического слова (как, например, в закличках) в детском фольклоре сохраняются его «стилистический уровень и тропика»¹⁰².

Т. В. Шмелева указала на то, что в императивных РЖ (кроме пожелания) исполнителем является человек¹⁰³. Очевидно, что заклинание также является императивным РЖ, но оно находится на периферии не только актуальной системы жанров русской речи (для языковой коммуникации заклинание нетипично¹⁰⁴), но и жанровой системы детского фольклора. Так, в работе В. В. Дементьева «Теория речевых жанров», где в приложении представлен перечень РЖ, которые были объектом исследования, заклинание отсутствует (хотя в этом списке есть заговор). Стоит также отметить, что определение РЖ как «вербального оформления типичной ситуации социального взаимодействия людей»¹⁰⁵ по понятным причинам не учитывает специфики заклинания.

В связи с этим интересен вопрос о том, изжиты ли отмеченные выше «суеверные представления», особенно если учесть популярность в настоящее время гороскопов (уже изучавшихся как РЖ¹⁰⁶) и разного рода магических практик, услуг ясновидящих и проч. Как отмечают современные исследователи, заговор является составной частью актуальной речевой практики¹⁰⁷. Однако следует отметить, что это уже не наследие традиционной культуры, но модернизированное явление, вызванное рядом причин, требующих отдельного разговора. Детское же заклинание органично вписывается в картину мира детей и соответствует их речежанровому мышлению, где есть место вызываниям, страшным историям (про черную перчатку, гроб на колесиках), запретам, предполагающим веру в то, что из-за их нарушения (например, *нельзя наступать кому-либо на ногу*) у виновника *мама умрет*, закличкам и т. п. В этом смысле система жанров детской речи обнаруживает тесные связи с традицией: существование заклинания поддерживается всей жанровой системой детского фольклора (в согласии с тезисом М. М. Бахтина о том, что «в каждой сфере речевой деятельности вырабатывается целый репертуар речевых жанров»¹⁰⁸).

Требует отдельного исследования вопрос о бытовании описываемых текстов заклинания в современной детской речи (они активно употреблялись в 1980–1990-х гг. и попали в поле зрения автора настоящей статьи в связи с работой над темой, условно обозначенной как «язык советского детства»¹⁰⁹). Насколько анализируемые здесь тексты заклинаний и сам жанр соотносятся с «речежанровой картиной современности»¹¹⁰? Очевидно, что детское заклинание — не только фоль-

клорная маргиналия (по К. А. Богданову), но и маргиналия речежанровая, что объясняется, во-первых, малочисленностью подобных текстов; во-вторых, их отнесенностью к прошлому (у С. Б. Борисова указано время их фиксации — 1980–1990-е гг.); в-третьих, сложностью жанровой квалификации анализируемых формул (в качестве «имени жанра», которое “первым приходит в голову”)¹¹¹, заклинание почти не встречается); в-четвертых, их отсутствием в сборниках детского фольклора при наличии закличек, приговорок, отчасти заговоров (в последнем случае — как фольклора взрослых, адаптированных детской средой¹¹²); в-пятых, речежанровой вторичностью детского заклинания по отношению к взрослому (ситуации, соответствующие детскому заклинанию, менее опасны, следовательно, и меньше степень их серьезности; кроме того, детское заклинание создано по модели традиционного).

Как отмечает В. В. Дементьев, «набор (система) жанров, существующих в данной культуре в данный период времени, является важнейшей частью своеобразия данной культуры»¹¹³. Все приведенные формулы заклинаний соответствуют «внутрикультурной парадигме» советского времени: «разговоры» с силами природы и животными нормальны для традиционной культуры, элементы которой были доступны основной массе советских детей (А. Л. Топорков в работе, впервые опубликованной в 1992 г., говоря о большей независимости городского фольклора от традиционной культуры, отмечал, что и «здесь он испытывает ее влияние»¹¹⁴), да и в количественном отношении детей, родившихся и выросших в сельской местности, тогда было значительно больше. Закливание не относилось к числу «элитных» жанров, одобряемых советской фольклористикой, но в детской среде советского периода активно употреблялось и было представлено прецедентными текстами, до сих пор обнаруживающими свои следы в разговорной речи, художественных произведениях, сетевых жанрах и обсуждениях в Интернете.

Косвенное подтверждение того, что *Соль-вода!* относится к уходящей традиции, содержится в одном образце нового сетевого жанра — интернет-мема. Так, популярный мем, известный как «Карл», инвариантная часть которого представляет собой изображение отца и сына, первый из которых нечто эмоционально сообщает второму, неизменно завершая высказывание обращением «Карл!», имеет и следующий вариант текста: *Мы говорили пчелам «Соль-вода!» «Соль-вода», Карл!!!*¹¹⁵. Необычное для русской речи словосочетание «говорить пчелам», избранное создателем текста, в какой-то мере свидетельствует о нехарактерности заклинания для детской «речежанровой картины

современности». Еще один пример: на сайте «Стихи.ру» О. Юхта разместила стихотворение «Соль-вода», где данная формула в самом тексте названа «старым заговором»: «Заговор старый пропой: соль-вода, соль-вода...», а в примечании она именуется уже «приказкой от ос и пчел»¹⁶. Выражение *Дым-дым, я масло не ем!* стало заголовком статьи, опубликованной в газете «Советская Чувашия» от 11.08.2010 г., где дается такое его объяснение: «Эта всеильная поговорка из нашего детства, увы, не стала палочкой-выручалочкой в дни тревожного задымления Чебоксар...»¹⁷. Примеров, подтверждающих прецедентный характер анализируемых в настоящей работе текстов, предостаточно. Они представляют нехарактерный для современной русской речи жанр заклинания, которое в трансформированной форме до недавнего времени являлось частью языка детской субкультуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Салимовский В. А. Речевой жанр // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М., 2006. С. 352.

2 Гольдин В. Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник: к 100-летию со дня рождения чл.-кор. Р. И. Аванесова. М., 2003. С. 60.

3 Свалова Е. Н., Подюков И. А. К пиру едется, а к слову молвится. Народная паремика Пермского края. СПб., 2014.

4 См. о типах речевой культуры: Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б. Речевая культура // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М., 1997. С. 413–415.

5 Путилов Б. Н. Теоретические проблемы современной фольклористики: курс лекций. СПб., 2006. С. 102.

6 Там же. С. 161.

7 Толстая С. М. Речевые жанры в фольклоре // XLIV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 10–15 марта 2015 г.: тезисы докладов. СПб., 2015. С. 746.

8 Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция: сборник статей. М., 2005. С. 55.

9 Богданов К. А. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2015. С. 73.

10 Годдард К. «Следуй путем рисового поля»: семантика пословиц в английском и малайском языках // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6: Жанр и язык.

- 11 *Шмелева Е. Я., Шмелёв А. Д.* Русский анекдот: текст и речевой жанр. М., 2002.
- 12 Там же. С. 11, 22.
- 13 *Толстая С. М.* Семантические категории языка культуры: очерки по славянской этнолингвистике. М., 2010. С. 55–56.
- 14 *Сиротинина О. Б.* Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // *Жанры речи*. Саратов, 1999. Вып. 2. С. 26–31.
- 15 *Сидоренко А. В.* Детская клятва в советскую эпоху: речезанровые характеристики // *Жанры речи: международный научный журнал*. 2016. № 2 (14). С. 76–82.
- 16 *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров. М., 2010. С. 54.
- 17 *Толстая С. М.* Речевые жанры в фольклоре... С. 746.
- 18 *Лойтер С. М.* Русский детский фольклор и детская мифология: исследование и тексты. Петрозаводск, 2001. С. 11.
- 19 *Богданов К. А.* Повседневность и мифология... С. 23.
- 20 *Белоусов А. Ф., Головин В. В., Кулешов Е. В., Лурье М. Л.* Детский фольклор: проблемы и перспективы изучения // I Всеросс. конгресс фольклористов: сб. докладов. М., 2005. Т. 1. С. 226.
- 21 Там же. С. 226.
- 22 *Карпухин И. Е.* Русский детский фольклор в Башкортостане. Уфа, 2013.
- 23 *Белянин В. П., Бутенко И. А.* Живая речь: словарь разговорных выражений. М., 1994. С. 158.
- 24 Там же. С. 22, 23 и др.
- 25 *Борисов С. Б.* Русское детство XIX–XX вв.: культурно-антропологический словарь: в 2 т. СПб., 2012. Т. 2. С. 524.
- 26 *Богданов К. А.* Повседневность и мифология... С. 35–36.
- 27 *Карпухин И. Е.* Русский детский фольклор в Башкортостане. С. 200–201.
- 28 Там же. С. 18.
- 29 Там же.
- 30 *Агапкина Т. А.* Заклички // *Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого*. М., 1999. Т. 2. С. 260.
- 31 *Борисов С. Б.* Русское детство... Т. 2. С. 352.
- 32 *Сапогова Е. Е.* Культурный социогенез и мир детства: лекции по историографии и культурной истории детства. М., 2004. С. 367.
- 33 Там же. С. 428.
- 34 *Агапкина Т. А., Седакова И. А.* Приговоры // *Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого*. М., 2009. Т. 4. С. 272.

- 35 *Борисов С. Б.* Русское детство... Т. 1. С. 629.
- 36 Там же. Т. 1. С. 357.
- 37 Там же. Т. 2. С. 181.
- 38 Там же.
- 39 *Шмелева Т. В.* Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Русистика. Берлин, 1990. № 2. С. 20–32; *Она же.* Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 88–98.
- 40 *Толстая С. М.* Заклинания // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 258.
- 41 *Толстой Н. И., Толстая С. М.* Заметки по славянскому язычеству. 5. Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах // Славянский и балканский фольклор. Обряд. Текст. М., 1981. С. 44–120.
- 42 Там же. С. 49.
- 43 *Толстая С. М.* Заклинания. С. 259.
- 44 *Толстой Н. И., Толстая С. М.* Заметки по славянскому язычеству. 2. Вызывание дождя в Полесье // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции. М., 1978. С. 95–130.
- 45 *Толстая С. М.* Заклинания. С. 259.
- 46 *Сидоренко А. В.* Детская клятва в советскую эпоху... С. 73.
- 47 *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров. С. 169.
- 48 *Толстая С. М.* Заклинания. С. 258.
- 49 Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / сост. А. Ф. Белоусов. М., 1998. С. 13.
- 50 Там же. С. 13; *Борисов С. Б.* Русское детство... Т. 1. С. 180–181.
- 51 *Осорина М. А.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 2008. 4-е изд. С. 113.
- 52 Там же. С. 283.
- 53 *Агапкина Т. А., Седакова И. А.* Приговоры. С. 272.
- 54 Там же.
- 55 *Жирнова Д.* Как мы зарабатывали на улыбках красноярцев // Комсомольская правда. 2008. 16 июля.
- 56 *Агапкина Т. А.* Заклички. С. 260.
- 57 *Мельников М. Н.* Русский детский фольклор: учебное пособие. М., 1987. С. 60.
- 58 *Агапкина Т. А.* Заклички. С. 260.
- 59 *Мельников М. Н.* Русский детский фольклор... С. 60.
- 60 *Карпухин И. Е.* Русский детский фольклор в Башкортостане. С. 187–201; *Лойтер С. М.* Русский детский фольклор и детская мифология... С. 244–247.

61 *Антропов Н. П.* Народно-этимологическая субституция ключевой лексемы устойчивого словосочетания (белорусско-русская параллель) // V Международная научная конференция «Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах», 22–23 октября 2007 г. Гомель, 2007. С. 40.

62 Там же. С. 40.

63 *Карпунин И. Е.* Русский детский фольклор в Башкортостане. С. 190–195.

64 *Толстая С. М.* Заговор // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 239.

65 *Толстая С. М.* Закливания. С. 258.

66 *Харитонова В. И.* Заговорно-заклинательная традиция восточных славян (к проблеме бытования фольклорно-этнографического материала) // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. 1: Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1988. С. 35.

67 *Толстая С. М.* Закливания. С. 258–259.

68 *Путилов Б. Н.* Теоретические проблемы современной фольклористики... С. 96.

69 *Толстая С. М.* Заговор. С. 239.

70 *Смирнов Ю. И.* Передача, исполнение и запоминание заговоров на Русском Севере // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. 1: Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1988. С. 53.

71 *Проценко Б. Н.* Из наблюдений над структурой текста донских заговоров // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. 1: Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1988. С. 42.

72 *Топорков А. Л.* Заговор // Славянская мифология: энциклопедический словарь. М., 1995. С. 186.

73 *Смирнов Ю. И.* Бытование заговоров на Русском Севере (по наблюдениям 1956–1963 гг.) // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. 1: Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1988. С. 51–52.

74 Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1955. Т. 4. С. 524.

75 Словарь русского языка в четырех томах. 3-е изд. М., 1985. Т. 1. С. 528.

76 Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2011. С. 251.

77 *Виноградова Л. Н.* Вербальные компоненты обрядового комплекса (влияние фольклорного текста на структуру, семантику и терминологию обряда) // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения Н. И. Толстого (1923–1996). М., 2004. С. 218.

- 78 *Толстая С. М.* Семантические категории языка и культуры. С. 67–68.
- 79 *Толстая С. М.* Заговор. С. 239.
- 80 <http://www.yaplakal.com/forum7/st/50/topic1281043.html>.
- 81 *Толстой Н. И., Толстая С. М.* Заметки по славянскому язычеству.
2. Вызывание дождя в Полесье. С. 95–130.
- 82 *Толстой Н. И., Толстая С. М.* Заметки по славянскому язычеству.
5. Защита от града в Драгачев... С. 46.
- 83 *Левкиевская Е. Е.* Кукиш // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 26.
- 84 *Лойтер С. М.* Русский детский фольклор и детская мифология... С. 50.
- 85 *Борисов С. Б.* Русское детство... Т. 2. С. 181.
- 86 *Сидоренко А. В.* Детская клятва в советскую эпоху... С. 75.
- 87 *Борисов С. Б.* Русское детство... Т. 2. С. 181.
- 88 *Толстой Н. И., Толстая С. М.* Заметки по славянскому язычеству.
5. Защита от града в Драгачеве... С. 51.
- 89 *Толстая С. М.* Речь ритуальная // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 429.
- 90 *Агапкина Т. А.* Заклички. С. 260.
- 91 *Петрова А. А.* Фольклорная рифма как прием: синтактика, семантика, прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
- 92 *Толстая С. М.* Заклинания. С. 258.
- 93 *Плотникова А. А.* Дым // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 169.
- 94 *Дементьев В. В.* Аксиологическая генристика: аспекты проблемы «оценка и жанр» // Жанры речи: международный научный журнал. 2016. № 2 (14). С. 19.
- 95 *Лойтер С. М.* Русский детский фольклор и детская мифология... С. 25.
- 96 *Пьянкова К. В., Седакова И. А.* Соль // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2012. Т. 5. С. 116.
- 97 Там же.
- 98 *Павлова М. Р.* Магические приговоры в ткачестве // Славянское и балканское языкознание: структура малых фольклорных текстов: сб. статей. М., 1993. С. 179.
- 99 *Борисов С. Б.* Русское детство... Т. 1. С. 357.
- 100 *Плотникова А. А.* Дым... С. 69.
- 101 *Толстая С. М.* Обман // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 457–460.

- 102 *Лойтер С. М.* Русский детский фольклор и детская мифология... С. 54–55.
- 103 *Шмелёва Т. В.* Модель речевого жанра... С. 88–98.
- 104 *Толстая С. М.* Речевые жанры в фольклоре. С. 746.
- 105 *Дементьев В. В., Седов К. Ф.* Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов, 1998. С. 10.
- 106 *Лалетина А. О.* Гороскоп как гендерно маркированный медиажанр // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 5. Орел, 2007.
- 107 *Борисова И. Н., Корх С. С.* Прагматический потенциал жанра заговора: цветовой код // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5: Жанр и культура.
- 108 *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. М., 1997. Т. 5. С. 159.
- 109 *Сидоренко А. В.* Язык советского детства: монография. М.; Берлин, 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=446389>.
- 110 *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78–107.
- 111 Там же. С. 84.
- 112 *Капица О. И.* Детский фольклор: песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Л., 1928.
- 113 *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи... С. 81.
- 114 *Топорков А. Л.* Пиковая дама в детском фольклоре // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / сост. А. Ф. Белоусов. М., 1998. С. 16.
- 115 <http://picscomment.com/my-govorili-pchelam-sol-voda-sol-voda-karl.html>.
- 116 <http://www.stihi.ru/2012/03/24/2986>.
- 117 <http://sovch.chuvashia.com/?p=30056>.

A. V. Sidorenko

Incantation as a speech and a folklore genre in child speech

The author studies incantation as a speech and a folklore genre of child speech. Its various connections to traditional Slavic incantations and other genres of magic speech are shown.

Keywords: *incantation, magic speech, child folklore, speech genre.*

Г. П. Пилипенко, М. В. Ясинская
(Москва)

Поляки в казахстанских степях. Исследование языка и культуры

В сентябре 2017 г. была проведена экспедиция к полякам, проживающим в Акмолинской области Казахстана (Астраханский, Шортандинский районы). В ходе полевого исследования были записаны нарративы на польском и украинском языках. Установлено, что для большинства поляков родным языком является украинский. В современных условиях польский и украинский языки вытесняются русским языком. Записаны нарративы о традиционной культуре, жизни поляков в Казахстане.

Ключевые слова: *польский язык, украинский язык, русский язык, Казахстан, полевое исследование, поляки.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.2.04

С 21 по 28 сентября 2017 г. сотрудники Института славяноведения РАН к. ф. н. Г. П. Пилипенко и к. ф. н. М. В. Ясинская проводили экспедиционное обследование поляков, проживающих в Акмолинской области Казахстана¹. В сентябре 2016 г. Г. П. Пилипенко посетил общину поляков в селе Первомайка (Астраханский район Акмолинской области), провел краткие интервью с жителями села, участниками ансамбля «Полония», однако из-за ограниченности во времени полноценное обследование провести не удалось. Было решено организовать экспедицию в 2017 г. с целью более детального изучения общины поляков в данной местности. Основной задачей являлся сбор образцов устной речи, запись нарративов на социолингвистические, этнолингвистические темы, рассказов о переселении, историй жизни собеседников.

Исследование проводилось в Астраханском и Шортандинском районах Акмолинской области. В Астраханском районе удалось посетить населенные пункты Первомайка, Лозовое, Камышенка, в Шортандинском районе проводилась работа в поселке Шортанды, а также в Петровке. Поляки, по последней переписи, проводившейся в 2009 г., составляют 0,21% населения Казахстана (34 057 чел.). Большая их часть (80%) проживает в Северо-Казахстанской области (2,15% от всего населения области), остальные в основном в Акмолинской области (1,08% поляков), есть также общины на юге страны — в Алматинской области.

Уже первые интервью с поляками показали, что эта община чрезвычайно интересна, а история ее переселения в Казахстан трагична. Поляки на территории Казахстана являются потомками репрессированных жителей Украины, переселенцев из Житомирской, Винницкой и Каменец-Подольской областей Украинской ССР. Основная масса переселенцев была депортирована в Казахстан в 1936 г., в том числе и из Мархлевского² польского автономного района (сейчас — территория Житомирской области Украины). Переселению подверглись крестьяне, жители деревень. Людей депортировали в новые для них климатические, природные условия, более суровые, чем на родине. «Спецпоселенцам» предстояло жить в степи, где до этого времени казахи только пасли скот. С момента депортации и до середины 1950-х гг. депортированные поляки жили в специальных поселениях, так называемых «точках», каждая из которых имела свой номер (например, точка № 13 — Лозовое). Старожилы до сих пор используют в своей речи подобные обозначения, хотя существуют официальные топонимы³. Несмотря на тяжелые условия, жителям новых поселков удалось успешно организовать хозяйство. Среди наших собеседников были в основном пожилые люди, поскольку они лучше сохраняют язык и традиции. Некоторые из них родились еще на Украине и помнят времена до переселения. Воспоминания о депортации и первых годах жизни в Казахстане для них очень болезненны, о том времени они рассказывают эмоционально, не сдерживая слез (даже если это не их личные воспоминания, а пересказы воспоминаний их родителей). В 1990-е гг. многие поляки уехали из-за экономической неопределенности, поэтому население менялось. Очень разнородным является этнический состав сел, в которых проживают поляки. Так, практически в каждом из обследованных сел вместе с поляками проживают немцы, которые были депортированы из тех же областей Украины, которые на тот момент являлись пограничными с Польшей. Кроме того, в этих селах проживает много ингушей, депортированных с Кавказа в 1944 г. В годы освоения целины приехало много русских, украинцев, белорусов, казахов, представителей других национальностей. В последнее время появляются так называемые *оралманы* — этнические казахи, переселенцы из Китая, Монголии, Узбекистана, этническая структура населения и сегодня находится в динамике.

Исследования по языку и культуре поляков в Казахстане нельзя назвать многочисленными. Существуют работы, посвященные языку поляков, проживающих в современной Северо-Казахстанской области⁴. Изучается идентичность поляков, история депортации⁵. Однако

комплексного описания этноязыковой ситуации до сих пор не существует. В ходе полевой работы было опрошено 23 информанта, записано в общей сложности 28 часов интервью с собеседниками. Помимо самих поляков, удалось также поговорить на интересующие нас темы с немцами, казахами, украинцами, проживающими вместе с поляками в обследованных населенных пунктах. Работа велась в форме полуструктурированного интервью, в ходе бесед на этнолингвистические темы использовалась «Полесская программа»⁶, затрагивались также темы восприятия конфессионально «чужой» культуры, прежде всего православной, а также мусульманской, представителями которой являются ингуши, казахи, дунгане.

Необходимо отдельно остановиться на языковой идентичности наших собеседников. Лишь малая их доля может использовать при общении польский язык. Конечно, в данном случае речь идет о южном периферийном поддиалекте польского языка⁷, который распространен на той территории, откуда в середине 1930-х гг. происходила депортация. По большей части родным языком собеседников оказывался украинский язык⁸, что весьма ожидаемо, если сравнить данные переписей: так в 1926 г. (за 10 лет до депортации) родным языком 48,4% поляков Украинской ССР был украинский, 44,2% — польский, 6,9% — русский. Последняя перепись населения Украины фиксирует прогрессирующую языковую ассимиляцию поляков: лишь 12,9% поляков в 2001 г. назвали польский родным языком. Отметим при этом, что те поляки, с которыми проводилось интервью по-польски, могут говорить и на украинском (например в семье, с соседями), кроме того, все они также владеют русским языком. Родным языком среднего поколения является русский язык, тогда как ситуация с польско-украинско-русским многоязычием (украинско-русским двуязычием) характерна для информантов старшего поколения⁹. Многие поляки если и говорили когда-то по-польски / по-украински, то сейчас полностью перешли на русский язык (при этом в их речи проявляются характерные черты украинской фонетики — отсутствие аканья, отсутствие смягчения перед *и* и *е*, наличие *г* фрикативного). Польский язык для наших собеседников является языком сакральным, на нем были заучены их первые молитвы в детстве, он является языком богослужения¹⁰. Украинский язык — это говоры двух диалектов юго-западного наречия — подольские и волынские (в зависимости от того, из какой зоны были депортированы информанты / их предки). Что касается казахского, нам не встретилось ни одного информанта, кто владел бы этим языком. Даже у среднего и молодого поколения, несмотря на

особое внимание к казахскому языку в системе школьного образования, знание казахского языка является минимальным, поэтому говорить о широком распространении активного многоязычия с участием казахского языка не приходится.

Нами были проведены интервью также с немцами, которые проживают в одних и тех же населенных пунктах с поляками (с. Камышенка Астраханского района, в с. Петровка мы разговаривали с немцами из Андреевки Шортандинского района). Немцев депортировали с Украины практически из тех же мест, где проживали поляки, поэтому для многих немцев родным языком является украинский (ср. высказывание информантов из Андреевки: *хоть купите, хоть продайте нас, мы не знаем по-немецки; ми немци дерев'яні, ми по-німецькі не балакаєм*). Конечно, сегодня уже осталось мало носителей польского и / или украинского языков как среди поляков, так и среди немцев. В основном это люди, которым более 70 лет.

Основную нашу задачу мы видим как раз в фиксации нарративов на украинском и польском языках, что представляет особую ценность не только в структурном плане (из-за насыщенности контактными явлениями, возникшими в результате польско-украинско-русского взаимодействия), но и благодаря тому, что эти диалекты развивались более 80 лет вне их основной зоны функционирования в новом окружении¹¹, представляя собой своеобразный остров. Удалось провести интересные беседы и с представителями среднего поколения информантов, для которых родным языком является русский и которые выучили польский язык уже как иностранный. Об обучении польскому языку необходимо сказать отдельно. В советское время в школах изучался только русский язык, польский язык стал преподаваться лишь после системных преобразований 1990-х гг. В двух поселках, в Первомайке и в Шортанды, польский язык преподают учителя, приехавшие из Польши по специальной программе поддержки соотечественников¹², однако на занятия приходят не только поляки. В современных условиях учителям приходится преподавать польский язык как иностранный. Нередки случаи, когда выпускники школ продолжали обучение в польских вузах. Украинский язык в этих поселках никогда не преподавался.

Сохранению польских обычаев и культурных традиций помимо церкви в сегодняшних условиях способствует деятельность культурных организаций¹³. Исследователям удалось побывать на репетициях ансамбля «Полония» польского культурного общества в Первомайке. В репертуаре присутствуют песни как на польском языке, так и на

украинском, русском и казахском. Этот ансамбль был первым польским коллективом, созданным в Казахстане, на протяжении многих лет он успешно выступает не только в стране, но и за рубежом.

Записанные в ходе экспедиции интервью интересны не только в формальном, но и в содержательном отношении, что обусловлено своеобразием этнокультурной традиции исходной зоны, откуда прибыли переселенцы (Полесье, Подолье), а также инновациями, возникшими уже на территории Казахстана в условиях взаимодействия с другими культурными традициями. Кроме того, собеседники рассказывают о своем уникальном жизненном опыте, являясь свидетелями трагических страниц истории страны.

Если говорить о традиционной народной культуре, очевидно, переселенцы принесли с собой обычаи и обряды с исходной территории (Полесья, Подолья). Прежде всего это касается традиционного календаря: поляки в Казахстане сохраняют григорианский (католический) календарь. Польские названия праздников практически полностью вытеснены украинскими или русскими, лишь единичные информанты могли вспомнить польские слова. Рождество (*Boże Narodzenie, Pizdvo*) празднуется 25 декабря по новому стилю. Рождественский сочельник назывался *Świenty wieczór*, или *Кўтя*, в этот день готовили постный ужин, на стол стелили сено под скатерть (после праздника это сено отдавали коровам). Обязательным блюдом в этот вечер была кутья — каша из пшеницы или ячменя с медом, украшенная ягодами (остатки кутьи высыпали курам, чтобы они лучше неслись). В первый день нового года примечали, кто будет первым гостем: мужчина приносил удачу, приход женщины предвещал несчастья (одна из информанток рассказала, что, если приходила женщина, даже закрывали двери и не впускали ее). Девушки гадали: например, жгли бумагу и по отражению огня на стене пытались угадать, что их ждет в будущем. На Новый год ходили «посевать» (*zasiewati*), приговаривали при этом: *Na szczęście, na zdrowie...; Сеем, веєм, посеваем, з Новым годом (Новим роком) поздравляем!* На Три Короля (*Trzy Króli*, 6 января) писали освященным мелом на дверях первые буквы имен трех волхвов (Мелькиор, Балтазар, Гаспар), которые принесли дары новорожденному младенцу Иисусу. На Громницы (2 февраля) зажигали свечу (*громницю*), ее хранили дома возле икон и зажигали, когда в доме был покойник. Воскресенье перед Пасхой называлось *Вербна неділя*, освящали вербу, затем ее втыкали в сарае под крышу в качестве оберега. На Пасху (*Wielkanoc, Wielkanocne Świąta, Паска*) красили яйца луковым отваром (*галўнки*), освященными яйцами «стукались» и разговлялись,

пекли праздничный хлеб — *паску*. Считается, что после праздничной службы нужно как можно скорее добежать из костела до дома, чтобы быть «быстрой хозяйкой». После Пасхи был день, когда все роженицы, родившие в этом году, приходили к повитухе и приносили подарки. На Троицу, или Зеленые святки, украшали дома зеленью и ветками деревьев, ранее существовал обычай застилать пол травой, но в настоящее время его не придерживаются. Были зафиксированы некоторые календарные запреты: запрет на купание до дня св. Яна (*św. Jan, Иван Купайла — Święty Jan świenci wody i jagody*) и после св. Ильи (20 июля) («кажут шо є празник святого Іллі, кажут шо Ілля написав в воду и уженельзя купаться»), а также запрет есть яблоки до Преображения (6 августа).

По воспоминаниям информантов, в первые годы празднование Рождества, Пасхи и других религиозных праздников было под запретом: завешивали окна одеялами, чтобы никто не видел, что семья празднует. Если приезжал ксендз крестить детей, венчать или освящать дом, это делалось ночью втайне, чтобы наутро никто об этом не знал.

Были также записаны некоторые сведения по народной медицине. Например, от сглаза (*врок, сглаз*) лечили с помощью «выкачивания» яйцом: катали по животу сырым яйцом, выливали его в стакан с водой и по тому, как разливается яйцо в воде, определяли, кто сглазил. Другой способ лечения сглаза: черной ниткой мерили всё тело, затем эту нитку сжигали на пороге. Для защиты ребенка от сглаза клали ему под подушку вилку или нож (особенно это касалось детей до крещения). Беременной запрещалось переступать через дерево, смотреть на пожар: если беременная схватится за какое-то место на своем теле, на этом месте у ребенка будет родимое пятно. Если беременная увидит мышь и схватится за какую-то часть тела, на ней будет родимое пятно в виде мыши («мышка»). Ребенку в год перерезали «путы» (проводили ножом между ступнями ребенка, чтобы «разрезать» невидимые «путы», сковывающие ноги ребенка и мешающие ему ходить), как только он начинал ходить, чтобы он лучше ходил и чтобы у него всё в жизни шло гладко.

Если была «изурочена» скотина, мыли в чистой воде ложки и вилки, читали молитву «Отче наш» и шли, ни с кем не разговаривая, мыть вымя скотине этой водой. Когда умирал хозяин, нужно было оповестить об этом скотину, если этого не сделать, скотина может пропасть вслед за хозяином; также необходимо было пройти по всем комнатам и объявить о смерти хозяина. Чтобы не бояться покойника,

нужно было во время прощания с ним подержаться за ноги умершего. Верят, что в какую сторону собака воев, в той стороне будет покойник. В качестве поминального дня все информанты называли 1 ноября — традиционный поминальный день, общий для всех католиков, однако некоторые информанты утверждали, что поляки поминали покойников также в первое воскресенье после Пасхи, в отличие от православных, которые ходят на кладбище (*цвинтар*) во вторник на Радуницу. Зафиксирован также запрет на посещение кладбища в вечернее время (после пяти часов вечера), аргументированный тем, что в это время покойники «отдыхают».

Что касается народной демонологии, сведений о ней в памяти потомков переселенцев сохранилось крайне мало. Информанты вспоминали о русалках, как о красивых девушках, которые заманивали в воду. Единственная информантка, которая рассказала быличку о русалках, — это переселенка, полька, которая приехала с Украины на целину (в 1960-е гг.), т. е. ее детство и юность прошли в Полесье в Житомирской области, где она слышала о русалках от старшего поколения. Не было зафиксировано и поверий о домовом, хотя информанты рассказывали о ласке, которая жила в хлеву и душила птицу; один из информантов вспомнил, что слышал от старых людей, будто была «ласочка», которая заплетала коням косички в гриве. Корову нужно было покупать определенной масти, потому что если домовому она придется не по нраву, он может подвесить ее в хлеву к потолку.

В целом традиционная народная культура поляков-переселенцев Казахстана сохраняет черты, которые она приобрела еще в исходном регионе, на Украине, благодаря соседству с украинцами: это, например, обычай готовить кутью в Рождественский сочельник, традиция «посевания» на Новый год, сюда же относятся некоторые свадебные обычаи (*коровай*), названия свадебных чинов (*світилка*), привычные названия праздников (*Різдва, Іван Купайла*) и многое другое. В условиях межэтнического и межконфессионального соседства некоторые черты традиционной культуры подверглись влиянию других традиций — прежде всего русской, а также белорусской и украинской (речь идет о традициях, принесенных переселенцами, приехавшими на целину в 1960-е гг.). С другой стороны, поляки-католики, практически полностью утратив язык, всё же сумели сохранить свою этнокультурную идентичность, во многом благодаря противопоставлению своей культуры местным мусульманским традициям (однако данная тема достаточно сложна и заслуживает отдельного рассмотрения).

В заключение приведем тексты, записанные от поляков в Казахстане на польском [1], [2] и украинском [3] языках:

[1] Bo na rubóty chud'íla ja fs'o wrém'ja a pótem ja d'vad'és's'i dva rók'i rub'íla brygad'írur | na s'v'ínof'erm'i i na-a-a | t'il'éntyx ták'ich mlódyx | o! | tam býlo p'en'c' tys'énce s'v'ín'uf | i dv'e... dva tys'énce mlo... molodn'aká | a na dójnym | že dójí s'i kuróvy | to býlo týšš'u dv'és't'i to drúy'ij byl brygad'ír | o! | to ja d'vad'és't'i dva rók'i udруб'íla | a z'íma býla | bóže káčány! | mrózy! | ták'í! | jáсно jáсно na dvóže! | že až dázy | s p'ír'vəmájce chtos' idz'é | tu slýšno jak | cej | jak hrup-hrup! | oj | strášno! | a zára n'í tak | i mrózy n'í ták'í | i | i | zow... zéws'im inákšy (жен., 1936 г. р., Лозовая).

[Потому что я на работу ходила все время, а потом я двадцать два года отработала бригадиром на свиноферме и на телятах таких молодых, о! Там было пять тысяч свиней и две тысячи молодняка, а на дойном, что доятся коровы, было тысяча двести, это другой был бригадир, о! И я двадцать два года отработала, а зима была, боже! Морозы! Такие! Ясно-ясно на дворе, что аж даже с Первомайки кто-то идет, то слышно как это, как «хруп-хруп»! Ой страшно! А теперь не так, и морозы не такие, и совсем иначе].

[2] A potému | že vóda jak schódz'i tróška | z žýk'i | tu wón'i na svójich verbl'údach i brýčkoju s'údy pšyjiž'ál'i [...] o verbl'údy býl'i! | péno! | da! | u každégu verbl'út! | nu i téras s t'im verbl'údam | jak l'átem | tu | táčka jakás' tam taká | strášna | i s'éd'i | i čuh-čuh-čuh | ce | pašól | pašól! | čuh-čuh! | i | pšyjéžž'a | pšyvóz'i s'áno tam no | u kógo n'et to mus'íš brac' | coz' znov dáji š'e | jak tej kazáv | bo | zdéchn'et | i sam zdéchn'eš i wže | o bóže bóže! [...] nu to my n'í p'il'i [mleko] wón'i tam dujíl'i sób'e ktúry býl'i | nu | mátk'i | verbl'užáče | ot | pšyjédu [смех], ták'íji | s c'ímý verbl'udámy | verbl'údom | a my célyj | célyj | jak tej kazáv | ukrajína | b'ég'n'im za n'ím'i za c'ím verbl'údem | my š n'e v'idz'él'i n'ígdy n'í takého strášného | bóže kuchányj! | b'ég'n'im | a v'in | e! e! e! | a my fs'o ravnó léz'im | i na c'u táčku čy na brýčku | tudý | pchámy s'i | jak t'i | nu | d'ét'i je d'ét'i | ot | n'ic n'í v'id'él'i týku stépy | step i step | pótem océj verbl'út | nam nádo š f mórды pupátšec' jak | a on vysók'ij | a my | týko nam šo | šp'ingal'éty [смех] stáv'im pšy... pšéd n'im i cej | i | nu | pu svujému gadámy | a | a cej káže | kazách | n'e náda tróga...! šop n'í tróyat' | nu n'í móžet že skaz... bu on ž cej | mácha renkámy wže | n'e náda tróyat' | to wže my n'e trugámy | a týko šos' pozad'irámy glóvy c'i | tuk'édy wun n'í pl'un'i tej | jak wže ruz... ruzlós't'i s'i | da! | un tóžy ž ma svóji | pryvýčky | jak pl'un'e nam v wóčy a my cála bándá stójim! | tu n'í móžem | cej | tu n'í móžem jégo učúchat | fs'o | no fs'e ravnó b'ég'n'im | i chto | pud kuléso | pupádn'i | tam tak'í kulésa | tak'í býl'i

o tak'í jak múja rénka | i fs'e my b'égn'im | bóže bóže | b'iduvál'i strášno!
(жен., 1936 г. р., Лозовая).

[А потом уже как вода сходит немного с реки, то они на своих верблюдах с бричкой сюда приезжали... [...] о верблюды были! Полно! Да! У каждого верблюд! Ну и сейчас с этим верблюдом, как летом тут, тачка какая-то там такая страшная, и сидит, и «чух-чух-чух» — это пошел, пошел! «чух-чух!» и приезжает, привозит сено там, ну и у кого нет, то должен брать, что-то опять дают, как это сказать, потому что сдохнет, и сам сдохнешь уже, о боже, боже! [...] Но мы не пили [молоко], они там доили, которые были, ну самки верблюдов, вот приедут [смех], такие с этими верблюдами, верблюдом, а мы целый, целый, как это сказать, Украина, бежим за ними, за этим верблюдом, мы же не видели никогда такого страшного, боже! Бежим, а он: «Э-э-э!» — а мы всё равно лезем и на эту тачку или на бричку туда, толкаемся, как эти, ну дети и есть дети, вот, ничего не видели, только степи, степь и степь, потом этот верблюд, нам надо же в морды посмотреть, а он высокий, а мы, только нам что, шпингалеты [смех], ставим перед ним и это, ну, по-своему разговариваем, а этот казах: «Не надо трогать!», чтоб не трогать, ну не может же сказать, потому что он это уже машет руками, «не надо трогать!» — и уже мы не трогаем, а только позадираем головы, до тех пор пока он не плюнет, как уже рассердится, да! у него тоже свои привычки, как плюнет нам в глаза, а мы целая банда стоим! И не можем, и не можем вытереть, но всё равно бежим, и кто под колесо попадет, там такие колеса, вот такие были, как моя рука, и все мы бежим, боже, боже! Страшно бедствовали!]

[3] Ја не вчѝлас' в д'ѝтств'и ни плáвати ни танц'увáти ничó... [...] ја вс'о рубѝла | курóву дујѝла | хл'п м'ѝсила | ду млина́ | вузѝла | мулóти | шоп мукú змулóти шуп | на́да булó мукú змулóти шуп хл'п спечѝ | тримáли пурус'á | курóву | курóву дујѝла | пурус'áт'и трéба булó тóже змулóти тóји пшени́чки чут' | трéба булó вéсти ту тоўч молóти | на тоўч молóли | и тóго | и | менé | менé не булó чáсу | вóду на́да булó нусѝти ја | нóшу | от | идém з брáтом | це л'ѝто начинáјет'с'и кунчáјет'с'и шкóла | ми рáно ўстајém | курóву вѝгнали | и м'ѝшк'и на плéч'и | и мали́ји же ш | и идém сю́дá пузá пл... | тут не було ше цејѝ плат'ѝни путом розрубѝли тут вот плат'ѝну | идем с'уда | куроў виган'áјут | и на́да назбирати к'из'акá шоб | зара палити | так'ix л'п'ошок | и шоп путом | а не тѝјко ми идут фс'ѝ идут! || и це б'ѝгајеш пу тум пол'и шукајеш де тогó најти пл'áцка шоп | таке даже не дуже суше брали (жен., 1945 г. р., Камышенка).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 За помощь в проведении экспедиции выражаем благодарность д. ф. н., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева Е. А. Журавлевой, председателю общественного объединения поляков Шортандинского района Л. В. Репринцевой, председателю общественного объединения «Польский национально-культурный центр “Полония”» Р. И. Снегурской.

2 В наши дни — поселок Довбыш Барановского района Житомирской области.

3 Так, автобус, который ходит по маршруту Астана–Астраханка через Первомайку, имеет на переднем стекле табличку «По точкам». Так же указано и в расписании на автовокзале.

4 См., например, работы: *Ананьева Н. Е.* Презентная парадигма глагола в польских периферийных говорах Казахстана // *Studia nad polszczyzną kresową* / red. J. Rieger, W. Werenicz. Wrocław, 1984. Т. 3. S. 91–127; *Werenicz W.* O sytuacji etnolingwistycznej w Kellerówce i Oziornem w obwodzie koczetańskim w Kazachstanie // *Jezyk polski na dawnych Kresach Wschodnich* / red. J. Rieger, Dorota A. Kowalska. Warszawa, 2010. Т. 4. S. 265–277; *Sieroczek J.* Jezyk polski w Kazachstanie (uwagi ogólne o przedmiocie badań) // *Jezyk polski dawnych Kresów Wschodnich* / red. J. Rieger. Warszawa, 1996. Т. 1. *Studia i materiały*. S. 145–152.

5 *Jasiewicz Z.* Polacy z Ukrainy w Kazachstanie. Etniczność a historia // *Lud*. 1992. Т. 75. S. 11–54.

6 *Гура А. В., Терновская О. А., Толстая С. М.* Программа Полесского этнолингвистического атласа // *Полесский этнолингвистический сборник*. М., 1983. С. 21–46.

7 По классификации В.Л. Веренича (досл. *паўднёвы перыферыыйны паддыялект*, см.: *Вярэніч В. Л.* Польскія перыферыыйныя гаворкі на ўсходзе (да гісторыі пытаньня) // *Польские говоры в СССР*. Минск, 1973. Ч. 1. С. 16–17).

8 Исследователи поляков на Украине пишут, что существуют так называемые *lucinniki*, поляки-римокатолики, которые пользуются украинским языком. Часть из них вообще не знала польского языка, для других польский был когда-то хорошо знакомым языком, см.: *Rieger J., Cechosz-Felczyk I., Dzięgiel E.* Jezyk polski na Ukrainie w końcu XX wieku. Warszawa, 2002. Cz. 1. S. 17).

9 Подобные ситуации вовсе не уникальны для поляков, проживающих в Белоруссии, на Украине, в Литве и Латвии. Множество примеров польской самоидентификации можно найти в этих странах. Так,

В. Н. Чекман описывает ситуацию в деревне Озерки Гродненской области Белоруссии, где все жители декларируют свою национальную принадлежность как поляки и в качестве родного указывают польский, хотя люди старшего поколения говорят исключительно по-литовски, а представители среднего поколения используют белорусский язык (Чекман В. Н. Деревня Озерки — язык и люди (к проблеме литовско-белорусско-польской языковой интерференции) // Польские говоры в СССР. Минск, 1973. Ч. 2. С. 40–41).

10 Хотя подобная практика сохранилась лишь в некоторых местах, в основном все службы сейчас проводятся по-русски, даже несмотря на то что большинство ксендзов приехали из Польши. Личное общение ксендзов с прихожанами также происходит на русском языке. Многочисленна польская лексика в церковной сфере: так, молитвенные книги называются *ксьённика*, Пасха — *Вельканоц*.

11 А также без институциональной поддержки.

12 В частности, данной деятельностью занимается *Ośrodek rozwoju polskiej edukacji za granicą*.

13 В первые годы депортации, по свидетельствам информантов, религиозные обряды проводили тайно, поскольку они запрещались и за соблюдением запрета был строгий контроль. Поскольку ксендзов не было, все католические обряды совершали знающие люди из числа местных.

G. P. Pilipenko, M. V. Jasinskaja

Poles in the Kazakh steppes. The study of language and culture

In September 2017 the expedition to the Poles living in the Akmol region of Kazakhstan (Astrakhanka and Shortandy region) was carried out. During the field research the narratives in Polish and Ukrainian languages (about the traditional culture, the everyday life of Poles) were recorded. It was ascertained that for the majority of Poles the mother tongue is Ukrainian. Today, Polish and Ukrainian languages are replaced by Russian language.

Keywords: *Polish language, Ukrainian language, Russian language, Kazakhstan, field research, Poles.*

Г. П. Пилипенко
(Москва)

Экспедиция к славянам в Южную Америку

В конце 2017 г. была предпринята экспедиция в Аргентину, Парагвай и Чили для изучения славянских языков, которые используются в этих регионах. Были изучены общины украинцев и поляков в провинции Мисьонес (север Аргентины), украинцев в департаменте Итапуа (Парагвай) и хорватов на юге Чили (Пунта-Аренас). Целью экспедиции было записать нарративы на социолингвистические и этнолингвистические темы. В конце обзора приводятся образцы текстов информантов на украинском, польском и хорватском языках.

Ключевые слова: *полевое исследование, славянские языки, украинский язык, польский язык, хорватский язык, Южная Америка.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.2.05

В октябре — ноябре 2017 г. сотрудник Института славяноведения РАН Г. П. Пилипенко предпринял уже вторую по счету экспедицию к славянам-эмигрантам, проживающим в странах Южной Америки. Внимание исследователя привлекли группы славян, проживающие в Аргентине, Парагвае и Чили. Речь идет об украинцах и поляках, жителях провинции Мисьонес (север Аргентины) и департамента Итапуа (юго-восток Парагвая), а также хорватах в провинции Магальянес-и-Антарктика-Чилена (юг Чили)¹. Если во время предыдущей экспедиции (в 2015 г.) был сделан акцент на изучении славянских сообществ (украинцы, словенцы, хорваты, поляки) в Буэнос-Айресе и в одноименной провинции, в городе Монтевидео (Уругвай), а также в провинции Мисьонес (украинцы из Галиции, эмигранты первой волны, а также поляки, которые наиболее многочисленны именно в этой провинции²), то в настоящей экспедиции работа проводилась с информантами, которые проживают в сельской местности и небольших городах. Таким образом было продолжено обследование украинцев в данном регионе, расширена география населенных пунктов, что позволило включить в обследование представителей более поздней волны миграции 20–30-х гг. XX в. Стало также возможным включить в обследование украинцев с Волыни, из Полесья, тогда как среди представителей первой волны миграции доминировали в ос-

новном выходцы из Галичины. В результате работы в Аргентине и Парагвае было опрошено 47 информантов, записано около 50 часов интервью. Полевая работа велась в Обера, Леандро-Алеме, колонии Гуарани³, Кампо-Виере, Кампо-Гранде, Сан-Висенте, в центральной части провинции Мисьонес. Кроме того, удалось вновь посетить места предыдущей экспедиции 2015 г., поэтому работа проводилась также в южной части провинции Мисьонес: в Апостолесе, Сан-Хосе, Посадасе. В парагвайском департаменте Итапуа, граничащем с аргентинской провинцией Мисьонес по реке Парана, были опрошены информанты, проживающие в Энкарнасьоне (выходцы из колоний вокруг города), а также удалось посетить колонию Капитан-Миранда. Вторая часть экспедиции была посвящена изучению хорватов, населяющих юг Чили: в городе Пунта-Аренас, столице провинции Магальянес-и-Антарктика-Чилена. Всего было проведено интервью с 10 информантами, записано более 14 часов интервью на аудио- и видеоносители. Речь идет о потомках хорватских мигрантов-крестьян, выходцах из Далмации, переселившихся в конце XIX — первой половине XX в. в Чили в силу экономических причин. Работа с хорватами (далматинцами) проводилась еще во время первой экспедиции в Буэнос-Айресе и Монтевидео, однако там хорваты являются одной из многочисленных славянских диаспор, тогда как именно в Чили (и особенно в Пунта-Аренасе) хорваты наиболее многочисленны, определяют историческое своеобразие города и всей провинции.

Славянские сообщества очень неоднородны по конфессиональному, идеологическому, языковому критерию. В ходе экспедиций мы ориентировались на группы славян, мигрировавших в страны Южной Америки по экономическим причинам и концентрирующихся в определенном регионе (в сельской среде), где они составляют значительное сообщество (провинция Мисьонес, Чилийская Патагония). В данной заметке речь пойдет о двух сообществах: об украинцах в Мисьонесе и Итапуа и хорватах в Пунта-Аренасе. Интерес представляет социолингвистическая и этнолингвистическая ситуация общины, ее взгляд на собственные традиции, язык, история переселений, а также восприятие ею культуры окружающих народов. Интересовали нас и прагматические особенности высказываний, инкорпорация испанских фонетических, лексических, морфологических и синтаксических элементов, а также факты переключения языкового кода. Следует отметить, что культура соседей изучаемых сообществ также неоднородна. Это может быть как официальная испаноязычная культура конкретной страны, так и культура других переселенческих сообществ — немцев,

итальянцев, японцев. Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос взаимодействия с культурой аборигенов, в частности, для севера Аргентины и для Парагвая это контакт славянских народов с культурой индейцев гуарани⁴. При общении с информантами используется метод полуструктурированного интервью, этнолингвистическая часть беседы базируется на вопроснике Полесского этнолингвистического атласа⁵ (для украинцев и поляков) и на вопроснике, составленном А. А. Плотниковой (для южных славян)⁶. Нас интересовали именно те информанты, которые владеют славянскими языками, на которых и проводились интервью. Иногда основным языком интервью был испанский, когда информантам было легче говорить на определенные темы именно на этом языке. Тем не менее мы стремились в первую очередь зафиксировать славянскую речь, которая представляет безусловную ценность для лингвистики. Во-первых, это пример «островного» развития говора той зоны, откуда происходят информанты, их предки; во-вторых, многочисленные интерференционные явления пронизывают ее на всех уровнях; в-третьих, в результате ассимиляции число носителей славянских языков непрерывно сокращается⁷; в-четвертых, системное описание функционирования славянских языков в этих странах на сегодняшний день отсутствует⁸.

Перейдем к описанию экспедиции, проводившейся в г. Пунта-Аренас. Юг Чили является одним из центров хорватской эмиграции наряду с северными провинциями. Отличительной особенностью чилийской диаспоры по сравнению с аргентинской является то, что Чили приняла очень мало хорватов после Второй мировой войны, в основном современные потомки хорватов являются выходцами из Далмации, крестьянами, переселившимися в поисках работы. Хорваты появляются на юге Патагонии уже в конце XIX в., их привлекала возможность заработать, «золотая лихорадка»⁹, многие стали торговцами, фермерами, на эстансиях юга Патагонии и соседней Огненной Земли разводили овец. Большая часть местных хорватов происходят с острова Брач (удалось пообщаться с выходцами из сел Пращница, Пучишча), соответственно, их родным языком является южночакавский говор чакавского наречия (с икавским рефлексом **ě*, местоимениями *ča*, *co*, наличием *t'*, переходом конечного *m* в *n*, а также *lj* в *j*). Тем не менее записанная речь информантов демонстрирует влияние хорватских штокавских диалектов, а также стандартного хорватского языка, особенно заметное у собеседников, родившихся еще на острове Брач, а также принимающих активное участие в деятельности культурных хорватских организаций. Идентичность информантов также

менялась, эмигранты называли себя *croata*, а также *dálmata*, *austriaco*, *yugoslavo* — по региону/стране происхождения, эти же этнонимы фигурировали в официальных названиях культурных организаций (например, *Sociedad austriaca de socorros mutuos*, основанное в 1896 г.), после обретения Хорватией независимости большее распространение получило название *croata*¹⁰. Несмотря на то что выходцы из Хорватии и их потомки составляют, по разным данным, от четверти до трети населения города (население чуть более 120 000), говорящих на хорватском языке очень мало¹¹. В основном это первое-второе поколение мигрантов, люди старшего возраста. Есть также группа молодых людей (четвертое-пятое поколение мигрантов), которые выучили язык в самой Хорватии, отправившись туда на учебу, а позднее вернувшись в Чили. Однако подобные случаи мы не рассматриваем, поскольку нас интересовали примеры непрерывного сохранения примарного говора, кроме того, язык молодого поколения является литературным хорватским. В религиозной сфере также преобладает испанский язык, мессы на хорватском не проводятся.

Что касается традиционной культуры, повсеместно распространены обычай сажать в день св. Луции (13.XII) (*Sveta Lucija*) пшеницу в небольшой горшок или другую емкость и ждать до Рождества, когда пшеница должна взойти. Это символизировало благосостояние и достаток в семье. На Три Короля (*Tri kralja*) эту пшеницу высаживают в сад около дома, чтобы год и урожай были удачными. Также распространен обычай зажигать свечу во время Рождественского сочельника на праздничном столе, свечу зажигает хозяин дома. Когда ужин заканчивается, хозяин дома обмакивает кусок хлеба в вино и этим хлебом тушит свечу. То же самое делается и на Новый год. На Пасху красят яйца, которые называются *pisalice*. Гадают в основном на Иванов день (тогда как гадания в Сочельник и под Новый год утрачены): девушки берут три картофелины — очищенную, очищенную наполовину и неочищенную — и кладут под подушку, наутро не глядя вытаскивают одну из картофелин: какая попадет, таким будет жизнь с будущим мужем. Также брали бумажную салфетку, капали чернила в середину и складывали салфетку вчетверо, на следующий день смотрели, что появится: инициалы имени или какое-нибудь изображение. Традиции празднования дня св. Ивана, 24 июня, оказались полностью утрачены. В целом сведения по традиционной культуре фрагментарны. О некоторых обычаях информанты вспоминали, что так делали на Браче (например, звонить в колокола, чтобы отогнать грозовые тучи и град), тогда как в Чили это не практиковалось.

Украинцы в провинции Мисьонес и в соседнем Парагвае являются одной из крупнейших диаспор. Среди украинцев наиболее ярко выражены конфессиональные различия: представители первой волны миграции были выходцами из Галиции, поэтому являются грекокатоликами, среди мигрантов второй волны также было некоторое количество приехавших из Галиции. Те же, кто приехал с Волыни, из Полесья, придерживаются православного вероисповедания¹²: в провинции Мисьонес они являются прихожанами Аргентинской и Южноамериканской епархии Русской православной церкви. Однако до образования отдельных приходов, как свидетельствуют наши информанты, они посещали соседнюю украинскую грекокатолическую церковь, поскольку обряды похожи. Среди мигрантов второй волны есть большое количество баптистов (*верующие*), как в Аргентине, так и в Парагвае. Также в Мисьонесе расположен один приход Русской православной церкви за границей (Трес-Капонес), которая не признает акт о каноническом общении РПЦЗ и РПЦ. Епархии этой же церкви принадлежит Свято-Николаевский храм в парагвайском Энкарнасьоне. Остальные православные приходы в провинции Итапуа подчиняются Южноамериканской епархии Украинской православной церкви в США. В провинции Мисьонес существуют также культурные организации, в которые входят украинцы: «Русско-белорусское общество», действующее в департаменте Обера, и филиалы организации «Просвита». Парагвай начал активно привлекать мигрантов в межвоенный период, позже, чем Мисьонес, поэтому среди украинцев считается, что там живут представители «новой миграции». Украинцы являются носителями юго-западной группы и северной группы украинских диалектов. Среди мигрантов из Галиции распространены надднестрянский диалект, а также говоры карпатской зоны. Мигранты с Волыни используют либо волынский диалект юго-западной группы, либо полесские диалекты северной группы. В основном общение проходило с представителями первого и второго поколения переселенцев, в третьем поколении случаи полноценного сохранения языка встречаются достаточно редко. Речь идет о людях пожилого и среднего возраста, поскольку они также подробно могут рассказать о традициях.

У украинцев наиболее полно сохраняются обряды рождественского цикла. В Рождественский сочельник (*с'ятий вечір*) делали кутью (*кутя*) из пшеницы с медом, в доме застилали пол соломой, а под стол клали сельскохозяйственные орудия, чтобы в работе сопутствовала удача. Глава семьи вносил в дом «дидуха» (*дідух*), сноп соломы.

Записаны также свидетельства, что приносили снопы соломы, которые называли «дед и баба» (*didó i baaba, gido i baaba*). Однако в южном полушарии в конце года лето, поэтому много соломы не было, ее заменили стебли кукурузы, которые олицетворяли умерших предков. Обязательно оставляли на столе пустую тарелку для предков. Кутью хозяин дома подбрасывал, считалось, что кто из домочадцев поймает ее, тому в новом году повезет. На столе должно было быть двенадцать (по другим данным — девять) блюд. Было распространено колядование (*куляди, коляди*), наряжались и шли по соседям колядовать, пели песни (*співали коляди*).

Сведений о гаданиях в рождественский период не зафиксировано, все гадания, согласно свидетельствам информантов, проходили в святоивановскую ночь (*San Juán*, с 23 на 24 июня)¹³. Девушка брала три апельсина — один очищенный, другой очищенный наполовину, третий неочищенный — и клала под подушку, какой наутро вытащит, такой будет жизнь с будущим мужем (ср. выше гадание с картофелем). Другое гадание собеседники признавали заимствованным от местных индейцев гуарани, оно распространено повсеместно в провинции Мисьонес. Брали нож с широким лезвием, втыкали в ствол бананового дерева и оставляли на ночь. На следующий день нож вынимали из ствола и рассматривали оставшийся на дереве узор, могли разглядеть инициалы невесты или жениха или какое-нибудь изображение.

На Крещение (*Йорданські свята/с'тма*) ожидали первого гостя. Если первой приходила в дом женщина, это означало, что родится телочка, а если приходил первым мужчина, то должен был родиться бычок.

Что касается поверий о природных явлениях, то удалось записать следующее: если одновременно шел дождь и светило солнце, то говорили, что вдова выходит замуж, либо распространена более полная формула: вдова выходит замуж за дьявола (*la viuda se casa con el diablo*), эта примета известна в Мисьонесе повсеместно¹⁴. Как видно, многие традиции мигрантов переплелись с местными верованиями. О пятнах на луне сообщали, что это Мария и Иосиф бегут в Египет, что это младенец Иисус на осле, а также что это Илья Пророк на колеснице.

В области мифологической лексики были зафиксированы термины для ведьмы *видьма*, а также *богиня*, которая, в частности, могла подменивать детей. Интерес представляют местные легенды гуарани, знакомые практически каждому информанту. Речь идет о таких персонажах, как Джаси Джатере (*yasy yaterè*), Помберо (*pombero*),

волк-оборотень (*lobizón*). Характеристики этих персонажей смешиваются в сознании информантов. Так, Джаси Джатере и Помберо живут в сельве (Помберо является духом леса), но если первый предстает в образе светловолосого мальчика, то второй похож на гнома. Ими пугают маленьких детей: так, считается, что Джаси Джатере может заманить детей в лес, а Помберо охотится на девушек, если они появляются на улице в час сиесты, нападает на них и насилует. Помберо можно задобрить, оставив ему у калитки сигары или бутылку каньи. Перцепция чужих традиций в сознании мигрантов представляется весьма перспективной темой для исследования.

Удалось записать и языковые анекдоты, которые иллюстрируют восприятие чужого языка первыми мигрантами. Так, потомки переселенцев из Галиции рассказывают, что их предки выращивали фасоль, у них были огромные плантации, засаженные фасолью. Когда приезжали местные индейцы, они смотрели на это и говорили: *Oh! Mucho poroto! Mucho poroto!* [Много фасоли!]. А украинцы боялись индейцев, поскольку те выглядели непривычно, отличался цвет их кожи, обычаи, тем более первые мигранты не знали еще испанского языка и думали, что индейцы приехали, чтобы их *мучити і пороти*.

Таким образом, исследование языка и культуры славянских сообществ представляется чрезвычайно актуальным направлением, поскольку оно остается малоизученным, а контактные ситуации с участием славянских диалектов уникальны, но, к сожалению, недолговечны.

В заключение обзора приведем небольшие фрагменты записанных текстов от информантов из Аргентины, Парагвая и Чили на украинском, хорватском и польском языках¹⁵.

[1] Ja jedného róku kazála | kažú | tútaj fs'i róbl'at' asádu¹⁶ ws'i čýsto na r'izdvó dúže bayác'ko ws'o | a ja kažú ny búdu rubýty na r'izdvó | asády | bo ja búdu roby... ja narobl'ú ŷub'it takýj jak ja kolýs' | moj' bat'ký rubýly kažú tam jak | de ja narudýlas'a | kažú | navarýty drayl'iw! | cholod'és' | navarýty chuludéc' to oto kažú tutó búde! (Обера, Аргентина, Ю.М., жен., 82 года, украинский язык).

[Я в один год сказала, говорю, здесь все жарят мясо, все на Рождество очень много, а я говорю, не буду на Рождество жарить мясо, потому что я сделаю обед такой, как когда-то мои родители делали так, где я родилась, говорю, наварить холодца! Наварить холодец, вот это будет!]

[2] Dl'a družká robýly | takú kwýtku | šukály u l'ís'i | šo mála taký rostóčky | na try! i wže tam robýly tiji kwýtky ws'o | i wže v'in | ŷul'áw téje | des'

tut naš mladýj je | bát'ko i máty prósymo do perepóju | γop caj! | des je
 tut sus'it | de máty chreščóna | de tut je sus'it takýj takýj | des tut je! a |
 druz'á *am'igo*¹⁷ takýj takýj | za kážnoγo | jak je vže-e-e | čolov'ík i ž'ínku
 to obóje | a jak je jakýjs sam | to i-i-i | to chlópce'i | tak | i kážnyj | tam čto
 idé do mladóγo putchódyt' do mladých | pozdravl'aje jich (Энкарнасьон,
 Парагвай, П. П., муж., 80 лет, украинский язык).

[Для дружки делали такой цветок, искали в лесу, что имел три от-
 ростка, на три! И уже там делали эти цветы, и уже он танцует: «Где
 тут наш молодой, отца и мать просим к перепою, гоп-цай! Где тут со-
 сед, где крестная мать, где тут такой-то сосед, где-то тут есть?!» — а
 друзья такой и такой, за каждого, если мужчина и женщина, то оба,
 а если кто-то один, это парни, и каждый там, кто идет к молодому,
 подходит к молодым и поздравляет их].

[3] Čýsom voný išlý *batátu*¹⁸ zbyráty z baγná pryvozýly tóji | *cárr^o*¹⁹ |
 równo *batáty*! | woný kazály *bueno*²⁰ | ty sterežý tu dytýnu | i-i | bo čýsom
 lyšýly samóγo | u chát'i tam | bo mály takú *hamacu*²¹ šo woný [...] zav'jizály
 do *plánty*²² | i tam položýly dytýnu šo voná ne móže upásty | bo | *vió como*
*es hamaca paragwaž'a*²³ | *vió* | to dytýna tam s'i zalýšyt | to máje pódušku
 i tam lyžýt i woný dajút *madéru*²⁴ i *bueno* | naj sydí(t) tam | a my idé
 u baγno zbyráty | *patátu*²⁵ *era época* | *sandía*²⁶ (Апостолес, Аргентина,
 А.П., жен., 70 лет, украинский язык).

[Иногда они шли собирать батат с поля [места с сильно увлажненной
 почвой], привозили на повозке, много батата! Они говорили: «Ты сте-
 реги этого ребенка», потому что иногда оставляли одного, дома, был
 такой гамак, что они [...] привязали к растению и там положили ре-
 бенка, что он не может упасть, потому что, видел, какой парагвайский
 гамак, и ребенка там оставят, там у него подушка, и там он лежит, и
 они дадут деревяшку, и хорошо, пусть сидит там, а мы идем на поле
 собирать картошку, было время, арбузов].

[4] *Bueno* chl'ip to był tak'i | chl'ip s.. jak m'al'i munke b'jafe to rob'il'i
 chl'ib b'ały | jak m'al'i munke čarne | bułk'i to | to fšystko było | až do
 tera š'e rob'i bułk'i | ja až do tera rob'je | ja mam p'ec tam na dvože | ty n'e
 v'idž'al? | ja rob'je f p'iecu chl'ip i to-o | bułk'i | fšystko co | co jeden chce
 | i fšystko v'im rob'ić' i mama mn'e n'e naučýła | ja sama! (Кампо Виера,
 Аргентина, М. С., жен., 65 лет, польский язык).

[Хорошо, хлеб был такой, если была белая мука, то делали белый
 хлеб, если была черная мука, булки это, это всё было, и сейчас делают
 булки, я и сегодня делаю, у меня есть печь во дворе, ты не видел? Я
 делаю в печи хлеб, и это, булки, всё что хочешь, и я всё умею делать,
 и мама меня не научила, я сама!]

[5] Onamo u Evropi stalno je bila gužva | stalno! | bilo je slabo | ekonomično...
 ekonomično | e-e | puno djece u kut'i | e-e | malo posla ima | onda su | počeli
 it' vanka | it' vanka | i-i | to su bile zemje nove | sve-e | puno posla | previše
 posla | i taj svit naš | vridio za sve | di ga se stavi | on je meštar! | i oto je
 trajalo pedeset-šezdeset godin | dolazilo | dolazilo | i tako | ovde su prošli
 dobro | su | naučili djecu | ali nisu ih naučili govorit | *si*²⁷ | oni su radili van-
 ka u poljima | e-e | tamo su vadili zlato | to bili došli jedan-dva-tri puta na
 godinu | onda iz početka | *claro*²⁸ | su se oženivali sa | sa našima | to je bilo
 dobro | ali poslije se počelo mišat zašto ni... | nije bilo više | di [...] bilo je
 kako | skoro kak i u početku | ništa se nije puno razvijalo | od šezdeset godin
 do sada | je sve što se vidi | sve što se vidi | to su | četiri | pet Punt Arene |
 od tada | nije bilo kola | za nosit svijet | nije trebalo! | to se hodilo ná noge |
 četiri-pet | ovaj | djelova | ovde kaže *cuadra*²⁹ | to se hodilo ná noge | i danas
 se ne može to | ne | *no*³⁰ | Punt Arena od šezdeset godin do sada | je što je!
 [...] mjesto je bilo | mjesto je bilo | *hay que ve*³¹... *vi*... | da je | da ima jedan
 zemljopis | od mora | gori do prvog brda | do prvog brda | od groblja | do-o
 | jednu šest-sedam *cuadri* tamo | oto je bio | Punt Arena | i bilo koja kut'a |
 malo onamo | malo onamo | a danas to je | danas je grad! (Пунта-Аренас,
 Чили, И. М., муж., 75 лет, хорватский язык).

[Там в Европе постоянно была толчея, постоянно! Было плохо экономически, много детей дома, мало работы, тогда начали уезжать из страны, это были новые земли, много работы, очень много, а наши люди были пригодны для всего, где его поставишь, но мастер! И так длилось пятьдесят-шестьдесят лет, приезжали, приезжали, и здесь все было у них хорошо, выучили детей, только не выучили их говорить, да, они работали на поле, там добывали золото, сюда они приходили один-два-три раза в год, сначала, конечно, женились на наших, это было хорошо, но после начали смешиваться, потому что больше не было, где [...] как было, как в начале, ничего не было особенно развито, с шестидесятых годов — все, что можно сейчас увидеть, все, что можно сейчас увидеть, это четыре, пять Пунта-Аренас того времени, не было машин, чтобы перевозить людей, они были не нужны! Ходили пешком, четыре-пять частей, здесь говорят квартал, ходили пешком, а сейчас это невозможно, нет, Пунта-Аренас с шестидесятых годов до сегодняшнего времени, всё, что есть [...] место было, место было, нужно посмотреть, если бы была карта, от моря, наверх до первой горы, до первой горы, от кладбища и до, шесть-семь кварталов туда, это был Пунта-Аренас, и кое-какие дома то тут, то там, а сейчас это город!]

ПРИМЕЧАНИЯ

1 За помощь в проведении экспедиции выражаю благодарность Зеноне Забчук (Zenona Zabczuk), консулу Российской Федерации в г. Обера (Аргентина), а также Руди Миячу (Rudi Mijac), консулу Республики Хорватия в г. Пунта-Аренас (Чили).

2 См.: Пилипенко Г. П. Украинцы в Аргентине и Парагвае: социолингвистическая ситуация // Тезисы III Международного симпозиума «Славянские языки и культуры в современном мире». М., 2016. С. 622–623.

3 Колония — небольшое сельское поселение, основанное колонистами (в том числе славянами).

4 В Парагвае язык гуарани является официальным наряду с испанским.

5 Гура А. В., Терновская О. А., Толстая С. М. Программа Полесского этнолингвистического атласа // Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983. С. 21–46.

6 Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 2009.

7 Этим, в частности, объясняется небольшое количество информантов, способных общаться на хорватском языке, в г. Пунта-Аренас.

8 В отличие от славянских языков в странах Северной Америки.

9 Городок Порвенир (исп. *porvenir* ‘будущее’), расположенный напротив Пунта-Аренаса, был назван так, поскольку полагали, что у него большое будущее из-за предполагаемых запасов золота.

10 Так, монумент, воздвигнутый в городе в 1978 г. в честь столетия прибытия первых мигрантов, при открытии именовался *Monumento al inmigrante yugoslavo*, сейчас называется *Monumento al inmigrante croata*.

11 В Хорватском доме действуют курсы хорватского языка, а в ближайшее время в университете Пунта-Аренаса откроется лекторат хорватского языка. По свидетельству самих информантов, языком общения даже на культурных мероприятиях и заседаниях в Хорватском доме является испанский. В языковом ландшафте города и окрестностей можно найти «хорватский след»: например, расположенная на юг от города Estancia «Tamo daleko», проспект Хорватия (Avenida Croacia), магазины содержат в своем названии фамилии владельцев (Papeleería Marangunic). Много хорватских надписей находится на надгробных памятниках на кладбище Сары Браун (две надписи приводятся в оригинальной орфографии):

Ovdje počiva naš	Здесь покоится наш
Nezaboravni brat	Незабвенный брат
Filip Visić Kovačević	Филипп Висич Ковачевич
N.P.U.M.	Пусть покоится с миром
Godine 1900 u Kruševu	В 1900 [году родился] в Крушеве
Dalmacija Jugoslavia	Далмация Югославия
Prex u Magallanes 1927	Скончался [написано грех вместо грех] в [провинции] Магальянес в 1927 [году]
Stjepan i Ivan Braća;	Братья Стъепан и Иван
Ovde Počiva	Здесь покоится
Naš Ne zaboravni prijatelj	Наш незабвенный друг
Yuraj Santić T.	Юрай Сантич Т.
Roden u Dalmaciji Kućici	Родился в Далмации Кучичи
God 1886 Preminuo u.	В 1886 году. Скончался в
Punta Areni	Пунта-Аренасе
Dne 20.4. 1928.	Дня 20.4.1928

12 Православными являются также многие белорусы, которые эмигрировали в межвоенный период из Польши в Миссьонес и Парагвай.

13 На святоивановскую ночь, самую короткую в году, в Миссьонесе устраивают «хождение по углям»: рассыпают горящие угли, и необходимо босиком пройти по ним, считается, что, если у человека много грехов, то он обожжется, если нет — пройдет без ожогов. Информанты сообщают, что это традиция местных индейцев, хотя отмечена она и в Европе, среди басков Испании (*Иванов Ю. В. Обрядовый огонь // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 119*). Также традиция хождения по горящим углям известна в юго-восточной Болгарии у болгар-нестинар, обычно она исполняется в день св. Константина и Елены, см., например: *Гребенарова С. Календарни обреди и обичаи // Странджа. Материална и духовна култура. София, 1996. С. 341–342*.

14 Для сравнения — в Буэнос-Айресе больше распространен вариант: пожилая женщина выходит замуж за молодого (*se casa una mujer anciana con el joven*).

15 Пауза в текстах обозначается при помощи |, обрывок слова обозначен трюеточием, пропуски в нарративах — [...].

16 Жареное мясо (здесь и далее перевод с исп.).

17 Друг.

- 18 Батат.
- 19 Повозка.
- 20 Хорошо.
- 21 Гамак.
- 22 Растение.
- 23 Какой парагвайский гамак.
- 24 Дерево.
- 25 Картофель.
- 26 Был сезон арбузов.
- 27 Да.
- 28 Ясно.
- 29 Квартал.
- 30 Нет.
- 31 Нужно увидеть.

G. P. Pilipenko

Expedition to the Slavs in South America

In October-November 2017 the field research in Argentina, Paraguay and Chile was carried out. The goal of the expedition was to study the Slavic languages, which are spoken in these regions. The communities of Ukrainians and Poles in the province of Misiones (North of Argentina), the Ukrainians in the Department of Itapúa (Paraguay) and the Croats in the South of Chile (Punta arenas) were investigated. The aim of the expedition was to record the narratives about sociolinguistic and ethnolinguistic topics. At the end of this paper there are samples of the texts in Ukrainian, Polish and Croatian languages.

Keywords: *field research, Slavic languages, Ukrainian language, Polish language, Croatian language, South America.*

Л. Ф. Широкова
(Москва)

Революция 1917 года в свидетельствах очевидцев (на материале словацкой прозы 1930-х и 2000-х гг.)

Тема русской революции 1917 г. и связанная с ней проблематика получила отражение в словацкой литературе. В статье рассматриваются две пары произведений, схожих между собой по идейной направленности, но разделенных большим временным промежутком.

Ключевые слова: *словацкая проза, революция 1917 г., литературные направления и жанры.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.3.01

Революция 1917 г., произошедшая в России, и прежде всего Октябрьская революция, не только коренным образом изменила пути развития самой страны, но и оказала значительное воздействие на ход европейской и мировой истории. Это в полной мере относится и к Словакии, очутившейся прямо или косвенно в зоне притяжения революционных событий и последовавших за ними процессов. Достаточно вспомнить хотя бы факт возникновения и краткого существования в 1919 г. на юго-востоке страны Словацкой советской республики или участие словацких военнослужащих в действиях Чехословацкого корпуса на территории Советской России в 1918–1919 гг.

В сфере культуры воздействие Октября выразилось в Словакии в разных формах принятия или отрицания идей революции и строительства нового общества. С одной стороны, были писатели-реалисты, в числе которых — Я. Есенский, Й. Грегор-Тайовский, и с другой — приверженцы социалистического реализма, складывавшегося в Словакии под сильным влиянием теории и практики советской литературы. Картины событий революционных лет, начального периода социалистического строительства в России представлены в словацкой литературе 1920–1930-х гг. как актуальные свидетельства очевидцев, встречаются они и в произведениях современных писателей, которые используют образы прошлого с разными целями.

Проиллюстрируем это двумя парами произведений, которые отделены друг от друга временным промежутком почти в шестьдесят лет. Важным моментом в их художественной структуре представляется историзм в отношении к описываемой реальности, тяготение к

документальности высказывания о данном историческом периоде, достоверность повествования. Близкие по темам, эти произведения различаются и по характеру центральных персонажей — истинных или вымышленных свидетелей исторических событий революции 1917 г. и начала социалистического строительства. Один из героев в каждой паре — их фактический свидетель и очевидец, другой — квази-свидетель, художественный персонаж, который выполняет функцию повествователя, рассказывающего о своих субъективных впечатлениях от якобы увиденного и пережитого.

Книга воспоминаний Янко Есенского (1874–1945) «Путь к свободе» (1933) посвящена драматическому периоду европейской (и словацкой) истории — от кануна Первой мировой войны и до возвращения чехословацких легионеров через Сибирь и Дальний Восток на родину, в только что образованную ЧСР. Есенский, известный писатель и политический деятель, стал не только очевидцем, но и непосредственным участником этих событий. Глава X «В Петрограде» передает впечатления Есенского от революционного Петрограда: «Ветер дул нам в лицо и гнал вдоль грязных улиц мусор, пыль, клочки бумаги и рваные газеты. Витрины, вывески, фонарные столбы, окна домов, лепнина на стенах — всё было покрыто грязью и пылью. Улицы малолюдны. Больше всего солдат в скатанных шинелях через плечо»¹.

Есенский — давний поклонник русской культуры, великолепный переводчик классической поэзии — не узнал города своей мечты, настолько изменила его революция, изменив и само восприятие поэта: «Я ожидал увидеть нечто величественное, широкое, прекрасное, с аллеями из высоких деревьев и мощеными тротуарами — блеск, великолепие, роскошь. И — ничего. Как сотни других улиц в других городах. А ведь здесь гулял Пушкин. Об этом проспекте писал Гоголь. Тут печатал парадный шаг Лермонтов. Неужели мое сердце так очерствело?»

Во всем он увидел следы разрушения былого, некогда прекрасного, грязь и запустение: «Мы подошли к Неве. Грязная серая река с прогнившими, почернелыми лодками. За ней и возле нее дома, дома, дома. Пустота». А знаменитые скульптуры на Аничковом мосту навели его на размышления о вечной борьбе разумного с дикой стихией, представились метафорой русской революции: «Четыре бронзовых жеребца с бронзовым человеком на четырех углах моста. Жеребцы встают на дыбы, а человек хочет их укротить. Образ укрощения и каждый раз возобновляемой борьбы. [...] Невольно мне на ум пришли большевики и борьба с ними».

Значительное место в воспоминаниях Есенского отведено его работе журналиста и организатора чехословацкого движения в России: «"Словенске гласы" перестали быть довеском "Чехослована" на двух-трех страницах, а то и меньше, что нас с Йожко Грегором² часто возмущало... Йожко уже не хотел быть "тыловым героем" и отправился в солдатские массы в поисках впечатлений и лавров, мечтая стать "ударником" на поле боя с немцами и австрийцами».

После Февральской революции обстановка обострилась, картина пережитого приобрела гротескный, а порой даже апокалиптический характер: «Стрельба стала раздаваться всё чаще. Прогрела вторая часть корниловской эпопеи. Понапрасну ждали мы этого генерала в нашей редакции. Он не пришел, Керенский предал его. Какое-то время он всё еще приплясывал и заполнял паузы пустыми речами, но тут пришла вторая страшная гроза — ноябрьская большевистская революция. Невидимая дотоле холера явила себя в образе монгольского черепа Ленина. Мертвая голова с молотом и косой, отнюдь не звезда. В длившейся неделю стрельбе пала самая могучая славянская страна, романтик Керенский бежал, переодевшись в женское платье».

Есенский описывает и ужасы начала Гражданской войны, увиденные собственными глазами: «Вскоре настал революционный хаос и анархия. Немцы заняли Ригу, Русской армии не стало. Ее войска шли уже не на немцев, а друг против друга. Били, резали, грабили, бунтовали. У Петрограда стучали зубы от страха перед большевиками. По Выборгской стороне бегали даже не люди, а голодные, кровожадные звери. Шла охота на буржуев». Он вспоминает и события на юге России, когда «в начале февраля большевики заняли Киев. Украинское правительство бежало, чтобы позвать на помощь немцев, и вскоре вернулось вместе с ними».

Брожение умов затронуло и чехословацкое сообщество в России: «Тем временем и наш народ стал дробиться. Киевский совет издал декрет об организации чехословацкой Красной гвардии. Социалистическая армия! Первые чешские большевики. Первые предатели». Вслед за тем последовало заявление об организации чехословацких отрядов при добровольческой армии генерала Алексеева на Дону. Картины Гражданской войны рисуются всё более динамично, раздробленное чехословацкое сообщество, по свидетельству Есенского, пришло в движение: «Немцы приближались к Киеву, и мы разбежались, каждый своей дорогой, подобру-поздорову... Проклятые немцы! Выгнали нас из Петрограда, из Киева, теперь гонят из Москвы и из всей России».

Тот же период российской истории отражен как отдаленное эхо событий в романе одного из выдающихся словацких писателей уже другого поколения — современного прозаика Павла Виликовского (р. 1941), «Первая и последняя любовь» (2013). Это, по определению автора, «двойной роман», состоящий из двух частей, связанных между собой идейно, но не сюжетно. Почти половину повествования во второй части занимает монолог-рассказ старого русского эмигранта о своем детстве и юности, которые пришлось на годы Первой мировой войны, революции и Гражданской войны и были глубоко затронуты этими историческими катастрофами. Автор подчеркивает истинность, документальность повествования и самого персонажа: «...история, которую рассказывает в гостиной своей квартиры старый седовласый человек, реальна, как реален и сам этот человек»³. В конце романа даже дается ссылка на неопубликованные мемуары некоего инженера с инициалами К. Г.-Г. Речь старика выделена кавычками; с нее, как с одной из сюжетных линий, начинается вторая часть романа: «Помню начало войны. Мне было в ту пору восемь лет»⁴.

События революции мальчик воспринимал как продолжение ставшей уже привычной смены декораций: «В октябре была революция. Однажды, когда я шел с урока музыки, я услышал стрельбу на улице и увидел марширующих немцев, которых позвали в Киев украинцы-гетмановцы. Когда произошла революция в Германии, немцы ушли домой, и власть у нас взяли петлюровцы. В школе нам пришлось учить украинский язык, это было нелегко. Но петлюровцы пали, и пришли большевики. Все этому радовались. Но потом последовали насилие, террор и страх. А поскольку военное управление города постоянно менялось, с утра никто не знал, какое обращение следует использовать — то ли “товарищ”, то ли “брат”, то ли “добродий”. Мои воспоминания об этом времени хаотичны. Помню налет бандитов на банк неподалеку от нашего дома. Несколько раз видел, как вооруженные крестьяне на возах грабили рынок. Помню и захват города григорьевцами, оставшимися у нас после тяжелых боев примерно на неделю. Последний день перед их уходом был страшный: грабежи, убийства»⁵.

После окончательного возвращения в город большевиков мальчик бежит с родными на юг и становится добровольцем-вольноопределяющимся Белой армии, участвует в боях. В этой части повествования от первого лица персонаж раскрывается как человек бесстрашный и целеустремленный. Он рассказывает о своих поступках без хвастовства, как о чем-то само собой разумеющемся: «Меня устроили в кан-

целярию, писать увольнительные. Но мне это совсем не нравилось, и при первом же удобном случае я сбежал и попросился на бронепоезд “Екатеринослав“, который в тот же день отправлялся на фронт. [...] Ржавую винтовку я разобрал на детали и смазал салом для лучшего хода затвора. [...] Первый бой с неприятелем состоялся вскоре у станции “Долинская“, где нас обстреляли из артиллерийских орудий. Неприятелей, собственно, было даже двое: спереди — Красная армия, а сбоку, от Кривого Рога — банда батьки Махно. [...] Взрывом шрапнели меня отбросило внутрь вагона, и я долго еще не мог очнуться»⁶.

Те же личностные качества, смелость, твердость характера, проявляет совсем еще юный тогда повествователь и во время разгрома белых, при отступлении: «Мы оказались одни, повсюду вокруг горы снега, мороз, голод. Шли пешком, на возу ехали раненые. Неподалеку от Одессы нас встретили пулеметной стрельбой...» Бегство с остатками белых в Стамбул, тиф, постоянный голод и лишения — продолжение трагической истории юности повествователя: «В Севастополе нас высадили с парохода. Я чувствовал себя очень плохо, меня колотила лихорадка, донимали вши, руки и ноги опухли от обморожения»⁷. Его хождение по мукам благополучно завершается лишь через несколько лет, когда русских детей спасает Красный Крест: «Мы едем через Будапешт, Братиславу... Снег, холод и долгий путь в бараки, в которых мы будем жить. Это было в 1922 году. Потом уже была моя жизнь в Чехословакии»⁸.

Если в мемуарах Есенского и в романе Виликовского революция показана как разрушительная сила, вызвавшая крушение прежних ценностей и традиций — культурных, семейных, нравственных, — то в другой паре книг-свидетельств — в книге Петера Илемницкого (1901–1949) «Компас в нас» (1937) и в политическом романе Йозефа Банаша (р. 1948) «Остановите Дубчека!» (2009) представлен взгляд с другой стороны, с точки зрения коммунистов, видевших в революции перспективу строительства нового светлого будущего.

Книга П. Илемницкого «Компас в нас» — это цикл рассказов, представленный как своего рода творческий диалог автора, словацкого писателя, путешествующего по югу СССР, и местного журналиста, осетина Чермена: они рассказывают друг другу истории на темы порабощения и свободы, самоотверженной любви и вражды, погони за богатством и бескорыстного труда, чужбины и родины. Повествования осетина Чермена кратки, они окрашены восточным колоритом и близки к балладе или притче. Истории словака более развернуты и конкретны, писатель следует в них принципам социалистического

реализма с его классовыми оценками, партийной позицией и оптимистическим финалом при всей живости и разноплановости характеров и драматизме сюжетов.

На словацком материале построены три рассказа, или, скорее, повести, — «О двух братьях, один из которых не узнал другого», «История Эвы Бурдовой, которой хотели преградить путь к любви» и «Об Интергельпо и о соотечественниках, которым пришлось оставить родной дом, потому что они искали счастье в труде». В первой повести события происходят в Словакии, в центре сюжета — имущественный спор в бедной семье, который переходит во вражду. Действие второй повести происходит в советском Причерноморье в среде чешских и словацких колонистов, обосновавшихся там еще в XIX в. Илемницкий с осуждением пишет об их нравах: «Прошло уже несколько лет после революции, изменившей людей, но наши крестьяне в этом глухом углу оставались всё теми же крестьянами. Они копили рублики, приращивали и благоустривали свое хозяйство, а советская власть многим была по сердцу лишь до тех пор, пока не обращала на них внимания. Оно и понятно, ведь такую их косность революция не могла искоренить за один день»⁹. Отец хотел выдать Эву замуж за богача, а она полюбила рабочего Алексея. После разрыва с семьей она уезжает в Новороссийск на цементный комбинат и начинает новую жизнь в рабочем коллективе.

Третья история — это рассказ о драматических судьбах словацких рабочих-интернационалистов из кооператива «Интергельпо», приехавших в 1920-е гг. в Советскую Россию помогать строить социализм и налаживать промышленное производство. В экспозиции, предваряющей эту повесть, автор дает и пояснения к сюжету, и свою оценку героического труда переселенцев: «У себя на родине, придавленные кризисом, они создали кооператив, уехали в Среднюю Азию [...] и создали там кусочек Европы. Они нашли воду, сотворили живительную тень — сколько положительного и ценного они смогли сделать благодаря своему трудолюбию в условиях свободного труда»¹⁰.

Илемницкий начинает рассказ от первого лица — от лица автора-повествователя, приводя факты собственной биографии. Потом роль рассказчика переходит по очереди к нескольким героям, каждый из которых повествует о своей нелегкой судьбе. С этими героями автор знакомит читателя в самом начале повести, после описания сурового и живописного пейзажа: «Бело-синяя тень Тянь-Шаня сползала на отроги гор. Вдали сверкал ледяными зеркалами Киргизский Алатау. Но степь, необъятная, желтая равнина, не отражалась в них. [...] Рас-

каленный июльский полдень, тяжелый, как нагретый солнцем валун, скатился в холодные расщелины»¹¹. Автор-повествователь смягчает эту картину, переносясь в уютный, утопающий в зелени поселок чехословацких переселенцев. Какой ценой было достигнуто ими это благополучие, становится очевидно при знакомстве с героями: автор-повествователь вышел из «красивого белого домика в окружавший его сад» вместе с хозяином, своим давним другом Валентом, который едва передвигался из-за раны, полученной на охоте, и со вторым словаком, Петером, который «с трудом приходил в себя после приступа малярии»¹². Валент, говоря о жизни тружеников «Интергельпо» в киргизской степи, проговаривается: «На 1-е мая мы отмечали десятилетие нашей работы в этом проклятом крае» — в ответ на удивленный взгляд автора-повествователя кратко поясняет: «Азия — все-таки не Европа»¹³.

За спиной каждого из героев — своя драматическая, порой трагическая судьба, оба пережили здесь смерть близких из-за болезни, губительного климата и тоски по родине, которую они тоже в душе испытывают, как и сомнения, и угрызения совести. Вместе с тем оба они — сознательные коммунисты, для которых партия — высший авторитет, а работа по строительству социализма, помощь Стране Советов — святой долг. Это главное, трагическое противоречие в их сознании, поскольку тягу домой они воспринимают как слабость, возвращение в буржуазную Чехословакию — как дезертирство, предательство по отношению к товарищам. И каждая из показанных Илемницким судеб, каждый из характеров рабочих-интернационалистов сложен и противоречив по-своему. Поэтому представляется не вполне справедливой оценка повести Р. Биликом, автором исследования о словацком соцреализме, когда он говорит о произведениях Илемницкого 1930–1940-х гг.: «Центральное место занимает в них идея “объективного закона” — от балансирования центрального героя между “стихийным” и “сознательным” в “Победном падении” и как его варианта — движения от индивидуального, тяготеющего к собственности и природе с ее циклами, к коллективному — в “Компасе в нас”, и, наконец, к осознанной партийности, к “сознательному” в “Хронике”»¹⁴.

Повествование Петера начинается с ретроспективы: в его болезненном сознании во время приступа малярии возникают сцены десятилетней давности. Он вспоминает историю кооператива «Интергельпо» с самого начала, когда в период экономического кризиса словацкие и чешские рабочие с энтузиазмом восприняли призывы

агитатора, «организатора и председателя» Маречка уехать в СССР ради свободного труда и достойной жизни в сказочно прекрасной стране. «Он ходил на свои лекции с проектором и показывал картинки про эту далекую чудесную страну, где необозримые степи, снежные вершины, густые леса, где изобилие сочных арбузов, румяных яблок, бархатных персиков, зрелого винограда»¹⁵. В полубреду перед глазами Петера сменяют друг друга образы прошлого: он снова видит торжественный отъезд первого эшелона «Интергельпо» с тремя сотнями добровольцев, вагонами со станками и оборудованием, закупленными ими на последние деньги, и долгий, длившийся более месяца путь через европейскую Россию с ее бедными деревнями и полуразрушенными городами. У Аральского моря они «попрощались с Европой и оказались в настоящей степи, где кругом только пустошь и пески»¹⁶. На месте, куда они прибыли, оказался лишь «кусочек бесплодной степи, поросший полынью и колючками», на котором пришлось обустроить жизнь, сталкиваясь с тяжелыми условиями — отсутствием жилья, непривычным климатом, болезнями и смертями близких. Так описана трагическая сцена первой смерти ребенка в бараке колонистов: «Однажды утром, на рассвете, когда все поднимались на работу, молодая мать Буллова запричитала в голос: — Господи, ведь мой Яничек — мертвый! Яничек! Мой маленький... Помогите! — Она кричала, трясла беспомощное тельце и прижимала его к груди»¹⁷. Но несмотря ни на что «работали все, в бараке оставались только лежачие больные. [...] Что это было? Тиф, корь или другая болезнь — никто не знал, а у приезжего фельдшера не было лекарств»¹⁸. Петер вспоминает, как тогда «пошатнулась трудовая дисциплина», «стал пропадать энтузиазм»¹⁹. Некоторые колонисты, испытав горе и разочарование, покидали поселок и уезжали «потихоньку, словно совершая какое-то преступление». Однако сам Петер убежден в том, «что это было самое плохое, но и самое героическое время для нашего кооператива»²⁰.

Следующий рассказчик, старик Варга, нашел здесь свое счастье, занимаясь общественным садом и пасекой; он осуждает одиночников, у которых «была своя цель, и ради этой цели они сюда и приехали, ради своего интереса. Про кооператив, общее, они и не думали. А когда увидели, что планы их рушатся, побежали из кооператива, как суслики из нор»²¹. Другой характер представлен в фигуре Людо, брата Петера: при всей своей преданности «Интергельпо» он мечтал «о *своем* домике на берегу реки, о *своей* лодке и *своих* сетях»²², о счастье с любимой, приезда которой он ждал, но им так и не суждено было встретиться. Людо умер от истощения и тифа, а перед смертью

в бреду «возвращался домой, в тенистые, благоуханные долины, на зеленые холмы, с которых можно смотреть на радостный мир и дышать полной грудью»²³. Так же угасла и жена следующего рассказчика — Валента, не выдержав сурового климата степной Киргизии. Но еще больше она страдала от тоски по родному краю, от того, что становится ему «чужой», что даже родные не понимают ее писем — она путает словацкие слова и буквы с русскими. Буржуазному «патриотизму», осуждаемому партией, она противопоставляет в спорах с мужем «чувство родины, родного дома, а оно здесь и за сто лет не появится»²⁴. Уже после ее смерти Валент упрекал себя в черствости и упрямстве, поскольку убеждал жену в том, что «возвратиться домой, сбежать из кооператива было бы ужасным предательством»²⁵. Но ни кончина жены, ни болезнь маленькой дочери, ни даже исключение Валента из партии «за контрабанду» (за несколько долларов, посланных отцу в уплату долга) — не могли заставить его бросить общее дело. Хотя в финальной сцене на железнодорожной станции он признается автору-повествователю: «Я бы уехал. Прямо сейчас», — и крикнул вслед поезду: «Передавай привет Чехословакии!»²⁶

Тема «Интергельпо» затронута и в биографическом романе Й. Банаша «Остановите Дубчека!», посвященном жизни и деятельности этого видного политика, идеолога «Пражской (по Дубчеку, чехословацкой) весны» 1968 г. Автор основывается в своем беллетризованном повествовании на целом ряде документальных источников, на исследованиях историков, воспоминаниях современников и в первую очередь — на мемуарах самого А. Дубчека «Надежда умирает последней» (1993). Четыре главы книги — с пятой по восьмую — повествуют о памятном периоде в жизни героя — детстве, проведенном в СССР, куда его родители-коммунисты прибыли вместе с другими добровольцами из Чехословакии в первом эшелоне «Интергельпо». Начинается эта история с эпизода собрания рабочих, митингующих по поводу массовых увольнений и разгона их демонстрации вооруженной полицией. Отчаявшихся людей привлекает выступление Рудольфа Маречека, председателя «Интергельпо» (чехословацкой секции организации «Международная рабочая помощь», действовавшей в 1921–1935 гг.). События представлены автором через восприятие участника собрания, отца будущего политика — Штефана Дубчека. Горячее желание Штефана и его товарищей «помочь молодой Стране Советов» еще более укрепилось после наглядной агитации Маречека с красивыми фотографиями, демонстрирующими изобилие в Средней Азии: «Дубчек смотрел на эти картинки, и они вызывали в его романтической,

склонной к авантюризму душе неодолимую мечту — увидеть эту далекую страну и помочь ее гражданам построить новое общество»²⁷.

Многих остановила высокая цена в три тысячи крон, которую надо было заплатить за переезд и закупку необходимого оборудования, ради чего пришлось бы продать последнее имущество. Но Штефан Дубчек, чей внутренний монолог воспроизводит автор, решил сразу: «Довольно меня в жизни унижали, хочу жить достойно, как человек. Там человека уважают»²⁸. Сборы, отъезд переселенцев и долгий путь эшелона в Киргизию Банаш описывает, почти дословно повторяя соответствующие части мемуаров Дубчека. Но первый, самый тяжелый период в жизни рабочих и их семей «на новой родине» представлен сжато, скупыми, констатирующими фразами из документальных источников. Так, в отличие от Илемницкого, показавшего трагическую сцену гибели в холодном бараке ребенка, Банаш перечисляет факты: «В лагере вспыхнула эпидемия малярии. 10 июня 1925 года членов “Интергельпо” впервые посетила смерть. Умер девятимесячный Вацлав Пагач. За три месяца умерло еще 12 детей, до конца года — 30»²⁹. В том же стиле автор пишет и о других бедствиях, постигших рабочих кооператива, в том числе — о пожаре 1926 г., который уничтожил часть домов и мастерских. Именно после пожара, отмечает Банаш, многие решили вернуться в Чехословакию или переселиться в другие, более пригодные для жизни места в СССР. Завершая тему «Интергельпо», автор дает своего рода историческую справку о деятельности и достижениях кооператива: «В первый же год ими была построена первая в Киргизии электростанция, на следующий год — текстильная фабрика, потом плавильня, мебельная фабрика, больницы. [...] В 1924 г. доля “Интергельпо” составляла пятую часть всей промышленности Киргизии». Расходятся с воспоминаниями Дубчека и сведения о конце пролетарского кооператива, представленные Банашем: «В декабре 1943 г. “Интергельпо” было ликвидировано. Его членов репрессировали, шестнадцать из них расстреляли как врагов СССР»³⁰. В книге «Надежда умирает последней» Дубчек упоминает об угрозе преследований иностранцев со стороны госбезопасности, однако отмечает: «Многие из “Интергельпо” остались там и после войны. Насколько мне известно, некоторые из них живут там со своими детьми и внуками до сих пор»³¹.

Представленные выше произведения относятся к разным периодам, разным направлениям и жанрам словацкой литературы: это мемуары писателя-реалиста, классика, признанного мастера прозы и поэзии конца XIX — первой половины XX в. Я. Есенского и «двой-

ной» роман современного писателя-постмодерниста П. Виликовского, повесть классика социалистического реализма П. Илемницкого и биографический роман автора популярных политических романов XXI в. Й. Банаша. В них по-разному, с различными художественными целями преломились образы бурных и драматических событий революции 1917 г. и советской действительности послереволюционных лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Здесь и далее — цитаты из книги «Путь к свободе» даются по: http://zlatyfond.sme.sk/dielo/823/Jesensky_Cestou-k-slobode. Перевод цитат всех оригинальных текстов сделан автором статьи.

2 Йозеф Грегор-Тайовский (1874–1940) — словацкий писатель, драматург, публицист.

3 *Vilikovský P.* Prvá a posledná láska. Bratislava, 2013. S. 141.

4 *Ibid.* S. 139.

5 *Ibid.* S. 140.

6 *Ibid.* S. 144.

7 *Ibid.* S. 150.

8 *Ibid.* S. 163.

9 *Jilemnický P.* Kompas v nás. Bratislava, 1973. S. 158.

10 *Ibid.* S. 300.

11 *Ibid.* S. 303.

12 *Ibid.*

13 *Ibid.*

14 *Bilik R.* Duch na reťazi. Bratislava, 2008. S. 168.

15 *Ibid.* S. 316.

16 *Ibid.* S. 320.

17 *Ibid.* S. 326.

18 *Ibid.* S. 333.

19 *Ibid.*

20 *Ibid.* S. 336.

21 *Ibid.* S. 339.

22 *Ibid.* S. 346.

23 *Ibid.* S. 364.

24 *Ibid.* S. 385.

25 *Ibid.* S. 380.

26 *Ibid.* S. 407.

27 *Banáš J.* Zastavte Dubčeka! Bratislava, 2009. S. 24.

- 28 Ibid. S. 25.
29 Ibid. S. 26.
30 Ibid. S. 31.
31 *Dubček A.* Nádej zomiera posledná. New York, 1993. S. 30.

L. F. Shirokova

Revolution of 1917 in the testimonies of the witnesses
(on the Slovak prose of the 1930s and 2000s)

Russian revolution of 1917 and the problems connected to it are reflected in Slovak literature. The article is a study of two pairs of texts, similar by expressed ideas, but divided by a long period of time.

Keywords: *Slovak prose, Revolution of 1917, literary movements and genres.*

И. Перушко-Виндакиевич
(Загреб)

Перевод как культурный трансфер: репутация советской культуры в послевоенной Хорватии

В статье рассмотрены проблемы перевода в свете концепции культурного трансфера, интерпретирующей перевод как инструмент общения и межкультурного диалога. На примере советизации хорватской югославской литературы и культуры после Второй мировой войны (1945–1948) проанализированы особенности функционирования перевода с языка исходной культуры на язык культуры усваивающей.

Ключевые слова: *культурный трансфер, межкультурный диалог, переводная литература, советизация, хорватская югославская культура, трансляция.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.3.02

Перевод как культурный трансфер

Слово «перевод» в русском языке имеет множество значений, но для переводоведческой терминологии наиболее важно то, что переводом обозначается и процесс передачи содержания, и результат этого процесса. Исходя из этого, В. Виноградов в книге «Введение в переводоведение» уточняет, «что в переводоведении существует два взаимосвязанных уровня исследований: процессуальный и текстовый»¹. Однако узкие рамки переводоведения сегодня значительно расширились, и традиционная трактовка перевода как переложения текста одного языка на другой является сугубо технической и поэтому недостаточной. Несмотря на то, что перевод как особый вид человеческой деятельности существовал еще и в дописьменные времена, когда между племенами зарождались первые контакты, проблемы, с ним связанные, до сих пор остаются актуальными. Это касается как самой сущности перевода, его границ и специфики, так и проблемы (не)переводимости, которая занимала ученых на протяжении многих веков и разделила их на две группы — сторонников принципиальной непереводимости и сторонников абсолютной переводимости.

Во второй половине XX в. проблему перевода пытались рассмотреть с лингвистической и с литературоведческой точки зрения, но сегодня, как замечает Н. Автономова в книге «Познание и перевод» (2008), она приобрела почти философский статус, и ею занимаются

исследователи и представители самых разных современных направлений и дисциплин². Однако оба упомянутых выше принципа — и принцип абсолютной непереводаемости, и принцип абсолютной переводаемости — плохо соотносятся с реальной картиной переводаемости языков в коммуникативной реальности. Особый интерес представляет межкультурная коммуникативная природа перевода, проблема соотношения языка перевода и исходной культуры. У. Эко в книге «Сказать почти то же самое. Опыты о переводе» (2003) выступает против сугубо лингвистической трактовки перевода, согласно которой перевод является лишь переходом с одного языка на другой. По мнению Эко, перевод — это переход из одной культуры в другую, из одной «энциклопедии» в другую³.

В книге «Культура и взрыв» (1992) Ю. Лотман рассматривает проблему перевода в более широком контексте и обозначает ее как универсальную проблему семиозиса, при этом элементарным механизмом любого перевода русский семиотик считает диалог. Н. Автономова спорит с Лотманом, утверждая, что диалог предшествует переводу, т. е. является условием самой возможности перевода. Согласно Автономовой, диалог обеспечивает перевод. Но, несмотря на разногласия и споры о том, «что было раньше, курица или яйцо, диалог или перевод», перевод художественного произведения одной культуры на язык другой культуры является межкультурным коммуникативным актом, фактически диалогом. Эту диалогичность культуры уже давно отметил М. Бахтин: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже. Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается диалог»⁴. Идеи Бахтина повлияли на британского историка культуры П. Берка⁵, который на основе бахтинской теории полифонии предлагает концепцию полифонической истории, в центре которой находится диалог: «Что такое полифоническая история? Наверное, полезно начать с отрицательного определения, с противопоставления оппозиции исторической “монодии”». Это история-полиглот, а не моноглот, история в виде диалога, а не монолога, она рассказывает сразу несколько историй вместо одного большого нарратива. Одно из главных изменений в гуманитарных науках в последние полвека заключается в приумножении голосов, выражающихся в текстах, или, если перейти от акустической метафоры к визуальной, речь идет о приумножении перспектив или точек зрения в антропологии, социологии, литературе и в прочих гуманитарных дисциплинах, в том числе в истории»⁶.

Современное переводоведение подчеркивает эту межкультурную диалогичность и предлагает рассматривать перевод в свете концепции культурного трансфера. Сам термин ввел в употребление в 1980-е гг. один из основоположников транснационального подхода французский историк М. Эспань. В фокусе его интересов находится в первую очередь история перевода. «Переданное сообщение, — утверждает Эспань, — должно быть переведено с языка исходной культуры на язык культуры усваивающей»⁷. В каждой национальной культуре переводная литература выполняет важную роль; иногда она едва ли не более значима, чем оригинальная литература. Это особенно принципиально, когда речь идет о славянских литературах. Общеизвестно, что древнерусская литература начинается с переводов литературы Болгарии и Византии, и поэтому О. Творогов утверждает, что «в целом Русь стала читать чужое раньше, чем писать свое»⁸. Схожая ситуация сложилась в Хорватии: хорватская средневековая литература в основном состояла из переводов произведений византийской церковной литературы и западных литератур (латинской, итальянской, французской, чешской).

Несмотря на то, что переводная литература зачастую способствует развитию оригинальной национальной литературы и формированию литературных вкусов определенного народа, «значение перевода в создании национальных культур, — как справедливо отмечает Н. Галеева, — всегда недооценивалось»⁹. Переводная литература, помимо того, что несет в себе ряд полезных функций, служит зеркалом общественных изменений и межкультурных взаимосвязей. Б. Жилко назвал перевод мощным культурным инструментом, который способствует «осуществлению межъязыкового и межкультурного диалога»¹⁰. Парифразируя замечание У. Эко о том, что язык Европы — это перевод, можно смело утверждать, что *язык социализма — русский*.

Формирование хорватской послевоенной литературы

После Второй мировой войны в хорватской литературе в контексте югославской культурной парадигмы сложилась ситуация, когда исключительную роль в ее развитии играли переводы русской советской литературы. «Язык и только язык связывает славян друг с другом», — отмечал Н. С. Трубецкой в книге «Европа и Евразия», одновременно отвергая существование некой общей славянской психики, славянского характера и славянской культуры¹¹. Однако, волею политических обстоятельств, славянский миф после войны оказался реальным: в этот период хорватская югославская культура была вы-

нуждена наследовать традиции, возникшие в *первичной* советской культуре. В сравнительном плане культурный диалог между СССР и Югославией возможно исследовать через дихотомию центра и периферии, стороны принимающей и отдающей, через отношения влияния и власти. Так, Н. Галеева различает первичные (более самостоятельные и самодостаточные) культуры и вторичные культуры, которые пользовались ценностями первичных культур через перевод¹².

После Второй мировой войны советская культура стала идеологическим и культурным донором для югославской культуры, которая в это время складывалась как вторичная. К этой ситуации применима формулировка А. Бермана из статьи «Испытание Чужим. Культура и перевод в романтической Германии»: возможность «оплодотворить Свое посредством Чужого»¹³. После 1945 г. в Югославии доминировало утопическое представление о Советском Союзе как об идеальном государстве, проповедующем идею славянского мифа. Иными словами, Югославия под фанфары ринулась в объятия советской культуры, которую В. Паперный в книге «Культура Два» (1996) описывает как вертикальную, закрытую, статичную, соцреалистическую¹⁴.

По окончании Второй мировой войны югославская модель государственного управления была построена по образцу сталинской власти, диктатуры пролетариата и новой социалистической экономики. После Второй мировой войны советизации подверглись школьное образование, журналистика, публицистика, литература, изобразительное искусство, театр и кино — что было в целом характерно для большинства стран так называемого Восточного блока. В известной статье «Культура как перевод» В. Макура уточняет, что большинство культур формировалось с помощью конкретных переводов¹⁵. Так случилось и с социалистической культурой Югославии. Хорватская послевоенная социалистическая культура формировалась с невероятной скоростью посредством переводов научной, исторической, теоретической и художественной советской литературы, а также через перевод-адаптацию. Одним из важнейших видов перевода-адаптации советской культуры можно считать возникновение Агитпропа, который был создан по советскому образцу (и по содержанию, и по форме). К переводу-адаптации относится и восхваление советской модели. Это хорошо заметно в лозунгах, которые славили Советский Союз и становились моделью для собственно югославских.

*Živjela velika zemlja socijalizma, moćni Savez Sovjetskih
Socijalističkih Republika!*

*Živio veliki vođa i učitelj naprednog čovječanstva drug Staljin!
 Živjela slavna Sovjetska armija, budni stražar mira u svijetu!
 Živjelo vječno prijateljstvo i bratstvo naroda Sovjetskog Saveza i
 Jugoslavije!*
*Да здравствуєт великая страна социализма, могучий Союз
 Советских Социалистических Республик!*
*Да здравствуєт товарищ Сталин, великий вождь и учитель всего
 прогрессивного человечества!*
*Да здравствуют славная Советская Армия, бдительно стоящая
 на страже мира!*
*Да здравствует вечная дружба и братство народов СССР
 и Югославии!¹⁶*

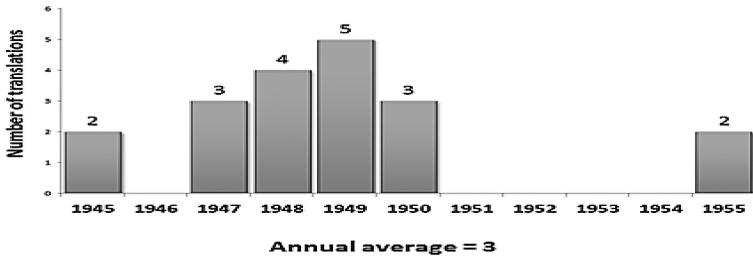
Советская *сталиниана* — еще один вид заимствования. В первые послевоенные годы появляются стихи-аналоги, которые хорватские поэты посвящают И. В. Сталину. Вот как писал выдающийся хорватский поэт Владимир Назор:

*Uz Tita i Staljina, dva
 junačka sina, nas neće ni
 pakao smest.
 Pjesma o pesti (1943)¹⁷*

С Тито и Сталиным,
 двумя героическими сынами,
 нам не страшен даже ад.
Стих о сжатом кулаке (1943)

В процессе советизации хорватской культуры ключевую роль сыграли переводы художественной литературы. Русские классики публиковались в Хорватии еще до войны, однако после 1945 г. число публикаций русских авторов увеличилось. Кроме переводов русских писателей-реалистов (особенно Л. Толстого), увеличилось число так называемых левых авторов (В. Маяковский, М. Горький) и соцреалистических авторов, таких как К. Симонов, Б. Горбатов, А. Фадеев. В первое послевоенное десятилетие в Хорватии было опубликовано 297 русских переводов художественной литературы. Вот что показывает статистика переводов поэтических русских текстов в Хорватии:

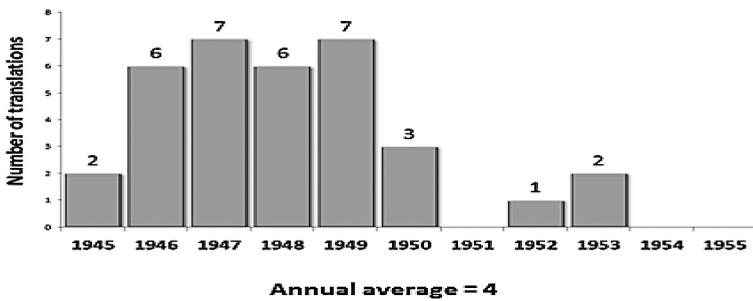
Poetry

Среднегодовой показатель публикаций сборников стихов в Хорватии с 1945 по 1955 г. — 3 книги.

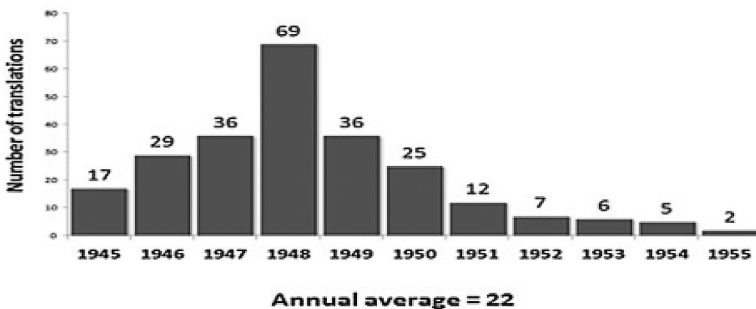
С 1945 г. наблюдается неуклонный рост публикаций русских советских пьес:

Drama

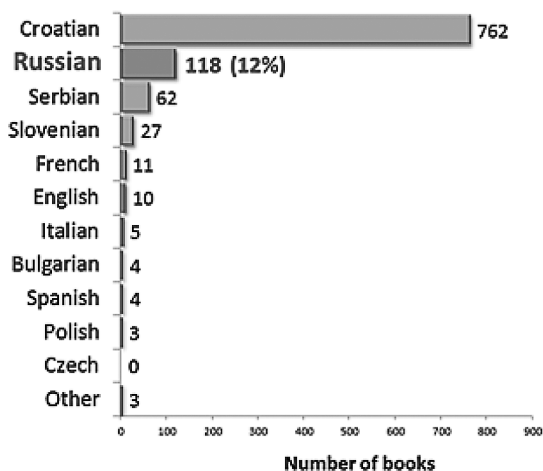
Доминирующими в послевоенное время являлись переводы русскоязычных художественных прозаических произведений:

Prose

Интересно заметить, что в 1948 г., когда конфликт между Тито и Сталиным достигает своего пика, вышло в свет 69 переводов русской художественной прозы! В том же году было опубликовано восемь переводов французской художественной прозы, шесть — английской, четыре — американской и два — итальянской. То есть доминирование переводов с русского языка бесспорно. Эта тенденция продолжается и в 1949 г., во время жесткой антисоветской пропаганды. Согласно данным Агитпропа, хранящимся в Хорватском государственном архиве в Загребе, в 1949 г. было опубликовано 118 переводов русских авторов. На долю всех западных литератур пришлось тогда 33 книги.

Number of books 1949

К тому же отбор произведений для перевода диктовался идеологическими соображениями — принципами коммунистической идеологии. Всё, что несла первичная культура, считалось оправданным и идеальным, поэтому должно было быть адаптировано и (или) применено в принимающей культуре (это касалось как отдельных видов искусств — литературы, изобразительного искусства, киноискусства, — так и культуры в целом). Подобная ситуация оплодотворения Своего посредством Чужого имела место и в России, которая не всегда была «центром». Н. Автономова отмечает три крупных переводческих начинания, когда русская культура из-за своего периферийного положения и недостаточности понятийного языка артикулировала

новый опыт посредством переводов: в XVIII в. после Петра Великого, в XIX в. после наполеоновских войн и в XX в. после революции¹⁸.

После принятия Резолюции Информбюро, т. е. после того, как Тито сказал «Нет!» Сталину, отбор произведений для перевода существенно меняется, и в то же время доля переводов с русского в значительной мере сокращается. Борьба за «эстетический плюрализм» после разрыва Югославии со Сталиным и СССР в конце 1940-х гг. сопровождалась ростом антисоветских настроений. Зато резко возросло число переводов западных авторов (имеются в виду переводы итальянской и немецкой художественной литературы). Всё упомянутое выше печально сказалось на переводах русской литературы на хорватский язык в 1950-е гг. и на рецепции ее в этот период, но уже в 1960-е интерес к русским классикам возобновляется. В 1950-е гг. переводятся не адепты соцреализма, а авторы, в СССР запрещенные: Б. Пильняк, М. Булгаков, И. Бабель, Е. Замятин и др. Именно их произведения вошли в сборник запрещенной русской прозы 1920-х гг., подготовленный А. Флакером, который дал ему знаковое название «Еретики и мечтатели» (1954).

После 1948 г. все общественно-политические силы были направлены на кампанию против Информбюро с целью отойти как можно дальше от сталинской модели и марксистско-ленинских принципов, сосредоточены на строительстве новой формы социализма. Архивные материалы Агитпропа подтверждают, что в 1949 г. издавались указы об изъятии русских фильмов, снятии спектаклей и изъятии программ художественного чтения из репертуара хорватского кинематографа и театра, хотя еще в 1948 г. соцреализм был официально признанной литературно-художественной доктриной. На Пятом съезде компартии Югославии в 1948 г. он снова был утвержден как официальное направление во всех видах искусства, однако 1949 год принес перемены. Этот год был особенно важным для хорватской литературы, потому что именно тогда, благодаря докладу хорватского литератора П. Шегедина «О нашей критике», прочитанному на Втором съезде писателей Югославии, была начата открытая борьба за свободу творчества, за его освобождение от прагматизма и унитаризма (хотя эти призывы звучали еще в 1930-е и в первые послевоенные годы).

В своем докладе Шегедин процитировал слова партийного лидера Э. Карделя о том, что научное творчество — не придаток государственного аппарата, а уж литература — тем более; писатель не только резко осудил шаблонную литературную критику и соцреализм в литературе, но и призвал к тому, чтобы в хорватской литературной жизни

воцарились веселье и счастье, что прежде воспринималось как нечто недостойное. «Почему человека нужно лишить счастья в искусстве? Ради чего?» — спрашивал Шегедин, ведь отказ от счастья уже привел к дегуманизации и обнищанию¹⁹. Историки литературы обращают внимание на то, что Шегедин был первым, кто поднял голос против принципа партийности в литературе и критике, однако он мыслил гораздо шире, выступив против любых стереотипов в искусстве, против «практичности», идеологизированного искусства, ограниченного утилитарными задачами, будучи уверен, что в искусстве прагматизм особенно опасен.

Смертоносный удар по унитаризму сталинского типа нанес М. Крлежа в своей исторической речи на Третьем съезде писателей Югославии в Любляне в 1952 г. Писатель подверг сомнению идею и поэтику социалистического реализма, а затем обрушился с критикой на сталинскую концепцию писателя как инженера человеческих душ: «Разве может *душа* с ее возвышенной метафизической эфемерностью быть программным лозунгом, подлежать научному определению некоего такого технического факультета, как литературно-диалектический факультет сталинского и ждановского социалистического реализма, которым логически предписывается быть материалистическими?»²⁰. Свою речь Крлежа закончил конкретными «напутствиями»: от хорватских писателей он требовал креативности, артистизма, свободы выражения, определив тем самым дальнейшие пути развития национальной литературы. То, что эти пути вели на Запад, особенно в Америку, подтвердили два хорватских литературных критика, А. Флакер и В. Павлетич. Флакер одним из первых признал, что литературный вкус послевоенной Хорватии формировали переводы произведений не только советских писателей, но также немецких и американских, тем самым он подчеркнул значимость американского романа и американской культуры для развития хорватской литературы. Павлетич в своем манифесте «Пусть будет живость!», опубликованном в первом номере загребского журнала «Кругови» в 1952 г., уже во введении упоминает Америку, несколько поверхностный, но привлекательный своим остроумием дух американской культуры — что, конечно, следует понимать как символическое обращение к новым берегам. Эта смена курса, своеобразная победа американской культуры над советской, особенно ярко проявится в 1960-е гг. Если взглянуть шире — налицо своего рода триумф модернизма над (соц)-реализмом. В то время как партийное руководство еще пыталось идти путем догматического социализма, новое поколение свободомысля-

щих прозаиков делали свое дело, продолжая публиковать анти-соцреалистическую прозу (П. Шегедин «Божьи дети», 1946; Р. Маринкович «Проза», 1948). В 1950-е гг. всё громче зазвучали голоса модернистов (Маткович, Десиница, Новак, Раос), что, по мысли Флакера, привело к формированию модернистской, а не соцреалистической традиции²¹. Историк Я. Шидак обращает внимание на еще одно важное следствие послевоенной советизации: хорватская гуманитарная общественность была ограничена в контактах с Западом и изолирована от западноевропейского искусства²².

Перевод как трансляция жанров и сюжетов

В уже упомянутой статье Макуры подчеркивается, что процесс формирования культуры связан с трансляцией жанров и сюжетов. Этот факт значительно расширяет сущность и само понятие перевода. На основе чешско-немецкого примера Макура показал, как одна культура (немецкая) виртуально клонировала себя в другую (чешскую) в течение XIX в.²³ Из этого следует, что перевод — это не только транскодирование (перенос) информации с одного языка на другой. Это еще и обмен культурными ценностями. Сторонники культурного трансфера предупреждают, что в процессе переноса информации из одной культурной ситуации в другую любой объект превращается во что-то другое или, по крайней мере, во что-то новое. После того как перевод попадает в иной контекст, он сразу приобретает новое значение. Культурный обмен — это не просто процесс циркуляции идей, но и постоянная их реинтерпретация и переосмысление. То же самое произошло в процессе переноса русско-советской культурной ситуации на хорватско-югославскую.

Сталинскую концепцию искусства в Хорватии пытались навязать всем областям хорватского (и югославского в целом) искусства, однако полученный результат не был одинаков для разных видов искусства. Советизация художественного слова в первые сталинские годы хорватско-югославской истории осуществлялась как на уровне содержания, так и на уровне формы. Историки литературы С. Ласич, С. Просперов-Новак, К. Немец и др. подтверждают, что новая хорватско-югославская литература XX в. в начале своего формирования находилась под сильным влиянием сталинской парадигмы, т. е. соцреализма в его наиболее жестком варианте. Новак и Немец в своих капитальных трудах «История хорватской литературы» (2003) и «История хорватского романа с 1945 по 2000 г.» (2003) особенно критически оценивают советизацию хорватской культуры того периода, когда в

искусстве доминировало революционное начало. Неудивительно, что в послевоенные годы литература просто потеряла свое лицо, перейдя к обслуживанию партийных директив: «У искусства теперь новая роль — служение прогрессивным силам, т. е. рабочему классу; искусство стало формой идеологии, а функция литературы сводится к воспитанию и социальной педагогике, распространению в массах злободневных политических идей и лозунгов, идеализированному показу социальной действительности»²⁴.

Литературный соцреализм проявил себя как неудачный культурный трансфер; он был реализован скорее как догма, нежели на уровне поэтики, в итоге после войны хорватская литература произвела на свет всего два соцреалистических романа. Попытка трансфера соцреализма из одной культуры в другую осуществлялась и в изобразительном искусстве. Хотя в хорватском изобразительном искусстве после Второй мировой войны соцреализм был основной формальной парадигмой, что предполагало ярко выраженную антимодернистскую направленность, он, по мнению многих искусствоведов (Л. Колесник, З. Руса, Ж. Кошчевича и др.), не оставил глубокого следа в истории отечественного искусства и не прославился значительными произведениями. Тем не менее соцреализм был определяющим направлением для послевоенного портрета и монументальной скульптуры. Одним из первых послевоенных памятников Хорватии стал Памятник благодарности Красной армии работы А. Аугустинчича (1945), являвшийся собой символ нерушимых уз, которые связывали Югославию и Советский Союз, и воплощение эстетики соцреализма как высшего художественного образца. И, хотя в целом послевоенная хорватская монументальная скульптура достигнет своих вершин вне советской парадигмы (работы В. Бакича), выполненные по соцреалистическим стандартам памятники нередко встречались и после 1948 г.

Советское кино, безусловно, способствовало развитию хорватско-югославского киноискусства. Именно на примере развития югославского партизанского кино можно увидеть, что «перевод и оригинал связаны друг с другом не взаимозаменяемостью, но взаимодополняемостью»²⁵. В соответствии с новой культурной политикой неприемлемой стала считаться «пошлая» английская и американская продукция, что приводило или к запрету на ввоз, или к тому, что ее «разбавляли» советскими фильмами, импорт которых с каждым годом возрастал. Если в 1945 г. основное место в прокате занимала американская кинопродукция (117 американских фильмов против 47 советских), то затем произошел сдвиг в сторону советского кино — было ввезено и показа-

но 156 советских фильмов. Советомания достигла своей кульминации в 1947 г., когда в прокате было показано 220 советских фильмов и лишь 21 американский. Советский культурный эксперимент в области кино достигает своего пика в 1946 г., когда в Югославии был сделан художественный фильм «В горах Югославии», где Й. Б. Тито сыграл советский актер И. Берсенеv. Эту военную партизанскую драму о борьбе югославских партизан и красноармейцев против фашистов снял известный советский режиссер А. М. Роом*. Несмотря на то, что фильм был задуман как первый совместный советско-югославский кинопроект, он превратился в советский фильм на югославскую тему, снятый в Хорватии на русском языке. После 1948 г. отношение к этому фильму в Югославии резко меняется.

Там он был на долгие годы запрещен к показу и почти полностью забыт. Советский актер больше не имел «политического права» играть роль Тито, поэтому, несмотря на то, что лента Роома стала первым полнометражным фильмом в истории социалистической Югославии, пальму первенства отдали партизанскому фильму «Славица» (1947) В. Африча. При этом «Славица» (как и многие другие югославские партизанские фильмы) многое унаследовала от советской драмы. У обоих фильмов не только одна и та же тема — борьба югославских партизан против немецко-фашистских захватчиков во время Второй мировой войны, отражающая дух времени, — но и сходная нарративная модель. Даже имя главной героини в фильме «Славица» взято из советского фильма (там героя зовут Славко Бабиц, у Африча же героиня Славица). Славко — воплощение сверхположительного соцреалистического героя, который совершает чудо — когда фашисты добрались до его деревни, он создает партизанский отряд, присоединившийся к партизанской армии Й. Б. Тито, вместе они побеждают оккупантов. Славица вступает в партизанский отряд и ведет жестокую борьбу с итальянскими оккупантами за освобождение своей родины. Оба героя отдают жизнь за свободу народа, оба идеалисты, способные жертвовать собой и своей личной жизнью ради общего дела. Оба наделены нравственно ориентированным типом сознания. Имена обоих навсегда остаются в памяти народа.

Партизанское югославское кино формируется под очевидным влиянием трансляции жанров и сюжетов советского военного кино. Однако, поскольку культурный трансфер предполагает реинтерпре-

* Роом Абрам Матвеевич (1894–1976) — советский режиссер, кино-сценарист, лауреат двух Сталинских премий (1946, 1949).

тацию и переосмысление любого перевода, советские сюжеты и заимствования приобрели в югославском кино совершенно новое значение — они стали национальным (оригинальным) жанром. Как констатирует Устинофф, «перевод не является деградировавшей версией оригинала, но [...] дарит ему вторую жизнь»²⁶, т. е. культурные переносы основаны на принципе «постоянной реконтекстуализации»²⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Виноградов В. С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М., 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/vinogradovdoc.shtml

2 *Автономова Н. С.* Познание и перевод. Опыты философии языка. М., 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hermeneutik.kemsu.ru/Content/documents/Автономова%20Познание%20и%20перевод.pdf>

3 *Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб., 2006. С. 193.

4 *Бахтин М. М.* Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 507.

5 *Burke P.* Cultural history as polyphonic history // ARBOR Ciencia, Pensamiento y Cultura. mayo-junio, 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://arbor.revistas.csic.es/index.php/arbor/article/viewFile/815/822>.

6 Цит. по: *Устинофф М.* Роман Якобсон и французская школа перевода // Логос. 2011. № 5–6. С. 47.

7 *Espagne M.* Les transferts culturels franco-allemands. Paris, 1999. P. 21.

8 *Творогов О. В.* Литература Древней Руси. М., 1981. С. 14.

9 *Галеева Н. Л.* Перевод в культуре: уточнение статуса и понятий // Критика и семиотика. 2006. Вып. 9. С. 24.

10 *Жилко Б.* К проблеме межкультурного перевода // Пограничные феномены культуры. Перевод. Диалог. Семиосфера / ред. Т. Д. Кузовкина, И. А. Пильщиков, Н. В. Поселягин, М. В. Трунин. Таллин, 2011. С. 46.

11 *Трубецкой Н. С.* Европа и Евразия, 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.hr/books?id=MKaBgAAQBAJ&pg=PT258&lpq=PT258&dq=Трубецкой+язык+связывает+славян&source=bl&ots=mbC8S_nLcu&sig=c2wunZOglfHAOcUf4Td2k_kHyEs&hl=hr&sa=X&ved=0ahUKЕwісMCEtNхNAhUkGZoKHcwtAZkQ6AEILjAC#v=onepage&q=Трубецкой%20язык%20связывает%20славян&f=false

12 *Галеева Н. Л.* Указ. соч. С. 30.

- 13 Берман А. Испытание Чужим. Культура и перевод в романтической Германии // Логос. 2011. № 5–6. С. 96.
- 14 Паперный В. З. Культура Два. М., 2016. С. 60–72, 72–100, 217–237.
- 15 Macura V. Culture as translation // Translation, history and culture. London, 1995. P. 71–78.
- 16 Здесь и далее перевод автора статьи.
- 17 Цит. по: *Dedijer V. Dnevnik*. Т. 2. Београд, 1970. С. 95.
- 18 *Avtonomova N. Traduction et création d'une langue conceptuelle russe // Revue philosophique de la France et de l'étranger*. Т. 130. № 4. P. 548.
- 19 *Šegedin P. O našoj kritici. Nacrt referata za II. Kongres Saveza Književnika Jugoslavije // Republika*. 1950. № 1. S. 4.
- 20 *Krleža M. Govor na kongresu književnika u Ljubljani // Krleža M. Sabrana djela*. Zagreb, 1963. Т. 22. S. 29.
- 21 *Flaker A. Hrvatska književnost prema avangardi i socijalno angažiranoj književnosti // Flaker A., Pranjić K. Hrvatska književnost u europskom kontekstu*. Zagreb, 1978.
- 22 *Šidak J. Studije iz hrvatske povijesti za revolucije 1848–1849*. Zagreb, 1979.
- 23 *Macura V. Culture as translation... P. 71–78.*
- 24 *Nemec K. Povijest hrvatskoga romana od 1945. do 2000. godine*. Zagreb, 2003. S. 6.
- 25 *Устиноф М. Роман Якобсон и французская школа перевода // Логос*. 2011. № 5–6. С. 48.
- 26 Там же. С. 40.
- 27 Там же. С. 48.

I. Peruško-Vindaijevič

Translation as cultural transfer:

The reputation of Soviet literature in Croatia after the war

The article studies problems of translation through the concept of cultural transfer that interprets translation as an instrument of communication and intercultural dialogue. Peculiarities of functioning of a translation between cultures are studied basing on the example of Sovietisation of Croatian Yugoslav literature and culture after WWII in the years 1945–1948.

Keywords: *cultural transfer, intercultural dialogue, translated literature, Sovietization, Croatian Yugoslav culture, translation.*

Е. В. Байдалова
(Москва)

Современный взгляд на личность и творчество В. К. Винниченко в украинском литературоведении

В статье анализируется современное состояние изучения биографии и творческого наследия В. К. Винниченко (1880–1951) в украинском литературоведении, а именно в недавно вышедших учебных пособиях по истории украинской литературы для вузов. Констатируется, что в изучении жизни и творчества писателя остаются пробелы (некоторые аспекты биографии писателя, ранние романы и их связь с романами периода эмиграции, интерпретация теории «честности с собой»), которые влияют на тексты учебной литературы.

Ключевые слова: *Винниченко, современное украинское литературоведение, биография писателя, ранние романы, малая проза.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.3.03

Владимир Кириллович Винниченко (1880–1951) — один из наиболее значимых украинских писателей первой половины XX в. За пятьдесят лет своей творческой биографии он написал 14 романов, 23 пьесы, более сотни рассказов и новелл и философский трактат «Конкордизм». В истории украинской литературы Винниченко навсегда останется новатором-драматургом, экспериментатором-прозаиком, автором первого украинского фантастического романа¹. Однако художественные эксперименты писателя неоднозначно оценивались его современниками. Например, издатель В. К. Науменко, напечатавший первый рассказ Винниченко «Краса и сила»², сделал это под давлением видного украинского общественного деятеля и мецената (сыгравшего важную роль в жизни писателя) Е. Х. Чикаленко, сам же он «не хотел печатать этой, как он говорил, “горьковщины”, поскольку ему жена сказала, что тогда в порядочных семьях нельзя будет держать на столе “Киевской старины”»³. На протяжении всего творческого пути Винниченко преследовало именно такое отношение: его произведения «или безоговорочно восторгались, или их так же безоговорочно отбрасывали, ругали и даже поносили»⁴ как писатели-современники, критики, так и обычные читатели⁵. При этом интерес к его творчеству в первой трети XX в. был огромен: о нем писали и такие разные авторы, как И. Франко, И. Нечуй-Левицкий, Б. Гринченко, Леся

Украинка, Г. Хоткевич и М. Коцюбинский, и практически все видные украинские литературоведы и критики, среди которых С. Ефремов, Н. Евшан, М. Зеров и др., даже В. И. Ленин, пусть негативно, но высказался об одном из его романов в письме к И. Арманд⁶. Однако в 1930-е гг. в Советском Союзе творчество Винниченко, как и многих других писателей, оказалось под запретом, его произведения было невозможно не только изучать, но и зачастую просто читать. Многие годы единственным источником винниченковедения была украинская эмигрантская среда. После перестройки Винниченко начал постепенно возвращаться к украинскому и к русскому читателю⁷, его творчество и биография стали объектами изучения многих исследователей. К настоящему моменту издано довольно большое количество работ, посвященных самым разным аспектам его творчества⁸, существуют как литературоведческие⁹, так и художественные попытки осмысления его биографии¹⁰, хотя из-за того, что архив писателя находится в США, для большинства исследователей доступ ко многим материалам невозможен¹¹. Очевидно, что в «рабочий обиход» украинского филолога, не специалиста по творчеству Винниченко, попадают далеко не все работы о творчестве этого писателя, не о всех художественных произведениях данного автора ученый-филолог имеет собственное мнение, поскольку, как правило, знаком с текстами только тех произведений, которые входят в школьную и вузовскую программу. Соответственно, представление об этой масштабной фигуре формируется у студентов филологических дисциплин через знакомство с программными текстами писателя, с помощью лекций и семинаров, которые проводят преподаватели, из СМИ¹² и учебной литературы. Именно учебная литература должна стать квинтэссенцией трудов всех винниченковедов, ее значение для формирования представлений о поэтике произведений Винниченко и его биографии трудно переоценить, поскольку студенты-филологи транслируют их дальше, другим студентам и школьникам, что, в свою очередь, формирует у последних представление о Винниченко-писателе.

В современном украинском литературоведении давно назрела необходимость появления актуальной академической истории украинской литературы XX столетия, в которой в концентрированном виде было бы представлено творчество запрещенных ранее писателей и переосмыслен литературный процесс прошлого века; в этом ракурсе исследовательская работа идет с 1990-х гг. Литературоведы Украины давно дискутируют о создании новой истории украинской литературы, о том, на каких методологических основах должно развиваться укра-

инское литературоведение¹³. В итоге в 2013 г. киевским издательством «Академвидав» в серии «Альма-матер», в которой публикуются учебные пособия и вузовские учебники, были выпущены первые тома двух разных многотомных изданий истории украинской литературы. Одно из них — авторское — охватывает историю украинской литературы с конца XIX до начала XXI в. и принадлежит перу д. ф. н., профессора Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко Юрия Ковалива¹⁴ (всего должно выйти десять томов, к моменту написания данной статьи выпущено пять), этот труд уже утвержден министерством образования и науки, молодежи и спорта Украины в качестве учебника. Второй труд, в трех томах, посвященный литературе XX — начала XXI в., написан коллективом авторов под редакцией д. ф. н., профессора В. И. Кузьменко¹⁵ и рекомендован тем же министерством в качестве учебного пособия для студентов вузов. В обоих учебных пособиях прозу и драматургию Винниченко авторы относят к литературе модернизма, отмечая при этом «переходный» характер его прозы, тот факт, что во многом она стала для украинской литературы мостом между реалистической литературой конца XIX в. и экспериментальной литературой 1920-х гг. Ввиду того, что труды по истории украинской литературы отличаются по объему, в 10-томном издании фигуре Винниченко уделено гораздо больше внимания, статьи о его творчестве более основательны и детальны.

В трехтомнике отдельные статьи, посвященные Винниченко, написаны М. В. Кузьменко и В. Е. Панченко¹⁶, в обзорных статьях, автором которых выступил ответственный редактор труда В. И. Кузьменко, писателю также уделено немало внимания. Творчество Винниченко начала XX в. рассматривается как часть раннего этапа украинского модернизма, а именно натуралистического направления (по определению И. Денисюка¹⁷), которое шокировало «изображением физиологических аспектов, новой морали, циничными деталями»¹⁸. Окончание этого этапа связывается авторами как со смертью выдающихся представителей украинской литературы (М. Коцюбинского, Леси Украинки, И. Франко), так и с эмиграцией самого Винниченко и ряда украинских писателей (О. Олесь, Н. Вороного и др.). Винниченко также назван неореалистом и «психореалистом»¹⁹, для поэтики которого характерно формотворчество и экспериментаторство; он комбинирует «миметические принципы реализма с художественно-изобразительными средствами модернистской художественной системы»²⁰.

В статье о Винниченко содержится жанрово-хронологический анализ его творчества с акцентом на произведения периода эмиграции

и краткая «дистиллированная» биография писателя, в которой лаконично перечислены основные события его жизни (но не представлена его противоречивая, неоднозначная личность, что странно, поскольку один из авторов неоднократно писал о парадоксальности, сложности, многогранности судьбы и характера писателя в своих научных работах и газетных статьях²¹). Ранний период (до 1907 г.) творчества писателя представлен кратким разбором первого напечатанного рассказа Винниченко «Краса и сила» с опорой на цитаты И. Франко и Леси Украинки, перечислением некоторых других рассказов писателя без анализа их тематики и художественных особенностей. Второй период творчества Винниченко обозначен временными рамками 1907–1927, что не соответствует периодизации его творчества в большинстве современных работ винниченковедов, считающих, что этот период завершается в 1920 г., когда писатель окончательно эмигрировал. При этом авторы рассматривают роман «Солнечная машина», написанный в 1924 г. и изданный в 1928 г., в разделе, посвященном следующему периоду творчества Винниченко. При обзоре этого самого плодотворного и дискуссионного периода творчества писателя и политика, когда были созданы его основные пьесы и большинство романов, по-новому звучала новеллистика, акцент делается лишь на содержательной части некоторых произведений, диалоге их автора с Ф. Ницше и пропаганде «новой морали», отмечается внимание писателя к психологии человека, тайникам души, его стремление ставить героев в ситуации нравственного эксперимента и неоднозначного выбора, однако в целом практически не рассматривается поэтика произведений, их идейно-тематическое своеобразие раскрыто далеко не полно. Главное внимание уделено двум произведениям Винниченко периода эмиграции: романам «Солнечная машина» и «Слово за тобой, Сталин!» (1950). Роман «Солнечная машина» анализируется с точки зрения его жанрового своеобразия: авторы настаивают на том, что это первый украинский роман-антиутопия, хотя упоминают и иные точки зрения на его жанровую природу; при этом нет ни одной ссылки на то, что многие исследователи считают его первым украинским фантастическим романом. Второй роман — «Слово за тобой, Сталин!» — скорее пересказывается, чем анализируется, авторы делают вывод, что это «своеобразная притча о блудном сыне, которая с большой художественной силой предостерегала читателя: украинскую нацию, лишённую самоуважения и неспособную противостоять чуждым представлениям о своей гуманистической миссии, ждет лишь жалкое существование»²². Есть в разделе и грубые фактические

ошибки, что связано, по-видимому, с редакторской оплошностью: так, пьесами названы романы Винниченко «Честность с собой», «Заветы отцов» («Заповіт батьків»), «На весах жизни» («Рівновага»), «По местам!» («По-свій!»), «Божки», утверждается, что роман «Лепрозорий» не опубликован, хотя он издан в 2011 г.²³ В целом в трехтомном издании недостаточно объективно и полно представлены как биография писателя, так и его творчество, не учитываются современные исследования специалистов-винниченковедов, практически не уделено внимания поэтике его произведений²⁴.

Юрий Ковалив — автор 10-томника — наоборот, подчеркивает, что прозу В. Винниченко «часто рассматривают в политическом аспекте, пренебрегая ее художественной сущностью»²⁵. По мысли исследователя, политическая деятельность писателя проявлялась ярче, чем его литературное творчество, поэтому внимание читателей и критиков было сфокусировано в первую очередь на злободневной проблематике его произведений, в центре которой — болезненные, часто неразрешимые проблемы и вопросы современного для писателя и политика общества. Поэтому автор учебника концентрируется на художественных особенностях прозы Винниченко, при этом он отходит от традиционного хронологического принципа расположения материала, рассматривая отдельно малую прозу, крупную прозу и драматургию писателя, не включая произведения, написанные в эмиграции (возможно, они будут рассмотрены в следующих томах). Безусловно, Коваливым проделана громадная работа: им осмыслены, систематизированы, введены в текст учебника (т. е. представлены максимально широкому кругу филологов²⁶) ряд во многом новаторских исследований ученых-филологов, посвященных творчеству Винниченко²⁷, однако при этом многие работы остались вне его научного обзора²⁸.

Рассматривая малую прозу писателя, Ковалив, как и многие другие исследователи, справедливо отмечает ее тяготение к неореализму, но вместе с тем присутствие в ней элементов натурализма, импрессионизма, неоромантизма, символизма, экспрессионизма; полемики с «традиционным для украинской литературы того времени этнографически-бытовым реализмом»²⁹; типологическую общность с творчеством Ф. Достоевского, К. Гамсуна, А. Чехова, М. Горького³⁰. Многие рассказы и новеллы анализируются детально. Однако драматургия Винниченко (во многом из-за большого объема) рассматривается не так подробно: в учебнике содержится краткий пересказ пьес «Дисгармония», «Великий молох», «Ступени жизни» («Щаблі життя»), «Чу-

жие люди», «Memento», «Дорогу красе», «Вранье» («Брехня»), «Базар», «Черная Пантера и Белый Медведь», «Пригвожденные», комедий «Натусь», «Молодая кровь». Автор подчеркивает экспериментальный характер драматических и комических произведений Винниченко, их жанровые трансформации, психологизм, экзистенциальный характер. Ковалив ставит пьесы украинского писателя в один ряд с драматургией Г. Ибсена, Г. фон Гофмансталя, С. Пшибышевского, Л. Андреева. Некоторые выводы, правда, кажутся недостаточно аргументированными. Так, например, в названии пьесы «Черная Пантера и Белый Медведь» усматривается «оппозиционное неомифологическое содержание: пантера символизирует хозяйку леса, поборницу демонов, жизненную силу, женское начало; медведь олицетворяет человеческого двойника, душу волшебника, силу и выносливость; вместе они представляют бога, который умирает и воскресает, мистически взаимосвязанную пару»³¹.

В труде Ковалива представлены все так называемые ранние романы Винниченко, кроме одного («Записки курносого Мефистофеля»): «Честность с собой», «На весах жизни», диалогия «По местам!» — «Божки», «Хочу!», «Заветы отцов». Однако именно в этой части больше всего фактических ошибок при пересказе текстов³², при анализе произведений приводится недостаточно убедительная аргументация³³. Несмотря на намерение сосредоточиться на художественных особенностях прозы Винниченко, автор учебника уделяет внимание главным образом содержательной части романов, их темам, табуированным в украинском обществе в начале XX в., а также пытается разобраться в философском принципе «честности с собой», выдвинутом украинским новатором и в литературе, и в жизни. Теория (или принцип) «честности с собой», согласно которой у человека должны быть в гармонии чувства, мысли и поступки, по-прежнему рассматривается многими литературоведами упрощенно, как способ «оправдания не только добрых дел, но и сомнительных действий, даже преступлений, закамуфлированных великой идеей»³⁴. Ю. Ковалив здесь не исключение. Удивительно, но в обоих трудах по истории украинской литературы не нашлось места для анализа лучшего романа Винниченко доэмигрантского периода — романа «Записки курносого Мефистофеля» (1918). Возможно, этот роман настолько не вписывается в общепринятое видение идейно-философского содержания романистики писателя³⁵, что проще было о нем не писать, чем попытаться «встроить» его в общую концепцию, возможно, авторы посчитали, что нет необходимости анализировать это известнейшее и самое читаемое

произведение Винниченко. Без сомнения, отсутствие «Записок курносого Мефистофеля» в обзоре крупной прозы писателя существенным образом повлияло на представление как об идейно-тематическом своеобразии его романистики, так и о ее поэтике.

В целом, несмотря на огромную работу, проделанную украинскими литературоведами по изучению биографии и творческого наследия Винниченко, до сих пор остаются некоторые пробелы, влияющие в том числе на тексты учебной литературы. Так, отсутствие научной литературоведческой биографии писателя³⁶ сказывается на той осторожности, с которой описывается (если описывается) его жизненный путь в рассматриваемых многотомных трудах, авторы избегают «острых углов» и «неудобных» тем, которые всегда найдутся в биографии такого противоречивого, темпераментного, увлекающегося, пассионарного человека, каким был Винниченко. Малоизученность ранних романов, а также недоступность части из них широкому кругу читателей³⁷ приводит к их упрощенному анализу, зачастую сомнительной интерпретации и фактическим ошибкам. По-прежнему «камнем преткновения» остается теория «честности с собой», рассматривать которую необходимо в контексте жизни и творчества писателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Роман В. Винниченко «Солнечная машина» (написан в 1921–1924 гг., издан в 1928 г.) — социальный роман-утопия с элементами научной фантастики (современная исследовательница Г. Баран называет его пантопией — *Баран Г.* Роман-пантопія В. Винниченко «Соняшна машина»: проблематика, особливості поетики. Дрогобич, 2001).

2 В 1902 г. в журнале «Киевская старина» этот рассказ был напечатан под названием «Сила и краса».

3 *Чикаленко С.* Спогади (1861–1907). Нью-Йорк, 1955. С. 328. Цит. по: *Панченко В.* Володимир Винниченко: парадокси долі і творчості. Київ, 2004. С. 29.

4 *Костюк Г.* Деякі проблеми наукового вивчення В. Винниченка // Сучасність. 1971. № 11. С. 79.

5 Подробнее о восприятии современниками раннего творчества Винниченко см.: *Байдалова Е. В.* Раннее творчество Владимира Винниченко и борьба поколений в украинской литературе начала XX века // Преемственность как фактор литературного процесса. Опыт Центральной и Юго-Восточной Европы (по материалам I Хоревских чтений). М.,

2017. (Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы). С. 188–199.

6 О романе Винниченко «Заветы отцов» Ленин писал: «Вот ахинея и глупость! Соединить вместе побольше всяких “ужасов”, собрать воедино и “порок”, и “сифилис”, и романтическое злодейство с вымогательством денег за тайну... Все это с истериками, вывертами, с претензиями... Архискверное подражание архискверному Достоевскому. Муть, ерунда, досадно, что тратил время на чтение» (*Ленин В. И.* Письмо к И. Ф. Арманд от 05.06.1914 // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М., 1958–1965. Т. 48. 1964. С. 294–295.

7 В 1991 г. в серии «Забытая книга» были изданы под одной обложкой романы «Честность с собой» (некоторые исследователи считают его повестью) и «Записки курносого Мефистофеля»: *Винниченко В.* Честность с собой. Записки курносого Мефистофеля. М., 1991.

8 См., например, работы: *Мороз Л.* «Сто рівноцінних правд»: парадокси драматургії В. Винниченка. Київ, 1994; *Гусак Н.* Проблема морального вибору у світоглядній орієнтації В. Винниченка. Київ, 1998; *Сиваченко Г.* Пророк не своєї Вітчизни. Експатріантський «метароман» Володимира Винниченка: текст і контекст. Київ, 2003; *Панченко В.* Будинок з химерами. Творчість Володимира Винниченка в 1900–1920 рр. у європейському літературному контексті. Кіровоград, 1998; *Панченко В.* Володимир Винниченко. Парадокси долі і творчості. Київ, 2004; *Гожик О.* Проза В. К. Винниченко 20-х років ХХ століття: утопічний та антиутопічний дискурси: автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2001; *Хархун В.* Поетика роману В. Винниченка «Записки Кирпатого Мефистофеля»: автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2000; *Брайко О.* Поетика прози Володимира Винниченка 1900–1910-х років. Київ, 2002; *Пастух Б.* Ранні романи Володимира Винниченка. Львів, 2009; *Баран Г.* Роман-пантопія В. Винниченко «Соняшна машина»: проблематика, особливості поетики. Дрогобич, 2001, и др.

9 *Гнідан О., Дем'янівська Л.* Володимир Винниченко: життя, діяльність, творчість. Київ, 1996; *Панченко В.* Володимир Винниченко: парадокси долі і творчості. Київ, 2004.

10 *Балабако О.* З Ніцци до Мужена. Від Башкирцевої до Винниченка. Київ, 2007; *Процюк С.* Маски опадають повільно. Роман про Володимира Винниченка. Київ, 2011.

11 Подробнее о судьбе архива писателя см.: *Байдалова Е.* «Хохол», «малоросс», «украинец» в ранних романах В. К. Винниченко (дилогия «По местам!» — «Божки», «Хочу!») // *Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе.* М., 2016. С. 142.

12 В украинских СМИ публикуется довольно много научно-популярных статей о жизни и творчестве В. Винниченко. См., например: *Панченко В.* Тюремная одиссея Владимира Винниченко // *День*. 15 февраля 2002. № 30. URL: <http://day.kyiv.ua/ru/article/ukraina-incognita/tyuremnaaya-odisseya-vladimira-vinnichenko> (дата обращения: 09.01.2018); *Панченко В.* Винниченко и Сталин: монолог, который так и не стал диалогом // *День*. 20 ноября 2015. № 212. URL: <http://day.kyiv.ua/ru/article/ukraina-incognita/vinnichenko-i-stalin-monolog-kotoryy-tak-i-ne-stal-dialogom> (дата обращения: 12.01.2018); *Сорока Н.* В Мужене у Винниченко // *Аргумент*. 21.12.2014. URL: <http://argumentua.com/stati/v-muzhene-u-vinnichenko> (дата обращения: 22.12.2017); *Слесарева А.* Мастер конкордизма. *День*. 31 марта 2011. № 57. URL: <https://day.kyiv.ua/ru/article/v-konce-dnya/master-konkordizma> (дата обращения: 13.01.2018); *Кошова І.* Коханья і Любов Володимира Винниченка // *ВиЧерпно*. Інформаційне видання Черкащини. 16.09.2015. URL: <http://vycherpno.ck.ua/kohannya-i-lyubov-volodimira-vinnichenka/> (дата обращения: 05.01.2018); *Осипчук І.* Жена Владимира Винниченко Розалия намеренно знакомила мужа с интересными женщинами, чтобы поддерживать в нем творческое вдохновение // *Факты и комментарии*. 28.07.2010. URL: <http://fakty.ua/14963-zhena-vladimira-vinnichenko-rozaliya-namerenno-znakomila-muzha-s-interesnymi-zhencshinami-chtoby-podderzhivat-v-nem-tvorcheskoe-vdohnovenie> (дата обращения: 10.01.2018).

13 Особенно активно данная дискуссия велась на страницах журнала «Слово і час». См., например, статьи: *Наєнко М.* Початок століття: пошук методології // *Слово і час*. 1997. № 10. С. 47–51; *Наєнко М.* Критика і літературознавство: куди йдемо? // *Слово і час*. 2010. № 12. С. 3–12; *Яровий О.* Нові — старі — вічні стратегії, або Про дух і букву в літературознавстві // *Слово і час*. 2001. № 8. С. 40–44; *Іванишин П.* Герменевтичні основи новітнього літературознавства: теорія і практика // *Слово і час*. 2005. № 1. С. 69–76; *Зборовська Н.* ІБТ у масці Григорія Грабовича (а також із приводу проблеми написання історії української літератури) // *Слово і час*. 2005. № 9. С. 3–14; *Шевчук З.* «Клопіт згадування» або Історія в літературі // *Слово і час*. 2005. № 9. С. 14–24; *Фізер І.* Зустрічі чи зіткнення української філології із західними методологічними стратегіями // *Слово і час*. 2006. № 4. С. 3–9 і др.

14 *Ковалів Ю.* Історія української літератури. Кінець XIX — поч. XXI ст.: у 10 томах. Київ, 2014–2017. Т. 1–5.

15 Історія української літератури XX — поч. XXI ст.: у 3 томах / за редакцією В. І. Кузьменко. Київ, 2013–2017.

16 В. Е. Панченко, профессор Киево-Могилянської академії, — один из наиболее авторитетных винниченковедов и популяризаторов

его жизни и творчества (см. ссылки на его многочисленные работы в примечаниях выше).

17 *Денисюк І. О.* Розвиток української малої прози XIX — поч. XX ст. Львів, 1999. С. 259.

18 *Історія української літератури XX — поч. XXI ст.: у 3 томах.* Т. 1. Київ, 2013. С. 11.

19 Там же. С. 137.

20 Там же. С. 28.

21 См. ссылки на работы В. Панченко.

22 *Історія української літератури XX — поч. XXI ст.: у 3 томах.* Т. 1. С. 170.

23 *Винниченко В.* Лепрозорій. Київ, 2011.

24 Этот труд по истории украинской литературы создан коллективом авторов, поэтому статьи сильно отличаются друг от друга как глубиной исследования, так и авторской подачей материала, есть много статей, написанных с учетом современных достижений украинского литературоведения. Например, одна из таких статей — Н. Зборовской о Т. Осъмачке, творчеству которого была посвящена кандидатская диссертация данной исследовательницы.

25 *Ковалів Ю.* Історія української літератури. Кінець XIX — поч. XXI ст.: у 10 томах. Т. 2: У пошуках іманентного сенсу. Київ, 2013. С. 401.

26 Первоначально Ю. Ковалив планировал издать многотомную монографию по истории украинской литературы конца XIX — XXI в., однако потом совместно с издательством переориентировался на создание учебника, исходя именно из того, что в этом случае его труд дойдет до большего числа профессиональных читателей. Текст его интервью см.: *Лубчак В.* Літературознавець Юрій Ковалів: «Українська література — на піднесенні» // Друг читача. 23.06.2013. URL: <https://vsiknygy.net.ua/neformat/28987/> (дата обращения: 14.01.2018).

27 Работы О. Брайко, Л. Мороз, В. Панченко — см. примеч. 8.

28 Монографии Г. Сиваченко, О. Гожик, В. Хархун, Г. Баран и др. — см. примеч. 8.

29 *Байдалова Е.В.* Раннее творчество Владимира Винниченко. С. 191.

30 *Ковалів Ю.* Історія української літератури... Т. 2. С. 403–406.

31 Там же. С. 601.

32 Например, брат Степаниды Рыбацкой — одного из ключевых персонажей дилогии «По местам!» — «Божки» — назван сыном; утверждается, что Андрею Халепе — главному герою романа «Хочу!» — помешало наложить на себя руки знакомство с украинофильской семьей

Сосненко, хотя фактически Халепа совершил попытку самоубийства: он неудачно выстрелил и именно поэтому остался жив.

33 Так, утверждается, что в романах Винниченко нет такого понятия, как «любовь», а есть лишь «либидозные всплески» (*Ковалів Ю. Історія української літератури... Т. 2. С. 430*). Как тогда описать взаимоотношения Вадима Стельмашенко и Олеси, курносого Мефистофеля и Белой Шапочки и др.?

34 *Ковалів Ю. Історія української літератури... Т. 2. С. 421.*

35 Как и другие романы Винниченко, он экспериментален и при этом в художественном отношении наиболее совершенен, однако главный герой — бунтарь и провокатор — в конце романа делает выбор в пользу семьи, как считают некоторые исследователи, биологического начала, но можно сказать, что и родового начала.

36 Существует только «политическая биография» (как ее обозначили сами авторы), написанная историками: *Кульчицкий С., Солдатенко В. Володимир Винниченко. Київ, 2005.*

37 Из ранних романов пока переизданы только «Честность с собой», «Хочу!» и «Записки курносого Мефистофеля».

E. V. Bajdalova

A contemporary view on the personality and works
of V. K. Vynnychenko in Ukrainian literary studies

The article dwells upon the contemporary Ukrainian studies of the biography and works of V. K. Vynnychenko (1880–1951) basing on the recently published textbooks on the history of Ukrainian literature for universities. There are still gaps in our knowledge of his life and works (some aspects of his biography, his early novels and how they were connected to his novels in the emigration, proper interpretation of the theory of ‘honesty with yourself’ that have impact over the textbooks).

Keywords: *Vynnychenko, contemporary Ukrainian literary studies, writer's biography, early novels, short prose.*

И. Е. Адельгейм
(Москва)

**Опыт наследования памяти о Холокосте
и психологические функции его нарративизации
в прозе Магдалены Тулли**

В статье рассматривается воплощение в прозе польской писательницы М. Тулли, относящейся к поколению детей тех, кто пережил Холокост, опыта наследования замалчивавшейся предшествующей генерацией травматической памяти и аутопсихотерапевтические функции его нарративизации.

Ключевые слова: *Холокост, постпамять, замалчивание, автобиографическая память, нарративизация травматического опыта, строительство автобиографии.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.3.04

Построенный на развернутых метафорах дебютный роман Магдалены Тулли (р. 1955) «Сны и камни» (1995) и последовавшие за ним «Красное» (1998), «Шестеренки» (2003) и «Изъян» (2006) стали одним из ярчайших элементов процесса обновления художественного языка в польской прозе после 1989 г., осуществленного младшим литературным поколением 1990-х гг.¹ Две последние книги Тулли, на первый взгляд столь отличающиеся от ранней прозы, — сборник рассказов «Итальянские шпильки» (2011) и роман «Шум» (2014) — были прочитаны в совершенно ином контексте: художественного воплощения «наследования» травмы Холокоста детьми выживших, чье детство оказалось омрачено не пережитым ими прошлым, а проблема наследования травматической памяти стала *личным* болезненным опытом, в котором сложно взаимодействуют личная и коллективная память (проза Э. Курьлюк, А. Тушиньской, Б. Кефф).

Феномен, описываемый Тулли в «Итальянских шпильках» и «Шуме», — наследование замалчиваемой, вытесненной травмы (в интервью писательница говорит, что «всегда знала»² о том, что мать и тетка пережили лагеря, однако об этом не говорили; фраза «Мать скрывала тайну» в романе — одна из ключевых³) — был весьма характерен для послевоенной Польши. «Немота» свидетелей Холокоста, связанная с неспособностью человека вместить опыт смерти в сознание и повседневную жизнь, имела в данном случае также конкретные макропсихологические, социологические, политические причины. В условиях антисемитизма уцелевшие на территории Польши или

вернувшиеся сюда польские евреи продолжали скрывать свое происхождение. В результате память о Холокосте оказывалась травмирующей двояко — не только сама по себе, но и как опыт, который не только не может быть символически «обменен» на чувство гордости за предков и признание в обществе, но, напротив, представляет собой весьма рискованный капитал. Так, парадоксальным образом, массовая травма начинала переживаться как индивидуальная, не усиливающая, а разрушающая солидарность, поскольку являлась «источником повествования, которое нельзя разделить с другими»⁴. Невозможность говорить о своем опыте «замораживала» болезненные воспоминания, дополнительно травмируя выживших. Второе же поколение росло или со смутным ощущением непонятной инакости, или в чисто католической традиции. Возникали, по словам психиатра К. Швайцы, «заговор молчания», «двойная стена тишины»⁵ — родители не говорили, а дети не спрашивали. Парадоксальное сосуществование передающейся тем не менее невербально памяти⁶ и барьера безмолвия деформировали коммуникацию, вызывали у детей выживших чувство вины. Лишь после 1989 г. было создано общество «Второе поколение — потомки уцелевших во время Холокоста». Однако неслучайно автобиографическая проза Тулли, Кефф, Курылюк, Тушиньской, Шнайдерман появляется лишь в начале XXI в. — эта генерация не сразу оказалась способна открыто говорить о своей истории и истории своей семьи.

Характерно, что на самом деле Тулли касалась проблемы Холокоста и памяти о нем во всех произведениях, предшествовавших «Итальянским шпилькам» и «Шуму», — однако лишь путем метонимии⁷, метафор, аллюзий, повторяющихся мотивов (Чужие, в которых внезапно обращаются бывшие соседи; психология в этом контексте «своих»⁸; топос пустоты, отсылающий к «бесследному исчезновению» еврейского населения Польши⁹, а также другие иллюзии — с доверенными еврейскими фабрикантами; с погромами¹⁰; с Лодзью — городом, в котором жила мать Тулли, бывшая узница концлагерей, в котором находилось одно из крупнейших еврейских гетто и который стал после войны одним из мест наибольшего скопления выживших; с варшавским гетто и курсировавшим через него трамваем¹¹, с Умшлагплацем¹², повязками на рукаве и желтым цветом¹³, «окончательным решением еврейского вопроса»¹⁴ и пр.). Однако до появления открыто автобиографических книг эти аллюзии неверно или не вполне верно интерпретировались. Поэтику первых романов Тулли большинство критиков и литературоведов связывало исключительно с постмодернистским понятием мира-текста, немногие видели в них

параболу истории XX в., и никто еще не мог разглядеть в этих произведениях отзвуки личной травмы (лишь после выхода «Итальянских шпилек» автор рецензии замечает: «То, что в тех романах являлось моделью “истории”, здесь предстает закамуфлированной автобиографией автора»¹⁵). Более того, в случае романа «Изыян» это привело и к принципиально неверному истолкованию этической интенции автора. Повествователь здесь безжалостно примеривает на себя роли, отсылающие прежде всего к перспективе поляка — пассивного (или лишь на мгновение «тронутого собственной добротой»¹⁶) свидетеля Холокоста: «Дело зашло уже так далеко, что для меня нет другого выхода, кроме как признаться: я — часть этой толпы. Кроме как взять на себя неприятное бремя принадлежности к ней. Раз невозможно от нее бежать»¹⁷. Этот прием был прочитан¹⁸ как попытка *самообвинения польского* автора: «Польская память имеет и будет иметь изыян. Но этот изыян — не приговор. Осознание его [...] — первый шаг в сторону выхода из разрушительного круга его воздействия»¹⁹.

Полностью посвященные проблеме наследования травматической памяти, жизни в тени замалчиваемого трагического опыта «Итальянские шпильки» и «Шум» психологически и эстетически составляют, в сущности, единое повествование. Пережившие лагеря мать и тетка героини отгораживаются от мира²⁰, являя собой пример своеобразного «аутизма» травмированного человека, который, по словам французского нейропсихолога Б. Цирюльника, становится «узником собственной гиперпамяти»²¹. Изю всех сил имитирующая «нормальность»²² мать словно бы «заморожена» эмоционально, опустошена²³ (слова «мертвый», «мертвенность» применительно к дому оказываются здесь одними из ключевых²⁴), сознание перенесенных страданий не позволяет ей принять заведомо несопоставимые с собственным прошлым проблемы дочери²⁵. Разъединенность выражается также в специфике употребления терминов родства: мать нигде не названа ласковым «мама» (только «моя мать», «мать»; в рассказе «Кофейная гуща» повествовательница говорит о том, что «этому слову [...] ребенок [...] не научился. Ни на одном языке»²⁶).

Матрицентрическое повествование словно бы символизирует *неизбежность* наследования травмы, ее симбиотический²⁷ характер. Эти тексты описывают последствия жизни рядом с травмированной матерью. Ее молчание словно бы эхом отзывается в проблемах маленькой героини с чтением и письмом²⁸, заставляет замолчать и буквально²⁹; деформация связи «мать — дочь» приводит к неприятию ребенком самого себя³⁰, неумению строить отношения в дальнейшем³¹.

Материнское прошлое делает реальным, физически ощутимым присутствие в повседневной жизни дочери эсэсовцев³², бывшая жертва передает ей готовность в свою очередь стать жертвой³³. Наследуется ощущение непрочности бытия³⁴, навязчивый страх³⁵, возникает ощущение собственной гибели в непережитом прошлом: «Я бы хотела забыть, что погибла в Освенциме»; «[...] все мы погибли [...]». Да, мы погибли. Вот почему я живу вполсилы [...]»³⁶; «Меня не привезли в лагерь! Она [мать. — *И. А.*] сама меня туда затолкала, мимоходом, словно бы походя [...]»³⁷; «Ее застрелили столько раз, что и не сосчитать»³⁸.

Унаследованная от матери травма Холокоста усугубляется атмосферой царящего в послевоенной Польше едва прикрытого насилия: «война, однажды начавшись, не имеет конца» — «подобно имуществу банкрота, она переходит в собственность следующих поколений»³⁹. Неслучайно это слово оказывается своеобразным лейтмотивом обоих произведений — Тулли демонстрирует универсальный механизм воспроизведения насилия на разных уровнях жизни общества⁴⁰. В атмосфере антисемитизма, когда и дети, и взрослые охотно используют в качестве угрозы аллюзии с реалиями оккупации⁴¹, героиню мучит ощущение неуловимой инакости, жизнь отравляет бремя не высказанных взрослыми страхов и висящей в воздухе угрозы со стороны окружающих, т. е., так или иначе, смутное ощущение опасности, исходящей из замалчиваемого прошлого («Откуда ей было знать, что проблемы, с которыми она не могла совладать, старше нее. Что они [...] порождены предыдущим миром»⁴²).

Художественное воплощение автобиографической памяти — «аутопоэтического»⁴³ процесса постоянной реинтерпретации и реструктуризации воспоминаний с учетом текущих потребностей — обладает ярко выраженными психотерапевтическими функциями⁴⁴. Особое значение имеет вербализация травматического опыта, который не поддается автоматическому встраиванию в привычные схемы понимания. Нарративизация травмы помогает перейти от некритического проигрывания к рефлексивной проработке, повествование выстраивает травматическое событие в цепочку событий, придавая ему характер биографического опыта.

У Тулли, как и в других повествованиях второго поколения детей Холокоста, аутопсихотерапия симбиотической травмы, связанной с наследованием травматической памяти, осуществляется, в первую очередь, при помощи эмпатического повествования, в котором можно увидеть параллели с методом семейных расстановок Хеллингера, основанном на предположении, что источник проблемы пациента может

находиться в жизни предков. Чтобы освободиться от унаследованной травмы, необходимо простить мать, для прощения же мало просто понимания, рационального осмысления, предположений — необходимо эмпатическое *воспроизведение* в повествовании тех моментов в опыте матери, которые сделали ее такой, какой узнала дочь, т. е. своего рода виртуальное *проживание* их. Эмпатическая реконструкция судьбы предков направлена на освобождение как их памяти, так и собственного сознания от печати стыда («Единственное в них, что подлежит наследованию, в том числе и мною, — стыд»⁴⁵) и страха (характерно, что в финале романа повествовательница «добирается» до довоенного детства матери, стоит на пороге встречи с ней, еще не травмированной историей⁴⁶), имеет целью выразить то, что осталось невыраженным, невысказанным ими. Так, например, лишь после смерти матери героиня Тулли узнаёт, что же стало причиной ее состояния, отравившего детство дочери, — не только сама травма Холокоста, но и потрясение, шок, стресс *после* освобождения, вторичная травма, накладывающаяся на первую и связанная с отсутствием понимания, эмпатии, с необходимостью подавлять свои чувства⁴⁷. Эта последняя капля страдания, которая сделала травму Холокоста необратимой, подтверждает слова Л. Гилмор о том, что «ключевое значение для опыта травмы имеют трудности, которые возникают на пути ее выражения»⁴⁸, — матери не дали возможность *рассказать* о случившемся: «Я была уверена, что именно там [...] она поверила в превосходство молчания, в победную силу холода»⁴⁹.

Эмпатическое повествование также восполняет утраченную в процессе исторического катаклизма связь между поколениями (что Л. Лангер называет одним из главных преступлений нацизма⁵⁰), выполняя, таким образом, коммуникационную функцию.

По Хеллингеру, к семейной системе относятся не только родственники, но и люди, связанные с человеком отношениями «масштаба жизни и смерти» (т. е., например, те, кому он обязан спасением или гибелью). Наглядный образ такой «семьи» дает роман «Шум»: в зале фантасмагорического Низшего суда появляются помимо главных героев и участников их жизни, с одной стороны, убитые эсэсовцы, с другой — их жертвы⁵¹ («Всё это одна семья»⁵²).

Согласно методу семейных расстановок, главным источником психологических проблем у последующих поколений является исключение (т. е. забвение) кого-либо из участников травмы из семейной системы (будь то пострадавшие или виновные). Метод помогает обнаружить и включить в свою историю эти «выпавшие» фигуры. В романе

«Шум» эта коррекция должна символически совершиться в Низшем суде: « — Мы все собрались сегодня [...] затем, чтобы... — начал лис и сделал паузу. — Чтобы осудить! — подсказал эсэсовец. — Чтобы простить, — закончил лис»⁵³. Однако происходит она и иначе — посредством «нахождения», признания, эмпатического воспроизведения истории, включения в семью девочкой в своем воображаемом мире фигуры эсэсовца, который, с одной стороны, воплощает военное и послевоенное зло и насилие, с другой — является реальным человеком из замалчивавшейся матерью ее истории — не давшим узникам умереть и застреленным сразу после освобождения лагеря и не спасенным матерью⁵⁴. Примечательно, что момент «нахождения» этого персонажа («Каждый раз, когда я смотрела на лиса и девочку, у меня возникало ощущение, что на моей картинке кого-то не хватает»⁵⁵) почти буквально иллюстрирует принцип расстановок: «Если предмет запроса связан с переплетением, это проявляется в расстановке как [...] сильное ощущение “здесь кого-то не хватает”»⁵⁶.

Одним из важнейших лейтмотивов прозы Тулли оказывается мысль о, с одной стороны, общности наследия травматической памяти («наследственная масса является общей»⁵⁷), с другой — невозможности обменять свою долю на чужую. Именно об этом — обмене размыто-мучительной наследственной памяти жертв на память виновных — мечтает повествовательница «Итальянских шпилек»: «Но если уж непременно лагеря — не лучше ли наследовать этим статистам, что прохаживались по плацу, постукивая прутиком по голенищу сапога? Самая тяжкая вина кажется легче такой шкатулки без ключика»⁵⁸. Повествователь романа «Изъян» бесконечно примеряет к себе именно эту *другую* память — т. е. роли пассивных и активных соучастников преступления, совершаемого против «чужих» (метонимии Холокоста): «Если я — одна из этих уважающих себя домохозяек»; «[...] если я — один из этих зевак»; «Если я — это он [...]»; «Если я — один из жильцов»; «Итак, если я — один из жильцов»; «Если я — один из этих чинных обывателей»; «Если я — один из местных жителей, то [...]»; «Если я — один из этих жильцов [...]»; «Если я — генерал [...]»⁵⁹ и пр. В конце концов повествователь всё же принимает свою (автобиографическую, как знает сегодняшний читатель Тулли) роль наследника памяти жертв: «Если я — тот ребенок [...] а разве я могу быть кем-либо еще? — то ответить проще простого, я знаю об этом деле всё. Знаю наизусть каждую деталь [...]. Желая я того или нет, бездомная толпа, одетая то так, то иначе, будет появляться во всех историях, каким я в состоянии дать жизнь»⁶⁰. Однако в процессе повествования успевает

«включить» в свою историю этих пассивных bystanders и *от имени* их наследников гипотетически испытать боль того, кто добросовестно несет бремя памяти о совершенном рядом зле: «Разве не являюсь я в ней фигурой последней из последних, той, которая в конце концов должна взять на себя всю боль?»⁶¹ Таким образом, надежды генерала на то, что уничтоженные чужие «умрут и обо всем забудут» («Вместе с ними исчезнут их страдания. Ни одна обида не отравит будущее»⁶²), оказываются тщетны вдвойне — травматическая память наследуется *обеими* сторонами.

Тулли использует также метод диалога с собственным детством. В рассказе «Ключ», повествование в котором ведется то от третьего, то от первого лица, взрослая героиня-повествовательница визуализирует встречу с собой-ребенком, почти буквально воспроизводя психотерапевтические упражнения «Встреча с внутренним ребенком», «Формирование внутреннего родителя»⁶³. Это дает возможность исследовать детские переживания, сохраняющие свое влияние во взрослой жизни, дистанцироваться от травмы детства при сохранении ощущения целостности биографии⁶⁴.

В прозе Тулли можно обнаружить также элементы нарративной психотерапии (метода, исходящего из концепции гипотетической полиисторичности любой жизни и возможности изменения в процессе интерпретации доминирующего нарратива). Этот процесс заключается в «перерассказывании», реинтерпретации собственной жизни с целью коррекции самоидентификации (в данном случае — самоощущения жертвы насилия и памяти о насилии) и включает в себя анализ доминирующего нарратива, нахождение и уплотнение прежде периферийных эпизодов с целью создания альтернативной истории, «восстановление участия» — вовлечение, проживание заново и переоценку истории взаимоотношений со значимыми другими⁶⁵. Повествовательница совершает этот процесс в том числе словно бы от лица матери, обращаясь к свидетелям той части ее жизни, память о которой ей недоступна, частично переоценивая и перерассказывая при этом собственное детство. Яркий пример восстановления участия — показание «свидетелей» в уже упоминавшемся Низшем суде⁶⁶. Именно им спустя десятилетия удается нащупать суть симбиотической травмы: «Теперь я бы сказала, что она скрывала под свитером какую-то страшную рану. Не знаю, откуда она могла у нее появиться, ведь жизнь у нас тогда была спокойная. Что я хочу этим сказать? То, что говорю. Что она эту рану от матери унаследовала»⁶⁷. По сути же процессом восстановления участия значимых других является и всё повествование.

Для прозы Тулли, как уже говорилось, характерны развернутые метафоры, которые, как утверждает писательница, являются для нее «не приемом на языковом уровне, но частью самого действия, началом действия»: «Собственно, действие заключается у меня в последствиях метафор. Можно сказать, что я подхожу к метафоре смертельно серьезно, то есть понимаю ее буквально. Это не украшение, а двигатель повествования»⁶⁸. Часть метафор имеет также аутопсихотерапевтические функции.

Важнейшая роль психотерапевтической метафоры — диссоциирующая и моделирующая. Метафора — прежде всего посредством номинализации — способствует экстернализации проблемы: человек рассматривается не как ее вместилище, а как субъект, находящийся с ней во взаимоотношениях, которые поддаются анализу и корректировке. Таковы метафоры, воплощающие обременительность детского опыта в тени материнского страдания в прозе Тулли: образ нежеланного наследства⁶⁹, тяжелого груза⁷⁰, тучи и дыма как *temento*, символ вечного, преследующего потомков страдания жертв Холокоста⁷¹, раны, нанесенной матери и унаследованной дочерью⁷², и пр.

В романе «Шум» используются также «в развитии» метафоры, выражающие ощущение неустойчивости и неуверенности героини. Одна из них, связанная с катком и умением/неумением держаться на коньках, напоминает «живые метафоры», применяемые Д. Миллс и Р. Кроули в работе с детьми («Живая метафора является прекрасным дополнением к рассказу, потому что помогает закрепить содержащийся в нем лечебный посыл через реальные физические ощущения. Рассказ пробуждает скрытые бессознательные ресурсы, а живая метафора дает им возможность проявиться в практической деятельности»⁷³). Первые коньки становятся знаком доли свободы, а первая попытка прокатиться по льду оказывается путем к преодолению внушенного дома и в школе комплекса неполноценности, обретение устойчивости на катке совпадает с ощущением обретения ее в повседневной жизни⁷⁴. Вторая метафора навязывается героине в детстве — это шуточное стихотворение об утке-чудачке, которым дразнит девочку двоюродный брат⁷⁵. Последний раз утка незримо появляется за дверью Низшего суда, однако внутрь не заходит⁷⁶. Таким образом, «не пустив» утку внутрь, повествовательница завершает этот внутренний сюжет — перестает чувствовать себя жертвой («— Чтобы мы сумели простить, если никто перед нами не извинился, — сказала я, — кому-то в нас придется умереть. — Кому? [...] Я поколебалась, но ответила: — Жертве»⁷⁷). Очевидно, что эти две метафоры оказываются также

элементами вышеупомянутой реконструкции жизненного нарратива.

Метафора инициирует трансдеривационный поиск — установление подобия жизненной и метафорической ситуации, поиск в памяти и рефлексиях референтного опыта, объясняющего происходящее⁷⁸. Для облегчения решения повторяющейся проблемы та должна быть подвергнута рекалибровке. С этой целью может быть введен эквивалентный клиенту персонаж, который каким-либо образом нарушает прежнюю модель, в результате чего человек в конце концов обретает способность к эффективному изменению ситуации. В «Шуме» история с воображаемым лесом, в котором живут альтер эго маленькой героини и волшебный лис, олицетворяющий свободу, независимость и тайну, с одной стороны, предстает спасительной, играющей компенсаторную роль детской фантазией⁷⁹, которую автор «дарит» себе-в-детстве («У меня была когда-то книжка-раскраска, в которой фигурировал лис. Но я с лисом не дружила. [...] Лис олицетворяет нечто, что во мне присутствует, но доступ к чему я получаю только в свои лучшие мгновения»⁸⁰; «Что касается лиса — он не был придуман для романа. Это часть меня, для литературных целей украшенная рыжим хвостом и чертами, которыми мне бы хотелось обладать всегда, а я обладаю ими лишь время от времени. [...] В детстве эта часть существовала во мне только в зародыше, а потом стала активно развиваться»⁸¹, — рассказывает писательница). С другой стороны, это двусторонняя (на автобиографическом уровне, как становится ясно из интервью, направленная из взрослой жизни в детство, а на сюжетном — прорастающая из детства во взрослую жизнь героини) развернутая терапевтическая метафора-история, которая помимо сходства структуры содержит в себе некоторый позитивный опыт, возможность облегчения конфликтной ситуации, предлагает замещение негативного опыта позитивным на основе их внешнего сходства. Характерны ассоциирование себя со зверем, который вынужден убежать от человека, и отсылка к антисемитским терминам (гитлеровское «Judenjagd» и польское, времен кампании 1968 г., «крашенные лисы», используемое в рассказе «Бегство лис»). Обладая таким опытом лис помогает девочке выжить, берет на себя функции воспитателя, советчика, способствует адаптации к собственным страхам, повышению самооценки⁸². Во взрослой жизни, после развода, героиня вновь встречает лиса, который приводит ее в Низший суд, призванный способствовать гармонизации ее внутреннего мира. Кроме того, как уже говорилось, в лесу обитает эсэсовец, воплощающий насилие — и внешнее, и собственную подавленную внутреннюю агрессию (поэтому девочка и лис символически связы-

вают ему руки, что позволяют сделать персонификация проблемы и использование метафоры-сказки).

В повествовании Тулли о наследовании травматической памяти можно увидеть также яркое воспроизведение метода фокусирования Ю. Джендлина — прояснения и вербализации являющихся «камертоном» ощущения проблемной ситуации телесных ощущений, что приносит облегчение само по себе, а также открывает дополнительные возможности для анализа проблемы (посредством своеобразной экстернализации проблемы путем определения ее «болевого точки» в границах тела, а затем нахождения для нее резонирующего с телесным переживанием проясняющего проблему образа). Героиню рассказа «Бегство лис» с детства преследует смолная туча, которая символизирует бремя неосознанной памяти о Холокосте, годами вытеснявшую травму⁸³. Она вызывает эмоции⁸⁴, а затем «чувствуемое ощущение»⁸⁵, которое рационализируется, связывается с пониманием: «Что-то большое отделилось от сердца, поднялось и застряло в горле, причиняя мне боль. Тогда я всё поняла. В этой черной туче, которую ветер гнал над морями и океанами, плыли по небу мои родственники»⁸⁶. По словам Джендлина, «чувствуемое ощущение возникает в вашем теле, подобно подташниванию, указывающему на то, что определенные проблемы, с которыми, как вам казалось, вы уже разобрались, в действительности так и не разрешены»⁸⁷. Именно это осознает героиня («Она уверена, что ничего не боится. А на самом деле постоянно чего-то боится. Всегда одного и того же — и ничего больше»⁸⁸), находя затем наконец название для своего ощущения: «В этом-то всё и дело. Страх душит ее, круглый и твердый, как шарик, детский мячик, невозможно ни выплюнуть его, ни проглотить»⁸⁹.

Нарративизация травмы в процессе художественного повествования способствует, таким образом, переработке посттравматического опыта. В ситуации постпамяти, являющейся опытом детей выживших (которую Д. Хирш неслучайно именуется «заместительной травмой»⁹⁰), она оказывается важнейшим элементом строительства автобиографии, дает возможность обрести собственную историю, не заслоненную трагическим родительским дискурсом («Постпамять характеризует опыт тех, кто рос в среде, подчиненной повествованию, истоки которого относятся к периоду до их рождения. Истории предыдущего поколения, порожденные травматическим опытом, который не поддается ни пониманию, ни переработке, подминают под себя их собственные запоздалые истории»⁹¹), помогают достичь

«баланса между травматическими и поддерживающими позитивными содержаниями автобиографической памяти»⁹². Разумеется, художественный текст не является и не может являться последовательным курсом психотерапии, однако сходство, порой почти буквальное, с теми или иными психотерапевтическими методами или их элементами свидетельствует о подспудном — более или менее очевидном — стремлении *формы* художественного текста к выполнению именно *автопсихотерапевтических, защитных функций*, а также — о силе структурированного слова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Подробнее см.: *Адельгейм И. Е.* Поэтика «промежутка»: молодая польская проза после 1989 года. М., 2005.

2 *Tulli M.* Ludzik mi padł, więc gram następnym. Rozmawia Katarzyna Kubisiowska // *Gazeta Wyborcza*. 30.10.2011. [Электронный ресурс. Режим доступа: 27.12.2017] http://wyborcza.pl/duzyformat/1,127291,10548289,Magdalen_Tulli__Ludzik_mi_padl_wiec_gram_nastepnym.html?pelna=tak

3 *Tulli M.* Szum. Kraków, 2014. S. 9, 23, 34.

4 *Cyrulnik B.* Ratuj się, życie wzywa. Kraków, 2014. S. 164.

5 *Szwajca K.* Rodziny po Zagładzie // *Midrasz*. 2011. № 6. S. 13.

6 *Fresco N.* Remembering the Unknown // *International Review of Psycho-Analysis*. 1984. № 11. S. 421. Цит. по: *Hirsch J.* Postmodernizm, drugie pokolenie i międzykulturowe kino posttraumatyczne // *Antologia studiów nad trauma*. Kraków, 2015. S. 270–271.

7 *Cuber M.* Metonimie Zagłady w polskiej prozie lat 1987–2012. Katowice, 2013.

8 *Tulli M.* Tryby. Warszawa, 2003. S. 78, 81, 102; *Tulli M.* Skaza. Warszawa, 2006. S. 62, 65, 66, 130.

9 *Tulli M.* Skaza. S. 165–166.

10 *Tulli M.* W czerwieni. Warszawa, 1998. S. 148.

11 *Ibid.* S. 72.

12 *Ibid.* S. 77.

13 *Tulli M.* Tryby. S. 69, 139.

14 *Ibid.* S. 130.

15 *Sobolewski T.* Nike 2012. Magdalena Tulli: nie ma zmyślonych opowieści // *Gazeta Wyborcza*. 15.09.2012 [Электронный ресурс. Режим доступа: 27.12.2017] http://wyborcza.pl/1,75475,12487543,Nike_2012__Magdalena_Tulli__Nie_ma_zmyslonych_opowieści.html

- 16 *Tulli M. Skaza*. S. 70.
- 17 *Ibid.* S. 160.
- 18 *Przymuszała B. Skaza?* — Holocaust jako problem polskiej pamięci. Szukanie o powieści // *Narracje o Polsce*. Poznań, 2008. S. 141–153. Следует, впрочем, заметить, что автор придерживается той же точки зрения и в монографии, вышедшей уже после появления «Итальянских шпилек» и «Шума» Тулли: «[...] роман становится признанием вины, указанием на соучастие в преступлении» (*Przymuszała B. Smugi Zagłady. Emocjonalne i konwencjonalne aspekty tekstów ofiar i ich dzieci*. Poznań, 2016. S. 146). Однако ценным представляется замечание исследовательницы о том, что эзопов язык романа может интерпретироваться «как попытка защитить того, кто признается, и одновременно как знак, свидетельствующий о [...] состоянии польской памяти об уничтожении евреев» (*Ibid.* S. 149).
- 19 *Przymuszała B. Skaza?* S. 152.
- 20 *Tulli M. Szum*. S. 7, 8, 34; *Tulli M. Włoskie szpilki*. Warszawa, 2011. S. 81.
- 21 *Cyrulnik B. Ratuj się, życie wzywa*. S. 48.
- 22 *Tulli M. Włoskie szpilki*. S. 25–26; *Tulli M. Szum*. S. 8, 93–95.
- 23 *Tulli M. Włoskie szpilki*. S. 30, 28–29, 32, 35, 81, 94; *Tulli M. Szum*. S. 119, 80, 82, 97.
- 24 *Tulli M. Szum*. S. 83, 84, 118.
- 25 *Tulli M. Szum*. S. 12–13, 34, 84, 119; *Tulli M. Włoskie szpilki*. S. 32, 81, 88, 94.
- 26 *Tulli M. Włoskie szpilki*. S. 31.
- 27 *Руннепт Ф. Симбиоз и автономность. Расстановка при травме*. М., 2015.
- 28 *Tulli M. Szum*. S. 8, 17 и др.
- 29 *Tull Mi. Włoskie szpilki*. S. 31, 81.
- 30 *Ibid.* S. 102.
- 31 *Tull Mi. Szum*. S. 80, 87, 82.
- 32 *Ibid.* S. 43–44, 73.
- 33 *Tulli M. Włoskie szpilki*. S. 75, 142–143.
- 34 *Tulli M. Włoskie szpilki*. S. 30–31, 121, 142, 73–74; *Tulli M. Szum*. S. 8, 86.
- 35 *Tulli M. Włoskie szpilki*. Warszawa, 2012. S. 142.
- 36 *Ibid.* S. 75, 73.
- 37 *Ibid.* S. 36.
- 38 *Ibid.* S. 121.
- 39 *Ibid.* S. 64.

- 40 *Tulli M.* Włoskie szpilki. S. 37, 65, 77, 120 132, 134; *Tulli M.* Szum. S. 31, 32, 35, 49, 51, 55, 57, 59, 60, 66–68, 74, 97, 132 и др.
- 41 *Tulli M.* Włoskie szpilki. S. 9, 14, 20, 16, 20, 139.
- 42 *Tulli M.* Ibid. S. 120.
- 43 *Рождественская Е. Ю.* Биографический метод в социологии. М., 2012. С. 44.
- 44 Подробнее см.: *Адельгейм И. Е.* Аутопсихотерапия исторической и структурной травмы в польской прозе 1990–2000-х гг. // Славянский альманах. 2017. Вып. 1–2. С. 270–284.
- 45 *Tulli M.* Włoskie szpilki. S. 74.
- 46 *Tulli M.* Szum. S. 133.
- 47 Ibid. S.131.
- 48 *Gilmore L.* Przypadki graniczne: trauma, autoprezentacja i prawne formy tożsamości // Antologia studiów nad traumą. Kraków, 2015. S. 366.
- 49 *Tulli L.* Szum. S. 132.
- 50 *Langer L.* Scena pamięci. Rodzice i dzieci w tekstach i świadectwach Holokaustu // Literatura na Świecie. 2004. № 1–2. S. 127.
- 51 *Tulli M.* Szum. S. 127.
- 52 Ibid.S. 128.
- 53 Ibid. S. 116.
- 54 Ibid. S. 48, 127.
- 55 Ibid. S. 42.
- 56 *Веселаго Е. В.* Системные расстановки по Берту Хеллингеру: история, философия, технология // Психотерапия. 2010. № 7; 2011, № 1. [Электронный ресурс. Режим доступа: 27.12.2017] <http://www.constellations.ru/paper.html>
- 57 Ibid. S. 55.
- 58 *Tulli M.* Włoskie szpilki. S. 75–76.
- 59 *Tulli M.* Tryby. S. 66, 70, 103, 117–118, 133–134, 138, 153, 158–159, 171–172.
- 60 Ibid. S. 171–172.
- 61 Ibid. S. 164.
- 62 Ibid. S. 159.
- 63 *Шевцова И. В.* Тренинг работы с собственным детством. СПб., 2008. С. 14–15, 21.
- 64 *Tulli M.* Włoskie szpilki. S. 122.
- 65 *Уайт М.* Карты нарративной практики. Введение в нарративную терапию. М., 2010. С. 149.
- 66 *Tulli M.* Szum. S. 118, 117, 122, 119, 121.
- 67 Ibid. S. 119.

- 68 Calvino, Marquez i pewna pani. Rozmowa z Magdaleną Tulli // *Czapliński P., Śliwiński P.* Kontrapunkt. Rozmowy o książkach. Poznań, 1999. S. 128.
- 69 Tulli M. Szum. S. 55, 19, 66.
- 70 Tulli M. Szum. S. 27; Tulli M. Włoskie szpilki. S. 65–66, 75.
- 71 Tulli M. Włoskie szpilki. S. 65–66, 75, 69, 125.
- 72 Tulli M. Szum. S. 119–120.
- 73 Миллс Д., Кроули Р. Терапевтические метафоры для детей и внутреннего ребенка. М., 2000. С. 74.
- 74 Tulli M. Szum. S. 79–86.
- 75 Ibid. S. 80.
- 76 Ibid. S. 118.
- 77 Ibid. S. 123–124.
- 78 Гордон Д. Терапевтические метафоры. Оказание помощи другим посредством зеркала. СПб., 1995. С. 21.
- 79 Миллс Д., Кроули Р. Терапевтические метафоры... С. 23.
- 80 Prywatne klocki — wywiad z Magdaleną Tulli. [Электронный ресурс. Режим доступа: 27.12.2017] <http://czytamcentralnie.blogspot.ru/2014/10/prywatne-klocki-wywiad-z-magdalena-tulli.html>
- 81 [Электронный ресурс. Режим доступа: 27.12.2017] http://wyborcza.pl/1,75410,16711994,Zbuntowana_rozmowa_z_Magdalena_Tulli.html
- 82 Tulli M. Szum. S. 38–39, 41.
- 83 Tulli M. Włoskie szpilki. S. 124–127, 129, 130, 139, 140.
- 84 Ibid. S. 126–127.
- 85 Ibid. S. 127–128.
- 86 Ibid. S. 140.
- 87 Джендлин Ю. Фокусирование. Новый психотерапевтический метод работы с переживаниями. М., 2000. С. 51.
- 88 Tulli M. Włoskie szpilki. S. 142.
- 89 Ibid. S. 142.
- 90 Hirsch J. Postmodernizm, drugie pokolenie i międzykulturowe kino posttraumatyczne // *Antologia studiów nad traumą.* Kraków, 2015. S. 256.
- 91 Hirsch M. Żaloba i postpamięć // *Teoria wiedzy o przeszłości na tle współczesnej humanistyki.* Antologia. Poznań, 2010. S. 254.
- 92 Нуркова В. Сверхненное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М., 2000. С. 23.

I. E. Adel'gejm

The experience of inheriting memory of the Holocaust and the psychological function of its narrativization in the prose of Magdalena Tulli

The article concentrates on the prose of the Polish writer M. Tulli who belonged to the generation of the children of the Holocaust survivors. It describes the experience of inheriting traumatic memory that was silenced by the previous generation, and the autopsychotherapeutic functions of its narrativization.

Keywords: *the Holocaust, postmemory, silencing, autobiographic memory, narrativization of traumatic experience, building up autobiography.*

Н. Н. Старикова
(Москва)

**Фантомная боль «ампутированной» страны —
югославское социокультурное пространство
в произведениях современных словенских авторов**

Памяти Алеша Дебеляка

В статье представлены прозаические и поэтические произведения современных словенских литераторов, в которых через опыт личного восприятия эпохи воссоздается специфика социокультурного пространства и мультикультурной атмосферы социалистической Югославии.

Ключевые слова: *социокультурный контекст, мультикультурализм, противоречия социалистической эпохи, единое культурное пространство, «личная» история.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.3.05

Многонациональная Социалистическая Федеративная Республика Югославия перестала существовать более четверти века назад, тогда же было навсегда разрушено единое культурное пространство этого государства. Противоречия титовской эпохи, ее значение для истории и культуры народов «Югославской Атлантиды», последствия распада этой по-своему уникальной страны — все эти вопросы, оставаясь актуальными и в постюгославское время, всё чаще становятся для современных словенских литераторов предметом этической переоценки и художественного переосмысления.

Словосочетание «Югославская Атлантида» одним из первых ввел в словенский культурный обиход поэт и публицист Алеш Дебеляк (1961–2016) в своей автобиографической книге «Мостки через Балканы: эссе о литературе Югославской Атлантиды» (2010), в которой «из осколков» воспоминаний попытался создать «портрет исчезнувшей цивилизации»¹. Материалом для авторских размышлений стало творчество двух выдающихся писателей СФРЮ, М. Црнянского (1893–1977) и Д. Киша (1935–1989), оказавших существенное влияние на его творческое формирование, а также опыт общения и обмена художественной энергией с такими ныне известными литераторами, как американский поэт сербского происхождения Ч. Симик, еврейско-сербский писатель, переехавший в Канаду, Д. Албахари, журналист и публицист из Боснии и Герцеговины М. Баздуль, аме-

риканский писатель боснийского происхождения А. Хемон, хорватский прозаик, живущий в Эдинбурге, И. Штикс. Со всеми, кроме первых двух, Дебеляк был лично знаком и дружен, их автографы и посвящения автору включены в издание. Литературная жизнь СФРЮ 1980-х гг. представлена в книге как время расцвета, своеобразного ренессанса мультикультурализма, диалога и взаимного обогащения представителей разных народов Югославии, которые были насильственно прерваны развязанной в начале 1990-х гг. войной. Как отмечает литературный критик Л. Степанчич, одним из лейтмотивов книги является подчеркнутое внимание к транснациональной, космополитической, «кочевой» составляющей литературного быта югославских писателей, соединению в их мироощущении приверженности региональным истокам с интересом к актуальным художественным течениям². Дебеляк не только не скрывает своей ностальгии по утерянной навсегда югославской литературной Аркадии, но всячески ее подчеркивает: в нынешней действительности ему не хватает былой «балканскости»: широты души, гостеприимства, открытости духовного общения и теплоты. «Почему я пишу о литературе и писателях погрузившейся в пучину небытия страны? Во-первых, потому, что в этой стране я прожил большую часть жизни. Во-вторых, потому, что здесь прошло мое счастливое детство. В-третьих, потому, что эти воспоминания побуждают меня к размышлениям об устройстве современной Европы [...]. История содружества, известного как Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ), — это моя история. Без всяких сомнений. Сомнения возникли у чиновников нового словенского государства, которые мне, как и всем, [...] выдали после 1991 г. новые документы, в том числе свидетельство о рождении. В пункте “место рождения” вместо слова “Югославия” теперь стоит стыдливый прочерк»³. Субъективные впечатления автора о встречах и беседах с друзьями-литераторами перемежаются в «Мостках...» с пространными пассажами об их человеческой и творческой биографии, особенностях поэтики и стиля, иногда дополняются посвященными им стихотворениями. Например, в главу «Давид Албахари — по обе стороны Атлантики» включен не только рассказ о друге-писателе и тонкий анализ его прозаического сборника «Лик смерти» (1982), но и стихотворные строки:

Под каштанами

У слияния рек Градашчицы и Любляницы

Давиду Албахари

*Приди со мной сюда, к каштанам, что вновь осыпались,
друг моей юности, не просто друг, лирический герой,
без слов меня учивший, как надо говорить.*

Встаешь из-за стола, изящен, как борзая худ, впервые

*ты следуешь за мной, а не наоборот, с оглядкой и без видимых усилий,
так же ясен, прост, как проза, что ты пишешь.*

*Здесь, за ближайшим поворотом
устье, здесь главная река смиренно пьет
струю притока, чье русло узкое в плену салатных грядок,*

*да кофейных баров, да голубей, да ностальгии по далекому
Дунаю. Здесь нет ни крепости, ни парка, что некогда стерег границу
имперскую в том городе былом, вчера, позавчера,
теперь она подобна растаявшему следу дыма сигареты*

*голубоватому, что вьется над пепелищем рухнувшей страны.
Той сигареты, что идет по кругу, полярные ветра шумят
на новой родине, крутые скалы, серые казармы, шорох листьев
и пробуждение против воли: меня здесь нет и не было вовек⁴.*

Литературоведческий взгляд Дебеляка, по образованию филолога-компаративиста, отличается глубиной, наблюдательностью и стремлением к объективности.

В своей книге рассказов «Лик смерти» поэтику семейной трилогии Албахари поднял на более высокий художественный уровень. Он окончательно распрощался с амплуа всевидящего рассказчика, творящего повествование. Теперь на первый план вышла другая повествовательная стратегия. Вопросы, ответы и размышления о возможных способах отображения действительности стали «главным объектом» рассказов, в которых и автор, и читатель выступают в роли наблюдателей за происходящим. Албахари тонко различает малейшие оттенки настроений, поэтому может успешно сочетать разные выразительные регистры: от меланхолического до ироничного, при этом он заманивает читателя, приглашает его к игре, основным правилом которой является то, что момент внезапного озарения откладывается на неопределенный срок. Кажется, что беллетризован-

ный комментарий, выражающий точку зрения автора, в этих историях встречается чаще, чем мужественный диалог: персонажи говорят словно ни о чем, но при этом они ссылаются на сюжетные повороты и эпизоды из предыдущих рассказов, апеллируют к персонажам, придуманным уже в эпоху глобализации, к образам из общеизвестных книг и фильмов.

Рассказы из сборника «Лик смерти» аутентично связаны как с географией местной (локальной) урбанистической традиции, так и с метафизикой глобальной массовой культуры. Постепенно стирающееся противоречие между неотесанной деревней и цивилизованным городом, которое всё еще показательно для сербской «реалистической прозы», у Албахари окончательно теряет свое значение. В книге «Лик смерти» именно современный город получает статус *theatrum mundi*. Через архитеконику переплетенных между собой сюжетов Албахари представляет городское пространство как вселенную, предлагает игру в скупые, не всегда понятные, таинственные и одновременно простые слова⁵.

Своеобразными «привязками» к историко-культурному контексту времени служат для автора книги некоторые года присуждения Нобелевских премий, маркирующие в тексте принципиальные для него общественно-политические события. Продолжая свои рассуждения об Албахари, он пишет:

Давид регулярно публиковал короткие рассказы и переводы современной американской литературы (Сол Беллоу, Эдгар Лоренс Доктороу, Роберт Ковер, Доналд Бартелм и др.). Под его редакцией и с его комментариями вышла объемная двухчастная антология краткой прозы «Современный мировой рассказ» (1982). Благодаря этому сербская общественность впервые получила возможность познакомиться с разнообразным репертуаром модернистской и постмодернистской прозы, после этой публикации жанр рассказа приобрел здесь особую популярность и был освоен многими национальными авторами.

Потом пришли 1990-е. Для меня и всего моего поколения, рожденных в СФРЮ, они должны были стать “лучшими годами нашей жизни”. Вместо этого мы получили всемирный потоп и разрушение цивилизации, на которые пришлась наша юность.

1991 — в этом году Нобелевской премии мира была удостоена лидер бирманской политической оппозиции До Аун Сан Су Чжи, футболисты клуба «Црвена звезда» стали победителями Кубка чемпионов УЕФА, а я потерял родину — Югославию.

Сторонник эстетической самодостаточности и политической индифферентности, Албахари отнюдь не случайно как раз в переломном 1991 году стал пре-

зидентом Федерация еврейских общин Югославии. В вопросе войн за передел Югославии он последовательно придерживался жесткого политического курса, который требовал изменений этической позиции. Албахари не самоустранился: так, он помогал в освобождении сараевских евреев из сербской военной блокады, участвовал в организации воздушного моста со странами по ту сторону Адриатики. Однако во второй половине 1990-х упаковал чемоданы, и его семья нашла прибежище под кленовым листом. Он живет в Канаде, в провинции Альберта, в городе Калгари. Живет не в статусе политэмигранта, просто переменяет место жительства. Продолжает писать на родном сербском языке, одном из языков «Югославской Атлантиды». Продолжает писать хорошо. Но по-другому⁶.

Опыт личного восприятия важнейшей в истории страны эпохи лежит в основе очень разных в жанровом плане произведений современных словенских авторов. Зачастую обращение к «невывышленным» сюжетам, основанным на реальных событиях и человеческих судьбах, сопровождается актом их «разоблачения», это явление лауреат Нобелевской премии по литературе 2015 г. Светлана Алексиевич назвала «пропущенной историей»⁷. Такой подход использован в романе «Страшно ли мне?» (2012), ставшем последней книгой писательницы, поэтессы и журналистки Маруши Кресе (1947–2013). Широкое признание в Европе она получила за свою миротворческую деятельность и борьбу за права человека в период военного конфликта в Югославии 1991–1995 гг. Кресе родилась в Любляне в семье героев национально-освободительной борьбы Франца Кресе-Чобана (1919–1980) и Людмилы Кресе (1922–1999). С 1990 г. Кресе жила и работала в Берлине, Граце, Тюбингене, как независимый журналист писала для немецких и австрийских журналов, газет и радиостанций. Участвовала в нескольких антивоенных литературных проектах, например в проекте «Письма женщин о войне и национализме» (1999) о событиях 1991–1992 гг. на территории бывшей Югославии. В 2012 г. вернулась в Словению. Первый из семи поэтических сборников Кресе «Сегодня» вышел в Австрии в 1989 г., там же увидели свет и все последующие, за исключением книги «Сараево, любовь моя», которая была напечатана в переводе на боснийский язык в столице Боснии и Герцеговины в разгар войны, в 1994 г., что само по себе говорит о многом.

В романе «Страшно ли мне?» художественно представлена новейшая словенская история начиная с событий Второй мировой войны и последующего создания нового федеративного государства. Это одно из лучших современных произведений о судьбе военного поколения, к которому принадлежали родители писательницы. Действие охватыва-

ет период с 1941 по 2012 год, эпизоды национального прошлого представлены через субъективный опыт «личной» истории: повествование ведется от лица героя и героини, участников партизанского антифашистского сопротивления и социалистического строительства, затем в него вплетается голос их дочери. В романе разворачивается история любви двух молодых партизан, которая выдерживает испытание голодом, холодом, болью, страхом во время войны, помогает героям выжить в условиях коммунистической диктатуры. В судьбе отдельно взятой словенской семьи отражается хроника целой эпохи, в романе поднимаются многие до сих пор болезненные для Словении вопросы, такие как раскол нации во время фашистской оккупации, обесценивание идеалов национально-освободительной борьбы и беззакония югославских властей в годы социализма, разжигание и обострение межнациональных противоречий после 1980 г. и в постюгославский период. В своем последнем интервью Кресе призналась, что одним из импульсов к созданию романа стал крах Югославии:

Когда я начала ездить в Сараево во время войны в Боснии и Герцеговине, мне не было страшно, хотя я видела и пережила ужасные вещи. Тогда я начала задумываться о молодых людях, какими были мой отец и мать, когда они ушли в партизаны. Отец еще в течение тридцати лет после окончания войны по-своему переживал тогдашние травмы. И я поняла, что бывают моменты, состояния, когда ты просто не замечаешь страха. Только так можно пережить столь тяжкие времена. Без сараевского опыта я бы этого не осознала, хотя свои страдания в Сараево я даже близко не могу уподобить страданиям жителей осажденного города⁸.

Лишенный идеализации, но исполненный глубокого уважения к совершенному в годы войны человеческому подвигу портрет бескомпромиссного югославского партизанского поколения создается человеком, принадлежащим к поколению «детей», в юности вступавших со своими героическими «отцами» в яростную полемику. Время этих споров давно осталось в прошлом, много лет спустя добравшись до лесной чащи, где когда-то была сформирована партизанская бригада родителей, дочь при виде памятного обелиска — «маленькой стыдливой красной звезды» — склоняется «в благоговейном молчании»⁹. Воспитанные в героине родителями-партизанами чувство справедливости и равнодушие к чужой боли через несколько лет приведут ее в Боснию.

Последствия кардинальных политических и социокультурных изменений, повлиявших на судьбы тех, кому выпало родиться в «Югославской Атлантиде», не оставили равнодушным прозаика М. Маццини

(род. 1961) — его остросюжетный социально злободневный роман «Вычеркнутая» (2014) рассказывает о судьбе матери-одиночки Залы Йованович (мягкий «ч» в конце фамилии, которого нет в словенском языке, указывает на ее сербское происхождение), дочери серба и словенки, после выхода Словении из состава Югославии и провозглашения государственной независимости оказавшейся заложницей бюрократических катаклизмов и неожиданно для себя ставшей лицом без гражданства.

История главной героини начинается 30 апреля 1992 г., в четверг, и заканчивается 15 мая 1992 г., в пятницу, — за эти две недели ей ценой огромных усилий удастся восстановить справедливость, вернуть гражданство себе и своему новорожденному сыну, которого ей, как отсутствующей в базе данных МВД Республики Словении, отказались отдать в роддоме. Этот счастливый финал только оттеняет остроту и болезненность реальной проблемы: роман заканчивается фразой «29 февраля 1992 г. Министерство внутренних дел Республики Словении лишило гражданства 25 671 человека. Гражданский статус большинства из них до настоящего времени не определен»¹⁰.

Родившаяся в Крагуеваце в 1959 г., жительница Любляны Зала работает воспитательницей в детском саду, разведена. Ее случайный роман с женатым американским бизнесменом Марком приводит к беременности, и, несмотря на то, что партнер не хочет детей, женщина решает оставить ребенка. В роддоме выясняется, что «сведений о гражданке З. Йованович нет в компьютере»¹¹, и молодой матери настоятельно советуют отдать сына в приемную семью. Героиня вынуждена обратиться за помощью к отцу новорожденного, который, понимая значение общественного резонанса, устраивает ей встречи с представителями прессы, телевидения, писателями. Это привлекает к женщине внимание органов госбезопасности, за ней начинают следить, прослушивать телефон. Марк провоцирует спецслужбы — сообщает Зале по телефону, что якобы устроил ей интервью с CNN и теперь всё случившееся получит международную огласку. Власти сдаются — героине дают гражданство, так что в интервью теперь нет необходимости. В ходе своих мытарств она знакомится со многими «вычеркнутыми» и убеждается в том, что все они абсолютно бесправны, их можно убить, обокрасть, избить совершенно безнаказанно. Зала сталкивается с бездушием и формализмом чиновников, бесцеремонностью журналистов, конформизмом и демагогией отвечающих за новую идеологию «инженеров человеческих душ». Приведенный ниже диалог с инспектором иммиграционной службы высвечивает всю абсурдность сложившейся ситуации:

...он взял анкету, которую Зала заполнила, и долго ее изучал.

— Зала Йованович, место рождения — Крагуевац, Сербия.

— Югославия, — поправила она.

— Югославии больше не существует. Она распалась. Словения уже целый год имеет статус независимого государства. [...]

— Отец там работал, я там только родилась. Мы уехали, когда мне было три месяца, — произнесла она.

Инспектор кивнул.

— Когда вы пересекли границу? [...]

— Что вы имеете в виду? В последний раз? Зимой. Я ездила в Триест за джинсами для беременных, а до этого в августе была на море, на хорватском побережье.

— Не морочьте мне голову! Это серьезное дело, знаете ли. С властями не шутят. Пожалуйста, отвечайте ясно, без обиняков. Я ничего не придумываю, я задаю вопросы, следуя процедуре, вы должны на них отвечать, и тогда мы подпишем бумаги. Когда вы пересекли границу? [...]

— О чем вы говорите? Вы же знаете, что я была в роддоме!

Он взял другой листок и начал его разглядывать.

— Да, в роддоме. Вы ведь рожали в Словении, не так ли? Наше здравоохранение намного лучше вашего в Крагуеваце, неудивительно, что вы пересекли границу. [...] Вы в нашей стране нелегально, проходите стандартную процедуру, я призываю вас к сотрудничеству.

— Вы вообще меня понимаете? — она стукнула кулаком по столу так, что из набухших грудей брызнуло молоко. — Да, я родилась не в Словении! Это так! Но моя мать словенка! Я здесь училась в педучилище, у меня здесь работа!

— У вас нет гражданства и постоянного места жительства¹².

Маццини затрагивает и тему взаимоотношения художника и власти, в частности роль литераторов в обретении Словенией государственности, причем взгляд у него сатирический. Образ знаменитого писателя, к которому в поисках справедливости обращается героиня, — в значительной мере собирательный, хотя некоторые персонифицированные черты всё же угадываются. С одной стороны, этот персонаж декларирует принцип нонконформизма творца, его независимость от «прагматичной повседневности», с другой, — он убежден, что именно словенские писатели «построили новое государство». Действующий функционер общества словенских писателей, лауреат множества премий, он обласкан новой властью и предпочитает не замечать ее ошибки и перегибы. Поэтому сочиняет роман о репрессированных в 1945

г. участниках словенской домобранской лиги, воевавших на стороне Вермахта, ведь «народу нужна правда! Мы должны высветить темную сторону новейшей истории!»¹³, а не о «вычеркнутых» в 1992-м жителей Республики Словения. Лишение гражданства тысяч ни в чем не повинных людей, по сути, этническая чистка с применением административного ресурса, — безусловно, один из самых драматических эпизодов в истории суверенной Словении. Он еще раз напоминает о том, как беззащитен человек перед лицом бюрократической государственной машины, зачастую ведомой недалёковидными политиками, о том, что колокол «звонит по тебе». Не случайно журналистка Л. Здравкович в послесловии к роману процитировала известное стихотворение богослова-антифашиста, президента Всемирного совета церковей Мартина Нимёллера «Когда нацисты пришли за коммунистами. . .», где главным врагом человечества названо равнодушие:

Когда нацисты пришли за коммунистами, я молчал, я же не коммунист.

Потом они пришли за социал-демократами, я молчал, я же не социал-демократ.

Потом они пришли за профсоюзными деятелями, я молчал, я же не член профсоюза.

Потом они пришли за евреями, я молчал, я же не еврей.

*А потом они пришли за мной, и уже не было никого, кто бы мог протестовать*¹⁴.

Уникальная мультикультурная атмосфера социалистической Югославии стала своеобразным «плавильным котлом» для многих представителей национальной творческой интеллигенции, к ним относится и Борис А. Новак (род. 1953), выдающийся поэт, переводчик и теоретик-стиховед¹⁵. Не только большое дарование, но и всестороннее знание предмета позволили ему, обратившись к не самому популярному в наши дни художественному формату, подступить к весьма амбициозному проекту: созданию первой в истории словенской литературы эпической поэмы-эпопеи в стихах, работа над которой велась более двадцати лет. Трилогия «Врата безвозвратности: эпос» (2015–2017) поражает своим размахом: это название объединяет три поэтических тома: «Атласы ностальгии», «Время отцов» и «Прибежища душ», общим объемом 40 тыс. стихов. «Встраиваясь» в ряд великих «мифоманов» — Гомера, Вергилия, Овидия, Данте, Мильтона, Новак, называющий себя «мифологом» и «мистификатором»¹⁶, пред-

принимает довольно успешную попытку обновить жанр героической эпопеи с помощью «очеловечивания» ее «установки на идеализацию и обожествление образов», чтобы «освежить прасюжеты и рассказать в эпическом ключе о недавнем прошлом или даже о нашем времени»¹⁷. Поэтому в центре его внимания оказываются не героические исторические личности, а обыкновенные люди — мужчины, женщины, дети, старики. Мифологической основой эпоса являются семейные предания и легенды рода Новаков, эпическое повествование основано на воспоминаниях, построено, с одной стороны, как документальный автобиографический нарратив в стихах о «времени и о себе», о предках, родных, друзьях, ключевых событиях национальной и европейской истории, с другой, — включает элементы вымысла, пропущенные через индивидуальное ассоциативное поле художника.

Связующим звеном повествовательной структуры всех трех книг является мотив странствия, который реализуется на трех уровнях: времени, места и памяти. Воссоздаваемые картины связаны с функционированием воспоминаний: лирический герой Новака путешествует по лабиринтам как услышанного, так и лично пережитого. Текст представляет собой мозаичное соединение фрагментов микросюжетов, «встроенных» в событийный ряд прошлого, усложненное темпоральными перебивами. Это филигранно выстроенное повествование реконструирует реальные эпизоды жизни поэта, членов его семьи, страны, даже Европы в контексте минувшей и еще длящейся эпохи. Из «*груды осколков*» рождается «*великая, неслыханная История*»¹⁸, создается портрет Времени.

Значительное место в книге занимает рассказ об отце поэта «товарище Анте», полковнике Народно-освободительной армии Югославии и партизанских отрядов Словении, его образ становится для автора своеобразным символом «Югославской Атлантиды». Лично знавший Й. Б. Тито, Анте Новак был одним из тех, чьими руками делалась военная история Европы. Об этом свидетельствует, например, эпизод с радиостанцией «Свободный Триест», которой в 1945 г. он руководил.

*Когда до союзников дошло, что партизаны
наступают, они двинули все имеющиеся силы –
составы с пехотными дивизиями — западным путем,*

через Паданскую и Фурланскую низменности с северного крыла,
через Тирольские Альпы, мобильные танковые бригады —

в направлении Триеста. Немцы трижды яростно оборонялись, партизаны массово гибли в боях.

И тогда Тито приказал соединить его с комендантом радио «Свободный Триест»: «Здорово, Анте! Давненко не виделись.

Давай-ка,

запусти в эфир информацию на разных языках, что Триест взят!» В ответ на робкий протест — мол, еще не взят, Тито сказал: «Просто дай это в эфир!» — Анте перевел новость

на немецкий, французский и сербскохорватский, писатель Цирил Космач — на английский и итальянский, и через пять минут импровизированная радиостанция — клетушка

с одним-единственным микрофоном — дала в эфир сообщение: Триест освобожден! — Udružene snage Jugoslovenske narodne armije i slovenačkih partizanskih odreda

slo mile su poslednji otpor nemačkih zlotvora! —
Libertà a Trieste! — Radio Free Triest speaking –
Der erste Tag der Freiheit in Triest — Vive la fraternité!

Des Italienset des Slovènes! Vive la liberté!...

Бледнея, Анте доложил, что приказ выполнен, и спросил: «Что теперь?» — Тито ответил с ухмылкой:

«Не дрейфь, Анте, союзники останоятся».

«А дальше-то что?» — опять задал Анте вопрос. Взгляд Тито стал жестким:

«Дальше у нас есть шесть часов, чтобы освободить Триест».

И ведь освободили¹⁹.

Неудивительно, что начавшаяся на рубеже 1980–1990-х гг. агония Югославии, с которой была связана судьба всей его семьи, стала для поэта тяжелым испытанием. На глазах уходила великая эпоха, вместе с ней угасал и ее полпред, «пракоммунист» Анте Новак, в последние месяцы жизни (первые месяцы существования независимой Словении) ставший свидетелем гибели государства, за свободу которого он когда-то так отважно сражался. Видеть, как умирающий отец реагирует на обстрелы Дубровника и осаду Вуковара, было для сына особенно му-

чительно. Поэт не скрывает, что до сих пор его преследует «фантомная боль ампутированной Югославии»²⁰. Тревожным симптомом для Бориса А. Новака, бывшего в начале 1990-х одним из членов редколлегии журнала «Новая ревия», фактически подготовившего словенскую «бархатную» революцию, стал эпизод, произошедший с ним во время «десятидневной войны». Летом 1991 г. над только что провозглашенной независимой Республикой Словенией нависла реальная угроза: союзный парламент выступил с осуждением ее отделения, признав эти действия незаконными, а затем направил в сторону ее границ танковые подразделения ЮНА. Руководство Словении мобилизовало 35 тыс. добровольцев и резервистов территориальной обороны. Возникла угроза полномасштабной войны, ждали, что Белград отдаст приказ бомбардировок Любляны.

*Нескончаемые ночи и дни войны за Словению
я проводил в редакции «Новой ревии»,
тогда на Цанкаръевой. Теперь об этих бденьях
едва ли кто-то вспомнит, а во мне
воспоминанья эти мерцают как огонь всех
сигарет, которыми дымили мы, туша окурки
в пепельнице прошлого, которое шло на нас
колонной танков. Впрочем, силе тех угроз
мы верили не очень, система устарела,
проржавела, еле дышит, хотя еще грозит,
бряцает смертью —
штурмовиками и ракетами...*

Неофициально
мы назывались
«Военная редакция
”Новой ревии”»
вместе мы выдержали
самые страшные

дни и ночи
полночи и рассветы
новейшей

истории

*Началом ее финала стал упрямый вызов на
лице Драго, в глазах Нико...*

Янчар
Графенауэр

XXX

*помню, как однажды ночью, когда коллеги без сил дремали за столом
я лично с полчаса по телефону — и как же было слышно хорошо,
как из соседнего района, — беседовал о чем-то с Белым домом,
а в пять утра меня арестовал патруль*

*словенцев непоколебимых,
из территориальной обороны,
словенских Volks-терьеров;*

*и меня допросили
и припугнули
как перебежчика,
потому что в моих документах они прочитали,
что я родился в Белграде...²¹*

Защищая Словению, Новак оставался уроженцем Югославии, и «*терять страну отцов, навеки, безвозвратно // так больно было*»²².

«Югославский эксперимент, как несколько расширительно можно назвать не только попытки создания самоуправленческого социализма, но и весь период существования общего государства югославян, закончился полным крахом»²³, — констатирует К. В. Никифоров в монографии «История Югославии в XX веке: очерки политической истории». Но если из этого эксперимента убрать политическую составляющую, останется культурная — единое общееюгославское культурное цивилизационное пространство, в котором культуры и литературы народов СФРЮ теснейшим образом взаимодействовали, влияли друг на друга и взаимно обогащались. Поэтому рожденные в «Югославской Атлантиде» А. Дебеляк, М. Кресе, М. Маццини, Борис А. Новак и другие современные словенские авторы до сих пор остро переживают потерю своей «большой» родины.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Debeljak A.* Balkanska brv: eseji o književnosti jugoslovanske Atlantide. Ljubljana, 2010. S. 25. Здесь и далее перевод цитат оригинальных текстов сделан автором статьи.

2 *Stepančič L.* Aleš Debeljak: Balkanska brv: eseji o književnosti jugoslovanske Atlantide // *Sodobnost*. 2011. Letnik 75, № 9. S. 1198.

3 *Debeljak A.* Balkanska brv... S. 11–12.

4 *Ibid.* S. 55–56.

5 *Ibid.* S. 66.

6 *Ibid.* S. 68–69.

7 Алексиевич С. Чернобыльская молитва (хроника будущего). URL: http://lib.ru/NEWPROZA/ALEKSIEWICH/chernobyl.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 14.01.2018).

8 *Кресе М.* Авторский постскрипtum. Фрагменты интервью // *Кресе М.* Страхно ли мне? М.: Центр книги Рудомино, 2017. С. 173.

- 9 Там же. С. 169.
- 10 *Mazzini M.* Izbrisana. Novo Mesto, 2014. S. 257.
- 11 *Ibid.* S. 27.
- 12 *Ibid.* S. 56–57.
- 13 *Ibid.* S. 171.
- 14 *Zdravković L.* Kaj je izbris? // *Mazzini M.* Izbrisana. Novo Mesto, 2014. S. 270.
- 15 См. об этом подробнее: *Старикова H. H.* Studia translatoria. Заметки об истории, теории и практике словенского художественного перевода // Художественный перевод и его роль в литературном процессе Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2016. С. 42–57.
- 16 *Novak Boris A.* Vrata nepovrata: epos. Knj. 3: Bivališča duš. Novo Mesto, 2017. S. 824.
- 17 *Novak Boris A.* Kot pesnik sem star 3000 let (intervju z Borisom A Novakoms spraševal je Josip Osti) // *Literatura.* 2015. Letnik 27, št. 287. S. 80.
- 18 *Novak Boris A.* Vrata nepovrata: epos. Knj. 1: Zemljevidi domotožja. Novo Mesto, 2015. S.54.
- 19 *Ibid.* S. 639–640.
- 20 *Ibid.* S. 703.
- 21 *Novak Boris A.* Vrata nepovrata: epos. Knj. 2: Čas očetov. Novo Mesto, 2015. S. 698.
- 22 *Ibid.* S. 702.
- 23 *Нукифоров К. В.* Вместо заключения // *История Югославии в XX веке: очерки политической истории.* М.: Индрик, 2011. С. 871.

N. N. Starikova

A phantom pain of the amputated country. Yugoslav sociocultural space in the texts of contemporary Slovene authors

The article focuses on prose and lyrics of contemporary Slovene writers. Through the personal experience of the epoch the specifics of the sociocultural space and multicultural atmosphere of socialist Yugoslavia is reconstructed.

Keywords: *sociocultural context, multiculturalism, contradictions of socialism, common cultural space, "personal" history.*

К. В. Никифоров
(Москва)

Постсоциалистический мир Европы четверть века спустя

В рецензии на книгу «Постсоциалистический мир: итоги трансформации. Центрально-Восточная Европа» анализируются два ее раздела — общерегиональный и страноведческий. В целом произошедшая трансформация стран региона и их присоединение к ЕС оцениваются авторами труда двояко: наряду с несомненными достижениями имеются и крупные издержки. В любом случае результаты реформ оказались далекими от ожидаемых.

Ключевые слова: *трансформация, постсоциалистический мир, экономические реформы, евроинтеграция.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.4.01

В конце 2017 г. увидела свет книга об итогах трансформации постсоциалистических европейских стран, как стал называться процесс их перехода от социализма к капитализму¹. Не первый раз коллектив ученых из Института экономики РАН² обращается к этой проблеме³. И это не случайно. Наверное, трудно придумать тему, более актуальную для отечественных ученых, ведь и Россия одновременно решала те же самые задачи. И, по-видимому, через четверть с лишним века после «бархатных революций» уже можно подводить итоги этого процесса. Хотя понятно, что в разных странах трансформация происходила по-разному, степень выполненных задач различна, да и в целом в европейских постсоциалистических странах изменения и преобразования будут продолжаться, поскольку ничего неизменного в истории нет.

Бросается в глаза, что рассматриваемый регион авторы обозначают как Центрально-Восточная Европа (ЦВЕ). Однако, несмотря на название, он фактически ограничен рамками традиционной Центральной Европы (ЦЕ). Восточная Европа в книге не рассматривается. В то же время модный ныне термин «Центрально-Восточная Европа» обычно означает «Центральная Европа плюс Украина и Белоруссия и минус Россия». Иногда к Центрально-Восточной Европе добавляют Литву. Как можно понять, авторы работы склонны относить к этому региону даже все страны Балтии, хотя Латвия и Эстония скорее типологически принадлежат к североевропейским, скандинавским

странам. Но анализ ситуации на Украине и в Белоруссии, а также в странах Балтии в работе отсутствует, постсоветским государствам будет посвящена следующая книга серии «Постсоциалистический мир», что представляется вполне логичным. В третьей книге серии будет рассмотрена ситуация в постсоциалистических государствах Азии.

Кроме того, как можно понять, авторы труда исходят из того, что все страны Юго-Восточной Европы (ЮВЕ) также принадлежат региону Центрально-Восточной Европы, что, на наш взгляд, тоже не совсем точно. Граница между Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европой достаточно гибкая и носит условный характер, но она есть. Это все-таки два различных региона, которые заметно отличаются, в том числе и итогами трансформации. Правда, многие государства Юго-Восточной Европы какими-то своими частями заходят в Центральную Европу. Так, центральноевропейскими являются хорватская Славония, сербская Воеводина, румынская Трансильвания. Словения же полностью может быть отнесена к региону Центральной Европы.

Кстати, в одной из глав книги М. М. Лобановым обозначен несколько иной региональный подход, чем у остальных авторов. «В рамках данного исследования, — пишет он, — к странам ЦВЕ мы относим Польшу, Чехию, Словакию, Венгрию и Словению, а к странам ЮВЕ — Румынию, Болгарию, Сербию, Хорватию, Боснию и Герцеговину, Албанию и Македонию» (с. 86, сноска 113). При таком подходе термин «Центрально-Восточная Европа» фактически полностью совпадает с традиционным термином «Центральная Европа», который был принят в отечественной историографии в предыдущий период. Юго-Восточная Европа также ничем не отличается от традиционной схемы. Но тогда возникает вопрос — а зачем нужна новая терминология?⁴

Несомненной заслугой авторов коллективного труда является то, что они вновь занимаются самыми серьезными вопросами, насущными проблемами развития общества, макроэкономическими сюжетами, а не обращаются к модной ныне бытовой, гендерной или подобной им микроисторической проблематике, по-своему важной, но все-таки второстепенной. Этому служит и структура труда. Как и предыдущие работы этого коллектива, рецензируемая книга разделена на две части — теоретическую, освещающую проблемы всего региона, и страноведческую. Вводной основой всей работы является предисловие «О разнообразии моделей капитализма, или что мы построили в результате трансформации». Написанное С. П. Глинкиной, оно имеет самостоятельную ценность, является методологической основой всего труда и заслуживает более подробного рассмотрения.

Один из интереснейших вопросов, поставленных в этом предисловии, — «анализ внутреннего разнообразия капитализма, который до 1989 г. практически отсутствовал» (с. 14). Автор приводит слова С. Хантингтона о том, что «Запад — странное хрупкое, ни на что не похожее образование, которому ни в коем случае нельзя придавать статус общечеловеческого... Западный путь развития никогда не был и не будет общим путем для 95% населения Земли... Запад уникален, а вовсе не универсален» (там же).

Собственно говоря, это и есть один из самых важных выводов представленного труда. И подтверждение тому, как представляется, можно найти не только в современном трансформационном процессе постсоциалистических стран, но даже в древней истории. Как известно, классическое античное рабство существовало фактически только в Древней Греции и Древнем Риме. В процентном отношении оно занимало ничтожную часть тогдашней ойкумены. В других центрах древних цивилизаций рабство и в целом рабовладельческие отношения проявлялись в совершенно других формах или же не получили столь значительного развития.

Мы далеки от теории «третьего пути», о каком-то совершенно особом пути развития России и других бывших европейских социалистических стран. Развитие все-таки происходит в определенных заданных рамках. Но в этих рамках возможно любое разнообразие, не обязательно тождественное образцам наиболее развитых стран.

Автор предисловия отмечает, что некоторые ученые выделяют четыре основных типа современного капитализма: рыночный (США, Великобритания); корпоративный (Япония); социал-демократический (Швеция, Австрия); стейтистский (Франция) (с. 16–17). Другие исследователи подразделяют современный рыночный капитализм на два типа — либеральный и координируемый. В первом случае основным механизмом, координирующим деятельность хозяйствующих субъектов, является рынок, во втором — разнообразные нерыночные механизмы (деловые сети, бизнес-ассоциации и профсоюзы, государственное регулирование). Проведенный на основе подобного подхода анализ результатов трансформации постсоциалистических стран дал противоречивые оценки. Одни исследователи увидели движение этих стран в сторону либеральной рыночной экономики, другие — в направлении координированной рыночной экономики, наконец, третьи — констатировали появление типа капитализма, объединяющего черты этих двух основных его вариантов (с. 15–18).

Автор предисловия склонен отойти от этих двух моделей и солидаризируется с учеными, предложившими выделить для постсоциалистических стран третий базовый тип капитализма — так называемый зависимый рыночный капитализм (с. 19). Главной особенностью этих стран стала фундаментальная зависимость их экономик от решений, принимаемых транснациональными корпорациями по поводу инвестиций (с. 24).

Еще один тип капитализма характеризуется всепроникающей ролью государства. Государство находится в тесном контакте с национальным бизнесом, не допуская к процессу управления страной транснациональный капитал. Приход иностранного капитала приветствуется, но только до тех пор, пока он не подрывает господство или преимущества национального капитала (с. 25–26). По сути, это — государственный капитализм. Причем одной из его разновидностей «может стать так называемый клановый, для которого характерна особо тесная связь между властью и бизнесом, базирующаяся на личных (нередко семейных) отношениях» (с. 27).

По мнению автора предисловия, анализ результатов трансформации приводит к выводу «о возникновении различных моделей капитализма в постсоциалистическом мире» (с. 28). Возникли и многие гибридные формы, порождающие многочисленные сложности в управлении, проведении структурных реформ и модернизации. «Видимо, к их числу следует отнести и современную Россию, которая на протяжении трансформационного периода пыталась создать либеральную рыночную модель капитализма, смягчить ее негативные проявления за счет спорадического усиления элементов координированного развития и, наконец, дрейфовать в сторону государственного капитализма» (там же).

Как уже упоминалось, первый раздел книги посвящен общим закономерностям и результатам трансформации (преимущественно экономической) в изучаемом регионе. Кратко остановимся на выводах авторов труда, обращая особое внимание на нерешенные вопросы и проблемы. Это особенно важно, учитывая сходные процессы, происходившие в Российской Федерации.

Одной из особенностей трансформации стран региона было ее осуществление параллельно со стремлением многих из них подключиться к процессу евроинтеграции, чему в книге посвящена специальная глава (авторы — С. П. Глинкина, Н. В. Куликова). Движение в направлении евроинтеграции также предопределило модель трансформации в странах ЦВЕ, этот переход «был совершен путем пере-

носа на национальную почву в полном объеме норм и правил ЕС». Таким образом, можно сказать, что трансформация странами ЦВЕ осуществлялась через евроинтеграцию. Однако все еще «не получен однозначный ответ на ключевой вопрос о практической целесообразности внешнеполитического выбора постсоциалистических государств в пользу интеграции в европейские и евроатлантические структуры» (с. 32–34). В любом случае результаты реформ и евроинтеграции «оказались далекими от ожидаемых» (с. 47).

Проблеме интеграции постсоциалистических стран с Западной Европой посвящена и следующая глава (автор — Н. В. Куликова). Анализируя проблемы этих стран, автор подчеркивает, что их сложности в экономике не были следствием только внешних причин. Внутренние просчеты повысили уязвимость экономики стран ЦВЕ к внешним шокам. В то же время «глубинные корни как макроэкономических дисбалансов, так и многих других проблем стран ЦВЕ лежат в их присоединении к интеграционному объединению государств со значительно более мощной экономикой» (с. 83–84). Причем масштаб проблем в различных странах оказался различным. В частности, «экономика Польши, слабее других восточноевропейских экономик интегрированная в рынок ЕС и относительно хорошо сбалансированная, достаточно стойко выдерживает внешние удары» (с. 84).

Отдельные главы коллективного труда посвящены развитию промышленности и сельского хозяйства (автор — М. М. Лобанов), бюджетно-налоговой и кредитно-банковской систем (авторы — Ю. К. Князев, З. Н. Кузнецова, Э. Я. Шейнин). Как и в других сферах, ключевая роль здесь отводилась экономической интеграции с западноевропейскими странами. Однако надежда на содействие Западной Европы в реализации задач модернизации и догоняющего развития оправдалась не полностью: «интеграция в единый европейский рынок принесла как долгожданные плоды, так и неожиданные проблемы и разочарования» (с. 48).

Практика функционирования постсоциалистических стран показывает, что преимущества низкого налогового бремени девальвируются высокой бюрократической нагрузкой на предпринимателей и запутанностью часто меняющегося налогового администрирования. В непрозрачной правовой среде создаются благоприятные условия для «увода» доходов в тень, криминализации бизнеса и роста коррупции. «Доля “серой экономики” составляет 35,3% ВВП в Румынии, 34,7% — в Болгарии, 24,4% — в Венгрии, 18,4% — в Чехии». При этом понятно, что официальная статистика не показывает всего реального масштаба этого явления (с. 156–157).

К аграрной политике в странах региона существовали различные подходы. Типологически эти страны можно объединить, к примеру, Чехию и Словакию при сравнении индикаторов землепользования, размера хозяйств и арендных отношений, Румынию и Болгарию — производительности труда и государственного регулирования, Польшу и Словению — роли частной собственности, Польшу и Венгрию — уровня протекционизма и внешней торговли. Роль сельского хозяйства во многих странах региона осталась значимой, хотя его доля в структуре ВВП и занятости продолжает снижаться (с. 134).

Постсоциалистические страны и после трансформации по своему экономическому развитию продолжают отставать от западноевропейских. Не случайно уже давно появились разговоры о «старых» и «новых европейцах», а затем и об интеграции на разных скоростях. Среди новых членов ЕС даже самые богатые (Словения и Чехия) продолжают уступать по величине валового внутреннего продукта, рассчитанного по паритету покупательной способности (ВВП по ППС) на душу населения, группе пятнадцати старых членов в 1,3 раза, а наиболее бедные (Румыния и Болгария) — в 2–2,5 раза; страны — кандидаты на вступление (Черногория, Македония, Сербия и Албания) — в 3–4 раза (с. 80). Судя по всему, подобный разрыв в развитии различных регионов Европы весьма устойчив, и преодолеть его чрезвычайно сложно. Примерно таким же был разрыв при первой попытке догоняющей и имитирующей модернизации стран на востоке Европы вплоть до Второй мировой войны, он же существовал при догоняющей альтернативной социалистической модернизации, он же не исчезает в одночасье и при новой имитирующей модернизации.

Очередная глава книги посвящена социальной политике и социальному развитию постсоциалистических стран Европы (автор — И. С. Сеницина). В целом в этой сфере также все еще продолжает ощущаться значительное отставание от развитых стран ЕС. Уровень жизни, тем не менее, повысился, особенно по отдельным показателям, а отставание «чаще всего связано не с недостатком реформ, а с меньшими объемами инвестирования в социальную сферу из-за более скромных экономических возможностей стран региона» (с. 198).

Особая тема — демографические и миграционные процессы (авторы — А. В. Дрыночкин, И. С. Сеницина). На начало 2014 г. население стран ЦВЕ сократилось на 6,6% от уровня 1991 г., когда начался процесс трансформации. За это же время население старой Европы за счет мигрантов выросло на 10%. В наибольшей степени депопуляция затронула страны Балтии, где убыль составила 21%, население

балканских стран в среднем сократилось на 11,3%. В то же время в Словении, Черногории и Македонии оно росло, что связано с притоком беженцев во время Югославского кризиса. Более развитые страны Вышеградской группы фактически сохранили дотрансформационную численность (с. 199).

Еще одна глава специально анализирует экономические отношения стран региона с Россией (авторы — Н. В. Фейт, Э. Я. Шейнин). В начале 2000-х годов отношения между Россией и странами региона начали выравниваться, экономические связи между ними — восстанавливаться. Однако дальнейшему развитию мешает как неудовлетворительный деловой климат в России, так и сложившаяся отраслевая структура российской экономики. Разумеется, серьезный ущерб наносят политизация экономических отношений и введенные Западом против России экономические санкции. В то же время руководители Венгрии, Сербии, Словакии, Чехии неоднократно выражали недовольство санкциями и нежелание жертвовать экономическими интересами ради политических (с. 244–246).

Завершает общерегиональный раздел книги глава об оценке результатов трансформации общественным мнением постсоциалистических стран (авторы — О. Г. Волотов, С. О. Волотов). Уже в первые несколько лет процесса трансформации стало ясно, что ожидания от нее были явно завышенными. Опросы в первой половине 2000-х годов показали, что «людям не по душе неуверенность в завтрашнем дне, безработица, снижение качества и уровня жизни, ограничение социальных прав, снижение общественной солидарности. Самыми большими ценностями люди по-прежнему считают не демократию и свободу слова, а уверенность в завтрашнем дне и рост уровня жизни» (с. 251–254). Особое мнение высказывают жители постсоциалистических стран по отношению к членству в Евросоюзе. Идеальной жители этих государств «считают ситуацию, при которой страна остается в ЕС, но давление с его стороны сведено до минимума» (с. 267).

Как упоминалось, во второй части книги анализируются итоги трансформации в отдельных странах изучаемого региона. К сожалению, в книге отсутствуют два постюгославских государства — Хорватия и Черногория. Но это не меняет общей картины, и в целом несомненной заслугой авторов является сохранение традиционного для отечественной науки страноведческого подхода. Общие выводы должны основываться на конкретном материале.

Итак, как же выглядят итоги преобразований в одиннадцати постсоциалистических странах ЦВЕ?

В Албании (автор главы — А. В. Дрыночкин) трансформация не привела «хотя бы к относительному благополучию. В стране по-прежнему существуют большие проблемы с идентификацией и защитой прав собственников, сохраняется неравномерность в применении рыночных подходов к различным отраслям и секторам экономики, избыточна ориентация на внешние источники развития, велики бюрократический произвол и коррупция, высок уровень неформальной занятости и т. п.» (с. 281).

Еще одна страна региона, где трансформация происходила медленно и с большими трудностями, — Болгария (автор главы — Т. Э. Валева). За 25 лет преобразований в Болгарии так и не созданы эффективные институты, обеспечивающие верховенство законов, а проблема бедности не устранена (с. 283, 290). В реальной экономике и финансовом секторе, по мнению экспертов, необходимо более гибко сочетать усилия по поддержанию макроэкономической стабильности с мерами по стимулированию хозяйственного роста (с. 289). Впрочем, последнее актуально почти для всех постсоциалистических стран, включая, разумеется, и Россию.

Особого внимания заслуживает Босния и Герцеговина (автор главы — А. А. Шкареда) — единственное государство в современной Европе с ограниченным суверенитетом и внешним управлением. Пока вопросы государственного устройства не будут решены тем или иным способом, ожидать эффективной трансформации или модернизации от этой бывшей югославской республики очень сложно. В результате страна отстает от своих соседей, большинство ее макроэкономических показателей являются худшими в регионе. Отстает она и в процессах интеграции с ЕС (с. 310). Последнее совсем не удивительно, если учесть, что только часть страны стремится к подобной интеграции, а у другой ее части, сербской, основная задача — самосохранение, причем желательно вне боснийских границ.

Хотя премьер-министр В. Орбан еще в 2000 г. заявил об окончании трансформационного периода в Венгрии (авторы главы — О. Г. Волотов и С. О. Волотов), это не означало, что страна была региональным лидером в процессе преобразований. Венгрия в целом развивалась так, как и другие страны Вышеградской группы, добилась примерно тех же успехов и испытывала те же трудности. Но были и особенности.

С помощью иностранного капитала Венгрии удалось перестроить свою экономику и повысить технический уровень ключевых отраслей промышленности. В то же время одновременно было свернуто почти 30% отечественного производства энергоносителей. В венгерской экономике возник дуализм обособленных друг от друга секторов, когда один более развит, современен и находится главным образом в ино-

странных руках, а другой — традиционный, более отсталый, состоящий из отечественных предприятий (с. 312). Причем присоединение к ЕС оказало благоприятное воздействие лишь на 1/10 часть венгерских отечественных предприятий. В наибольшем проигрыше оказались сельское хозяйство и пищевая промышленность (там же). В результате венгерское правительство Орбана, вновь пришедшее к власти в 2010 г., было вынуждено проводить новую экономическую политику, направленную на ограничение роли иностранного капитала (с. 316).

В определенной степени страной, отчасти напоминающей Боснию по наличию внешнего вмешательства и дуалистического внутреннего устройства, является Македония (автор главы — Ю. К. Князев). В процессе трансформации она столкнулась с теми же трудностями, что и другие постсоциалистические страны, но «ее положение усугублялось экономической отсталостью и внутривластной напряженностью вследствие постоянных межэтнических трений» (с. 376).

Самая крупная из постсоциалистических стран традиционного европейского зарубежья, Польша (авторы главы — И. С. Синицина, И. А. Чудакова), провела реформы путем жесткой экономической политики, названной «планом Бальцеровича». Реализация этого плана позволила Польше минимизировать падение ВВП и первой среди стран региона преодолеть за три года спад производства. Этому способствовала и помощь Запада. Польша вступила в системную трансформацию с высокой внешней задолженностью. Однако долги были частично списаны, а частично отстрочены. В итоге Польша начала их выплачивать лишь в 2001 г. и закончила в конце 2012 г. (с. 343–344).

В течение последующих 25 лет логика и принципы экономической политики оставались неизменными (с. 342). Польша вступила в ЕС в 2004 г., имея более высокий уровень развития, чем в начале 1990-х годов. В отличие от некоторых других стран, это вступление оказало «стимулирующее воздействие на использование внутренних факторов экономического роста страны». Она «подключилась к производственным цепочкам, сложившимся в старых странах ЕС» (с. 348–349). И вновь нужно отметить зарубежную помощь. За 10 лет трансферты из фондов ЕС в Польшу достигли 109,6 млрд евро; за этот же период страна внесла в бюджет Евросоюза 35 млрд евро. Чистый приток средств в Польшу составил свыше 74 млрд евро (с. 352).

Наряду с Болгарией наиболее отстающим новым членом ЕС является Румыния (авторы главы — А. Н. Саморукова, Н. В. Фейт). Конечно, «два с лишним десятилетия преобразований радикально изменили образ страны. Однако специфика стартовых условий, возросшее

влияние геоэкономической конъюнктуры на национальную политику сказались на темпах и результативности трансформации» (с. 358). Румыния оказалась на таком этапе развития экономики, который аналогичен так называемой «ловушке стран со средними доходами». Как и у соседних стран, возникла трудно решаемая задача — нахождение новых источников роста (с. 363). Кроме того, Румыния столкнулась с небывалым имущественным расслоением, возникла безработица и массовая эмиграция населения в страны Запада (с. 365).

Одной из немногих стран, остающихся еще за рамками Евросоюза, является Сербия (автор главы — М. М. Лобанов). Трансформация в этой стране была отягощена межэтническими конфликтами, санкциями ООН, разрушениями от военной операции НАТО. «Вынужденная экономическая изоляция и урон от бомбардировок поставили страну на грань гуманитарной катастрофы, и к началу 2000-х гг. она стала беднейшей в Европе». После смены политического режима взят курс на сближение с Евросоюзом и осуществлен ряд реформ. «Вместе с тем степень соответствия институциональным и социально-экономическим стандартам развитых стран остается низкой». В числе проблем сербской экономики «выделяются высокий уровень внешней задолженности, несбалансированность бюджетно-налоговой системы и сложная ситуация на рынке труда» (с. 369).

Начав трансформацию в рамках Чехословакии, с 1993 г. Словакия (автор главы — М. В. Свиридова) проводит преобразования уже как независимое государство и демонстрирует относительно успешный переход от социализма к капитализму. Она имеет развитую промышленность и устойчивый банковский сектор. Экономический спад 2008 г. страна преодолела быстрее соседей. Однако остаются проблемы. Во-первых, низкая конкурентоспособность экономики: основным конкурентным преимуществом остается дешевизна рабочих рук, а технологический разрыв с западными странами сохраняется. Во-вторых, остаются социальные проблемы: высокая безработица и низкий уровень доходов. В-третьих, экспортная ориентация экономики делает страну уязвимой для внешней конъюнктуры (с. 395).

Переходный трансформационный период Словения (автор главы — Ю. К. Князев) пережила намного легче, чем большинство постсоциалистических стран, что объяснялось «унаследованным от прошлого сравнительно высоким уровнем экономического развития и общим пониманием большинством населения основных целей предстоящих преобразований». Экономическая трансформация проводилась последовательно, но в то же время постепенно, не спеша (с. 396–397). Однако кризис 2008 г. показал, что «успехи в социально-экономическом раз-

витии Словении в предкризисные годы были достигнуты не вследствие более полного использования внутренних резервов и не только в результате полученных выгод от вступления в Европейский союз и зону евро, а главным образом благодаря жизни в долг, чрезмерное увеличение которого неизбежно привело к горькой расплате». В итоге непосильные долги подорвали стабильность экономики (с. 406).

Наконец, последним в труде представлен очерк о Чехии (автор — З. Н. Кузнецова). Эта страна, так же как и Словакия, начала преобразования в единой Чехословакии, а затем продолжила их самостоятельно. Причем Чехия вступила в экономическую трансформацию уже средне-развитой промышленной страной, имевшей такие стартовые преимущества, как незначительную задолженность, низкую инфляцию, образовательный и культурный потенциал, высокий уровень потребления (с. 412). Несмотря на это, Чехия на начальном этапе преобразований прошла через глубокий трансформационный спад, ее отставание от стран ЕС увеличилось. Главным просчетом «стало преждевременное асимметричное открытие национальной экономики для экспансии предприятий из промышленно развитых стран» (с. 412–413).

В то же время в Чехии наблюдались самые низкие общественные издержки экономических преобразований в регионе. Так, уровень бедности составляет сейчас 9% по сравнению с 17% в среднем по ЕС. И все же цена трансформации оказалась для населения довольно высокой: рост безработицы, утрата многих привычных социальных гарантий, усиление дифференциации по доходам и имущественное расслоение, снижение шансов на получение качественного образования и медицинской помощи бедными слоями населения (с. 419).

Такими видятся в самых общих чертах особенности перехода от социализма к капитализму в странах бывшего восточного блока. Везде этот процесс при сходных общих чертах происходил со своими особенностями. Страны региона не только в большинстве своем создали особый тип капитализма — так называемый зависимый рыночный капитализм, — но во многом различаются между собой. Можно сказать, что более-менее единый регион бывшего восточного блока вновь распался на более преуспевающую Центральную Европу и отстающие Балканы. Но и внутри этих подрегионов страны достаточно сильно различаются. Возможно, работе как раз и не хватает типологического сравнения этих стран, компаративистской аналитики, которая могла бы составить отсутствующую заключительную главу книги. В целом же наряду с трудом Института славяноведения РАН, в котором рассматривается политическое развитие Центральной и Юго-Восточной Европы в последние годы⁵, новая работа

Института экономики РАН, несомненно, увеличила наше знание об этом регионе, заставила нас вновь задумываться о России, определила новые направления научных исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Постсоциалистический мир: итоги трансформации. В 3 т. / под общ. ред. С. П. Глинкиной. Т. 1. Центрально-Восточная Европа; отв. ред. Н. В. Куликова. СПб., 2017.

2 Книга подготовлена научным подразделением этого института, которое раньше представляло собой самостоятельный Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР, переименованный затем в Институт международных экономических и политических исследований РАН.

3 См.: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX в. В 3 т. Т. 3 / гл. ред. А. Д. Некипелов. Трансформации 90-х годов. Часть I-2 / отв. ред. С. П. Глинкина. М., 2002; Страны Центрально-Восточной Европы — новые члены Европейского союза: проблемы адаптации / под ред. С. П. Глинкиной, Н. В. Куликовой. М., 2010.

4 О термине «Центрально-Восточная Европа» подробнее см.: *Никифоров К. В.* Н. Алексун, Д. Бовуа, М.-Э. Дюрклё, Е. Ключовский, Г. Самсонович, П. Вандич. История Центрально-Восточной Европы. СПб., 2009. 1120 с. // *Славяноведение*. 2010. № 1. С. 98–101.

5 Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI в. Аспекты общественно-политического развития / отв. ред. К. В. Никифоров. М; СПб., 2015.

K. V. Nikiforov

The postsocialist world of Europe quarter a century later

The review on the book “The Postsocialist World: The results of the transformation. Central and Eastern Europe” analyses two of its parts: the general outline of the region and the one with the scope on different countries. As a whole the transformation of the countries and their entering the EU are treated ambiguously by the authors: there are undoubted achievements, however, there are also serious outgoings. Anyway, the results of the reforms were far from expected.

Keywords: *transformation, postsocialist world, economic reforms, European integration.*

К. В. Шевченко
(Минск)

Новый обобщающий труд по истории Карпатской Руси и русинов

В рецензии содержится подробный анализ опубликованной недавно монографии известного канадского историка-слависта П. Р. Магочи, посвященной истории карпатских русинов. Данная монография является одним из наиболее фундаментальных обобщающих трудов по истории и культуре карпатских русинов и вносит огромный вклад в развитие данной отрасли славяноведения.

Ключевые слова: *П. Р. Магочи, русины, Карпатская Русь, история, культура.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.4.02

Опубликованный в 2015 году в издательстве Центрально-Европейского университета в Будапеште фундаментальный труд известного канадского историка-слависта, профессора Университета Торонто Пола Роберта Магочи «*With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns*»¹ стал самым заметным событием в мировой русинистике последних лет. Помимо чисто академического значения, данный труд имеет и колоссальную символическую ценность. В ходе «национальных возрождений» славянских народов важную роль играло появление фундаментальных обобщающих трудов по истории, призванных легитимизировать право данного народа на существование, определив его место в иерархии других народов. Капитальный обобщающий труд авторитетного канадского ученого-слависта призван поставить точку в еще тлеющем споре о том, являются ли карпатские русины самостоятельным народом или же только этнографической частью украинцев.

Важной чертой работы Магочи является то, что история Карпатской Руси и ее коренного восточнославянского населения органично интегрирована в общеевропейский исторический ландшафт и рассматривается в широком общественно-политическом и социокультурном контексте истории тех стран Центральной Европы, в состав которых в разное время входили исторические земли Карпатской Руси. Еще один существенный плюс работы состоит в том, что автор рассматривает многочисленные дискуссионные сюжеты в истории данного региона

с присущей ему деликатностью, делая акцент на фактологической стороне проблемы. Во введении автор поясняет, что предметом его изысканий является и Карпатская Русь как определенная исторически сложившаяся географическая область, и карпатские русины как населяющий ее народ; при этом книга охватывает и те страны, в которых исторически сложилась многочисленная диаспора карпатских русинов (США, Канада, Сербия, Хорватия и др. страны). По определению самого автора, «Карпатская Русь — это область исторического проживания карпатских русинов» (р. 5), то есть те земли, где русины проживали вплоть до массовых депортаций или массовой ассимиляции населения, имевших место в основном в середине и второй половине XX века (р. 5).

Первая глава книги профессора Магочи имеет обзорный характер и посвящена карпатским русинам как народу и географическим особенностям Карпатской Руси. Вторая и третья главы книги повествуют об историческом развитии территории Карпатской Руси в доисторические времена и о появлении славян в данном регионе. Большое внимание уделено археологическим культурам железного века на территории Карпатской Руси, в частности кельтской латенской культуре и кельтской колонизации карпатского региона (р. 19). Затрагивая сложный вопрос об этногенезе славян, Магочи приводит общепринятое среди большинства специалистов мнение о том, что формирование славянской этноязыковой общности имело место в области от северных склонов Карпат до бассейна реки Припять (р. 26–27). Любопытны рассуждения автора о латентном присутствии славянского этнического элемента среди скифов, сарматов и других известных в античных источниках народов. «Североиранские племена скифов в значительной степени состояли из славянских земледельцев, — пишет Магочи, тем самым солидаризируясь с мнением известного отечественного историка и археолога Б. А. Рыбакова, который усматривал предков славян среди скифов-пахарей, упоминаемых Геродотом². — Время от времени славянское “большинство” ассимилировало иранские, германские, позже тюркские племенные элиты, сохраняя [...] имя этой элиты» (р. 28). Затрагивая вопрос о предках славянского населения карпатского региона — белых хорватах, профессор Магочи обращает внимание на то, что после распада империи гуннов во второй половине V века «одно из иранских кочевых племен из украинских степей, известное под именем хорватов, откочевало на запад, подчинив славянских земледельцев к северу от Карпат [...] В итоге возник большой племенной союз, известный в письменных

источниках как [...] Белая Хорватия. [...] Происхождение, этнический состав, само существование белых хорватов остается предметом споров, — констатирует автор, — но вследствие их предполагаемого пребывания в Карпатах во многих трудах по истории Карпатской Руси славянские белые хорваты считаются ранними предками карпатских русинов» (р. 29).

Автор прослеживает обстоятельства прихода кочевых мадьярских племен на Паннонскую равнину в 890-е годы, последующее образование Венгерского королевства и постепенную инкорпорацию в его состав русинского населения к югу от Карпатского хребта, в то время как карпатские русины к северу от Карпат вошли в состав Польши. Затрагивая вопрос об отношениях Карпатской и Киевской Руси, Магочи отмечает, что часть территории Карпатской Руси несколько раз входила в состав соседнего Галицкого княжества. В целом Магочи делает акцент на этнокультурной и конфессиональной самодостаточности и самобытности Карпатской Руси, указывая на то, что славяне населяли Дунайско-Карпатский регион с V–VI веков и восточное христианство жители Карпатской Руси приняли в IX веке. «Истоки Карпатской Руси, — заключает профессор Магочи, — надлежит искать прежде всего в самой Карпатской Руси» (р. 51). Анализируя реформацию, контрреформацию и их влияние на население Карпатской Руси в шестой главе книги, Магочи обращает внимание на то, что идея церковных уний, предполагавшая переход под юрисдикцию папы римского при сохранении православных обрядов, возникла в общем контексте контрреформации в Речи Посполитой, возглавлявшейся иезуитами (р. 79). По словам автора, «брестская модель церковной унии 1596 г.» была использована полстолетия спустя в той части Карпатской Руси, которая входила в состав Венгрии (р. 81). Хотя принятие унии изначально предполагало полное сохранение православной обрядности, включая использование церковнославянского языка в литургии и причащение под двумя видами, впоследствии «римско-католическое влияние проникло в греко-католическую церковь и стало проявляться даже на уровне сельских приходов» (р. 86). Констатируя постепенную латинизацию греко-католической церкви, автор подчеркивает, что «к XX в. греко-католическая “промежуточная церковь” становилась все более католической, нежели православной» (р. 86). Большое место уделено турецкому завоеванию Венгрии и последующей борьбе за венгерские земли между католической Австрией, протестантской Трансильванией и Оттоманской империей в XVII — начале XVIII в., тем более, что самые ожесточенные сражения имели

место в населенных русинами северо-восточных областях Венгрии. Повествуя о многочисленных преследованиях местного населения со стороны австрийской администрации на освобожденной от турок территории, Магочи не без иронии замечает, что «для многих в Венгрии их габсбургские “освободители” были хуже, чем турецкие оккупанты» (р. 89).

Анализируя эпоху Просвещения в Австрии и реформы Марии-Терезии (1740–1780) и ее сына Иосифа II (1780–1790), Магочи подчеркивает их полезность для карпатских русинов; именно поэтому данные австрийские императоры оставили «благоприятный след в истории русинов» (р. 97). Автор позитивно оценивает шаги Марии-Терезии, направленные на упорядочивание отношений между феодалами и крестьянами. Церковные преобразования в терезианскую и йозефинскую эпоху, по словам Магочи, «не оставили позитивных воспоминаний для римско-католической и православных церквей, однако для униатов это стало решительным поворотом к лучшему. В церковно-правовом отношении особенно важную роль сыграл декрет Марии-Терезии (1771 г.), отменявший зависимость униатских епископов от римско-католических епископов в г. Эгер и устанавливавший независимую в юридическом отношении Мукачевскую епархию» (р. 100). Значение Мукачевской греко-католической епархии особенно возросло в период деятельности епископа А. Бачинского (1773–1809), который сумел добиться повышения образовательного и интеллектуального уровня русинского духовенства своей епархии. Именно в терезианскую эпоху, по словам автора, формируется «карпаторусинская историческая идентичность». Автор связывает это с появлением в 1749 г. первой истории карпатских русинов, написанной на латинском языке священником-иезуитом словацкого происхождения А. Ф. Колларом, приближенным Марии-Терезии. Данный труд, написанный с целью обоснования независимости Мукачевской епархии от римско-католического епископа в Эгере, подчеркивал, что русины «были коренным народом Дунайского бассейна, что они приняли христианство в IX веке непосредственно от святых Кирилла и Мефодия и что в Средние века существовало их княжество “Русь”» (р. 103). Русинская историография получила дальнейшее развитие в трудах И. Базилевича и М. Лучкая в первой половине XIX века. Отмечая подъем интеллектуальной и образовательной деятельности среди карпатских русинов в первой половине XIX в., Магочи, однако, констатирует, что эта деятельность осуществлялась отдельными лицами, «часто изолированными друг от друга. По сути, организованной карпаторусинской

гражданской и культурной жизни еще не существовало...» (р. 105).

В это время ряд русинских интеллектуалов начинает задумываться над местом карпатских русинов в славянском мире и о значении термина «Русь». Эти размышления привели русинских мыслителей к вопросу о том, являются ли карпатские русины «частью великороссов, малороссов или же вместе с ними они составляют единый русский народ?» (р. 104). Возросшие контакты с Россией, успешная карьера ряда карпато-русских ученых в России (И. Орлай, Ю. Венелин, М. Балудянский, П. Лодий) и общение с российскими учеными способствовали распространению среди карпатских русинов идей общерусского единства, при этом зачастую именно карпаторусские ученые были изначальными носителями подобных идей, транслируя их на представителей российского общества.

Революционные события в Австрии в 1848 г. и их влияние на карпатских русинов подробно представлены автором на фоне этнокультурных процессов в Венгрии, наиболее важные сюжеты которых изображены ярко и убедительно. В ходе революционных событий 1848–1849 гг. А. Добрянским была сформулирована первая политическая программа карпатских русинов, представленная императору Францу-Иосифу в январе 1849 г. Главный пункт программы предусматривал создание в реформированной Австрийской империи отдельной русинской административной единицы, объединяющей угорских русинов с русинами Галиции и Буковины (р. 121). В октябре 1849 г., после подавления венгерской революции, Добрянский подал вторую петицию Францу-Иосифу, предлагая признать русинский народ в Венгрии и образовать отдельную административную единицу с чиновниками из числа русинов и с использованием русинского языка в школах и местной администрации (р. 121). Идя навстречу данным пожеланиям, Вена образовала отдельный округ с центром в Ужгороде, русинский язык был введен как предмет в средние школы; были установлены трехязычные публичные надписи на русинском, венгерском и немецком языках (р. 123). Значение данного события Магочи усматривает в том, что «хотя Ужгородский округ просуществовал с октября 1849 по март 1850 г., стремление к автономному самоуправлению [...] оставалось составной частью карпаторусинской политической повестки дня на последующие полтора столетия...» (р. 124).

Более значимыми были культурные достижения русинов, толчком для которых стала революция 1848 г. Давая характеристику деятельности главного представителя русинского возрождения XIX в. А. Духновича и его литературным трудам, профессор Магочи об-

ращает внимание на то, что «Духнович был склонен ассоциировать свой карпаторусинский народ с Россией [...] Духнович и политический активист русинов Добрянский, — отмечает Магочи, — оба были русофилами; они считали карпатских русинов частью русского народа и рассматривали Российскую империю и ее царя как лучших гарантов христианской веры восточного обряда и единственной силой, способной спасти от опасности мадьяризации. [...] Неудивительно поэтому, что Духнович, Добрянский и их последователи считали, что русский язык являлся наиболее подходящим литературным языком для карпатских русинов» (р. 124). Однако, несмотря на резко возросшую активность в общественной и культурной жизни, русинское возрождение в XIX в., как замечает автор, имело поверхностный характер. «То, что стало именоваться “первым карпаторусинским национальным возрождением”, осталось плодом трудов лишь нескольких лиц, которые на протяжении короткого двадцатилетнего периода (1848–1867) не смогли существенным образом повлиять на неграмотные массы» (с. 128). Некоторые успехи, достигнутые карпатскими русинами на ниве культуры в период своего «первого национального возрождения» (1848–1867), Магочи склонен объяснять удачным для них стечением политических обстоятельств, когда венгерская элита была полностью подчинена Вене, а австрийские власти по тактическим соображениям были склонны к частичной поддержке карпатских русинов против венгерского движения (р. 128).

Положению Карпатской Руси в составе Австро-Венгрии в 1868–1914 гг. посвящена десятая глава книги. После «аусгляйха» 1867 г. и трансформации Австрийской империи в Австро-Венгрию австрийская и венгерская части Дунайской монархии развивались по разным сценариям, что имело непосредственное влияние на положение карпатских русинов в Австрии и Венгрии. По мнению автора, русины Лемковины в Западной Галиции «извлекали определенную пользу от относительно толерантной политики управлявшейся австрийцами Галиции. В то же время русины на южных склонах Карпат подвергались возрастающему давлению все более жесткой политики венгерского правительства в отношении к своим нацменьшинствам» (р. 129). Этнокультурное положение русинов Галиции осложнилось появлением во второй половине XIX в. трех национальных ориентаций — старорусинов, русофилов и украинофилов.

В отличие от австрийской части Дунайской монархии, в Венгрии после 1867 г. положение невенгерских народов резко ухудшилось. Раскрывавшая пружины успешной мадьяризации интеллигенции угорских

русинов, Магочи отмечает, что политика мадьяризации была особенно востребована значительной частью греко-католического духовенства Угорской Руси, охотно поддерживавшей курс властей на мадьяризацию. Так, «некоторые греко-католические епископы Прешовской и Мукачевской епархий (Н. Товт, Ш. Панкович, А. Папп) относились к числу наиболее рьяных сторонников мадьяризации» (р. 137). Часть мадьяризованной карпаторусской интеллигенции инициировала процесс замены церковнославянского языка литургии в грекокатолической церкви венгерским языком. По словам Магочи, «хотя это нарушало постановление Ватикана [...], карпаторусинские мадьяризаторы достигли своей цели» (р. 137). Общественная и культурная атмосфера в Угорской Руси в конце XIX — начале XX века характеризовалась как резким усилением мадьяризации, так и упадком тех патриотических сил, которые пытались продолжать традиции А. Духновича и карпаторусского возрождения середины XIX в. Так, А. Добрянский был лишен места в венгерском парламенте в 1869 г. и под давлением епископа-мадьярона Ш. Панковича в 1871 г. оставил должность главы Общества св. Василия Великого в Ужгороде (р. 139). Под давлением венгерской администрации Общество св. Василия Великого — последняя культурная организация угорских русинов — прекратила свое существование в 1902 году (р. 140).

Распространение православия среди карпаторусской диаспоры в Америке имело самое непосредственное влияние на население Карпатской Руси. Отмечая, что ряд организаций в России, прежде всего петербургское Галицко-русское благотворительное общество, оказывали финансовую поддержку карпаторусским православным общинам в США, Магочи подчеркивает, что русины, возвращаясь на родину, «привозили с собой деньги и литературу для распространения православия. Неудивительно, что австро-венгерские власти проявляли все большую обеспокоенность тем, что они воспринимали как русскую угрозу с востока в форме пропаганды переходов в православие» (р. 165). Обеспокоенные данным процессом, венгерские власти «под влиянием жалоб со стороны греко-католического епископа в Мукачево» попытались «связать переход в православие, что было легальным в правовом отношении, с предполагаемой лояльностью к другому государству — Российской империи, что могло преследоваться как измена» (р. 165). В итоге венгерские власти устроили два судебных процесса в г. Сигете, административном центре Марамороша, над перешедшими в православие русинскими крестьянами. На первом процессе в 1904 г. два десятка перешедших в православие крестьян

из села Иза были признаны виновными в «нелегальном» переходе в православие. Второй процесс, состоявшийся в 1913–1914 гг., привел к осуждению 32 из 94 привлеченных к суду крестьян. Магочи указывает на то, что хотя официальная венгерская перепись 1910 г. зафиксировала 1786 православных в комитатах Берег и Мараморош, по некоторым оценкам, реальное число православных в это время на территории Карпатской Руси составило около 30 000 человек (р. 165).

Оправданно большое внимание в книге уделено положению Карпатской Руси во время Первой мировой войны, чему посвящена двенадцатая глава книги. В книге детально описываются события, удачно названные автором «войной против карпаторусинского гражданского населения»; при этом профессор Магочи отмечает, что поводом для внесудебных расправ и массовых убийств русинов солдатами австро-венгерской армии часто было их самоназвание «русский» или «русин». По словам автора, особой жестокостью по отношению к русинам Галиции отличались венгерские гонимые (р. 172).

Анализируя окончание Первой мировой войны и становление нового устройства Европы в 1918–1919 гг., профессор Магочи прослеживает деятельность карпаторусинской диаспоры в Америке, солидаризируясь с мнением известного американского историка словацкого происхождения В. Маматея о том, что «русинские иммигранты в Америке преопределили судьбу своих соотечественников на родине, что является уникальным примером влияния иммигрантских групп в Америке на политическую историю в Европе» (р. 177). Магочи отмечает, что первое проявление политической активности американских русинов — созданный в 1917 г. Союз освобождения Прикарпатской Руси — выступал за объединение русинских земель Австро-Венгрии с демократической Россией (р. 177). Однако вследствие последовавших вскоре революционных потрясений в России данный сценарий утратил актуальность. В итоге русинские области к югу от Карпат вошли в состав Чехословакии, а область русинов-лемков в Западной Галиции — в состав Польши.

Обоснованно большое внимание в книге уделено положению Подкарпатской Руси в межвоенной Чехословакии. Давая оценку чехословацкому государству, возникшему в 1918 г., Магочи обращает внимание на его многонациональный характер, что в демографическом отношении делало Чехословакию «габсбургской империей в миниатюре» (р. 191). При этом автор книги подчеркивает, что в отличие от других стран Центральной и Восточной Европы, где к 1930-м годам установились «авторитарные диктатуры», Чехослова-

кия сохранила либерально-демократическое устройство, что имело позитивное влияние на проживавших здесь русинов (р. 193). Отмечая весьма высокие ожидания русинов от вхождения в состав Чехословакии, канадский профессор подчеркивает, что первоначально существовавший «политический медовый месяц между карпаторусинскими политическими активистами и чехословацким правительством быстро прошел». Причиной этого стал конфликт вокруг вопросов об административной границе между Подкарпатской Русью и Словакией, которая оставила значительное число русинов в составе Словакии, и о предоставлении Подкарпатья широкой автономии, предусмотренной Сен-Жерменским мирным договором 1919 г. (р. 194). Однако, несмотря на существующие проблемы, Магочи подчеркивает, что «Подкарпатская Русь имела особый статус в составе Чехословакии [...] С самого начала Подкарпатская Русь трактовалась как земля русинов, язык которых имел статус официального средства коммуникации наряду с чешским. Провинция имела свой гимн [...] и подкарпато-русский герб, который использовался в официальных публикациях и правительственных документах. Все это, — обоснованно заключает профессор Магочи, указывает на то, что карпатские русины определенно могли рассматриваться, наряду с чехами и словаками, как один из титульных народов Чехословакии» (р. 198). Это резко отличало положение карпатских русинов в межвоенной Чехословакии от положения русинов-лемков в Польше в лучшую сторону. Наиболее проблемным аспектом общественной жизни Подкарпатья в составе межвоенной Чехословакии Магочи считает вопрос языка и национальной идентичности (р. 212). По словам историка, в демократических условиях Чехословакии местное славянское население получило свободу в решении вопроса о своей национальной принадлежности; при этом «население испытывало влияние со стороны эмигрантов из бывших габсбургских провинций Буковины и Галиции, которые являлись либо украинофилами (И. Панькевич, В. Бирчак), либо русофилами (И. Цурканович, А. Гагатко, братья Геровские). К борьбе между интеллектуалами украинофильской и русофильской ориентаций добавилось третье, русинофильское течение, считавшее местное восточнославянское население не русскими или украинцами, а отдельным карпаторусинским народом» (р. 212). Русофилы и украинофилы имели собственные культурно-просветительские организации и прессу; «наименее развитым было русинофильское направление, которое стало с достаточной ясностью заявлять о себе лишь с середины 1930-х годов, когда грекокатоличе-

ский епископ Александр Стойка стал финансировать еженедельник “Неделя” (1935–1938)» (р. 213).

Отдельные главы книги посвящены положению русинов в Прешовском регионе Восточной Словакии и положению русинов-лемков в межвоенной Польше, где они оказались в роли национальных меньшинств. Положение русинского меньшинства в Словакии, по словам Магочи, характеризовалось тремя главными факторами: «1. Политические противоречия по поводу объединения с Подкарпатской Русью и постоянные трения со словаками по вопросам политической лояльности, переписей и языка преподавания в школах. 2. Тяжелое экономическое положение, ухудшившееся после депрессии 1930-х годов. 3. Культурное возрождение, поставившее проблему поиска национальной идентичности» (р. 219). Важной особенностью русинов Прешовского региона Словакии, как отмечает Магочи, было существование только двух национальных ориентаций — русофильской и русинофильской; при этом «зачастую было сложно провести между ними четкую границу. Оба направления заявляли о себе как о “карпаторусских”, поддерживали традиции национальных лидеров XIX века Духновича и Добрянского и противостояли введению “искусственного украинского жаргона” из Галиции...» (р. 229).

Особенностью Лемковины, вошедшей в состав межвоенной Польши, было доминирование среди местных русинов «старорусинской и русофильской национальных ориентаций» (р. 237). Вместе с тем резко возросло украинизационное давление на русинов-лемков из соседней Восточной Галиции. Недовольство латинизаторской и украинизаторской деятельностью руководства Перемышльской епархии вызвало среди русинов-лемков активизацию движения за переход в православие. Так, к середине 1930-х годов «число православных достигло примерно 18.000, что составило около 14% всего карпаторусинского населения на Лемковине» (р. 236). Магочи детально прослеживает развитие национального движения русинов-лемков в межвоенный период, замечая, в частности, что первоначально в первой половине 1930-х годов движение русинов-лемков поддерживалось польской администрацией как противовес украинскому национальному движению в Галиции (р. 238).

Автор не ограничивает свой анализ положения русинов в межвоенный период только теми частями Карпатской Руси, которые вошли в состав Чехословакии и Польши. Отдельная пространная глава (17) посвящена положению русинских диаспор в Румынии, Венгрии, Югославии и США в 1919–1938 гг.

Большое внимание в книге автор уделяет драматичным событиям 1938–1939 гг., когда после конференции в Мюнхене в сентябре 1938 г. и последующего расчленения Чехословакии Подкарпатская Русь получила долгожданную автономию, которой русинские лидеры всех ориентаций добивались в течение всего межвоенного периода. Канадский историк подчеркивает, что первое правительство автономной Подкарпатской Руси, просуществовавшее всего 15 дней, возглавил русофил А. Бродий; при этом данное правительство «критиковало межвоенный чехословацкий режим за его проукраинскую и антирусскую образовательную и культурную политику» (р. 271). Однако провенгерская ориентация Бродия и его связи с Будапештом привели к отставке его кабинета и аресту самого Бродия. 26 октября 1938 г. Прага назначила новое правительство Подкарпатской Руси во главе с А. Волошиным, что стало «началом доминирования украинской ориентации в политической жизни автономной провинции» (р. 273). Магочи обращает внимание на то, что в начале ноября 1938 г. правительство Волошина создало военизированную организацию «Карпатская Сечь»; большинство из примерно 2000 ее членов прибыли в Подкарпатскую Русь из соседней Галиции (р. 274). Отличительной чертой режима Волошина были его оживленные контакты с нацистской Германией. Доминирование украинофилов привело к росту репрессий против местных русофилов; так, 20 ноября 1938 г. по приказу Волошина был создан «лагерь Думен у г. Рахов, который управлялся представителями Карпатской Сечи и в котором находились беженцы из Галиции и местные активисты-руссофилы, отказавшиеся принять украинскую ориентацию режима Волошина» (р. 276). После провозглашения независимости Словакии словацким парламентом по указанию Берлина 14 марта 1939 г. сейм Карпатской Украины в Хусте также провозгласил независимость вечером 14 марта 1939 г. В этот же день по согласованию с Берлином венгерские войска начали оккупацию Карпатской Украины. 15 марта 1939 г. в условиях приближающейся венгерской армии Волошин созвал сейм Карпатской Украины, который утвердил независимость и избрал Волошина президентом Карпатской Украины. Однако уже на следующий день венгерская армия вступила в Хуст, вскоре установив контроль над всем Подкарпатьем; Волошин со своим кабинетом бежал из страны. «Таким, — заключает Магочи, — был конец автономной Карпатской Украины и ее “однодневной республики”» (р. 278).

В отдельной главе рассматривается положение всех земель, населенных карпатскими русинами, во время Второй мировой войны.

Вошедшая в состав Венгрии Подкарпатская Русь так и не получила от Будапешта ожидаемой автономии. Национальная политика венгерской администрации в Подкарпатской Руси была направлена на поддержку русинофильской ориентации. Созданный венграми институциональный фундамент русинофильской ориентации в виде различных организаций и печатных изданий был призван «убедить коренное восточнославянское население в том, что оно является отдельным “угро-русинским” народом, история и культура которого тесно связаны с Венгрией» (р. 288).

Серьезное внимание в труде канадского историка уделено положению русинских земель в 1944–1945 гг. Анализируя механизм инкорпорации Подкарпатской Руси в состав СССР и УССР, Магочи подчеркивает, что Сталин, решив включить Подкарпатье в состав СССР, но будучи связан договором о восстановлении Чехословакии в домюнхенских границах, задействовал инициативу снизу, опираясь на местных коммунистов и советскую военную администрацию. Созданные на территории Подкарпатя «народные комитеты» к ноябрю 1944 г. оказались под контролем местных коммунистов, которые на конференции 19 ноября 1944 г. приняли резолюцию о необходимости «воссоединения Закарпатской Украины с Советской Украиной» (р. 295). 26 ноября 1944 г. 663 делегата, представлявших 80% сел Подкарпатской Руси на съезде в Мукачево, где представленные в качестве гостей «сотрудники НКВД и военной контрразведки СМЕРШ в атмосфере запугивания единогласно ратифицировали и подписали манифест о воссоединении Закарпатской Украины с ее великой матерью, Советской Украиной...» (р. 295).

В отдельной главе (22) Магочи подробно описывает положение Закарпатя в составе УССР в 1945–1991 гг., уделяя особое внимание специфике советской социополитической модели, насильственной коллективизации, индустриализации, запрету греко-католической церкви, а также советской этнокультурной политике, которая, в частности, выразилась в том, что «после 1946 г. карпаторусинская национальность перестала существовать в Советском Закарпатье. Тот, кто хотел заявить о данной идентичности, рассматривался как потенциальный или реальный антисоветчик-контрреволюционер» (р. 314).

Остановившись на положении русинов Прешовского региона Словакии в 1945–1989 гг., Магочи отмечает, что созданная в Прешове 1 марта 1945 г. Украинская народная рада Пряшевщины была первой организацией данного региона, в названии которой использовалось слово «украинский»; до этого все организации русинов Прешовской

области предпочитали использовать этноним «русский» (р. 321). Хотя в соответствии с советской моделью русинское население Прешовского региона было объявлено украинским, тем не менее в местных школах «языком обучения был не украинский, а русский язык; газеты и организации назывались украинскими, но языком письменной коммуникации и образования оставался русский язык» (р. 323). Лишь после прихода к власти в Чехословакии коммунистов в феврале 1948 г. началась жесткая политика украинизации русинов Восточной Словакии в соответствии с советской моделью, что предполагало административный запрет русинской национальности, провозглашение русинов украинцами, запрет греко-католической церкви и переход с русского на украинский язык преподавания в местных русинских школах. При этом, по словам Магочи, местная русинская интеллигенция «ощущала себя русской, а сельское население продолжало именовать себя руснаками» (р. 326). Проблема русофильски настроенной русинской интеллигенции Восточной Словакии состояла в том, что она должна была «пройти переподготовку, то есть стать национально сознательными украинцами и социально сознательными марксистами. Далеко не все местные активисты, — замечает Магочи, — хотели или были способны осуществить подобную трансформацию...» (р. 327).

Подобная политика резко ускорила ассимиляцию русинов Словакии. Как указывает автор, «многие решили, что если они не могут идентифицировать себя как русины и иметь свои русские школы, то тогда лучше быть словаком, чем украинцем» (р. 328). Словакизация русинов Словакии, таким образом, являлась реакцией местного русинского населения на насильственную кампанию украинизации со стороны властей социалистической Чехословакии. Если в 1930 г. число русинов в Словакии составляло 91079 человек, то в 1961 г. число тех, кто считал себя украинцем, упало до 35435 (р. 329). Однако причины ассимиляции русинов Прешовского региона Словакии, как подчеркивает Магочи, не ограничивались только национальной политикой властей. Колоссальную роль играла возросшая социальная мобильность населения, «связанная с возросшим уровнем жизни населения в последние четыре десятилетия коммунистического правления» (с. 334).

Наиболее трагичной в послевоенные годы стала судьба русинов-лемков, которые подверглись двойной депортации, лишившись в итоге своей родины. В соответствии с договором об обмене населением между СССР и Польшей, подписанным в сентябре 1944 г., с ноября 1944 по сентябрь 1946 г. около 80000 русинов-лемков были переселены на территорию Советской Украины (р. 303). Оставшаяся часть

русинов Лемковины (около 35 000) была депортирована польскими властями в западные регионы Польши в рамках операции «Висла» с апреля по август 1947 г. под предлогом борьбы с отрядами УПА. Как отмечает Магочи, «в результате “добровольного” переселения на Советскую Украину и последующей насильственной депортации в 1947 г. не менее 47 русинских деревень на Лемковине полностью обезлюдели, перестав существовать [...] Операция “Висла” положила конец русскому облику Лемковины...» (с. 337).

Отдельные главы книги затрагивают положение русинов Польши и Словакии, а также русинские диаспоры в посткоммунистический период, начавшийся с 1989 г. Автор анализирует процесс возрождения русинской национальной жизни в Словакии и в Польше, останавливаясь на результатах переписей и деятельности местных русинских организаций. Если перепись 2001 г. в Словакии зафиксировала 24 200 тех, кто указал русинскую национальность, то перепись 2011 г. зарегистрировала уже 33 500 русинов, при этом число указавших русинский язык в качестве родного составило 55 500 человек (р. 385). В отличие от Словакии и Польши, русины украинского Закарпатья оказались в более тяжелом положении, так как украинские власти так и не признали русинов как отдельный народ. По словам Магочи, «украинские идеологи [...] трактовали стремление “создать” из русинов отдельный народ как политически инспирированные попытки подорвать Украину как государство...» (р. 367). Ответом официального Киева на русинское движение было принятие в октябре 1996 г. президентом Украины Кучмой документа под названием «План по решению проблемы украинцев-русинов». Как справедливо замечает автор, данный план «по названию и содержанию напоминает сталинскую советскую практику и призывает украинское правительство предпринять меры по усилению украинской национальной идеи не только среди восточнославянского населения Закарпатья, но и в соседних странах...» (р. 367).

Завершающая, 30-я, глава книги отвечает на поставленный автором вопрос о том, является ли Карпатская Русь реальностью или только идеей. По мнению автора, в известном смысле Карпатская Русь является и тем, и другим. Размышляя об особенностях третьего русинского возрождения, начавшегося в 1989 г., Магочи выделяет его межрегиональный характер, подчеркивая, что «впервые после Первой мировой войны карпатские русины из всех стран получили возможность постоянно встречаться и координировать свою культурную работу» (р. 408). Уникальность современного русинского возрождения,

по мнению Магочи, состоит в том, что «никогда прежде карпатские русины не действовали в таких политических и социально-экономических условиях, которые не только позволяли, но даже, за исключением условий в одном государстве, поддерживали развитие их особой культуры и языка» (р. 412).

Не будет преувеличением оценить книгу профессора П. Р. Магочи «*With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns*» как наиболее зрелый, глубокий и профессионально выполненный обобщающий труд по истории Карпатской Руси и русинов. Эта работа наверняка вызовет интерес не только у славистов, но и у более широкой международной аудитории. Данный труд уже переведен на словацкий язык. Было бы полезно, если бы увидели свет и переводы этой книги на другие языки, прежде всего на языки тех стран, где проживает русинская диаспора.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Magocsi P. R. With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest; New York, 2015. 511 p.*
- 2 См.: *Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993.*

K. V. Ševčenko

A new handbook on the history of Carpathian Ruthenia and Rusyns

Article explores the most recent monograph written by well-known Canadian Historian, expert in Slavonic Studies professor Paul Robert Magocsi and devoted to History and Culture of Carpathian Rusyns. This monograph is one of the most fundamental and comprehensive academic works in Carpatho-Rusyn Studies and can be considered as an extremely important and valuable contribution to this branch of Slavonic Studies.

Keywords: *P. R. Magocsi, Rusyns, Carpathian Rus', History, Culture.*

И. А. Седакова
(Москва)

**О специях, вкусах и запахах на Балканах:
новая книга по этнолингвистике**

В новой книге болгарской этнолингвистики Майи Александровой подробно исследуется этимология и метафорическое значение терминов, используемых для балканских специй и основных вкусовых и одорических характеристик.

Ключевые слова: *балканистика, этнолингвистика, этимология, травы, вкус, запах.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.4.03

Болгарская балканистика пополнилась новым монографическим исследованием по этимологии, семантике и метафорике лексики вкусового восприятия, специй и приправ¹. Автор книги Майя Александрова — балканист-этнолингвист, специалист по сопоставительному языкознанию — в качестве центральной темы выбрала одну из наиболее «балканистических» лексических сфер — кулинарию, специи, которая, к тому же, предоставляет широкие возможности для этнолингвистического анализа. Эта область в последнее время привлекает всё большее внимание исследователей (проводятся регулярные конференции в Болгарии, Хорватии, в России прошли Балканские чтения) «Пять чувств *sub specie* балканской картины мира»²), однако специального исследования пока что не публиковалось.

Книга М. Александровой состоит из двух больших частей: «Вкусы и запахи» (с делением на основные вкусы, которые передаются болгарскими лексемами, и разделом об ароматах и лексемах обфакторного восприятия) и «Специи» (с алфавитным перечнем 33 основных приправ, распространенных в Болгарии, на Балканах и соседних странах). В первой части рассматриваются родовой термин «вкус», а затем видовые — «солёный», «сладкий», «кислый», «горький», «острый» вкусы. Отметим, что градация вкусов у разных народов отличается. Так, например, болгарской *кисел* не в полном семанти-

Авторская работа выполнена в рамках проекта «Язык и культура в полиэтничных и поликонфессиональных сообществах Юго-Восточной Европы XXI века: междисциплинарное исследование» (программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные сообщества: понимание и управление»).

ческом объеме совпадает с 'кислый' в русском и ряде других языков (с. 80–85). Еще больше отличий можно увидеть во фразеологии и в народных представлениях, что находит отражение в медицинских ритуалах, в окказиональных актах, в календарном использовании блюд с определенным вкусом, в семейном цикле ритуалов. Добавим, что привлечение фразеологического материала — значительное достоинство рецензируемой монографии.

Во второй части М. Александрова подробно останавливается на приправах преимущественно растительного происхождения, и так же, как и со вкусами и запахами в первой части, она движется от родового обозначения *подправка* к конкретным специям. Каждая приправа дается в виде своеобразного этнолингвистического портрета, который строится по единой модели: латинский термин, болгарские диалектные наименования, соответствующие балканские и славянские лексемы, термины из других языков (англ., нем., фр., ит., исп. и др.), происхождение специи, этимологические заметки, вид, свойства, вкус, запах, применение (в быту и в медицине), символика (см. *Джоджен* «дикая мята», с. 195–197). Некоторые из описываемых приправ не так частотны в языке и культуре питания болгар, их названия сугубо диалектны, а сами специи не так распространены в болгарской кухне. Так, например, *Див керевиз* «вид дикого сельдерея», лат. *Antriscus cerefolium* (с. 198–200), не входит в основной список болгарских специй, редко (буквально единично) упоминается и его употребление. Однако народных обозначений этого растения множество — М. Александрова публикует значительный список диалектных названий: *азмацук, grosулица, кервел* и др., что отражает известный факт трудности атрибуции растений и их соотнесения с одним термином. Однако не все слова этимологизируются автором, особенно что касается диалектной лексики: так, для *шушан, силина* нет лингвистических комментариев (с. 199). Использование этой специи в народной культуре болгар практически не фиксируется, поэтому Александрова дает примеры из других европейских кулинарных традиций. Сведение о том, что запах листьев этого растения напоминает аромат смирны и как следствие соотносится с Воскресением Христа и потому используется на Пасху, кажется современным изобретением традиции, тем более что ссылка на информацию берется из интернета (*Strelizia-bg.com*).

Безусловно, специи неравномерно представлены в болгарской и балканской кухне — так, например «чеснок», «лук», «мята» и др. вполне могут быть темой отдельного исследования. Однако сам спи-

сок вкусов, запахов и приправ, их этимология и интерпретация, метафорического развития и символического использования — безусловная заслуга автора книги. В целом, систематизация знаний о вкусах, запахах и приправах на Балканах и в других соседних странах — очень важна, поэтому книга М. Александровой может послужить для дальнейших сопоставительных или более углубленных исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Александрова М.* Вкусове, миризми, подправки. Между лингвистиката и етнологията и отвъд тях. София: Реклама Пони ООД, 2017. 384 с.

2 Пять чувств *sub specie* балканской картины мира. Балканские чтения 12. Тезисы и материалы / ред. М. М. Макарцев и др. М., 2013. 184 с.

I. A. Sedakova

On spices, flavours and odours in the Balkans:
A new book on ethnolinguistics

The new book by Bulgarian ethnolinguist Maya Aleksandrova gives a detailed account of the etymology and metaphoric meanings of the terms for Balkan spices and major flavours and odours.

Keywords: *Balkan studies, ethnolinguistics, etymology, herbs, taste, odours.*

*А. В. Амелина, Д. Ю. Ващенко, А. М. Дронов, Н. А. Лунькова
(Москва)*

**Конференция молодых ученых
«Славянский мир: общность и многообразие»**

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.5.01

Институт славяноведения РАН 23–24 мая 2017 г. организовал очередную конференцию «Славянский мир: общность и многообразие», приуроченную к Дням славянской письменности и культуры¹. На конференции параллельно работали секции по истории, языкознанию и литературоведению.

С приветственной речью к гостям и участникам конференции обратился директор Института славяноведения РАН К. В. Никифоров. Он уделил большое внимание истории и традициям проведения в России Дня славянской письменности и культуры и участию в нем Института славяноведения РАН.

Историческую секцию открыл В. И. Сопов (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва), который выступил с докладом «Правительствующий совет Сербский как орган гражданско-правового регулирования в 1807–1813 гг.». Автор выделил для исследуемого периода как микроаспект проблемы (формирование классовой структуры сербского общества), так и ее макроаспект — участие классов в государственном строительстве. Исследователь пришел к выводу, что «феодализм не был побежден» в ходе Первого сербского восстания 1803–1814 годов. А. П. Ислентьева (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва) в докладе «Сербская православная церковь и проблема обращения в унию православного населения Габсбургской монархии в первой половине XIX в.» рассказала об идее «соединения двух вер» в Далмации, венгерско-хорватских землях и на Военной границе. Автор отметила, что униатскими проповедниками в данных регионах были по большей части русины, наиболее активно они действовали в Далмации, Славонии и Банате. К. В. Мельчакова (ИСл РАН, Москва) представила доклад «Перелистывая старый фотоальбом. Босния и Герцеговина в объективе фотографа П. П. Пятницкого (1832–1882)», подготовленный на материале фотографий XIX в. как исторического источника. А. М. Дронов (ИСл РАН, Москва) в сообщении «Русское консульство в Фиуме и деятельность А. Д. Петковича (1873–1892)» осветил круг проблем, решаемых русскими консульствами за рубежом, и роль личности консула в формировании определенного имиджа России за

границей. Завершило секцию выступление Е. С. Сергеенко (ИСл РАН, Москва) «Экономическое развитие и внешнеэкономические связи Сербии в конце XIX — начале XX вв.», в котором исследовательница попыталась объяснить причины экономического противостояния Австро-Венгрии и Сербии в этот период. В ходе развернувшейся дискуссии Н. С. Гусев (ИСл РАН) отметил важность пищевой промышленности для экономики Сербии того времени.

Далее в подсекции выступил Д. С. Парфирьев (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва) с сообщением «Украинская радикальная партия в годы Первой мировой войны», в котором затронул проблему политической борьбы внутри УРП и причины отсутствия единства и сплоченности этой партии. Затем Н. С. Гусев (ИСл РАН, Москва) в докладе «“Никакого буйства или бесчинства манифестанты нигде себе не позволили, если не считать пения гимна...”: славянские манифестации в России весной 1913 г. и их разгон» рассмотрел реакцию властей и полиции на манифестации, вызванные успехами славянских народов в Балканских войнах. Отвечая на вопросы, Н. С. Гусев пояснил, что для проведения митингов необходимо было заблаговременно уведомить власти, а для публичных собраний и лекций уведомление не требовалось, однако собрания и манифестации в поддержку балканских славян начинались с разрешенных панихид по воинам, погибшим на Балканском фронте. Е. Е. Артющкова (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва) представила доклад «Деятельность Российского общества Красного Креста на Кавказском фронте в годы Первой мировой войны», где показала основные стороны работы РОКК, а также то, как воинам этого общества приходилось справляться с особыми природно-климатическими условиями и с наплывом беженцев. П. В. Мошечков (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва) в сообщении «Чехи и словаки во Франции в годы Великой войны: от подразделений в составе Иностранного легиона до автономной армии» проследил становление чешских частей — от зарождения идеи в диаспоре до завершающего этапа войны и создания пантеона героев.

Работу третьей подсекции открыл доклад М. Е. Гороховой (РГГУ, Москва) «Источники русской политической эмиграции в Чехословакии (1918–1938 гг.)». Далее выступила А. Е. Кузьмичева (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва) с докладом «“Я практически никому не доверяю, не говоря уж о Германии”»: что скрывалось за пактом Гитлера — Пилсудского?», объяснив, что временное потепление между Варшавой и Берлином должно было, по мнению польской стороны, привести к повышению ценности польско-французского союза в

глазах Парижа и исключению самой возможности непосредственного соглашения между Францией и Германией без участия Польши. Е. Ю. Начарова (ИРИ РАН, Москва) в докладе «Участие стран социалистического лагеря в комиссии по наблюдению за перемирием в Корее (1953–1956 гг.)» охарактеризовала роль Польши и Чехословакии в процессе мирного урегулирования на Корейском полуострове, а также проблемы, с которыми они столкнулись. Завершил работу подсекции доклад Б. С. Новосельцева (ИСл РАН, Москва) «Советско-югославские отношения в конце 1968 — 1969 гг.», посвященный негативной реакции Югославии на ввод войск стран Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г. для подавления «Пражской весны», а также последовавшему затем преодолению напряженности в отношениях между СССР и СФРЮ. Автор подчеркнул, что из этого (третьего по счету) советско-югославского политического конфликта победителями вышли югославы.

Работу четвертой подсекции открыл доклад А. А. Пивоваренко (ИСл РАН, Москва) «Политическое развитие в Юго-Восточной Европе в 2013–2017 гг.». Он отметил, что помимо России и коллективного Запада в качестве важных внешних факторов влияния на Балканах следует также учитывать Турцию и Китай, а перспективным для балканского урегулирования становится участие в этом процессе стран Вышеградской группы. Далее Е. А. Колосков (СПбГУ, Санкт-Петербург) представил компаративистское исследование в области изучения исторической памяти народов Восточной Европы и Балкан «“Мобилизованная Беласица”: образ битвы на Клейдионе в македонском и болгарском историческом и политическом дискурсе». Завершающим стал доклад А. Р. Лагно (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва) «“Прекрасное далёко”: идея “морального обновления” польского общества». На основе анализа программы партии «Право и справедливость» 2014 г. и ряда других источников исследовательница описала систему ценностей, которой, по замыслу правительства, должно соответствовать современное польское общество.

Конференция продолжила работу 24 мая. О. В. Добротина (ННГУ им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород) в докладе «Отражение процесса исламизации Балкан в эпосе “Салтук-наме”» задалась вопросом, какова была роль представителей дервишских орденов в исламизации Балкан и как ее интерпретировало народное сознание в позднейшие эпохи. Следующий доклад «От “булгар” к Болгарии: изобретение болгарской нации в работах И. П. Липранди» представил К. А. Касаткин (СПбГУ, Санкт-Петербург). Исследователь проследил эволюцию взгля-

дов ученого с 1830-х годов и пришел к выводу, что в 1870-х годах болгары из «Других» стали для ученого «Своими». Т. В. Гимадеев (К(П) ФУ, Казань) выступил с докладом «Чешские католики о гуситском движении: историографическое наследие А. Главинки». Далее прозвучали доклады, посвященные проблемам национальной мифологии: Д. Ю. Степанова (Москва) — «Происхождение славян: концепции и их источники в образованной среде Российской империи в первой половине XVIII в.» и И. П. Ридзеля (ИСЛ РАН, Москва) — «Сарматский миф и политическое устройство Речи Посполитой в XVI–XVII вв.»

В последней подсекции были заслушаны доклады Т. Н. Лаптевой (Архив РАН, Москва) «Неизданные работы А. В. Флоровского по истории чешско-русских отношений», Е. А. Лисиченок (Библиотека РАН — СПбГУ, Санкт-Петербург) «Забытые библиотеки Витебщины XIX в.: Юзеф Жаба из Шша и его “книгосбор”», Д. Ю. Чернышенко (Библиотека РАН, Москва) «Книги из библиотеки П. А. Сырку в частных собраниях славистов (предварительные замечания)» и М. В. Колмаковой (Библиотека РАН, Санкт-Петербург) «Библиотека М. П. и Н. М. Петровских в 20–30-е годы XX в.». Завершил работу подсекции Б. К. Дулатов (Остравский университет, Острава, Чехия) с докладом «История чешской диаспоры на территории Европейской части России, Урала и Сибири», рассказав в основном о формировании диаспоры из военнопленных в годы Первой мировой войны. Доктор исторических наук Е. П. Серапионова дополнила выступление молодого ученого комментарием о том, что международные проверяющие признали состояние лагерей для военнопленных в Российской империи одним из лучших в Европе.

Программа лингвистической секции была чрезвычайно насыщенной и разнообразной, внимание молодых исследователей привлекли такие сферы лингвистического знания, как диалектология и историческая грамматика, этнолингвистика и социоллингвистика, переводоведение и интернет-лингвистика.

Первый блок докладов был посвящен проблемам диахронической лингвистики и анализу памятников письменности. Работу секции открыла М. В. Скачедубова (ИРЯ им. В. В. Виноградова) с докладом «К вопросу об интерпретации сочетания глагола *быти* в прошедшем времени и *-л*-причастия в Ипатьевской и 1-й Новгородской летописях», в котором делается вывод, что, помимо перфекта и плюсквамперфекта, в данных текстах бытовали также свободные сочетания глагола-связки с *-л*-причастием. Заседание продолжила А. А. Бакшаева из Казанского (Приволжского) федерального университета, выступив-

шая с докладом «Приставка/предлог *об-* и *от-* в Христинопольском Апостоле XII в.». Исследовательница пришла к выводу, что в соответствующей рукописи отражен начальный этап падения редуцированных. В. А. Каменецкая (МГУ им. М. В. Ломоносова) представила сообщение «“Воспоминания Тамбовского купца...”»: вопросы состава и языковых особенностей рукописи», посвященное возможным случаям нарушения либо соблюдения литературной нормы в этом памятнике письменности. В конце первого блока С. В. Николаева (Музей этнологии и этнографии (Кунсткамера), Санкт-Петербург) выступила с докладом «О метрике и исполнении старших духовных стихов», в котором формулируется взаимосвязь между ритмико-интонационным строением духовных стихов и техникой их произнесения, предполагающей заучивание текстов наизусть.

Следующий тематический блок был посвящен проблемам диалектологии и фразеологии. На этом заседании первый доклад под названием «Проблемы синхронного фонетико-фонологического описания польского переселенческого говора в Хакасии и в Красноярском крае» сделал И. М. Егоров (РГГУ). Исследователь представил инвентарь консонантных и вокалических фонем указанного говора, сформулировал и вынес на обсуждение некоторые сложности, возникающие при описании его фонологической системы. Продолжила работу секции его коллега с кафедры славистики и центральноевропейских исследований О. В. Спалек, выступившая с докладом «Гидронимы в польской фразеологии», вызвавшим оживленную полемику. Далее последовали два органично дополняющих друг друга доклада, посвященных комплексному описанию архангельских говоров на основании богатейшей картотеки «Архангельского областного словаря». В. В. Гусева (МГУ им. М. В. Ломоносова) сделала сообщение «“Корова коробит, рыба рыдает”». Примеры народной этимологии в архангельских говорах», а Е. А. Ковригина (МГУ им. М. В. Ломоносова) представила доклад «“Чур бы не в урок”». Народные представления об уроках (сглазе) в говорах архангельского региона».

Вечернее заседание целиком было посвящено балканистике. Болгарскую часть открывала С. Войславова (ИРЯ им. А. С. Пушкина) с докладом «Фразеологизмы с опорным компонентом *сон/сън* в русском и болгарском языках: опыт лексикографического описания», где фразеологизмы подвергаются анализу по таким параметрам, как написание, значение, внутренняя форма, стилистическая и прагматическая маркированность, а также сравнительная частотность. Далее последовало выступление Е. Н. Стругановой (ИСл РАН) «“Огонь” сквозь

призму болгарской фразеологии». Докладчик раскрыла культурные смыслы, заключенные в соответствующих фразеологических единицах. Чрезвычайно живое и насыщенное обсуждение вызвал доклад А. П. Якимовой «Мотивационные модели болгарских наименований одежды».

Заключительный блок первого дня конференции был представлен сообщениями эллинистов с кафедры византийской и новогреческой филологии МГУ им. М. В. Ломоносова. К. А. Климова в докладе «К вопросу о славянских заимствованиях в новогреческой мифологической лексике» описала систему новогреческих мифологических персонажей и поставила вопрос о необходимости комплексного ареально ориентированного исследования новогреческой мифологии. Далее следовал доклад А. В. Бакаевой «Лексика новогреческого похоронного обряда», посвященный максимально полному описанию соответствующих лексем с выявлением их этимологии и ареальных взаимосвязей. Я. Б. Яхонтова сделала сообщение по материалам последних полевых исследований греческих сел «Весенние календарные обряды греческих деревень Эммануил Папас и Агио Пневма, кипрской деревни Алона», в котором пришла к заключению, что в данных обрядах заключена символика умирания и воскрешения. Завершила работу секции Е. С. Онуфриева докладом «Коммуникативно-прагматическая функция речевых формул-комментариев (на примере новогреческого языка)». На материале корпуса современных текстов автор делает вывод о том, что, как правило, в речевых комментариях выражается авторская рефлексия и субъективная оценочность.

Заседание 24 мая было посвящено проблемам полонистики. Открывала секцию А. А. Широкова (МГУ им. М. В. Ломоносова) с докладом «Типы словообразовательной мотивации названий цветов в польском языке (на фоне русского)», выполненным на материале современных лексикографических описаний польского языка. О. С. Румянцева (МГУ им. М. В. Ломоносова) в сообщении «Специфика словотворчества в польской поэзии для детей» выявила основные модели порождения окказионализмов, прежде всего в творчестве Юлиана Тувима и Агаты Видзовской-Пашак. Д. А. Петрова (РГГУ) представила исследование на тему «Взаимодействие финно-угорских и славянских культур на территории Волго-Клязьменского региона на примере образов деревянной домовой резьбы», посвященное ареально-типологическим взаимосвязям в области деревянного зодчества в России. Т. А. Мирвода (МГУ им. М. В. Ломоносова), продолжающая серию исследований современного русского городского фольклора, высту-

пила с докладом «Русские детские страшные истории в контексте мирового интернет-фольклора», при этом автор основной акцент сделала на генезисе жанра. Наконец, завершил работу секции вызвавший бурную и продуктивную дискуссию доклад М. М. Терёшиной (К(П) ФУ, Казань) «Принципы перевода текста фэнтези (на материале перевода на русский язык романа “Последнее желание” А. Сапковского)».

В секции «Литературоведение», работавшей 23-го мая, выступали молодые ученые Института славяноведения РАН и студенты Санкт-Петербургского государственного университета.

После вступительного слова председателя секции кандидата филологических наук Д. К. Полякова и приветствия гостей прозвучал доклад сотрудницы Института славяноведения и аспирантки МГУ им. М. В. Ломоносова А. В. Быриной «Творчество Павла Виликовского в оценке словацкой критики». Внимание литературных критиков, по наблюдениям Быриной, сосредоточено на произведениях П. Виликовского разных периодов: писатель вошел в литературу в 1960-е годы и продолжает творить до сих пор. При этом исследователи рассматривают эволюцию творчества писателя, обсуждают вопрос о его принадлежности к тем или иным течениям, изучают своеобразие авторского метода, тематику и проблематику его произведений.

Проблема литературно-критического и научного восприятия стала центральной и в докладе А. В. Усачевой (ИСл РАН, Москва) — «Рецепция творчества Э. Ионеско в СССР и России». С точки зрения докладчика, в отечественной науке до сих пор отсутствуют программные монографические работы об Ионеско. В СССР интерес к его творчеству возник в 1960-е годы: пьесы драматурга стали впервые анализировать и заниматься театром абсурда вообще, однако идеологическая сторона исследований мешала созданию объективной картины. В 1990-е годы происходила переоценка творческого наследия Ионеско и театра абсурда в целом.

Доклад Н. А. Луньковой (ИСл РАН, Москва) «Поэтика пространства в цикле рассказов С. Стратиева “Одиноким ветряные мельницы”» был посвящен анализу пространственных структур и их функций в вышеуказанном прозаическом цикле болгарского писателя. Рассматривая в данном сверткестовом единстве разные типы пространств (реальное / волшебное, открытое / закрытое, внешнее / внутреннее), докладчик пришла к выводу, что изучение специальных элементов позволяет установить, как в раннем творчестве Стратиева реализуются мотивы памяти, утраты родного дома, тесно связанные с главным этапом формирования человеческой личности и ее жизненных приоритетов.

В последнем докладе первой части заседания — Е. В. Шатько (ИСл РАН, Москва) «Переводческие стратегии В. Флакер и М. Чолича при переводе романа М. Булгакова “Мастер и Маргарита”» — шла речь об особенностях переводов «Мастера и Маргариты» на сербохорватский и сербский языки. Приводя большое количество примеров перевода реалий (топонимов, антропонимов и т. д.), Шатько показала, что хорватская переводчица Вида Флакер, прибегая к транслитерации с уточнением или дополнением, наиболее точно воссоздает реалии булгаковской Москвы. Однако перевод на сербский язык Милана Чолича показался докладчику более легким для читательского восприятия благодаря приему освоения реалии, который чаще всего использовал переводчик.

Вторая часть заседания была полностью посвящена чешской литературе XX в. Ее открыл доклад соискателя Института славяноведения РАН К. К. Масловой «Противопоставление образов “робот/человек-робот” (К. Чапек, Е. И. Замятин, О. Хаксли, А. Азимов)». Докладчик проанализировал образ робота в пьесе чешского писателя К. Чапека «Р.У.Р.» и попытался исследовать не только феномен героя-робота в целом, но и его эволюцию в творчестве конкретных писателей: Азимова, Замятина и Хаксли. Взаимодействие естественного и искусственного, а также проблемы типологии персонажей-механизмов оказались в центре внимания участников оживленной дискуссии, вызванной данным докладом.

Чешской литературе первой половины XX в. был посвящен и следующий доклад — А. В. Амелиной (ИСл РАН, Москва) «Утопичность в романе Марии Майеровой “Площадь Республики”», где анализировались особенности утопического сознания чешской писательницы М. Майеровой в первом чешском политическом романе XX в. «Площадь республики». В нем изображаются парижские анархисты, чей идеалистический утопизм не принимался Майеровой ввиду его недостижимости и противопоставлялся ею достижимому утопизму — революционному.

Завершили заседание выступления бакалавров филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. М. В. Баранова в докладе «Психология сексуальности в произведениях Милана Кундеры» говорила об авторском новаторстве раскрытия этой темы для чешского и мирового читателя: Кундера не рассматривает сексуальность с анатомико-биологической точки зрения, а сосредоточивает свое внимание на том, какой духовный, творческий потенциал заложен в этом феномене. Баранова отметила, что в творчестве писа-

теля психология персонажей часто раскрывается через сексуальный аспект их взаимоотношений и это находит отражение в структуре авторского нарратива.

С. А. Токаревских в своем докладе «Проблема “женского письма” в современной чешской литературе (на материале рассказов антологии “Dámská jízda”))» представила общие тенденции развития женской прозы в Чехии, остановившись более подробно на анализе рассказа П. Соукуповой «Медуза», где поднимаются характерные для творчества писательницы проблемы дисфункции традиционной семьи, подчиненного положения женщин в современном социуме.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что на этой конференции молодых ученых, как и в прошлые годы, были достигнуты главные цели — развитие и укрепление научных контактов представителей самых различных научных организаций через плодотворное обсуждение самых различных актуальных тем современного славяноведения. По результатам конференции организаторы приняли решение опубликовать ряд докладов в различных изданиях Института славяноведения РАН.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См. *Кокунина Л. К., Новосельцев Б. С., Усачева А. В., Ясинская М. В.* Международная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие» // *Славянский альманах*. 2015. № 3–4. С. 468–478; *Амелина А. В., Добычина А. С., Леонтьева А. А., Саенко М. Н.* Молодежная научная конференция *Славянский мир: общность и многообразие* // *Славянский альманах*. 2016. Вып. 3–4. С. 516–525.

Е. В. Шатъко
(Москва)

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«II Хоревские чтения: ПАМЯТЬ vs ИСТОРИЯ. Образы
прошлого в художественной практике современных литератур
Центральной и Юго-Восточной Европы»**

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.5.02

24–25 октября 2017 г. в Институте славяноведения РАН состоялись II Хоревские чтения, организованные Отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы ИСл РАН. Конференция продолжила серию международных научных литературоведческих встреч, начатых в 2015 г. в память о выдающемся российском ученом В. А. Хореве. На открытии приветственное слово произнесли директор Института славяноведения д. и. н. К. В. Никофоров, директор Польского культурного центра в Москве Д. Клеховский и представитель Польской академии наук профессор М. Понкчиньский.

В ходе работы конференции был рассмотрен круг вопросов, связанных с корреляцией памяти и истории в литературном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы. Доклады были распределены по нескольким тематическим направлениям: опыт войны и его отражение в художественной памяти, соотношение «большой» истории и истории отдельно взятой семьи, роль исторической памяти в формировании национальной идентичности, текст и интертекст как воплощение памяти слова, историческая память и конструирование образа «другого»: исследователь и издатель.

Заседание секции «Художественная память и опыт войны» открыл профессор **Б. Зелиньский** (Познань) с докладом «История, память, литература. Образ некоторых войн XX века в современной сербской литературе», в котором представил анализ трех повествовательных структур: авангардной, сюрреалистической и постмодернистской, эксплуатирующих образы войны в реалистических, психологических и автобиографических романах. Реалистические романы продолжают традиции сербской эпической прозы, для авангардных романов характерны временные инверсии, сосуществование реалистических и метафорических описаний, при которых память замещается снами и фантазиями. Сербским постмодернистским романам в целом не присуща радикальная постмодернистская переоценка истории, однако элементы, посягающие на национальный канон представлений о про-

шлом, в них присутствуют. **А. Легежиньская** (Познань) в докладе «Троя как компаративистский узел. Опыт осады в контексте новой гуманистики» на материале художественных и паралитературных текстов (дневников, воспоминаний, писем, репортажей и эссе) проанализировала два варианта «подавляемого» мартиронологического дискурса. Повествования о Ленинградской блокаде и осаде Сараева объединяет топика (мотив голода, страха, смерти и др.), а отличает механизм «подавления» (в первом случае — идеологический, во втором — ментальный и нравственный). Оба варианта иллюстрирует метод сравнения культурных явлений и исторических процессов, отраженных в разноязычных текстах. Доклад **Г. Борковской** (Варшава) «Парадокс экзистенции после холокоста. Эссеистика Петра Матывецкого» был посвящен новаторству польского прозаика П. Матывецкого, который задолго до появления концепции постпамяти М. Хирш развил тему холокоста и травмы, которую он нанес не только тем, кто пережил этот геноцид XX в., но и их потомкам. Секцию завершил доклад **И. Е. Адельгейм** (Москва) «“Подвальные истории, скользкие повести, блуждающие вдоль стен...” Освоение опыта исторической вины в прозе 2000-х гг. польских авторов младших поколений», в котором докладчица на примере романа И. Остаховича «Ночь живых евреев» и рассказа С. Хутник «Муранооо» исследовала автотерапевтическую функцию художественных приемов в этих текстах. Так, визуализация ужаса памяти и беспамьяства используется в них для диссоциации и дальнейшего осмысления, тогда как гротескное, комическое и карнавальное обыгрывание кодов поп-культуры становится своего рода обезболивающим, одновременно способствующим психологической интеграции.

Вторая секция была посвящена соотношению истории семьи и «большой» истории. Ее открыл доклад **Л. Ф. Широковой** (Москва) «Семейная хроника в словацкой прозе XXI в.: личные судьбы в потоке “большой истории”». Жанр семейной хроники, получивший заметное развитие в словацкой прозе последних лет, был рассмотрен в докладе на примере книг П. Криштуфека «Дом глухого», Д. Фулмековой «Конвалия» и С. Лаврика «Воскресные шахматы с Тисо», в которых нашли отражение социальные, расовые, гендерные дилеммы времени, проблемы сопротивления, конформизма, бездумного и осознанного служения власти. **Н. Н. Старикова** (Москва) в докладе «История сквозь призму лирического фрагмента. Образы прошлого в трилогии Бориса А. Новака “Врата безвозвратности”» продолжила рассмотрение заявленного дискурса на материале поэтического опуса современного

словенского поэта Бориса А. Новака, автора, который стремится «очеловечить» жанр героической эпопеи, поместив в центр повествования не исторических личностей, а обычных людей, чтобы постичь прошлое через его «личное» переживание. Доклад **Ю. П. Гусева** (Москва) «Аристократия и национальная история (последние романы Петера Эстерхази)» был посвящен романам «Небесная гармония» и «Исправленное издание», в которых классик венгерской литературы с иронией и трагизмом рассказал о национальной аристократии и ее роли в тысячелетней европейской истории венгров.

Третью секцию «Историческая память vs формирование национальной идентичности», состоявшую из двух заседаний, открыл доклад **Е. Н. Ковтун** (Москва) «Фантастика и национальная идентичность: чешская литературная версия», в котором на примере произведений чешских прозаиков Л. Соучека, И. Кратохвила и М. Урбана докладчица показала, что фантастика не обязательно имеет интернациональную проблематику и не всегда устремлена в будущее, что она может решать и иные задачи: поддержания национальной памяти и воспитания гордости за прошлое своего народа, освещения истории своей страны в контексте истории «большой» Европы, поиска опоры для современного существования нации в прошлом. **Г. Я. Ильина** (Москва) в выступлении «Формы исторической прозы в современной хорватской литературе» говорила о деструкции, размывании границ жанра исторической прозы в литературе Хорватии 1990-х гг., когда исторический роман постепенно переходил в роман об истории или новоисторический роман. В начале XXI в. наблюдается тенденция отхода от «большой истории» в сторону человеческого опыта отдельного индивидуума, распространяется убеждение, что роман об истории становится человеческим актом только после рассказа о нем. В центре внимания **А. Г. Шешкен** (Москва), выступившей с докладом «Мотив исторической памяти в македонском романе 1970–2000-х гг.», находилась проблема осмысления национальной истории как источника духовной силы народа в произведениях классиков македонской литературы В. Малеского «Ткацкий станок», «Узелки памяти», С. Яневского «Упрямы», П. М. Андреевского «Пырей» и писателей-постмодернистов. **М. Б. Проскурнина** (Пермь) в докладе «Два поколения македонских писателей: образы прошлого и проблема дома/бездомности в романах Луана Старовы “Крепость из пепла” и Давора Стояновского “Коллекционеры пепла”» показала подходы разных поколений македонских писателей к осмыслению прошлого в ракурсе проблемы дома/бездомности. В романах Л. Старовы

(р. 1941) и Д. Стояновского (р. 1987), несмотря на поколенческую разницу авторов, наблюдается значительное сходство в тематике и проблематике. При этом молодое поколение писателей в целом иначе, чем старшее, воспринимает современную жизнь страны: в романах начала XXI в. чаще встречаются мотивы бегства, бездомности, депрессии. **А. Н. Красовец** (Москва) в докладе «Память об общем социокультурном пространстве Югославии и его распаде в романах Горана Войновича» обратилась к творчеству современного словенского писателя, в романах которого «Чефуры, вон!», «Югославия, моя страна», «Инжир» нашло отражение недавнее прошлое СФРЮ. В последнем произведении акцент сделан на проблеме памяти и воспоминаний, формирующих основу личной идентичности. **Е. В. Шатько** (Москва) в докладе «Вербальные коды транслирования исторической памяти в романе Л. Блашковича “Ожерелье Мадонны”» проанализировала, как в романе-травелогe современного сербского автора закодированы национальные мифы, отсылки к актуальной жизни страны, античным сюжетам, произведениям мировой литературы, явлениям массовой культуры, и предложила свою классификацию вербальных кодов по отношению к исторической памяти и культурному коду в целом. В сообщении **Е. В. Байдаловой** (Москва) «“Неудобные” вопросы украинской истории в современной украинской женской прозе» на материале творчества писательниц О. Забужко и М. Матиос была рассмотрена проблема трансформации исторических мифов, связанных с эпизодами украинской истории XX в., попытка авторов отделить в своих произведениях память об общем культурно-историческом советском прошлом от сугубо национального. **М. Трошинский** (Варшава) в докладе «“Мы обо всем забыли”»? Феномен постпамяти на примере пьесы Дороты Масловской “У нас все хорошо”» рассмотрел функционирование в текстах, в том числе драматургических, время действия которых относится к XXI в., мотива памяти о травме уходящего поколения, памяти, сохраняющей образы событий и выходящей за рамки отдельной жизни. Доклад **В. В. Мочаловой** (Москва) «Последний из цепочки поколений, ухватившийся за самый кончик...» был посвящен дебютной повести “Пансионат” польского писателя П. Пажиньского, отмеченной критиками и представляющей своего рода философскую притчу о распаде, умирании, исчезновении истории и попытках удержать ускользающее при помощи памяти. Произведение было признано первым в Польше литературным голосом третьего поколения после Холокоста. **А. В. Усачева** (Москва) в докладе «Литература как память: осмысление эпохи коммунизма в романах Д. Лунгу 2000-х гг.»

обратилась к анализу романов молодого румынского прозаика, в которых воссоздается атмосфера недавнего и весьма противоречивого прошлого Румынии.

Блок докладов четвертой секции «Память о прошлом и память слова: текст и интертекст» открыла **Л. А. Мальцева** (Калининград) сообщением «Проблематика “четвертого искушения” в повести Е. Анджеевского “Мрак покрывает землю” и в трактате Ч. Милоша “Порабощенный разум”», предложив свою реконструкцию идейно-философского метатекста обоих произведений. Их метатекстуальным ядром являются, по мнению докладчика, легенда о Великом инквизиторе («Братья Карамазовы») как символ искушения властью и притча из Евангелия о трех искушениях Христа в пустыне как идеологема искушения истиной. **М. Рудковская** (Варшава) в докладе «Традиции живые и мертвые в романах Ольги Токарчук» исследовала прием игры с литературной традицией в произведениях современной польской писательницы, сделав акцент на интертекстуальной составляющей романа «Веди свой плуг по костям мертвецов». В докладе «“Защитник невидимой крепости”: о роли памяти в городском пространстве (цикл рассказов Д. Энева “Серебряные горы”»)» **Н. А. Луньковой** (Москва) были рассмотрены пространственные структуры, реализующие проблемы взаимодействия памяти/забвения в краткой прозе современного болгарского прозаика. В художественном пространстве цикла рассказов были выделены два хронотопа города: София юности героя-рассказчика и современная София. Материальная трансформация города рассматривается повествователем в контексте изменений духовных ценностей, что позволяет при анализе текста выделить оппозиции «старый/новый», «настоящий/фальшивый». Лингвистические аспекты заявленной секционной темы были затронуты в докладах **К. Скибского** (Познань) и **Н. Е. Ананьевой** (Москва). В первом — «Реминисценция в восприятии литературных текстов — языковые элементы польской поэзии» — речь шла о памяти слов в их отношении к функции языка, его литературной грамматике, истории и моделям коммуникации на материале современной польской поэзии. Второе выступление, «Полонизмы в русских “историях жизни” (на примере произведений О. Форш “Сумасшедший корабль” и В. Войновича “Автопортрет. Роман моей жизни”»)», касалось функционирования полонизмов в произведениях заявленных русских авторов. Используемые ими полонизмы (гибридные польско-русские фразы, польские словосочетания, полонизированные высказывания, польские имена, наречия,

глаголы, числительные и др.) национально маркируют персонажей и усиливают достоверность воскрешаемых памятью или воображаемых образов и событий.

Заключительная, пятая секция «Историческая память и конструирования образа “другого”: исследователь и издатель» была представлена одним докладом: «Роль исторической памяти в презентации новой российской литературы польскими издательствами», который завершил конференцию. Докладчица **И. А. Ермашова** (Познань) поделилась своими наблюдениями о деятельности ряда издательств, осуществляющих переводы русскоязычных новинок, о том, как выстраивается система взглядов, оценок и образных представлений о современной русской литературе и России, какие аспекты — исторические, политические, культурные, эстетические — являются приоритетными при выборе издателями авторов и произведений.

В завершение присутствующим было представлено второе издание книги В. А. Хорева «Польская литература XX века. 1890–1990» (М.: Индрик, 2016), осуществленное при поддержке Научного центра Польской академии наук в Москве.

Н. А. Лунькова
(Москва)

Дискуссионный клуб литературоведов

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.5.03

В 2017 г. по инициативе Отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы в Институте славяноведения РАН (ИСл РАН) состоялись две встречи Дискуссионного клуба литературоведов, в которых приняли активное участие сотрудники двух других институтских Отделов: Отдела истории славянских литератур и отдела истории культуры славянских народов. Основная цель создания данной научной площадки — проведение групповых дискуссий по вопросам теории и истории литературы, актуальным проблемам текущего литературного процесса, поиск их решений в совместных обсуждениях с коллегами, обмен научным опытом.

В центре внимания участников первого заседания Дискуссионного клуба, которое состоялось 25 апреля 2017 г., оказался феномен мультилитературной принадлежности в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Отнести творчество писателя лишь к одной национальной литературе в рамках данного региона не всегда представляется возможным, и сами критерии определения литературной принадлежности до сих пор являются предметом многочисленных дискуссий.

В сообщении **Н. А. Луньковой** (ИСл РАН) «Проблема “двудомности” писателей в болгарско-македонском культурном пространстве» шла речь о феномене двойной литературной принадлежности тех авторов, чье творчество нельзя причислить только к одной национальной литературе — болгарской или македонской соответственно. Как правило, одним из основных критериев возможности отнесения писателя к какой-либо национальной литературе является его родной язык. В болгарско-македонском вопросе с этим критерием связан ряд сложностей, поскольку лингвистические и политические споры вокруг понятия «македонский язык» всё еще не утихают. Болгарские языковеды до сих пор не признают его отдельным языком, подчеркивая, что македонский литературный язык — одна из трех норм литературного болгарского языка (наряду с болгарским и банатско-болгарским (*болг.* «банатска българска книжовна норма»). «Македонская литературная норма» или «македонская письменная норма» (*болг.* «македонска българска книжовна норма») — таково официальное определение БАН, хотя македонский язык был коди-

фицирован в 1945 г. и стал официальным языком Народной Республики Македонии в составе Югославии. Опираясь на утверждение о том, что становление стандарта македонского языка было политически маркировано и что нации и языки воспринимаются в более выгодном свете, если их история уходит вглубь веков, докладчик показала, как современные македонские и болгарские националисты стремятся в буквальном смысле «присвоить» своим культурам ряд средневековых персоналий, в числе которых оказываются политические, духовные деятели. Так, с точки зрения Н. А. Луньковой, нецелесообразно говорить о двудомности деятелей эпохи Средневековья, поскольку культурное пространство для болгар и македонцев в ту пору являлось общим, а проблема этнокультурного разграничения славянского населения географической области Македонии не была актуальной. Ряд исследователей предполагает, что сохранение этноязыкового единства болгар и македонцев продолжалось вплоть до начала XX в., однако уже в 1850-е гг., по мысли Г. К. Венедиктова, на формирование болгарского литературного языка большее влияние стали оказывать восточноболгарские говоры, хотя до этого времени существовала идея создания болгарского языка на основе нескольких диалектов, включая македонский, но она не увенчалась успехом. Так, уже в середине XIX в. развитие македонского и болгарского языков шло в разных направлениях, и всё чаще стали звучать идеи о формировании собственно македонского литературного языка, первые попытки создания которого на народно-разговорной основе относятся к 1880–1910-м гг. Освещая особенности исторического пути Македонии и Болгарии, формирования македонской национальной идентичности, кодификации болгарского и македонского языков, докладчик отметила, что продолжает оставаться нерешенным вопрос о том, к какой литературе относить творчество братьев Миладиновых, Григора Пырличева, Райко Жинзифова, Николы Вапцарова, Любомира Весова и других авторов — выходцев из географической области Македонии. Н. А. Лунькова согласилась с мнением болгарского литературоведа Ивана Христова (БАН), который убежден, что македонцы еще находятся в процессе утверждения своей национальной идентичности: ученый не видит проблемы в существовании двудомных писателей, и, по его словам, гораздо важнее не усугублять проблему, а стараться формировать общую европейскую идентичность. Литература есть способ выражения и сохранения национальной идентичности, культурного наследия, поэтому лингвистический национализм в деструктивных целях так часто используется представителями малых наро-

дов. Докладчик подчеркнула, что перед исследователями литературы стоит задача изучить самобытность творческого пути писателя, которая формировалась во взаимодействии с несколькими национальными культурами, а не пытаться «делить» авторов в угоду сепаратистским настроениям политиков.

Выступление **А. В. Усачёвой** (ИСЛ РАН) «Ионеску vs Ионеско: к вопросу о литературной идентичности» продолжило развивать идею сложности определения литературной принадлежности ряда писателей пространства Центральной и Юго-Восточной Европы и было посвящено творчеству Э. Ионеско. Говоря о феномене мультилитературной принадлежности, докладчик выделила два аспекта: «внутренний» и «внешний». Первый — самоидентификация писателя (к культурной и литературной традиции какой страны он себя причисляет), второй же связан с тем, к какой культуре писателя относят читатели, литературоведы, биографы. На пересечении этих двух аспектов, по мнению А. В. Усачёвой, возникает ключевой вопрос: насколько мы должны принимать во внимание культурное самоопределение автора, а также учитывать внелитературные факторы. Ионеско очень неоднозначно относился к своей францужско-румынской раздвоенности и никогда не мог причислить себя ни к румынам, ни к французам. С одной стороны, он не любил Румынию и двадцать лет, проведенные в этой стране, называл изгнанием. Еще в сборнике «Нет» молодой Ионеско написал: «Если бы я был французом, я, возможно, был бы гением». С другой — уже во Франции он переиздавал свои произведения, созданные в Румынии на румынском языке: сборник «Нет» (1984, 1991) и пьесу «Английский самостоятельно» (1965). Это, вероятно, свидетельствует о том, что драматург считал румынский период важной вехой в своем творчестве. Точки зрения литературоведов, занимающихся вопросом национальной идентификации Ионеско, расходятся. Одни (Дж. Ионеску, М. Кэлинеску) четко разделяют Ионеску-румына и Ионеско-француза и считают румынский период творчества не более чем пробой пера перед французским взлетом, причисляя, таким образом, драматурга к французским авторам. Другие (С. Микулеску, М. Петреу, Э. Симион) уверены, что Ионеско-драматург вырос из Ионеско-публициста и, проведя детство и юность в Румынии, не мог не быть румыном настолько же, насколько был французом. Третьи (И. Пырвулеску, И. Мавродин) говорят о том, что вопрос идентификации писателя намного шире и не может сводиться к отнесению его к той или иной культуре. Таким образом, А. В. Усачёва пришла к выводу, что вопрос о соот-

несении Э. Ионеско с той или иной литературной средой и самой необходимости этого соотношения в румынском литературоведении до настоящего момента остается открытым.

Сообщение **Л. Ф. Широковой** (ИСЛ РАН) «Д. Дюришин о феномене “двудомности” или двойной литературной принадлежности в рамках межлитературных общностей» касалось важной для темы обсуждения статьи Диониза Дюришина (1929–1997) «Методология изучения межлитературной общности славянских литератур» (российско-словацкий труд «Специфика литературных отношений. Проблемы изучения общности славянских литератур», 1994). В этой работе, указав на ограниченность историй национальных литератур, не учитывающих межлитературный контекст, Дюришин подвел некоторые итоги исследования межлитературных общностей — как традиционных (общность словацкой и чешской литератур, общность восточнославянских литератур, литератур южных славян и др.), так и особых (швейцарская, американская, среднеазиатская). Ученый представил выработанный им понятийный аппарат и инструментарий сравнительных исследований, включающий в себя помимо базового понятия межлитературных общностей и высшей их категории — мировой литературы — такие функции и формы межлитературных связей, как дифференцирующая, интегрирующая и комплементарная, понятие би- и полилитературности, двойной или множественной литературной принадлежности, а в рамках этого понятия — потенциальной, интенциональной формальной и асимметричной двойной или множественной принадлежности. Л. Ф. Широкова отметила, что впервые со своей концепцией Дюришин познакомил научное сообщество еще в 1967 г., опубликовав монографию «Проблемы литературной компаративистики», где он обозначил свои теоретические принципы, описал основные типы литературных отношений и связей (генетически-контактные и типологические), конкретизировал круг проблем сравнительно-литературного анализа — от выбора предмета исследования до функционирования «высших литературных образований». Говоря о типах литературных связей, словацкий ученый выделил понятие «литературная общность», имея в виду самую тесную форму существования двух или нескольких национальных литератур, в которой трудно различить типологические аналогии и контактные схождения в результате взаимопересечения литературных традиций и ценностей. Следствием этого, по Дюришину, является часто встречающаяся так называемая «двудомность» писателей или иных литературных явлений, например в словацкой и чешской или украинской и русской

литературах. В этой и последующих публикациях, где упоминается это понятие, Дюришин дал ссылку на статью автора термина «двудомность» Микулаша Бакоша (1914–1972) «К вопросам специфики связей словацкой и чешской литературы» (1963). О феномене «двудомности» (или двойной литературной принадлежности) Дюришин говорит и в своем фундаментальном труде «Теория литературной компаративистики» (1975), который с предисловием Ю. В. Богданова вышел в переводе на русский язык в 1979 г. под названием «Теория сравнительного изучения литературы».

Участники дискуссии обсудили все три доклада, однако более подробно остановились на том, какие же именно критерии стоит считать главными при определении литературной идентичности (родной язык, место рождения, этническую принадлежность автора и т. д.). Особенно актуальна ситуация с мультилитературной принадлежностью писателей на территории стран бывшей Югославии, о чем говорили в своих сообщениях Н. Н. Старикова, П. В. Королькова и другие.

Вторая встреча Дискуссионного клуба состоялась 7 ноября 2017 г. На этот раз темой обсуждения стал «Фактор массовой литературы в социокультурном пространстве Центральной и Юго-Восточной Европы». В сообщении **Т. Н. Постоева** (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») «Массовая литература как инструмент первичной социализации» были представлены основные функции массовой литературы в современном культурном пространстве. С точки зрения выступавшего, массовая культура хотя и деструктивно воздействует на общую культурную ситуацию в стране, однако играет важную адаптационную роль, являясь прежде всего инструментом первичной социализации, обучения самым общим навыкам современной цивилизации. Широко распространен негативный взгляд на массовую литературу, поскольку он связан с ее отождествлением с «низкой», некачественной литературной продукцией. Докладчик проанализировал, почему массовая литература воспринимается как антипод изящной словесности, как отвергаемая, относящаяся к «низовой» в литературной иерархии. Постоев обратил внимание, что нередко синонимом *массовой литературы* является *жанровая литература*, что не совсем верно. По его мнению, более продуктивно отождествлять понятия «массовая» и «тиражная» литература: нельзя сводить понятие массовой литературы лишь к набору жанровых формул, превалированию сюжета над всеми остальными уровнями художественной организации текстов. После перемен на рубеже веков большими тиражами стал публиковаться долгожданный

«русский мейнстрим» — действительно качественная литература, которая может быть востребована в самых широких читательских кругах и составить конкуренцию как низкой литературе, так и переводной беллетристике. Докладчик опирался на статистические данные и остановился более подробно на отдельных успешных произведениях. Так, детективы Б. Акунина уверенно теснили продукцию Д. Донцовой и Т. Устиновой. Мода на Л. Улицкую приняла всенародный характер (награждение Улицкой «Русским Букером» окончательно закрепило веру в то, что именно такого рода книги — массовые, но способные удовлетворить читателя, не утратившего вкуса к культурному чтению, — в скором будущем займут господствующее положение в отечественной прозе). В заключение Т. Н. Постоев высказал убеждение, что сегодня массовая литература является важным источником информации об ожиданиях читателя (например, о жанровых), о популярных авторских стратегиях, о состоянии и трансформациях языка, о повседневной жизни человека.

Выступление **Е. В. Шатько** (ИСл РАН) «Массовая литература. Определение, критерии, границы (на примере творчества М. Павича)», которая рассматривала особенности творчества известного сербского писателя, стало логичным продолжением программы встречи. Как и предыдущий докладчик, Е. В. Шатько обратила внимание на то, что очень часто массовая литература («тривиальная», «популярная», «паралитература») воспринимается читательской аудиторией как корпус «коммерческих» текстов, которые направлены на получение прибыли. Это служит основанием для противопоставления «рыночной», низкой и интеллектуальной, высокой литературы. Докладчик опиралась на мнение ученых, полагающих, что массовая литература зародилась еще во времена Просвещения, но начала активно развиваться на рубеже XIX–XX вв. В сообщении были представлены наиболее популярные определения термина (Н. А. Кузьминой, Ю. М. Лотмана, Р. Брауна, П. Бурдые). В современном литературоведении востребована идея синтеза двух типов литератур: массовая литература тем или иным образом цитирует писателей-классиков, выступая своего рода преемником литературной традиции; высокая же использует жанровые структуры тривиальной литературы. К характерным чертам массовой литературы были отнесены жесткие жанровые каноны, серийность, формульность, клише, повторяющиеся сюжетные ситуации, типы героев и др. Среди наиболее распространенных жанров массовой литературы докладчик выделила детектив, любовный, приключенческий и исторический роман. Проанализировав ряд примеров из творчества

М. Павича, Е. В. Шатько предположила, что в нем можно найти черты и элитарной, и массовой литературы. С первой Павича сближает наличие таких постмодернистских приемов, как формальный эксперимент, игра с читателем, интертекстуальность. Со второй — элементы детектива, шпионского романа, яркие китчевые образы, эротика. По мнению докладчика, именно этот сплав «высокого» и «низкого», вероятно, и спровоцировал огромный интерес к его творчеству как среди ценителей высокой литературы, так и у массового читателя. Бум популярности сербского автора в России во второй половине 1990-х гг. в немалой степени был подогрет отсутствием отечественной литературы подобного рода.

В заключительном сообщении **А. А. Амелиной** (ИСЛ РАН) «Идея чешской нации в утопических произведениях чешской межвоенной массовой литературы: ксенофобия как щит массовой национальной идеи» акцент был сделан на произведениях «неэлитарных» писателей Чехии периода между двумя мировыми войнами. По убеждению выступающей, чешскую литературу межвоенного периода отличает обилие утопических и в особенности антиутопических произведений, самые известные из которых принадлежат перу К. Чапека, И. Гауссмана, Я. Вайсса. В них авторы затрагивают проблемы гуманитарного кризиса, вызванного Первой мировой войной, и его причины, связанные с определенными общецивилизационными тенденциями развития человеческого общества, проецируют эти тенденции и в будущее. Массовая чешская литература того времени, по наблюдениям А. А. Амелиной, резко отличается тематикой и пафосом. Утопии и антиутопии, написанные неэлитарными писателями, выражают страхи их авторов не за мир во всем мире, а конкретно за чешскую государственность и ее стабильность, главную угрозу которой они видят в агрессии и вредительстве со стороны других народов — немцев, евреев и др. Интересно, что почти во всех этих произведениях практически не фигурируют словаки или они считаются чехами, что на фоне концепции новой чехословацкой конституции, где утверждается понятие «чехословацкий народ», весьма не случайно. Главным врагом у чешских утопистов выступают немцы, они пытаются воссоздать империю и захватывают весь мир. Например, в романе Душана Павла «Звезда мира», одном из самых радикально антинемецких, именно немцы массово травят чехов газом. Второе почетное место ненавидимых занимают евреи. Их обвиняют в злоупотреблении социалистическими идеями, манипулировании массами, в стравливании народов, причем, как правило, в пользу тех же немцев. Иногда в фор-

ме антиутопии выступают чисто антисемитские памфлеты. Русские тоже часто становятся героями чешских утопий, однако отношение к ним более противоречиво. С одной стороны, чехам импонировала победа социальной справедливости, с другой — революционный путь к ней вызывал явное отторжение. Антикоммунистам Советская Россия представлялась Русью, оккупированной кастой немцев и евреев. Подводя итог своему выступлению, А. А. Амелина подчеркнула, что лишённые космополитических абстракций элитарной литературы «массовые» авторы, отображая в своих текстах настроения и страхи общества и используя национальные стереотипы, порой гораздо более точно и однозначно прогнозируют его будущее развитие. Это характерно именно для антиутопий, ни одно собственно утопическое чешское произведение такого эффекта не достигло.

В ходе дискуссии внимание участников было сосредоточено на нескольких проблемах: в частности, был поставлен вопрос о способах разграничения элитарной и массовой литературы, корректности использования статистических данных при отсутствии возможности отследить реальное число читателей.

По итогам двух встреч Дискуссионного клуба было принято решение продолжать его работу в предложенном формате, к участию в новых дискуссиях приглашаются все заинтересованные в актуальных проблемах современного литературоведения.

Джордже Станкович (1944–2017)

*«Историки ближе к науке и истине,
если они адвокаты, а не прокуроры»*

Джордже Станкович¹

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.6.01

9 августа 2017 г. ушел из жизни наш сербский коллега и старший товарищ Джордже Станкович — экс-профессор Белградского университета; многолетний (1990–2012) заведующий кафедрой истории Югославии; блестящий исследователь жизни, мысли и дела крупнейшего политика независимой Сербии и Королевства сербов, хорватов и словенцев Николы Пашича...

Он родился 21 января 1944 г. в мультиэтничной среде Славонии (село Слобоштина) в семье с богатой партизанской традицией, благодаря чему с ранней юности у него сложилась определенная система ценностей, включавшая в себя и неформальное отношение к лозунгу «Братство — единство». Что, в свою очередь, наложило печать как на его дальнейшее научное определение, так и на восприятие трагических событий 1990-х гг., когда страна, истории которой он посвятил всю свою жизнь, перестала существовать. Наложились и личные впечатления: практически все родственники, проживавшие в Славонии, были вынуждены покинуть свою малую родину и перебраться в Сербию. Вполне естественно, что потеря вскормившей его «Золотой долины»² породила сильное чувство горечи и разочарованности, которое он пронес в себе до конца жизни.

Закончив среднюю школу и гимназию в своем краю, в 1962 г. Дж. Станкович поступил на Философский факультет Белградского университета (Историческое отделение), начав заниматься новейшей историей Югославии и Балкан. В 1966 г. он защитил диплом, в 1969 г. — кандидатскую диссертацию, а в 1979-м стал доктором наук с сочинением на тему «Никола Пашич и образование Югославянского государства (1914–1921)». Пройдя все ступени административно-педагогической лестницы, он в 1990 г. «дорос» до звания ординарного профессора, заняв одновременно и должность заведующего кафедрой³. По подсчетам его наследника, на данном посту, члена-корреспондента Сербской академии наук и искусств, профессора Любодрага Димича, коллега Станкович подготовил 212 дипломников, 23 кандидатов и 19 докторов наук. При этом «все они профессионально развивались в об-

становке полной свободы и духе научной толерантности», что всегда было характерной чертой его педагогического подхода.

Помимо образовательной деятельности, Дж. Станкович активно работал и в науке (причем в различных ее сегментах), выйдя на научную сцену Югославии еще в конце 1960-х гг. И вновь обратимся к подсчетам профессора Л. Димича. Так вот, всего на протяжении своей карьеры ученый опубликовал 7 книг (в 9 томах), посвященных Николе Пашичу и его вкладу в историю; 3 книги о процессе образования Югославии и той роли, которую сыграла в нем Сербия; 5 книг по теории и методологии исторической науки и истории современной историографии; и, наконец, 5 томов материалов по истории Белградского университета и студенческого движения новейшего времени. Его многочисленных статей мы здесь касаться не будем. Глубина и предельная четкость теоретико-методологического посыла, блестящее знакомство с иностранной литературой (профессор Станкович более двух лет провел на научных стажировках в Европе), редкая фундированность его трудов, что может считаться их «фирменным знаком», — все это позволяет им до сих пор оставаться крайне востребованными как в научном, так и в образовательном поле своей страны...

* * *

Из всей совокупности исследований Дж. Станковича выделим здесь блок его сочинений, посвященных различным аспектам жизни и деятельности Николы Пашича, что вполне объяснимо, имея в виду наши близко стоящие научные интересы. Он был первым и до конца жизни оставался самым крупным специалистом по данной теме, впервые подойдя к изучению личности Пашича, как «самостоятельной научной проблемы»⁴, что явилось очевидной методологической новацией. И вообще, до появления работ ученого о Пашиче тому явно не везло с историографией. В межвоенный период в отношении к нему (о подлинной науке говорить еще было рано, ибо переломные события недавнего прошлого не успели отойти в область истории, а былые раны едва ли зажили) столкнулись два подхода — глорификация сверх всякой меры и не менее концентрированная клевета. После прихода к власти коммунистов Тито Пашичу, как «самому яркому представителю консервативной великосербской буржуазии», по выражению академика Васы Чубриловича⁵, надолго было уготовлено место на задворках истории. И только Дж. Станкович, повторимся, открыл фазу реального изучения всей многослойной личности этого крупнейшего деятеля независимой Сербии и Первой Югославии.

Первым биографию Н. Пашича пожелал написать другой крупный сербский историк (впоследствии — член-корреспондент САНУ), Андрей Митрович, успевший даже заключить договор с престижным белградским издательством «Српска книжевна задруга» («Сербское литературное объединение»). Но не сложилось. По словам Радоша Люшича, «это была единственная книга, которую он планировал написать, но не написал»⁶. И действительно, логичнее, на наш взгляд, было бы, чтоб за дело принялся именно Дж. Станкович, совсем недавно защитивший докторскую диссертацию о «балканском Черчилле». Так и получилось — в результате в 1984 г. появилась первая научная монография о нем: «Никола Пашич, союзники и образование Югославии»⁷. Ну а затем, как из рога изобилия, «посыпались» другие труды ученого о Пашиче (раскроем здесь сухой список Л. Димича) — 2 монографии (в 3 томах)⁸, 3 собрания источников (в 4 томах)⁹, 1 тематический сборник статей¹⁰.

Немалое значение работ профессора Станковича о Пашиче заключается в том, что в них представлен четкий и отработанный автором до мелочей методологический арсенал, с помощью которого в ходе исследования личность его героя поворачивается к нам совершенно новыми гранями. Так, сначала были определены параметры личности: «По тому, что он внес в исторический процесс, какой след оставил после себя и сколь велик объем сохранившейся о нем информации, Никола Пашич скорее походит на целую общественную институцию, чем на отдельно взятое историческое явление»¹¹. И далее следует окончательный вывод: «Как историческая личность Никола Пашич представляет собой научный вызов, которому трудно найти аналог в историографиях развитых стран»¹². Это, так сказать, осознание на микро- (т.е. индивидуальном) уровне; а теперь автор переходит на макро- (типологически-универсальный) уровень: «В отсталых крестьянских странах, каковыми являлись Сербия и Югославия, роль личностей, стоящих во главе движений и партий, и их влияние на общественное развитие куда более весомы, чем в развитых гражданских обществах»¹³. Эти выведенные Дж. Станковичем «чеканные формулы» придают его объяснениям мысли и дела Пашича глубокий и системный характер, чего до него никогда не наблюдалось.

Работая над собственными текстами об «общем» персонаже, мы с благодарностью использовали теоретические наработки старшего коллеги, неоднократно убеждаясь в их точности.

Наконец, прекрасное знание общего контекста и мощная историческая интуиция позволяли профессору Станковичу делать выводы

(опять же на уровне формул), которые после серьезных эмпирических исследований полностью подтверждались. Так, не обладая, например, в силу известных причин, доступом к русским материалам, он тем не менее сумел увидеть в русофильстве Николы Пашича то, чего до него никто не замечал: «Поиск опоры в России имел для Пашича более глубокий смысл, чем тот, каковым руководствовались его предшественники»¹⁴. Мы неоднократно исследовали мотивы глубокого прорусского определения политика, пользуясь как сербскими, так и русскими источниками. Так вот, наряду с чисто политической необходимостью, что сразу же бросается всем в глаза (помощь в обеспечении независимости Сербии и — в перспективе — в процессе «собирания» всех еще не освобожденных сербских земель), русофильство Пашича отличалось еще одним важнейшим компонентом — мощнейшей цивилизационной привязкой к России¹⁵, что легко доказать его же собственными словами: «В непрестанной борьбе Запада с Востоком сербский народ всегда был на стороне Востока!..»

* * *

«Помощь дважды дорога, когда она оказана вовремя», — говорили древние. Профессор Дж. Станкович хорошо знал, когда следует ее оказывать, чтобы она имела максимальный эффект. Мы познакомились с ним в 1989 г.: я находился в Белграде на полугодовой стажировке для написания кандидатской диссертации; его же новаторские книги гремели тогда в сербской науке, меняя во многом представления о Пашиче и его роли в процессе образования Югославии. Он принял меня крайне благосклонно, надавал массу драгоценных советов, одарил своими работами, сориентировал — в общем, с ходу заложил фундамент для моей работы, что позволило не тратить время на первичное освоение научного поля. Мы уже упоминали, что его отношение к «младшим чинам» было доброе и товарищеское, он не терпел научного эгоизма и не был сторонником монополизма. Ему явно нравилось, а где-то даже льстило, что молодой историк из-за границы занимается тем же Пашичем, причем заинтересованно и упорно, что было сложно не заметить.

И вот однажды он пригласил меня зайти в Архив Сербии. Пока мы пили лучший в Белграде кофе (за столиком под центральной лестницей), заведующий хранилищем и прекрасный знаток архивных фондов Любодраг Попович переносил какие-то коробки из хранилища в читальный зал. Оказалось, что несколько лет назад коллеги Станкович и Попович обнаружили в подвале особняка Пашича (ул.

Французская, 7) два мешка его рукописных материалов. Они были помещены в Архив Сербии (в те самые коробки — числом 8), но, разумеется, в самом произвольном порядке, даже без первичной архивной обработки и пагинации. Выдавать читателям в таком виде их было нельзя. Профессор Станкович, как первооткрыватель этого богатства, конечно же, использовал его в своих первых книгах. Вторым пользователем, минуя все официальные процедуры, оказался я. Л. Попович по просьбе Дж. Станковича предоставил мне новейшие материалы Пашича буквально на два дня. За это время удалось снять сливки с данного эксклюзивного собрания, и текст диссертации, а затем и монография, написанная на ее базе, буквально заблистали никому ранее не ведомыми источниками.

В дальнейшем наши теплые и дружеские отношения продолжались, пока не грянула печальная весть — профессор Джордже Станкович скорострительно скончался... В настоящее время мы продолжаем работать над монографией «Балканский детектив. Никола Пашич в эмиграции: Болгария, Румыния, Россия (1883–1889)», которую хотим посвятить нашему ушедшему старшему товарищу.

*А. Л. Шемякин
(Москва)*

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Станковић Ђ.* Никола Пашић и Југословенско питање. Београд, 1985. Књ. 1. С. 27.

2 *Станковић Ђ.* Егзодус Срба «Златне долине» // *Изазови нове историје.* Књ. 2. Београд, 1994. С. 11–170.

3 *Енциклопедија југословенске историографије.* Београд, 1997. С. 647–648.

4 *Станковић Ђ.* Никола Пашић и Југословенско питање. Књ. 1. С. 29.

5 *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији XX века. Београд, 1958. С. 453.

6 *Љушић Р.* Апостол српске историографије Андреј Митровић (1937–2013). Сећање на професора и колегу // *Љушић Р.* Ангажована историографија. Књ. 3. Београд, 2016. С. 163.

7 *Станковић Ђ.* Никола Пашић, савезници и стварање Југославије. Београд, 1984 (2-е расширенное и дополненное издание — *Зајечар*, 1995).

8 *Станковић Ђ.* Никола Пашић и Југословенско питање. Књ. 1–2; *Станковић Ђ.* Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995.

9 *Пашић Н.* Слога Србо-Хрвата / Приред Д. Станковић. Београд, 1995; Никола Пашић у Народној скупштини. Књ. 4 / Приред. Д. Станковић. Београд, 1997; Сто говора Николе Пашића. Вештина говорништва државника. Књ. 1–2 // Приред. Д. Станковић. Београд, 2007.

10 *Станковић Б.* Никола Пашић. Прилози биографији. Београд, 2007.

11 *Станковић Б.* Искушења југословенске историографије. Београд, 1988. С. 245.

12 *Станковић Б.* Никола Пашић и парламентаризам у Србији и Југославији // Историја 20. века. Београд, 1996. С. 11.

13 *Станковић Б.* Никола Пашић и Југословенско питање. Књ. 1. С. 25.

14 Там же.

15 Подробнее см.: Никола Пашич и Россия: из истории взаимоотношений // *Istraživanja*. Br. 27. Novi Sad, 2016. S. 200–224.

Душан Т. Батакович (1957–2017)

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.6.02

Смерть вырывает из жизни всегда неожиданно и всегда для нас самых лучших и дорогих. Мы продолжаем скорбеть в связи с безвременным уходом члена редколлегии журнала «Славянский альманах», директора Института балканистики Сербской академии наук и искусств, известного сербского историка и дипломата Душана Т. Батаковича.

Всего лишь год назад мы вместе с коллегами из Института балканистики САНИ радовались его избранию и утверждению, вопреки всем привнесенным политическим обстоятельствам, директором Института на очередной срок, желали ему продолжения стабильной работы и выполнения всего задуманного. И совсем недавно, в апреле, торжественно отметили его 60-летие. Горько сознавать, что этот юбилей оказался последним.

Родившись в Белграде в 1957 г. и с юности заинтересовавшись прошлым Сербии и сербского народа, он знал, что будет историком, и хотел им быть. После обучения в отделении истории на Философском факультете Белградского университета и защиты дипломной работы в 1982 г. он почти десять лет (с марта 1983 г. до декабря 1992 г.) занимался научными исследованиями в Историческом институте САНИ, а затем — в Институте балканистики САНИ. Помимо свежего взгляда на историю своего народа молодой Батакович запомнился своим коллегам игрой в большой теннис и отказом вступить в ряды Союза коммунистов Югославии, монопольно правившей в те годы политической партии, что, впрочем, не помешало ему успешно завершить постдипломное обучение (аспирантуру) на Философском факультете Белградского университета. В апреле 1988 г. им была защищена написанная под руководством проф. Радована Самарджича магистерская работа «Дечанский вопрос (1903–1911 гг.)».

Степень доктора истории Батакович получил уже во Франции, после пяти лет (октябрь 1991 — октябрь 1996 гг.) стажировок и обучения на докторских программах парижской Сорбонны (Université de Paris — Sorbonne, Paris IV). Защита докторской диссертации (*magna cum laude*) на тему «La France et la formation de la démocratie parlementaire en Serbie 1830–1914» («Франция и формирование парламентской демократии в Сербии в 1830–1914 гг.») состоялась в январе

1997 г. К защите им был представлен двухтомный труд объемом в 860 страниц. Научная деятельность Батаковича во Франции и Сербии в те годы органично сочеталась с издательской на родине (член редакции «Книжевних новина» 1991–1998 гг., а также член Управляющего комитета издательства «Српска книжевна задруга» и его Президиума, 1996–1999 гг.

В апреле 1998 г. Батакович был избран доцентом Философского факультета Белградского университета по кафедре всеобщей истории Нового времени, в сферу его ответственности входило преподавание учебных курсов «Введение в исторические исследования» и «Всеобщая история нового времени» (для студентов социологии). На факультете Батакович преподавал до января 2001 г., когда был назначен послом СР Югославии в Греции и Армении.

Дипломатическая служба для сербских ученых-гуманитариев, писателей и литераторов никогда не являлась чем-то необычным, и Д. Батакович не первый и не последний известный сербский историк, который, став дипломатом, не перестал быть ученым-исследователем. Дипломатическая служба не стала помехой его научным интересам, многократно увеличив возможности для гуманитарных контактов, расширения ареала исследований, публикации их результатов, сильной помощи коллегам-историкам. Дневные часы отдавались защите интересов страны, ночные — изучению материалов и написанию научных текстов. Тогда же к прежней публицистической деятельности добавилась и работа над документальным сериалом «Црвено доба» («Красный период»), созданным вместе с группой молодых сербских историков. В тот же период окончательно закрепился и интерес к королевской Югославии, идее возвращения на престол в Сербии династии Карагеоргиевичей, подкрепленный домашними традициями его семьи.

Завершение дипломатической службы Батаковича в Греции (2001–2005 гг.) органично сменилось первым его избранием директором Института балканистики САНИ (с 1 октября 2005 до 1 октября 2007 г.). В те годы он также являлся главным редактором журнала «Balcanica» и других институтских изданий. В те же годы было начато руководство научным проектом «История политических идей и институтов на Балканах в XIX–XX вв.». Работы по этому проекту не прекращались и после новых назначений Батаковича послом в Канаде (2007–2009 гг.) и Франции (2009–2012 гг.). К этому периоду относятся и его деятельность в национальной Комиссии по Косову и Метохии, а также исполнение функций главы делегации Сербии в Международном суде в Гааге. Нет

преувеличения в утверждениях о том, что научные труды профессора Батаковича по истории Сербии и балканского пространства в целом XIX–XX вв., с разработкой таких тем, как «Дечанский вопрос», деятельность И. Гарашанина, многосторонние аспекты прошлого Косова и Метохии (книги по этой теме выходили на шести иностранных языках), развитие парламентаризма в Сербии; многослойные процессы, предшествовавшие Первой мировой войне и в годы этой Великой войны, а также по методологии исторического исследования вызывают интерес в наши дни и их ожидает долгая научная жизнь. Более чем отраднo, что за последние годы число его личных научных монографий и тех коллективных академических изданий, которые выходили под его редакцией и по его инициативе, значительно возросло. Он явно спешил. В начале 2015 г. знаменитый сербский хирург, сделавший очередную операцию на его сердце, перед ее проведением предупредил, что шансов на успех — не более 30% (многие знаменитые хирурги в Европе не брались за эту операцию). Именно с тех пор любимой поговоркой Батаковича (но только для ближайших друзей) стали слова: «Если я утром проснулся — то уже победил». В 2016 г. свет увидели две его книги: «Расшифровка прошлого. Писатели, свидетели, явления» (*Дешифровање прошлости. Писци, сведоци, појаве*. Београд, 2016, 436 с.) и «Сербия и Балканы: Албания, Болгария, Греция. 1914–1918» (*Србија и Балкан. Албанија, Бугарска, Грчка 1914–1918*. Нови Сад; Београд, 2016, 572 с.). Обе работы достойны того, чтобы с ними в переводе познакомилась российская читателя.

Отдельно стоит отметить написание и публикацию его книг по истории и культуре Сербии на иностранных языках. Каждый раз тонко рассчитанные на свою целевую аудиторию и определенную проблему, они оказывали и продолжают оказывать серьезное влияние за пределами Сербии, препятствуют искажению прошлого сербского народа, срывая расчетливые планы тех, кто столетиями стремился его извратить. Эти издания помогают заполнению лакун и устранению вредных мифов, популяризации истории сербского народа среди студентов и молодежи, широких кругов любителей прошлого за границами славянского мира. Венцом этой деятельности стало участие Батаковича в подготовке блестяще иллюстрированного энциклопедического издания «The Christian Heritage of Kosovo and Metohija. Historical and Spiritual Heartland of Serbian People» (Los Angeles, 2016. 1007 p.) — чрезвычайно успешного совместного проекта Института балканистики САНИ и Православной теологической школы в Белграде. Функцию главного редактора издания исполнил

епископ Максим Васильевич, а на долю Батаковича выпала участь основного автора и редактора текстов.

Для нас особо значимым было и то, что статьи Батаковича публиковались в российских научных сборниках и журналах на русском языке, причем их количество в последние годы заметно увеличилось. Знаменательным явлением стала публикация Университетом Екатеринбургa (при самом деятельном участии историка Сербии и Югославии Ю. С. Кирьякова) книги о Косово и Метохии ("Косово и Метохия. История и идеология, 2015 г.). Ее выход стал ярким и значительным научным и общественным событием. Презентация труда состоялась в Москве в Институте славяноведения РАН. Каждый приезд в Москву профессора Батаковича для участия в научных мероприятиях, презентации новых изданий или чтения лекций становился ярким и надолго запоминающимся событием, стимулирующим выбор новых тем для изучения и академического взаимодействия с российскими историками. Он же, в свою очередь, искренне радовался каждому такому событию и с глубочайшей ответственностью подходил к каждому из них.

Безусловно важным также было тесное взаимодействие и сотрудничество в рамках Международной ассоциации по изучению Юго-Восточной Европы, в которой коллега Батакович являлся одним из вице-президентов и постоянным автором творческих научных идей и исследовательских проектов на самом гребне свежих веяний, реализовавшихся как в рамках региона, так и с участием исследователей-балканистов ведущих мировых научно-исследовательских центров и университетов.

Наши Институты поддерживали научные контакты десятилетиями, но с участием Батаковича как директора двустороннее сотрудничество со всей очевидностью заиграло свежими красками, обогатившись как новыми яркими идеями, так и последовательностью в их выполнении. Директорские годы Батаковича в руководстве Института балканистики САНИ позволили развить и укрепить наши академические контакты, добавить нашим связям дополнительной динамики, скомпенсировав ущерб, который нанесли им прекращение традиционных академических научных обменов и эксперименты с преобразованиями. Несомненно, было бы желательным, чтобы все эти положительные тенденции, набравшие положительную инерцию при участии Батаковича, сохранялись и приобрели необратимый характер и в последующие годы.

Душан Батакович навсегда останется в нашей памяти и наших сердцах. Ученый-исследователь и издатель, талантливый просвети-

тель и яркий менеджер-управленец, видный дипломат и защитник национальных интересов сербского народа, самозабвенный популяризатор сербской современной культуры и знаменитый библиофил, тонкий ценитель искусства и музыки, внимательный и заботливый отец для своих детей и строгий, но справедливый профессор для студентов-гуманитариев — таким он был и таким мы его помним.

Вне всякого сомнения, следует приветствовать идею его сербских и зарубежных коллег о том, чтобы столь тщательно и с огромной любовью собиравшаяся Д. Батаковичем на протяжении последних десятилетий во многих странах мира коллекция научных материалов, книг и предметов искусства, несомненно, в настоящее время самое полное современное собрание такого рода, была сохранена как единое целое. Возможно, что лучшим решением для этого могло бы стать учреждение национального Фонда Душана Батаковича. Замечательно, что в академическом научном сообществе Сербии со всей серьезностью относятся к задаче сохранения собранного и приумноженного Батаковичем наследия по истории сербского народа.

*А. Б. Едемский
(Москва)*

Сведения об авторах

Адельгейм Ирина Евгеньевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. adelgejm@yandex.ru

Амелина Анна Вячеславовна — младший научный сотрудник отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН. anna.v.amelina@mail.ru

Байдалова Екатерина Викторовна — научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. kuzmukk@mail.ru

Барабанов Олег Андреевич — соискатель Института славяноведения РАН. barabanow@list.ru

Борисёнок Юрий Аркадьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. rodina2001@mail.ru

Боровков Дмитрий Александрович — соискатель Историко-архивного института РГГУ. unlibri@mail.ru

Валенцова Марина Михайловна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. mvalent@mail.ru

Ващенко Дарья Юрьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН. daranis@mail.ru

Виноградова Людмила Николаевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. Inv36@yandex.ru

Ганин Андрей Владиславович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. andrey_ganin@mail.ru

Гибианский Леонид Янович — старший научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. gibianskii@mtu-net.ru

Дронов Александр Михайлович — младший научный сотрудник отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время. dronov938@rambler.ru

Дронов Михаил Юрьевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. mikhaildronov@rambler.ru

Едемский Андрей Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. and-edem@yandex.com

Ежова Светлана Алексеевна — кандидат исторических наук, главный библиограф Научно-библиографического отдела Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского КФУ (Казань). sezhova@mail.ru

Колосков Евгений Андреевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений СПбГУ. eakoloskov@gmail.com

Короткова Дарья Юрьевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. dasza1981@yandex.ru

Лунькова Наталья Александровна — младший научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. lunkova_n@mail.ru

Маньков Сергей Александрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Царское Село». mankov21@mail.ru

Михайлов Андрей Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. batukom@mail.ru

Михайлов Вадим Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения. batukom@mail.ru

Мошечков Петр Владимирович — аспирант исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. pmoshechkov1993@gmail.com

Наумов Николай Николаевич (Москва) — аспирант исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. nn-naumov@mail.ru

Никифоров Константин Владимирович — доктор исторических наук, директор Института славяноведения РАН. inslav@inslav.ru

Озерова Анна Сергеевна — аспирантка исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. annikays@yandex.ru

Перушко-Виндакиевич Ивана — доцент кафедры русской литературы философского факультета Загребского университета. iperusko@ffzg.hr

Пилипенко Глеб Петрович — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН. glebpilipenko@mail.ru

Седакова Ирина Александровна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдел типологии и сравнительного языкознания и Центра лингвокультурных исследований BALCANICA Института славяноведения РАН. irina.a.sedakova@gmail.com

Сидоренко Алексей Владимирович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета. alexseysidorenkoff@gmail.com

Сопов Владислав Игоревич — аспирант исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. sopich2007@yandex.ru

Старикова Надежда Николаевна — доктор филологических наук, зав. отделом современных славянских литератур стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. nstarikova@mail.ru

Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. zhurslav@mail.ru

Флоря Борис Николаевич — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, зав. отделом истории средних веков Института славяноведения РАН. sredveka_inslav@land.ru

Шатько Евгения Викторовна — младший научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. eshatko@gmail.com

Шевченко Кирилл Владимирович — доктор исторических наук, профессор Минского филиала Российского государственного социального университета. shevchenkok@hotmail.com

Шемякин Андрей Леонидович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН.

Широкова Людмила Федоровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. shigocco@mail.ru

Ясинская Мария Владимировна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. marusiaya@gmail.com

About the authors

Adel'gejm Irina Evgen'evna — Doctor of Letters, leading research fellow, Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. adelgejm@yandex.ru

Amelina Anna Vjačeslavovna — junior research fellow, Department of History of Slavic Literatures, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. anna.v.amelina@mail.ru

Bajdalova Ekaterina Viktorovna — research fellow, Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. kuzmukk@mail.ru

Barabanov Oleg Andreevič — doctoral candidate, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. barabanow@list.ru

Borisenok Jurij Arkad'evič — Candidate of History, associate professor, Chair of history of South and West Slavs, Department of History, Lomonosov Moscow State University. rodina2001@mail.ru

Borovkov Dmitrij Aleksandrovič — doctoral candidate, Historical-Philological Faculty, Russian State University for the Humanities. unlibri@mail.ru

Dronov Aleksandr Mihajlovič — junior research fellow, Department of Modern History of Slavic Peoples in Central Europe. dronov938@rambler.ru

Dronov Mihail Jur'evič — Candidate of History, research fellow, Department of Eastern Slavic Studies, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. mikhaildronov@rambler.ru

Edemskij Andrej Borisovič — Candidate of History, senior research fellow, Department of Contemporary History of Central and South-Eastern Europe. and-edem@yandex.com

Ežova Svetlana Alekseevna — Candidate of History, main bibliographer, of the Department of Academic Bibliographies, N. I. Lobachevsky Academic Library, Kazan Federal University

Florja Boris Nikolaevič — Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, head of the Department of Medieval History, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. sredveka_inslav@land.ru

Ganin Andrej Vladislavovič — Doctor of History, leading research fellow, Department of Slavic History of the World Wars Period, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. andrey_ganin@mail.ru

Gibianskii Leonid Yanovich — senior research fellow, Department of Slavic History of the World Wars Period, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. gibianskii@mtu-net.ru

Jasinskaja Marija Vladimirovna — Candidate of Letters, research fellow, Department of Ethnolinguistics and Folklore, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. marusiaya@gmail.com

Koloskov Evgenij Andreevič — Candidate of History, senior assistant, Chair of Theory and History of International Relations, Saint Petersburg State University. eakoloskov@gmail.com

Korotkova Dar'ja Jur'evna — Candidate of History, research fellow, Department of Eastern Slavic Studies, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. dasza1981@yandex.ru

Lun'kova Natal'ja Aleksandrovna — junior research fellow, Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. lunkova_n@mail.ru

Man'kov Sergej Aleksandrovič — Candidate of History, research fellow, State Museum and Heritage Site “The Tsarskoe Selo”. mankov21@mail.ru

Mihajlov Andrej Aleksandrovič — Doctor of History, professor, Chair of History, Saint Petersburg Polytechnic University. batukom@mail.ru

Mihajlov Vadim Viktorovič — Doctor of History, professor, Chair of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. batukom@mail.ru

Moshechkov Petr Vladimirovich — PhD student, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. pmoshechkov1993@gmail.com

Naumov Nikolaj Nikolaevič — PhD student, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. nn-naumov@mail.ru

Nikiforov Konstantin Vladimirovič — Doctor of History, director, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. inslav@inslav.ru

Ozerova Anna Sergeevna — PhD student, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. annikays@yandex.ru

Peruško-Vindakijević Ivana — associate professor, Chair of Russian Literature, Faculty of Philosophy, University of Zagreb. iperusko@ffzg.hr

Pilipenko Gleb Petrovič — Candidate of Letters, Department of Slavic Linguistics, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. glebpilipenko@mail.ru

Sedakova Irina Aleksandrovna — Doctor of Letters, Head of the Department of Typology and Comparative Linguistics in the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. irina.a.sedakova@gmail.com

Sidorenko Aleksej Vladimirovič — Candidate of Letters, associate professor, Chair of Russian Language, Sterlitamak branch of the Bashkiria State University. alexeysidorenkoff@gmail.com

Sopov Vladislav Igorevič — PhD student, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. sopich2007@yandex.ru

Starikova Nadežda Nikolaevna — Doctor of Letters, the head of the Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. nstarikova@mail.ru

Stykalin Aleksandr Sergeevič — Candidate of History, leading research fellow, Department of Slavic History of the World Wars Period, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. zhurslav@mail.ru

Šat'ko Evgenija Viktorovna — junior research fellow, Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences.

Ševčenko Kirill Vladimirovič — Doctor of History, professor, Minsk branch of the Russian State Social University. shevchenkok@hotmail.com

Šemjakin Andrej Leonidovič — Doctor of History, chief research fellow, Department of Slavic History of the World Wars Period, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences.

Širokova Ljudmila Fedorovna — Candidate of Letters, senior research fellow, Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. shirocco@mail.ru

Valentsova Marina Mihajlovna — Candidate of Letters, senior research fellow, Department of Ethnolinguistics and Folklore, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. mvalent@mail.ru

Vašenko Dar'ja Jur'evna — Candidate of Letters, senior research fellow, Department of Slavic Linguistics, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. daranis@mail.ru

Vinogradova Ljudmila Nikolaevna — Doctor of Letters, leading research fellow, Department of Ethnolinguistics and Folklore, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. Inv36@yandex.ru

Научное издание

Славянский альманах

1-2 2018

Издательство «Индрик»

Начиная с 2019 года в нашем журнале вводятся новые правила представления рукописи, доступные по электронному адресу:
<http://inslav.ru/page/pravila-napravleniya-i-opublikovaniya-nauchnyh-statey-v-zhurnale-slavyanskiy-almanah>

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 938-01-00
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.
This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
27,5 п. л. Тираж 400 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87